

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
118

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ФЕРГАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 118

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1962 — ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР № 118

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

**ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА ФЕРГАНЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1962 — ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. М. МАССОН

Юрий Александрович Заднепровский
ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ФЕРГАНЫ

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Издательства *Л. А. Карпова*. Художник *В. В. Грибалин*. Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *М. П. Зажигина*, *А. X. Салтанова* и *Г. В. Трекало*

Сдано в набор 17/IV 1962 г. Подписано к печати 1/VIII 1962 г. РИСО АН СССР № 106—87Б. Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бум. л. 10^{2/3}. Печ. л. 20^{2/3} = 34,03 усл. печ. л. + 3 вкл. Уч.-изд. л. 35,09 + 3 вкл. (0,25). Изд. № 1702. Тип. зак. № 653.
М-37447. Тираж 1200. Цена 2 р. 41 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ОТ РЕДАКТОРА

Ферганская долина является одним из богатейших земледельческих оазисов Средней Азии. Работы советских археологов показали, что оседло-земледельческая культура Ферганы восходит к весьма глубокой древности, и позволили подойти к изучению истории Ферганы II—I тыс. до н. э., еще недавно бывшей белым пятном в истории племен и народностей Средней Азии. Среди исследователей прошлого Ферганской долины следует упомянуть Б. А. Латынина, открывшего городище Эйлатаи, В. И. Спришевского, производящего систематические раскопки Чустского поселения, Н. Г. Горбунову и В. З. Гамбурга, изучавших могильники эпохи бронзы и раннего железа, А. П. Окладникова и Б. А. Литвинского, обнаруживших поселения андроновского типа в Кайрак-Кумах.

В настоящей книге Ю. А. Заднепровский публикует материалы, полученные им при раскопках важных памятников Ферганы II—I тыс. до н. э. — поселений Дальверзин и Шурабашат, а также ряда других объектов. Кроме того, дается краткий обзор материалов, происходящих с памятников, исследованных другими археологами. Наряду со систематизацией и классификацией археологических материалов автор на их основе с привлечением довольно скудных данных письменных источников предлагает общий очерк истории Ферганы II—I тыс. до н. э.

Возможно не все выводы и положения, отражающие точку зрения автора книги, будут безоговорочно приняты исследователями, изучающими прошлое Ферганы и других областей Средней Азии. Однако эти выводы и положения, как правило, подтверждаются соответствующей аргументацией и их выдвижение иногда как устоявшейся точки зрения, иногда как гипотезы вполне обосновано. Естественно, что в соответствии с характером имевшихся материалов этот очерк далеко не во всех чертах обладает желательной полнотой. Так, например, рас-

смотрение вопросов общественного строя затруднено слабой изученностью планировки жилых домов и поселений в целом. В первую очередь это касается таких узловых памятников, как Дальверзинское и Чустское поселения и городище Шурабашат.

Целый ряд проблем, возникающих в связи с изучением прошлого Ферганы, несомненно требуют дальнейшего изучения. Так, положение Ю. А. Заднепровского о том, что общество Ферганы конца II—начала I тыс. до н. э. по уровню своего развития соответствует авестийскому, вызывает известные сомнения. Нам представляется, что в большей мере обществу Авесты соответствует картина, наблюдаемая в таких несравненно более развитых, чем Фергана (что отмечает и Ю. А. Заднепровский), областях, как Мидия, Бактрия, Маргиана и Дрангиана. Фергана чустской культуры с ее бесцитадельными поселениями, выделяемой от руки глиняной посудой, слабо развитой сырцовой архитектурой являлась окраиной мира среднеазиатских земледельцев, когда Зороастр произносил свои страстные проповеди при дворе одного из дрангиано-маргианских (?) князьков — Вишгаспы.

Наряду с отдельными параллелями, отмечаемыми Ю. А. Заднепровским, между расписной керамикой чустской культуры и посудой центральноиндийского энеолита весьма значительны также и различия обоих керамических комплексов (изготовление индийской керамики с помощью гончарного круга, наличие там в росписи рисунков людей и животных и др.). За исключением керамических аналогий культура энеолита Центральной Индии имеет мало общего с Ферганой чустского времени.

Такой ограниченный характер аналогий заставляет пользоваться ими с особой осторожностью.

Особенно остро стоит проблема общественных отношений в Фергане середины

I тыс. до н. э.—середины I тыс. н. э. Ю. А. Заднепровский вполне справедливо, вслед за почти всеми советскими историками и археологами, считает, что это было время развития рабовладельческих отношений. Вместе с тем, всякие рассуждения о роли рабовладельческого уклада и значения сельских общин в Средней Азии этого времени за отсутствием данных источников носят схоластический характер. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что как в эйланский, так и в шурабашатский периоды (по терминологии Ю. А. Заднепровского) Фергана в ряде явлений экономики и культуры уступала таким областям, как Бактрия, Согд, Парфия и Маргиана. Возможно, что уровень развития общественных отношений в Ферганской долине был иным, чем в наи-

более передовых областях древней Средней Азии.

Уже сам характер всех этих вопросов лишний раз свидетельствует, насколько важны и интересны исторические проблемы прошлого Ферганской долины, которому посвящена работа Ю. А. Заднепровского. Еще пятнадцать лет назад сама постановка вопроса о возможности такой работы была нереальной: соответствующие материалы попросту отсутствовали. Их открытие — результат археологических изысканий последних лет, и появление книги Ю. А. Заднепровского в этом отношении является одним из отражений успехов археологии наших среднеазиатских республик.

В. М. Массон

ВВЕДЕНИЕ

Описание памятников древнейшего прошлого Ферганы и изложение основных этапов развития хозяйства и культуры ее в период бронзы и железа составляет содержание данной книги.

Ферганской долиной, или Ферганой, называют межгорную котловину в верхнем течении Сыр-Дарьи и ее истоков, окаймленную высокими горами. Границы ее проходят на севере по Чаткальскому, на востоке — Ферганскому и на юге — Алайскому и Туркестанскому хребтам. Наибольшая длина ее около 300 км, ширина от 60 до 140 км. Площадь долины равна 22.2 тыс. кв. км. В Фергане по характеру рельефа поверхности выделяют четыре географические зоны: 1) центральную пустынно-степную часть, 2) равнинную, 3) предгорную и 4) высокогорную.

Центр долины занимает Кара-Калпакская степь с участками подвижных песков, солонцеватыми озерами и зарослями камыша. Пустынные участки находятся также на правом берегу Сыр-Дарьи (пески Кайрак-Кум). По краям первой зоны и вдоль горных хребтов протянулась широкая полоса земледельческих оазисов, которые составляют вторую зону. Земледелие сосредоточено в основном в равнинной зоне Ферганы, а также в долинах многочисленных рек и саев, спускающихся со склонов окружающих гор.

В Фергане имелись все необходимые естественно-географические условия для жизни человека и для развития земледельческой культуры: плодородные почвы, благоприятные климатические условия и обилие водных ресурсов. Все это в значительной мере способствовало появлению и развитию здесь оседло-земледельческой культуры с самых древнейших времен.

В древности Фергана составляла самостоятельную историко-культурную область, подобно Согду, Бактрии, Хорезму и др. В результате тесных связей и общности исторических судеб сложилась определенная

культурная общность населения ее. В Средней Азии Фергана занимает периферийное положение. Но это не означает, что она находилась в стороне от исторических событий в других областях Средней Азии. Тесно было связано население Ферганы с соседними племенами Тянь-Шаня, Семиречья и Ташкентского оазиса. В рассматриваемое время можно проследить культурные связи между Ферганой и такими отдаленными областями и странами, как Южная Туркмения, Иран и, вероятно, Центральная Индия. Имеются основания предполагать взаимное общение между Ферганой и Синьцзяном (Китаем). Таким образом, Фергана не была изолирована, и составить представление об особенностях развития культуры и истории ее можно лишь на широком историко-культурном фоне. Вместе с тем, изучение культуры и истории древней Ферганы, как и других историко-культурных областей, позволяет вскрыть конкретные пути сложения и развития культуры племен и народов Средней Азии и тем самым приблизиться к решению основной задачи исторической науки — изучению конкретной истории народа, создателя всех материальных и культурных ценностей.

Известно, что сведения письменных источников о древней Фергане крайне малочисленны и содержат лишь отрывочные данные о хозяйстве, культуре и политической истории населения ее. Ввиду ограниченности их, большое значение приобретают археологические материалы, которые для эпохи бронзы и раннего железа являются основными источниками при изучении культуры и истории страны. К тому же количество их из года в год неуклонно возрастает.

Археологическое изучение Ферганы начинается еще в конце XIX в. Но вопрос о существовании здесь памятников бронзового века впервые был поставлен Б. А. Латыниным в связи с открытием крашеной керамики на Эйлтанском городище в 1933—

1934 гг. (Латынин, I, 19356, 19616).¹ Архаический облик посуды и наличие раскраски послужили основанием для сопоставления ее с комплексом культуры Анау I в Южной Туркмении и соответственно для отнесения Эйлатана к раннему периоду истории Ферганы — к концу III—II тыс. до н. э. Дальнейшие исследования позволили установить, что первоначальная датировка Эйлатана была сильно занижена Б. А. Латыниным. Несмотря на это, выделение в начале 30-х годов эйлтанского комплекса как одного из ранних в Фергане является бесспорной заслугой Б. А. Латынина. Ему же принадлежит первая, правда еще весьма схематическая, периодизация культуры Ферганы (Латынин, I, 19356). В своих работах он обратил основное внимание на изучение истории древней ирригации, которая в древности определяла развитие земледельческой культуры Ферганы (Латынин, I, 1935а).

Большую роль в накоплении материалов по культуре эпохи бронзы и железа сыграли археологические работы на строительстве БФК, СФК и ЮФК (М. Е. Массон, I, 1939а, 1939б, 1939г, 1939д, 1940; Оболдуева, I, 1940, 1951; Жуков, I, 1940, 1951; Гулямов, I, 1951).

Новый этап в изучении Ферганы составили работы Памиро-Алайской археологической экспедиции (1946—1948 гг.) и особенно Памиро-Ферганской комплексной экспедиции (1950—1952 гг.), которыми руководил А. Н. Бернштам. В 1950 г. отряд этой экспедиции, руководимый М. Э. Воронцом, открыл возле г. Чуст поселение, относящееся к эпохе бронзы (Воронец, I, 1951а, 1954). Открытие Чустского поселения с расписной керамикой и следует считать началом изучения культуры бронзового века Ферганы. Широкие раскопки, ежегодно проводимые на Чустском поселении с 1953 г. В. И. Спришевским, дали огромный материал по культуре и хозяйству населения его. В настоящее время это поселение является одним из основных памятников для изучения эпохи бронзы Ферганы (Спришевский, I, 1954, 1956б, 1957а, 1957б, 1957в, 1958а, 1958б, 1958в, 1961).

¹ Ссылка на библиографию по истории и археологии Ферганы дается в сокращенном виде: год и римская цифра I, указывающая на соответствующий список литературы. Ссылка на список использованной литературы также дается сокращенно: год и римская цифра II.

В 1952 г. в составе Памиро-Ферганской комплексной экспедиции была выделена группа во главе с автором этих строк для проведения повторных раскопок на Эйлтанском городище. Добытые материалы изменили сложившиеся представления о керамическом комплексе городища. В том же году экспедиция А. Н. Бернштама нашла расписную чашу в кургане сакского времени в могильнике Шарт II. Чаша оказалась очень близкой эйлтанской посуде. Все эти данные — анализ материалов из повторных раскопок на Эйлтане; находка в могильнике расписной чаши в комплексе погребения с бронзовыми наконечниками стрел скифского типа и сравнительное изучение керамики Эйлатана и Чуста в совокупности привели А. Н. Бернштама и автора к необходимости пересмотра датировки Б. А. Латынина. В докладах на пленуме ЛОИИМК в 1953 г. были изложены новые материалы и предложена новая дата Эйлатана — середина I тыс. до н. э. (Заднепровский, I, 1954, 1959г, 1960г).

Одновременно еще в 1951 г. экспедицией А. Н. Бернштама была случайно найдена у сел. Гурмирон расписная чаша, аналогичная посуде Чустского поселения. В 1952 г. автор обнаружил Дальверзинское поселение, совершенно тождественное Чустскому. Эти открытия расширили наши знания памятников культуры расписной керамики бронзового века.

Некоторые итоги изучения Ферганы и окружающих ее предгорных районов подведены в книге А. Н. Бернштама «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (I, 1952а), в которой дана классификация памятников и намечена периодизация культуры Ферганы и Алая. В этом труде опубликованы могильники сако-усуньского времени, изученные экспедицией А. Н. Бернштама в Алае (Тюлейкен, Чакмак, Шарт I и др.). Ряд вопросов развития хозяйства, культуры и политической истории Ферганы в период Даваньского царства исследован в этой и другой работах А. Н. Бернштама (Бернштам, I, 1943, 1947б, 1947в, 1947г, 1947д, 1947е, 1948а, 1949а, 1949б, 1951а, 1951б, 1951в, 1952б, 1952в, 1954, 1957, 1959). Особое внимание он уделил изучению проблемы взаимоотношения земледельческой Ферганы с кочевыми сако-усуньскими племенами, юечжами-кушанами и гуннами.

В целом, работы А. Н. Бернштама сильно продвинули вперед историко-археологическое изучение Ферганы.

Систематизация накопленного материала по истории земледельческого населения Ферганы была осуществлена автором в диссертационной работе на тему «Древняя Фергана» (Заднепровский, I, 1954, 1959г). С учетом новых материалов была разработана периодизация культуры древней Ферганы, включающая эйлатанский, мархаматский и касанский периоды. Для каждого из них выделены характерные типы поселений, захоронений и керамические комплексы. В этой работе также намечено выделение самостоятельной чустской культуры бронзового века. Анализ всех доступных материалов позволил выявить основные этапы развития расписной керамики Ферганы начиная с эпохи бронзы и до средневековья.

Последние годы (1954—1960 гг.) принесли значительное накопление материалов по культуре Ферганы бронзового века. Помимо продолжения исследования Чустского поселения, начаты были в 1956 г. раскопки Дальверзинского поселения. В эти годы были открыты и изучены ряд других памятников чустской культуры (Заргулдак-Тепе изучен Б. З. Гамбургом; Тергаучи, Тюрк-Курган, Гурмирон, Кара-Курган и Яздепе — Ю. Г. Чулановым; Ашкал-Тепе, Чимбай и др. — Ю. А. Заднепровским).

Принципиально новым было открытие в 1954 г. в Южной Фергане курганов с захоронениями, содержащими керамику андроновского типа. Могильники Вуадиль, Карамкуль и другие, исследованные Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой (Гамбург и Горбунова, I, 1956а, 1956б, 1957в) оказались весьма близки по культуре к поселениям, обнаруженным А. П. Окладниковым в Кайрак-Кумской степи, изучение которых продолжил Б. А. Литвинский (Окладников, I, 1956а, б; Литвинский, I, 1956д, 1959б, 1959в; 1960а, 1961б). Указанные памятники имеют много общего с тазабагъябо-андроновской культурой племен Средней Азии и Казахстана.

В эти же годы Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова открыли и исследовали могильник Актам и другие аналогичные памятники, содержавшие своеобразную расписную посуду, а также станковую посуду, идентичную эйлатанской. Вместе с ней обнаружены бронзовые скифского типа наконечники стрел,

что позволило предложить обоснованную дату этих могильников — V—III вв. до н. э. (Гамбург и Горбунова, I, 1957а). С открытием Актамского могильника появились возможности для более развернутой характеристики культуры населения Ферганы эпохи железа.

Новый период в развитии культуры Ферганы был выделен автором после исследования городища Шурабашат, обнаруженного им в 1954 г. Для этого периода характерно сосуществование своеобразной расписной посуды с красноангобированной. На Шурабашатском и на аналогичном ему Кара-Дарьинском городищах была также обнаружена керамика, идентичная эйлатанской, и тем самым установлена непосредственная связь и преемственность между тремя комплексами керамики, характерными для древнего периода Ферганы (Заднепровский, I, 1960а).

В 1958 и 1960 гг. Т. Г. Оболдуева продолжила изучение Эйлатанского городища. В эти же годы В. И. Козенкова провела раскопки Нияз-Батырского могильника, близкого к Актамскому (Козенкова, I, 1959), и исследовала остатки сильно укрепленной монументальной постройки в Гайрат-Тепе, относящейся к периоду красноангобированной керамики. На этом памятнике обнаружено небольшое количество шурабашатской керамики, а также чустской.

Итоги изучения культуры Ферганы эпохи железа изложены автором в двух специальных работах (Заднепровский, I, 1960а, 1960г). Н. Г. Горбунова обработала материалы, добытые в Актамском и других аналогичных могильниках, и подготовила их к изданию. Б. А. Латынин обобщил имеющиеся материалы по истории древней ирригации Ферганы (Латынин, I, 1956, 1957, 1959), а также по хронологии и периодизации земледельческой культуры Ферганы (Латынин, I, 1961а). Таким образом, в результате планомерных и настойчивых поисков и исследований в течение одного десятилетия (1950—1960 гг.), изучение культуры Ферганы эпохи бронзы и железа стало на твердое основание. Значительно увеличилось количество известных памятников этих периодов. Но все же наши знания о развитии культуры древней Ферганы еще очень недостаточны. К тому же накопленные материалы пока еще не систематизированы и не обобщены. Восполнить, хотя бы частично, этот пробел и является задачей настоящей работы, в которой, по-

мимо публикации памятников, предпринята попытка на основании изучения археологических материалов, с привлечением сведений письменных источников, дать общее представление о развитии хозяйства и культуры, общественного строя и культурных связей Ферганы в период поздней бронзы и железа.

В первой главе большое место занимает публикация материалов Дальверзинского поселения, раскопки которого производятся автором по поручению ИИА АН УзССР с 1956 г. и по настоящее время. Этот раздел может рассматриваться как подготовка к полному изданию результатов исследования Дальверзина. Следует отметить, что этот памятник изучен пока недостаточно и мы располагаем в настоящее время лишь небольшими данными для изучения некоторых сторон культуры и истории поселения и в частности для характеристики типа жилища и для периодизации истории поселения. Только после накопления фактов по этим вопросам появится возможность для полной публикации этого памятника.

В третьей главе основное внимание уделено материалу Шурабашатского городища, которые изложены полнее, чем в работе «Археологические памятники южных районов Омской области» (Заднепровский, I, 1960а). Раскопки на городище производились Южно-Киргизским отрядом ЛОИИМК АН СССР и ИИ АН КиргССР в 1954—1957 гг. Здесь же дано описание Кара-Дарьинского оазиса и одноименного городища, изучением которых Южно-Киргизский отряд занимался в 1958—1960 гг. Очень кратко охарактеризованы памятники скотоводческих племен, поскольку часть их опубликована в трудах А. Н. Бернштама, а часть в упомянутой работе (Заднепровский, I, 1960а). Следует оговорить, что при описании памятников, изданных А. Н. Бернштамом приведены некоторые дополнительные сведения, взятые из полевых дневников автора.

Значительное место в работе уделено вопросам хронологии. При определении возраста памятников Ферганы мы сталкиваемся с большими затруднениями вследствие отсутствия исследованных многослойных памятников и малочисленности датированных находок. Изучение хронологии чустской

культуры проводится путем установления соответствия с хронологической шкалой Южной Туркмении, являющейся опорной для Средней Азии, а также использованием датировки по радиоуглеродному методу C^{14} . Для эпохи железа определение относительной хронологии основывается на сравнительном изучении памятников Ферганской долины. Надо учитывать также, что приводимые абсолютные датировки в ряде случаев весьма условны.

Некоторые категории добытых в раскопках материалов были изучены специалистами. В приложениях даны статьи В. В. Гинзбурга о палеоантропологических материалах, главным образом из Дальверзина, И. В. Богдановой-Березовской о химическом составе металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа и Г. Ф. Коробковой об изучении отпечатков тканей из Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана.

Список литературы по археологии и истории древней Ферганы, насколько это возможно, является исчерпывающим, за исключением трудов на иностранных языках, посвященных анализу сведений китайских источников о Давани (Фергане). В списке литературы указаны только основные переводы китайских источников и основные работы о Шелковом Пути.

Список литературы с библиографической стороны проверен ст. библиотекарем библиотеки ЛОИА АН СССР Т. Н. Задиспровской, которой автор многим обязан в подготовке рукописи к печати. При написании работы автор пользовался помощью и ценными советами Б. А. Латынина, Я. Г. Гулямова, Т. Г. Оболдуевой, М. П. Грязнова, В. В. Гинзбурга, В. И. Спришевского, Н. Г. Горбуновой, Ю. Г. Чуланова, В. И. Козенковой, Б. З. Гамбурга и других товарищей, которым приношу свою искреннюю благодарность. С особой благодарностью и признательностью вспоминает автор руководство и указания своего учителя — безвременно скончавшегося Александра Натановича Бернштама. Работа по частям и в целом обсуждалась на заседаниях сектора Средней Азии и Кавказа ИА АН СССР, и автор считает приятным долгом принести благодарность всем товарищам по сектору, принимавшим участие в обсуждении.

Глава I

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Археологическими работами в настоящее время установлено, что широкое освоение Ферганской долины земледельцами относится к эпохе поздней бронзы. К более раннему времени относится только один комплекс находок — Хакский клад и некоторые случайные находки, которые будут рассмотрены ниже. Других ранних памятников здесь пока не обнаружено. Для периода поздней бронзы известно двадцать поселений и отдельные находки керамики в семи пунктах. Они отличаются наличием общих черт и в первую очередь своеобразной расписной керамикой, что позволяет выделить эту группу памятников в самостоятельную археологическую культуру. Для характеристики ее уже имеется значительный материал из одиннадцати исследованных поселений (Чуст, Дальверзин, Ашкал-Тепе, Чимбай, Заргулдак-Тепе, Тюря-Курган, Тергаучи и др.). Эта культура названа по впервые и наиболее изученному памятнику — чустской.

Одновременно с древнеземледельческими племенами на территории Ферганской долины обитали пастушеско-земледельческие племена, культура которых отличается по ряду признаков от чустской и может рассматриваться как культура андроновского типа. Она представлена разветвленными поселениями в Кайрак-Кумах и могильниками Вуадильского типа.

I. ЧУСТСКАЯ КУЛЬТУРА

Среди памятников этой культуры наиболее изучены Чустское и Дальверзинское поселения. Результаты многолетних работ на Чустском поселении в печати отражены только частично. Полная публикация всего добытого материала подготавливается В. И. Спришевским к изданию. В силу этих причин основу настоящего раздела составляет

публикация материалов Дальверзинского поселения, с привлечением известных материалов по Чустскому поселению.

1. ДАЛЬВЕРЗИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение обнаружено во время разведки в 1952 г.¹ Повторно обследовано в 1954 г.² С 1956 г. по поручению Института истории и археологии АН УзССР в составе Ферганского отряда автором проводится стационарное изучение этого поселения (рис. 1).

Поселение находится у восточной окраины сел. Дальверзин в 2 км к В от сел. Аим в Андижанской области (табл. I, 8). Оно расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Кара-Дарьи на расстоянии примерно 3—4 км от современного русла реки. Поселение занимает всю площадь низкого уплощенного холма, размером 560 × 360 м, который возвышается на 5 м над окружающей местностью. Этот холм в прошлом был окружен со всех сторон болотами, от которых после мелиоративных работ недавнего времени остались заболоченные участки только у восточного края холма. В результате распахивания и увоза земли на удобрение холм и, соответственно, остатки самого поселения имеют неправильную конфигурацию. Западная часть его занята хлопковым полем, в южной — располагается современное кладбище (рис. 2).

Основные раскопочные работы проводились в центральной части поселения (раскоп I) и на восточном земляном валу (раскоп II). В центре поселения вскрыто: в 1956 г. — участок размером 20 × 10 м (200 кв. м),

¹ Ю. А. Заднепровский, I, 1954, стр. 7.

² Ю. А. Заднепровский, I, 1957а, стр. 75—76; 1957б, стр. 50—57; 1960б, стр. 168—177.

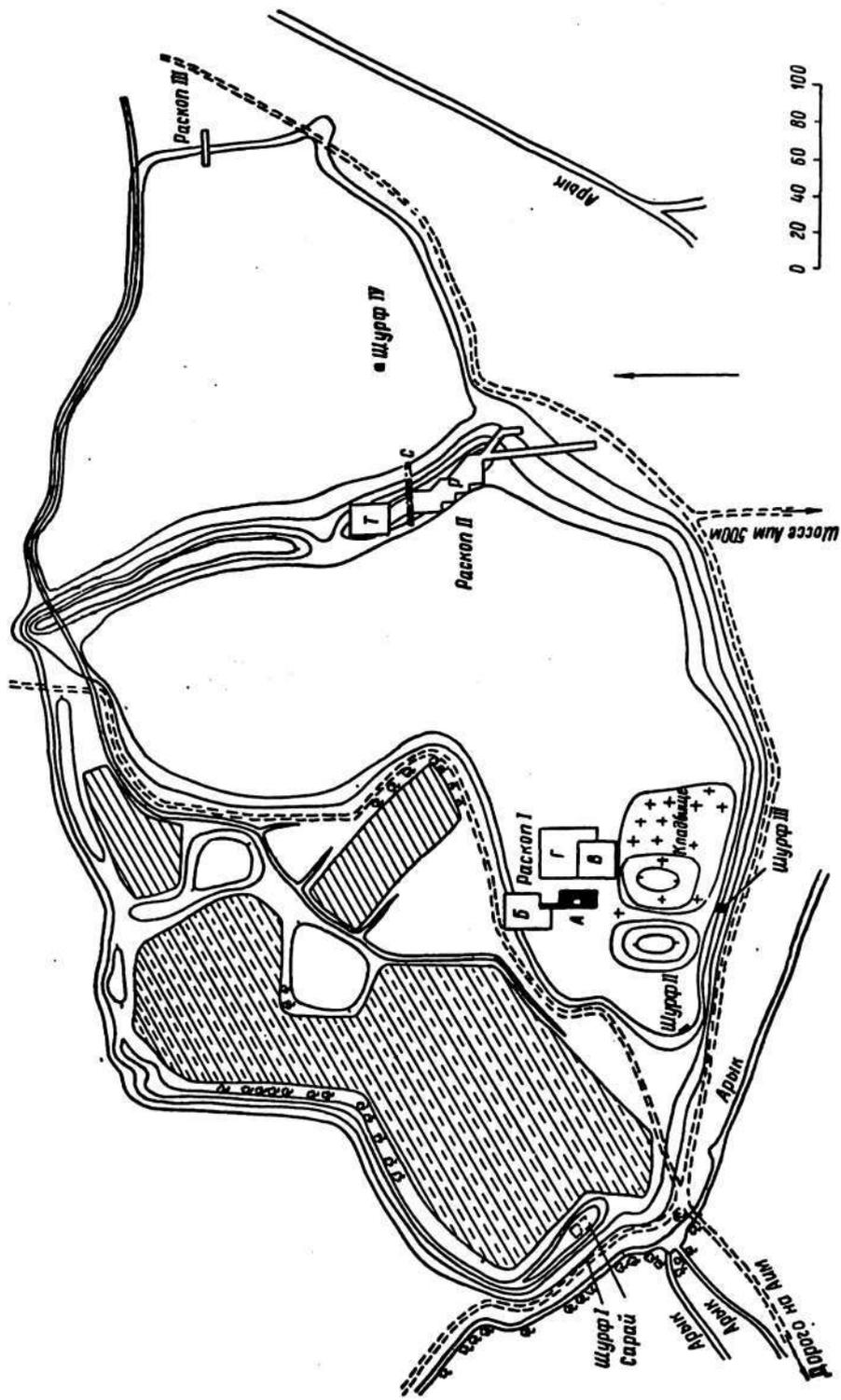

Рис. 1. План Дельверинского поселения,

Рис. 2. Дальверзин.

1 — общий вид; 2 — южный край поселения; 3 — раскоп I.

в 1958 г. — площадь в 466 кв. м, в 1959 г. — участок 20×20 м (400 кв. м) и в 1960 г. — 644 кв. м. Общая площадь раскопа I равна 1710 кв. м.³

Работы на раскопе II имели целью изучение обнаруженных здесь оборонительных укреплений. На этом участке вскрыто: в 1956 г. — 73 кв. м, в 1957 г. — 900 кв. м и в 1958 г. — 32 кв. м. Общая площадь раскопа II составляет около 1300 кв. м. Несмотря на такую большую площадь раскопа, объем земляных работ здесь был незначительным, поскольку мы ограничивались расчисткой оборонительной стены. В 1959 г. начато изучение второй оборонительной стены траншеей 20×2 м (40 кв. м.) Помимо раскопов, на поселении заложены шурфы: два — в юго-западной части (1954 г.); один — на склоне южного края холма (1956 г.) и один — на площадке между оборонительными стенами в восточной части поселения (1959 г.).

Методика раскопок

Кратко остановимся на изложении приемов раскопок и фиксации материала. Вся площадь Дальверзинского поселения разбита на квадратную сетку со сторонами квадрата 40×40 м. Эти квадраты в свою очередь делятся на 100 квадратов, размером 4×4 м. Вскрытие культурного слоя ведется по квадратам 4×4 м и по строительным горизонтам. В пределах последнего культурный слой выбирается на глубину штыка лопаты. На всей вскрытой площади обнаружены отложения трех строительных горизонтов, за исключением участка А, изученного в 1956 г. — в первый год работ на поселении. На этом участке были выделены слои верхнего и нижнего горизонтов. Строительные остатки среднего горизонта не удалось выявить, поскольку у нас не было опыта выделения их. Однако зафиксированное положение некоторых сосудов позволяет предполагать существование и на этом участке слоев среднего горизонта. Во время раскопок постоянно проводилось наблюдение за стратиграфией. Последовательное вскрытие слоев производилось лишь после изучения разрезов стенок квадрата.

³ При дальнейшем изложении раскоп 1956 г. именуется участком А, 1958 г. — Б, 1959 г. — В и 1960 г. — Г. См. сводный план — табл. II.

Строительные горизонты выделяются по уровню полов со строительными остатками помещений, очагами, целыми сосудами, стоящими на полу, и многочисленными ямами, а также по уровню залегания захоронений. Толщина отложений каждого горизонта неравномерна. Отмечена неровность древнего рельефа холма поселения, доходившая до разницы уровня поверхности в 50 см. Кроме того, на участке Б наблюдается уменьшение толщины культурного слоя с Ю на С за счет разрушения его. Все это затрудняет разборку и расчистку культурного слоя.

Основную трудность составляет обнаружение и расчистка многочисленных ям. Ямы нижнего горизонта выделяются сравнительно легко, поскольку они выкопаны в материковом грунте. Мягкое заполнение отличается также и более темным цветом среди желтого суглинка.

Значительно труднее найти ямы верхнего и среднего горизонтов, которые врыты в толщу культурного слоя предшествующего периода. В таких случаях производилась расчистка пола, и на уровне его определялась горловина ямы благодаря большей мягкости засыпи и по скоплению битой посуды, каменных изделий и т. д.

Только после расчистки строительных остатков на всей площади производилось снятие их и изучение следующего горизонта.

Весь добытый материал на месте классифицируется, проводится статистика по основным типам и зарисовка в отдельных альбомах.

Центр поселения (раскоп I)

Остановимся на описании слоев и строительных горизонтов раскопа I. Для изучения был выбран наиболее возвышенный участок в центре поселения, к северу от кладбища. На севере раскоп доходит до полевой дороги (табл. II).

В раскопе толщина культурного слоя колебалась в пределах от 1.6 до 2.4—3 м. В восточной части поселения около оборонительной стены она достигает 4 м. В этой части Дальверзина культурный слой лежит непосредственно на материковом грунте — окаменелом сером лёссе (шохе). Такая стратиграфия прослежена возле обеих оборонительных стен и в шурфе на площадке

между стенами. В центре поселения культурный слой отделен от материкового шохом мощным слоем желтоватого лёсса, судя по данным контрольного шурфа, более двухметровой толщины, под которым также залегает шох. Общая высота холма достигает 5 м. Из этого можно заключить что в центре до возникновения поселения был лёссовый холм. На нем и возле него и обосновались первые жители. Со временем в результате строительства и разрушения построек разница в уровнях поверхности была сnivelована.

Поверхность на участках А, В, Г была почти горизонтально ровной. Различие в толщине слоя объясняется, очевидно, неровностью древней поверхности. Величина культурных отложений каждого горизонта находится в зависимости от общей толщины культурного слоя. Строительные остатки дошли до нас в сильно разрушенном состоянии.

Верхний горизонт. К верхнему горизонту относятся слои от поверхности и до отметки 50—80 см. В разных местах вскрытой площади выявлены участки пола с обмазкой. На полу в южной части участка Б сохранились остатки двух стен в один ряд разрушенных кирпичей большого размера. Здесь же располагаются зольные пятна и остатки кострища. На уровне этого пола находится край разбитой корчаги № 3 в обресе южной стенки раскопа. Корчага стоит на полу среднего горизонта и край ее разбит при выравнивании строительных остатков для сооружения построек верхнего горизонта.

На этом же уровне в южной части участка А открыты на полу остатки овального очажка размером $28 \times 34 \times 12$ см, рядом с которым стоял кухонный котелок и лежала зернотерка. К северу от этого места, на глубине 60 см от поверхности, найдено погребение ребенка, лежавшего на спине в вытянутом положении, головой на 3 (табл. 1, 1).

На участках В и Г удалось в полу верхнего горизонта обнаружить несколько хозяйственных ям (табл. III). Венцы ям находились на отметке 50 см от поверхности. Все ямы круглые в сечении, в среднем до 150 см в диаметре и глубиной до 80 см (табл. VI, 2). Подобные ямы в верхнем горизонте обнаружены только на Дальверзинском поселении и неизвестны на других

памятниках чувстской культуры. Ямы врыты в отложения среднего горизонта. На участке В обнаружены остатки двух глинобитных стен. Они сильно разрушены. К Ю от них находится глинобитная платформа, служившая основанием для построек верхнего горизонта.

В северо-западном углу участка Г найдены остатки помещения верхнего горизонта. Стена длиной более 4 м в один ряд кирпичей проходит по линии ЮЗ—СВ и уходит в северную стенку раскопа (табл. VI, 1). Расчищено более 10 кирпичей разного размера (52×22 см, 44×26 , 34×20 см толщиной от 14 до 24 см). В западной стенке раскопа прослежена кладка из двух рядов кирпича. Эта стена, вероятно, располагалась перпендикулярно первой и, вполне возможно, соединялась с ней. Однако на всем протяжении стену не удалось проследить. К югу от помещения на полу стояли целые чаши и две жаровни.

На полу встречены скопления битой глиняной посуды, зернотерки и обломки их, а также отбойники и другие поделки из камня. Из верхнего горизонта происходят поделки из кости и несколько бронзовых изделий, главным образом шилья. В разных частях верхнего горизонта встречены находки разрозненных человеческих костей.

Средний горизонт. Он включает культурные наслоения на глубине от 50—80 и до 100—140 см, в разных местах раскопа на разной глубине. На участке Б обнаружена разрушенная кладка из сырцового кирпича. На этом участке на полу стояли две крупные корчаги: одна, уже упоминавшаяся выше, в обресе стенки раскопа, а вторая — в 10 м от нее. В культурном слое среднего горизонта погребены два человека: один в скорченной позе, головой на ЮЗ, другой — головой в противоположную сторону на СВ (табл. 1, 6, 7). К этому горизонту относятся также два хума. Один хум вскрыт в обресе южной стенки раскопа на участке А. Венчик его находился ниже уровня верхнего пола, на глубине 80 см. На этом же уровне был разбит второй хум, расположенный в 2 м к В. От него сохранилась только нижняя часть.

На всей обширной вскрытой площади сохранились остатки только одной постройки на участке В (табл. IV; VI, 3). Помещение длинной осью вытянуто с С на Ю. Сохранились три стены, южная стена его выходит

за пределы раскопа. Длина выявленной части комнаты — 8 м, ширина — 5.4 м. Стены из сырцового кирпича стоят на высоту 60 см. Размеры кирпича не прослежены.

В раскопе I (на площади 1500 кв. м) выявлено около 150 хозяйственных ям. Среди них выделяется несколько ям большого размера, диаметром в 2 м и более. Особо отметим ямы конической формы необычной глубины в 2—2.5 м на участке Г.

Помимо упомянутых погребений, в отложениях среднего горизонта найдено сильно разрушенное захоронение, отдельные черепа и другие кости человека. В одной яме находились остатки трех человеческих костяков (табл. 1, 11, 12, 13).

В среднем, а также в нижнем горизонте открыто несколько «цилиндров», подставок из необожженной болотной глины зеленого цвета, вкопанных в землю. Они имеют овальную или круглую форму, диаметром до 50 см и высотой до 40—50 см. Толщина стенок до 6 см (табл. VIII, 4). Никаких находок, свидетельствующих о назначении этих загадочных предметов не обнаружено.

Нижний горизонт. Культурные наслоения этого горизонта толщиной от 60 см до 1.2 м выделяются наиболее четко, поскольку они лежат непосредственно на материковом грунте. На всем вскрытом участке остатки построек обнаружены только в двух местах. Вся остальная поверхность изрыта многочисленными ямами. На площади 1700 кв. м насчитывается около 160 ям, впущенных в материковый лёссовый грунт. Они расположены группами и неравномерно на вскрытой площади. Вырыты они не одновременно. В нескольких случаях одни ямы прорезают другие. В помещении нижнего горизонта в юго-западной части раскопа выявлена яма 14, врезаемая в материковый грунт и перекрытая полом, на котором стояли три крупные корчаги. Вполне очевидно, что яма и корчаги разновременны.

Для установления стратиграфии важно расположение хозяйственных ям на разных уровнях. В этом отношении показательна картина, выявленная на участках Б, В и Г. Здесь обнаружены ямы, верхний край которых начинался на отметке 50, 110 и 210 см соответственно залеганию полов верхнего, среднего и нижнего горизонтов (табл. VII, 2; VI, 4). В нескольких местах на полу стояли единичные целые сосуды и большие скопления их.

Наибольший интерес представляют остатки жилого помещения на стыке участков А и Б. Сохранились частично три стены. Восточная стена находится за пределами раскопа. Помещение ориентировано по линии З—В. Длина вскрытой части — около 5 м, ширина — 2.7 м. Стены возвышаются на высоту 60—100 см. Они сложены из прямоугольных кирпичей зеленой болотной глины (размером $50 \times ? \times 8$ см.; $33 \times ? \times 9$; $25 \times ? \times 7$; $22 \times ? \times 8$ см), положенных на толстый слой раствора. На глинобитном полу в западной части находился очаг и три сосуда. Рядом с ними — неглубокая яма диаметром 50 см. В восточной части обнаружено мощное скопление угля и три крупные корчаги. Под ними оказалась перекрытая хозяйственная яма 14, заполненная отбросами. Судя по находкам, помещение имело хозяйственное назначение (табл. VII, 1).

К С от помещения на полу стояла корчага и на расстоянии 16 м от нее — вторая. Поблизости от помещения находилась большая яма (диаметр — 3.4 м), края которой выложены сырцовым кирпичом (размером $60 \times 32—34 \times 10$ см). У северной стенки раскопа в материковый лёсс впущено погребение ребенка в скорченной позе на правом боку, головой на СВ (табл. 1, 17).

Остатки второй постройки находятся у южной стенки раскопа на участке В (табл. V). Сохранился угол стен в один ряд кирпичей из зеленой болотной глины (размером $43 \times 30 \times 10$ (?); $40 \times 25 \times 10$ (?) см). Для стратиграфии поселения имеет большое значение то обстоятельство, что постройка нижнего горизонта перекрыта полом с остатками помещения, относящегося к среднему горизонту.

Особый интерес представляют остатки литейной мастерской на участке Г. Здесь открыта сильно разрушенная печь круглой формы, диаметром более 2 м. Внутри она заполнена обгорелым лёссом. Рядом расположена яма.

Поблизости от печи найдены обломки сосуда с остатками металла. Здесь же находился сосуд, заполненный измельченными раковинками, которые, по всей вероятности, использовались в металлургическом производстве. В районе печи найдено глиняное сопло в виде длинной и тонкой трубки с ошлакованным концом. На расстоянии 10—12 м от печи располагались 8 литей-

ных форм. Все эти находки в совокупности позволяют говорить о бронзолитейной мастерской.

Очаги расположены цепочкой, вытянутой почти точно по линии С—Ю. Большой интерес представляет очаг прямоугольной формы в северной стенке раскопа на стыке участков В и Г. Одна из стенок его сохранилась на высоту 50 см (табл. VIII, 2). Рядом с ним в заполнении культурного слоя лежало обугленное дерево (диаметром 12 см). Отсюда взят уголь для радиоуглеродного определения абсолютного возраста. Дата будет приведена ниже.

К 3 от линии очагов на полу стояло несколько сосудов в ряд по линии С—Ю (чашка полусферической формы, миска с перегибом бортика, кувшины и корчага).

На участке Г открыт очаг необычной прямоугольной формы (табл. VIII, 3) с глибитными стенками (размером 124 × 100 см). Центр очага занимает скопление угольков и золы. На этом же участке имеется еще один разрушенный очаг прямоугольной формы. Эти очаги отличаются от обычных, которые представляют скопление обожженных вальков лёсса и камней (табл. VIII, 1).

Обращает на себя внимание погребение подростка в скорченной позе на правом боку, головой на ВЮВ. Костяк впущен в материковый грунт (табл. 1, 15). Особое значение его объясняется тем, что возле головы находилась глубокая чаша с расписным орнаментом. Погребальный инвентарь обнаружен впервые, хотя захоронения неоднократно встречались на Дальверзинском и Чустском поселениях. Находка расписной чаши служит бесспорным доказательством отнесения этого погребения к основному периоду жизни поселения.

В нижнем горизонте раскопа вскрыто около 160 ям. Они отличаются от ям других горизонтов большей глубиной. Среди них только несколько ям имеют большие размеры — диаметром в 2 м и более. В одной яме обнаружены остатки человеческого костяка (табл. 1, 16), в другой — оказались остатки двух костяков (табл. 1, 38—39).

Необычное скопление черепов обнаружено на участке Г. Здесь найдено восемь черепов, лежавших в разном положении. К югу от него открыто другое скопление. Никаких иных костей не найдено, за исключением одной нижней челюсти. Таким об-

разом, можно говорить о преднамеренном положении черепов, так как они перекрыты непо потревоженным культурным слоем, что исключает возможность более позднего происхождения их. Объяснение происхождения таких скоплений будет дано в следующей главе. Здесь же только отметим, что подобное скопление известно и на Чустском поселении (табл. 1, 21—27, 31—35).

Оборонительная стена (раскоп II)

В настоящее время по краю Дальверзинского поселения с восточной, северной и южной сторон проходит низкий земляной вал, представляющий собой остатки оборонительной стены. Западный край холма поселения разрушен, и поэтому здесь вал не прослежен. Но можно предполагать, что поселение было окружено стеной со всех сторон. Высота внешнего склона восточного вала над окружающей местностью колеблется от 2.8 до 3.6 м, ширина его равна 18—20 м. С запада (со стороны поселения) вал постепенно сливается с поверхностью холма и границы его выражены нечетко.

Примерно в середине восточного вала отмечается сильное понижение. В этом месте вал разрезан большой ложиной, которая заходит на поселение. Здесь, очевидно, находился основной въезд на поселение.

К В от первого вала на расстоянии около 220 м расположен второй вал. Это низкий, пологий вал высотой до 2 м, постепенно сливающийся с окружающей местностью. Он окружает восточную площадку, примыкающую к основному холму поселения, и составляет обособленную часть укреплений. Судя по рельефу местности, возможность существования второй стены с других сторон поселения полностью исключена.

С целью изучения конструкции вала и времени его сооружения восточный вал (первая стена) был вскрыт на участке длиной более 100 м. На всем участке обнаружены остатки массивной стены, бесспорно служившей в качестве оборонительной. Толщина ее — 4—6 м, и сохранилась она на высоту до 2.5 м (табл. IX). Границы стены очень четко выделились в мягком песчано-лёссовом грунте. Стена перекрыта культурным слоем, включающим керамику, кости животных и поделки из камня.

Внешняя (восточная) граница ее выявлена хорошо, внутренняя (западная) — про-

слежена с трудом среди строительного развала. Поверхность стены залегала на отметке 50—70 см от вершины вала. На вскрытом участке стена слегка изогнута и проходит с северо-запада на юго-восток.

Стена была разрезана поперечной траншеей, что позволило выяснить устройство ее (табл. X; XI, 1, 2). Первоначально в течение длительного периода поселение не имело стен, и в это время отложился нижний культурный слой толщиной 50—80 см. Затем на краю поселения была построена глинобитная платформа для выравнивания поверхности (толщиной до 80 см). В глину для укрепления добавили гальку и единичные сырцовые кирпичи. Эта платформа перекрыла нижний культурный слой. На платформе возведено тело стены из утрамбованной черной земли (толщиной 1.0—1.2 м). В основании стены положен слой гальки (на глубине 2.0—2.4 м от вершины вала), ограниченный с западной стороны кладкой из прямоугольных кирпичей (кирпичи из зеленой болотной глины, размером 30×30 см, 26×50; 31×50×10 см — табл. XI, 4). Сверху тело стены облицовано кладкой (толщиной 60 см) из нескольких рядов сырцовых кирпичей, лежащих без определенного порядка на толстом слое раствора (кирпичи из лёссовидного суглинка, размером от 30×30×10 (?) до 50×70×10 (?) см — табл. XI, 3). Материковый грунт залегал на отметке 3.8 м от вершины вала.

В последующее время стена была расширена путем пристройки с внутренней стороны параллельной стенки и забутовки пространства между ними. Толщина стены стала равной 6 м.

Стратиграфическое положение стены прослежено также в шурфе, заложенном с внутренней (западной) стороны ее. Здесь изучены культурные слои, примыкавшие с внутренней стороны к оборонительной стене. Внизу на материковом грунте лежит нижний культурный слой (мощностью 70 см), который уходит под стену. На уровне основания стены обнаружены остатки погребения молодой женщины (череп и несколько обломков длинных костей, табл. 1, 40). Захоронение залегает в культурном слое, перекрыто сверху непотроженными наложениями и относится, следовательно, к основному периоду жизни поселения. Культурные слои выше погребения относятся ко времени функционирования укреплений.

Толщина их достигает 2.5 м. Сверху залегает слой в 60 см толщиной, перекрывающий остатки оборонительной стены.

Дополнительные материалы для характеристики нижнего слоя возле стены получены в четырехметровой траншее длиной 60 м, прорезавшей юго-восточный край поселения. В траншее обнаружена часть оборонительной стены, окружавшей поселение с юго-востока. Здесь удалось определить место поворота, или стыка, восточной и южной оборонительных стен. Траншея разрезала культурный слой. В середине ее обнаружены остатки жилого комплекса нижнего горизонта с участком утрамбованного глинобитного пола размером 5×4 м. В полу вкопаны две корчаги большого размера. Здесь найдены три целые зернотерки, каменная мотыга и несколько серповидных ножей. Под полом залегал культурный слой толщиной 50 см, лежащий непосредственно на материковом грунте.

В конце существования Дальверзина стены его утратили былое назначение и начали разрушаться. По-видимому, именно в это время они и были использованы для застройки. Посредине восточной стены открыто прямоугольное помещение (размером 6×3 м), врезанное в стену. Длинной осью оно вытянуто с З на В, поперек стены. Помещение углублено в стену более чем на 1 м. Поперечные стены его (западная и восточная) не сохранились. Продольные — сложены из сырцового кирпича и сильно обгорели. Они возвышаются над уровнем оборонительной стены на высоту одного-двух рядов кирпичей.

Из помещения происходит керамика обычных для поселения типов, в том числе и с расписным узором. Здесь найдено несколько кусков окисленной бронзы и бронзовый наконечник стрелы треугольной формы, плоский и с плоским черенком, а также каменный серповидный нож. Комплекс находок в помещении сходен с материалами из нижнего культурного слоя, а также с материалами из центральной части поселения. По находкам нет оснований относить помещение к более позднему времени. В помещении не найдено каких-либо материалов, которые позволили бы говорить об использовании его в качестве жилища. В нем не было ни хозяйственных ям, ни очагов. Судя по следам длительного горения огня, можно предполагать производ-

ственное назначение помещения. На участке к Ю от помещения хорошо сохранилась облицовка оборонительной стены из сырцового кирпича разного размера (55×30 см, 40—42×20, 35×20, 30×15×9—10 см и др.). Кирпичи располагались главным образом вдоль внутреннего края стены. С внутренней стороны стены возле помещения было найдено клиновидное доло со втулкой.

Вторая стена, судя по разведывательным данным, сходна с первой (рис. 3). Она выявлена в траншее, разрезавшей поперек земляной вал. В обоих концах траншеи

обычных типов, бронзовый нож и каменный серповидный нож.

Изучение оборонительных укреплений позволяет наметить следующие периоды жизни поселения и развития укреплений:

I — период существования открытого поселения, без оборонительных стен. Он характеризуется отложением нижнего культурного слоя (толщиной 50—80 см);

II — период сооружения, функционирования и реконструкции оборонительной стены. К этому периоду относится основная толща культурных наслоений (толщиной до 2.5 м);

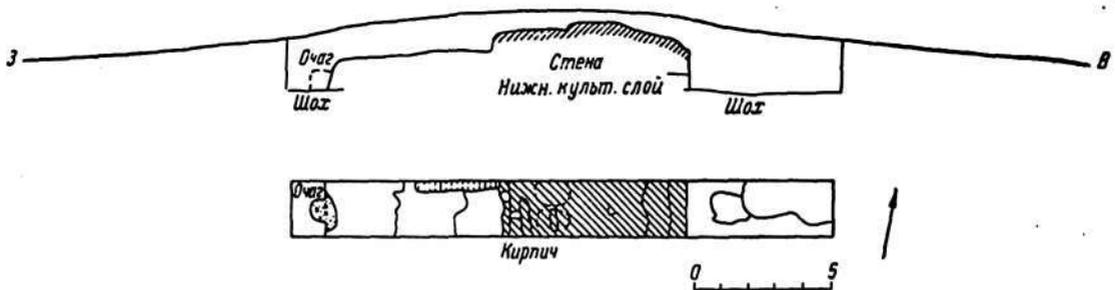

Рис. 3. План и разрез второй оборонительной стены Дальверзина.

изучен нижний культурный слой, лежащий на материковом грунте. Материк залегает на одном уровне — на отметке 3 м от вершины вала. Нижний культурный слой уходит под основание стены. Расчистка стены не производилась, и мы ограничились лишь установлением границ ее. Сверху вторая стена так же, как первая, была облицована сырцовым кирпичом. Имеющиеся данные об устройстве и стратиграфическое положение второй стены одинаковы с первой. Вещественные находки, главным образом керамика, также не отличаются. Все это дает основание для заключения об одновременности (в широких хронологических рамках) обеих оборонительных стен.

Нижний культурный слой у второй стены является, по-видимому, продолжением слоя, изученного на восточном крае поселения (возле первой стены). Вся площадка, расположенная между оборонительными стенами, была обжита в первый период существования поселения. Об этом можно говорить на основании материалов из шурфа, в котором выявлен культурный слой мощностью в 1.4 м. Здесь обнаружена керамика

III — период разрушения стен в конце существования поселения, когда складывается верхний культурный слой, перекрывающий развалины стены (толщиной 60 см).

В истории поселения, судя по величине культурного слоя, основным был второй период — период существования Дальверзина как укрепленного поселения.

Время строительства и функционирования укреплений Дальверзина устанавливается по комплексу находок. Основную массу их, как обычно, составляет керамика, насчитывающая около 10 000 фрагментов. Несмотря на ее многочисленность, керамика разных горизонтов одинакова и ее нельзя дифференцировать по периодам. Находки из нижних и верхних слоев не различаются. Найденные орудия и изделия из бронзы, камня и кости так же, как и керамика, одинаковы с находками из центральной части поселения. Никаких более поздних материалов здесь не обнаружено.

Из всего этого можно сделать заключение, что укрепления относятся ко времени существования самого поселения. Следовательно, они являются самыми ранними

укрепленными поселениями в Ферганской долине. Изучение укреплений Дальверзина только начато и ряд вопросов предстоит еще выяснить. Так, например, остается неясным, построены ли обе стены в одно время. Если они построены в разное время, то необходимо выяснить, в какой последовательности происходило строительство их. Ответ на эти вопросы могут дать только дополнительные раскопки. Вне зависимости от решения этого вопроса сам факт наличия двух синхронных (в рамках одного хронологического периода) оборонительных стен на Дальверзинском поселении свидетельствует о развитии строительного дела и фортификации в Фергане в эпоху бронзы.

Погребения ⁴

В культурных наслоениях всех трех горизонтов довольно часто встречаются отдельные кости человека, преимущественно черепа, а также полные костяки. Захоронение людей в культурном слое составляет характерную особенность чустской культуры.

В центральной части Дальверзина в верхнем горизонте открыто погребение ребенка на глубине 60 см от поверхности. Костяк ребенка 11—12 лет (женского пола) лежал на спине в вытянутом положении, головой на З (рис. 4, 4). Ноги слегка согнуты в коленях. Часть костей не сохранилась. На черепе имеется два круглых отверстия, одно из них и явилось причиной смерти ребенка. Костяк лежал на утрамбованной глинобитной площадке, в культурном слое, и поэтому контуры могильной ямы не прослежены. Никаких вещей возле погребенного не оказалось, за исключением куска окисленной бронзы под черепом возле позвонков. Погребенный принадлежит к европеоидному мезокранному типу (табл. 1, 1).

К среднему горизонту относятся два погребения в северной части участка Б на глубине 2 м от репера (рис. 4, 2). Одно — костяк мужчины в возрасте около 40 лет, лежавшего головой на СВ. Найденное погребение сильно разрушено, сохранились только кости черепа, несколько позвонков, ребер, кости рук и бедренные кости. Правая рука его лежит под бедренной костью вто-

рого костяка. Череп мужчины принадлежит к европеоидному долихокранному типу и по некоторым признакам близок черепам из могильника Вуадиль. Второе погребение — женщины в возрасте около 25 лет, хорошей сохранности. Она лежит в скорченной позе на левом боку, головой на ЮЗ. Ноги слегка раскинуты. Костяк частично перекрывает первый. Череп женщины европеоидного долихокранного средиземноморского типа (табл. 1, 6, 7). Оба захоронения совершены в культурном слое, и края могильной ямы не прослежены. Вещей возле них не оказалось.

Поблизости от рассмотренных погребений найден разрушенный череп женщины 20—22 лет. Он принадлежит к промежуточному типу между средиземноморским и типом Среднеазиатского междуречья (табл. 1, 10). В слоях среднего горизонта открыто еще одно сильно разрушенное погребение женщины зрелого возраста европеоидного типа, вероятно, близкого к андроновскому (табл. 1, 8).

Обращают на себя внимание находки в хозяйственной яме на участке В. В яме оказались обломки костей и череп женщины 18—20 лет, средиземноморского типа. Здесь же найдена нижняя челюсть мужчины зрелого возраста, а также кости детского скелета (табл. 1, 11, 12, 13). В яме находились останки трех человек, перемешанные с костями животных, керамикой и каменными изделиями.

Среди захоронений нижнего горизонта наибольший интерес представляет погребение на глубине 1.7 м в юго-западном углу участка В (рис. 4, 1). Костяк подростка 12—13 лет (мужского пола?) лежал на правом боку в скорченной позе, головой на ВЮВ. Ноги согнуты. Руки скрещены перед грудью. Перед лицом стояла расписная чаша. Границы могильной ямы не прослежены. Захоронение произведено под полом и впущено в материковый грунт. Погребенный относится к европеоидному средиземноморскому типу (табл. 1, 15).

К В от него в хозяйственной яме нижнего горизонта обнаружены обломки костей почти полного костяка женщины (?) 18—20 лет. Кости сильно разрушены. Антропологический тип европеоидный, возможно, средиземноморский (табл. 1, 16).

Еще одно полное детское погребение вскрыто на участке Б, у края хозяйственной

⁴ Все определения пола, возраста и антропологического типа принадлежат проф. В. В. Грязбургу.

ямы (рис. 4, 3). Оно впущено в материковый лёсс. Ребенок лежал на правом боку в сильно скорченной позе, головой на СВ. Левая рука согнута в локте. Череп разбит в древности (табл. 1, 17). В яме 13 нижнего горизонта найдена лицевая часть черепа жен-

нии: на левой и правой стороне, затылочным отверстием вверх, лицевой частью вверх. Никаких других костей, за исключением одной нижней челюсти, здесь не оказалось. Вместе с ними находились кости животных, камни и обломки глиняной посуды (табл. 1,

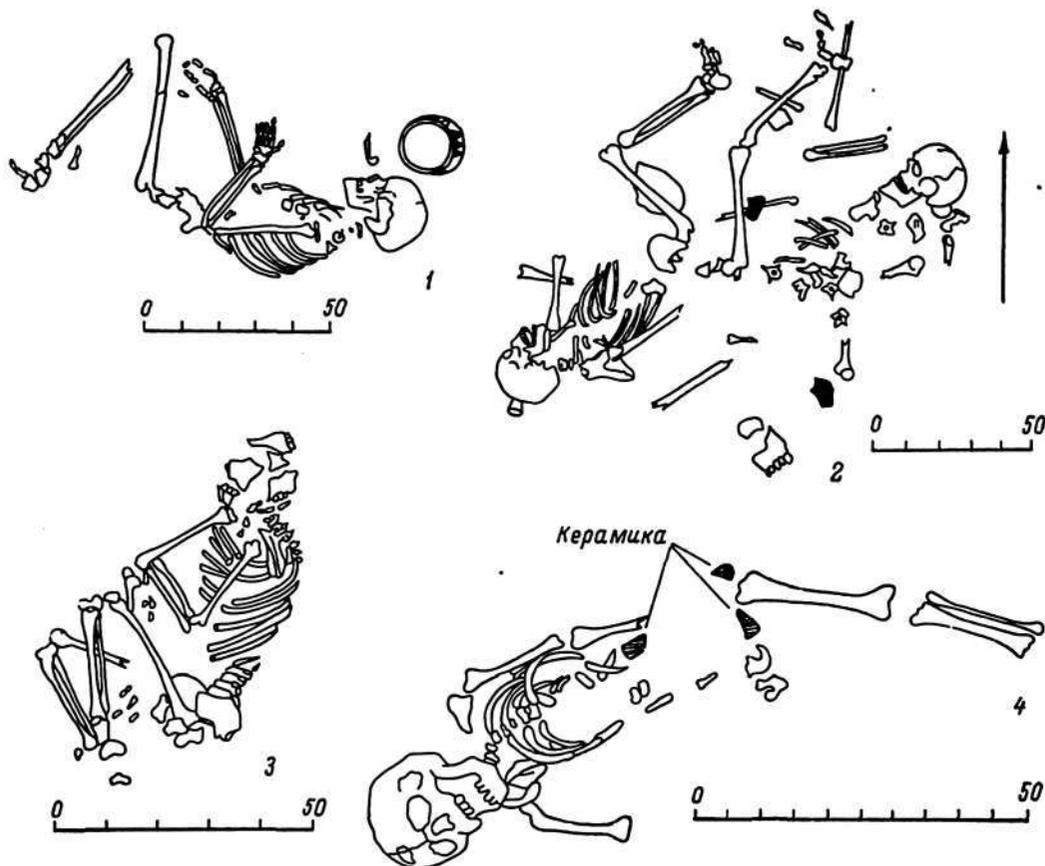

Рис. 4. Дальверзин. Погребения в культурном слое раскопа I.

щины возмужалого возраста европеоидного типа (табл. 1, 18). К этому горизонту относятся несколько мелких обломков костей и части черепа подростка 14—16 лет женского пола европеоидного средиземноморского типа (табл. 1, 19), а также череп мужчины зрелого возраста того же антропологического типа (табл. 1, 20).

На участке Г в нижнем горизонте обнаружено в одном месте скопление из восьми черепов. Все черепа лежали на сравнительно небольшом пространстве в разном положе-

21—27). На небольшом расстоянии открыто второе подобное скопление из пяти черепов (табл. 1, 31—35). Черепа из этих скоплений принадлежали людям разного пола и возраста.

К нижнему горизонту необходимо отнести и остатки разрушенного костяка, обнаруженные с внутренней стороны оборонительной стены, у ее основания. От захоронения сохранился череп и несколько обломков длинных костей, принадлежавших женщине 18—20 лет

Таблица 1

Погребения и находки разрозненных костей человека на
Дальверзинском поселении (1956—1960 гг.).

№ п. п.	Погребение или отдельные кости	Местонахождение и год находки	Положение костяка	Ориентация головы	Пол	Возраст	Антропологический тип
Верхний горизонт							
1	Погребение ¹	Кв. ЕIX, кв. 6, гл. 0.6 м, 1956 г.	Вытянуто на спине	3	Ж?	11—12	Европеоид мезокраний
2	Кости черепа	Кв. ЖIX-33—34, гл. 0.6 м, 1960 г.	—	—	Ж	Возмужалый	Европеоид долихокрай
3	»	Кв. ЖIX-32, гл. 0.8 м, 1960 г.	—	—	Ж	Зрелый	То же
4	Фрагмент затылочной кости	То же	—	—	—	Возмужалый	Долихокрай
5	Кости черепа	Кв. ЖIX-66, гл. 0.6 м, 1960 г.	—	—	Ж?	Зрелый	Европеоид, возможно андроновский
Средний горизонт ²							
6	Погребение	Кв. EVIII-65—66, гл. 0.5 (2.0 м от 0), 1958 г.	Костяк разрушен	СВ	М	Возмужалый	Европеоид долихокрайный (близкий к Вуадильскому типу)
7	»	То же	В скорченной позе на левом боку	ЮЗ	Ж	»	Европеоид долихокрайный, средиземноморский тип
8	»	Кв. EVIII-98, гл. 0.8 м, 1959 г.	Костяк разрушен	—	Ж	»	Европеоид, близкий андроновскому типу?
9	Разрушенный костяк	Кв. EVIII-67, яма В, 1959 г.	—	—	—	Детский	—
10	Кости черепа	Кв. EVIII-66, гл. 0.4 м, 1953 г.	—	—	Ж	Возмужалый	Европеоидный тип, промежуточный между средиземноморским и типом Среднеазиатского между-речья
11	Разрушенный костяк	Кв. ЖIX-61, яма 21, 1959 г.	—	—	Ж	Юношески-возмужалый	Европеоид долихокрай, средиземноморский
12	Нижняя челюсть	То же	—	—	М	Зрелый	—
13	Обломки черепа	»	—	—	—	5—6	Европеоид
14	Нижняя челюсть	Кв. ЖIX-13—23, яма	—	—	Ж	Возмужалый	—
Нижний горизонт ³							
15	Погребение ⁴	Кв. ЖIX-91, гл. 1.7 м, 1959 г.	В скорченной позе на правом боку	ВЮВ	М?	12—13	Европеоид долихокрай, средиземноморский
16	Разрушенный костяк	Кв. ЖIX-92, яма 49, 1959 г.	—	—	Ж	Возмужалый	Европеоид, возможно средиземноморский
17	Погребение ⁵	Кв. EVIII-56, гл. 1.2 м (3 м от 0), 1958 г.	В скорченной позе на правом боку	СВ	—	Детский	—

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Погребение или отдельные кости	Местонахождение и год находки	Положение костяка	Ориентация головы	Пол	Возраст	Антропологический тип
18	Лицевая часть	Кв. ЕІХ, яма 13, 1956 г.	—	—	Ж	Возмужалый	Европеоид
19	Кости черепа	Кв. ЕІХ, кв. VII, гл. 2.0 м, 1956 г.	—	—	Ж	14—16	Европеоид долихокран, средиземноморский
20	То же	Кв. ЕІХ, кв. 1, гл. 1.8 м, 1956 г.	—	—	М	Зрелый	Европеоид долихокран, средиземноморский
21	Скопление черепов	Кв. ЖІХ-37—47, гл. 0.9—1.1 м, 1960 г.	—	—	М?	Юношески-возмужалый	Смешанный? Может быть близкий к типу Среднеазиатского между-речья
22	То же	То же	—	—	—	Ок. 4 лет	Европеоид мезокран, андроновский
23	»	»	—	—	Ж?	Возмужалый	Европеоид долихокран, средиземноморский
24	»	»	—	—	Ж?	Ок. 8 лет	Европеоид долихокран, средиземноморский
25	»	»	—	—	Ж	Юношески-возмужалый	Европеоид долихокран, близкий к средиземноморскому
26	»	»	—	—	Ж	8—9	Европеоид долихокран, средиземноморский
27	»	»	—	—	Ж?	Ок. 8 лет	Европеоид долихокран, средиземноморский
28	Кости черепа	Кв. ЖІХ-57—67, гл. 1.3 м, 1960 г.	—	—	М?	Возмужалый	Европеоид мезобрахикран
29	Височная кость	То же	—	—	Ж	Взрослый	—
30	То же	Кв. ЖІХ-67, гл. 1.2 м, 1960 г.	—	—	Ж	Юношеский	Европеоид, возможно андроновский или вудильский
31	Скопление черепов	Кв. ЖІХ-67, гл. 1.5 м, 1960 г.	—	—	—	Ок. 7 лет	Европеоид долихокран, низколиций, вудильского типа?
32	То же	То же	—	—	Ж?	Юношеский	Европеоид долихокран
33	»	»	—	—	Ж?	Ок. 9 лет	Европеоид долихокран, средиземноморский
34	»	»	—	—	—	Взрослый	—
35	»	»	—	—	М	Зрелый	Европеоид долихокран
36	Кости черепа	Кв. ЖІХ-3, гл. 1.5 м, 1960 г.	—	—	—	Ок. 5 лет	Европеоид долихокран
37	Обломок кости	То же	—	—	—	Взрослый	—
38	Лобная кость	Кв. ЖІХ-3, яма 100, 1960 г.	—	—	—	3—4	Европеоид долихокран
39	Нижняя челюсть	То же	—	—	М	Возмужалый	Узколиций

Таблица 1 (продолжение)

№ п/п	Погребение или отдельные кости	Местонахождение и год находки	Положение костяка	Ориентация головой	Пол	Возраст	Антропологический тип
40	Разрушенный костяк	В шурфе у основания оборонительной стены, гл. 3.4 м, 1957 г.	—	—	Ж?	Юношески-возмужалый	Европеоид дольхокран, средиземноморский

Примечания:

- ¹ На черепе имеется два отверстия, пробитые ударным оружием.
² Находки костей черепов отмечены еще в следующих пунктах: 1) в верхнем горизонте — кв. ЖИХ-7, гл. 0.5 м; кв. ЖИХ-37, гл. 0.8 м; 2) в среднем горизонте: кв. E VIII-84, в борту раскопа 1958 г.; кв. E IX-15, гл. 1.2 м, 1958 г.; кв. ЖИХ-52; кв. ЖИХ-62; кв. ЖИХ-83.
³ В нижнем горизонте кости черепа найдены на кв. E IX, яма 3, 1956 г., и кв. E IX-6, 1958 г., а также на кв. ЖИХ-37—47 один разрушенный череп из скопления черепов.
⁴ Перед лицом погребенного стояла расписная чаша.
⁵ Череп погребенного разрушен в дренажи.

европеоидного средиземноморского типа (табл. 1, 40).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные, суммированные на табл. 1, позволяют в общих чертах обрисовать погребальный обряд населения Дальверзини и представить его физический тип. Всего известно шесть захоронений, из них три в скорченной позе: два костяка лежат на правом (детский и мужской?) и один — на левом боку (женский). Одно захоронение в вытянутом положении на спине. Два костяка сильно разрушены и положение их не установлено. Погребения различаются и по ориентации: 3, СВ, ЮЗ, ВЮВ.

Помимо полных погребений, в табл. 1 включены находки отдельных черепов. Кроме того, в ходе раскопок отмечено еще десять находок отдельных сильно разрушенных черепов. Эти черепа не удалось взять для изучения, и они не включены в основной перечень. Перечисление их дано в примечаниях к таблице. Всего на Дальверзине зарегистрировано захоронение 50 особей. Определение антропологического типа имеется для 32 погребенных. Большинство жителей поселения принадлежало к европеоидному длинноголовому средиземноморскому типу. Среди них довольно определенно выделяется группа людей иного расового типа. Она представлена пятью черепами. Часть из них имеет признаки, позволяющие сближать их с андроновским типом, а другие сходны с черепами погребенных в Вуадильском могильнике.

Керамика

За пять лет работ на Дальверзине извлечено более 100 000 фрагментов глиняной посуды, распределение которой по основным типам показано на табл. 2. Более подробная статистика по материалам 1959—1960 гг. дана на табл. 3. Керамика разнообразна и представлена следующими типами:

- I — с красной облицовкой;
 II — с красной облицовкой и расписным орнаментом;
 III — с белой облицовкой;
 IV — без облицовки;
 V — черно-сероошеченая;
 VI — сероглиняная (кухонная);
 VII — с шамотом (толстостенные корчаги и хумы).

Кроме того, имеется несколько фрагментов сосудов, изготовленных на гончарном круге. Происхождение их так же как и аналогичных находок на Чустском поселении, остается неясным.

Особый интерес представляет часть сосуда с высокой горловиной, украшенного по плечикам зигзагообразным узором, нанесенным веревочным штампом (рис. 5). Он по всем признакам отличается от комплекса керамики поселения. По составу массы и орнаменту он несколько напоминает керамику андроновских памятников. Однако это сходство относительно, и он отличается также и от андроновской керамики. Рассматриваемая находка не имеет аналогий в Фергане и в ближайших районах. Она

уникальна, и в настоящее время происхождение ее нельзя проследить.

Перечисленные типы керамики встречаются во всех горизонтах. Отличия в керамике разных горизонтов мало заметны, и поэтому описание керамики можно дать в обобщенном виде.

Основную массу находок составляет керамика с красной облицовкой (73%), затем следует сероглиняная (кухонная) — 18%.

фрагментах ясно видны ленты-полоски глины. В этом отношении особенно выразителен обломок венчика с отбитой полоской глины (табл. XVI, 2—4, 7—10). Находки необожженных черепков, а также со следами деформации (трещинами) и пережога при обжиге служат доказательством изготовления посуды на месте (табл. XVI, 1). Широко применялась техника формовки сосудов на матерчатом шаблоне (табл. XVI, 6;

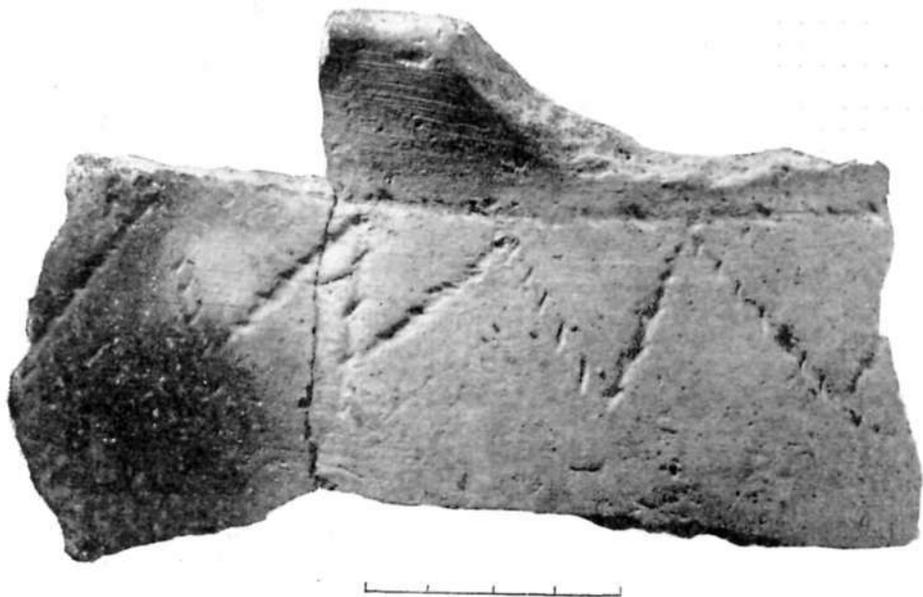

Рис. 5. Дальверзин. Фрагмент сосуда с отпечатком веревки.

Все остальные типы составляют около 9%, в том числе сосудов с росписью найдено 1.2%, хотя можно предполагать, что в употреблении находилось больше сосудов этого типа, поскольку росписью обычно украшали верхнюю часть, а обломки нижних частей включены нами в состав первого типа. Вся посуда Дальверзина ручной выделки.

I тип. Керамика этого типа приготовлена из плохо промешанной массы с примесью дресвы, обжиг сосудов недостаточно сильный, и поэтому в изломе черепок неоднородного цвета. Сосуды покрыты красной облицовкой. На поверхности их имеются пятна разного цвета — от светло-коричневого до черного. Эта особенность составляет характерный признак чустской керамики. Посуда изготовлялась ленточным способом. На некоторых

LXXIV), о чем свидетельствуют отпечатки ткани на внутренней поверхности дна сосудов.

В керамике Дальверзина ясно заметны три группы сосудов по их профилировке: сосуды конической формы с прямыми стенками в виде раструба; шаровидные или округлые и сосуды с резким перегибом бортика. Разнообразны формы дна — начиная от круглых, уплощенных, плоских донцев, донцев с поддоном и кончая четко выраженным кольцевым поддоном.

По имеющимся материалам можно выделить свыше 20 основных форм посуды I типа:

1. Круглодонные кувшины шаровидной формы с низкой и широкой горловиной (табл. XII, 1, 2; XIV, 2—4).

Таблица 2

Распределение керамики
Дальверзена (1956—1960 гг.)
по трем основным типам

Типы керамики	1956—1958 гг.	1959—1960 гг.	Всего	%
С красной облицовкой	22 775	50 795	73 570	73.3
венчики	2 998	8 487	11 485	11.4
фрагменты	19 777	42 308	62 085	61.9
Расписная	377	816	1 193	1.2
Сероглиняная (кухонная)	6 121	11 744	17 865	17.8
венчики	562	1 648	2 210	2.2
фрагменты	5 559	10 096	15 655	15.6
Другие типы	2 291	5 372	7 663	7.6
Итого	31 564	68 727	100 291	99.9

Примечание: В 1956 г. венчики посуды I типа были выделены, но не подсчитаны и поэтому не включены в таблицу. Разделение по годам обусловлено тем, что подробную классификацию керамики удалось произвести только в последние годы и учет керамики производился по-разному.

2. Плоскодонные кувшины с узкой и высокой горловиной (табл. XIII, 3, 4).

3. Круглодонные миски с широкой горловиной (табл. XII, 4).

4. Круглодонные миски с перегибом бортика (табл. XII, 5; XIII, 2; XV).

5. Плоскодонные миски с перегибом бортика разной профилировки (диаметр 26—30 см; табл. XII, 6; XV).

6. Чаши с перегибом бортика, с диаметром горловины в два раза меньшим, чем у предшествующего типа (диаметр 12—13 см; табл. XV, 12—14).

7. Миски с перегибом бортика, с большим диаметром горловины (34—44 см; табл. XII, 7; XV).

8. Плоскодонный горшок, вытянутый в высоту, стенки которого расходятся растробом (табл. XII, 16, 17; XIII, 5).

9. Плоскодонный горшок, стенки которого расходятся растробом, диаметр горловины равен высоте горшка (табл. XII, 18; XIII, 6).

10. Круглодонные сосуды с выделенной горловиной (табл. XIII, 1, 2).

11. Горшочки с выделенной горловиной и петлевидной ручкой (табл. XII, 12).

12. Плоскодонная кружка с петлевидной ручкой (табл. XII, 14; XIX).

13. Плоскодонный горшок с округлым туловом.

14. Чаши со сливом (табл. XIX, 1, 2).

15. Круглодонные чаши с закраиной разной профилировки (табл. XII, 20; XV).

16. Плоскодонная, толстостенная плочка (табл. XIII, 15).

17. Толстостенная чаша с прямым обрезом закраины (табл. XV, 16).

18. Плоскодонная чаша (табл. XII, 21, 22; XV).

19. Миниатюрные сосуды разной формы (табл. XII, 30—36).

20. Уникальные сосуды на кольцевом поддоне с большим отверстием вместо дна (табл. XII, 3; XIV, 1).

II тип — расписная керамика, которая составляет один из наиболее выразительных признаков чувствской культуры в целом. По составу глины и способу изготовления она почти ничем не отличается от керамики I типа. Однако сосуды с росписью, как правило, лучшего качества, с яркой облицовкой и часто с лощением. Формы сосудов одинаковы с посудой I типа: миски с перегибом бортика (табл. XII, 8), глубокие горшки с прямыми стенками (табл. XII, 13), конические горшки со стенками, расходящимися растробом (табл. XIII, 12), полусферические чаши (табл. XIII, 14). Фрагментарность материала не позволяет выделить формы, характерные только для расписной керамики.

Роспись нанесена черной краской по красному фону и занимает преимущественно верхнюю часть сосуда. Украшение всей поверхности встречается редко. Примером может служить высокий бокаловидный сосуд, вся поверхность которого украшена тремя горизонтальными рядами клиньев. В орнаменте господствуют геометрические узоры и отсутствуют криволинейные, зооморфные и иные мотивы. Основные мотивы орнамента: треугольник, клиновидный треугольник, ромб, лента, отдельные линии (табл. XVIII). Все многообразие орнаментальных мотивов можно свести к пяти группам:

1. Ромбы, треугольники, ленты и другие элементы с сетчатым заполнением (табл. XVII, 1, 1—8). Контуры фигур изображены более толстой линией, чем сетка. Ромбы располагаются в ряд как по горизонтали, так и по вертикали. Часто встречается мотив в виде двух рядов треуголь-

Таблица 3

Распределение по типам керамики Дальверзина
(1959—1960 гг.)

Типы керамики	к-во	%
I. С красной облицовкой	52 045	75.7
венчики	8 487	12.3
фрагменты	43 558	63.3
В том числе: грузики	937	—
фрагменты с отпечатками ткани	171	—
крышки	142	—
II. Расписная	816	1.2
III. С белой облицовкой	903	1.3
V. Черно-серолющенная	89	0.1
VI. Сероглиняная (кухонная)	11 996	17.4
венчики	1 648	2.4
фрагменты	10 348	15.0
В том числе: грузики	62	—
фрагменты с отпечатками ткани	36	—
жаровни	154	—
VII. Толстостенная	2 823	4.1
Современная и неопределенная керамика	55	0.1
Итого	68 727	99.9

ников, соединенных вершинами так, что они образуют ромбовидные просветы. Очень характерны ленты, которые на сосуде расположены по горизонтали, вертикали и по диагонали. Особый интерес представляет украшение из двух лент, которые при пересечении образуют ромбовидные просветы. Имеется ряд сложных композиций из нескольких мотивов. Эта группа составляет половину всех орнаментированных образцов.

2. Ромбы, клинья и другие узоры со сплошной заливкой (табл. XVII, II, 9—15). Очень распространен узор в виде двух рядов треугольников или клиньев, соединенных вершинами и образующих ромбовидные просветы. По количеству группа занимает второе место.

3. Полосы, треугольники и клинья, заштрихованные наподобие шахматной доски (табл. XVII, III, 16—22). Эта группа представлена всего лишь несколькими экземплярами.

4. Отдельные линии и комбинации их (табл. XVII, IV, 23—32.) Часто встречаются горизонтальные линии (одна, две, три), опоясывающие сосуд по венчику. Из отдельных линий составлены порой очень сложные фигуры. По повторяемости эта группа занимает третье место.

5. Знаки в виде буквы V и W, редкие узоры в форме «бабочки» и др. (табл. XVII,

V, 33—43). Эти узоры играют второстепенную роль и занимают свободное пространство между основными мотивами. Они встречаются редко.

Очень характерно также украшение закраины сосудов с внутренней стороны (табл. XVII, VI, 44—48). В некоторых случаях орнамент сосуда ограничивается только украшением закраины с внутренней стороны. Уникален мотив в виде ряда кругов с точкой в центре.

Основные мотивы ограничены и все многообразие орнамента достигается путем искусного сочетания элементов.

Уникален найденный в 1961 г. фрагмент расписного сосуда с изображением человека, вытянувшего руку с растопыренными пальцами. Эта находка расширяет наши представления о мотивах расписного орнамента чувской культуры.

Создание классификации расписного орнамента керамики Дальверзина в дальнейшем, можно надеяться, будет способствовать выявлению локальных и хронологических различий Дальверзина, Чуста, Ашкал-Тепе и других памятников. Сравнение с опубликованными образцами росписи этих памятников показывает, что при однородности мотивов, композиции и стиля орнамента в целом для каждого поселения можно выделить свои особенности.

Наряду с господствующей черной росписью, несколькими экземплярами представлена керамика с потеками буро-коричневой краски на грубой серой поверхности. Эта керамика отличается по цвету и мотивам орнамента. Малочисленность находок не позволяет охарактеризовать ее с достаточной полнотой.

Помимо расписного орнамента, имеются единичные образцы посуды с красной облицовкой и с ямочно-ногтевым орнаментом, нанесенным без особого порядка (табл. XVI, 5).

III тип — керамика с белой облицовкой. Первоначально рассматривалась как разновидность посуды I типа. Накопление материалов заставляет выделить ее особо. Она отличается главным образом цветом облицовки. Известны кувшины, плоскодонные горшки с прямыми стенками, чаши и другие формы сосудов этого типа.

IV тип — керамика без облицовки, с незаглаженной бугристой поверхностью сероватого и желтоватого цвета. Можно предположить, что подобные сосуды имели специальное назначение. Однако находки этого типа немногочисленны и не могут быть с достаточной полнотой охарактеризованы.

V тип — черно-сероолощенная керамика. Представляет особый интерес для сравнительного изучения комплекса в целом. Известна она еще только на Чимбайском поселении чувстской культуры. Эта керамика резко выделяется среди всего комплекса по составу глины, по цвету и характеру обработки поверхности. Сосуды отличаются серым или черноватым цветом поверхности и полосчатым лощением. Формы керамики: кувшин с отогнутым венчиком (рис. 6, 1), бокал конической формы (рис. 6, 5), горшок (рис. 6, 11), полусферическая чаша (рис. 6, 10), плоскодонная чаша с перегибом бортика (рис. 6, 6), крупная миска (рис. 6, 13). К этому типу следует отнести обломок венчика корчаги с коричнево-черной облицовкой. Сероолощенная посуда встречается главным образом в нижнем и среднем горизонтах.

VI тип — сероглиняная (кухонная) керамика. Изготовлена ленточным способом, а также и на матерчатом шаблоне, из глины с примесью известняка. Для нее характерны сосуды следующих форм: большие шаровидные котлы с отогнутым вен-

чиком (рис. 7, 1), кувшины, горшки (рис. 7, 2) и жаровни (рис. 7, 3). Жаровни встречаются довольно часто на поселении. Они представлены двумя разновидностями: округлой формы и прямоугольной (размером 38×32 см).

VII тип — толстостенная керамика с примесью шамота в тесте (корчаги и хумы). Сосуды выделяются формой и особым назначением. Они предназначались для хранения продуктов. Для этого типа характерны крупные круглодонные корчаги с отогнутым венчиком. Сюда надо отнести обнаруженных два хума. Один из них с простым отогнутым венчиком и своеобразным полосчатым заглаживанием поверхности. Второй хум тонкостенный, с узким дном. Верхняя часть его отсутствует.

Из всего комплекса для сравнительного изучения представляет интерес керамика II и V типов — с росписью и черно-сероолощенная.

Для того чтобы представление о керамическом комплексе Дальверзина было полным, рассмотрим некоторые конструктивные части сосудов и другие керамические изделия.

Прежде всего надо отметить, что ручки и носики встречаются в Дальверзинской керамике очень редко. У нас имеется лишь несколько фрагментов посуды с красной облицовкой, снабженных небольшим носиком-сливом (табл. XIX). Обращает на себя внимание носик-слив, с росписью на обеих сторонах. Сверху нанесено несколько параллельных отрезков, а на нижней поверхности — две пересекающиеся линии (табл. XIX, 17). Очень своеобразны ручки в виде прямоугольных вертикальных налепов с вертикальным отверстием для продевания шнура (табл. XIX, 12). Другая разновидность их имеет поперечное (горизонтальное) отверстие (табл. XIX, 3, 11). Имеются также налепные выступы-шишки конической и круглой формы (табл. XIX, 4, 13, 16). Уникальны плоские, горизонтальные ручки, прилегающие к краю сосуда (табл. XIX, 9). Наряду с ними встречаются обычные петлевидные ручки (табл. XIX, 5, 6, 14, 19).

В комплексе керамики значительное место занимают крышки. Они, как правило, дисковидной, круглой формы со скошенным краем (диаметром 40 см). На некоторых из них в центре имеются ручки в виде высоких стержней (табл. XIII, 8).

Несколькими находками засвидетельствовано распространение сосудов на высокой ножке-подставке. Обломки имеют следы вторичного использования (табл. XIX, 20).

и заготовки для них, которые в большом количестве встречаются на поселении (рис. 9). Изготовлены они из обломков разных сосудов — толстостенных и тонкостенных, с красной облицовкой и с расписным

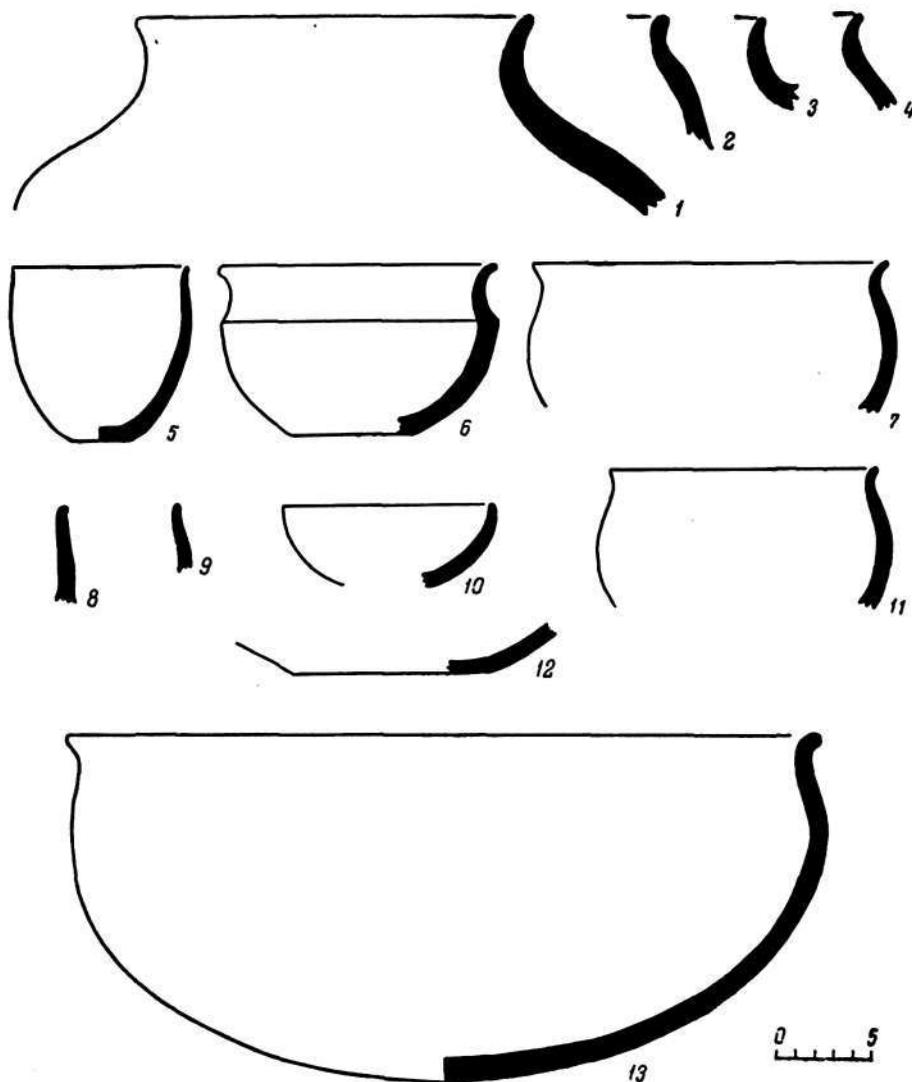

Рис. 6. Дальверзин. Черно-серолащенная посуда.

Особо отметим пряслица биконической формы и крупное чечевицеобразное прясло (рис. 8).

К числу керамических изделий относятся грузики-кружки из обломков сосудов

орнаментом и даже из кухонной керамики. Почти у всех грузиков отверстия сделаны путем двустороннего сверления и находятся в центре, только у некоторых отверстия расположены у края грузика. На одной

заготовке видно, что сверление, начатое с обеих сторон, не было завершено. Грузики и заготовки значительно варьируют по своим размерам — от 2—3 см до 10—11 см в диаметре. Большинство их неправильной округлой формы с неровными краями. И только часть имеет геометрически правильную круглую форму с ровным краем. Найдено не-

здесь сосуд для плавки с остатками металла (табл. XXI, 4), тигель (табл. XXI, 3), глиняное сопло (табл. XXI, 8), серию литейных форм и шлак. Имеются формы для отливки псалий в виде изогнутого стержня с тремя отверстиями, для изготовления плоских круглых зеркал с небольшой рукоятью, стержней, ажурных украшений и других

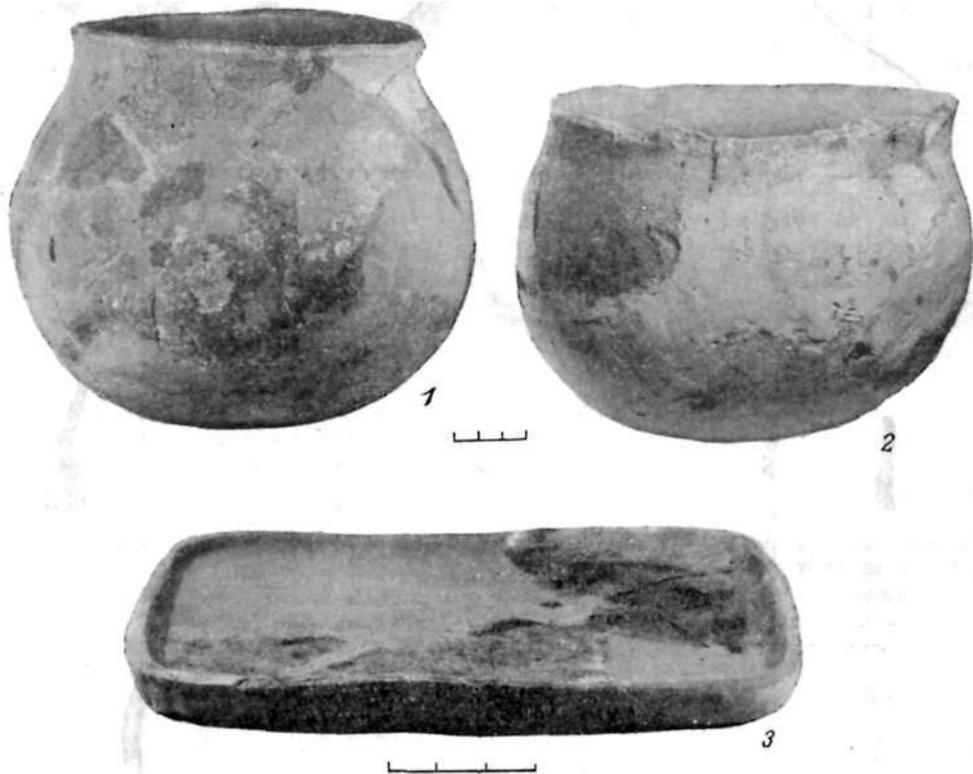

Рис. 7. Дальверанн. Сероглиняная (кухонная) посуда.

сколько заготовок в форме прямоугольников и треугольников с закругленными краями. На поверхности некоторых заготовок имеются прорезанные линии и простые узоры (рис. 9, 1, 6—8, 10, 13, 14, 16, 17).

К числу керамических изделий относится и массивная очажная подставка конической формы, круглая в сечении и с ложбинкой наверху (рис. 10).

Металлические изделия. Ряд находок свидетельствует о развитии на поселении металлического производства — обработки меди и бронзы. В первую очередь назовем остатки литейной мастерской и найденные

изделий (табл. XX). Отметим следующую любопытную деталь. В большинстве случаев древние мастера использовали обе поверхности литейной формы. Так, на одной поверхности вырезано углубление для отливки зеркала большого размера, а на другой поверхности этой же формы — углубление для отливки зеркала меньшего диаметра (табл. XX, 5, 6). На поселении обнаружены две литейные формы для изготовления одинаковых ажурных украшений большого размера. На одной поверхности их имеется углубление для отливки украшения, а на другой — для отливки «про-

пеллеровидного» непонятного предмета (табл. XX, 2, 6). По всей вероятности, литейщики испытывали недостаток в камнепесчанике для изготовления литейных форм и поэтому стремились максимально использовать поверхность его.

О развитии металлического производства на поселении говорят и сравнительно многочисленные находки металлических изделий. Набор орудий и изделий включает ножи, серпы с отверстием (табл. XXI, 7), обломок втулки копья, двуперые наконечники стрел с черешком, шилья, проколки, иглы, а также украшения.

Ножи своеобразной формы составляют типичное орудие чустской культуры. Они представлены целой серией (рис. 11; табл. XXI, 12; XXII, 6). Форма их устойчивая. Целый нож прекрасной сохранности дает полное представление о форме их. Лезвие и рукоять ножа составляют одно целое. Широкое выпуклое лезвие ножа плавно переходит в узкую рукоять, заканчивающуюся круглым навершием. Одна сторона ножа плоская, а другая — выпуклая, что свидетельствует об изготовлении его в односторонней литейной форме. Длина ножа — 23 см (табл. XXI, 9; XXII, 1). Аналогичные по форме ножи найдены на Чустском поселении. В других районах Средней Азии ножи рассматриваемой формы не встречаются.

Из предметов вооружения представлены наконечник копья, от которого сохранилась круглая втулка с отверстием у края для закрепления на древке (табл. XXII, 2) и двуперые наконечники стрел с черешком, не имеющие прямых аналогий (табл. XXI, 5, 6).

Интересна находка долота длиной 18 см, с круглой втулкой и клиновидным массивным лезвием (табл. XXII, 5). Долото по форме, назначению и размерам сходно с подобными орудиями периода поздней бронзы из Восточного Казахстана и Минусинского края.

Наиболее распространенную группу металлических изделий составляют кованые бронзовые проколки и четырехгранные в сечении шилья с заостренным концом. Они представлены несколькими разновидностями (табл. XXI, 10, 13—17; XXII, 7—12, 14—20).

Обращает на себя внимание украшение из кованого стержня с головкой и круглой

розеткой (табл. XXI, 2) и полусферические бляшки (табл. XXI, 1).

Большинство металлических изделий Дальверзина, судя по спектральному анализу, произведенному в Лаборатории археологической технологии ЛОИА, отлито из бронзы. Среди них можно выделить группу оловянистых бронзовых изделий с содержанием олова 3—7% и группу мышьяковистой бронзы с примесью мышьяка более

Рис. 8. Дальверзин. Глиняные прясла.

5% и небольшим содержанием олова. По составу сплава бронзовые изделия Дальверзина отличаются от изделий соседних областей. Это говорит о развитии местной рудной базы.

Особо отметим уникальную находку железного ножа с узким клинком и выделенной рукоятью со следами деревянных ножен-футляра. Длина обломка — 7 см (табл. XXII, 21). Нож имеет выработанную совершенную форму, и это вызывает сомнения в его происхождении. Однако факт распространения на поселении железа засвидетельствован находкой шлага железной руды, а также куска железа на поверхности одного сосуда (определение Лаборатории археологической технологии ЛОИА).

Изделия из камня. На поселении найдено более тысячи каменных орудий и разных поделок из камня. Среди них имеются орудия для обработки земли — массивные каменные мотыги прямоугольной формы с уз-

кой рукоятью, овальной в сечении. Одна сторона у них выпуклая, другая — плоская. На поверхности имеются следы из-

Часто встречаются грузила с боковыми выемками (табл. XXIX, 2; XXX, 3—5) или с отверстием в центре (табл. XXIX, 8).

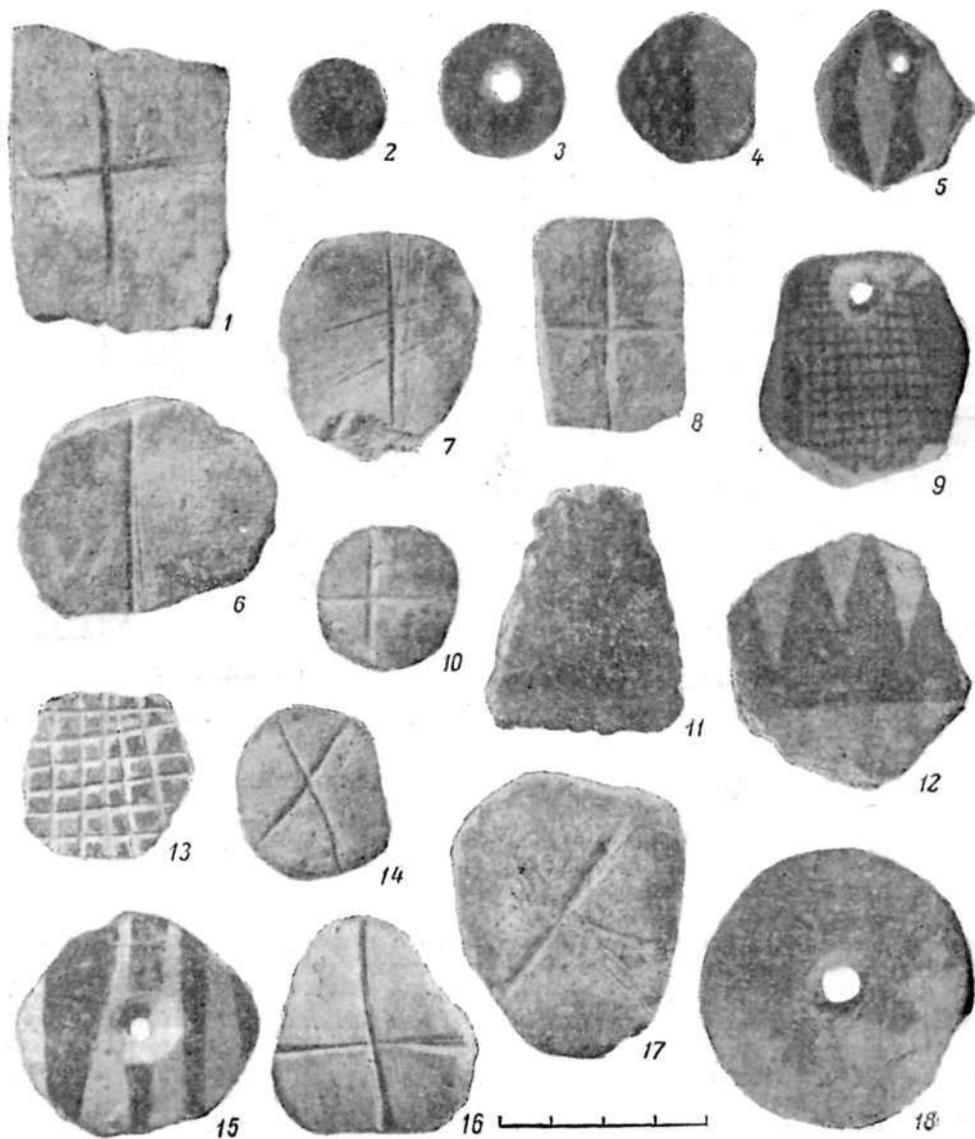

Рис. 9. Дальверзин. Заготовки и грузики из керамики.

1, 2, 4, 6—8, 10—14, 16, 17 — заготовки; 3, 5, 9, 15, 18 — грузики из керамики.

носа. Длина — 19 см. На поселении обнаружено несколько подобных мотыг. По форме к ним близки так называемые колоушки с тупым рабочим краем (табл. XXVII).

По-видимому, в качестве подпятников служили овальные камни с углублениями на обеих сторонах (табл. XXIX, 13, 14; XXX, 9—11).

Широко распространены были конические (пулевидной формы) предметы (табл. XXIX, 4—7), плоские и цилиндрические терки (табл. XXIX, 9, 19; XXX, 2), ложила, а также разнообразные точильные камни и бруски (табл. XXIX, 10—12). На поселении найдено несколько сотен отбойников шаровидной и сплюснутой формы разного размера и из разных пород камня, с выщербинами и следами сработанности (табл. XXIX, 15, 16).

Для чустской культуры типичным орудием являются каменные серповидные ножи. Из Дальверзина происходит около 300 экземпляров их. Эти ножи имеют слегка изогнутую форму, с прямым обушком и массивным рабочим краем. Средние размеры — $15 \times 4.2 \times 0.8$ см. Они несколько различаются по форме, размерам, а также по материалу (породе камня) (рис. 12; ср. рис. 13). Для изготовления ножей, судя по петрографическим определениям, брали разные породы песчаника: метаморфизованный песчаник, туфопесчаник, алевропесчаник и алевролит. Кстати отметим, что отбойники изготовлены из других более твердых пород камня: гранодиорита, микрокварцита и др. Имеются заготовки для серповидных ножей на разной стадии обработки (табл. XXV, 6—8; XXVI, 1—7). Они позволяют восстановить весь процесс изготовления ножей.

Несколькими экземплярами представлены навершия булавы конической формы из белого мраморовидного камня, тщательно отшлифованные, с двусторонним сверлением отверстия (рис. 14). В материалах из Дальверзина имеются каменные заготовки для наверший иной формы.

Особо отметим находку каменного предмета в форме современной печати. Он состоит из круглой подставки и прямоугольной ручки с раздвоенным концом (табл. XXIX, 18). Сходные по форме печати, только с узорами, встречаются на хеттских памятниках Малой Азии.⁵ Обращает на себя внимание обломок гальки с выделанным острием, круглым в сечении. У основания его имеются следы кругового вращения (табл. XXIX, 3). Судя по следам сработанности, можно предполагать, что это орудие использовалось в качестве сверла для свер-

ления отверстий на каменных предметах.

К числу орудий следует отнести гальки и камни со следами употребления в качестве ударных орудий, терок и т. п. Кроме перечисленных, имеется ряд каменных поделок, назначение и характер употребления которых остается неясным.

Из мелких поделок отметим плоские кружочки с одним отверстием (они напоминают

Рис. 10. Дальверзин.
Очажная подставка.

современные пуговицы), овальные подвески, каменные стержни, каменный шарик.

Во всех горизонтах в большом количестве находили зернотерки (табл. XXVIII). Они представлены несколькими разновидностями: массивные овальной формы с выступами по краям, четырехугольные в сечении и прямоугольной формы. Верхние камни имеют меньшие размеры и сужаются к краям. Имеются терки, сточенные с обеих сторон. Размеры целых зернотерок указаны на табл. 4. Наиболее часто встречаются зернотерки размером $25-40 \times 10-14 \times 2.5-8$ см. Здесь же отметим находку массивной гальки, четыре стороны которой зашлифованы. На двух из них имеются узкие пазы, очевидно, для затачивания каких-то предметов. Размеры шлифовального камня — $46 \times 16 \times 13$ см (табл. XXVIII, 11).

⁵ Nâmit Zübeug Koşay, II, 1951, pl. LXXX, 2.

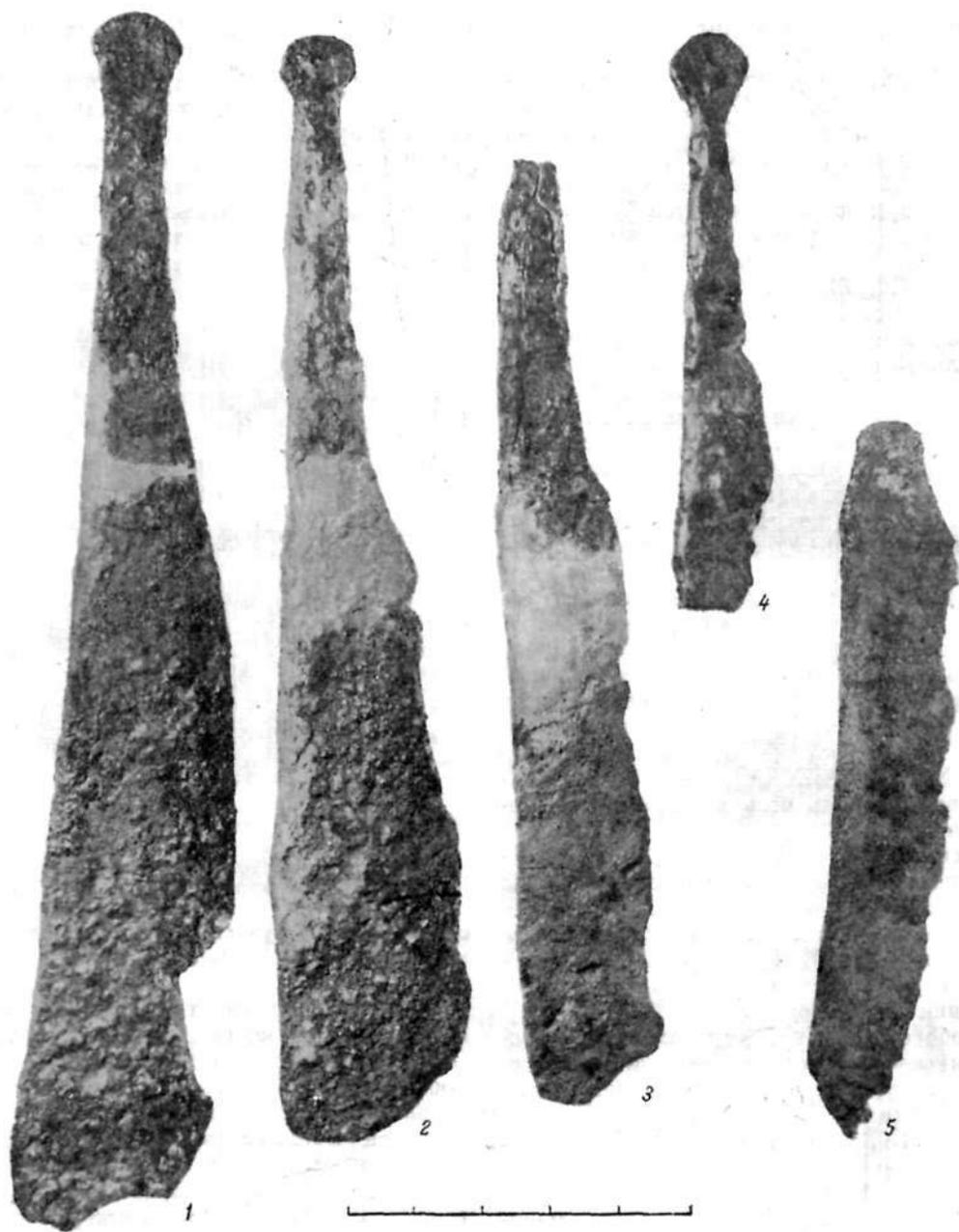

Рис. 11. Дальверзин. Бронзовые ножи.

Таблица 4

Зернотерки

№№ п. п.	Размеры (в см)	№№ п. п.	Размеры (в см)	№№ п. п.	Размеры (в см)
1	21 × 8.5 × 5	16	31.4 (26) × 12.5 × 5.8	31	37.4 (23) × 7.4 × 10
2	23.6 (20.4) × 7.4 × 4.7	17	31.4 × 9.2 × 3	32	37.6 (21) × 7.8—8 × 6
3	25.5 (24) × 12 × 6.4	18	32 (19.5) × 9 × 7.6	33	37.8 (29.3) × 11.6 × 6.5
4	26 (22.6) × 8 × 4.4	19	32.4 (24) × 8.2 × 4.4—6	34	38.5 (33.5) × 11.4 × 2.5
5	26.4 (22.6) × 8.2 × 2.6	20	32.7 (21) × 11.3 × 7	35	41.4 (17) × 9 × 8.5
6	27 (24) × 10 × 7.2	21	33 (28.6) × 9.2 × 5	36	41.5 (35) × 15 × 12.2
7	27 (21.5) × 10 × 4.6	22	33 (25) × 10 × 5.4	37	41.5 (36) × 19 × 6.6
8	28.2 (23.2) × 13 × 6.2	23	33.6 (31) × 14.2 × 4.2	38	42.6 (33) × 15.4 × 9
9	28.5 × 10.5 × 3.2	24	33.8 (28.6) × 11.7 × 5	39	42.8 (39.8) × 11.8 × 5.5
10	29 (11.4) × 11.4 × 4.7	25	34 × 12.5 × 5	40	47.2 (40.2) × 20 × 9.6
11	29 × 11.4 × 3	26	34.4 (25) × 12 × 7.7	41	49 (43) × 23.4 × 7.5
12	29.8 (27.8) × 12 × 5	27	35.6 (28.6) × 13.4 × 3	42	52 (41.5) × 16 × 6
13	30 (25.2) × 9.4 × 4.2	28	36 (22.6) × 9 × 5.7	43	56 (43.6) × 22.6 × 16
14	30 × 10 × 4.2	29	36.4 (26) × 11 × 2.8	44	57.4 (43.4) × 24 × 10.4
15	31 (26.6) × 11 × 4.4	30	36.5 × 13 × 5	45	58 (39) × 17.6 × 11

Примечание: В таблице указана общая длина зернотерки и в скобках длина рабочей поверхности.

Изделия из кости. Наибольший интерес из костяных орудий представляют костяные гребенки для прибивания утка на ткацком станке (табл. XXIII, 1—8, 12, 21—23; XXIV, 5—7). Они изготовлены из узкой прямоугольной пластины длиной 8—11 см и шириной 1.2 см. В сечении гребенки слегка выпуклые. Некоторые из них имеют едва заметный желобок. На обоих концах вырезаны зубья, количество которых колеблется от 2 до 5. Одна гребенка имеет зубья только на нижнем конце, а на верхнем — желобок для подвешивания. Кроме того, обнаружена костяная пластинка с закругленными концами, без зубьев и с четко выраженным продольным желобком. Она является, очевидно, заготовкой для гребенки (табл. XXIII, 10; XXIV, 8). В большом количестве подобные гребенки добыты на Чуском поселении.

Особо обратим внимание на находку рогового трехдырчатого псаля (рис. 15). Отличительной чертой его является расположение отверстий близко друг от друга, причем среднее отверстие перпендикулярно к плоскости остальных. В это время на поселении употребляли также и бронзовые трехдырчатые псаля. Вполне возможно предполагать одновременное существование на Дальверзине псалий из разного материала.

Широко использовались трубчатые кости животных для разных поделок. Из них вы-

резали трубки, служившие рукоятями. На некоторых имеются отверстия для лучшего закрепления (табл. XXIV, 13, 14, 23). Обрабатывает на себя внимание большая трубка, длиной 21 см, со срезами на поверхности и ровно обрезанными краями (табл. XXIII, 14). Из других костяных предметов отметим: плоскую лопаточку-пластинку с закругленными концами и следами сработанности (табл. XXIV, 22); массивную узкую пластинку со скошенным по обеим сторонам верхним краем (длиной 20 см; табл. XXIV, 20), костяную проколку (табл. XXIII, 11) и предмет неизвестного назначения с тремя отверстиями в один ряд и грибовидным выступом (табл. XXIV, 1). Из головки бедренной кости изготовлен предмет полусферической формы с отверстием в центре (табл. XXIII, 25, 27, 28). Такой же формы поделка известна, в материалах Алексеевского поселения⁶ в Западном Казахстане и Узерлик-Тепе в Азербайджане.⁷

Уникальны находки трех метаподий лошади со срезанным краем и прекрасно зашлифованной поверхностью, длиной 21 см (табл. XXIV, 21). В литературе они называются «коньками». Подобные костяные орудия известны в памятниках срубной и андро-

⁶ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 125, рис. 22, 5.

⁷ К. Х. Кушнарева, II, 1959, рис. 19, 1.

новской культур.⁸ Аналогичное орудие происходит из Чустского поселения. Эти находки являются наиболее ранним свидетельством употребления подобных предметов в Средней Азии.⁹ В собранной коллек-

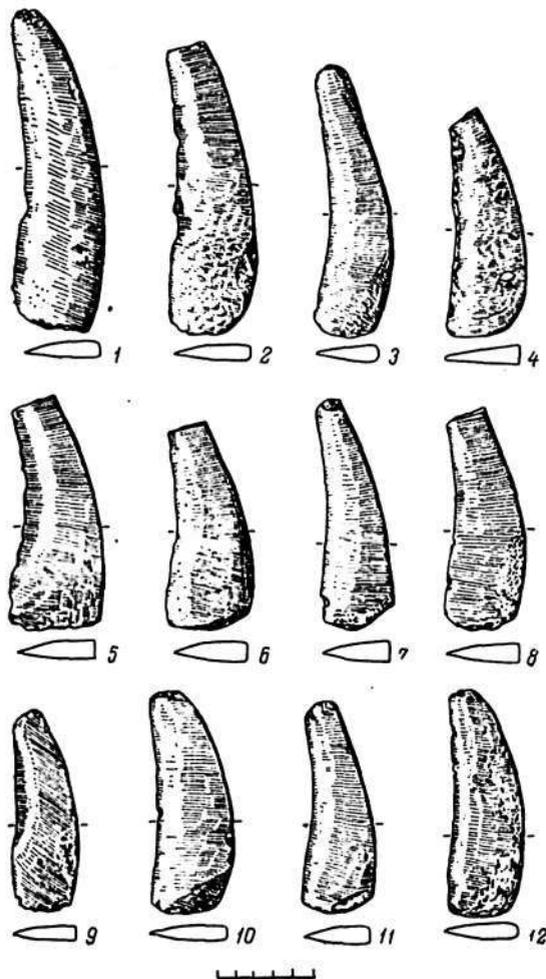

Рис. 12. Дальверзин. Каменные серповидные ножи.

ции имеются части рогов со следами распиливания и обрезанные куски их.

На поселении найдено большое количество астрагалов козы и овцы со срезанными и зашлифованными поверхностями. Не-

которые из них имеют отверстия, а на одном отверстии залито бронзой. Имеется несколько астрагалов с нарезками по краю и вырезанным знаком на одной стороне (табл. XXIII, 15—18; XXIV, 11, 12, 15, 19). Встречены целые наборы для игры, скопления из 23, 30 и 50 астрагалов вместе. Среди них выделяется несколько астрагалов с нарезками и шлифованными поверхностями. Большинство — без всяких следов обработки.

В качестве амулетов использовали зубы животных с отверстиями для шнура (табл. XXIII, 19). На поселении обнаружены обломки раковин каури, служивших украшением (табл. XXIII, 9; XXIV, 9).

Культурный слой Дальверзинского поселения насыщен костями домашних животных. В небольшом количестве представлены кости диких животных, а также рыб. Эти материалы, рассматриваемые подробно ниже, позволяют осветить некоторые стороны хозяйства древнеземледельческого населения эпохи бронзы.

Добытые археологические материалы дают основания признать Дальверзинское поселение одним из крупнейших памятников чустской культуры. Это было сильно укрепленное поселение древних земледельцев и скотоводов. На поселении в течение продолжительного времени развивалась одна культура. В настоящее время имеется возможность выделить три этапа в истории поселения, основанная на бесспорных стратиграфических данных. При этом очень важно, что стратиграфические наблюдения в центре поселения и на восточном крае, возле оборонительных стен, совпадают. Выделяемые три этапа в истории укрепления, о чем было сказано ранее, соответствуют, в основном, трем строительным горизонтам в центре поселения. Нижнему горизонту соответствует нижний культурный слой до возникновения укреплений. Конец нижнего горизонта и средний, вероятно, можно сблизить с периодом функционирования укреплений. Верхний горизонт относится ко времени, когда наступает упадок и разрушение оборонительной стены.

Подобное совпадение не является случайным и несомненно может служить основанием для выделения этапов истории поселения. Выделяемые этапы в истории Дальверзина можно назвать соответственно Дальверзин I, II, III. Третий этап относится

⁸ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1951, стр. 165, рис. 15.

⁹ Нам известно еще одно подобное орудие — только с отверстиями, опубликованное в статье Г. А. Федорова-Давыдова (II, 1958, рис. 8, 2).

уже к концу существования поселения и хронологически предшествует, а частично, может быть, и соответствует начальному этапу эйдатанской культуры. Таким образом, сейчас можно говорить о двух принципиально разных периодах в истории по-

горизонтах по сравнению с верхним. В верхнем горизонте значительно больше оказалось толстостенной керамики. Все это приводит нас к заключению, что за время существования Дальверзина в культуре населения его не произошло заметных изменений.

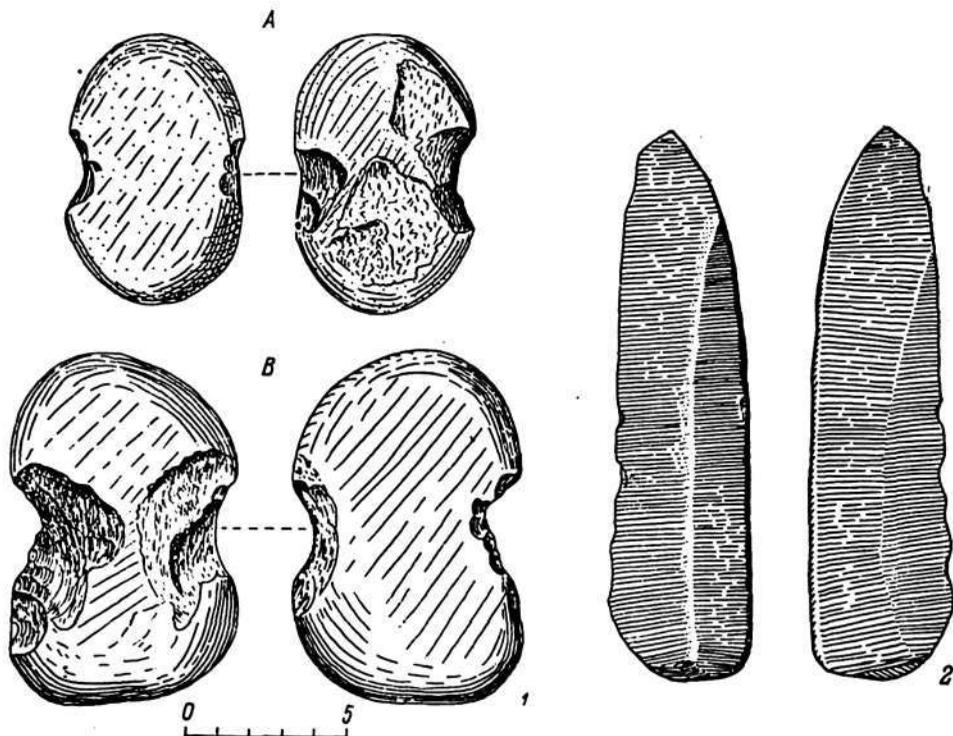

Рис. 13. Каменные изделия из Синьзяна.

1 — грузила с боковыми выемками; 2 — серповидные ножи.

селения. Первый период — это время существования открытого, неукрепленного поселения и второй — время существования Дальверзина как укрепленного поселения. Вполне очевидно, что период возникновения и начальный этап существования поселения в целом должны были отличаться от последующего периода, когда элементы материальной культуры получают полное развитие и законченное выражение. В истории поселения, как уже было сказано, основным является второй период. Однако различия в облике материальной культуры по горизонтам мало заметны. Правда, можно, например, отметить увеличение количества расписной керамики в нижнем и среднем

2. ЧУСТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение расположено в Северной Фергана на правом берегу Сыр-Дарьи, в 2 км к С от г. Чуст, среди болотистых низин долины р. Гавы (табл. I, I). Оно обнаружено М. Э. Воронцом в 1950 г.¹⁰ Разведывательные раскопки 1951 г. позволили отнести этот памятник к эпохе бронзы.¹¹ С 1953 г. ежегодно на Чустском поселении проводятся под руководством В. И. Спришевского стационарные работы большого масштаба.¹²

¹⁰ М. Э. Воронец, I, 1951а, стр. 95.

¹¹ М. Э. Воронец, I, 1954, стр. 53—58.

¹² В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 69—76; 1957в, стр. 40—49; 1957б, стр. 65—72; 1958а, стр. 185—189; 1958в, стр. 86—98; 1958б, стр. 69—71; 1961, стр. 70—71.

Чустское поселение занимает холм площадью около 4 га, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Высота холма с южной стороны равняется 5 м, с северной — 10—12 м. Склоны его прорезаны большими

именно здесь обнаружены остатки оборонительной стены.

Весь холм примерно в середине прорезан с юга на север раскопом шириною в среднем 12 м и длиной в 116 м (общей площадью

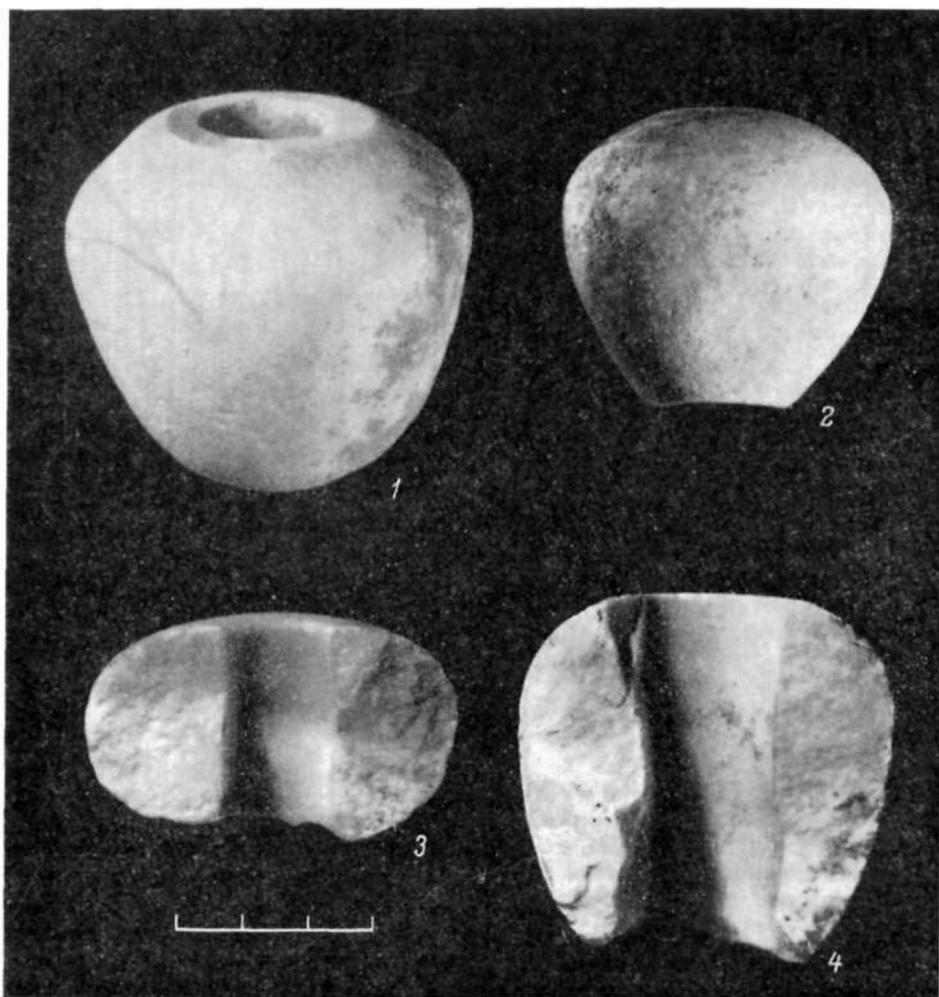

Рис. 14. Дальверзин. Каменные навершия булав.

промоинами-лощинами. Северо-западная часть холма отделена широкой ложбиной от остальной площадки. С трех сторон (севера, юга и востока) поселение окружено саями, а с западной — болотом. Проход на поселение возможен лишь с северо-западного угла. И неслучайно поэтому, что

в 1392 кв. м). В раскопе выявлена южная и северная границы поселения. Следов укреплений здесь не обнаружено. В дальнейшем этот раскоп был расширен за счет прирезки большого участка с западной стороны.

Значительные работы произведены в северо-западной части поселения, где вскрыта

часть оборонительной стены и участок поселения, примыкавший к ней с внутренней стороны, а также пристройки с внешней стороны. Помимо этого, в разных частях поселения заложено более 15 разведывательных раскопов и шурфов. На Чустском поселении вскрыта площадь более 6000 м².

Культурный слой поселения имеет толщину от 60 см до 3 м. В. И. Спришевский на основании изучения разрезов выделяет 7 этапов в жизни поселения, хотя в некоторых случаях количество прослоек достигает 13.

Вскрытые участки поселения изрыты многочисленными ямами. В основном раскопе расчищено 163 ямы. Все они относятся к нижнему слою и врезаны в материковый грунт. Ни одной ямы не обнаружено в верхних слоях. Ямы, как правило, круглой или овальной формы и различаются по своим размерам, характеру заполнения и, очевидно, по назначению. Ямы небольших размеров с диаметром в 0.60—1.10 м предназначались для хранения запасов продуктов. Круглые ямы большего диаметра — в 1.80—2.30 м, по заключению В. И. Спришевского, имеют признаки заселения человеком и являлись полуземлянками. Так, в одной яме (яма 2) обнаружен утрамбованный пол и углубления в стенах. В некоторых других ямах засвидетельствована обкладка стен сырцовым кирпичом размером 19×6×5 см (в яме 20) и булыжником (в яме 36) и найдены остатки очагов, камышовой подстилки, обломки стен и пола. Все это свидетельствует, по мнению В. И. Спришевского, об использовании этих ям в качестве жилищ.

На поселении обнаружены также остатки легкой наземной постройки овальной формы, от которой сохранились ровики и круглые углубления для деревянных стоек.¹³ Почти в центре поселения располагается овальное наземное сооружение (размером 2.0×2.7 м), стены которого сложены из двадцати чередующихся слоев глины и ила. Стены сохранились в высоту до 2.0 м и имеют в верхней части толщину в 30 см. Внутри сооружение было заполнено чистым лёссом до высоты 1.1 м. На этом основании в юго-восточном углу устроен сводчатый очаг размером 1.4×0.8 м. На дне очага оказался толстый

слой золы. Стенки его сильно прокалены. Все это говорит о длительном горении большого огня.

В засыпи и на дне постройки найдены камни, обломки глиняной посуды и зернотерок. Эта постройка не могла служить жилищем, потому что вход в нее был закрыт

Рис. 15. Дальверзин.
Роговой псалий.

очагом. В. И. Спришевский предполагает, что она использовалась как обжигательная печь или как культовое сооружение.¹⁴ Как бы ни решался вопрос о назначении этого сооружения, следует отметить сам факт наличия на поселении наземных построек хорошей сохранности.

Долгое время Чустское поселение считали открытым и неукрепленным. И только в 1957 г. так же, как и на Дальверзине, была обнаружена оборонительная стена. Вскрытый участок стены имеет дугообразную форму. Длина исследованного участка стены — 64 м, толщина — 3 м, высота — до 3.50 м. Она сложена из сырцового кир-

¹³ В. И. Спришевский, I, 1957в, стр. 44.

¹⁴ В. И. Спришевский, I, 1957б, стр. 68—69, рис. 3; 1958в, стр. 89—90, рис. 24. Ср.: М. Г. Воробьева, II, 1961, стр. 170—171.

пича размером 54—55×32—33×8—10 см. Основание стены, как и на Дальверзинском поселении, лежит на культурном слое.¹⁶ С внешней стороны к стене примыкает пристройка-платформа из сырцового кирпича. Границы ее пока не установлены. В этой платформе вскрыты остатки нескольких помещений. Одно из них узкое, прямоугольной формы, размером 1.5×3.0 м, другое — трапециевидное, размером 1.0—2.2×4.0 м. Стены помещений глинобитные, толщиной в 1.1 м, сохранились на высоту 1.4 м.

Переходя к общей характеристике археологических материалов, следует оговорить, что опубликована только незначительная часть находок, добытых на Чустском поселении.

Керамика Чуста изготовлена от руки. На поселении встречена керамика тех же типов, что и на Дальверзине, за исключением черно-серолащенной, которая в Чусте отсутствует (IV тип Дальверзина).

Находки кусков красной глины, употреблявшейся для приготовления облицовки, и обломков высушенных, но необожженных сосудов, а также каменных орудий для лощения поверхности сосудов служат свидетельством того, что изготовление и обжиг посуды производился на самом поселении. Но пока здесь не обнаружено помещений, где изготовлялась посуда, и не найдены обжигающие печи. Нам представляется, хотя у нас нет бесспорных данных, подтверждающих такое предположение, что очажная яма 32¹⁶ использовалась как обжигающая керамическая печь, от которой сохранилась только топчанная камера.

В керамике I типа — с красной облицовкой¹⁷ В. И. Спришевским выделено до 35 разновидностей форм посуды: чаши, горшки, бокалы, котлы, миниатюрные сосуды и др. Ряд форм посуды Чуста очень похож на

формы сосудов Дальверзина, а именно: чаши круглодонные и плоскодонные,¹⁸ горшки конической формы,¹⁹ кувшины грушевидной формы без ручек,²⁰ миниатюрные сосуды²¹ и др. Вместе с тем в керамике Чуста имеются сосуды таких форм (например, бокалообразные сосуды),²² которые не находят аналогий в материалах Дальверзина. Для Чустского поселения также характерно сосуществование керамики круглодонной, плоскодонной и на поддоне. Очень редко встречаются ручки. Небольшим количеством находок представлены сосуды сносимом-сливом.

Керамика II типа — с расписным орнаментом в общей массе находок занимает незначительное место. Так, например, из 2000 фрагментов, найденных в 1953 г., с росписью оказалось только 20. Роспись наносилась черной краской по красной облицовке. Значительно реже встречается красновато-коричневый орнамент на светложелтом фоне. Наиболее характерны следующие орнаментальные мотивы: треугольники,²³ ромбы²⁴ и ленты, заштрихованные решеткой; ленты, опоясывающие сосуд по диагонали крест-накрест и образующие при пересечении ромбовидные просветы;²⁵ полосы свисающих клиньев²⁶ и др. В росписи преобладают геометрические мотивы. Орнамент встречается на крупных сосудах (так, например, размер одного фрагмента равен 30 см),²⁷ на горшках, бокалообразных сосудах и др. Помимо росписи, другие приемы украшения поверхности почти не известны в чустской керамике. Единственное исключение составляет фрагмент с ямочно-ногтевым орнаментом.

Керамика III типа — сероглиняная (кухонная) представлена небольшим количе-

¹⁶ В. И. Спришевский, I, 1958в, рис. 25, 1, 2; 1957в, рис. 12, 11, 12.

¹⁷ В. И. Спришевский, I, 1954, рис. 3, 19.

¹⁸ В. И. Спришевский, I, 1958а, рис. 4, 1.

¹⁹ В. И. Спришевский, I, 1954, рис. 3, 23—24.

²⁰ В. И. Спришевский, I, 1958а, рис. 25, 4.

²¹ В. И. Спришевский, I, 1958а, рис. 4, 3.

²² В. И. Спришевский, I, 1958в, рис. 25, 8.

²³ Там же, рис. 25, 12, 13.

²⁴ В. И. Спришевский, I, 1954, рис. 5.

²⁵ В. И. Спришевский, I, 1957в, рис. 13, 1.

¹⁶ В. И. Спришевский, I, 1958б, стр. 70.

¹⁷ В. И. Спришевский, I, 1957в, стр. 43, рис. 11, 1.

¹⁸ В. И. Спришевский называет верхний слой — пленку на сосудах ангобом. Нам представляется, что применение терминов «красный ангоб» и «красно-ангобированная посуда» к керамике Чуста может привести к путанице, поскольку такие термины обычно употребляются при определении покрытия керамики последних веков до н. э. и первых веков н. э. С другой стороны, качество самой облицовки чустской керамики сильно отличается от ангоба на керамике последующих эпох.

ством форм: жаровни, кухонные котлы и кувшины. На поселении найдены также целые толстостенные сосуды — корчаги и обломки их.

Из Чуста происходят следующие металлические (бронзовые) изделия: ножи, серпы, шилья, проколки, рыболовный крючок, иглы, удила, наконечники стрел, стержни, пронизки и бусы. Очень характерны литые ножи, лезвия которых переходят непосредственно в рукоять. Рукоять более узкая, чем лезвие, и завершается полукруглым навершием.²⁸ Ножи совершенно сходны с ножами Дальверзина.

Четырехгранные шилья Чуста также очень похожи на шилья Дальверзинского поселения. Орудия этой формы распространены широко в памятниках эпохи бронзы, и непонятно, на каком основании В. И. Спришевский считает их наконечниками стрел.²⁹ Из других находок можно отметить листовидный наконечник стрелы с черешком (длиною в 4,6 см),³⁰ пластинчатые изогнутые серпы с отверстием и бронзовые удила с двумя кольцами.

Многочисленны находки каменных литых форм. Известны формы для отливки копья, стержня, зеркала круглой формы с небольшой ручкой и ножа. На одной форме вырезаны углубления для отливки одновременно двух серпов.³¹ Спектральный анализ предметов из Чуста, произведенный в Лаборатории археологической технологии ЛОИА, показал, что все они изготовлены из бронзы. Помимо этого, на поселении неоднократно находили шлак и слитки металла. Все приведенные материалы свидетельствуют о значительном развитии металлургии бронзы на Чустском поселении. Изделия из железа на поселении отсутствуют.

Целый ряд археологических материалов позволяет говорить о развитии ткачества. На поселении найдены детали ткацкого станка: костяной челнок, костяные односторонние и двусторонние гребеночки и большое количество грузил из обломков

глиняной посуды³² и из плоских камней с просверленными отверстиями, служивших, очевидно, для подвязывания нитей на ткацком станке. Большую редкость составляют массивные пряслица биконической формы.³³ О тканях, изготовлявшихся на Чустском поселении, можно судить по отпечаткам ее на внутренней поверхности глиняной посуды.³⁴ По отпечаткам определены ткани с полотняным переплетением нитей.³⁵

Население Чуста в хозяйстве и в быту применяло разнообразные орудия, изготовленные из камня и кости. Известны следующие орудия и изделия из камня: серповидные ножи, песты, терки, зернотерки, ложила, точильные камни с отверстием для подвешивания, шлифованный топор и др. Особо отметим прекрасно отшлифованные каменные навершия булавы шаровидной и конической формы и заготовки для них.³⁶ Большой интерес представляют найденные в Чусте нефритовые поделки неизвестного назначения. К стати сказать, месторождение нефрита имеется поблизости в долине р. Гава.

Разнообразны костяные орудия Чустского поселения: шилья, проколки, костяные орудия для рыхления земли, изготовленные из челюсти животных; костяные трубки, опиленные рога животных, обработанные астрагалы, костяное пряслице и др. Помимо этого, найден обломок рогового предмета с несколькими отверстиями, который, по предположению В. И. Спришевского, мог служить музыкальным инструментом — своего рода флейтой. Истинное назначение его как псалля определил А. И. Тереножкин.³⁷

Украшения Чустского поселения представлены каменными боченкообразными бусами голубого цвета (из лазурита) и из темно-серого камня, а также сердоликовыми бусами биконической формы,³⁸ клыками животных с просверленными отверстиями для

²⁸ М. Э. Воронец, I, 1954, рис. 5.

²⁹ В. И. Спришевский, I, 1957в, стр. 47.

³⁰ М. Э. Воронец, I, 1954, рис. 4.

³¹ М. А. Новицкая, II, 1960, стр. 35, прим.

³² В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 72, рис. 9; 1957в, стр. 49; 1958а, рис. 5, 3.

³³ К. Ф. Смирнов, II, 1961, стр. 65, прим. 77.

³⁴ В. И. Спришевский, I, 1957в, стр. 49.

²⁸ В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 71, рис. 7; 1957в, рис. 12, 6; 1957б, рис. 4, 1—2.

²⁹ В. И. Спришевский, I, 1958в, стр. 93, рис. 29, 3—5.

³⁰ В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 71—72, рис. 7.

³¹ В. И. Спришевский, I, 1957в, рис. 12, 8—9; 1958в, рис. 28, 16; 1958а, рис. 5.

шнурка, раковинами каури³⁹ и бронзовыми пронизками-трубочками.

На Чустском поселении открыто несколько погребений человека. В верхних напластованиях культурного слоя на глубине 60 см от поверхности обнаружен костяк женщины в скорченном положении на левом боку, головой на ЮЗ. Никаких вещей около погребенной не обнаружено, и не удалось выявить контуры могильной ямы.⁴⁰ Череп относится к европеоидному длинно-головому средиземноморскому типу.⁴¹ Отдельные кости человека неоднократно встречались в разных частях поселения.

Чустское поселение в свете археологических работ может быть охарактеризовано как рядовое, небольших, по сравнению с Дальверзиним, размеров, укрепленное поселение оседло-земледельческого населения.

В развитии Чустского поселения пока не удается выделить этапы и проследить изменение материальной культуры. Также невозможно хронологически расчленить добытые материалы. Слои, которые выделяет В. И. Спришевский, не связаны со строительными комплексами и поэтому не могут служить основанием для периодизации поселения. Чустское поселение было постепенно покинуто жителями, которые захватили с собой всю ценную домашнюю утварь.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать о полном сходстве Дальверзинского и Чустского поселений. Одинаковый характер культурных отложений (толщина и состав культурного слоя, наличие строительных остатков, многочисленность хозяйственных ям и т. д.), сходные географические условия расположения поселений и наличие оборонительных стен сближает рассматриваемые памятники. Полностью совпадают основные ведущие формы глиняной посуды. На обоих поселениях распространены одинаковые приемы изготовления, обработки и украшения сосудов. Можно отметить совпадение основных форм орудий и изделий из бронзы, камня и кости. Облик материальной культуры на этих поселениях один и тот же. Добавим еще сходство погребального обряда и обычая захоронения умер-

ших в культурном слое. Вместе с тем, каждое поселение имеет свои локальные особенности. Отличие в облике материальной культуры можно будет более ясно выявить только после увеличения материалов из Дальверзина и публикации многочисленных находок на Чустском поселении. Все приведенные материалы бесспорно свидетельствуют об одновременности поселений, о принадлежности их одной культуре и родственным в этническом отношении племенам.

3. КАРА-КУРГАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (ТАБЛ. I, 2)

Поселение расположено на правом берегу р. Коксарек-Сай, в подгорной полосе, примерно в 15 км к С от Чуста, в самом центре с. Кара-Курган, на склоне горной гряды. Ю. Г. Чуланов, обследовавший поселение в 1959 г.,⁴² собрал на поверхности керамику чустского и эйлатанского типов, а также красноангобированную. Особый интерес представляет керамика промежуточного типа — между чустской и эйлатанской. Эти материалы позволяют заполнить пробел в наших знаниях о развитии культуры от чустского к эйлатанскому периоду. Культурный слой поселения частично перекрыт мощным завалом горной породы. В том же году посетил это поселение В. И. Спришевский, который собрал подобную керамику.

4. ТЮРЯ-КУРГАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ — ПИЛОЛЬ-ТЕПЕ (ТАБЛ. I, 3)

Поселение располагается на левом берегу р. Кассан-Сай, у с. Тюря-Курган, в 25 км к В от Чуста. Сохранилось в виде небольшого останца. Оно обследовано в 1958 г. Ю. Г. Чулановым, который произвел здесь небольшие раскопки.⁴³ В результате выявлена интересная стратиграфическая картина. В верхних слоях сильно разрушенного холма обнаружена красноангобированная керамика последних веков до н. э. и первых веков н. э. В нижнем слое открыто небольшое

³⁹ Ю. Г. Чуланов. В долине Коксарек-Сая. «За Коммунизм», г. Наманган от 14 июля 1959 г.

⁴⁰ О результатах обследования в 1958 г. ряда поселений чустской культуры Ю. Г. Чуланов сделал сообщение на пленуме ИА АН СССР в Москве весной 1959 г., а также на заседании сектора Средней Азии и Кавказа в Ленинграде. За ознакомление с неопубликованными материалами привошу Ю. Г. Чуланову свою благодарность.

³⁹ В. И. Спришевский, I, 1954, рис. 8, 9.

⁴⁰ В. И. Спришевский, I, 1957, стр. 71—72.

⁴¹ В. Я. Зезенкова, I, 1958, стр. 93.

помещение с глинобитными стенами и двумя хумами, вкопанными в пол. В нижних слоях найдена керамика чустского типа. Связаны ли находки чустской керамики с помещением, осталось невыясненным. Здесь же на поселении найдена керамика эйлатанского типа. Вполне возможно, что поселение было многослойным. Однако оно настолько сильно разрушено, что изучение его не может дать ясной стратиграфии.

5. ПОСЕЛЕНИЕ ТЕРГАУЧИ (ТАБЛ. I, 4)

Поселение находится на правом берегу р. Кассан-Сай, в 20 км к СЗ от г. Намангана и к С от Тюря-Кургана. Открыто в 1958 г. Ю. Г. Чулановым, который произвел небольшие раскопки. Культурный слой, толщиной до 60 см, выявлен на останках лёссовой гряды, вытянутой вдоль реки. В материковом грунте расчищено несколько хозяйственных ям. Добытый разнообразный материал (керамика, каменное навершие булавы, бронзовое шило, боченкообразная бузина из лазурита и др.) аналогичен материалу Чуста и Дальверзина. Часть поселения была обита в более позднее время, что засвидетельствовано находками красноангобириванной керамики.

6. ГУРМИРОНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (ТАБЛ. I, 5)

Выходы культурного слоя отмечены на краю береговой террасы левого берега р. Кассан-Сай, в 2 км от поселения Тергаучи и в 1 км к Ю от Гурмиронского могильника первых веков н. э. Поселение открыто Ю. Г. Чулановым в 1958 г. Культурный слой незначителен и содержал зольные пятна и чустскую керамику, в том числе с росписью.

К С от поселения еще в 1951 г. во время работ экспедиции А. Н. Бернштама была найдена расписная чаша — одна из первых находок, относящаяся к чустской культуре. Остановимся подробнее на этой находке (рис. 16). Обломок чаши найден на поверхности современного кладбища возле сел. Гурмирон на левом берегу р. Кассан-Сай. Это открытая глубокая чаша со слегка загнутыми внутрь стенками. На поверхности выделяются расплывчатые буро-черные пятна. Орнамент состоит из двух параллельных линий вдоль закраины, заполненных квадратиками, от которых спускаются пять пар удлинённых треугольников вершинами вниз. Каж-

дая пара треугольников заштрихована одинаково и в то же время отлична от другой пары. Внизу треугольники завершаются большими кружками. А. Н. Бернштам сопоставил эту чашу с посудой культур крашеной керамики Ирана и на этом основании датировал ее серединой II тыс. до н. э.⁴⁴ По всем

Рис. 16. Расписная чаша из Гурмирона.

признакам, включая такую деталь, как пятна на поверхности, чаша тождественна посуде Чуста и Дальверзина.

7. ПОСЕЛЕНИЕ ЯЗ-ДЕПЕ (ТАБЛ. I, 6)

В 18 км к В от г. Наманган, в обрыве лёссовой возвышенности, к С от дороги Наманган — Уч-Курган, к Ю от СФК Ю. Г. Чуланов в 1958 г. обнаружил выходы культурного слоя. Здесь найден почти целый сосуд с красной облицовкой, сходный с чустской керамикой.

8. ПОСЕЛЕНИЕ АШКАЛ-ТЕПЕ (ТАБЛ. I, 9)

Поселение находится в 5—6 км к СВ от Дальверзина. Оно обнаружено в 1957 г.⁴⁵ Небольшие раскопки произведены в 1959 г. Поселение расположено на возвышенном участке (холме) первой надпойменной террасы левого берега р. Кара-Дарьи. Оно вытянуто

⁴⁴ А. Н. Бернштам, I, 1954, рисунок на стр. 271.

⁴⁵ Ю. А. Заднепровский, I, 1959, стр. 216—219.

с севера на юг. Размеры поселения равны приблизительно 400×320 м. Северный и западный края его проходят по обрывистому берегу реки, возвышающемуся над уровнем воды и поймы примерно на 5—7 м. Восточный край поселения совпадает с естественной границей холма. Границы поселения с южной и юго-западной сторон трудно определить вследствие запашки под хлопок и застройки современными строениями.

Участок берега, занятый поселением, образует небольшой мыс, к югу и востоку от

Рис. 17. Расписная чаша из Ашкал-Тепе.

которого расположена болотистая низина. Возле самого поселения находится брод через реку. На противоположном, правом, берегу Кара-Дарьи к ее пойме вплотную подходят отроги горного хребта.

По своему местоположению на берегу большой реки, какой является Кара-Дарья, Ашкал-Тепе несколько отличается от поселений Чуста и Дальверзина, расположенных на значительном расстоянии от реки. Но, по существу, все эти поселения находятся в одинаковых природных условиях — на низкой террасе среди болотистых низин.

Поселение сильно разрушено современным кладбищем. Несмотря на разрушения, на поверхности встречено очень мало обломков глиняной посуды. Только на северо-западном склоне холма удалось собрать некоторое количество керамики. Здесь, в обресе, виден культурный слой с зольными прослойками, костями животных и керамикой. На этом месте у обрыва берега заложен раскоп пло-

щадью в 40 кв. м. В нем обнаружены остатки трех помещений. Полностью сохранилась прямоугольная комната размером 3.2×2.5 м, ориентированная точно по сторонам света. Стены глинобитные, толщиной в среднем 40 см, сохранились в высоту до 80 см. Пол также глинобитный, хорошо утрамбован. На полу вдоль северной стенки обнаружено скопление золы. В другой комнате на полу сохранились остатки очага и рядом с ним — хозяйственная яма. В слое, перекрывающем помещение, и в засыпи самого помещения найдено много керамики, а также обломок каменного грузила и кусок окисленной бронзы.

За северной стеной комнаты заложен шурф и здесь же зачищен обрыв берега для изучения залегания слоев. На Ашкал-Тепе наблюдается следующая стратиграфия:

0.0—0.2 м — дерновый слой,
0.2—1.8 м — культурный слой.

Культурный слой лежит на материковом грунте, состав которого следующий:

1.8—2.1 м — желтый чистый лёсс,
2.1—3.7 м — серый твердый шох,
3.7—7.0 м — галечный конгломерат.

Толщина культурного слоя равна слою Дальверзинского поселения. Однако на последнем культурный слой подстилается более мощным пластом лёсса, достигающим двухметровой толщины.

Керамика поселения Ашкал-Тепе сходна с керамикой Дальверзина и Чуста. Преобладают находки керамики с красной облицовкой. Но в комплексе относительно большее место (более 20%) занимает керамика с расписным орнаментом (табл. XXXI). Свообразие расписного орнамента сразу обращает на себя внимание. Такие оригинальные и сложные сочетания мотивов орнамента, как на Ашкал-Тепе, на других памятниках пока не известны. Особый интерес вызывает расписная чаша с зигзагообразным узором, цветовая гамма которой напоминает расписную посуду Актамского могильника (рис. 17).

Большой интерес представляет, например, орнамент глубокой открытой чаши. Он состоит из вертикальных полос, заштрихованных сеткой, чередующихся с рядом узких клиньев, свисающих вершинами вниз, а также с вертикальными полосами, составленными из треугольников, образующих ромбовидные просветы. Орнамент этой чаши

представляет, пожалуй, одну из наиболее сложных композиций в расписной керамике Ферганы этого времени.⁴⁶ Из других мотивов часто встречаются вертикально расположенные ромбы, заштрихованные сеткой и окаймленные по бокам прямыми линиями, треугольники, заштрихованные сеткой, ряд узких клиньев и др.⁴⁷ Кухонная посуда представлена обломками кувшинов с шаровидным туловом и низким широким горлом.

По своему внешнему виду и местоположению, характеру культурных напластований и размерам поселение Ашкал-Тепе сходно с Дальверзином и Чустом. Керамика поселения по всем признакам аналогична чустской. Вместе с тем, наблюдается своеобразие мотивов росписи. Некоторые мотивы, известные на посуде Дальверзина, здесь отсутствуют (горизонтально расположенные ромбы с сетчатым заполнением и др.), зато имеется ряд других, не представленных в орнаменте Дальверзина (табл. XXXI, 8, 10, 20). Орнамент Ашкал-Тепе несколько отличается от Чуста и Дальверзина в целом. Роспись дальверзинской керамики ближе стоит к Чусту, чем к Ашкал-Тепе, хотя последнее расположено поблизости и, очевидно, входило в состав Дальверзинского оазиса. Следовательно, в этом случае можно сделать заключение не о географическом (и племенном), а о вероятном хронологическом различии между Ашкал-Тепе и Дальверзином. Это предположение, однако, должно быть проверено на значительно большем материале, особенно из Ашкал-Тепе.

На основании всего сказанного можно с полным правом отнести Ашкал-Тепе к числу поселений чустской культуры.

9. ПОСЕЛЕНИЕ АХШАР (ТАБЛ. I, 10)

Поселение занимает холм на острове, расположенном в месте впадения р. Кугарт в Кара-Дарью, примерно в 8—10 км к СВ от Дальверзина. Обнаружено автором в 1958 г. Невысокий неправильных очертаний холм сильно задернован. Вся поверхность его изрыта современными могилами. Однако подъемного материала обнаружено очень мало — всего несколько фрагментов

малохарактерной керамики. Помимо этого, найдены две большие гальки со следами сколов, являющиеся заготовками для серповидных ножей чустского типа. Они имеют полное сходство с аналогичными заготовками Дальверзина.

10. ДОМ-УСАДЬБА ЧИМБАЙ (ТАБЛ. I, 12)

Поселение занимает небольшой холм на краю древней береговой террасы р. Кара-Дарья, примерно в 10 км к ЮВ от г. Узген. Открыто в 1959 г. В 1960 г. автор производил на поселении раскопки. Холм, занятый поселением, имеет овальную в плане форму размером 30×10—25 м, высотой в 8 м. Он расположен на высоком берегу древней излучины реки. Участок берега с С и Ю ограничен лощинами саев.

Вскрыта вся площадь поселения и на большом участке установлены его границы. Площадь поселения равна около 500 кв. м. Никаких укреплений на краю поселения не прослежено. Строительные остатки почти полностью разрушены, что объясняется незначительной толщиной культурного слоя (до 1 м). В центре изученного участка открыты остатки жилища с полом, очагом и сильно разрушенной стеной. В полу на всем участке расчищено 16 хозяйственных ям.

Среди немногочисленных находок первое место занимает керамика. В комплексе представлена керамика с красной облицовкой, черно-сероошечная и сероглиняная (кухонная). Формы сосудов одинаковы с Чустом и Дальверзином (шаровидные сосуды с отогнутым венчиком, горшки конусовидной формы, миски с перегибом бортика, чаши). Расписной керамики не найдено. Также отсутствуют изделия из металла и кости.

Каменные орудия представлены серповидными ножами и заготовками, которые по форме и материалу аналогичны ножам Чуста и Дальверзина. Кроме того, найдены шаровидные отбойники, овальный камень с углублениями на обеих поверхностях (подпятник). Особо отметим находку части каменного навершия булавы. Весь комплекс находок не оставляет сомнения в принадлежности поселения Чимбай к кругу памятников чустской культуры.

Для уточнения размеров поселения были заложены шурфы на площадке, окружающей холм, и на соседних холмах. Следов куль-

⁴⁶ Ю. А. Заднепровский, I, 1959в, рис. 2, 1.

⁴⁷ Там же, рис. 2.

турного слоя не обнаружено. Из этого можно заключить, что на данном участке был заселен в эпоху бронзы только один небольшой холм. Однако к северу от поселения, на противоположном крае лощины, обнаружено скопление чустской керамики, но, по-видимому, оно не связано с культурным слоем.

Чимбайское поселение по размерам резко отличается от таких памятников чустской культуры, как Чуст, Дальверзин и другие, и представляет, очевидно, особый тип памятников — поселок (дом-усадыбу) небольшой семейной общины.

Рассматриваемый памятник расположен в западной части Кара-Дарьинского оазиса, который занимает значительную площадь на правом берегу р. Кара-Дарьи в месте образования ее из слияния рек Тар и Кара-Кульджа (табл. LXVIII). Большинство памятников оазиса относится к шурабашатскому периоду. Но оазис был заселен уже в чустский период. К этому периоду относятся находки еще на четырех поселениях.

11—12. ПОСЕЛЕНИЯ КАРАКОЧКОР I—II (ТАБЛ. I, 14)

Поселение Каракочкор I расположено в юго-западной части Кара-Дарьинского оазиса (на плане оазиса отмечено номером 84), примерно в 3 км к Ю от Чимбая. Занимает обособленный холм подтреугольной формы, находящийся на краю древней береговой террасы р. Кара-Дарьи. В 1961 г. автор произвел небольшие раскопки на поселении. В северной части его вскрыта на участке около 70 кв. м глинобитная утрамбованная площадка, служившая основанием для жилища. Строительные остатки не сохранились. Площадь поселения Каракочкор I, судя по раскопкам, не превышала 200 кв. м. Добытая на поселении керамика аналогична керамике Чуста и Дальверзина.

Поселение Каракочкор II (на плане оазиса отмечено номером 85) занимает узкий вытянутый холм, отделенный от Каракочкор I глубокой ложиной. Площадь поселения равна примерно 60×12 м и не превышала 700 кв. м. В небольшом шурфе, заложенном в 1961 г., обнаружена керамика чустского типа.

13. ПОСЕЛЕНИЕ 82

Поселение находится на краю береговой излучины р. Кара-Дарьи, примерно в 1 км к С от Чимбая (на плане оазиса отмечено номером 82). Оно занимает холм размером 48×40 м. В восточной части поселения в 1961 г. заложен шурф, в котором найдена керамика чустского типа.

14. ПОСЕЛЕНИЕ 33 (ТАБЛ. I, 13)

Поселение находится на правом берегу Узген-Арыка, примерно в 2 км к СВ от Чимбая (на плане оазиса отмечено номером 33). Занимает обособленный холм и площадь его равна 70×15—20 м (1050—1400 кв. м). В шурфе, заложенном в 1961 г., найдена керамика чустского типа.

15. ПОСЕЛЕНИЕ ДЕХКАН

Поселение расположено на краю древней береговой излучины р. Кара-Дарьи, к СЗ от Чимбая, на расстоянии 5—6 км к ЮВ от Узгена. На этом участке имеется несколько холмов, окруженных земляным валом. В 1961 г. на поверхности поселения собрана керамика чустского и шурабашатского комплексов, а также красноангобированная. Поселение, по всей вероятности, является многослойным.

16—17. ПОСЕЛЕНИЯ ЗАРГУЛДАК-ТЕПЕ И ШОР-ТЕПЕ (ТАБЛ. I, 15, 16)

Эти поселения расположены в районе с. Булак-Баши, к ЮВ от г. Андикана и на расстоянии 35—40 км по прямой от Дальверзина. Холм Заргулдак-Тепе имеет размеры 64×40 м. Он расположен в центре одноименного селения, в 4—5 км к Ю от Шор-Тепе. Поселения обнаружены в 1956 г. В. И. Козенковой.⁴⁸ На поверхности холмов собрана керамика, сходная с чустской, в том числе на Шор-Тепе найдено несколько черепков с расписным орнаментом.⁴⁹ Холм Шор-Тепе разрушен при землеустроительных работах. В 1958 г. до основания разрушено также Заргулдак-Тепе.

В 1957 г. на Заргулдак-Тепе произведены небольшие раскопки.⁵⁰ В обресе стенок

⁴⁸ В. И. Козенкова, I, 1957, стр. 295; 1959, стр. 57.

⁴⁹ В. И. Козенкова, I, 1959, рис. 23.

⁵⁰ О работах на Заргулдак-Тепе доложил на пленуме ЛОИА в марте 1958 г. Б. З. Гамбург.

раскопа прослежена кладка сырцового кирпича. Добытый на Заргулдак-Тепе материал имеет полное сходство с материалами Чустского и Дальверзинского поселений. На поселении, помимо керамики, найдены несколько каменных серповидных ножей, отбойники шаровидной формы, зернотерки и др. Наибольший интерес представляет находка бронзового втульчатого наконечника копья листовидной формы с двумя прорезями по сторонам втулки. По своей форме наконечник копья находит целый ряд аналогий в памятниках андроновской и срубной культур. В материалах Заргулдак-Тепе не оказалось ни одного черепка с расписным орнаментом. Но на втором поселении — Шор-Тепе расписная керамика известна. Весь комплекс находок на Заргулдак-Тепе и Шор-Тепе позволяет включить их в круг памятников чустской культуры.

18. ПОСЕЛЕНИЕ ЧАКАН (ТАБЛ. I, 7)

К рассматриваемой группе памятников можно присоединить также и поселение, остатки которого обнаружены на строительном участке 13 трассы БФК возле сел. Чакан, к 3 от Андижана. В этом месте трасса проходит на расстоянии 1,5—2 км от современного русла р. Кара-Дарьи. Таким образом, поселение Чакан располагалось в пойме левого берега р. Кара-Дарьи, примерно на таком же расстоянии от реки, как и Дальверзинское поселение. Кстати отметим, что от Чакана до Дальверзина по прямой насчитывается около 50 км.

Остатки древнего поселения были прослежены на участке длиной около 300 м (пк 66—68). В нижних слоях на глубине 4—5 м найдена керамика ручной лепки с добавлением в тесто шамота, дресвы и растительных примесей. Поверхность сосудов покрыта красноватой и буро-красной краской с пятнами темного цвета.⁵¹ Среди керамики наибольший интерес вызывает обломок глубокой чаши с вогнутыми стенками. На поверхности ее черной краской по темно-красному фону нанесен узор в виде вертикальных полос, заштрихованных сеткой.⁵²

⁵¹ Т. Г. Оболдуева передала автору рисунки керамики с этого поселения, которые дополняют опубликованный комплекс, за что приношу ей глубокую благодарность.

⁵² Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 32—33, табл. XI. В Музее изобразительных искусств

На поселении найдены также миниатюрная чашечка диаметром в 6 см и высотой в 3,5 см, фрагменты толстостенных чаш большого размера, открытые глубоких мисок с перегибом бортика и плоских круглых крышек от сосудов. С этого же участка происходит обломок бронзового (медного) литого ножа с рельефным орнаментом на одной стороне лезвия — два ряда треугольников, соединенных вершинами (рис. 16, 5; табл. XXXIII, 13).⁵³

Перечисленные находки, несомненно, свидетельствуют о существовании здесь поселения. Собранная керамика имеет характерные черты, сближающие ее с керамикой чустской культуры (одинаковые приемы изготовления, украшение росписью, сходные формы сосудов и даже такая деталь, как пятна на поверхности). Нижние слои поселения Чакан, следовательно, можно отнести ко времени существования поселения чустской культуры. В материалах поселения, по заключению Т. Г. Оболдуевой, имеется также керамика, сходная с эйлатанским комплексом.⁵⁴ В верхних слоях обнаружены материалы более позднего времени — керамика с блестящим красным ангобом, характерная для последних веков до н. э. и первых веков н. э. Находки у с. Чакан представляют редкий случай, когда поселение чустской культуры перекрыто более поздними культурными остатками.

19. ПОСЕЛЕНИЕ МАНЯК

Поселение располагается в седловине невысокого скального хребта, к СЗ от г. Ош и к Ю от дороги Андижан—Ош. Скальный хребет (одна из так называемых Ошских гор) вытянут с ЮЗ на СВ. На северо-западном склоне во время организации карьера для добычи камня был обнаружен культурный слой с керамикой и каменными

в Ташкенте хранится этот обломок расписной чаши, но вследствие пожара в УзФАНе цвет поверхности и росписи его изменился.

⁵³ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, табл. XI.

⁵⁴ В отчете Т. Г. Оболдуева сопоставляет керамику из нижних слоев поселения Чакан с находками на городище, расположенном на мысу поймы р. Майли-Сай, к ЮВ от Тюячи, а те, в свою очередь, с эйлатанской керамикой (I, 1951, стр. 23, 32, 39). Но, поскольку в отчете отсутствуют изображения и более подробное описание керамики, правомерность подобных сопоставлений не может быть проверена.

орудиями. Поселение было обследовано сотрудниками Андижанского областного музея, а затем с их помощью в 1961 г. автором, который приносит глубокую благодарность художнику Музея А. И. Круглову. Размеры участка, доступного для заселения, незначительны. В обресе хорошо виден культурный слой толщиной в 60—80 см, лежащий непосредственно на скальной породе. Трудно предполагать существование на этом месте жилых построек. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с сезонным поселением. На поселении собрана керамика чустского типа и каменные орудия: серповидные ножи и заготовки ножей, пест и обломки зернотерок.

Происхождение этого поселения, как и сходного по характеру местоположения поселения Кара-Курган в Северной Фергане, пока что не находит удовлетворительного объяснения.

20. ПОСЕЛЕНИЕ АКБАРАБАД

Поселение расположено к З от сел. Кува, среди песчаных дюн, возле сел. Акбарабад. Открыто сотрудником Ферганского областного музея П. Т. Коноплей. На поверхности собрана керамика чустского типа и каменные поделки. Сведения об этих материалах и о находках на правом берегу Сыр-Дарьи нам сообщил П. Т. Конопля, которому приношу свою глубокую благодарность.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ

В ряде пунктов Ферганской долины зарегистрированы отдельные находки керамики чустского типа на многослойных городищах и тепе. Они сигнализируют о существовании здесь остатков поселений эпохи бронзы.

21. На участке правого берега р. Сыр-Дарьи от сел. Келячи (к Ю от сел. Пап) и до сел. Тода (к ЮЗ от ж. д. ст. Чуст), как нам любезно сообщил сотрудник Ферганского областного музея П. Т. Конопля, им во время разведок в 1961 г. в нескольких пунктах обнаружена керамика чустского типа.

22. На центральном городище в Узгене во время работ Южно-Киргизского отряда в 1954 г. обнаружен фрагмент керамики

чустского типа. Он представляет собой кружок, вырезанный из обломка расписного сосуда. Орнамент нанесен черной краской в виде узкой полосы, заштрихованной сеткой — мотив, весьма характерный для чустской керамики. Этот обломок, по-видимому, случайного происхождения и найден во вторичном залегании.

23. На поверхности городища Дунбулак, находящегося в 5 км к В от Узгена, Н. Н. Забелина в 1953 г. нашла обломок сосуда чустского типа (табл. I, 82).

24. На одном тепе возле сел. Шалтак, к В от г. Ош. в 1956 г. обнаружена керамика чустского типа.⁵⁵ Группа тепе расположена на боковом протоке Талдык-Су в предгорьях Алайского хребта. В собранной на тепе № 5 керамике имеется большое количество с красным ангобом, образцы поливной средневековой посуды, а также несколько фрагментов сосудов, бесспорно сходных с чустской. Добытые материалы свидетельствуют о длительной истории оазиса, начиная с эпохи бронзы и до средневековья (табл. I, 96).

25. Несколько фрагментов чустской керамики происходят из Гайрат-Тепе, исследуемом В. И. Козенковой.⁵⁶ Это тепе находится к Ю от с. Аим и примерно в 8 км к ЮЗ от Дальверзина (табл. I, 97). Керамика чустского типа обнаружена в комплексе красноангобированной керамики последних веков до н. э. и первых веков н. э. Здесь же найдены сосуды с шурабашатской росписью. Вполне возможно, что укрепленное поселение периода красноангобированной посуды возникло на месте поселения чустской культуры. Находки на Гайрат-Тепе, представляя новый пункт распространения чустской керамики в окрестностях Дальверзинского поселения, может быть, свидетельствуют о существовании еще одного поселения в этом районе.

Чустская керамика обнаружена также на одном поселении в Кайрак-Кумак и в могильнике Таш-Курган, относящихся к памятникам андроновской культуры Ферганы.

26. Возле поселения № 30, в восточной части Кайрак-Кумской степи, в 1956 г.

⁵⁵ Ю. А. Заднепровский, I, 19596' стр. 72.

⁵⁶ С этими материалами меня ознакомила В. И. Козенкова, которой приношу свою благодарность.

найден целый горшок с низким и широким горлом, покрытый красной облицовкой и росписью в виде больших заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз. По фактуре, характеру росписи и форме сосуд относится к чустскому типу керамики.⁵⁷ Условия залегания сосуда не дают возможности установить одновременность его с комплексом поселения № 30. Эта находка свидетельствует о распространении керамических изделий чустской культуры в северо-западной части Ферганской долины (табл. I, 17).

27. В могильнике Таш-Курган, к Ю от г. Ферганы, во время раскопок Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбурга в 1956 г. найдена чустская керамика, в том числе с росписью. Отсюда же происходит андроновская керамика, сходная с посудой Вуадильского могильника, а также образцы более позднего времени (середины I тыс. н. э.). Условия залегания и соотношение чустской и андроновской керамики неясны. Независимо от того, каким образом оказались в этом комплексе сосуды чустского типа, обнаружение их представляет новый пункт распространения керамики чустской культуры в Южной Фергане (табл. I, 22).

II. АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Группа памятников иной культуры, чем чустская, но относящаяся также к эпохе бронзы, была выявлена в западной части Ферганской долины. В 1954 г. в Кайрак-Кумах на правом берегу Сыр-Дарьи А. П. Окладников обнаружил многочисленные скопления культурных остатков эпохи бронзы.⁵⁸ Изучение их продолжил Б. А. Литвинский в 1955—1956 гг.⁵⁹ Всего здесь обследовано около 60 пунктов с комплексными находками, включающими керамику, изделия из металла и камня, которые можно рассма-

тривать как остатки разрушенных поселений. Поселения концентрируются в трех районах: западном (в районе оз. Шор-Куль), центральном и восточном (Такыри-Ягона), занимающих в целом обширную территорию (табл. I, 17—19).

Скопления культурных остатков встречаются на такырных площадках среди песков и занимают ограниченные участки. Однако большое количество находок встречено и за пределами поселений.

Поселения располагаются на первой и, в основном, на второй надпойменных террасах Сыр-Дарьи в безжизненной пустыне, которая ныне затоплена водами Кайрак-Кумского водохранилища, Таджикского моря. Культурный слой на большинстве поселений отсутствует. И только в раскопах на поселениях №№ 12 и 16 обнаружены остатки развеечного культурного слоя толщиной в 10—35 см. Слой выделяется благодаря примеси золы и наличию обломков керамики, мелких фрагментов бронзовых изделий и шлаков, а также костей животных. Никаких признаков существования жилищ не обнаружено, за исключением остатков очагов и кусков обмазки. На основании анализа расположения очагов Б. А. Литвинский высказывает предположение о существовании жилищ больших размеров — 20×12 м. Характер поселений в целом остается неясным. Большое количество поселений так же, как и незначительные размеры их, быть может, говорит о сезонном, временном характере этих поселений или, точнее, стоянок. Большинство поселений занимает небольшую площадь в несколько сот квадратных метров и до 2—3 га (№ 16 занимает площадь 80×64 м, № 29 — 180×60 м, № 30 — 200×60 м). Среди них выделяется несколько поселений больших размеров. Однако все рассматриваемые памятники по размерам уступают поселениям чустской культуры. По характеру собранной керамики поселения можно отнести к двум хронологическим периодам: поздней бронзы и раннего железа (сакскому периоду).

В Кайрак-Кумах, помимо поселений, обнаружены погребения бронзового века. В двух пунктах — в Кайрак-Кумском могильнике и в могильнике у с. Дахана возле райцентра Ашт вскрыто десять могил, содержащих небольшое количество вещей, сходных с материалами поселений. Захоронения производились в могилах, выложенных

⁵⁷ Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Рапов, I, 1956, стр. 12, табл. 3, 19.

⁵⁸ А. П. Окладников, I, 1956б, стр. 7—12; 1956а, стр. 14.

⁵⁹ Б. А. Литвинский, I, 1956д, стр. 27—36; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, I, 1956, стр. 11—13; В. А. Рапов, I, 1956, стр. 25; Б. А. Литвинский, I, 1959б, стр. 39—51; 1959в, стр. 191—196.

каменными плитами и напоминающих каменные ящики.⁶⁰

Своеобразие культуры кайрак-кумских поселений проявляется главным образом в обилие керамики. Керамика представлена преимущественно обломками. Почти полностью удалось реконструировать форму только двух сосудов. Посуда формовалась вручную из глины с большой примесью дресвы.⁶¹ Часть ее изготовлена при помощи матерчатого шаблона. Черепок серого или черного цвета. Венчики простой формы. Очень редко встречаются налепные ручки-выступы. Единичными образцами представлены носики-сливы. Десятая часть собранной керамики украшена гребенчатым штампом, прорезными линиями и ямочным орнаментом. Состав массы, способ обработки поверхности и орнамент — все эти характерные признаки керамики Кайрак-Кумов позволяют ее сближать прежде всего с посудой из погребений Вуадильского могильника в Южной Фергане, а также с керамикой тазабэгъябской культуры Хорезма, с отдельными находками в Ташкентском оазисе и в Северной Киргизии. Все перечисленные аналоги ведут к памятникам андроновской культуры.

Особо отметим находку в восточной группе, возле поселения № 30, уже упоминавшегося расписного сосуда чустского типа.

Наиболее полно можно охарактеризовать также развитие металлообработки на поселениях Кайрак-Кумов. На многих пунктах обнаружены следы металлургии и металлообработки в виде кусков дробленой руды, шлаков, а также литейные формы и бронзовые изделия. Скопления шлаков, например, отмечены в 15 точках. Все это заставляет предполагать значительное развитие выплавки и обработки металла в эпоху бронзы и раннего железа. Наиболее интересными находками, связанными с металлургическим производством, являются каменные литейные формы для отливки вислобушного топора и вислобушной кирки, добытые

в раскопе на поселении № 16.⁶² Металлические орудия поселений Кайрак-Кумов разнообразны. Следует особо выделить двулезвийный нож листовидной формы с небольшим черенком с поселения № 16 (длина — 9,4 см, наибольшая ширина — 1,4 см), который представляет раннюю форму бронзовых орудий. Из других металлических изделий имеются однолезвийный нож с выделенной рукоятью, нож-кинжал, втульчатое долото, шило и игла, рыболовный крючок, наконечники стрел, в том числе и наконечники, сходные с дуперым черешковым наконечником из Чуста и др.

На поселениях и возле них собрано много каменных изделий и поделок: зернотерки, терочки, каменные точилки и другие, а также каменные наконечники стрел.

Время существования кайрак-кумских поселений устанавливается путем сопоставления и по аналогии с памятниками андроновской культуры — вторая половина II тыс. — начало I тыс. до н. э.⁶³ Следовательно, по времени они синхронны памятникам чустской культуры, датировка которой будет рассмотрена ниже.

Погребальные памятники, сходные с андроновскими, изучены Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой в Южной Фергане. Могильники эпохи бронзы исследованы в нескольких пунктах: возле Вуадилья, Япаги, в местности Карамкуль, Чекко и др. (табл. I, 20—24). В этих могильниках вскрыто более 50 курганов.

Вуадильский могильник, расположенный на юго-западной окраине с. Вуадиль, в 25 км к Ю от г. Ферганы, на северном склоне Алайского хребта, насчитывает 273 насыпи. В нем выделяются три разновидности могильных сооружений. Погребения бронзового века встречены главным образом в каменных выкладках. Могилы этого типа на

⁶² Б. А. Литвинский, I, 1956д, рис. 3; 1961б.

⁶³ Б. А. Литвинский, I, 1956д, стр. 34. Б. А. Литвинский делает попытку расчленить добытый материал эпохи бронзы на две хронологические группы, соответствующие федоровскому и алакульскому этапам андроновской культуры и более позднему — сакскому. До полной публикации материалов Кайрак-Кумов невозможно определить, насколько правомерно само выделение группы керамики федоровского этапа. Изученные здесь поселения сильно разрушены и лишены культурного слоя, поэтому к выделению комплексов нужно относиться с большой осторожностью.

⁶⁰ Б. А. Литвинский, I, 1956д, стр. 33; Э. Гулямова, Е. А. Давидович., I, 1956, стр. 11; Б. А. Литвинский, I, 1959в, стр. 196; Б. А. Литвинский, I, 1960а, стр. 47—52.

⁶¹ Здесь рассматриваются только находки, относящиеся к эпохе бронзы. На этих поселениях имеется также и более поздняя керамика — периода раннего железа.

поверхности отмечены прямоугольными выкладками или овальными оградками из каменной. Стенки грунтовой могильной ямы овальной формы облицованы плоскими гальками, поставленными на ребро. Из 70 зарегистрированных были вскрыты 31 выкладка и один курган с каменной насыпью. Все погребения были ограблены и содержали мало вещей: обломки глиняной посуды (в 16 погребениях), бронзовые украшения — браслет, составленный из отдельных бус, височное кольцо, а также бронзовый листовидный наконечник стрелы со скрытой втулкой и пастовые бусы.

В могильнике Карамкуль, расположенном в 15 км к В от г. Ферганы и на расстоянии 40 км от Вуадилы, раскопаны все 16 могил, отмеченные на поверхности. По устройству могилы аналогичны вуадильским. В них обнаружено лишь одно более или менее сохранившееся скорченное погребение на левом боку, головой на З. Все могилы ограблены и только в одной из них найдена пастовая бусина. По конструкции могил и характеру труположения этот памятник может быть отнесен к тому же времени, что и Вуадильский могильник.

Для группы могильников вуадильского типа характерно одинаковое устройство могильного сооружения: могилы облицованы камнем и отмечены на поверхности оградками и выкладками. Керамика серо-черного цвета, орнаментированная гребенчатым штампом, прорезными линиями и ямками, находит многочисленные соответствия в памятниках андроновской культуры. На основании сходства конструкции могил и погребального инвентаря с памятниками алакульского этапа андроновской культуры Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова датируют исследованные могильники X—VIII вв. до н. э.⁶⁴

Таким образом, в Ферганской долине погребения бронзового века известны, по

⁶⁴ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова первоначально предложили датировку II тыс. до н. э. (I, 1956б, стр. 91), затем — X—VIII вв. до н. э. (I, 1957в, стр. 133) и, наконец, — конец II—начало I тыс. до н. э. (I, 1959, стр. 8). С. С. Черников (II, 1960, стр. 102) углубляет эту дату, предлагая датировать Вуадиль XII—IX вв. до н. э. В последние годы исследователи андроновской культуры предпринимают пересмотр хронологии отдельных этапов андроновской культуры и, в частности, алакульский этап относят к более раннему времени — к XIV—XI вв.: К. В. Сальников, II, 1959; Э. А. Федорова-Давыдова, II, 1960.

крайней мере, в семи пунктах: в Кайрак-Кумах и у с. Дахана — в северо-западной Фергане, в Вуадиле, Карамкуле и др. — в Южной Фергане. Они располагаются в разных частях предгорной полосы, окаймляющей равнинную Фергану.

Кроме перечисленных памятников, в двух пунктах зарегистрированы находки фрагментов керамики андроновского типа. Несколькими черепками с орнаментом в виде елочки из прорезных линий обнаружены возле сел. Тюячи на строительном участке 9 БФК (пк 13, на глубине 4 м).⁶⁵ Еще один фрагмент найден на склоне горы Сулейман-Тау в г. Ош. Черепок с прорезным орнаментом в виде елочки по определению А. Н. Бернштама имеет «андроно-карасукский облик».⁶⁶

Поселения в Кайрак-Кумах, могильники Вуадильской группы и перечисленные отдельные находки объединяются сходством главным образом керамики. К этой группе памятников следует присоединить случайные находки металлических изделий, рассматриваемые в следующем разделе. Добавим к группе случайных находок каменное навершие булавы, происходящее из района Тюячи (строительный участок 8 БФК), сходное с подобными предметами из Чуста и Дальверзина.⁶⁷ Глиняная посуда Кайрак-Кумов аналогична керамике могильников Вуадильской группы и отличается лишь более разнообразной орнаментацией при использовании одних и тех же элементов. Прорезные линии, образующие зигзаги, встречаются на сосудах в обоих памятниках.⁶⁸ Украшения гребенчатым штампом в Кайрак-Кумах⁶⁹ одинаковы с узором, известным в Вуадильском могильнике.⁷⁰ Форма сосуда из Даханинского могиль-

⁶⁵ Из альбома рисунков материалов, найденных на БФК Т. Г. Оболдуевой.

⁶⁶ А. Н. Бернштам, I, 1951а, стр. 5; 1952а, стр. 186.

⁶⁷ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 21, табл. VIII, 5.

⁶⁸ Б. А. Литвинский, I, 1956д, рис. 2; Э. Гулямова, Е. А. Давидович... I, 1956, табл. 3, 13, 20. Ср.: Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957в, рис. 3, 1, 12.

⁶⁹ Б. А. Литвинский, I, 1956д, рис. 1; Э. Гулямова, Е. А. Давидович..., I, 1956, табл. 3, 14—16.

⁷⁰ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова I, 1957в, рис. 3, 17.

ника⁷¹ сходна с сосудом из погребения Вуадиля.⁷² Совпадает также устройство могилы в Вуадильском и в Даханийском могильниках. Указанную группу памятников в целом можно рассматривать как археологический комплекс, отличающийся от синхронной чувствской культуры по характеру поселений, ритуалу погребений и по материальной культуре, главным образом по керамике.

В заключение обзора памятников эпохи бронзы остановимся на известных в Фергане наскальных изображениях, которые могут быть отнесены к этому времени. Среди них в первую очередь следует назвать группу изображений из урочища Саймалы-Таш. Это грандиозное скопление наскальных рисунков находится возле перевала Кугарт в средней части Ферганского хребта (табл. I, 43). Раннюю группу составляют многофигурные композиции, выполненные в точечно-графической технике, причем фигуры животных имеют геометризованную форму (сцена пахоты на быках-яках). А. Н. Бернштам, выделив эту группу, сопоставил ее с мотивами расписной керамики Переднего Востока и на этом основании датировал II—I тыс. до н. э. Появление древнейшего пласта он рассматривал как результат контакта пастушеского населения Тянь-Шаня с земледельческими оазисами Ферганы.⁷³

С выделением этой группы как наиболее ранней вполне можно согласиться, хотя предлагаемая датировка мало обоснована и сравнение с расписной керамикой случайно.⁷⁴

К бронзовому веку относит М. Э. Воронеж изображения быков в урочище Сураты к 3 от с. Лимбур в долине Соха (табл. I, 42).⁷⁵ На скале точечной техникой изображены два быка больших размеров головами вправо. На теле их выбиты разные фигуры — треугольники с кружками. Эти рисунки выделяются среди всех известных в Ферганской долине. Датировка их эпохой бронзы мало аргументирована и может быть принята только условно.⁷⁶

III. ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ

В музеях Ленинграда, Ташкента и областных центров Ферганской долины хранятся случайно найденные на территории этой долины древние бронзовые орудия. В большинстве случаев все эти находки не связаны с комплексами и плохо датированы. К их числу следует присоединить и находки, относящиеся к эпохе бронзы, обнаруженные во время строительства БФК. Изучение этих находок представляет дополнительные данные для характеристики металлического производства эпохи бронзы и развития материальной культуры в целом. В настоящем разделе содержится сводка всех известных случайных находок и кладов, относящихся к бронзовому веку Ферганы.

1. ХАКСКИЙ КЛАД

Весной 1894 г. в местности Хак Багишской волости б. Наманганского уезда Ферганской области мальчиками пастухами Магомет-Али Бековым и Курбан-Али Туевым был найден клад из нескольких предметов.⁷⁷ Находки поступили в Археологическую комиссию и были переданы затем в Эрмитаж. Сейчас они хранятся в Отделе Советского Востока.

В Отчете Археологической комиссии было опубликовано сообщение об этой находке и изображение одной булавки.⁷⁸ Эти находки не получили определения и не были датированы.⁷⁹ В самые последние годы они снова привлекли к себе внимание.⁸⁰

Хакский клад состоит из шести предметов: бронзового кувшина, трех булавок разной формы, обломка ножа и стамески.

1. К у в ш и н (инв. номер СА-12676, табл. XXXII, 1) шаровидной формы на низком поддоне (диаметром в 5,2 см), с плавно отогнутым венчиком (диаметром в 9 см). Кув-

⁷⁷ Архив ЛОИА АН СССР, д. № 185 за 1894 г.

⁷⁸ ОАК за 1894 г., 1896, стр. 46, рис. 69, стр. 170—171.

⁷⁹ В своей неопубликованной работе «Древности Средней Азии» А. А. Спичин (Архив ЛОИА АН СССР, д. № 33 за 1930 г., стр. 146) отметил, что одна булавка из Хакского клада напоминает булавки кобанского, малоазиатского типа. Это попутное замечание является единственной попыткой определить время Хакского клада.

⁸⁰ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, I, 1955, стр. 155, прим. 4-е; В. М. Массон, II, 1956а, стр. 19; В. М. Массон, I, 1959, стр. 114; С. С. Сорокин, 1960, стр. 28—32.

⁷¹ Э. Гулямова, Е. А. Давидович, I, 1956, табл. 3, 20; Б. А. Литвинский, I, 1960а, рис. 7, 10.

⁷² Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957в, рис. 3, 17.

⁷³ А. Н. Бернштам, I, 1952б, стр. 65.

⁷⁴ В. М. Массон, I, 1959, стр. 116.

⁷⁵ М. Э. Воронеж, I, 1951б, стр. 78.

⁷⁶ В. А. Ранов, I, 1960, стр. 122, прим. 2-е.

шин разломан на две части, сильно помят и форму его восстановить трудно. Стенки кувшина одинаковой толщины и следов проковки не заметно. Поддон изготовлен из одного куска металла вместе с корпусом кувшина. Горловина отделена от корпуса узким желобком. Снаружи поверхность кувшина покрыта плотной черной с блеском патиной (?).

2. О б л о м о к п л а с т и н ч а т о г о н о ж а (СА-13104), лезвие которого сужается к концу. Нож имеет толстый обушок и утончается книзу. Он отлит в односторонней форме, так как одна сторона его плоская, а другая — выпуклая. В узком конце обломка имелось круглое отверстие. Длина обломка — 7.8 см, ширина — 3.4 см (табл. XXXII, 6).

3. У з к и й с т е р ж е н ь, очевидно стамеска, разломанная на три части (СА-13107). Стержень в разрезе четырехугольной формы. Один конец его заострен, а другой — закруглен. Длина — 18 см, ширина — 0.7—0.9 см, толщина — 3 мм (табл. XXXII, 5).

4. Б у л а в к а в виде стержня с фигурным навершием (СА-13105). Стержень круглый в сечении заканчивается Т-образной пластинкой, на которой помещена фигурка коровы. Перед ее мордой стоит теленок, а справа — фигурка женщины на коленях, которая, вытянув руки, доит корову. У коровы слегка выделены рога и уши, а также длинный хвост, спускающийся до копыт. Фигурки коровы, теленка и женщины, каждая в отдельности, были приварены к подставке. Также приварены и некоторые другие части, например рога и уши коровы. Длина стержня — 8.8 см, диаметр — 4.5 мм. Несмотря на миниатюрность фигурок и общий схематизм композиции, в ней верно передана обычная сцена из жизни скотовода. Вероятно, здесь изображена сцена доения коровы с подпуском теленка — прием, широко известный по этнографическим данным (табл. XXXII, 2).

5. С е р е б р я н а я б у л а в к а в форме массивного стержня, круглого в сечении, с расплюснутым верхним концом, который заканчивается двумя соприкасающимися спиральными завитками, закрученными во внутрь (СА-13106). В каждой из них по четыре завитка, подогнанных вплотную друг к другу. Надо особо отметить точность подгонки и симметричное расположение завитков, что свидетельствует

о высоком искусстве мастера. Нижний конец булавки отрублен. Длина сохранившейся части — 9.5 см (табл. XXXII, 3).

6. Б у л а в к а в виде круглого в сечении стержня с плоским навершием (СА-13103). Навершие овальной формы и имеет несколько выступов. Наверху два выступа и по три выступа по бокам. В середине навершия узкая прорезь. С одной стороны (внешней) поверхность выпуклая, а с другой — плоская. Вероятно, булавка отлита в открытой литейной форме. Длина булавки — 16.8 см, диаметр стержня — 6 мм (табл. XXXII, 4).

Этот комплекс находок является уникальным для Ферганы и не имеет полных аналогий в других районах Средней Азии.

Наибольший интерес в этом комплексе представляют булавки. В первую очередь следует обратить внимание на серебряную булавку со спиральными завитками, так как булавки подобной формы составляют характерную особенность культуры бронзового века Передней Азии, Кавказа, Ирана и Северо-Западной Индии. Найдены они также и в Анау в Южной Туркмении. Ареал и время их бытования установлены Гордоном Чайлдом⁸¹ и С. Пигготом.⁸² В работе последнего помещена схема распространения булавок этого типа на обширной территории, начиная с Балканского полуострова на западе и до Южной Туркмении (Анау) на востоке. Оба исследователя придают большое значение изучению распространения булавок со спиральными завитками, поскольку оно помогает в установлении синхронизации отдельных памятников. В своей ранней работе Гордон Чайлд высказал предположение о кавказском происхождении этих булавок, где они появляются очень рано и известны до эпохи поздней бронзы и раннего железа. Пигготт считает центром их происхождения также Кавказ, где они появляются около 2600 г. до н. э., и Иран, где они появляются в слоях Сялка конца IV тыс. до н. э.⁸³

Находка булавки подобного типа в Фергане расширяет представление о территории распространения булавок со спиральными завитками. По всем особенностям ферганская булавка входит в круг подобных

⁸¹ Gordon Childe, II, 1936, p. 113—119; Гордон Чайлд, II, 1956, стр. 296.

⁸² S. Piggott, II, 1947—1948, p. 26 и сл.

⁸³ S. Piggott, II, 1947—1948, p. 31, 37.

украшений. Она несколько отличается среди известных тем, что спирали у нее закручены во внутрь. В опубликованных материалах из Передней Азии и Ирана нам не удалось найти аналогии этой детали. Только одна булава, найденная на Кикладских островах, имеет одну спираль, закрученную во внутрь, а другую — наружу.⁸⁴ Наиболее полное сходство ферганская булава имеет с булавкой из района Киева.⁸⁵

Подобные украшения, судя по сводке Чайлда—Пигготта, могли попасть в Фергану только с юго-запада, из области распространения культуры Анау, и более широко из области культур расписной керамики. Это тем более вероятно, что в андроновской, срубной и в предшествующих им культурах в областях к северу от Ферганы булавки подобной формы неизвестны. Они неизвестны и в памятниках культуры Яншао в Китае.

В ряде пунктов, помеченных на схеме Пигготта, булавки со спиральными завитками встречены вместе с булавками, имеющими фигурное навершие. В ферганском кладе также найдены булавки обоих типов. Булава с фигурным навершием — с изображением сцены доения коровы находит близкие аналогии в булавках тепе Гисар в Северном Иране.⁸⁶ В слоях II периода и во всех трех слоях III периода Гисара найдены булавки со спиральными завитками. Больше всего их оказалось в слоях II периода. В слое Гисар III вместе с булавками со спиральными завитками обнаружено несколько «жезлов» со спиральными завитками, похожих на булавки, а также с изображением нескольких фигур, очевидно, одной семьи — отца, матери и ребенка и др. Наибольший интерес представляет навершие с изображением сцены пахоты на паре волов. Подобные навершия, как полагает Е. Шмидт, являлись «жезлами военачальников» и надевались на деревянные рукоятки (длина навершия 15.7 см). Достоверных сведений о назначении этих наверший, однако, не имеется. Они могли иметь символическое значение, и, в частности,

навершие с изображением сцены пахоты, как считает Е. Шмидт, является культурно-историческим документом и символизирует земледелие.⁸⁷ Это навершие найдено в погребении периода Гисар III С. Ферганская булава с изображением доения коров по сюжету и вероятному символическому значению, несмотря на различие изображенных сцен и размеров (15.7 и 8.8 см), находит ближайшее соответствие именно в навершиях Гисара. Следовательно, две булавки двух типов из Хака находят аналогии в материалах Гисара. Кроме того, в погребениях Гисара обнаружены металлические (медные и серебряные) сосуды. Такие сосуды до III периода в Гисаре не были известны.⁸⁸ В одном из них находилась булава со спиральными завитками. Эта находка наводит на мысль, что и ферганские предметы составляют, вероятно, не клад, а часть погребального инвентаря захоронения. Третьей булавке аналогии не найдены.

Для выяснения происхождения металлических изделий Хакского клада определенное значение имеют данные спектрального качественного и количественного анализов, проведенные в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР. По составу металлические изделия разнообразны. Большинство предметов (булава с зубчатым и с фигурным навершием, обломки ножа и кувшин) изготовлены из оловянистой бронзы со значительной примесью свинца. В этих изделиях обнаружены, кроме того, незначительные примеси — следы висмута, мышьяка, никеля и в двух случаях сурьмы. И. В. Богданова-Березовская и Д. В. Наумов, производившие указанные анализы, в своем заключении, ссылаясь на данные по Ферганской долине и Южной Туркмении, предполагают местное изготовление предметов Хакского клада. Однако более тщательное сравнение данных анализов бронзовых изделий Хакского клада с анализом изделий из Чустского и Дальверзинского поселений и других памятников Ферганы эпохи бронзы позволяют выявить различия химического состава. Наряду со значительным количеством свинца для бронзовых изделий Ферганы характерно присутствие значительной примеси серебра, висмута и сурьмы. Это сочетание устойчиво

⁸⁴ ΕΦΗΜΕΡΙΣ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚΗ, 1899, tabl. 10, 15, 16.

⁸⁵ Б. И. и В. И. Ханенко, II, 1900, стр. 15, табл. XLVII, инв. номер 361. Эта булава находится в разделе скифских древностей.

⁸⁶ E. Schmidt, II, 1937, pp. 194—197, pl. XXIX—XXX, 1933, p. 377, 414, etc.

⁸⁷ E. Schmidt, II, 1937, p. 196.

⁸⁸ Ibidem, p. 201.

повторяется почти во всех изученных предметах. Кроме того, довольно часто отмечается примесь — следы цинка, а также редких металлов — германия и индия. Последние элементы отсутствуют в предметах Хакского клада. Все это дает нам право говорить о различном химическом составе бронзовых изделий Хакского клада и ферганских памятников и, следовательно, о том, что они изготовлены в разных местах, из разной руды.

Наряду с бронзовыми изделиями в кладе имеется медная стамеска и булава со спиральными завитками, из сплава серебра и меди. По составу эта булава близка к браслету из Гисара, отлитого из сплава серебра и меди (38.5% меди и 60.8% серебра).⁸⁹ По химическому составу другие предметы Хакского клада также близки изделиям Гисара.

Анализы медных изделий Гисара показали отсутствие примеси олова. Только в некоторых изделиях, относящихся к периоду Гисар III, обнаружена примесь олова,⁹⁰ достигающая 2.99%, и, следовательно, они являются бронзовыми.

Бронзовые изделия Хакского клада, как можно видеть, и по химическому составу очень близки изделиям из тепе Гисар периода III. Находки клада Хак по форме и по своему составу отличаются от бронзовых изделий Ферганы и находят аналогии в комплексе, в частности Гисар III, и поэтому их следует считать привозными.

Датировка Хакского клада может быть установлена путем сопоставления: 1) с устанавливаемой С. Пигготтом хронологией булавок зооморфных форм и со спиральными завитками, 2) с находками на тепе Гисар в Иране, 3) с материалами Анау в Южной Туркмении. Пигготт считает, что булавки рассматриваемых типов появились около 2600 г. до н. э., но наибольшее распространение получили около 2000 г. с возможным переживанием до 1500 г. до н. э.⁹¹ В Гисаре булавки со спиральными завитками появляются во II период и доживают до периода Гисар III А.⁹² Причем в III периоде здесь появляются наверхия — «жезлы военачаль-

ников». Существование обоих типов булавок в Гисаре приходится на ранние этапы периода Гисар III. Учитывая значительные колебания в датировке Гисара, особенно Гисара III,⁹³ все же можно датировать булавки первой половиной II тыс. до н. э.

В Анау булавки со спиральными завитками найдены в южном холме на террасе В+19 и +21 фут, отнесенных исследователем к культуре Анау III.⁹⁴ Эти слои, согласно пересмотренной периодизации Анау, должны относиться к периоду Намазга V. В. М. Массон датирует этот период первой половиной II тыс. до н. э.⁹⁵

Учитывая все эти данные и поправки на время распространения подобных украшений в Фергане, можно предположительно датировать находки в местности Хак первой половиной II тыс. до н. э.

Находки в местности Хак являются в настоящее время наиболее ранним комплексом эпохи бронзы в Ферганской долине. Находки в местности Хак не одиноки.

2. КЛАД КАЛУН-ЧАТА (АФЛАТУНСКИЙ)

В 1924 г. при земляных работах в урочище Калун-Чат в сая Итокар, притоке р. Афлатун, было найдено несколько вещей, происходящих также, вероятно, из разрушенного погребения. Часть вещей попала в Наманганский краеведческий музей, где их в 1927 г. осмотрел М. Е. Массон, который опубликовал сведения об этой находке в 1939 г.⁹⁶ В 1930 г. эти же вещи видел Б. А. Латынин.⁹⁷ Позднее эти находки были потеряны.

Клад состоял из бронзового (медного) браслета с несомкнутыми концами (диаметром 5 см), кольца, двух колоколовидных

⁸⁹ В. М. Массон, II, 1956г, стр. 315—317, 325.

⁹⁰ Н. Schmidt, II, 1908, p. 151, pl. 37, 3, fig. 251 u 252.

⁹¹ В. М. Массон, II, 1956 г, стр. 312, 326.

⁹² М. Е. Массон, I, 1939а, стр. 112—113.

М. Е. Массон в своем письме от 21 января 1955 г. автору этих строк любезно сообщил дополнительные данные об этом кладе и прислал рисунок бронзовых человеческих фигурок из этого клада, за что и принишу свою искреннюю благодарность.

⁹⁷ Архив ЛОИА АН СССР, д. № 180 за 1930 г.; М. А. Итина в своей кандидатской диссертации «Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии (1951 г.) также относит эти находки к эпохе бронзы.

⁸⁹ L. C. Riesch and D. Horton, II, 1937, p. 359.

⁹⁰ Ibidem, p. 201, прим. 16-е.

⁹¹ S. Pigott, II, 1947—1948, p. 37, ср. pp. 31 и 32.

⁹² E. Schmidt, II, 1937, p. 119.

полых подвесок с ушком, круглых пастовых бус со следами раскраски и нескольких литых бронзовых фигурок человека. По сообщению М. Е. Массона, в этом кладе были и керамические изделия, которые, однако, не поступили в музей. Наибольший интерес представляют бронзовые фигурки. Привожу описание этих фигурок из письма М. Е. Массона: «... зарисованные мной односторонние литые бронзовые фигурки представлены были двумя типами: восемь штук с остроконечными головными уборами, вышедшие из одной формы, — «слепые», а одна фигурка из другой формочки отлита с примитивным показом носа и глаз. У каждой фигурки по два отверстия, которые подчеркивают изогнутость рук в локтях» (табл. XXXIII, 7). Длина фигурок — 2.5—2.8 см.

Находка этих фигурок представляет большой интерес, так как они имеют некоторое сходство со своеобразными человеческими изображениями из того же тепе Гисар периода III С.⁹⁸ В Гисаре медные фигурки в виде человека найдены в количестве 13 штук в одной кучке. Они изображают обнаженную мужскую фигурку с коническим завершением вместо головы, с руками, соединенными спереди или вытянутыми. В одном случае руки положены на бока. Ноги, как и в ферганских находках, разделены. Длина фигурок — от 2.8 до 7.8 см. В Гисаре они встречаются также не единичными экземплярами, а по несколько штук.⁹⁹ Сопоставление с Гисаром позволяет датировать находки Калун-Чата первой половиной II тыс. до н. э.

Весьма примечательно, что булавки из местности Хак и фигурки из Калун-Чата находят наиболее близкие аналогии в материалах Гисара и именно III периода. Эти находки свидетельствуют об установившихся в первой половине II тыс. до н. э. культурных связях между такими отдаленными районами, как Фергана и район Анау и Гисара.

⁹⁸ E. Schmidt, II, 1937, p. 193—194, pl. XLVII.

⁹⁹ Ферганские фигурки находят аналогии также в многочисленных бронзовых статуэтках из Северного Кавказа (VII группа I категории). А. Захаров, II, 1933, tabl. 75, p. 77. Ср.: Г. Варст, II, 1885, pl. III; И. В. Мегрелидзе, II, 1951, рис. 4. Большинство кавказских находок случайного происхождения, найдены вне комплекса и не датированы. Вполне возможно, что некоторая часть их по аналогии с фигурками из тепе Гисара может быть отнесена к эпохе бронзы

3. НОЖ-КИНЖАЛ КАТАКОМБНОГО ТИПА

Во время земляных работ возле городища Шурабапат в 1955 г. найдены бронзовый двулезвийный нож-кинжал листовидной формы и обломок бронзовой пластинки неопределенной формы.¹⁰⁰ Клинок ножа широкий, листовидной формы и плавно переходит в узкий небольшой черенок. В середине лезвия утолщено и в сечении имеет ромбическую форму. Конец лезвия обломан. Размеры ножа: длина — 15.2 см, наибольшая ширина — 4.6 см, длина черенка — 3.4 см (табл. XXXIII, 1, 3). По своей форме этот нож очень похож на ножи катакомбного типа.

Обломок подобного ножа найден на трассе БФК, к СВ от с. Уч-Курган. Он обнаружен на территории древнего поселения к 3 от городища Кайноват на строительном участке 2 (пк 77+40) на глубине 6 м (табл. XXXIII, 2). Сохранилась только часть черенка ножа с небольшим расширением на конце.¹⁰¹

На поселении № 16 в Кайрак-Кумах найдены нож подобной же формы.¹⁰² Судя по этим находкам, ножи катакомбного типа в Фергане были довольно широко распространены.¹⁰³

В соседнем Ташкентском оазисе¹⁰⁴ аналогичный нож имеется в составе Чимбайлыкского клада из долины Чирчика. Вместе с ним найден вислообушный топор. Ножи рассматриваемой формы характерны для катакомбной¹⁰⁵ культуры, но встречаются также и на памятниках срубной культуры.¹⁰⁶ Известны они и в памятниках андроновской культуры Восточного Казах-

¹⁰⁰ Находки хранятся в Отском областном музее. О них появилась заметка Б. Чейлытко. «Ценная археологическая находка» (Газ. «Ленинский Путь», г. Омь, № 163, 14 августа 1955 г.).

¹⁰¹ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, табл. VI, 1, стр. 16; 1955, стр. 147, рис. 62, 9. Об этой находке упоминает А. А. Формозов (II, 1951, стр. 15—16). Указание на происхождение находки из Лугомбека ошибочно.

¹⁰² Э. Гулямова, Е. А. Давидович, I, 1956, стр. 12—13.

¹⁰³ В Фергане известно три ножа, столько же насчитывается их в Восточном Казахстане.

¹⁰⁴ А. И. Тереножкин, II, 1950, рис. 70, 2; Т. Г. Оболдуева, I, 1955, стр. 147, рис. 62, 6.

¹⁰⁵ Т. Б. Попова, II, 1955, табл. VIII.

¹⁰⁶ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1955, стр. 36, 51, 53. Ср.: В. П. Шилов, II, 1959, стр. 420, рис. 37, 1.

стана.¹⁰⁷ По мнению О. А. Кривцовой-Граковой, ножи этой формы происходят с Северного Кавказа. Датируются они первой половиной II тыс. до н. э.

Однако для территории Средней Азии можно найти другой более близкий центр происхождения орудий этой формы, который до сих пор еще не привлек внимания археологов. Мы имеем в виду находки ножей сходной формы на холмах Анау. На северном холме найдено медное орудие с широким листовидным лезвием с утолщением в середине, ромбической в сечении формы и с плоской длинной рукоятью. Оно обнаружено в верхнем слое траншеи VII на отметке +30 футов 6 дюймов и относится, под вопросом, к периоду Анау II.¹⁰⁸

Форма орудия и размеры его (длина — 15.2 см, ширина — 3.3 см, длина рукояти — 5.5 см) весьма сходны с рассматриваемыми ножами катакомбного типа.

Второй нож такой же формы происходит из нижних слоев южного холма Анау (в траншее В на отметке +19 футов 5 дюймов) и относится к периоду Анау III. Размеры его: длина — 7.4 см, ширина — 2.4 см.¹⁰⁹ Первый нож, с учетом пересмотра датировок культур Анау, может быть датирован IV тыс. до н. э.,¹¹⁰ а второй нож, который был найден в слоях Намазга V,¹¹¹ следует, по всей вероятности, отнести к первой половине II тыс. до н. э.¹¹²

Учитывая возможные погрешности в определении места находки первого ножа, все же можно считать его наиболее ранним из известных ножей этого типа. Появление ножей листовидной формы в Ферганской долине, принимая во внимание ее географическое положение, следует связывать с южнотуркменистанскими культурами энеолита и бронзового века.

Шурабашатский нож по форме близок так называемому наконечнику дротика из

поселения Тахирбай в долине Мургаба.¹¹³ Однако для датировки ферганских ножей катакомбного типа решающее значение имеют сопоставления с изделиями степных культур эпохи бронзы, что позволяет датировать их первой половиной II тыс. до н. э., во всяком случае серединой II тыс. до н. э.

4. НОЖ-КИНЖАЛ С ВЫЕМКАМИ У ОСНОВАНИЯ (ЛАНЦЕТОВИДНЫЙ НОЖ)

Нож ланцетовидной формы и пластинчатый нож найдены геологами в древних горных выработках в долине р. Узун-Ахмат в Кетмень-Тюбинской долине.¹¹⁴ Рассматриваемое орудие ланцетовидной формы с плоским двусторонним лезвием, с утолщением по середине и ромбовидным перекием. По бокам лезвия возле рукояти имеются выемки. Рукоять плоская, длиной в 4.5 см. Общая длина ножа — 16.0 см, ширина — 2.6 см (табл. XXXIII, 4). Сходной формы бронзовый нож известен в Ташкентском оазисе.¹¹⁵ Аналогичные по форме ножи широко распространены в памятниках срубной и андроновской культур степной бронзы. Они отличаются более развитыми формами от ножей катакомбного типа и, по-видимому, появляются позднее их — во второй половине II тыс. до н. э.¹¹⁶

5. ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ДЛЯ ОТЛИВКИ ВИСЛООБУШНОГО ТОПОРА

В Ферганской долине сами вислообушные топоры не найдены, известна только находка литейной формы для изготовления их. Каменная форма для отливки вислообушных топоров с гребнем вокруг втулки обнаружена на поселении № 16 в Кайрак-Кумах. Форма вырезана в куске серого песчаника размером 31.5×14.5×5.7 см.¹¹⁷ Вис-

¹⁰⁷ В. М. Массон, I, 1959, стр. 27, табл. XIV, 3, 4.

¹⁰⁸ А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, I, 1956, стр. 45—46, рис. 14, 15.

¹⁰⁹ А. И. Тереножкин, II, 1950, рис. 69, XV, 1.

¹¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1955, стр. 54, рис. 12, 4—5; стр. 56, рис. 12, 7, 8; М. П. Грязнов, II, 1930, стр. 158; К. В. Сальников, II, 1951, рис. 14, 10; С. С. Черников, II, 1960, стр. 78—79.

¹¹¹ Б. А. Литвинский, I, 1956д, стр. 31, 32, рис. 3; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, I, 1956, стр. 12—13, табл. 3, II; Б. А. Литвинский, I, 1961б.

¹⁰⁷ С. С. Черников, II, 1960, стр. 95, рис. 18, I, 7, 9.

¹⁰⁸ R. Pumphrey, II, 1908, p. 151. Ср.: p. 203, pl. 36, 10, fig. 246 (анализ орудия на p. 239).

¹⁰⁹ R. Pumphrey, II, 1908, p. 154, pl. 38, 3, fig. 280.

¹¹⁰ В. М. Массон, II, 1956г, стр. 326.

¹¹¹ По мнению В. М. Массона, слой на отметке +19 футов на террасе В относятся ко времени Намазга V. В. М. Массон, II, 1956г, стр. 313.

¹¹² В. М. Массон, II, 1956г, стр. 326.

лообушные топоры, которые изготовлялись в Кайрак-Кумах, аналогичны топорам из Чуйской долины¹¹⁸ и Иссык-Куля.¹¹⁹ Всего таких топоров в Средней Азии насчитывается семь: три — в Сукулукском кладе, два — из Чуйской долины, один — из котловины Иссык-Куля и один — сел. Алексеевка, Семиречье.¹²⁰ К этому следует теперь присоединить литейную форму из Ферганы. Все эти находки подтверждают высказанное в литературе¹²¹ предположение о среднеазиатском происхождении вислообушных топоров с характерным гребнем вокруг втулки.¹²²

Основания для датировки среднеазиатских топоров отсутствуют, так как неизвестны точно датированные комплексы с вислообушными топорами. Находка топоров в комплексе Сукулукского клада позволяет говорить только о переживании их в более позднее время. На поселении № 30 в Кайрак-Кумах, откуда происходит литейная форма, обнаружена керамика, сходная с посудой федоровского и алакульского этапов. В силу разрушения культурного слоя трудно сказать, с какой керамикой можно связать литейную форму для отливки топоров. С. С. Черников относит ее к позднему времени, но не исключена возможность одновременности ее с керамикой федоровского этапа. М. П. Грязнов вислообушный топор считал типичным орудием для первого периода эпохи бронзы.¹²³ Аналогичные топоры из Приуралья относят ко второй половине

II тыс. до н. э.¹²⁴ К этому же времени относится, по всей вероятности, и литейная форма из Кайрак-Кумов в Фергане. ↓

6. КЕЛЬТ-ЛОПАТКА

В 1895 г. в северо-восточной части Ферганской долины в саяе Бешбала, между речкой Ринджитом и местностью Улуг, в той же Багишской волости б. Наманганского уезда, откуда происходит Хакский клад, киргизом Максум беком Рустановым найдено два металлических предмета.¹²⁵ Оба предмета поступили в Археологическую комиссию и затем отправлены в Ташкентский музей. Один из этих предметов — кельт-лопатка — хранится сейчас в Музее истории УзССР. О судьбе второго предмета ничего не известно. Второй предмет представлял собой обломок медного (бронзового), слегка выпуклого кружка диаметром в 11,5 см. Кружок, по всей вероятности, не сохранился и судить о нем можно только по зарисовке в архивном деле ЛОИА.

Кельт-лопатка — массивное литое орудие прямоугольной формы, слегка расширяющееся кверху, с небольшой втулкой наверху и толстым рабочим краем. Размеры: длина — 13 см, ширина внизу — 8 см, диаметр втулки — 4 см (табл. XXXIII, 10). В Ташкентском музее не сохранились сведения о происхождении этого кельт-лопатки. И поэтому А. И. Тереножкин, полагая, что он происходит из Ташкентского оазиса, включил этот кельт в свою сводную таблицу периодизации памятников Ташкентского оазиса и Согда. Кельт отнесен без обоснования к периоду Бургук I (VI—IV вв. до н. э.).¹²⁶

Аналогичный по форме кельт-лопатка с круглым отверстием неизвестного происхождения из собрания Археологической комиссии издан в 1898 г. По сообщению А. А. Спицына, это орудие найдено где-то в Средней Азии.¹²⁷ В своей статье А. А. Спицын отмечает также, что кельты подобной формы находили на Иссык-Куле. Сведений

¹¹⁸ А. Н. Бернштам, II, 1950, табл. XXXIV, 7, 8; Б. М. Зимма, II, 1948, стр. 117—120.

¹¹⁹ А. М. Tallgren, II, 1911, S. 64; В. Н. Чернецов, II, 1953, табл. XX, 130; Е. Е. Кузьмина, II, 1961б.

¹²⁰ С. С. Черников, II, 1960, стр. 161.

¹²¹ А. М. Tallgren, II, 1911, S. 64; В. А. Городцов, II, 1915, стр. 155, табл. VIII, 25; см. также: Б. А. Литвинский, I, 1956д, стр. 31.

¹²² Рассматриваемая группа топоров отличается от орудия Чимбайлыкского клада в Ташкентском оазисе (А. И. Тереножкин, II, 1950, рис. 70, 7; Т. Г. Оболдуева, I, 1955, рис. 62, 5). У последнего отсутствует гребень вокруг втулки. Чимбайлыкский топор близок к топорам срубной культуры. Ближайшую аналогию ему представляют орудия, опубликованные О. А. Кривцовой-Граковой (II, 1955, стр. 60, рис. 14, 5). Следовательно, на территории Средней Азии в употреблении были вислообушные топоры, по крайней мере, двух типов.

¹²³ М. П. Грязнов, II, 1930, стр. 158.

¹²⁴ Б. Г. Тихонов, II, 1960, стр. 62, 63, 65.

¹²⁵ ОАК за 1895 г., 1897, стр. 80 и 200—201; Архив ЛОИА АН СССР; д. № 37 за 1897 г.

¹²⁶ А. И. Тереножкин, II, 1950, рис. 69, XVI, 9.

¹²⁷ А. А. С[пицын], II, 1898, стр. 343, табл. 5, 6.

об этих находках не удалось найти. Однако в Отделе Советского Востока Эрмитажа имеется аналогичный кельт-лопатка, найденный П. П. Ивановым в 1927 г. на оз. Иссык-Куль.¹²⁸ Иссык-Кульское орудие более массивное и грубое. По размерам оно несколько больше ферганского орудия (длина — 17 см, ширина — 9—11 см). Края его прямые, в верхней части выступают углы. Следов употребления не прослежено.

В Эрмитаже хранится еще один кельт-лопатка. Он происходит из коллекции И. М. Краузе. Точные сведения о месте его находки отсутствуют, но он найден, очевидно, в Ташкентском оазисе. Среди рассматриваемых орудий этот кельт отличается тем, что его втулка располагается под углом к лезвию. Верхний край кельта срезан. На втулке имеется круглое отверстие. Размеры его: длина — 13 см, ширина — 8 см.

Ферганский кельт-лопатка имеет большое сходство с орудиями, обнаруженными в нескольких пунктах на трассе БЧК в Северной Киргизии (на территории г. Фрунзе, селений Ивановское и Новопавловка).¹²⁹ Лопаткообразные кельты Чуйской долины представлены тремя разновидностями. Первая — это кельты прямоугольной формы с круглым отверстием в левом верхнем углу орудия и с симметрично расположенными тамгообразными знаками. На одном имеется крестообразный знак по обеим сторонам втулки, на втором орудии — три-четыре косые насечки, также по обеим сторонам втулки. Судя по тому, что часть знака уничтожена, можно полагать, что отверстие пробито после изготовления орудия. Вторая разновидность представлена кельтом из сел. Ивановское. Он вытянут в ширину и также имеет круглое отверстие. Третий вид — кельты прямоугольной формы, вытянутые в длину и без знаков и отверстий.

Ферганское орудие ближе всего напоминает кельты третьей разновидности без тамгообразных знаков и отверстий из Новопавловки.

Кроме перечисленных, известна находка еще одного кельта-лопатки в долине р. Иртыша на Владимирском пункте в Семипа-

латинской области.¹³⁰ Это орудие является бронзовым, так как содержит более 11% олова. Второй аналогичный кельт из Восточного Казахстана находится в коллекции МАЭ.¹³¹

Всего, следовательно, известно 11 кельтов этой формы, которые происходят из долины Иртыша, Иссык-Куля, Чуйской долины, Северной Ферганы и, может быть, из Ташкентского оазиса. Большинство находок — 8 из 10 происходят из северо-восточных районов Средней Азии. Географические границы распространения орудий этого типа значительно шире, чем это представлял А. Н. Бернштам на основании находок в долине Чу. А. Н. Бернштам считал их орудиями, типичными для северокиргизской культуры бронзового века (карасукского этапа).¹³² Позднее он изменил свое заключение и считал возможным искать происхождение формы кельта-лопатки в южнокитайской бронзе Юаня.¹³³ Сравнение среднеазиатских кельтов-лопаток с орудиями, на которые ссылается А. Н. Бернштам, показывает, что сходство между ними весьма относительное. Однако новые находки в Аньяне в Северном Китае не позволяют окончательно отклонить предположение о китайском происхождении орудий этой формы.¹³⁴ Имеющиеся материалы дают основание предполагать появление рассматриваемых орудий в Средней Азии под влиянием китайской металлургии и не согласиться с утверждением С. С. Черникова, который считает кельт-лопатку орудием характерной восточноказахстанской формы и связывает их происхождение с влиянием карасукской металлургии. Однако материалов для окончательного решения у нас нет, и поэтому вопрос о происхождении их остается открытым.

Все находки кельтов-лопаток происходят вне комплекса, и поэтому отсутствуют основания их датировки. С датой А. И. Тереножкина — VI—IV вв. до н. э. — согла-

¹²⁸ С. С. Черников, II, 1951, табл. I, № 17; С. С. Черников, II, 1960, стр. 83; на стр. 165 указано иное место находки этого орудия — Усть-Каменогорский уезд. Отметим, что указанные находки кельтов в «Фергане» и в «Наманганском уезде» не разные. Это одно и то же орудие.

¹²⁹ Д. Н. Лев, II, 1934, рис. 6.

¹³⁰ А. Н. Бернштам, II, 1949, стр. 342—343; ср.: II, 1950, стр. 87.

¹³¹ А. Н. Бернштам, II, 1950, стр. 144.

¹³² Каогу сюэбао, 1955, т. 9 (на кит. яз.).

¹²⁸ П. П. Иванов, II, 1957, стр. 85, рис. 8; Е. Е. Кузьмина, II, 1961а.

¹²⁹ А. Н. Бернштам, II, 1950, табл. XXXIV, 1—5.

ситься нельзя. По аналогии с находками в Чуйской долине и в Восточном Казахстане их можно отнести, по-видимому, к концу андроновской культуры — к концу II—самому началу I тыс. до н. э.

7. КИРКА

Бронзовая кирка найдена в Фергане, но точное место находки неизвестно. Она представляет собой массивное орудие, квадратное в сечении, с заостренными концами (табл. XXXIII, 15). Кирка — двусторонняя, без втулки, длиной в 33 см, толщиной в 2.5 см.¹³⁵ Эту находку М. Е. Массон рассматривает как прямое свидетельство развития в Фергане горного промысла в эпоху бронзы.¹³⁶ Основное применение кирки рассматриваемой формы находили, по всей вероятности, в горном деле. Несколько кирок подобной формы найдено в районе больших древних разработок бронзового века в Северном Казахстане.¹³⁷ Кирки этого типа М. П. Грязнов выделил как характерные орудия для казахстанского очага культуры бронзового века. Им зарегистрировано восемь находок в Восточном Казахстане.¹³⁸ Однако датировку их М. П. Грязнов не дает. Известно еще одно аналогичное орудие, происходящее из котловины Иссык-Куля.¹³⁹

Перечисленные находки позволяют наметить область распространения бронзовых кирок: от Степняка на севере и до Иссык-Куля на юге, от Семипалатинска на северо-востоке и до Ферганы на юго-западе. В свете находок в Фергане и Иссык-Куле утверждения С. С. Черникова, что бронзовые кирки рассматриваемой формы являются специфической североказахстанской формой¹⁴⁰ и что они характерны только для восточно-

казахстанской бронзы и не известны в Средней Азии, требуют существенных оговорок и не могут быть приняты. Большинство кирок обнаружено случайно. Единственным основанием для отнесения их к андроновской культуре служит находка подобного орудия в культурном слое в районе Степняка.¹⁴¹

8. НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ

Бронзовый наконечник копья найден на трассе БФК (строительный участок 22, пк 401—430), примерно в 10 км к С от Маргелана (рис. 18, 1; табл. XXXIII, 5). Наконечник копья двуперый, листовидной формы с литой втулкой (диаметр втулки — 2.5 см, толщина стенок — 1.5—3 мм). На втулке имеется сквозное отверстие для закрепления наконечника на древке. Втулка переходит в продольный стержень, который доходит через все перо до острия. На ребрах и на поверхности втулки имеется узор из пересекающихся линий. Длина наконечника копья — 17 см, длина ребра — 9.5 см, ширина пера — 3 см.

В. Д. Жуков, публикуя наконечник копья, сопоставил его с наконечником копья из могильника Фаскау эпохи раннего железа на Кавказе.¹⁴² Этот же наконечник А. И. Тереножкин включил в свою таблицу периодизации материальной культуры Ташкентского оазиса, без особых на то оснований, в период Бургулюк I (VI—IV вв. до н. э.).¹⁴³

В Средней Азии аналогичные наконечники нам неизвестны. Однако в материалах Дальверзинского поселения имеется обломок втулки наконечника копья с отверстием, а в Чусте — часть литейной формы для отливки двуперого наконечника копья. Для определения времени наконечника копья с трассы БФК приходится обращаться к отдаленным аналогиям. Впервые на территории Восточной Европы и Кавказа втульчатые наконечники копий появляются в середине II тыс. до н. э.¹⁴⁴

Ферганский наконечник копья находит близкое соответствие среди наконечников

¹⁴¹ Там же, стр. 48, прим. 1-е.

¹⁴² В. Д. Жуков, I, 1951, стр. 51, рис. 4.

¹⁴³ А. И. Тереножкин, II, 1950, рис. 69, XVI, 10.

¹⁴⁴ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1955, стр. 63.

¹³⁵ Кирка экспонирована в Музее истории УзССР в Ташкенте. Рисунок кирки опубликован В. А. Литвинским (I, 1954б, стр. 16—17, рис. 5); там же дана реконструкция прикрепления ее к рукояти (рис. 6). Отметим, что автор вслед за М. Е. Массоном ошибочно считает, что эта кирка найдена в Багитшской волости.

¹³⁶ М. Е. Массон, II, 1930, стр. 41; 1936, стр. 5. Это орудие С. С. Черников без всяких оснований отнес к Восточному Казахстану (II, 1960, стр. 164).

¹³⁷ С. С. Черников, II, 1949, стр. 48, табл. IV, 1—3; 1960, стр. 82—83.

¹³⁸ М. П. Грязнов, II, 1930, стр. 156, рис. 3, 15—16; рис. 5.

¹³⁹ Архив ЛОИА АН СССР, д. № 40 за 1884 г., л. 27.

¹⁴⁰ С. С. Черников, II, 1949, стр. 48.

копий позднего бронзового времени на Северном Кавказе.¹⁴⁵ Сопоставить эти находки позволяют одинаковые особенности формы: круглая втулка, которая проходит через все перо до острия, относительно

включает и наконечник из Фаскау. Наибольшее сходство наконечник с трассы БФК имеет с находкой из сел. Клухори.¹⁴⁶ Наконечники копий этого типа датированы концом II тыс.—первой третью I тыс. до н. э.¹⁴⁷

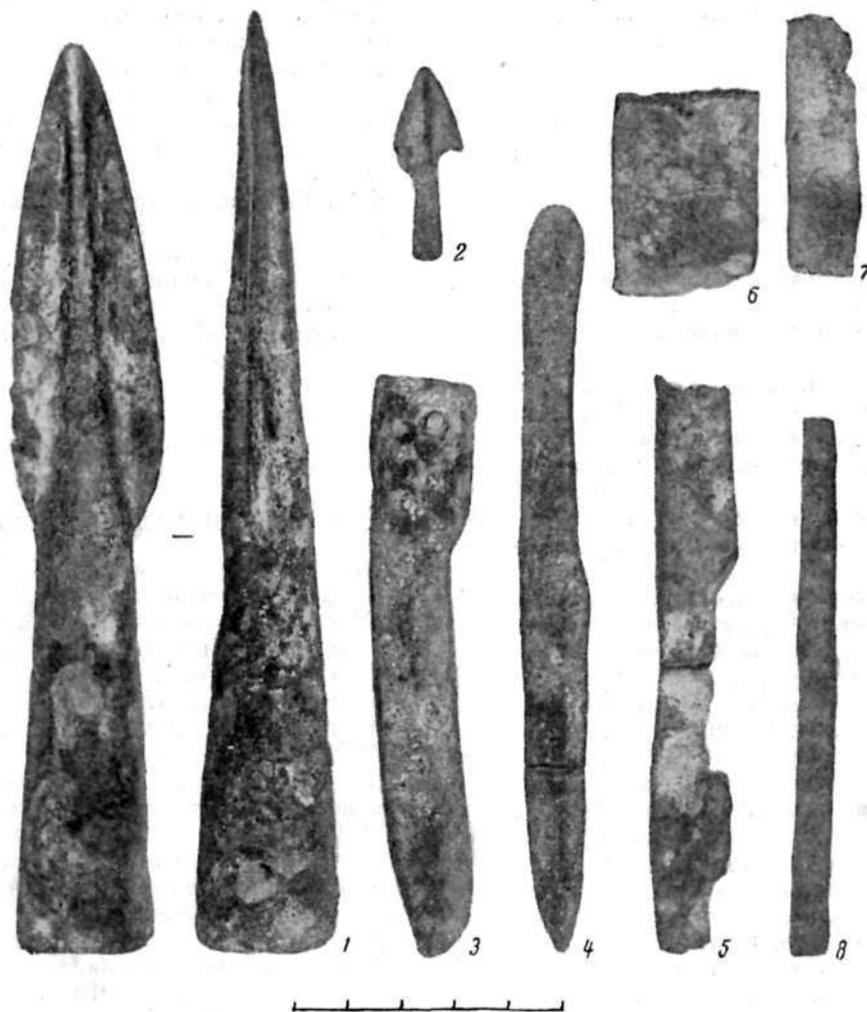

Рис. 18. Бронзовые предметы, найденные на строительстве БФК.

1 — наконечник копья; 2 — наконечник стрелы; 3—7 — ножи; 8 — стержень.

короткое перо, равное примерно половине общей длины, наличие отверстия на втулке для закрепления, и близкие размеры. Внутри группы северокавказских наконечников наблюдаются изменения некоторых деталей и размеров. В эту же группу А. А. Иессен

Втульчатый наконечник сходной формы обнаружен в одном погребении андроновского периода.¹⁴⁸ Можно отметить также

¹⁴⁵ Там же, рис. 50, 7.

¹⁴⁷ Там же, стр. 120.

¹⁴⁸ А. А. Формозов, II, 1951а, стр. 120, рис. 32.

¹⁴⁶ А. А. Иессен, II, 1951, стр. 111—114.

сходство с аналогичными предметами вооружения у племен ананьинской культуры. Полное сходство ферганский наконечник имеет, в частности, с наконечником копья из Ананьинского могильника (VII—VI вв. до н. э.).¹⁴⁹ Ферганская находка по форме близка также втульчатым наконечникам копий, характерным для большебереченской культуры на Оби, датированной VII—VI вв. до н. э.¹⁵⁰

Приведенные аналогии с материалами из Сибири, Прикамья и Северного Кавказа позволяют определить время бронзовых втульчатых наконечников копий в пределах конца II тыс. — первых веков I тыс. до н. э. Принимая во внимание отмеченную А. А. Иссененом закономерность уменьшения со временем размеров наконечников копий, можно отнести ферганскую находку к первой половине этого периода, т. е. ближе к рубежу II—I тыс. до н. э. Более точное определение невозможно в силу неразработанности типологии наконечников копий и отсутствия сравнительных данных по Средней Азии.

В Фергане на Заргулдак-Тепе найден втульчатый наконечник копья другой формы — с полуовальными прорезями на лопастях. Эта форма прорезных наконечников копий наряду с обычными втульчатыми наконечниками встречается в памятниках срубной¹⁵¹ и андроновской¹⁵² культур. Близкий по форме прорезной наконечник известен на Иссык-Куле. Наконечник с Иссык-Куля А. Н. Бернштам относил к карасукской культуре.¹⁵³ В. Н. Чернецов включил его в группу изделий, характерных для второй половины II тыс. до н. э.¹⁵⁴ Третья датировка предложена А. В. Збруевой. Она отмечает, что прорезной наконечник копья с Иссык-Куля найден вместе с вислообушным топором, что должно указывать на более раннюю дату его. Иссык-Кульскую находку А. В. Збруева выделяет в качестве переходного типа прорезных наконечников копий, который датируется ею VIII—VII вв.

до н. э.¹⁵⁵ Таким образом, в отношении одной находки с Иссык-Куля высказаны три различные точки зрения. Ферганская находка ближе всего стоит к переходному типу, по А. В. Збруевой.

Прорезные наконечники существовали, очевидно, длительное время.

На основании картографирования находок установлено, что основная масса копий этого типа происходит из области Нижней Камы и Среднего Поволжья, хотя единичные прорезные наконечники известны на Северном Кавказе и Украине, в Средней Азии и Сибири. В Прикамье ранняя форма наконечников датируется концом II тыс. — началом I тыс. до н. э.¹⁵⁶ Распространение подобных наконечников копий в срубной и андроновской культурах и обнаружение его в культурном слое Заргулдак-Тепе дает основание датировать эту находку рубежом II—I тыс. до н. э. Находка на Заргулдак-Тепе расширяет представления о территории распространения прорезных наконечников копий.

9. БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СРЕЛ

На древнем поселении около Уч-Кургана на строительном участке 2 трассы БФК найден двуперый плоский наконечник стрелы треугольной формы с жилкой, проходящей по середине пера, и с плоским коротким черешком. Длина его — 4 см (рис. 18, 2; табл. XXXIII, 6). Т. Г. Оболдуева считает его ранней формой и относит к доскифскому периоду.¹⁵⁷ Аналогий этому наконечнику найти пока не удалось.

В Ферганской долине наряду с плоскими черешковыми наконечниками были распространены и втульчатые. Наконечник стрелы листовидной формы с конической скрытой втулкой обнаружен в одном из погребений Вуадильского могильника.¹⁵⁸

Таким образом, для Ферганской долины устанавливается одновременное существование трех типов бронзовых наконечников стрел: двуперый треугольной формы с черешком, лавролистный двуперый с череш-

¹⁴⁹ А. В. Збруева, II, 1952, стр. 93, 95, табл. XX, 5.

¹⁵⁰ М. П. Грязнов, II, 1956а, табл. XVIII, 1, 2. Особенно похож ферганский наконечник копья на наконечник из могилы № 10 в Ближних Елбанах.

¹⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1955, рис. 34, 31, 32.

¹⁵² К. В. Сальников, II, 1951, рис. 14, 8.

¹⁵³ А. Н. Бернштам, II, 1950, табл. XCV, 26.

¹⁵⁴ В. Н. Чернецов, II, 1953, табл. XX, 135.

¹⁵⁵ А. В. Збруева, II, 1952, стр. 96, 97, табл. XX, 19; ср.: Е. Е. Кузьмина, II, 1961б.

¹⁵⁶ Б. Г. Тихонов, II, 1960, стр. 34—36.

¹⁵⁷ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 17, табл. VI, 8.

¹⁵⁸ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957в, стр. 131, рис. 4.

ком (найден в Чусте и Дальверзине) и листовидный втульчатый. Первый из них — уникальной формы; второй тип наконечников был распространен в эпоху поздней бронзы в Фергана и в Южной Туркмении, а также, вероятно, и в Семиречье;¹⁵⁹ третий тип известен в погребениях Вуадила и памятниках андроновской культуры.¹⁶⁰

10. БРОНЗОВОЕ ШИЛО

Шило найдено на строительном участке 2 БФК, возле сел. Уч-Курган на глубине 9 м от поверхности (табл. XXXIII, 9). Оно представляет собой тонкий стержень длиной в 18 см, круглый в сечении внизу, квадратный в середине и прямоугольный у верхнего конца.¹⁶¹ Шилья как простые орудия во всех культурах бронзового века имеют очень близкие формы.

11. БРОНЗОВЫЕ НОЖИ

Целые ножи и обломки их найдены в пяти пунктах на трассе БФК.

1. Пластинчатый кованый нож вкладышевого типа, слегка изогнутый, с закругленным обухом. Конец ножа округлен и оттянут вверх. Прямоугольный верхний край шире лезвия и отделен от него мягким уступом. У края имеется круглое отверстие для закрепления рукояти. Длина ножа — 12,5 см, ширина лезвия — 1,7 см (рис. 18, 3; табл. XXXIII, 12). Нож найден на глубине 3 м, на строительном участке 8 (пк 124), в южной части сел. Лугумбек.¹⁶²

2. Пластинчатый кованый нож с длинной плоской рукоятью, составляющей одно целое с лезвием. Рукоять почти равна длине лезвия, но несколько уже его. Лезвие заканчивается острым концом, верхний конец рукояти закруглен, обухок прямой (рис. 18, 4; табл. XXXIII, 11). Длина ножа — 15,8 см, ширина лезвия — 1,3—1,4 см.¹⁶³ Нож найден на глубине 1,5—2 м, на строительном участке 10 (пк 190—195),

вблизи древнего поселения, расположенного юго-восточнее сел. Тюячи.

3. Обломок лезвия пластинчатого ножа найден на глубине 1,5 м на строительном участке 8 (пк 135), к Ю от сел. Лугумбек¹⁶⁴ (рис. 18, 7).

4. Обломки кованого ножа (ширина лезвия — 3,2 см) найдены на глубине 1,5 м, на строительном участке 8 (пк 153), вблизи городища, расположенного северо-западнее сел. Тюячи (рис. 18, 6).¹⁶⁵

5. Обломок лезвия кованого ножа (ширина лезвия — 2 см) обнаружен на глубине 1,5 м на строительном участке 4 (пк 165) (табл. XXXIII, 16).¹⁶⁶

Первый и четвертый нож Т. Г. Оболдуева сближает с ножами тагарской культуры VI—IV вв. до н. э.¹⁶⁷

6. Еще один нож происходит из древних разработок в долине р. Узун-Ахмат (Кетмень-Тюбе).¹⁶⁸ Это пластинчатый нож с рукоятью, составляющей одно целое с лезвием. Часть рукояти ножа обломана, длина сохранившейся части ножа — 13 см, ширина лезвия — 2 см (табл. XXXIII, 14).

Имеющиеся материалы позволяют выделить четыре типа бронзовых ножей, распространенных в Ферганае: 1) пластинчатые в виде узкой пластинки, у которых лезвие и рукоять составляют одно целое; 2) пластинчатые вкладышевого типа; 3) литые ножи с рельефным украшением, подобные ножу из поселения Чакал, и 4) ножи чустского типа с выпуклым лезвием и четко выделенной рукоятью, заканчивающейся круглым навершием.

Пластинчатые ножи первого типа аналогичны ножам позднебронзового века Казахстана, которые М. П. Грязнов выделил как характерные для III периода, соответствующего карасукскому времени Минусинской степи.¹⁶⁹ Ножи близкой формы встречаются в большереченской культуре¹⁷⁰ и в Томском могильнике,¹⁷¹ датированном VII—

¹⁶⁴ Там же, стр. 23, табл. VIII, 3.

¹⁶⁵ Там же, стр. 21, табл. VIII, 4.

¹⁶⁶ Находка не опубликована. Рисунок представлен Т. Г. Оболдуевой.

¹⁶⁷ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 23.

¹⁶⁸ А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, I, 1956, стр. 45, рис. 14.

¹⁶⁹ М. П. Грязнов, II, 1930, стр. 161.

¹⁷⁰ М. П. Грязнов, II, 1956а, табл. XVI, 7; XVIII, 28, 30.

¹⁷¹ М. Н. Комарова, II, 1952, рис. 17, 11—12, 16.

¹⁵⁹ А. Н. Бернштам (II, 1950, табл. XLI, 1—3) опубликовал наконечники стрел, сходные по форме с чустскими.

¹⁶⁰ С. С. Черников, II, 1956, рис. 19, 2 (левый).

¹⁶¹ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 16.

¹⁶² Там же, стр. 21, табл. VIII, 1.

¹⁶³ Там же, стр. 21, 23, табл. VIII, 2.

VI вв. до н. э. Ближайшие по форме ножи были распространены в срубной культуре.¹⁷² Ножи этой формы известны и на древнеземледельческих поселениях Южной Туркмении. Нож из Яз-Депе (начало I тыс. до н. э.) отличается только своей более правильной геометрической формой.¹⁷³ Все эти находки позволяют определить время распространения пластинчатых ножей рубежом II—I тыс. до н. э. и первой четвертью I тыс. до н. э.

Ножи чустского типа представляют локальную особенность культуры Ферганы и в других областях не встречаются. Ножи второго и третьего типа полных аналогий также не находят.

12. БРАСЛЕТ СО СПИРАЛЬНЫМИ РОЖКАМИ

Из Узгенского района происходит полностью сохранившийся бронзовый (медный) браслет с рожками и небольшой обломок от другого браслета. Эти находки хранятся в Ферганском областном музее. Браслет в виде широкой незамкнутой пластины с округлыми расширениями на концах. На концах посажено по рожку длиной в 4 см, украшенному спиральным орнаментом. Вокруг основания рожка нанесено два concentрических круга с насечками на внешнем круге (табл. XXXIII, 8). От этих кругов отходят два вытянутых треугольника, также с насечками. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова правильно сопоставили узгенский браслет с аналогичными находками из долины Чирчика в Ташкентском оазисе.¹⁷⁴ Узгенский браслет по форме почти тождествен чирчикским находкам, отличаясь лишь в деталях (большой шириной пластинки и большей длиной рожка при меньшем диаметре и иной орнаментации). М. Э. Воронец по аналогии с браслетами со спиральными рожками в андроновских памятниках датирует чирчикские находки XII—XI вв. до н. э.¹⁷⁵ А. И. Тереножкин относит эти браслеты к эпохе поздней бронзы XV—VIII вв. до н. э.¹⁷⁶ Браслеты со спиральными рож-

ками полных аналогий в украшениях андроновской культуры не имеют, хотя близкие по типу украшения известны в материалах Алексеевского могильника¹⁷⁷ и в памятниках Западного и Восточного Казахстана.¹⁷⁸ Приведенные аналогии позволяют датировать узгенский браслет концом II тыс.—началом I тыс. до н. э.

К эпохе бронзы, по всей вероятности, относится уникальное каменное изображение двух змей, украшенное углублениями, которые были заполнены беловатой массой (гипс). Оно найдено в сел. Сох в конце прошлого века.¹⁷⁹ Вполне возможно, что этот предмет относится к бронзовому веку. Однако предлагаемая М. Э. Воронцом дата — II тыс. до н. э., мало обоснована. Сохское изображение является памятником распространения культа змей¹⁸⁰ и отображает дуалистические представления, распространенные у населения Ферганы.

IV. ДАТИРОВКА

В настоящее время в литературе отсутствует развернутая аргументация датировки Чуста, Дальверзина и чустской культуры в целом. При определении времени этих памятников до сих пор ограничивались сопоставлением отдельных признаков материальной культуры с лучше изученными комплексами в других областях и случайными аналогиями. И только появление новых материалов, добытых в самые последние годы, позволяет обоснованно решать вопросы хронологии. Рассмотрим имеющиеся точки зрения о времени чустской культуры.

М. Э. Воронец, положивший начало изучению чустской культуры, основываясь главным образом на внешнем сходстве расписной керамики этого памятника с культурами Анау в Южной Туркмении предложил дату: конец III—II тыс. до н. э.¹⁸¹ В «Истории Киргизии» А. П. Окладников принимает эту дату, несколько уточняя ее, — конец III—начало II тыс. до н. э.¹⁸²

¹⁷⁷ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), рис. 37, 1, 2, 4.

¹⁷⁸ М. П. Грязнов, II, 1927, стр. 206, 207, рис. 24, 1; С. С. Черников, II, 1960, стр. 24, табл. X, 2.

¹⁷⁹ Н. С. Лыкошин, I, 1901; М. Э. Воронец, I, 1956, стр. 48—55.

¹⁸⁰ Е. М. Пещерева, II, 1959, стр. 106—107, рис. 34, 8.

¹⁸¹ М. Э. Воронец, I, 1954, стр. 57.

¹⁸² История Киргизии, II, 1956, стр. 30.

¹⁷² О. А. Кривцова-Гракова, II, 1955, стр. 143.

¹⁷³ В. М. Массон, I, 1959, табл. XXXIII, 11.

¹⁷⁴ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1956б, стр. 92, рис. 41, 2.

¹⁷⁵ М. Э. Воронец, II, 1948, стр. 68.

¹⁷⁶ А. И. Тереножкин, II, 1950, стр. 153, рис. 69, XV, 6.

В первой публикации В. И. Спришевского отсутствует датировка Чуста, но он также сравнивает это поселение с Анау I и II и тем самым склоняется к точке зрения М. Э. Воронца.¹⁸³ В дальнейшем В. И. Спришевский пересмотрел датировку Чуста и относит это поселение ко II тыс. до н. э.¹⁸⁴ В последней работе он принимает дату: II тыс.—начало I тыс. до н. э.¹⁸⁵

Автор этих строк датировал Дальверзин и чустскую культуру в целом периодом с конца II тыс. до начала I тыс. до н. э.¹⁸⁶ Продолжение работ на Дальверзине дало возможность выделить два, а затем и три этапа в истории этого поселения. Прекращение жизни на поселении относится к VIII—VII вв. до н. э.¹⁸⁷ Датировка чустской культуры в пределах конца II тыс.—начала I тыс. до н. э. получила распространение в литературе.¹⁸⁸ Несмотря на это нельзя считать, что ранняя датировка уже снята и отвергнута. Из всего сказанного вытекает, что в настоящее время имеется два определения времени чустской культуры. Возможность появления разных датировок объясняется своеобразием облика культуры, сочетанием архаической керамики и развитой металлургии бронзы. Амплитуда колебания предложенных дат очень большая и охватывает период около двух тысячелетий. Такая продолжительность жизни поселений исключена и заставляет признать правильной какую-нибудь одну датировку.

Отсутствие памятников предшествующего периода не позволяет проследить истоки чустской культуры и определить нижнюю грань даты. Верхняя грань датировки ограничена начальным этапом эйлатанской культуры (VII—IV вв. до н. э.). В этой связи

мы придаем большое значение упоминавшимся материалам из Кара-Курганского поселения. Открытие комплекса керамики промежуточного типа между чустской и эйлатанской позволяет поставить вопрос о непрерывном развитии культуры в эти периоды. Можно отметить также сходство некоторых форм посуды чустской и эйлатанской культуры. Мы имеем в виду прежде всего полусферические чаши одинаковой формы, общее сходство кухонной посуды и др. Однако связи между Чустом и Эйлатаном изучены еще недостаточно. Это объясняется тем, что многослойные поселения, которые позволили бы проследить развитие земледельческой культуры Ферганы эпохи бронзы и раннего железа, пока не выявлены и не исследованы. О наличии таких поселений сигнализируют материалы, собранные Ю. Г. Чулановым на Тюря-Курганском поселении. Здесь в разных слоях обнаружена керамика чустского и эйлатанского типов, а также керамика с красным ангобом. Однако это поселение сильно разрушено и его изучение не может дать ясной стратиграфии.

Сравнительное изучение памятников Ферганской долины, следовательно, дает основание наметить только общие хронологические рамки существования чустской культуры и определить верхнюю границу датировки ее. В силу этого необходимо обратиться к сопоставлению ее с археологическими комплексами других районов Средней Азии.

Для выяснения положения памятников чустской культуры в относительной хронологии необходимо сопоставить ее с опорной для Средней Азии стратиграфической шкалой Южной Туркмении. Прежде всего обращает на себя внимание сходство некоторых элементов расписного орнамента, например заштрихованных треугольников и ромбов, решетки и др., а также цветовой гаммы чустской керамики (черный узор по красному фону), с материалами ранних культур Анау. По этим формально-типологическим признакам она близка энеолитической керамике периодов Анау I и II (IV тыс. до н. э.). Однако комплекс керамики чустской культуры отличается большим разнообразием форм посуды по сравнению с раннеананской, для которой ведущей формой является чаша. Наличие ручек в керамике чустской культуры характерно для комплексов более позднего времени. Ручки почти

¹⁸³ В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 71.

¹⁸⁴ В пределах II тыс. В. И. Спришевский по разному определяет дату Чуста: I, 1957в, стр. 49 — II тыс. до н. э.; I, 1957б, стр. 72 — от середины и до конца II тыс. до н. э.; I, 1958в, стр. 98 — середина и конец II тыс. до н. э. (этап развитой бронзы); I, 1958а, стр. 189 — вторая половина II тыс. до н. э.

¹⁸⁵ В. И. Спришевский, I, 1958б, стр. 70.

¹⁸⁶ Ю. А. Заднепровский, I, 1957б, стр. 56.

¹⁸⁷ Ю. А. Заднепровский, I, 1959в, стр. 219.

¹⁸⁸ История Узбекской ССР, II, 1955, стр. 30; Очерки истории СССР, 1956, стр. 140; Б. А. Латынин, I, 1956, стр. 17; В. М. Массон, I, 1959, стр. 115.

неизвестны в керамике Южной Туркмении. Отличаются и мотивы росписи. В Анау I наиболее излюбленным мотивом служит контурный треугольник, в то время как в Фергане распространены треугольники разной конфигурации с сетчатым заполнением. В этот период в материалах Южной Туркмении уже известны изображения животных,¹⁸⁹ которые совершенно отсутствуют в керамике Ферганы.

Еще более резко отличается чувская керамика от комплекса периода Анау II — Намазга II, для которого характерна двуцветная и полихромная роспись, появление в росписи таких элементов, как кресты, крестообразные фигуры и т. д.¹⁹⁰ Керамика Ферганы отличается и от комплексов Намазга V и VI, в которых полностью исчезает расписная посуда и преобладают сосуды сложных и вычурных форм, изготовленные на гончарном круге.¹⁹¹

Только для более позднего периода можно отметить определенное и значительное сходство между чувской культурой и комплексами так называемого периода «варварской оккупации», периода Анау IV А. В это время на юге Туркмении возрождается после длительного перерыва применение росписи и вновь распространяются геометрические узоры. Преобладает в комплексе посуда ручной выделки. Посуда вычурных форм сменяется сосудами простой профилировки.¹⁹²

Особенно многочисленные соответствия наблюдаются с комплексом Елькен-Депе II. Почти все основные формы посуды совпадают. Очень близки формы полусферических чаш.¹⁹³ В чувском комплексе известны сосуды с петлевыми ручками и с выступами-подхватами.¹⁹⁴ Имеются одинаковой формы горшки,¹⁹⁵ дисковидные крышки, жаровни и др. В Елькен-Депе также засвидетельствовано применение матерчатого шаблона и известны сосуды на кольцевом поддоне. Но особенно поразительно совпадение

геометрических узоров орнамента — треугольников, ромбов, лент с сетчатым заполнением, клиновидных зубцов, узоров в виде шахматной доски и комбинированных.¹⁹⁶ Проведенное сопоставление не оставляет сомнения в значительной близости комплексов чувской культуры Ферганы и периода Анау IV А Юга Туркмении.¹⁹⁷ Однако полного сходства не наблюдается. На Юге Туркмении преобладает красноватая и коричневая роспись по светлому фону, в то время как в Фергане господствует черная роспись по красному фону.

Некоторое сходство наблюдается также между комплексом Дальверзина и Чуста и комплексом Яз-Депе I, представляющим вариант культуры Анау IV А в Маргиане. В этот период в Южной Туркмении распространена станковая с белым ангобом, серолощенная и расписная керамика. Керамика первой группы отсутствует в Фергане. Расписная керамика отличается как цветовой гаммой (коричневая роспись по беловатому фону), так и по мотивам росписи. Можно отметить сходство лишь одного основного мотива — треугольника. В Фергане орнаментальные мотивы разнообразнее и в целом отличаются от Яз-Депинских. Из форм керамики совпадает только одна форма — небольшие горшки или чаши.¹⁹⁸

Серолощенная керамика Дальверзина по ряду признаков имеет много общего с подобной керамикой Южной Туркмении. В этой области она известна издавна. Она характерна для периода Намазга VI¹⁹⁹ и для памятников архаического Дахистана.²⁰⁰ Распространена она также и на поселениях Северного Ирана, в частности в Шах-Тепе²⁰¹ и Нади-Али.²⁰² Но она пока неизвестна в материалах периода Анау IV А.

Дальверзинская керамика наибольшее сходство имеет с серолощенной посудой периода Яз-Депе I.²⁰³ При сравнении черепков некоторые образцы невозможно было раз-

¹⁸⁹ В. М. Массон, II, 1956 г, стр. 296, 301, 309—310.

¹⁹⁰ Там же, стр. 298, 310.

¹⁹¹ Там же, стр. 307.

¹⁹² R. Pumphrey, II, 1908, p. 49—50, 149; А. А. Марущенко, II, 1956, стр. 173, 174; 1959, стр. 62—65; В. М. Массон, I, 1959, стр. 102—103.

¹⁹³ А. А. Марущенко, II, 1959, табл. XI—XII.

¹⁹⁴ Там же, табл. XIII, 3, 7.

¹⁹⁵ Там же, табл. XIV.

¹⁹⁶ Там же, табл. XV—XVII.

¹⁹⁷ На сходство керамики периода «варварской оккупации» с чувской неоднократно обращал внимание А. А. Марущенко. С его заключением можно согласиться, особенно после опубликования материалов Елькен-Депе.

¹⁹⁸ В. М. Массон, I, 1959, стр. 21.

¹⁹⁹ В. М. Массон, II, 1956г, стр. 308.

²⁰⁰ В. М. Массон, II, 1956г, стр. 409.

²⁰¹ Т. I. Agne, II, 1945.

²⁰² R. Ghirshman, II, 1959, p. 45.

²⁰³ В. М. Массон, I, 1959, стр. 36.

личить. Имеются одинаковые формы сосудов — крупные миски, горшочки.²⁰⁴

Памятники периода Анау IV А по ряду признаков сближаются с поселением Нади-Али в Афганистане, некрополем В тепе Сялска в Центральном Иране и аналогичными памятниками в Северном Иране.²⁰⁵ Поселения чустской культуры Ферганы также могут быть хронологически сопоставлены с этими комплексами. Об этом свидетельствует сходство ряда геометрических узоров в расписной керамике, особенно с материалами Сялска. В этих комплексах представлена черно-серолащенная керамика и, как это будет показано ниже, имеются одинаковые формы металлических изделий. Имеющиеся материалы позволяют наметить определенный круг памятников, с которыми чустская культура находит аналогии. Это памятники периода Анау IV А в Южной Туркмении, некрополь В тепе Сялска,²⁰⁶ Хурвин, Хасанлу, Геок-Тепе и другие²⁰⁷ в Иране, а также Нади-Али в Афганистане.²⁰⁸

Наблюдается также некоторое сходство чустской культуры с комплексами расписной и серолащенной керамики Северо-Западного Китая и Синьцзяна периода Машань.²⁰⁹ Эти юго-восточные аналогии необходимо учитывать, хотя надо отметить, что в настоящее время они не дают оснований для уточнения хронологии рассматриваемых памятников Ферганы.

Из сравнения керамики чустской культуры вытекает, что она имеет наибольшее сходство с материалами Южной Туркмении, с комплексами периода Анау IV А, так называемой «эпохи варварской оккупации», а не с периода Анау I и II, как раньше предполагали.

Рассмотрим теперь другую группу датированных материалов, а именно: металлические орудия и изделия.

Прежде всего бросается в глаза относительная многочисленность металлических изделий на поселениях чустской культуры. По этому признаку памятники бронзового

века Ферганы резко отличаются от поселений Южной Туркмении периода энеолита и бронзы, где металлические изделия встречаются довольно редко.

На поселениях чустской культуры известны следующие группы металлических орудий и изделий:

1. Предметы конской упряжи — удила и псалии, отлившиеся в найденной литейной форме.

2. Предметы вооружения — наконечники стрел и копий.

3. Орудия труда — серпы, долото, ножи, рыболовные крючки, шилья и иглы.

4. Предметы украшения и туалета — бронзовые зеркала, отлившиеся в форме, подвески, бронзовые бусы и др.

Для нашей цели могут быть использованы не все перечисленные металлические изделия. К тому же мы вынуждены ограничиваться, в основном, материалами Дальверзинского поселения.

Удила и псалии. Удила, употреблявшиеся в это время, судя по находке на Чусте, были двусоставные в виде стержня с кольцами на концах, причем одно кольцо располагалось перпендикулярно плоскости удил.²¹⁰ Эти удила простой формы и не имеют каких-либо особенностей, которые позволили бы уточнить их время. Бронзовые псалии, судя по находке литейной формы на Дальверзине, имели форму длинного стержня с тремя отверстиями, расположенными в одной плоскости и на небольшом расстоянии друг от друга. Верхний конец их заканчивается кнопковидной шишкой. Как был оформлен нижний конец, неизвестно, так как здесь литейная форма разрушена (табл. XX, 3).

Дальверзинский псалий по своей форме близок псалию с городища Кюзели-Гыр в Хорезме. Последний обломан посередине, но, по-видимому, также имел три отверстия. Он имеет сходное кнопковидное завершение. Отличается хорезмский псалий только тем, что среднее отверстие значительно большего размера. Основания для датировки отсутствуют и только косвенные данные позволяют отнести его к доскифскому периоду.²¹¹

Наиболее полное сходство, насколько об этом можно судить по схематическим рисун-

²⁰⁴ Там же, табл. XXI, 14, 15.

²⁰⁵ В. М. Массон, I, 1959, стр. 44; А. А. Марущенко, II, 1956, 1959.

²⁰⁶ R. Ghirshman, II, 1939.

²⁰⁷ L. Vanden Berghe, II, 1959.

²⁰⁸ R. Ghirshman, II, 1959.

²⁰⁹ J. Andersson, II, 1943; G. D. Wu, II, 1938; С. В. Киселев, II, 1960, стр. 253.

²¹⁰ Часть удил найдена в 1958 г.

²¹¹ А. И. Тереножкин, II, 1958, стр. 34.

кам, Дальверзинский псалий имеет с псалиями некрополя В тепе Сиалка в Центральном Иране.²¹²

Ферганский псалий по форме весьма близок псалиям типа Б из кургана II Мингечаура. Эти псалии также имеют три отверстия в одной плоскости и загнутый верхний конец с кнопковидным навершием. Курганы Мингечаура относятся к концу II — началу I тыс. до н. э.²¹³ Предлагаемые исследователями даты недостаточно обоснованы, но бесспорно одно — эти псалии доскифского периода. Псалии Сиалка, Мингечаура и Дальверзина (к ним также следует присоединить и находку в Хорезме) очень близки по форме между собой и образуют единую типологическую и хронологическую группу. Аналогичные по конструкции трехдырчатые бронзовые псалии были широко распространены в скифский период. Особенно многочисленны находки их на Кавказе. Однако псалии выделенной нами группы не находят соответствия в классификации раннескифских псалий, разработанной А. А. Иессеном.²¹⁴ Последние отличаются иной формой стержня и наличием дополнительных деталей. Даже наиболее близкие по форме псалии из Жаботина отличаются оформлением — своими массивными трубчатыми отверстиями.²¹⁵ Следовательно, известные формы трехдырчатых бронзовых псалий могут быть распределены на две хронологические группы. В результате сравнения можно сделать вывод, что для датировки Дальверзинского псалия решающее значение имеют сравнения с находками первой группы и главным образом твердо датированного комплекса некрополя В тепе Сиалка.

Предметы вооружения. Из немногочисленных находок предметов вооружения опубликованы следующие: один наконечник стрелы²¹⁶ и обломок литейной формы для отливки наконечников копий,²¹⁷ найденные в Чусте. В материалах Даль-

верзина имеется три наконечника стрелы и обломок втулки наконечника копья.

Все известные нам наконечники стрел двуперые с черешком. Двуперый лавролистной формы наконечник стрелы с черешком из Чуста В. И. Спришевский сопоставил с наконечником стрелы из Анау. Из какого слоя, Анау III или IV, он происходит, было неясно уже самим исследователям.²¹⁸ Сравнение с Анау, следовательно, не позволяет определить их время. Аналогичные предметы вооружения широко представлены в погребениях некрополя В тепе Сиалка,²¹⁹ что и позволяет датировать чустский наконечник стрелы самым началом I тыс. до н. э. Для дальверзинских наконечников стрел прямые аналогии нам неизвестны.

О широком применении в Фергане копий можно судить по находкам на Чусте, Дальверзине и Заргулдак-Тепе. Судя по литейной форме из Чуста, наконечник копья был листовидной формы, с центральным ребром и, вероятно, втульчатый, с отверстием для закрепления его на древке (обломок втулки найден в Дальверзине).

Наконечники копий племен чустской культуры, по всей вероятности, были аналогичны находке на трассе БФК. Втульчатые наконечники копий рассматриваемой формы, как было уже сказано, характерны для конца II — начала I тыс. до н. э.

Другая разновидность представлена листовидным наконечником с прорезями из Заргулдак-Тепе, который (как уже было отмечено) можно отнести к концу II — началу I тыс. до н. э.

Зеркала. Самых зеркал в памятниках Ферганы пока не обнаружено. Однако на Чустском и Дальверзинском поселениях найдены литейные формы для их отливки (табл. XX, 4). На обоих поселениях изготовляли зеркала одинаковой формы — в виде плоского круглого диска с плоской небольшой рукоятью, составляющей одно целое с диском. Близкие по форме и размерам зеркала имеются в кладях эпохи поздней бронзы в Чуйской долине (Сукулукский²²⁰ и клад у с. Садовое).²²¹ В этих кладях соот-

²¹² R. Ghirshman, II, 1939, pl. LVI.
²¹³ Г. М. Асланов, Р. М. Вайдов, Г. И. Ионе, II, 1959, стр. 97, 120—121; ср.: стр. 6.

²¹⁴ А. А. Иессен, II, 1953; Е. И. Крупнов, II, 1960.

²¹⁵ А. А. Иессен, II, 1953, рис. 24.
²¹⁶ В. И. Спришевский, I, 1954, рис. 7.

²¹⁷ В. И. Спришевский, I, 1957, рис. 12, 8.
²¹⁸ R. Pumphelly, II, 1908, pl. 38, 6, fig. 281.
²¹⁹ R. Ghirshman, II, 1939, p. 46, pl. XCII.

²²⁰ Б. М. Зимма, II, 1948, стр. 126, рис. 10—11; А. Н. Бернштам, II, 1941.
²²¹ А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, I, 1956, стр. 38—40, рис. 2—5.

ответственно найдено по два и три зеркала одинаковой круглой формы, различающиеся между собой лишь по размерам. Кстати отметим, что на дальверзинской литейной форме размеры зеркала, отливавшегося на одной стороне, отличаются от размеров формы, вырезанной на другой стороне. Только одно зеркало из Садового выделяется более сложным устройством рукояти. Наряду с круглыми в обоихкладах встречено по одному четырехугольному зеркалу.²²²

Нам известно круглое зеркало, относящееся к федоровскому этапу андроновской культуры. Однако оно отличается петле-видной формой ручки, расположенной в центре диска.²²³ По всей вероятности, зеркала Семиречья относятся к поздним этапам андроновской культуры.

Ферганские зеркала по форме и размерам аналогичны зеркалам из некрополя В тепе Сиалка,²²⁴ где они составляют обязательную принадлежность женских захоронений. Подобные зеркала найдены в могильнике XI в. до н. э. Хурвин в Северном Иране, относящемся к памятникам типа некрополя В тепе Сиалка.²²⁵ Зеркала Чуйской долины по размерам и форме также очень сходны с зеркалами тепе Сиалка. Все рассматриваемые аналогии составляют раннюю хронологическую группу зеркал. Близкие по форме зеркала получили широкое распространение в скифское и в более позднее время.²²⁶ В Средней Азии нам известна находка подобного зеркала, только с более широкой и длинной рукоятью, из кургана сако-усуньского периода в Алайской долине.²²⁷ Таким образом, так же как и для бронзовых псалей, можно выделить две хронологические группы зеркал рассматриваемой формы. Зеркала чустской культуры в целом отличаются по форме рукояти от зеркал скифского периода. Из всего сказанного вытекает, что ферганские зеркала

могут быть отнесены к раннему периоду. Решающее значение для определения времени их имеет сопоставление с находками в некрополе В тепе Сиалка.

В тупоугольное долото и серп. Эти орудия из Дальверзина, как уже было сказано, очень близки по форме и размерам орудиям Восточного Казахстана, которые С. С. Черников относит к первой группе алакульского и замараевского этапов.²²⁸ Аналогичные орудия известны в Минусинском крае, где они употреблялись в конце II тыс. и в первую половину I тыс. до н. э.

Остальные изделия — шилья, иглы, рыболовный крючок — простых форм и не имеют каких-либо особенностей, которые позволили бы уточнить время употребления. Они могли без существенных изменений бытовать в течение длительного периода. Некоторые другие изделия тоже не могут быть привлечены для датировки, как, например, уникальные ажурные украшения, отливавшиеся в формах из Дальверзина, не имеющие аналогий.

Сравнительный анализ форм металлических изделий чустской культуры показывает, что наиболее существенное значение для датировки их имеют сопоставления с материалами некрополя В тепе Сиалка. В целом распространение рассматриваемых форм металлических орудий относится к рубежу II—I тыс. до н. э. Орудия более раннего периода в комплексе отсутствуют.

Еще одним показателем позднего возраста чустской культуры служат находки железа и железного ножа на Дальверзине.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение керамики и металлических изделий независимо друг от друга приводит к одинаковым результатам и дает одну и ту же датировку чустской культуры. Следовательно, относительная хронология памятников этой культуры устанавливается достаточно определенно. Она соответствует периоду Анау IV А в Южной Туркмении и памятникам круга некрополя В тепе Сиалка в Иране.

Выяснив, таким образом, относительную хронологию чустской культуры, можно определить и абсолютную датировку ее. Памятники периода Анау IV А в Южной Туркмении в датах абсолютной хронологии располагаются в пределах конца II тыс.—начала I тыс. до н. э.²²⁹ Такие комплексы,

²²² А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, I, 1956. Близкие четырехугольные зеркала известны для замараевского этапа Северного Казахстана. См.: М. Оразбаев, II, 1958, табл. VIII, 17.

²²³ Е. И. Агеева, К. А. Акишев и др., II, 1960, табл. VI, 31, стр. 164.

²²⁴ R. Ghirshman, II, 1939, pl. XXIX, 8.

²²⁵ L. Vanden Berghe, II, 1959, p. 123—124, tabl. 157B.

²²⁶ П. С. Рыков, II, 1936, стр. 117, 123; М. И. Ростовцев, II, 1918, табл. II, 3; IV, 9; V, 4; В. П. Шялов, II, 1959, стр. 434.

²²⁷ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, стр. 82—83, рис. 42, 2.

²²⁸ С. С. Черников, II, 1960, стр. 79—80.

²²⁹ В. М. Массон, I, 1959, стр. 104, 120.

как Нади-Али, некрополь В тепе Сялка и другие аналогичные памятники Ирана, достаточно твердо датируются рубежом II—I тыс. до н. э., точнее, X—IX вв. до н. э.²³⁰ Этим временем и следует датировать памятники чустской культуры Ферганы.

Датировка чустской культуры, устанавливаемая по археологическим данным, находит подтверждение в дате Дальверзина, определенной радиоуглеродным методом C^{14} . Для определения абсолютного возраста Дальверзина взят образец с участка В раскопа I, относящийся к концу нижнего горизонта. По определению Радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР, возраст образца составляет 2720 ± 120 лет от нашего времени (760 ± 120),²³¹ что дает IX—VII вв. до н. э. Эта дата определяет, очевидно, время II периода в жизни поселения. Вторым образцом для радиоуглеродного анализа взят в северо-восточной части участка Г раскопа I. Здесь при расчистке ямы-углубления в нижнем горизонте обнаружено большое скопление угля. По заключению В. В. Артемьева, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжина и Е. Н. Романовой (Радиоуглеродная лаборатория ЛОИА) возраст второго образца из Дальверзина составляет 3050 ± 120 лет от наших дней (1090 ± 120), т. е. XIII—X вв. до н. э. (РУЛ—323). Эта дата определяет, вероятно, время I периода в истории поселения. Приведенные даты согласуются со стратиграфией слоев, откуда взяты образцы для определения. Опираясь на них, можно с достаточной уверенностью определить в целом время существования Дальверзина в пределах последних веков II тыс. до н. э. и первой трети I тыс. до н. э. Надо оговорить, что нижняя граница даты нам не известна. В нашем распоряжении нет материалов для определения времени возникновения Дальверзина и других памятников чустской культуры. Мы пока не можем также хронологически расчленить известные памятники, хотя выше уже было

отмечено вероятное различие во времени между Чустом и Дальверзином, с одной стороны, и Ашкал-Тепе — с другой. Все доступные автору материалы позволяют говорить только об одновременности изученных памятников в рамках одного хронологического периода. Это дает нам основание распространить дату Дальверзина на все другие памятники чустской культуры.

Из всего сказанного вытекает, что большинство данных говорит в пользу более поздней даты чустской культуры и ранняя датировка М. Э. Воронца должна быть отвергнута.

В Фергане известен ряд находок эпохи бронзы, но более раннего, чем чустская культура, времени. Они объединяются в две хронологические группы. Наиболее ранняя представлена находками Хакского и Афлатунского кладов, а также ножей катакомбного типа. Эту группу, на основании сопоставления с материалами тепе Гисар III, можно датировать первой половиной II тыс. до н. э. Поселений и погребальных памятников, соответствующих этой ранней группе, пока не обнаружено. Другая группа, также предшествующая, но частично может быть и синхронная начальному этапу чустской культуры, включает находки литейной формы для отливки вислообушных топоров, ланцетовидный нож и некоторые другие орудия.²³² На том же поселении № 30 в Кайрак-Кумах, откуда происходит рассматриваемая литейная форма, обнаружена керамика, сходная с посудой федоровского и алакульского этапов андроновской культуры. Как уже было сказано, остается неясным, с каким из этих комплексов керамики связана находка литейной формы.

Перечисленные находки весьма малочисленны, чтобы они могли послужить основанием для периодизации бронзового века. Но они сигнализируют о существовании в Фергане памятников предшествующих чустской культуре.

²³⁰ Недавно Клод Шефер предпринял попытку пересмотреть дату некрополя В тепе Сялка и отнес его к 1250—1100 г. до н. э. (С. Schaefer, II, 1948, p. 477). Однако его предложение не может быть принято, так как раскопки Р. Гиршмана в Сузах подтверждают старую датировку некрополя В (R. Ghirshman, II, 1954). Ср.: В. М. Массон, II, 1957б, стр. 276; I, 1959, стр. 44; L. Vandenberghe, II, 1959; D. Mc Cowp, II, 1954, p. 65.

²³¹ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин и Е. Н. Романова, II, 1961, РУЛ—127.

²³² С. С. Черников (II, 1960, стр. 79—82) выделяет в качестве орудий общеандроновских форм, наряду с вислообушным топором и кинжалами с выемкой у основания (ланцетовидный нож), также серпы с отзерстом, втульчатые наконечники стрел, втульчатые долота и др. и относит появление большей части их к федоровскому этапу. Аналогичные орудия (серп, долото и др.) найдены в Фергане на поселениях чустской культуры. Вполне возможно, что в Фергане они также появляются в более раннее время.

Глава II

ФЕРГАНА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

На основании имеющихся материалов вполне определенно устанавливается одно-временное существование на территории Ферганской долины двух типов культуры разного облика и традиции: с одной стороны, культуры древнеземледельческих племен со своеобразной расписной керамикой и, с другой стороны, культуры пастушеско-земледельческих племен с керамикой андроновского типа. Сосуществование их составляет специфическую особенность исторического развития Ферганы.

Уже сейчас можно заметить некоторую закономерность распределения памятников обеих культур на территории Ферганской долины. Известные в настоящее время 20 поселений чустской культуры и 7 пунктов отдельных находок керамики располагаются главным образом в северной и восточной Фергане. Имеющиеся материалы позволяют наметить границы этой культуры от Чуста—Кара-Кургана — Тергаучи на северо-западе и до Чимбая и Заргулдак-Тепе на юго-востоке. Крайние памятники находятся на расстоянии около 200 км. Все это дает основание говорить о довольно широком распространении чустской культуры. О сплошном заселении этого ареала, конечно, не приходится говорить. Памятники чустской культуры расположены группами на значительном расстоянии одна от другой. Довольно ясно выделяется Дальверзинская группа. Вторую группу составляют Чуст, Кара-Курган и находки на правом берегу р. Сыр-Дарья, третья группа — Кассан-Сайская включает поселения в долине р. Кассан-Сай, четвертая — памятники в Кара-Дарьинском оазисе и пятая — поселения Маняк, Шор и Заргулдак-Тепе в юго-восточной Фергане.

Памятники андроновского типа встречаются преимущественно в северо-западной (поселения Кайрак-Кумов) и южной (могиль-

ники Вуадильской группы) частях долины и тяготеют к окраинам ее. Однако находки керамики у сел. Тюячи в междуречье Нарына и Кара-Дарьи и у г. Ош сигнализируют о возможном существовании памятников андроновского типа и в равнинной Фергане.

Большинство известных сейчас памятников чустской культуры — пятнадцать поселений и пять пунктов находок керамики — сосредоточено в восточной части Ферганской долины. Такая концентрация поселений и отдельных находок расписной керамики дает основания предполагать значительное развитие земледельческой культуры бронзового века именно в Восточной Фергане. вполне возможно, что здесь, в силу особых благоприятных физико-географических условий, сложился в бронзовом веке крупный центр культуры оседло-земледельческого населения Ферганы.

Открытие Чимбайского и других поселений в Кара-Дарьинском оазисе и отдельные находки керамики чустского типа в Узгене, Дунбулаке, и в Шалтаке, а также обнаружение поселений Кара-Курган и Маняк свидетельствуют о раннем проникновении в эпоху поздней бронзы земледельческой культуры в подгорные районы, входящие ныне в состав Южной Киргизии. Этот перечень фактов можно дополнить. Из предгорных районов северо-восточной части Ферганской долины (южные склоны Чаткальского хребта) происходят Хакский и Афлатунский (Калун-Чат) клады. Отсюда же происходит кельт-лопатка. Указанные находки, учитывая дату Хакского клада (первая половина II тыс. до н. э.), служат свидетельством раннего освоения предгорной полосы, что связано, вероятно, с возникновением и развитием в это время горнодобывающего промысла. О том же

говорят находки металлических орудий в древних разработках Кетмень-Тюбе и на Наукатском месторождении самородной меди.

Все другие случайные находки металлических изделий происходят из равнинных районов (Узген, Шурабашат, а также Уч-Курган, Тюячи, Лугумбек и трасса БФК севернее Маргелана). Анализируя распространение находок, можно заметить, что большинство их сосредоточено в восточной и северо-восточной частях Ферганской долины, и это обстоятельство еще раз подтверждает предположение о наибольшем развитии в эпоху бронзы именно восточной части Ферганской долины. В этой части Ферганы на склонах Ферганского хребта находится известное древнее святилище Саймалы-Таш, где среди многочисленных и разновременных наскальных рисунков может быть выделена группа, относящаяся к эпохе бронзы.

I. ХОЗЯЙСТВО

Приступая к рассмотрению хозяйства и материальной культуры населения Ферганской долины эпохи бронзы, прежде всего следует охарактеризовать состояние географической среды, окружавшей человека в то время. Нам представляется неверным исходить при определении уровня хозяйственного развития из современных условий распространения памятников эпохи бронзы. Поселения чустской культуры в настоящее время располагаются среди болотистых низин или на краю поймы рек. Каких-либо оснований считать, что и в эпоху бронзы эти поселения были окружены болотами, у нас нет. Общеизвестно, что современные физико-географические условия отличаются от природных условий древности в результате главным образом деятельности человека и, в меньшей мере, изменения самой природы. Изменения затронули все основные элементы физико-географической среды: рельеф, климат и растительность.

Многими исследованиями установлено, что в четвертичную эпоху и в историческое время на обширных пространствах Евразийского материка происходила периодическая смена периодов похолодания периодами потепления, смена засушливых и влажных периодов.¹ Подобные изменения происходили и в Фергане.

¹ А. В. Шнитников, II, 1957. В этой работе на основании исследования разнообразных

Для Ферганской долины последовательную картину смены периодов устанавливает почвовед А. Н. Розанов. В связи с изучением развития песков он выделяет в четвертичную эпоху следующие периоды:

I — влажный период, когда густая речная сеть опоясала всю Ферганскую долину и Кара-Дарья прорезывала ее с востока на запад. В это время обширные пространства были заняты болотами.

II — сухой период, когда произошло сильное сокращение речной и озерной сети и начался процесс обсыхания. В этот период происходит образование конусов выноса и начало дефляции.

III — второй влажный период, совпадающий с оживлением деятельности рек, образованием вторых террас и повышением уровня залегания грунтовых вод.

IV — второй сухой и жаркий период, когда наступает резкое иссушение, усыхание озер и болот, понижение уровня грунтовых вод, обмеление рек.

V — последний современный период.²

Схема А. Н. Розанова в основном согласуется с новейшими представлениями о климатических изменениях в четвертичном периоде, обобщенными в работе А. В. Шнитникова.³

Таким образом, при характеристике географических условий необходимо учитывать, что период существования поселений Ферганы эпохи бронзы, охватывающий конец II тыс. и начало I тыс. до н. э., хронологически совпадает с периодом засушливого климата — так называемой ксеротермической фазой суббореального периода (эпохой IIб—II тыс.—начало I тыс. до н. э.),

источников устанавливаются закономерности изменения климата Евразийского материка в четвертичное время и особенно за исторический период. Последствия смены периодов, по А. В. Шнитникову, отражаются на всех элементах физико-географической среды. Эти изменения климата носят характер общих закономерностей, распространяющихся на большие территории, поскольку они имеют взвешенное происхождение.

² А. Н. Розанов, II, 1938, стр. 148—149. В этой схеме, правда, отсутствует важный фактор — она не увязана с абсолютной хронологией.

³ Анализ археологических и исторических источников, свидетельствующих о цикличности изменения климата Средней Азии в исторический период, содержится в специальной работе М. Е. Массона (I, 1948, стр. 21—23). В работе приведены также археологические данные по Ферганской долине.

по схеме А. В. Шнитникова.⁴ Это была, вероятно, эпоха относительно теплого и очень сухого климата, отличающаяся от современной.⁵ На это указывают, в частности, данные спорово-пыльцевых анализов пяти образцов, взятых в 1961 г. из нижнего горизонта Дальверзина. Определения произведены в Палеоботанической лаборатории ЛГУ. В составе спорово-пыльцевых спектров обнаружены такие типичные представители сухой степной флоры, как полыни (*Artemisia*), лебедовые — солянки (*Chenopodiaceae*), злаки (*Gramineae*) и другие травянистые растения. Разумеется, приведенные данные являются предварительными и требуются дальнейшее накопление материалов по этому вопросу.

Предположение о засушливом климате в Фергане в четвертичную эпоху подтверждается ныне данными пыльцевого анализа.⁶

⁴ А. В. Шнитников, II, 1957, стр. 262—263. Целый ряд наблюдений по другим районам Средней Азии говорит о существовании ксеротермического периода во II тыс. до н. э. Впервые об изменении климата Средней Азии поставил вопрос Р. Пампелли (R. Pampelly, II, 1908, p. 5). Ср.: Б. Б. Пиотровский, II, 1956, стр. 97. Новейшие данные о существовании засушливого периода приведены в работе Г. В. Лопатина (II, 1957, стр. 5—34), в которой, кроме того, дано сопоставление археологических материалов из Хорезма со схемой изменения климата А. В. Шнитникова и с данными ряда естественнонаучных дисциплин. Ср.: А. В. Шнитников, II, 1961.

⁵ В настоящее время еще недостаточно выяснено, насколько отличались природные условия Ферганской долины в эпоху бронзы от современных и в чем конкретно это выражалось. Но, по-видимому, происходили существенные изменения природных условий, если, судя по предположениям А. Н. Розанова, происходило сокращение речной и озерной сети, образование вторых террас, усыхание озер и болот и т. д. Для сравнения укажем, что наблюдения над распределением памятников бронзового века в Хорезме позволили А. С. Кесь сделать следующее заключение: «... природные условия в этот период были настолько засушливыми, что человеку, начавшему заниматься земледелием, приходилось прибегать к искусственному орошению» (А. С. Кесь, II, 1958, стр. 10).

⁶ Приводим полностью следующее заключение Е. М. Шведовой: «Однотипность спорово-пыльцевых комплексов по разрезу четвертичных отложений указывает на то, что во время накопления резкого изменения в составе растительности не происходило. Это обусловлено, по-видимому, мало изменявшимися климатическими условиями. Все спорово-пыльцевые комплексы указывают на сухой и жаркий климат во время осадконакопления, происходившего в условиях степных и полупустынных зон» (Е. М. Шведова, II, 1960, стр. 70).

Большие размеры поселений и культурных отложений, а также общий высокий уровень чустской культуры дает нам право говорить о значительном развитии земледелия в эпоху поздней бронзы. В условиях Ферганской долины, принимая во внимание особенности климата этого периода, развитие земледелия возможно было только на базе использования искусственного орошения. Трудно представить, чтобы население таких крупных поселений, как Дальверзин, Ашкал-Тепе, Чуст, могло существовать на базе каирного (лиманного) земледелия.⁷ М. Э. Воронец⁸ и В. И. Спришевский⁹ также считают возможным говорить о применении искусственного орошения для Чустского поселения. Но поскольку конкретные материалы о существовании в это время ирригации отсутствуют и древнейшие этапы истории ирригации Ферганы вообще очень мало известны, то приходится ограничиваться предположением о последовательности развития искусственного орошения.¹⁰ Древнейший этап, по Б. А. Латынину, составляет период освоения заболоченных речных пойм, наряду с которыми обрабатываются участки в низовьях, естественно орошаемых сезонными саями и разливами малых горных рек, затухавших на равнине. Несколько позднее возникает и небольшая сеть древнейших, собственно оросительных каналов. Период каирного (лиманного) орошения (I ступень истории ирригации), как считает Б. А. Латынин, был характерен для I этапа истории Ферганы, охватывающего время с эпохи бронзы и до IV—III вв. до н. э.¹¹

С этой общей характеристикой древнейшего этапа орошаемого земледелия можно согласиться. Однако некоторые данные позволяют внести уточнения и предполагать, что земледельцы чустской культуры уже использовали небольшие искусственные каналы и не ограничивались лиманным оро-

⁷ Б. А. Латынин, I, 1956, стр. 18; ср.: Ю. А. Заднепровский, I, 1959, стр. 218—219.

⁸ М. Э. Воронец, I, 1954, стр. 57.

⁹ В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 76.

¹⁰ Схема развития искусственного орошения в Фергане и предполагаемые этапы истории его намечены в работах Б. А. Латынина (Б. А. Латынин, I, 1935а, стр. 708; 1956, стр. 15—26; 1959, стр. 24—26). Недостатки схемы отмечены В. А. Шашкиным (I, 1955, стр. 101).

¹¹ Б. А. Латынин, I, 1956, стр. 18.

шением. В этом отношении интересные наблюдения дало геоморфологическое изучение некоторых современных каналов. Геологи А. Л. Рейнгард¹² и О. А. Рыжков¹³ установили, что Андижан-Сай и Шаарихан-Сай в Восточной Фергане, являвшиеся в начале искусственными сооружениями — выведенными из Кара-Дарьи каналами, в настоящее время представляют собой подлинные реки, которые сформировали свои долины в мягком лёссово-глинистом грунте. В долинах этих саев появились даже террасы. Геоморфологические материалы дают основание утверждать одновременное появление обоих каналов.

Время сооружения Андижан-Сая О. А. Рыжков относит к эпохе формирования второй террасы сыр-дарьинского комплекса четвертичного периода, по Н. П. Васильковскому.¹⁴ По этому поводу он пишет следующее: «... каналы для Андижан-Сая и Шаарихан-Сая были прорыты примерно во время формирования второй террасы».¹⁵ И далее: «Формирование первой и частично второй террас сыр-дарьинского цикла денудации протекало, по-видимому, в течение последних 3000 лет».¹⁶

Такова относительная (геолого-стратиграфическая) датировка возникновения Андижан-Сая и Шаарихан-Сая. В датах абсолютной хронологии О. А. Рыжков появление их относит к рубежу II—I тыс. до н. э.¹⁷ Эта дата устанавливается путем сопоставления геоморфологических и археологических данных.¹⁸

¹² А. Л. Рейнгард, II, 1934, стр. 6.

¹³ О. А. Рыжков, II, 1952, стр. 72.

¹⁴ Н. П. Васильковский, II, 1957, стр. 98.

¹⁵ О. А. Рыжков, II, 1957, стр. 218.

¹⁶ О. А. Рыжков, II, 1957, стр. 219.

¹⁷ О. А. Рыжков, II, 1952, стр. 72.

¹⁸ Следует иметь в виду, что геологи не ставили задачу воссоздания истории строительства Андижан-Сая и Шаарихан-Сая. Они говорят только о времени возникновения их как искусственных сооружений и не пытаются охарактеризовать первоначальное состояние каналов. Эти крупнейшие в Фергане искусственные каналы (длина Андижан-Сая в настоящее время составляют более 60 км) строили несомненно постепенно. Можно представить, что в начале человек пытался использовать некоторые из естественных блуждающих протоков Кара-Дарьи. С этой целью были построены небольшие дамбы, плотины и отводящие арыки с целью регулирования естественных разливов. В результате образовалось постоянное русло. В последующие периоды каналы могли быть расширены, головные сооружения и распределительная сеть усо-

В этой связи заслуживает внимания достаточно определенная закономерность расположения памятников бронзового века Ферганы на первой и второй террасах (Дальверзин и Ашкал-Тепе на Кара-Дарье, Тергаучи и Гурмирон на р. Кассан-Сай и др.). Для датировки Шаарихан-Сая большое значение приобретает открытие поселений чустской культуры Шор-Тепе и Заргулдак-Тепе, существование которых, очевидно, связано с функционированием Шаарихан-Сая.¹⁹

В свете этих наблюдений этап существования каирного земледелия более вероятно относить к раннему периоду, предшествующему чустской культуре и пока слабо освещенному археологическими материалами. Возникновение примитивной ирригации, которое Б. А. Латынин датирует поздним этапом первой ступени, т. е. приблизительно первой половиной I тыс. до н. э., следует относить также к более раннему периоду, и, как нам представляется, этот этап ирригации более соответствует уровню развития древнеземледельческой культуры чустского периода.

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Время возникновения земледельческой культуры в Ферганской долине пока точно не установлено. Но во всяком случае, в чустский период оно уже достигло значительного развития. В период поздней бронзы,

вершенствованы. Во всяком случае для рассматриваемого периода рубежа II—I тыс. до н. э. можно говорить лишь о начальном этапе существования искусственных каналов Андижан-Сай и Шаарихан-Сай. В этой связи представляет интерес находка в русле Кара-Дарьи на глубине 14 м древних сипаев — сооружений, применявшихся при строительстве плотин и для отвода воды из реки. Остатки сипаев найдены при строительстве плотины у Кампыр-Равата, в месте, где находится заборные сооружения Андижан-Сая и Шаарихан-Сая. См.: Б. Н. Кастальский и Е. М. Тимофеев, II, 1934, стр. 65.

¹⁹ Во время обследования Б. А. Латыниным Шаарихан-Сайской оросительной системы в 1934 г. не было обнаружено древних памятников в зоне распределительного сооружения возле Асаске. Зато на головном участке у Кампыр-Равата обследован холм Шоп-Тепе, в нижних слоях которого обнаружена керамика эйлатанского и шурабашатского периодов. Б. А. Латынин датирует время возникновения Шаарихан-Сая по керамике из Шоп-Тепе первыми веками н. э. (Б. А. Латынин, I, 1961б, стр. 151). Результаты обследования Шоп-Тепе, как нам представляется, не исключают возможности более раннего существования Шаарихан-Сая.

поскольку можно судить по имеющимся сейчас материалам, наибольшее развитие земледелия в Средней Азии отмечается у южнотуркменистанских племен в Хорезме и у племен чустской культуры в Ферганской долине. Сейчас в Фергане можно выделить, по крайней мере, пять земледельческих оазисов этого времени: долины рек Гава и Касан-Сая, оазис Дальверзина, район Чакана и Шор-Тепе, а также Кара-Дарьинский оазис. Таких центров здесь было меньше, по сравнению с Южной Туркменией, и они были сравнительно небольшими.

Находки злаков и орудий, применявшихся при обработке почвы и продуктов земледелия, и другие данные позволяют охарактеризовать некоторые стороны древнеземледельческой культуры Ферганы. В хозяйстве населения чустской культуры, как и в других районах Средней Азии, ведущую роль играло возделывание ячменя и пшеницы. В большом количестве семена этих культур были обнаружены на Чустском поселении.²⁰ Особый интерес вызывают находки в Чусте зерен просовидного растения. До сих пор нам не было известно о распространении этой культуры в бронзовом веке Средней Азии. Разведение проса составляло особенность древнеземледельческой Ферганы.

Некоторые данные для характеристики земледелия можно извлечь из наскальных изображений Саймалы-Таша. Среди ранних рисунков особое внимание привлекают изображения быков в упряжке, которые можно рассматривать как изображения сцены пахоты.²¹ Если правильна датировка этой композиции эпохой бронзы, то появление ее можно расценивать как отражение развития плужного земледелия в Фергане в рассматриваемое время. Имеющиеся материалы свидетельствуют об использовании в чустский период лошади как верхового и, быть может, как тяглогового животного. Таким образом, не исключена также возможность ис-

пользования лошади для пахоты. В эпоху бронзы полевое земледелие было широко распространено у племен Южной Туркмении. Принимая во внимание уровень развития чустских племен, не будет большой ошибкой предполагать, что и в Фергане в это время было известно плужное земледелие.

Для хранения зерна и других продуктов сельского хозяйства использовались многочисленные хозяйственные ямы, обнаруженные на Чустском, Дальверзинском и других поселениях, что подтверждается бесспорными находками. В. И. Спришевский, например, пишет: «В некоторых ямах на полу были найдены зерна различных злаков...».²² Сохранение зерна до посева следующего года для древних земледельцев представляло трудную задачу. Для предотвращения прорастания зерна в ямах применялись разные меры. По всей вероятности, именно поэтому стенки хозяйственных ям обмазывались и обкладывались сырцовым кирпичом и булыжником, как это выявлено на Чустском поселении.²³ Для сравнения укажем, что хранение зерна в подобных ямах практиковалось совсем недавно современным населением Средней Азии.²⁴

Хранение зерна и продуктов в земляных ямах неизвестно у южнотуркменистанских племен, где использовали для этих целей крупные корчаги и особые помещения — кладовки в жилищах. Широко распространены были такие ямы на поселениях эпохи

²⁰ В. И. Спришевский, I, 1958а, стр. 186. На рис. 1, I изображены зерна ячменя и пшеницы.

²¹ В. И. Спришевский, I, 1954, стр. 73; 1957в, стр. 41.

²² Хранение зерна в земляных ямах засвидетельствовано этнографами у горных таджиков долины Хуф. Каждый хозяин имел от одной до четырех ям. Они устраивались в самом жилище или во дворе, или же в поле. Вырывались они с учетом предохранения зерна от подпочвенной влаги (для этого стенки обкладывали камнями). Размеры ям разнообразны. См.: М. С. Андреев, II, 1958, стр. 88, рис. 6—7. Хранение зерна в ямах распространено было также среди скотоводческого населения (А. Н. Глухов, II, 1927, стр. 131—132; М. Т. Айтбаев, II, 1957, стр. 47—48). Зерно в таких ямах, по всей вероятности, сохранялось и не портилось. В ином случае обычай хранения зерна в ямах не получил бы широкого распространения и в разных географических зонах — например, он известен на древнерусских поселениях конца I и начала II тыс. н. э., расположенных в более влажных районах, чем Фергана (В. П. Левашева, II, 1956, стр. 93—94).

²⁰ В. И. Спришевский, I, 1957в, стр. 48; 1958а, стр. 187, рис. 1, I. Полное описание и определение их не опубликованы. Имеющиеся в литературе сведения о разведении пшеницы в Южной Киргизии во II тыс. до н. э. (М. М. Якуб-цнер, II, 1956, стр. 25) заимствованы у А. Н. Бернштама (I, 1942, стр. 5), у которого, насколько нам известно, не было никаких данных для такого заключения.

²¹ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 211; 1952б, стр. 64; ср.: Б. М. Зимма, I, 1951, табл. X; История Киргизии, II, 1956, стр. 36—37.

бронзы в Закавказье.²⁶ Имеются они и на памятниках эпохи бронзы в Северном Китае.²⁶

Набор земледельческих орудий, встречаемый на поселениях чустской культуры, весьма ограничен. Для рыхления и обработки почвы применяли каменные мотыги. Они обнаружены на Дальверзинском поселении. Это массивные орудия с широким рабочим краем и узкой овальной в сечении рукоятью. Некоторое сходство они имеют с каменными мотыгообразными орудиями из Чуйской долины, которые А. Н. Бернштам отнес к эпохе бронзы. Совпадает форма и размеры орудий.²⁷ Мотыги из Дальверзина по своей форме отличаются от аналогичных орудий синхронных поселений андроновской культуры, в частности Алексеевского поселения.²⁸ Более полное сходство они имеют с орудиями раннего — неолитического времени из памятников Закавказья²⁹ и культуры Яншао в Северном Китае.

Из других предметов труда, применявшихся при обработке продуктов земледелия, в большом количестве встречаются зернотерки.³⁰ На поселениях чустской культуры преобладают зернотерки овально-продолговатой формы с выступающими краями и сильно сработанной рабочей поверхностью.³¹ Чаще всего встречаются зернотерки больших размеров — 25—40×10—14 см. На-

ряду с ними известны зернотерки меньшего и большего размеров.

При относительной характеристике общего уровня развития земледелия в эпоху поздней бронзы часто обращают внимание на размеры зернотерок.³² Если согласиться с подобными заключениями, то большие размеры зернотерок чустской культуры являются еще одним свидетельством сравнительно высокого развития земледелия в Фергане.

С земледелием связаны каменные, серповидные ножи, найденные в большом количестве на поселениях чустской культуры (Чустском, Дальверзинском, Чимбайском, Тергаучи и Заргулдак-Тепе). Эти орудия имели, по-видимому, различное назначение. Они использовались и в качестве серпов, и как обычные ножи.³³

Каменные ножи чустского типа совсем неизвестны в других областях Средней Азии. Они не встречаются также в памятниках эпохи бронзы Восточной Европы, Казахстана и Южной Сибири. Неизвестны они и в памятниках культуры крашеной керамики Передней Азии. Единственные и очень близкие аналогии эти ножи имеют в случайных находках каменных серпов возле г. Аксу в Синьцзяне (рис. 12)³⁴ и в синхронной иньской культуре (культура Сяотунь) Северного Китая XIV—VIII вв. до н. э.³⁵ Ферганские каменные ножи по форме, размерам и по материалу, из которого они изготовлены, сходны с китайскими орудиями. Каменные серпы, найденные на городище Аньян в слоях, относящихся к культуре Сяотунь, также имеют прямое лезвие и обушок, закругленный к острому концу. По размерам они несколько превосходят ферганские орудия. Каменные серпы бронзового века в Китае являются результатом продолжительного развития орудий этого типа со времени неолита (культуры Яншао).

²⁶ К. В. Сальников, II, 1951, стр. 125; М. П. Грязнов, II, 1956б, стр. 40; ср.: А. В. Збруева, II, 1952, стр. 232.

²⁷ Во время обсуждения доклада автора о раскопках на Дальверзине в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР М. П. Грязнов высказал предположение, что они могли употребляться в качестве трепала.

²⁸ Teilhard de Chardin P. and C. S. Young, II, 1932, p. 96, fig. 17—19.

²⁹ Два ножа из Аньяна опубликовал J. Andersson (II, 1943, p. 226, pl. 165, 9, 10); ср.: Li Chi, II, 1929, p. 248; Каогу сюэбао, т. 9, 1955 (на кит. языке).

²⁶ К. Х. Кушнарера, II, 1959, стр. 389, 391; Т. А. Бунятов, II, 1957, стр. 56.

²⁷ J. Andersson, II, 1947, pp. 15—19, fig. 8, 9.

²⁸ А. Н. Бернштам, II, 1950, табл. XXXIII. Особенно много общего имеется с орудием, изображенным на рис. 4.

²⁹ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 103, рис. 28.

³⁰ Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Готишвили, О. С. Гамбашидзе, II, 1957, стр. 118, рис. 3, 1.

³¹ На Чустском поселении обнаружены костяные орудия, изготовленные из челюсти животных, которые по мнению исследователя применялись для обработки почвы. Однако такое назначение этих орудий ничем не подтверждается (В. И. Спришевский, I, 1957, стр. 48, рис. 14, 3, 4).

³² Одна зернотерка из Чуста опубликована М. Э. Воронцом (I, 1954, рис. 1), другая — В. И. Спришевским (I, 1957, рис. 14, 5). Большой материал для сравнения можно найти в работе Н. А. Пономарева «История техники мукомольного и крушного производства» (II, 1955). В ней содержится полезная сводка сведений и описание зернотерок, найденных на памятниках разных эпох на территории СССР и сопредельных стран, а также описание процесса применения их.

Они находились в употреблении очень долго. Отсюда эта форма распространяется в Маньчжурию,³⁶ в Приморье³⁷ и в Синьцзян. Учитывая местное и раннее происхождение каменных серпов в Северном Китае, можно считать, что каменные серповидные ножи чустской культуры появились в Ферганае в результате влияния культур бронзового века Северного Китая и Синьцзяна.

По форме ножи чустской культуры близки бронзовым серпам, обнаруженным в Чуйской³⁸ и в Илийской³⁹ долинах, и имеют некоторое сходство с бронзовыми серпами третьего вида из-Алексеевского поселения. Для последних также характерно слабо изогнутое лезвие и обухок, закругленный к острию. Близки они и по размерам.⁴⁰ Возможно в данном случае наблюдается простое совпадение форм каменных и бронзовых орудий.

Наряду с каменными серповидными орудиями употреблялись в это время и бронзовые (медные) серпы. Первые в Средней Азии металлические серпы встречены в отложениях периода Намазга V и VI (II тыс. до н. э.). Однако серпы чустской культуры отличаются по форме от этих орудий и от серпов более позднего времени, происходящих из некрополя А и В тепе Сяллка в Иране. Происхождение ферганских серпов следует искать, скорее всего, в культурах андроновских племен, так как по форме они близки орудиям из Чуйской долины и Восточного Казахстана.⁴¹

В заключение отметим, что новые данные, полученные в последние годы, позволяют исправить неверные утверждения о значительно более позднем появлении земледелия в Ферганае по сравнению с другими областями Средней Азии.⁴²

³⁶ Му-Ян-г-Ся-н-г, II, 1931, р. 7, pl. XIV, 7—10.

³⁷ А. П. Окладников, II, 1956, стр. 82, рис. 15, 5 и 9.

³⁸ А. Н. Бернштам, II, 1950, табл. XXXVI, 1—3; XXXV, 4.

³⁹ И. И. Копылов, II, 1958, стр. 159, табл. III, 1.

⁴⁰ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 103, 107—108, рис. 27, 3.

⁴¹ А. Н. Бернштам, II, 1950; С. С. Черников, II, 1960.

⁴² В. С. Батраков, II, 1955, стр. 114—115. Ср.: «Всемирная история» (т. I, 1955, стр. 590), авторы которой при описании образования в Средней Азии земледельческих областей в начале I тыс. до н. э. отмечают, что в Ферганае земледелие возникло значительно позже.

2. СКОТОВОДСТВО

Пастушеское (придомное) скотоводство, тесно связанное с земледелием, играло значительную роль в хозяйстве населения чустской культуры, судя по насыщенности культурного слоя поселений костями домашних животных. Оно дополняло запасы пищи и служило источником сырья для домашних производств. Почти все найденные кости животных представляют собой кухонные отбросы.

Изучение костей домашних животных, собранных при раскопках, позволяет определить видовой состав стада. В 1956 г. на Дальверзинском поселении было собрано большое количество костей, из которых в Зоологическом институте АН СССР определено 954 кости от 65 особей (см. табл. 5).⁴³ Определение костей из Чуста проведено в том же Институте. Из собранных в Чусте за два года (1953—1954 гг.) костей определено 910, принадлежащих не менее 281 особи (см. табл. 5).⁴⁴

Населению чустской культуры были известны почти все виды домашних животных: корова, коза и овца, лошадь, осел, собака, а также верблюд и, возможно, свинья. Количество костей крупного рогатого скота и лошади вместе взятых было несколько меньше, чем костей мелкого рогатого скота. Крупный рогатый скот и лошади составляли в среднем 40% стада и, очевидно, разведение именно этих видов домашних животных играло ведущую роль в скотоводстве древних земледельцев бронзового века.⁴⁵

Кости лошади, найденные на обоих поселениях, также представляют собой кухонные остатки. Мясо лошади, следовательно, служило пищей наряду с мясом крупного и мелкого рогатого скота. Но в это время лошадь уже использовалась как верховое,

⁴³ Osteологический материал, собранный на Дальверзине в 1957—1960 гг., не изучен.

⁴⁴ В. И. Спришевский, I, 1958в, стр. 96—97.

⁴⁵ Это положение получает еще большее основание, если учесть предлагаемые М. П. Грязновым (II, 1956в, стр. 25—26) поправки на скороспелость мелкого рогатого скота по сравнению с крупным рогатым скотом. М. П. Грязнов считает, что если в культурном слое находится равное количество костей крупного и мелкого рогатого скота или если костей овцы и козы в полтора-два раза больше, то в реальном стаде все же преобладал крупный рогатый скот.

Таблица 5

Определение костей животных из Чустского
и Дальверзинского поселений эпохи бронзы

№№ п. п.	Виды животных	Чуст (1953—1954 гг.)		Дальверзин (1956 г.)		
		К-во особей	% особей	К-во к- стей/к-во особей	% костей	% особей
1	Крупный рогатый скот . . .	67	23.8	446/17	44.7	26.2
2	Мелкий рогатый скот . . .	123	43.8	269/31	28.2	47.7
3	Лошадь	51	18.1	190/8	19.9	12.3
4	Осел	2	0.7	2/1	0.2	1.5
5	Верблюд	—	—	4/1	0.4	1.5
6	Свинья (дом.?)	3	1.0	—	—	—
7	Собака	9	3.2	31/4	3.3	6.2
8	Дикие животные (кабан, крупный баран и др.) . .	26	9.3	12/3	1.1	3.5
	Всего	281	99.9	954/65	97.8	98.9

и, может быть, как тягловое животное, судя по находкам удила (в Чусте), роговых псалий в Чусте и Дальверзине и наличию специальной литой формы для отливки бронзовых псалий.

Следует особо отметить почти полное сходство видового состава и процентного соотношения костей животных (по числу костей и числу особей) на Дальверзинском и Чустском поселениях, что видно по данным, приведенным в табл. 5.

Несколько различается количество найденных костей осли⁴⁶ и собаки, которых вообще было мало на обоих поселениях.

В Чусте найдены кости домашней свиньи, определение которых вызывает некоторое сомнение у зоологов. В Дальверзине пока костей домашней свиньи не найдено. Но здесь обнаружены кости верблюда, пока неизвестные в материалах из Чуста. В несколько большем количестве в Чусте представлены кости диких животных. Однако эти различия не существенны и можно говорить о полном сходстве состава стада у населения обоих поселений. Судя по неболь-

шому количеству костных остатков диких животных, охота в жизни населения Ферганы бронзового века играла незначительную роль. Объектами охоты служили представители степной и полупустынной фауны — сайгак, кулан и особенно, джейран, 13 особей которого было определено в материалах Чуста. Эти виды диких животных в настоящее время в Фергане не водятся. Такой состав фауны диких животных, очевидно, обусловлен климатическими условиями ксеротермического периода. Среди промысловых животных отметим кабана — типичного представителя болотных ландшафтов, кости которого встречены на обоих поселениях.

На Дальверзинском поселении найдены кости кабана (9 костей; 1 особь), архара (*ovis ammon?*; 2 кости; 1 особь) и птицы (1 кость; 1 особь). Архар представлен также и в материалах Чуста. Некоторые материалы для характеристики охоты, способов ее и др. можно найти в древнейших наскальных изображениях Саймалы-Таш.⁴⁷

Сравнение остеологических данных по памятникам чустской культуры с аналогичными данными для культур Анау показывает, что в обеих областях разводили одинаковые виды домашних животных и что количественное соотношение их в стаде было почти равное (табл. 6).⁴⁸

⁴⁷ А. Н. Бернштам, I, 19526, стр. 60—61.

⁴⁸ Ввиду того, что материалы из раскопок анауских памятников последних лет еще не опубликованы, сравнивать можно было только с данными

⁴⁶ Обнаружение костей осли в Чусте и Дальверзине представляет интерес для суждения о времени появления этого животного в Средней Азии. Костей осли, как известно, не было найдено в Анау, в связи с этим было высказано предположение (В. И. Громова, I, 1947) о позднем появлении осли в Средней Азии (на рубеже н. э.). В последние годы кости осли обнаружены также на поселениях бронзового века Изат-Кули и Мадау-Депе в Южной Туркмении (В. М. Массон, II, 19566, стр. 442).

В обеих областях совпадает количество костей крупного рогатого скота и лошадей — 40—45% всех находок. Причем это соответствие уравнивается в Анау за счет большего количества лошадей, а в Фергане, наоборот, за счет крупного рогатого скота. В Фергане относительно больше было мелкого рогатого скота. Существенное различие наблюдается только в большем количестве костей свиньи и верблюда в Анау, чем в ферганских поселениях. По количеству диких животных между этими областями нет существенных различий.

Таким образом, состав стада у населения Южной Туркмении и Ферганы в эпоху бронзы, несмотря на хронологическое различие рассматриваемых памятников, по всей вероятности, в основном был однороден (табл. 6).

Количественное соотношение животных в стаде у населения Ферганы по числу особей почти не отличается и от состава стада синхронного Алексеевского поселения (табл. 6).⁴⁹ Совсем иное соотношение получается, если взять данные по числу костей. Население Алексеевского поселения разводило примерно в одинаковом количестве лошадей и крупный рогатый скот. В этом

из раскопок Р. Пампелли. См.: Н. Duergst, II, 1908, p. 342. На стр. 439 даны несколько иные цифры: костей лошади — 20%, барана — 25%.

⁴⁹ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 101.

Таблица 6
Состав костных остатков на поселениях эпохи бронзы (по числу особей, в процентах)

Виды животных	Анау III		Фергана		Заволжье		Южное Зауралье		Западный Казахстан		Восточный Казахстан				
			Чист	Дальвер- зин	Маню- тово ¹	Успей- ское ²	Кипель ³	Нижне- Бурино ⁴	Алексеевское поселе- ние ⁵	Каная ⁶	Усть- Нарын ⁷	Мало- Красно- ярка ⁸	Трушк- ково ⁹		
	25	18.1												12.3	5.8
1 Лошадь	25	18.1	12.3	5.8	9.4	8.7	42.0	14.8	9.5	7.5	15.2	18.7			
2 Крупный рогатый скот	20	23.8	26.2	53.9	46.9	32.3	44.0	22.2	37.4	26.4	17.4	22.5			
3 Мелкий рогатый скот	30	43.8	47.7	30.8	28.1	47.0	28.0	42.6	32.2	37.7	39.1	31.4			
4 Верблюд	5	—	1.5	—	—	—	—	1.8	—	—	—	—			
5 Осел	—	0.7	1.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
6 Свинья	15	1.0	—	1.9	—	—	—	—	—	—	—	—			
7 Собака	2	3.2	6.2	3.8	6.3	6.0	4.0	5.5	5.2	1.9	2.2	2.9			
8 Дикие животные	3	9.3	3.5	3.8	9.3	26.0	12.0	10.3	15.7	26.4	26.9	24.5			
Всего	100	99.9	98.9	100	100	100	100	97.2	100	99.9	100.8	100			
Общее к-во костей/особей	1300/—	910/281	954/65	764/52	537/32	580/34	328/25	1206/54	2197/115	343/52	487/46	779/77			

Примечания:

¹ И. В. Слюницын, II, 1949, стр. 205.

² Там же, стр. 216.

³ К. В. Сальников, II, 1954, стр. 249.

⁴ Там же.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 101.

⁶ С. Чуряков, II, 1960, прил. 4-б. По количеству костей дикие животные занимают значительно меньшее место: соответственно 2.1%,

7.9%, 4.1% и 6.8% всех костных остатков.

отношении состав стада у племен андроновской культуры явно отличается от стада у населения Ферганы, где костей крупного рогатого скота найдено почти в два раза больше, чем лошади. Судя по имеющимся данным, в Фергане отмечается преобладание костей мелкого рогатого скота над крупным. В Алексеевском поселении соотношение обратное. Значительно больше на Алексеевском поселении костей диких животных.

Сопоставление остеологических данных, приведенных на табл. 6, показывает сходство видового состава стада у ряда племен степных культур эпохи бронзы, обитавших на обширной территории от Иртыша и до Волги. Но количественное соотношение в стаде коров, овец и лошадей у них было неодинаковое. Поселения степных культур различаются также и по количеству костей диких животных.

Если сопоставить данные для степных культур с данными по Фергане, то можно отметить, прежде всего, различие в видовом составе домашних животных. На поселениях андроновской и срубной культур, как правило, отсутствуют кости верблюда, осла и свиньи.⁵⁰ Известно всего два случая находки костей верблюда (на Алексеевском поселении и на поселении срубной культуры около Воронежа).⁵¹ Кости свиньи встречаются также очень редко. Различно и процентное соотношение видов домашнего скота в стаде. На поселениях чувстской культуры в большем количестве представлены кости лошади и овцы. В меньшем или почти в равном количестве встречаются кости коровы. Из всего этого можно сделать заключение о разном развитии скотоводства у рассматриваемых племен. Количество костей диких животных на поселениях Ферганы значительно меньше. Судя по данным остеологической статистики, роль охоты в хозяйстве была вообще незначительна у всех племен степных культур эпохи бронзы.

Население Ферганы эпохи бронзы занималось и рыболовством, судя по костям рыб, обнаруженным в культурном слое Чуст-

ского и Дальверзинского поселений. Об этом же говорят и находки рыболовных крючков в Чусте и в Кайрак-Кумах.⁵²

3. ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА

На первое место по значению следует поставить бронзолитейное производство. На исследованных поселениях чувстской культуры и на поселениях в Кайрак-Кумах обнаружены следы металлообрабатывающего производства в виде шлаков, слитков металла, литейных форм и самих орудий.

Для развития металлургии меди и бронзы важное значение имело наличие в Фергане местного сырья. Ближайшие месторождения меди находились, например, от Дальверзина в 50 км (на С от него — Тентяк-Сай, на В — у Кампыр-Равата на р. Кара-Дарья и на Ю — в Тюя-Муюне).⁵³ На Чустское поселение руда могла поступать из месторождений на южных склонах Чаткальского хребта, из долины р. Гава (около 50 км).⁵⁴ Металлургии кайрак-кумских поселений, вероятно, использовали сырье из соседнего Наукатского месторождения⁵⁵ и из Кара-Мазара.⁵⁶

Весьма существенную роль играло также наличие в горах Ферганы оловоносных месторождений. У нас нет прямых данных о разработке их в древности, но учитывая большое содержание олова в металлических изделиях чувстского периода, можно предполагать местное происхождение его.⁵⁷

Рудные богатства гор Ферганы составляли хорошую базу для развития местного металлургического производства в эпоху бронзы.

Имеющиеся данные позволяют говорить, что все процессы вторичной обработки металла производились в пределах поселения. На Дальверзине открыты остатки литейной печи, глиняная трубка — сопло, тигли для разливки металла и каменные литейные формы. Судя по находке в Дальверзине

⁵² Э. Гулямова, Е. А. Давидович, I, 1956, стр. 13, табл. 3, 7.

⁵³ В. Н. Вебер, II, 1913.

⁵⁴ Ф. И. Вольфсон и др., II, 1937.

⁵⁵ А. В. Королев, II, 1934.

⁵⁶ Б. Н. Наследов, II, 1935; М. Е. Масон, II, 1936.

⁵⁷ Предположение о добыче олова в Фергане было высказано еще Б. А. Латыниным в отчете о работе Ферганской экспедиции в 1934 г., а затем М. Е. Массоном (II, 1947, стр. 20). См. также: В. М. Массон, I, 1959, стр. 114.

⁵⁰ Небольшое количество костей свиньи обнаружено на поселениях срубной культуры в Среднем Поволжье (В. И. Цалкин, II, 1958, стр. 257, 269).

⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 102.

части круглодонного сосуда с остатками металла, плавка производилась в обычных сосудах. В настоящее время нельзя с достаточной полнотой охарактеризовать особенности металлического производства эпохи бронзы в Ферганае — для этого недостаточно материалов. Но следует отметить высокое мастерство древних литейщиков и металлургов, умевших изготавливать такие сложные изделия, как ажурные украшения, отливавшиеся в литейной форме Дальверзина (табл. XX, 1, 2), вислообушные топоры из Кайрак-Кумов и др.

Большинство металлических изделий чустской культуры, судя по спектральному анализу, отлиты из бронзы. Можно выделить группу оловянистых бронзовых изделий с содержанием олова 3—7% и группу мышьяковистой бронзы с примесью мышьяка более 5% и небольшим содержанием олова. Для славов Ферганы характерно наряду со значительным количеством свинца присутствие примеси серебра, висмута и сурьмы. Это сочетание устойчиво повторяется в изученных предметах (см. приложение, стр. 227—229). По составу славов изделия Ферганы отличаются от изделий соседних районов. Это объясняется главным образом использованием местной рудной базы.

Набор металлических изделий чустской культуры включает: орудия труда (серпы, долота, ножи и др.), предметы вооружения (наконечники копий и стрел) и конской упряжи (удила и псалии), предметы украшения и туалета (зеркала, подвески, бусы и др.).

Малочисленность материалов не позволяет выявить особенности металлургии и металлических изделий племен, которым принадлежали поселения в Кайрак-Кумах и могильники вуадильского типа. Можно лишь отметить, что по химическому составу эти изделия не отличаются от бронзовых изделий чустской культуры.

Вопрос о происхождении металлургии Ферганы в литературе еще не рассматривался. Новые археологические материалы в настоящее время позволяют высказать некоторые заключения о ранних этапах металлургии в этой области. Наиболее раннее употребление металла в Средней Азии засвидетельствовано в неолитических комплексах Южной Туркмении. Поэтому весьма вероятно, что зарождение искусства обработки металлов происходило в Ферганае, как и в других

районах Средней Азии, под влиянием южных районов Средней Азии. В археологических материалах мы находим подтверждение этому предположению. В ранней группе металлических изделий, обнаруженных на территории Ферганы (Хакский и Афлатунский клады и др.), значительное место принадлежит привозным изделиям юго-западного происхождения (Южная Туркмения и Иран).

В развитии металлического производства в последующий — чустский период наблюдается более сложная картина. Суммируя материалы, изложенные в первой главе, можно выделить среди металлических изделий рубежа II—I тыс. до н. э. следующие три группы: 1) местные изделия, формы которых характерны только для Ферганы, 2) изделия, сходные с формами, распространенными в областях, расположенных от Ферганы на юго-запад (Южная Туркмения, Иран), и 3) изделия, формы которых типичны для степных культур бронзового века.

Для первой группы наиболее показательными примерами служат своеобразные ножи с узкой рукоятью и круглым навершием и ажурные украшения. Рассмотренные изделия характерны только для чустской культуры Ферганы и не встречаются в других областях.

Вторая группа представлена зеркалами с рукоятью, трехдырчатыми псалиями и двуперыми черешковыми наконечниками стрел одинаковых форм с изделиями некрополя В тете Сиалка.

Наиболее многочисленна третья группа, которая включает серп с отверстием, клиновидное долото, двуперый наконечник копья и наконечник копья с прорезями. Все перечисленные изделия обнаружены на поселениях чустской культуры. К этому перечню следует добавить такие случайные находки, как кельт-лопатка, кирка, браслет со спиральными рожками и др.

Несмотря на ограниченность материалов, достаточно определенно выступает количественное преобладание металлических изделий III группы, имеющих одинаковые формы с орудиями степных культур бронзового века. Такое обстоятельство, очевидно, обусловлено уменьшением влияния юго-западных областей. С другой стороны, оно могло явиться следствием непосредственного контакта и сосуществования на территории Ферганы населения двух разных культур,

а также следствием того, что Фергана находилась в окружении андроновско-тазабагьябских племен. Нельзя не учитывать при этом неоднократно отмечавшееся в литературе существование связей между разными центрами металлургии бронзового века, которые особенно возросли в период поздней бронзы, когда наблюдается распространение одинаковых и близких форм на обширных территориях.⁵⁸ Вместе с тем, надо подчеркнуть, что мастерам Ферганы удалось в этих сложных условиях сохранить известную самостоятельность и выработать свои формы металлических изделий.

Наряду с развитием металлургии меди и бронзы имеются некоторые данные о появлении железа в этот период. Упомянутые уже находки в Дальверзине являются в настоящее время наиболее ранним свидетельством знакомства населения Ферганы с железом.

Все приведенные материалы, а именно: наличие местной сырьевой базы, прямые свидетельства местного производства бронзовых орудий и изделий, а также наличие своеобразных форм их — все это в совокупности дает основание поставить вопрос о существовании в эпоху бронзы особого, ферганского, очага металлургии и металлообработки.

Наряду с металлическими орудиями в употреблении находилось большое количество орудий и предметов, изготовленных из камня. Так, на Дальверзинском поселении добыто более 1000 каменных изделий. Некоторое представление о роли каменных орудий в этот период можно составить, рассмотрев перечень их и характер использования.

Орудия из камня применялись в земледелии и при обработке продуктов его — мы имеем в виду мотыги, своеобразные каменные серповидные ножи, а также многочисленные зернотерки. Грузила с боковыми выемками или с центральным отверстием могли применяться в рыбной ловле. Колотушки и отбойники использовались для дробления руды и в металлическом производстве. Из камня (песчаника) изготовлены литейные формы. Каменные ложила применялись в гончарном производстве. Для различных хозяйственных целей служили разнообразные

терки. В материалах Дальверзина имеется каменное сверло. В быту были широко распространены разные точильные бруски. Некоторые изделия могли использоваться в качестве застежек-пуговиц. Из камня изготовлялись украшения, а также навершия булав, которые служили боевым оружием и одновременно символом власти. Назначение и способ употребления многих других найденных изделий остается пока не выясненным.

Каменные орудия и изделия после керамики являются преобладающей категорией находок на поселениях чустской культуры. Широкое использование их в хозяйстве и в быту населением бронзового века придает архаический облик чустской культуре.

В период бронзы большого совершенства достигла обработка кости и рога. Широко использовали трубчатые кости животных. Из них изготовляли рукояти, часть из которых имеет круглые отверстия для крепления. Имеется одна большая трубка, длиной в 21 см, с ровно обрезанными краями, назначение которой неясно. Очень близкая ей по форме и размерам костяная трубка найдена в кургане бронзового века в Заволжье.⁵⁹ Она лежала перед лицом погребенного. Назначение и способ употребления их неизвестны.

Раскальвая трубчатые кости, получали заготовки для производства костяных гренок, которые употреблялись при изготовлении тканей. Для разных поделок мастера использовали и другие кости животных. Например, из ребра вырезана плоская пластинка с закругленным краем. Грифельные кости после небольшой обработки легко можно было превратить в проколки. Из головки бедренной кости получали поделки полусферической формы с отверстием в центре. Аналогичные предметы встречаются и на других памятниках эпохи бронзы, но характер употребления их до сих пор не установлен.

Обращают на себя внимание орудия из метаподия лошади — так называемые «коньки».⁶⁰

⁵⁹ И. В. Сяницын, II, 1959, стр. 42, рис. 4, I.

⁶⁰ С. А. Семенов специально исследовал «коньки» из Саркела и установил, что они применялись для обработки ткани и кожи. Он приводит убедительные доводы невозможности употребления их в качестве коньков для катания на льду (С. А. Семенов, II, 1959, стр. 353—358).

⁵⁸ М. П. Грязнов, II, 1930, стр. 158—162; М. Э. Воронец, II, 1948, стр. 65; В. М. Массон, I, 1959, стр. 27.

Клыки животных с просверленными отверстиями служили в качестве украшений или амулетов.

В большом количестве встречаются астрагалы (альчики) овцы и козы со срезанными и зашлифованными поверхностями. Иногда они имели отверстия в середине. Эти отверстия на некоторых астрагалах были заполнены бронзой. На нескольких астрагалах имеются нарезки и даже прорезные знаки в виде простого креста. На Дальверзинском поселении найдены целые скопления альчиков — наборы для игры.

Сырьем для мастеров служили также рога. Имеются части рогов оленя со следами обработки и отдельные отростки с ровно обрезанным концом. Рога шли для изготовления псаллий. Из рога вырезана узкая массивная пластинка со скошенным по бокам верхним краем. Трехгранный наконечник стрелы с черешком из Чуста, вероятно, также изготовлен из рога.

В целом набор костяных орудий и поделок, распространенный на поселениях чустской культуры, достаточно разнообразен. В качестве сырья использовали разные кости и рога домашних и диких животных; во всяком случае, бесспорно засвидетельствовано использование рога диких животных. При этом предпочитали такие кости, которые легко могли быть использованы сразу же после небольшой обработки. Вместе с тем, мастера бронзового века достигли большого совершенства в резьбе по кости и могли изготавливать такие сложные поделки, как найденный предмет неизвестного назначения, изображенный на табл. XXIV, 1.

Важным занятием населения было изготовление пряжи и тканей. Многочисленные отпечатки ткани на керамике дают представление об известных в это время типах тканей. Г. Ф. Коробкова изучила отпечатки тканей на керамике из Дальверзина (см. приложение, стр. 232—233)⁶¹ и установила, что наибольшее распространение имели ткани полотняного и репсового переплетения. Ткани саржевого переплетения встречаются редко и представлены только двумя отпечатками. Сырьем, по всей вероятности, служила шерсть. Но использовали также и лубяные культуры,

о чем можно судить по находке в Чусте остатков веревки из растительного волокна.⁶² Характер переплетений говорит об изготовлении тканей на ткацком станке. От ткацкого станка до нас дошли костяная пластинка с закругленными концами и овальным вырезом сбоку — челнок⁶³ и многочисленные костяные гребенки для прибавления утка. Ткацкий станок, вероятно, был вертикальный и для натягивания нитей основы привязывали грузики, вырезанные из обломков глиняной посуды.⁶⁴ Они в большом количестве встречаются на всех поселениях чустской культуры.

Другое орудие ткацкого производства — веретено — представлено глиняными пряслами нескольких разновидностей. Изредка встречаются массивные прясла чечевицеобразной формы, диаметром до 4 см. Имеются также прясла конической и биконической формы с желобками на нижней половине.

В заключение обзора домашних ремесел кратко остановимся на характеристике гончарного производства в рассматриваемое время. В Фергане гончарный круг не был известен, и вся глиняная посуда изготовлялась вручную. При изготовлении сосудов применяли разные способы: ленточную технику, выдавливание из куска глины и формование на матерчатом шаблоне. Обращает на себя внимание разнообразие типов посуды, обусловленное, по всей вероятности, разным назначением и способом употребления ее. Этим объясняется различие сероглиняной (кухонной) посуды для приготовления пищи и сосудов с красной облицовкой, служивших, в основном, в качестве столовой посуды, а также больших сосудов (корчаг и хумов), предназначавшихся для хранения жидких и сыпучих тел. Сосуды тщательной выделки, украшенные росписью, представляли, очевидно, «парадную» посуду и удовлетворяли эстетические потребности населения. Но в настоящее время трудно найти удовлетворительное объяснение причин изготовления других типов посуды — с белой облицовкой,

⁶² В. И. Спришевский, I, 1958а, стр. 186, рис. 1, 2.

⁶³ В. И. Спришевский, I, 1954, рис. 8, 1.

⁶⁴ Подобные поделки из обломков глиняных сосудов часто встречаются на памятниках эпохи бронзы. Некоторые исследователи считают их пряслами. См.: О. А. Кривцова-Гракова, II, 1947 (1948), стр. 147.

⁶¹ Исследование Г. Ф. Коробковой показало несостоятельность заключения о примитивности ткачества у племен чустской культуры, высказанное М. А. Новицкой (II, 1960, стр. 35, прим.).

черно-сероошечной и появление уникальной находки в Дальверзине — фрагмента с узором, нанесенным веревочным штампом.

Наблюдается также большое разнообразие форм глиняной посуды, насчитывающей более 30 разновидностей. Сосуды сильно варьируют и по размерам: от миниатюрных сосудов высотой в 2 см и до корчаг и хумов высотой в 1.2 м. Вместе с тем, имеющиеся материалы позволяют говорить о существовании определенных стандартов. Так, например, из 3 366 венчиков посуды I типа, зарегистрированных в 1959 г., оказалось 400 венчиков горшков конической формы. Из них 60% происходят от горшков с диаметром от 14 до 20 см. Аналогичное явление характерно и для мисок с перегибом бортика и для полусферических чаш. Глиняная посуда чустской культуры в целом свидетельствует о сравнительно высоком развитии керамического производства.

Комплекс керамики, встреченный на кайрак-кумских поселениях и в могильниках виадильского типа, значительно уступает по разнообразию типов и форм посуды и по качеству. Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в керамических комплексах обеих культур почти незаметны взаимовлияния⁶⁵ и что они сохраняют свою самобытность. Этим еще раз подтверждается положение, что глиняная посуда является одним из устойчивых и важных палеоэтнографических признаков культуры.

Прямых свидетельств о том, кто занимался изготовлением посуды, нет в нашем распоряжении. Однако известная стандартизация форм посуды и дифференциация сосудов по назначению, а также высокое качество ее — все это указывает на выделение гончарства, наряду с металлургией, в самостоятельное производство, являвшееся занятием специальных мастеров.

II. ПОСЕЛЕНИЯ

Относительно высокий уровень хозяйства, достигнутый в эпоху бронзы, создал условия для появления в Фергане таких

крупных оседлых поселений, как Дальверзин, Ашкал-Тепе и др. Известные нам поселения чустской культуры по размерам занимаемой площади могут быть разделены на два вида: большие и малые. К первым относятся Дальверзин (560×360 м — около 25 га) и Ашкал-Тепе (400×320 м — 13 га). Второй вид представлен Чимбайским поселением (площадью в 0.05 га), Каракочокор I—II, поселениями 33, 82 и, очевидно, Заргулдак-Тепе, которое сохранилось в виде холма размером 64×40 м (0.25 га).⁶⁶ Промежуточное положение между ними занимает Чустское поселение (280×140 м — около 4 га). Такая же дифференциация поселений по размерам наблюдается и среди памятников бронзового века Южной Туркмении.⁶⁷

По своей конфигурации земледельческие поселения Ферганы не различаются. Развалины их в настоящее время характеризуются неправильными очертаниями, и по этому признаку легко отличить поселение бронзового века от поселений последующих эпох. Наиболее правильной конфигурацией обладает Дальверзинское поселение, что объясняется, несомненно, наличием оборонительных укреплений. Оборонительные стены изучены также на Чустском поселении.

Рассматриваемые поселения, судя по археологическим данным, служили местом обитания в течение сравнительно долгого времени, возможно, на протяжении нескольких веков. Так, например, на Дальверзине выделяются три периода жизни, и общая толща культурных наслоений достигает 4 м.

Выше мы уже отмечали, что поселения располагаются группами и на значительном расстоянии друг от друга. Большинство из них тяготеет к поймам рек Гава, Коксарек-Сай, Кассан-Сай и Кара-Дарья. Другие, как, например, Дальверзин и Чакан, Маняк, Заргулдак-Тепе и Шор-Тепе, находятся

поселений «кайрак-кумцев» и «чустцев» (Э. Гулямова, Е. А. Давидович., I, 1956, стр. 12).

⁶⁶ Сведения о размерах остальных поселений отсутствуют. Особо надо отметить, что приводимые размеры уточнены раскопками. Так, например, северная и южная границы Чустского поселения выявлены раскопом, который разрезал весь холм от края до края. Кроме того, были заложены шурфы в разных частях поселения. Все эти работы дали основание утверждать, что поселение занимало весь холм, и определить реальные размеры его. Работами на Дальверзине, Чимбае и других поселениях так же установлены действительные границы поселений и размеры площади, занимаемой ими.

⁶⁷ В. М. Массон, II, 1956б, стр. 444.

⁶⁵ Однако в кайрак-кумской керамике имеются сосуды с носиками-сливами, которые никогда не встречаются в андроновских комплексах (А. П. Окладников, I, 1956б, стр. 11). Вполне возможно, что прав Б. А. Литвинский, рассматривающий появление этих сосудов как результат взаимоотно-

вдали от рек, на значительном расстоянии от них.

Поселения чустской культуры по размерам площади, толщине культурного слоя и по насыщенности культурными остатками резко отличаются от кайрак-кумских поселений, которые представляют собой, вероятно, сезонные или временные стоянки. О том же говорит сравнительно большое количество зарегистрированных поселений на небольшой территории Кайрак-Кумов. Различия между поселениями и обликом культуры рассматриваемых комплексов было обусловлено главным образом разным хозяйственным укладом населения их.

Более ранние, первоначальные, типы поселений в Фергане пока не выявлены, и поэтому генезис поселений чустской культуры не может быть прослежен так же, как и происхождение чустской культуры в целом.

Рассмотрим имеющиеся данные о жилище чустских племен. В настоящее время уже на трех поселениях обнаружены остатки глинобитных домов или домов, построенных из сырцового кирпича. В нижнем горизонте Дальверзина вскрыта часть узкой комнаты шириною 2.7 м и длиной сохранившейся части 5 м. В среднем горизонте открыто помещение шириною 5.4 м и длиной сохранившейся части 8 м. Стены первого помещения сложены из кирпича, сформованного из зеленой болотной глины, а второго — из кирпичей, изготовленных из лёссовидного суглинка. На Дальверзине обнаружено еще одно помещение (размером 6×3 м), впущенное в тело восточной оборонительной стены.

Остатки дома с глинобитными стенами изучены на Ашкал-Тепе. Полностью сохранилась одна комната, размером 3.2×2.5 м.

На Чустском поселении выявлено несколько узких комнат также с глинобитными стенами и овальное сооружение неизвестного назначения с очагом. Кроме того, в культурном слое этих поселений неоднократно открывали сильно разрушенные стены из кирпича и находили отдельные сырцовые кирпичи. Остатки кладки зафиксированы также на Заргулдак-Тепе и на Чимбайском поселении.

Все приведенные факты не оставляют сомнений в существовании наземных домов в этот период. Но, несмотря на открытие наземных построек, вопрос о типе жилища поселений чустской культуры не может считаться окончательно решенным. Вызывает

удивление малочисленность выявленных домов по сравнению с размерами изученной площади поселений. Это обстоятельство не является случайным, так как оно повторяется на изучаемых памятниках и, следовательно, составляет особенность их, которая пока не находит удовлетворительного объяснения.

Поселения чустской культуры изучены в настоящее время еще недостаточно. К тому же перечисленные факты существования наземных построек стали известны в самые последние годы. В первые годы работ на Чустском поселении никаких остатков жилищ еще не было обнаружено. И это привело к неправильному толкованию назначения открытых здесь многочисленных ям.

По мнению В. И. Спришевского, некоторые из них — круглые ямы диаметром в 2 м представляли собой ямы-полуземлянки и служили жилищем. Основанием для такого предположения послужили находки в ямах остатков очагов, обкладка стен некоторых ям комьями глины, сырцовым кирпичом или булыжником, обнаружение утрамбованного пола и углублений в стенках, а также следы обмазки стен и пола ям. С заключением В. И. Спришевского по ряду причин невозможно согласиться. Решающее значение для определения назначения ям имеют размеры и форма их. Небольшие размеры прежде всего вызывают сомнение в возможности использования ям в качестве жилища.⁶⁸ Чаще всего встречаются ямы диаметром в 1.0—1.5 м. В таких ямах с трудом помещается стоя один человек. В самых больших ямах (диаметром в 2.3 м) в крайне стесненных условиях может находиться не более двух человек, причем ни о каких бытовых удобствах и речи быть не может. Ямы большого размера, кроме того, встречаются очень редко на поселениях. На Дальверзине, например, таких ям из 320 оказалось около полутора десятка. По своей форме они совершенно сходны с ямами для хранения зерна и для иных хозяйственных потребностей, известными на других территориях и в Фергане — на более позднем городище Шурабашат. И в то же время они резко отличаются от всех известных типов жилищ. Бесспорным свидетельством

⁶⁸ А. Я. Брюсов убедительно доказывает неправильность отнесения аналогичных ям неолитических поселений к числу жилищ (А. Я. Брюсов, II, 1956, стр. 45—47).

хозяйственного использования ям служат упоминавшиеся находки зерна в яме Чустского поселения. Обмазка стен и обкладка их кирпичом и камнем, судя по приведенным выше этнографическим параллелям, имела целью предохранить зерно от порчи. На Дальверзине обкладка стен ям пока не засвидетельствована, что может быть объяснено особенностями местных условий.

В. И. Спришевский пишет, что иногда две-три ямы были соединены между собой проходами. Однако, судя по материалам Дальверзинского поселения, они не являются проходами в полном смысле слова. Соединение ям являлось результатом того, что они были вырыты в разное время, а так как ямы расположены тесно, то одни из них частично прорезали другие.⁶⁹ Появление очагов в ямах также вряд ли может быть связано с использованием их в качестве жилищ. Выше мы уже говорили, что в одном случае такой очаг, вероятно, служил для обжига посуды. Из всего сказанного явствует, что у нас нет бесспорных данных считать эти ямы жилищами.

На Чустском поселении отмечены следы существования легких построек наподобие шалашей.⁷⁰ Однако такие постройки в условиях Ферганской долины не могли служить основным типом жилища. Они представляли собой или остатки навесов — помещений для хранения или помещения для пребывания в теплое время года.

Все имеющиеся данные, учитывая также уровень строительного дела, засвидетельствованный оборонительными стенами, позволяют сделать заключение, что основным типом жилища в это время служили наземные дома, а не ямы-землянки или шалаша.

Как уже было сказано, Дальверзинское и Чустское поселения были окружены оборонительными стенами. Существование оборонительных укреплений на поселениях чустской культуры представляет значительный интерес для изучения ранних этапов истории укрепленных поселений и древних городов не только Ферганы, но и Средней Азии в целом. Дальверзин и Чуст являются в на-

стоящее время самыми древними укрепленными поселениями в Фергане и одними из наиболее ранних в Средней Азии. Возникновение укреплений в Средней Азии, как установлено археологическими работами самых последних лет в Южной Туркмении, относится к энеолитическому времени. Для периода поздней бронзы, времени Анау IVA, синхронного рассматриваемым памятникам Ферганы, известны оборонительные стены на поселении Елькен-Депе. В современном виде они представляют земляной вал шириной в 20 м, окружающий в виде полукольца цитадель поселения. Стена состоит из двух параллельных глинобитных валов, пространство между которыми, как полагает А. А. Марущенко, было разделено на жилые помещения.⁷¹ Но поскольку конструкция стен Елькен-Депе изучена недостаточно, то и предположение об использовании их в качестве жилища, основанное на незначительных раскопчных данных, носит в большой мере условный характер.

Важно отметить следующее обстоятельство, что стены на Елькен-Депе окружают не все поселение, как в Фергане, а служат укреплением выделенной цитадели. Цитадель, расположенная в центре Елькен-Депе, возвышается на 20 м. Основу ее составляет мощная глинобитная платформа толщиной около 7 м. Сооружена она на культурных отложениях первого периода жизни поселения.⁷²

Аналогичная цитадель обнаружена на синхронном памятнике Яз-Депе в долине Мургаба. Здесь искусственная платформа из сырцового кирпича и забутовки толщиной до 8 м построена непосредственно на материке.⁷³ Между цитаделями Елькен-Депе и Яз-Депе наблюдается большое сходство, за исключением того, что следов оборонительных стен на цитадели и вокруг поселения на Яз-Депе пока не прослежено. Но возможность существования их на цитадели не может быть исключена.⁷⁴ На цитадели обнаружены остатки монументальной постройки, являвшейся, как можно полагать, остатками дворца. Появление цитадели на рассматриваемых поселениях Южной Туркмении состав-

⁶⁹ Таким же способом в Чусте ямы 38, 41 и 45 прорезали более ранние ямы (эти ямы на плане не пронумерованы), в чем легко можно убедиться по разрезам, опубликованным В. И. Спришевским (I, 1957в, рис. 11).

⁷⁰ В. И. Спришевский, I, 1957в, стр. 44.

⁷¹ А. А. Марущенко, II, 1959, стр. 62—63; ср.: стр. 57.

⁷² Там же.

⁷³ В. М. Массон, I, 1959, стр. 73.

⁷⁴ Там же, стр. 70.

ляет принципиальное и наиболее существенное отличие их от памятников Ферганы, так как никаких признаков выделения цитадели на поселениях Ферганы не прослежено. По этому признаку памятники Южной Туркмении сближаются с одновременными памятниками Ирана и Афганистана. Подобные монументальные укрепления в это время появляются на тепе Сялэке в Центральном Иране⁷⁶ и Нади-Али в Афганистане.⁷⁶ При этом наблюдается сходство в конструкции укреплений и цитадели на всех этих памятниках и даже сходство размеров кирпича.

Укрепленные поселения Ферганы, помимо уже указанных, находят и отдаленные аналогии. Известное сходство наблюдается с укрепленным поселением Узерлик-Тепе в Азербайджане, относящемся к середине II тыс. до н. э. Оборонительная стена, окружающая поселение толщиной в 2 м, сооружена из сырцового кирпича. Укрепления здесь возникают также на месте существовавшего открытого неукрепленного поселения.⁷⁷

Можно отметить некоторое сходство ферганских укрепленных поселений с синхронными памятниками Северо-Восточного Китая. В Китае укрепленные поселения впервые появляются в луншанской культуре II тыс. до н. э. Наиболее изучены укрепления поселения Чэнцзыяй в бассейне р. Хуанхэ. Это поселение имеет прямоугольную форму и окружено со всех сторон оборонительными стенами, сложенными из слоев утрамбованной земли с камнем. Размеры укреплений равны 450×390 м. Стены по реконструкции исследователей достигали ширины 11 м и высоты — 6 м. К моменту раскопок они сохранились на высоту 2—3 м. Основание стен лежит на культурном слое периода черной керамики. Они функционировали в период черной керамики и пришли в упадок в конце его, когда в стенах были устроены обжигаемые печи. Однако свое значение укрепления сохранили и в последующий период серой керамики, которую обычно относят уже к эпохе династии Чжоу.⁷⁸

В эпоху бронзы, как известно, южные районы Средней Азии составляли в культурном отношении периферию стран древне-

восточных цивилизаций. Еще более отдалена от них Фергана. Это положение не могло не сказаться на облике поселений и на уровне развития укреплений. Известные нам укрепленные поселения Ферганы и Южной Туркмении резко отличаются от укрепленных поселений и древних городов бронзового века, например, Индии, таких, как Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Хараппа,⁷⁹ и от укрепленных поселений небольших размеров.⁸⁰ Отличаются они также от городов Месопотамии, Анатолии и других стран.⁸¹ Для укрепленных поселений и городов стран древневосточной цивилизации характерны исключительно большие размеры, сложная конструкция укреплений, построенных из камня и жженого кирпича. По сравнению с этими развитыми странами, Фергана и, в меньшей степени, юг Туркмении в эпоху бронзы были отсталыми странами, что проявилось, в частности, на размерах поселений и на характере оборонительных укреплений.

Из приведенных фактов вытекает, что на рубеже II—I тыс. до н. э. на широкой территории происходит одинаковый исторический процесс выделения цитадели и, следовательно, преобразования поселений (деревень) в укрепленные города, отмечаемый на ряде синхронных и близких по культуре памятников Южной Туркмении, Ирана и Афганистана.

Многочисленные исследования показали, что появление укрепленных поселений повсеместно свидетельствует о росте богатств и о развитии имущественного расслоения в обществе. Они означают усиление вооруженных столкновений. С появлением укреплений был сделан значительный шаг по пути создания города, как центра экономической и политической жизни и, следовательно, к сложению классового общества.

Открытие оборонительных укреплений на поселениях чустской культуры Ферганы заставляет отнести начало возникновения здесь укрепленных поселений к более раннему времени, чем это ранее можно было предполагать.

Раннее появление укрепленных поселений в Фергане было обусловлено конкретными

⁷⁶ R. Ghirshman, II, 1939, p. 25.

⁷⁶ R. Ghirshman, II, 1959.

⁷⁷ К. Х. Кушнарёва, II, 1959, стр. 392—394.

⁷⁸ Li Chi, II, 1956, p. 62—68.

⁷⁹ Э. Маккей, II, 1951; R. E. Wheeler, II, 1947, p. 58—130.

⁸⁰ N. G. Majumdar, II, 1934, pp. 89, 133, 147.

⁸¹ Гордон Чайлд, II, 1956.

историческими условиями. Среди них главную роль играло непосредственное соседство с племенами иной культуры — местного варианта тазабагтябо-андроновской культуры. Можно полагать, что отношения древнеземледельческих племен чустской культуры с этими племенами не всегда носили мирный характер. Угроза нападения со стороны последних, вполне вероятно, и вызвала строительство мощных укреплений на поселениях чустской культуры.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Общественный строй земледельческих племен Ферганы периода поздней бронзы по имеющимся археологическим материалам может быть охарактеризован следующим образом. В истории Ферганы этот период был временем значительного развития производительных сил и общего подъема экономики. Но, разумеется, степень экономического развития чустских и андроновских племен была неравной.

Основу хозяйства первых составляло земледелие, причем имеются основания предполагать возникновение и использование искусственного орошения. Население занималось разведением крупного рогатого скота и лошадей. Лошадь использовалась в качестве верхового животного. Коневодству уделяли большое внимание, и изготовлявшиеся предметы упряжи (удила и псалии) соответствовали самым высоким требованиям того времени. Населению обеих культур хорошо было знакомо искусство обработки меди и бронзы. Это занятие являлось специальностью профессиональных мастеров. В это время впервые появляется железо. Выделение гончарного производства в самостоятельное ремесло только намечалось и гончарный круг — основное орудие ремесленного производства посуды — не был известен в Фергане.

В результате развития экономики и только при достаточно высокой организации общества могли появиться такие крупные укрепленные поселения, как Дальверзинское. Возникновение больших укрепленных поселений, как известно, характерно для поздних этапов родового строя.

Данные, которыми мы располагаем, позволяют использовать метод сравнительного изучения уровня развития хозяйства, культуры и, в частности, поселений для понима-

ния общественного строя населения Ферганы.

Размеры поселений и мощность культурных отложений, а также наличие оборонительных укреплений и цитадели в известной мере отражают особенности развития хозяйства и общественного строя и могут быть использованы для сравнительного изучения. На табл. 7 приведены размеры поселений степных культур эпохи бронзы и поселений Южной Туркмении, синхронных или близких по времени памятникам Ферганы.

Легко можно убедиться, что площадь поселений Ферганы в несколько раз превышает площадь близких по времени и частично синхронных поселений андроновской и срубной культур. Размеры андроновских поселений Зауралья варьируют от 5 000 до 36 000 кв. м (0,5—3,6 га).⁸² Еще меньшие размеры характеризуют поселения Заволжья: 3 600—10 000 кв. м (0,4—1 га).⁸³ В среднем поселения чустской культуры в 6—8 раз больше поселений степных культур эпохи бронзы. Еще наглядней различия выступают при сравнении отдельных памятников. Чустское поселение в два, а Дальверзинское в десять раз больше известного Алексеевского поселения в Западном Казахстане и поселения Ирмень I в долине Оби.

Ферганские поселения по размерам уступают таким поселениям Южной Туркмении, как Намазга площадью в 70 га. Однако подобных крупных поселений было немного и известно пока всего пять (Намазга, Алтын-Депе, Мадау-Депе, Изат-Кули, Тангсыкыльджа).⁸⁴ Остальные поселения по размерам, очевидно, мало отличались от ферганских. Мало отличаются они и по мощности культурных отложений. В Фергане они не превышают 4 м. На поселениях Южной Туркмении культурные слои одного периода равны в среднем 4—6 м, хотя на отдельных памятниках они иногда достигают десятка метров.

Особо обратим внимание на сходство размеров поселений Ферганы и синхронных памятников Елькен-Депе и Яз-Депе в Южной Туркмении, которые весьма близки и по облику культуры. Сближают их также об-

⁸² К. В. Сальников, II, 1954, стр. 245, 251.

⁸³ И. В. Сницын, II, 1949, стр. 223.

⁸⁴ В. М. Массон, II, 1956, стр. 444.

Таблица 7

Размеры поселений эпохи бронзы

Южная Туркмения	Фергана	Степные культуры эпохи бронзы
Намаага-Депе — 70 га ¹	Дальверзин — 25 га	Поселения андроновской культуры Южного Зауралья — 0.5—3.6 га ¹³ , 100 × 50 м (5000 кв. м); 210 × 170 м и 300 × 120 м (36 000 кв. м)
Изат-Кули — 50 га ²	Ашкал-Тепе — 13 га	
Тангсикылджа — 120 га ³	Чуст — 4 га	Поселения срубной культуры Заволжья — 0.4—1 га ¹⁴ , 60—100 × 60—100 м (3 600—10 000 кв. м)
Теккем-Депе — 2 га ⁴	Заргулдак-Тепе — 0.25 га, 40 × 64 м (2 560 кв. м)	
Тепе-Парау — 0.1 га ⁵ , 36 × 29 м (1 044 кв. м)	Чимбай — 0.05 га, 500 кв. м	Поселение Ляпичево — 2.3 га ¹⁵ , 230 × 100 м (23 000 кв. м)
Едиджа-Депе — 0.25 га, ⁶ 50 × 50 м (2 500 кв. м)	Кайрак-Кумы ¹²	
Елькен-Депе — 12 га ⁷	Поселение 29 — 1 га, 180 × 60 м (10 800 кв. м)	Ирмень I — 1.8 га ¹⁶ , 250 × 70 м (17 500 кв. м)
Яв-Депе — 16 га ⁸	Поселение 30 — 1.2 га, 200 × 60 м (12 000 кв. м)	
Хорезм	Поселение 16 — 0.5 га, 80 × 64 м (5 120 кв. м)	
Джанбас-Кала № 6 — 0.27 га, ⁹ 63 × 43 м (2 709 кв. м)		
Каунды I — 3.75 га, ¹⁰ 250 × 150 м (37 500 кв. м)		
Якке-Парсан — 2.5 га ¹¹ , 250 × × 100 м (25 000 кв. м)		

Примечания:

¹ В. М. Массон, II, 1956в, стр. 244.² Там же, стр. 253.³ В. М. Массон, II, 1956б, стр. 388.⁴ В. М. Массон, II, 1956в, стр. 250.⁵ В. М. Массон, II, 1956б, стр. 423.⁶ Там же.⁷ В. М. Массон, I, 1959, стр. 102.⁸ Там же, стр. 69.⁹ Я. Г. Гулямов, I, 1957, стр. 51.¹⁰ С. П. Толстов, Н. А. Итина, II, 1960, стр. 28.¹¹ С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт, II, 1960, стр. 7.¹² Б. А. Лютвинский, I, 1956д, стр. 33.¹³ К. В. Сальников, II, 1954, на табл. I приведены данные по 18 поселениям.¹⁴ И. В. Синицин, II, 1959, стр. 223.¹⁵ М. П. Грязнов, II, 1953, стр. 139.¹⁶ М. П. Грязнов, II, 1956б, стр. 30.

щее сходство типа наземных домов и наличие оборонительных укреплений.

Таким образом, по уровню развития хозяйства, в первую очередь земледелия, поселений и материальной культуры, а также по расовому (быть может, этническому) составу, о чем будет сказано в следующем разделе работы, земледельческие племена Ферганы были сходны с племенами Юга Туркмении. Вполне возможно, что и общественный строй их был сходен, отличаясь только степенью сохранения родовых традиций. Надо отметить и отличия между ними. Значительное развитие ирригации, развитие ремесленного производства и в частности применение гончарного круга, наличие цитаделей на поселениях — все это свидетельствует о далеко зашедшем процессе разложения родового строя у земледельческих

общин Южной Туркмении. Учитывая все это, можно говорить об отставании Ферганы и, следовательно, о большей архаичности общественного строя ее.

С другой стороны, земледельцы Ферганы находились на более высоком уровне развития по сравнению с племенами тазабагыбо-андоновской культуры Средней Азии. Поселения этих племен, изученные в Кайрак-Кумах в Северо-Западной Ферганы, в низовьях Зеравшана, в Хорезме и Северной Киргизии, представлены двумя разновидностями — стоянками и поселениями, свидетельствующими о более прочной оседлости. Первые дошли до нас в виде скопления керамики и других изделий и, очевидно, являлись сезонными и временными стоянками. Таковы стоянки Бужайли в долине нижнего Зеравшана, Каинда и Джа-

ильма в Чуйской долине, а также на Узбое и др.

Поселения второй разновидности выявлены в Хорезме, где частично исследованы поселения Анга-Кала 5, Кават 3, Джанбас 6, Каунды и несколько более позднее по времени — Якке Парсан 2. Все эти поселения характеризуются малыми размерами. Самые большие из них занимают площадь не более 2.5—3.7 га и уступают по размерам памятникам Ферганы. От последних они отличаются и по типу жилища. Для поселений Хорезма характерны дома больших размеров (10.5×15, 12×14, 12.2×7.4 м), углубленные в грунт, со столбами и очагом в центре. Они несколько напоминают полуземлянки. В силу разрушения культурных остатков данные о строительном материале почти совершенно отсутствуют.

Все известные поселения Хорезма были открытыми и неукрепленными.⁸⁵

Итак, по ряду важнейших признаков земледельцы Ферганы достигли более высокого уровня и опередили племена степных культур Средней Азии.

Все приведенные факты, а также аналогии с лучше изученными областями Средней Азии позволяют прийти к заключению, что на рубеже II—I тыс. до н. э. земледельческие племена Ферганы находились на позднем этапе развития родового общества, на стадии разложения первобытно-общинного строя.

Выше мы уже говорили о делении поселений на малые и большие. Принципиально такое же членение наблюдается и среди памятников Южной Туркмении. Небольшие поселения эпохи неолита в Южной Туркмении рассматриваются исследователями как место обитания семейных общин.

К подобному же заключению пришли исследователи степных культур бронзового века. Небольшие поселения срубной культуры (площадью до 1 га) с 2—3 землянками, они считают поселками одной патриархальной семьи численностью в 50—70 человек.⁸⁶ В свете приведенных аналогий, вполне возможно предположить, что малые поселения, такие, как Чимбайское, Кара-

кочкор I—II, поселения 33 и 82 были населены одной семейной общиной.

Более крупные поселения, такие, как Ляпичево на Дону, и большие поселки андроновской культуры служили, вероятно, местом обитания нескольких больших патриархальных семей или даже отдельного рода.⁸⁷ Исходя из того, что большие поселения Ферганы по размерам превосходят самые большие известные поселки степных культур бронзового века, можно предполагать, что население их составляло не один, а несколько родов и в целом они представляли собой обособленную, хозяйственно самостоятельную древнеземледельческую общину.

Население такого большого по площади поселения, как Дальверзин, насчитывало, вероятно, не менее одной тысячи человек.⁸⁸ Такая численность его является большой для эпохи бронзы и заставляет полагать существование относительно сложной общественной организации населения.

Среди всех известных поселений Дальверзинское выделяется своими большими размерами и, может быть, оно играло роль своеобразной столицы Ферганы или ее восточной части. Но даже такие крупные поселения, как Дальверзин, нельзя считать древними городами в полном смысле слова. Впервые, основную часть жителей Дальверзина, Чуста и других поселений составляло

⁸⁷ К. В. Сальников, II, 1954, стр. 250.

⁸⁸ Мы исходим из имеющихся в литературе подсчетов численности населения. Так, например, на трипольском поселении Коломийщина I размером 170×160 м (около 2 га), по подсчетам Т. С. Пассек, жило около 500 чел. На поселении у Владимировки размером 900×800 м (72 га) число жителей доходило до нескольких тысяч человек (Т. С. Пассек, II, 1949, стр. 79, 134, 150). На поселениях эпохи бронзы в Приказанском Поволжье, как считают исследователи, обитало 150—200 человек. Средние размеры поселений составляют 2000—3000 кв. м (0.2—0.3 га), (Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков, II, 1954, стр. 193, 223). Значительно меньшие цифры дает М. П. Грязнов. На поселении большебереченской культуры VII—VI вв. до н. э. в Ближних Елбанах на Оби, которое занимало площадь в 1.5 га и состояло примерно из 25 больших жилищ-землянок, по подсчету М. П. Грязнова, обитало около 100 человек (М. П. Грязнов, II, 1956а, стр. 45, 72—73). Здесь необходимо внести существенную оговорку, что приводимые цифровые данные весьма относительны и условны. Земледельцы в условиях Ферганской долины в эпоху бронзы было, очевидно, более продуктивным, чем на Оби и в Поволжье. И тем самым плотность и численность населения могла быть здесь большей.

⁸⁵ С. П. Толстов, М. А. Итина, II, 1960; М. А. Итина, II, 1959; 1960; Я. Г. Гулямов, I, 1957.

⁸⁶ И. В. Синицин, II, 1949, стр. 223; ср.: К. В. Сальников, II, 1954, стр. 251.

население, непосредственно занятое в земледелии, поля которых располагались в окрестностях поселений. Значительное место в хозяйстве их занимало скотоводство, разведение крупного рогатого скота и лошадей. Поселения являлись местом сосредоточения домашних производств, которые удовлетворяли потребности данной общины. Во-вторых, хотя некоторые поселения были укрепленными, несмотря на это, на поселениях Ферганы отсутствуют цитадели, являющиеся одним из археологических признаков выделения города.

Другим важнейшим источником для суждения об общественном строе древних племен Средней Азии служит Авеста. Среднеазиатское происхождение Авесты в настоящее время признано большинством ученых. Значение ее как исторического памятника общепризнано. Но пользование Авестой затруднено многослойностью ее, отсутствием критического исследования текста и недостаточной изученностью хронологии отдельных частей.⁸⁹ Данные Авесты о культуре и общественном устройстве восточноиранских племен Средней Азии были обобщены еще В. Гейгером.⁹⁰ Сведения, содержащиеся в Авесте, неоднократно привлекались в советской литературе. Впервые С. П. Толстов сопоставил материалы Авесты с конкретными археологическими комплексами середины I тыс. до н. э.⁹¹ Новый шаг в использовании Авесты сделан М. М. Дьяконовым, который констатировал, что общество Авесты более архаичное, нежели древнебактрийское, характеризуемое археологическим комплексом раннего Кобадияна, и что оно должно относиться ко времени не позднее начала I тыс. до н. э.⁹²

С наибольшей полнотой привлечена Авеста И. М. Дьяконовым для изучения ранних этапов истории Мидии. Но, как совершенно справедливо отмечает он, «древнейшие части Авесты — песнопения Гат и прозаическая „Ясна семи глав“, а также Яшты рисуют условия, несомненно характерные в целом для оседлых иранских племен начала I тыся-

челетия до н. э. . . .»⁹³ Для Средней Азии такое исследование еще не осуществлено.⁹⁴

Создание древнейших частей Авесты исследователи относят к первой трети I тыс. до н. э. — наиболее распространена датировка IX—VIII вв. до н. э.⁹⁵ Следовательно, памятники чустской культуры и другие археологические комплексы Ферганы эпохи поздней бронзы хронологически близки и частично синхронны древнейшим частям Авесты. Таким образом, привлечение этих данных для понимания общественного строя племен Ферганы безусловно оправдано.

С другой стороны, состояние археологической изученности Средней Азии в настоящее время дает возможность определить археологические комплексы, которые соответствуют уровню развития общества, как оно обрисовано в древнейших частях Авесты. В полной мере подобное сопоставление не может быть целью нашей работы. Не касаясь всей проблемы в целом, автор ограничивает свою задачу сравнением археологических комплексов Ферганы с данными Авесты и общей постановкой вопроса.

В Авесте упоминаются почти все восточноиранские области, но Фергана среди них отсутствует. Однако это не означает, что она не относится к их числу.⁹⁶ Фергана, видимо, очень рано вошла в число областей, населенных восточноиранскими племенами. Если бросить ретроспективный взгляд на историю Ферганы, то можно проследить историческую преемственность развития земледельческой культуры, восходящую к чустскому периоду. Все имеющиеся факты дают основание предполагать принадлежность земледельческого населения Ферганы конца II — начала I тыс. до н. э. к числу оседлых восточноиранских племен.

Остановимся кратко на общей характеристике уровня развития общества, как оно отражено в древнейших частях Авесты. Общество Авесты знает скотоводство и земле-

⁸⁹ И. М. Дьяконов, II, 1956, стр. 180.

⁸⁹ И. М. Дьяконов, II, 1956; В. И. Абаев, II, 1956; Е. Э. Бертельс, II, 1960; И. Алиев, II, 1959; J. Gershevitch, II, 1959.

⁹⁰ W. Geiger, II, 1892.

⁹¹ С. П. Толстов, II, 1939; I, 1948.

⁹² М. М. Дьяконов, II, 1954, стр. 140.

⁹⁴ И. М. Дьяконов в рецензии на книгу В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы», отметил как серьезное упущение этой работы, что автор не использовал данные Авесты (И. М. Дьяконов, II, 1960, стр. 201).

⁹⁵ И. М. Дьяконов, II, 1956, стр. 53; И. С. Брагинский, II, 1956, стр. 193.

⁹⁶ Так, например, такая важная в истории зороастризма область, как Бактрия, в Авесте упомянута однажды и в позднейших частях ее (И. М. Дьяконов, II, 1956).

деле. Имеются сведения об использовании ирригации. Но в основном это были оседлые скотоводы, разводившие крупный рогатый скот и лошадей. Их поселения имели родовой характер. В это время уже были известны укрепленные поселения. Таким поселением была, вероятно, авестийская Вара, построенная эпическим героем Йимой. На основании того, что ремесленники упомянуты лишь один раз и только в позднейших частях Младшей Авесты, исследователи делают заключение, что отделение ремесла от земледелия еще не произошло. Деньги были неизвестны, и скот служил мерилом при обмене. Авеста содержит прямые указания о разделении общинников на бедных и богатых, причем богатство определялось количеством скота.

Условия постоянной военной опасности привели к тому, что каждый член общины становился воином. В древнейших частях Авесты содержится описание оружия конного воина, или колесничего: лук с тетивой из сухожилия оленя, копье, двулезвийный топорик, кинжал, металлическая булава-дубинка.⁹⁷ Весь набор оружия весьма сходен с тем, что известно для чустских племен.

Все, что известно нам по археологическим данным о культуре и хозяйстве (о земледелии и разведении крупного рогатого скота и лошадей), о характере поселений чустских племен Ферганы, во многом сходно и напоминает общество, отраженное в древнейших частях Авесты. Общество Ферганы конца II—начала I тыс. до н. э. по времени и, как нам представляется, по уровню своего развития соответствует авестийскому. Вот почему анализ данных Авесты, по нашему мнению, может пролить свет на некоторые черты социального устройства общества, не отраженные археологическими материалами.

Социальная структура общества по Авесте следующая.⁹⁸ Экономическую ячейку общества составлял *vis* — род, включавший в свой состав отдельные патриархальные семьи — *pmāna*. Причем авестийский термин *pmāna* включает одновременно и понятие «дом».

Vis означало не только «род», но и «поселение», из чего следует заключить, что поселе-

ния были родовыми. Глава рода в то же время являлся и главой поселения — *vispati*.

Крупные укрепленные поселения, вероятно, также, как это предполагает И. М. Дьяконов для Мидии, входили в состав территориальной общины — *šōiθra* (округ). В пяти выделенных нами географических группах памятников, быть может, следует усматривать подобные территориальные общинные объединения.

Несколько родов объединялось в племя — *zantu*. Но большее значение в это время имело *dahyu* (страна), представлявшее более крупное территориальное объединение, нежели «округ». Во главе *dahyu* стоял правитель страны — *састар*. Власть его была ограничена советом старейшин, не имела деспотического характера и фактически была сходна с властью родоплеменных вождей.

В политическом отношении авестийское общество представляло своего рода союз или федерацию *dahyu*, каждая из которых имела своего правителя, находившегося под верховным контролем центрального совета старейшин.⁹⁹

Намеченная выше археологическая классификация типов поселений находит известное соответствие в типах поселений по данным исследования терминологии Авесты. Местом обитания отдельной семьи — *pmāna* могло служить такое небольшое поселение, как Чимбайское, представляющее, по сути дела, остатки одного дома с хозяйственными пристройками. Факт наличия таких домов является свидетельством значительной хозяйственной самостоятельности патриархальной семьи в это время.

Поселения, подобные Чустскому, можно было бы сопоставить с родовыми поселками — *vis*. Родовой характер поселений удерживался в Фергане исключительно долго и отмечен историками похода Александра Македонского, писавшими о городе-поселении рода *мамакенов* на Яксарте. Очень часто родовые поселки были окружены оборонительными стенами.

Если продолжить сопоставление, то вполне возможно предположить, что такое крупное укрепленное поселение, как Дальверзинское, могло быть центром территориальной общины — «округи» (*šōiθra*) или даже «страны» (*dahyu*). В таком случае получил бы объяснение и факт расположе-

⁹⁷ J. Gershevitch, II, 1959, p. 128—132.

⁹⁸ Эта характеристика основана на использовании существующей по этому вопросу литературы и главным образом уже упоминавшегося исследования И. М. Дьяконова «История Мидии».

⁹⁹ J. Gershevitch, 1959, p. 296

ния поблизости от Дальверзина другого большого поселения — Ашкал-Тепе, а также поселения Ахшар, которые все вместе, вероятно, и составляли «округ».

Разумеется, все сказанное в настоящем разделе является лишь предположением, и, вполне очевидно, что не все типы поселений по данным Авесты могут найти соответствие в конкретных археологических памятниках, равно как и наоборот. Предлагаемые отождествления должны быть проверены и обоснованы дополнительными исследованиями, и автор далек от мысли рассматривать их как доказанные и бесспорные.

Особый интерес вызывает упоминание в Авесте об укрепленном поселении — квадратной Варе, построенной эпическим героем Йимой. Это упоминание привлекло внимание советских исследователей уже в самом начале изучения Средней Азии, когда было установлено значительное развитие оседлой земледельческой культуры и факт существования многочисленных поселений и городов. Истоки этих поселений, как предполагает С. П. Толстов, восходит к авестийской Вару. Он же сопоставил авестийскую Вару с так называемыми городищами с жилыми стенами (городищем Кюзели-Гыр), датированными серединой I тыс. до н. э.¹⁰⁰

Новые археологические данные показывают, что укрепленные поселения в Средней Азии возникают в более раннее время, и на рубеже II—I тыс. до н. э. мы наблюдаем уже сравнительно высокое развитие фортификационного дела в Фергане и Южной Туркмении. Из этого вытекает, что сопоставление хорезмских городищ с авестийской Варой не оправдано с точки зрения хронологии. Упоминание о сооружении Вары содержится в Вендидаде, составление которой датируется последними веками до н. э. и началом н. э.¹⁰¹ Столь поздняя дата не дает основания отрицать древность авестийской Вары, но также не позволяет отдать предпочтение гипотезе С. П. Толстова о постройке ее именно в Хорезме в середине I тыс. до н. э. Тем более, что для Хорезма в более раннее время, в период II тыс.—начала I тыс. до н. э., существование укрепленных поселений не засвидетельствовано. К тому же раскопки последних лет выявили наличие сплошной за-

стройки на городище Кюзели-Гыр. Возможность существования жилых помещений в стенах вообще вызывает сомнение, так как наличие их документально до сих пор не подтверждено.¹⁰² Таким образом, нельзя признать удачной попытку С. П. Толстова найти археологический прототип авестийской Вары в хорезмских памятниках.

Совсем недавно А. А. Марущенко выдвинул предположение, что укрепления, открытые им на Елькен-Депе, являются характерными для древнейших городищ Средней Азии. При этом он замечает следующее: «Не квадратные, будто бы восходящие к авестийской Вару, а кольцевидные, перекивающиеся с Экбатаной Дейока, обводы стен, окружающие холм цитадели, являются характерными для их планировки. . .»¹⁰³ Подобное категорическое заключение представляется нам преждевременным и не может быть принято, например, до окончательного выяснения планировки укреплений Дальверзина, который обладает по внешним данным довольно правильной конфигурацией.¹⁰⁴ Как мы уже говорили, другое заключение А. А. Марущенко — о жилых помещениях в стенах Елькен-Депе — недостаточно обосновано конкретными материалами.

Из всего сказанного можно заключить следующее: во-первых, в настоящее время археологически не выявлены поселения, которые по планировке и устройству соответствовали бы авестийской Вару; во-вторых, по устройству и по времени сопоставление Вары с хорезмскими городищами не может быть принято и, в-третьих, по времени наиболее близки данным Авесты укрепленные поселения типа Елькен-Депе на Юге Туркмении и Чуст и Дальверзин в Фергане.

Существование укрепленных поселений и относительная многочисленность находок предметов вооружения и литейных форм для их изготовления на чустских поселениях заставляет обратить внимание на военный характер общества. В этом отношении оно также было сходно с авестийским обществом. Все содержание гимнов Авесты пронизано сообщениями о непрерывных столкновениях,

¹⁰² О новых материалах по этим памятникам см.: С. П. Толстов, II, 1957; 1958; ср.: Д. Дурдыев, II, 1956.

¹⁰³ А. А. Марущенко, II, 1959, стр. 70.

¹⁰⁴ Описание авестийской Вары не оставляет никаких неясностей в отношении квадратной формы ее.

¹⁰⁰ С. П. Толстов, II, 1947, стр. 3—8; I, 1948.

¹⁰¹ И. С. Брагинский, II, 1956, стр. 193.

о борьбе между оседлыми скотоводами-земледельцами и враждебными им племенами. В. И. Абаев, вслед за В. Гейгером, устанавливает, что борьба шла между оседлыми восточноиранскими племенами и этнически родственными им кочевыми скифскими племенами. Причем в Авесте в качестве пограничной реки между антагонистическими племенами, как доказывает В. И. Абаев, выступает Сыр-Дарья.¹⁰⁵ Исследование его касается отражения в Авесте событий, связанных только со скифским периодом, и не исчерпывает содержания древнейших частей ее, относящихся к более раннему времени — началу I тыс. до н. э.

Яркое и эмоциональное описание постоянных военных конфликтов занимает значительную часть содержания древнейших разделов Авесты и, очевидно, отражает реальную историческую обстановку того времени.

Степень археологической изученности Средней Азии, как нам представляется, в настоящее время позволяет определить основные антагонистические силы этой эпохи, связать их с определенными археологическими культурами.

На территории Средней Азии на рубеже II—I тыс. до н. э. мы сталкиваемся с двумя основными историко-культурными общностями: это оседлые земледельческие культуры Южной Туркмении и Ферганы, с одной стороны, а с другой — это огромный массив пастушеско-земледельческих тазабагьябо-андроновских племен.

До последнего времени открытие новых памятников этой культуры в Средней Азии рассматривали как свидетельство продвижения андроновских племен с севера на юг¹⁰⁶ и связывали его с проникновением индоиранских племен в Индию — так называемым арийским завоеванием. При этом некоторые исследователи исходили из отождествления арии — андроновцы, получившем распространение в советской литературе.¹⁰⁷ Однако было высказано и другое мнение, что наличие в Средней Азии двух культур следует рассматривать как сосуществование и соседствование этнически родственных племен с раз-

личным способом хозяйства (В. М. Массон,¹⁰⁸ И. М. Дьяконов¹⁰⁹).

Анализ накопившихся материалов по культуре андроновских племен Средней Азии приводит нас к заключению, что, очевидно, почти вся территория Средней Азии, за исключением узкой полосы в Южной Туркмении, Ферганы и некоторых других южных областей, представляла область искомого заселения племен степных культур бронзового века. Новые данные не только подтверждают заключение С. П. Толстова о вхождении северной части Средней Азии в зону распространения племен степной бронзы,¹¹⁰ но и расширяют границы этих культур в Средней Азии, отодвигая их далеко на юг.

Все сказанное наводит на мысль, не является ли рисуемая древнейшими частями Авесты борьба и непрерывные военные столкновения отражением реальных взаимоотношений на рубеже II—I тыс. до н. э. между земледельческими племенами с расписной керамикой и тазабагьябо-андроновскими племенами Средней Азии?

IV. ФЕРГАНА И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В период поздней бронзы на рубеже II—I тыс. до н. э. Фергана представляла собой крупный очаг древнеземледельческой культуры расписной керамики, отделенный значительным расстоянием от основной территории распространения этих культур на юго-западе и юго-востоке. Это не был изолированный очаг. Судя по имеющимся археологическим материалам, Фергана была связана с юго-западными областями Средней Азии и с Ираном. Установление связей относится еще к дочуестскому периоду и засвидетельствовано находками явно импортных вещей в Хакском и Афлатунском кладах.

Одновременно в Фергане обитали племена ферганского варианта тазабагьябо-андроновской культуры, очень близкие по культуре и, очевидно, родственные племенам Хорезма, Северной Киргизии, Ташкентского оазиса и низовьев Зеравшана. Носители обеих культур входили в разные этнокультурные объединения и имели разное происхождение.

¹⁰⁵ В. И. Абаев, II, 1956, стр. 41, 45.

¹⁰⁶ С. С. Черников, II, 1957; 1960, стр. 112, 114.

¹⁰⁷ С. В. Киселев, II, 1957, стр. 40-41; А. Н. Бернштам, I, 1957.

¹⁰⁸ В. М. Массон, I, 1959, стр. 121.

¹⁰⁹ И. М. Дьяконов, II, 1960.

¹¹⁰ С. П. Толстов, I, 1948, стр. 67.

Остановимся на выяснении культурных связей племен чустской культуры. Из всех областей Средней Азии существование земледельческой культуры с расписной керамикой на рубеже II—I тыс. до н. э. нам известно только в Южной Туркмении и в Ферганае. Рассматривая вопрос о хронологии чустской культуры, мы привели факты, не оставляющие сомнения в том, что наибольшее сходство эта культура имеет с комплексами Южной Туркмении периода «варварской оккупации», периода Анау IVA. Указанное сходство не является случайным. В этот период в Южной Туркмении после длительного перерыва вновь возрождается обычай украшения росписью глиняной посуды и распространяются простые геометрические узоры, воскрешающие мотивы, характерные для периода Анау I и Намазга I. По сравнению с предшествующим периодом, отмечается некоторый упадок гончарного производства, выразившийся в преобладании посуды ручной выделки. Но изготовление посуды на гончарном круге полностью не исчезает. Расписная посуда с геометрическими узорами ручной выделки сходна с керамикой чустской культуры, отличаясь лишь по цветовой гамме. Но этим не ограничивается сходство. Мы уже отметили, что наблюдается совпадение почти всех основных форм посуды ферганских поселений и комплекса Елькен-Депе второго периода. В Елькен-Депе зафиксировано применение матерчатого шаблона при изготовлении посуды. Наблюдается поразительное совпадение геометрических мотивов расписного орнамента. Сходство заключается, следовательно, не только в форме сосудов и в технике изготовления, но и в мотивах орнамента. Такое разностороннее сходство не может быть случайным и вряд ли настолько сходная керамика могла появиться независимо друг от друга.

К сожалению, памятники периода «варварской оккупации» изучены крайне слабо и, помимо керамики, другие стороны культуры этого времени нам мало известны. В это время впервые появляются железные изделия. На Елькен-Депе обнаружены оборонительные укрепления в виде глинобитных валов. В культурном слое поселения встречено захоронение человека в скорченной позе на левом боку. Наблюдается сходство поделок из камня, найденных на Елькен-Депе, с аналогичными изделиями чустской культуры. В свете этих данных можно

считать, что количество признаков, сближающих комплексы Ферганы и Южной Туркмении, было значительно большим и не ограничивается сходством керамики. Подобное сходство могло появиться только в результате достаточно тесных связей населения обеих областей. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в истории земледельческих племен Юга Туркмении период «варварской оккупации» является временем упадка главным образом в керамическом производстве. Комплекс керамики Елькен-Депе и других аналогичных памятников занимает особое положение в развитии керамики бронзового века, мало связанное с предшествующими этапами. Происхождение его, как и всего комплекса в целом, пока невозможно проследить, так же как и генезис чустской культуры Ферганы.

Изученные в Ферганае памятники андроновского типа, как уже было сказано, имеют много общего с памятниками степных культур эпохи бронзы, но не тождественны им.

Археологические комплексы Кайрак-Кумов Б. А. Литвинский выделяет в особую кайрак-кумскую культуру, которая, по его мнению, «являлась органической частью культуры эпохи бронзы северной части Средней Азии»¹¹¹ и входила в ареал андроновской культуры.¹¹² Основание для такого заключения он усматривает в особенностях хозяйственного уклада и в известном своеобразии облика культуры. Доказать первое положение, как нам представляется, невозможно. В хозяйстве андроновских племен отмечается сочетание пастушеского скотоводства и мотыжного земледелия,¹¹³ а также развитие, иногда значительное (Восточный Казахстан), металлообработки. Такова же была система хозяйства, у племен, обитавших в Кайрак-Кумах. Никаких существенных различий в хозяйстве, по фрагментарным материалам, установить невозможно. Что же касается своеобразия культуры, то, как отмечает Б. А. Литвинский, оно проявляется в известной мере и, очевидно, не выходит за рамки локальных особенностей.

¹¹¹ Б. А. Литвинский, I, 1959д, стр. 34.

¹¹² Б. А. Литвинский, I, 1958в, стр. 196.

¹¹³ М. П. Грязнов, II, 1957, стр. 24—25. В этой работе М. П. Грязнов предлагает очень удачное краткое определение хозяйства андроновских племен как «пастушеско-земледельческого».

Для выделения особой кайрак-кумской культуры, следовательно, достаточных оснований пока не имеется.

Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, отмечая сходство Вуадильского могильника с андроновскими, приходят к несколько преждевременному предположению «о единой специфичной культуре степной бронзы, занимающей северную часть Средней Азии, имеющей в отдельных районах своеобразные локальные варианты и близкой с культурами эпохи бронзы Поволжья и Казахстана».¹¹⁴ Исследователи андроновской культуры рассматривают факт открытия в Средней Азии аналогичных памятников как расширение наших знаний об ареале андроновской культуры.¹¹⁵

Суммируя имеющиеся в литературе суждения, можно говорить, что все исследователи отмечают сходство памятников, обнаруженных в Хорезме, Ташкентском оазисе, в долине Зеравшана и в Фергане, с памятниками степных культур эпохи бронзы и прежде всего с андроновской. Вместе с тем, в каждом случае подчеркиваются местные особенности.¹¹⁶

Можно предполагать, что накопление материалов по рассматриваемым памятникам Ферганы позволит выделить их как местный, ферганский, вариант тазабагыбо-андоновской культуры. Но пока локальные особенности проявляются только в керамике (сосуды со сливом).

Одновременное существование на территории Ферганской долины двух культур объясняется тем, что здесь проходила граница между земледельческими культурами крашеной керамики и андроновской культурой.¹¹⁷ В Фергане, таким образом, отражаются сложные переплетения исторических судеб этнически разнородного населения Средней Азии в целом.

Возникает вопрос, чем обусловлены отличия чустской культуры от культуры кайрак-кумских поселений — особенностями хозяй-

ства или различием этнического состава населения? А. П. Окладников отдает предпочтение второму. Он пишет: «Очень вероятно, что культурой Чуста, с одной стороны, и культурой кайрак-кумских поселений — с другой, представлены две этнически различные группы племен, каждая из которых проходила свой собственный исторический путь, имела свое культурное лицо, свои традиции, причем эти культуры на определенном отрезке времени сосуществовали друг с другом».¹¹⁸

А. Н. Бернштам считал, что именно различие хозяйственной базы определяет различие облик культур эпохи бронзы: «В равнинной части Ферганы население базируется на развитии земледельческого хозяйства, в предгорных и горных районах — на пастушеском скотоводстве».¹¹⁹ Нам представляется, что объяснение следует искать как в разной этнической принадлежности создателей этих культур, так и в различии их хозяйственной деятельности.

Отличие хозяйственного уклада достаточно определенно отражено в рассматриваемых археологических комплексах. Нам уже неоднократно приходилось обращать внимание на более низкий уровень земледелия и на большую роль скотоводства у тазабагыбо-андоновских племен Ферганы. Меньше была развита у них оседлость, и судя по облику материальной культуры, обрабатывающие производства (ремесла).

Обратимся теперь к рассмотрению имеющихся данных об этнической принадлежности населения Ферганы. Языковая и этническая принадлежность андроновских племен, в том числе и тех, которые обитали в Фергане, нам неизвестна. В порядке гипотезы С. П. Толстов предположил усматривать во взаимоотношениях анауских племен с носителями кельтеминарской и степных культур бронзового века «одну из важнейших предпосылок индоевропейского этногенеза вообще и сложения индо-иранской группы индоевропейцев в частности».¹²⁰ Дальнейшими исследованиями эта гипотеза С. П. Толстова была уточнена и развита. Наиболее важное значение имело установление преемственности развития племен степных культур бронзового века и ираноязычных, скифских пле-

¹¹⁴ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957в, стр. 135.

¹¹⁵ А. А. Формозов, II, 1951б; М. П. Грязнов, II, 1957, стр. 25; А. Н. Бернштам, I, 1957; С. С. Черников, II, 1957; С. В. Киселев, II, 1957; С. С. Черников, II, 1960.

¹¹⁶ Расхождение наблюдается скорее в терминологии, чем в понимании существа вопроса.

¹¹⁷ А. А. Формозов, II, 1951б; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957в, стр. 135; Б. А. Латынин, I, 1958, стр. 48 и сл.

¹¹⁸ А. П. Окладников, I, 1956б, стр. 12.

¹¹⁹ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 186.

¹²⁰ С. П. Толстов, I, 1948, стр. 68.

мен.¹²¹ На этом основании и с учетом антропологических и лингвистических данных было высказано предположение о принадлежности срубных и андроновских племен к древним иранцам, к числу восточно-иранских племен.¹²²

С другой стороны, как уже было сказано, данные об исторической преемственности древнеземледельческих племен чустской культуры и ираноязычного населения Ферганы последующих периодов приводят нас к предположению о вероятной принадлежности земледельческого населения позднебронзового века к числу восточно-иранских племен. Из всего сказанного вытекает, что рассматриваемые культуры, очевидно, представляли собой родственные ветви обширного массива восточноиранских племен Средней Азии.

Конкретные данные о расовой, а следовательно, в известной мере и об этнической принадлежности населения Ферганы периода поздней бронзы предоставляют добытые палеоантропологические материалы.

На Дальверзинском поселении, как мы уже говорили, зарегистрировано 50 случаев захоронения людей в пределах поселения (табл. 1). Несколько погребений известно на Чустском поселении, где также обнаружено скопление черепов и неоднократно встречались отдельные человеческие кости.

У нас имеются сведения о восьми полных захоронениях, но погребальный обряд устанавливается только для пяти. Один погребенный положен на спину в вытянутом положении, головой на З и четыре — в скорченной позе. Из них два женских костяка лежат на левом боку, головой на ЮЗ, а два — на правом (детский и мужской?), головой на СВ и ВЮВ.

Захоронения и отдельные кости встречаются во всех горизонтах. Однако основная часть их происходит из среднего и нижнего горизонтов. Человеческие остатки из этих горизонтов относятся к основному периоду жизни поселения. В этом отношении совершенно бесспорна датировка черепов, обнаруженных в хозяйственных ямах нижнего горизонта (табл. 1, 16, 18, 38, 39), а также

единственного погребения с сопровождающим инвентарем — расписной чашей.

Для определения времени захоронений в верхнем горизонте имеет значение факт отсутствия на обоих поселениях следов более позднего заселения. Можно предполагать, исходя из этого, что они относятся к концу существования рассматриваемых памятников. Тем более, что по обряду (положение в скорченной позе на левом боку, головой на ЮЗ) и антропологическому типу погребения из верхнего слоя Чуста ничем не отличается от захоронений из нижнего и среднего горизонтов Дальверзина (табл. 1, 7).

Особо выделяется захоронение в верхнем горизонте Дальверзина, лежащее на спине, головой на З (табл. 1, 1). По этим признакам погребального обряда оно сближается с захоронениями в могильниках Актамской группы середины I тыс. до н. э.¹²³ Кстати, оно несколько отличается и по антропологическому типу (европеоидный мезокранный). Только с накоплением материалов можно решить вопрос, является ли появление этого погребения следствием изменения погребального обряда или разнообразностью, существующей с обрядом положения покойника в скорченной позе. Во всяком случае, отмечается существование двух видов трупоположения на Дальверзинском поселении.

Обряд захоронения в скорченном положении в Средней Азии появляется очень рано. Он известен уже в эпоху энеолита — в период Анау I и Намазга I.¹²⁴ В эпоху поздней бронзы он получает широкое распространение. В Южной Туркмении погребения в скорченной позе встречены на памятниках периода Намазга VI, по крайней мере, в шести пунктах.¹²⁵ В это же время рассматриваемый обряд известен так же для оазиса Бухары (Заман-Баба),¹²⁶ Ташкента,¹²⁷ Хорезма¹²⁸ и Чуйской долины.¹²⁹ Обряд погреб-

¹²³ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957а; В. И. Козенкова, I, 1959.

¹²⁴ R. Pimprelly, II, 1908, p. 39; В. М. Массон, II, 1956в, стр. 236.

¹²⁵ В. М. Массон, I, 1959, стр. 111, табл. 5; А. Ф. Ганялин, II, 1956, стр. 377, 379.

¹²⁶ Я. Г. Гулямов, II, 1956, стр. 153; Е. Е. Кузьмина, II, 1958.

¹²⁷ Т. Г. Оболдуева, I, 1955, стр. 145, рис. 60.

¹²⁸ С. П. Толстов, II, 1955, стр. 101; 1960, стр. 98 и слл.

¹²⁹ П. Н. Кожемяко, II, 1960, стр. 104, рис. 16.

¹²¹ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, II, 1954, стр. 66 и слл.

¹²² А. Н. Бернштам, I, 1957, стр. 19; Э. Мольнар, II, 1955, стр. 63, 75; С. В. Киселев, II, 1957, стр. 40; С. С. Черников, II, 1960, стр. 112.

Таблица 8

Распределение погребенных в Дальверзине по полу и возрасту¹

Возраст \ Пол	Пол		М-Ж*	Дети	Итого
	м	ж			
Детский I — до 7 лет	—	—		63	6
Детский II — 7—13 лет	1*	1+4*		1	7
Юношеский — 14—18 лет	—	2+1*			3
Юношески-возмужалый	1*	3			4
Возмужалый — 18—19; 35—40 лет	2+1*	7+1*+1 ¹⁴			12
Зрелый — 40—60 лет	3	1+1*			5
Взрослые ⁵	—	1	2		3
Всего	5—8	15—23	2	7	40
%	12.5—20	37.5—55	25		100

Примечания:

¹ Звездочкой * отмечены черепа, определение пола которых вызывает сомнение.

² В двух случаях пол нельзя было определить.

³ Из них два черепа определены в поле.

⁴ Определение возраста вызывает сомнение.

⁵ Более точное определение возраста невозможно.

бения в скорченном положении характерен для земледельческих племен с культурой расписной керамики и для племен тазабагъбо-андроновской культуры Средней Азии и других степных культур эпохи бронзы. Принципиального различия в положении умершего у населения Ферганы и Южной Туркмении не наблюдается. Совпадает положение погребенного в скорченной позе на боку¹³⁰ в культурном слое поселения и часто без вещей. Так, например, из 33 захоронений периода Намазга VI 15 были лишены инвентаря, а в одном оказалась лишь одна бусина.¹³¹ Следовательно, почти половина известных

в Южной Туркмении погребений этого времени не содержит вещей. Однако наряду с ними мекются захоронения со сравнительно богатым инвентарем.

Обряд положения умершего на поселениях чустской культуры не отличается также от скорченных погребений в могилах тазабагъбо-андроновской культуры. Наиболее существенное различие между ними состоит в том, что население степных культур хоронило умерших не на поселениях, а на обособленных кладбищах.¹³² Почти все погребенные, как правило, сопровождаются разнообразным инвентарем.

Из приведенного сравнения можно сделать заключение о близости населения чустской культуры по погребальному обряду земледельческим племенам Южной Туркмении. В этой связи мы придаем большое значение открытию на синхронном поселении Елькен-Депе в отложениях II периода погребения в скорченной позе, на левом боку, лежащего головой на ЮВ и без вещей.¹³³

Данные о распределении погребенных в Дальверзине по полу и возрасту сведены на табл. 8. Приведенные в ней цифры показывают явное преобладание захоронений женщин. Количество бесспорных женских черепов в три раза больше мужских. Еще больше возрастет эта цифра, если мы примем, что половина или хотя бы часть добытых детских черепов и черепов взрослых, пол которых не удалось установить, могла принадлежать также женщинам. Почти одну треть всех погребенных составляют дети. Обращает на себя внимание, что большинство погребенных умерло в молодом возрасте и только пятеро дожило до зрелого возраста (не менее 40 лет). И нет ни одного умершего в старческом возрасте. Выявлен один случай насильственной смерти ребенка в возрасте 11—12 лет (погребение 1 верхнего горизонта Дальверзина).

Обряд захоронения в пределах поселения, иногда в жилищах, характерный для чустской культуры Ферганы, был широко распространен среди раннеземледельческих

¹³² На поселениях срубной и других степных культур бронзового века встречаются единичные захоронения, которые исследователи рассматривают как ритуальные погребения (Н. Я. Мерперт, II, 1958, стр. 118). Для Южной Туркмении исключение составляет Янги-Калинский могильник, расположенный на значительном расстоянии от поселения (А. Ф. Ганялин, II, 1956).

¹³³ А. А. Марущенко, II, 1959, стр. 63.

¹³⁰ Положение умершего в скорченной позе само по себе не может свидетельствовать о времени погребения. Подобный обряд встречается и в более позднее время, например в могильниках сакского периода на Памире, и удерживается вплоть до первых веков н. э. Отдельные захоронения в скорченном положении отмечены в подбойных и катакомбных могильниках Карабулак и Кайрагач в Ферганской долине.

¹³¹ В. М. Массон, I, 1959, стр. 111. Подобное соотношение наблюдается и для более раннего периода — Намазга III (В. М. Массон, II, 1957а, стр. 148—150).

племен культур крашеной керамики эпохи энеолита и бронзы. В Средней Азии этот обряд удерживался исключительно долго и переживания его отмечались этнографами вплоть до недавнего прошлого.¹³⁴

Многочисленность погребений людей дает нам основание рассматривать обычай захоронения на территории поселения не как исключительный — ритуальный обряд, а как общераспространенный обряд захоронения.

Наряду с полными погребениями встречаются разрозненные человеческие кости и черепа, причем, по наблюдению В. И. Спришевского, некоторые кости имеют следы надрезов. Последнее обстоятельство послужило основанием для предположения о переживании обычая каннибализма у жителей Чустского поселения.¹³⁵ Возможность такой трактовки находок разрозненных костей неоднократно обсуждалась в литературе и ряд ученых пришел к отрицательному заключению.¹³⁶ Они объясняют появление человеческих костей в культурном слое разрушением костяков при перестройках, нарушавших захоронения. Это объяснение, вполне очевидно, пригодно и для чустской культуры, так как бесспорных свидетельств обычая людоедства пока не прослежено.

Обращает на себя внимание факт пренебрежительного отношения к погребениям сородичей, кости которых попадали в хозяйственные ямы вместе с костями животных и хозяйственными отбросами. Такое «варварское» отношение к останкам умерших предков и сородичей вызывает удивление. Оно находится в противоречии с общеизвестными фактами заботы о сохранении в неприкосновенности могил предков и родовых кладбищ. Возможно это объясняется тем, что во время земляных работ и перестроек на посе-

лении захоронения предшествующего периода нарушались случайно, а не преднамеренно.

Особый интерес вызывает происхождение скоплений человеческих черепов, обнаруженных в Дальверзине и Чусте. Среди них имеются черепа людей разного пола, возраста и антропологического типа, но преимущественно молодых людей и детей. Имеется только один череп человека зрелого возраста и одного взрослого, возраст которого точно определить невозможно. По расовой принадлежности половина найденных черепов относится к европеоидному средиземноморскому типу. Появление таких скоплений не может быть случайным, поскольку они встречены на двух поселениях и в этих скоплениях находились одни черепа и не было никаких иных костей.

Таким образом, мы сталкиваемся с явно преднамеренным сохранением человеческих черепов. Хотя мы не имеем данных о причинах появления этого обряда у племен чустской культуры, но нет сомнения, что они заключаются в общеизвестных обычаях культа черепов, веры в их магическую силу, почитания черепов как святыни, свойственных многим первобытным народам. Этим объясняют, в частности, распространение обычая «охоты за черепами». Не исключена возможность, что открытые скопления черепов в Дальверзине и Чусте являются археологическим отражением распространения этого обычая среди чустских племен Ферганы.

В антропологическом отношении население Дальверзина, как можно видеть по данным табл. 9, было разнородным. Расовый тип определен для 32 черепов. Больше половины из них — 19 черепов принадлежат к европеоидному долихокранному средиземноморскому типу. Совершенно ясно выделяется второй расовый тип. Он представлен пятью черепами, имеющими признаки, сближающие их с андроновским типом и с типом погребенных в Вуадильском могильнике.

Обращают на себя внимание два черепа промежуточного типа между средиземноморским и брахикранным типом Среднеазиатского междуречья. Если в дальнейшем количество подобных черепов возрастет, то можно будет рассматривать появление их как отражение процесса изменения долихокранного типа и формирования типа Среднеазиатского междуречья, характерного для всей последующей истории Ферганы и дру-

¹³⁴ Погребение более позднего времени обнаружено нами в 1951 г. в культурных отложениях городища Кассан в Северной Фергана. Судя по кувшину, находившемуся возле погребенного, погребение относится к раннесредневековому периоду VI—VIII вв. н. э. (В. В. Гинзбург, I, 1956, стр. 92). В Средней Азии, в частности в Бухаре, обычай захоронения умерших в жилых домах удерживался до последнего времени (О. А. Сухарева, II, 1958, стр. 43; см.: Б. А. Литвинский, II, 1958, стр. 31—33).

¹³⁵ В. И. Спришевский, I, 1957б, стр. 72. Происхождение надрезов на костях и связь их с обычаями каннибализма обоснованы им недостаточно.

¹³⁶ В. А. Городцов, II, 1923; М. Е. Фосс, II, 1938, стр. 73—74 и сл.; С. Н. Бибииков, II, 1955, стр. 197—198.

Таблица 9

Распределение погребенных Дальверзина по антропологическим типам и горизонтам

Типы	Горизонты	Горизонты			Всего
		Верхний	Средний	Нижний	
Европеоидный		—	1	1	2
» мезокранный		1	—	—	1
» мезо-брахикранный		—	—	1	1
» мезо-долхокранный		1	—	—	1
» долхокранный		2	—	4	6
» долхокранный, средиземноморский		—	2	11	13
» промежуточного типа между средиземноморским и типом Среднеазиатского междуречья		—	1	1	2
» андроновского типа		1	1	1	3
» Вуадильского типа		—	1	2	3
Итого		5	6	21	32
Общее количество черепов в горизонте		5	9	26	40

гих областей Средней Азии. Другие единичные находки представляют, очевидно, варианты основного расового типа. Причем на некоторых черепах, в силу разрушения их, не удалось определить признаков расы второго порядка.

Приведенные антропологические данные позволяют заключить, что большинство жителей Дальверзина принадлежало к европеоидному средиземноморскому расовому типу. Этот расовый тип засвидетельствован и на Чустском поселении. Вместе с тем, они дают основания говорить о расовой разнородности населения чустской культуры. Это отмечается уже для начального этапа существования Дальверзина и характерно для всего периода жизни его. Однако сходство палеоантропологических материалов, обнаруженных во всех трех горизонтах Дальверзина и в верхнем горизонте Чуста, заставляет предполагать непрерывное развитие населения одного и того же средиземноморского расового типа, наряду с которым в небольшом количестве представлена была и другая разновидность европеоидного расового типа.

В антропологическом отношении население чустской культуры было сходно, насколько можно судить по имеющимся материалам, с населением древнеземледельческих общин Южного Туркменистана,¹³⁷ а также

Бухары¹³⁸ и частично Хорезма.¹³⁹ В этих областях обитало население европеоидного длинноголового средиземноморского типа. Этот тип, который, по Л. В. Ошанину, точнее следует называть закаспийским расовым типом,¹⁴⁰ почти на всей обширной территории, за исключением Хорезма, связан с культурами крашеной керамики.

На периферии распространения средиземноморского типа и в частности на территории Хорезма этот тип сосуществует с иным европеоидным расовым типом. По материалам могильника Кокча 3 устанавливается существование в Хорезме двух антропологических типов: 1) европеоидного средиземноморского типа и 2) европеоидного типа, сходного с населением степных культур эпохи бронзы северных районов. Эти расовые типы Т. А. Трофимова¹⁴¹ и С. П. Толстов¹⁴² сопоставляют с двумя культурными комплексами — суярганской и тазабагыбской культурами и делают заключение об этнической разнородности населения Хорезма бронзового века.

Сходная картина наблюдается и в Фергане, как это видно по материалам Дальверзинского поселения.

¹³⁸ В. Я. Зезенкова, I, 1953, стр. 97—98.

¹³⁹ Т. А. Трофимова, II, 1957; 1959.

¹⁴⁰ Л. В. Ошанин, II, 1957, стр. 100.

¹⁴¹ Т. А. Трофимова, II, 1957.

¹⁴² С. П. Толстов, II, 1957, стр. 41.

¹³⁷ Л. В. Ошанин, II, 1959, стр. 34—36; В. В. Гинзбург, II, 1959; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, II, 1959.

Дополнительные данные в пользу разнородности населения Ферганской долины получены из Вуадильского могильника. В могильнике взято для определения несколько разрушенных черепов, из которых только один — череп из кургана 37 — оказался удовлетворительной сохранности. Он принадлежит женщине европеоидного долихокранного, точнее, протоевропеоидного типа. Определение сходства его с другими европеоидными типами степных культур эпохи бронзы затруднительно.¹⁴³ Но достаточно определенно устанавливается, что этот вариант европеоидного типа отличается от средиземноморского типа. Вуадильский череп, по заключению Т. А. Трофимовой, по ряду признаков сходен с черепами из могильника Кокча 3,¹⁴⁴ относящимися к европеоидному типу, характерному для населения степных культур эпохи бронзы. Протоевропеоидный тип известен в небольшом количестве и в Южной Туркмении (на поселении Тахирбай 3).¹⁴⁵ В Фергане этот и близкий ему варианты европеоидного типа встречены, наряду с преобладающим средиземноморским типом, в Дальверзине, а также в Вуадиле.

Следовательно, в трех областях Средней Азии в эпоху поздней бронзы отмечается существование наряду со средиземноморским протоевропеоидного типа. Учитывая, что культура поселений Кайрак-Кумов и Вуадильского могильника Ферганы, как уже было сказано, имеет много общего с тазабагьябо-андроновской культурой и отличается от чустской, можно предполагать, по аналогии с Хорезмом, что в Фергане также двум археологическим культурам соответствовали два разных расовых типа, представляющих

разные ветви ираноязычного населения. Появление на Дальверзине представителей протоевропеоидного антропологического типа в таком случае можно рассматривать как отражение процесса смешения и включения этнически иных групп в состав населения чустской культуры. Существование на одной территории двух разных типов культур обусловлено было, следовательно, этнической разнородностью населения Ферганской долины в эпоху бронзы, отличавшегося также и по хозяйственному укладу.

Период поздней бронзы и в частности конец II—начало I тыс. до н. э. в истории Средней Азии было временем крупных племенных передвижений. С движением на юг и вторжением арийских племен — носителей андроновской культуры связывают разрушение и прекращение существования некоторых крупных поселений и упадок керамического ремесла в Южной Туркмении.¹⁴⁶ В это время появляются отдельные группы ираноязычных племен-ариев в Иране¹⁴⁷ и к этому времени относится один из этапов так называемого арийского завоевания Индии. Эти события, разумеется, не могли не затронуть население Ферганы и не могли не отразиться на их культуре. Об этом свидетельствуют намечаемые по археологическим данным некоторые отдаленные аналогии чустской культуре в синхронных комплексах некрополя В тепе Сялка в Иране и Нади-Али в Афганистане. Но наибольший интерес в этой связи представляет сходство, наблюдаемое между синхронными культурами Ферганы и Центральной Индии.

До недавнего времени тысячелетний период в истории Индии, начиная со времени разрушения Хараппы и до исторической эпохи — примерно с 1500 г. и до 300 г. до н. э., был слабо освещен археологическими материалами, а имевшиеся комплексы плохо датированы и почти совсем не увязывались с памятниками соседних территорий.

Новые материалы, опубликованные в самые последние годы, начинают заполнять пробел в археологии Индии постхарапповского периода и дают возможность проследить связь с Передней Азией, Ираном и Средней Азией. К тому же эти комплексы доста-

¹⁴³ В одной статье В. В. Гинзбург пишет, что Вуадильский череп напоминает черепа носителей афанасьевской культуры Южной Сибири (В. В. Гинзбург, I, 1956); в другой работе он отмечает сходство лицевой части этого черепа с черепами андроновского типа (В. В. Гинзбург, I, 1957). Это связано с недостаточно четкой дифференцировкой типа этого черепа. Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, ссылаясь на предварительное мнение В. В. Гинзбурга о долихокрании Вуадильского черепа, усматривают ему прямые аналогии в материалах Заман-Баба и в культурах Анау, т. е. предполагают сходство Вуадильского черепа со средиземноморским типом (Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1957, стр. 134).

¹⁴⁴ Т. А. Трофимова, II, 1959, стр. 5. На стр. 25 автор пишет, что череп из Вуадила «по абсолютным размерам и пропорциям лицевого скелета и другим особенностям . . . может быть сближен с черепами из могильника Кокча 3».

¹⁴⁵ В. В. Гинзбург, II, 1959, стр. 103.

¹⁴⁶ А. А. Марущенко, II, 1959, стр. 70—72; В. М. Массон, I, 1959, стр. 120.

¹⁴⁷ И. М. Дьяконов, II, 1956, стр. 139.

точно хорошо датированы. В настоящее время в Центральной Индии выявлено и исследуется несколько групп памятников периода халколита, по терминологии индийских археологов. Наиболее изучены поселения Навдатоли,¹⁴⁸ Неваза,¹⁴⁹ Назик¹⁵⁰ и Джорве.¹⁵¹ Всего насчитывается до 40 памятников этой культуры.

Рассмотрим подробней характеристику поселения Неваза — типичного памятника этой культуры. Оно расположено на притоке большой реки Годавари в Центральной Индии, южнее 20-й параллели. Поселение многослойное. Интересующий нас третий слой залегал непосредственно на материковой черной земле. Ниже его в галечном слое найдены палеолитические орудия. Стерильный слой, отражающий период запустения, отделял халколитический период от следующего, относящегося уже к историческому времени — ко II в. до н. э., датированному на основании находок монет.

Общая толщина слоя — 6—9 футов, т. е. 2—3 м. В нем отмечено несколько прослоек, содержащих однородный материал. Ввиду того что работы производились небольшими раскопами, главным образом траншеями, строительных остатков обнаружено мало. Прослойки различаются по разному уровню глинобитных полов с погребениями детей в своеобразных урнах из двух соединенных сосудов. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что население жило в глинобитных домах. На поселении обнаружено большое количество костей свиньи, крупного рогатого скота и оленя. Исследователи считают, что Неваза представляет собой поселение древних пастухов, знакомых с начатками земледелия. Облик материальной культуры характеризуется следующими признаками: 1) широким использованием орудий и изделий из полированного базальта и кремневых ножевидных пластинок, 2) глиняной посудой, изготовленной на гончарном круге, с черной росписью по красному фону и 3) наличием небольшого числа изделий из меди (стамеска, браслет, бусы).

Другие исследованные памятники, имеющие локальные особенности, дают близкую

картину. Индийские археологи выделяют следующие признаки, характерные для культуры халколита Центральной Индии:¹⁵²

1. Расписная керамика.
2. Кремневые орудия, ножевидные пластинки, призматические нуклеусы и др.
3. Стеатитовые, фаянсовые, сердоликовые, агатовые и бронзовые бусы.
4. Медные или бронзовые плоские топоры, стамески и другие изделия.
5. Навершия булавы.
6. Полированные каменные топоры.
7. Своеобразные терракотовые фигурки.

Таким образом, в данных комплексах сочетаются каменные орудия неолитического вида, развитая керамика, изготовленная на гончарном круге, и изделия из меди и бронзы.

При ознакомлении с публикациями халколитических памятников Центральной Индии бросается в глаза сходство ряда форм посуды и мотивов расписного орнамента с керамикой чустской культуры Ферганы. Для обоих комплексов наиболее выразительным признаком культуры является посуда с черной росписью по красному фону.

Расписная, например, посуда на поселении Неваза составляет 65% всей найденной керамики. Наиболее типичные для этого поселения формы посуды — миски с перегибом бортика, полусферические чаши и сосуды биконической формы с высокой и узкой горловиной и др. (рис. 19) — совершенно сходны с посудой ферганских поселений. Помимо общего сходства цветовой гаммы, наблюдается совпадение целого ряда элементов орнамента: полоса с сетчатым заполнением, горизонтальный ряд ромбов с сетчатым заполнением, полоса, заштрихованная наподобие шахматного поля и др. (рис. 20, 1—7).

На поселении Навдатоли встречаются те же одинаковые формы посуды, перечень которых следует дополнить жаровней (рис. 21). Целый ряд элементов расписного орнамента Навдатоли находят близкие аналогии в ферганской керамике (рис. 20, 8—16).

Таким образом, часть основных керамических форм поселений Ферганы (миска с перегибом бортика, полусферические чаши, сосуды с высокими горловинами, жаровни) очень сходны с типичными и наиболее распространенными формами посуды памятников Центральной Индии. Наблюдается совпаде-

¹⁴⁸ H. D. Sankalia, B. Subbaga, S. B. Deo, II, 1958.

¹⁴⁹ H. D. Sankalia, S. B. Deo, Z. D. Ansari, S. Ehrhardt, II, 1960.

¹⁵⁰ H. D. Sankalia, S. B. Deo, II, 1955.

¹⁵¹ Ibidem.

¹⁵² H. D. Sankalia, B. Subbaga, S. B. Deo, II, 1958, стр. 244.

ние не только форм сосудов, но и цветовой гаммы и ряда основных мотивов расписного орнамента. Очень важно, что сходные эле-

менты культуры ни в Средней Азии, ни на ближайших территориях, за исключением комплекса Елькен-Депе II.

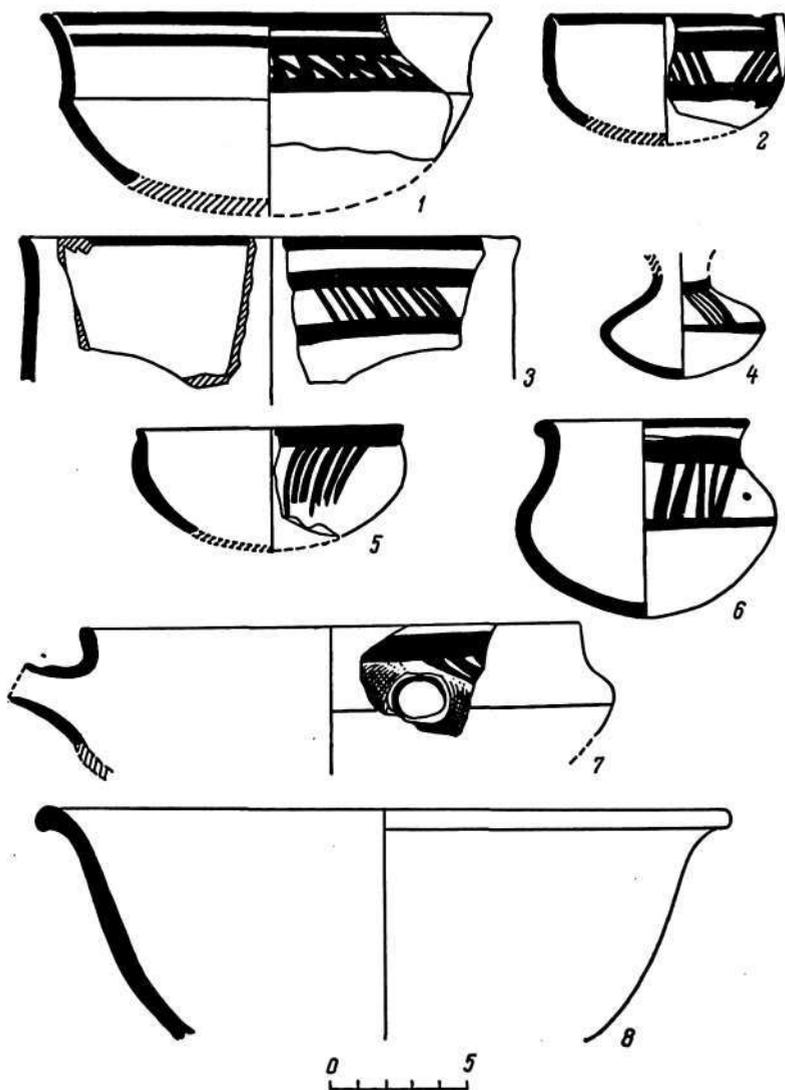

Рис. 19. Керамика из поселения Неваза в Центральной Индии.

менты встречаются не на одном памятнике, а устойчиво повторяются на ряде исследованных поселений. При этом надо учитывать, что до сих пор нам не были известны такие близкие аналогии керамическому комплексу

Возникает вопрос, как объяснить появление сходных элементов расписной керамики в таких отдаленных районах, как Центральная Индия и Фергана? Для ответа на этот вопрос надо сравнить возраст (хронологию)

памятников обеих областей, выяснить, каково происхождение их и какие синхронные памятники известны на промежуточной тер-

984—1228 г. до н. э. (XIII—X вв. до н. э.).¹⁵³ Для Навдатоли имеются анализы угля из разных слоев, которые определяют дату

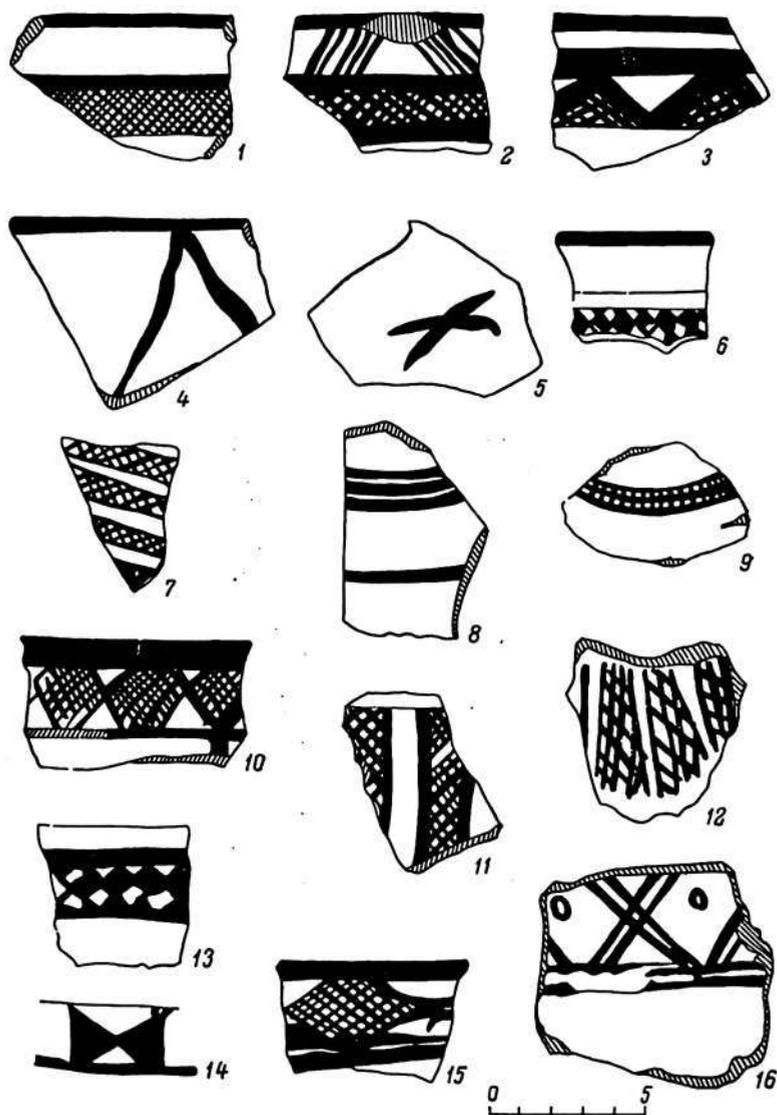

Рис. 20. Образцы расписной посуды из поселений Неваза (1—7) и Навдатоли (8—16) в Центральной Индии.

ритории. Сравнение возраста облегчается наличием дат, установленных радиоуглеродным методом С¹⁴. Абсолютный возраст поселения Неваза 3106 ± 122 года, что дает

начала периода халколита 3503 ± 128 , т. е. 1500 г. до н. э. Конец периода датиро-

¹⁵³ H. D. Sankalia, S. B. Deo, Z. D. Ansari, S. Ehrhardt, II, 1960, p. 68.

ван 3294 ± 125 , т. е. около 1000 г. до н. э.¹⁵⁴

Индийские археологи на основании сравнительного изучения отдельных видов кера-

туры — рубеж II—I тыс. до н. э. Причем начало, возникновение ее, очевидно, следует отнести к последней четверти II тыс. до н. э. Из приведенных датировок, базирующихся

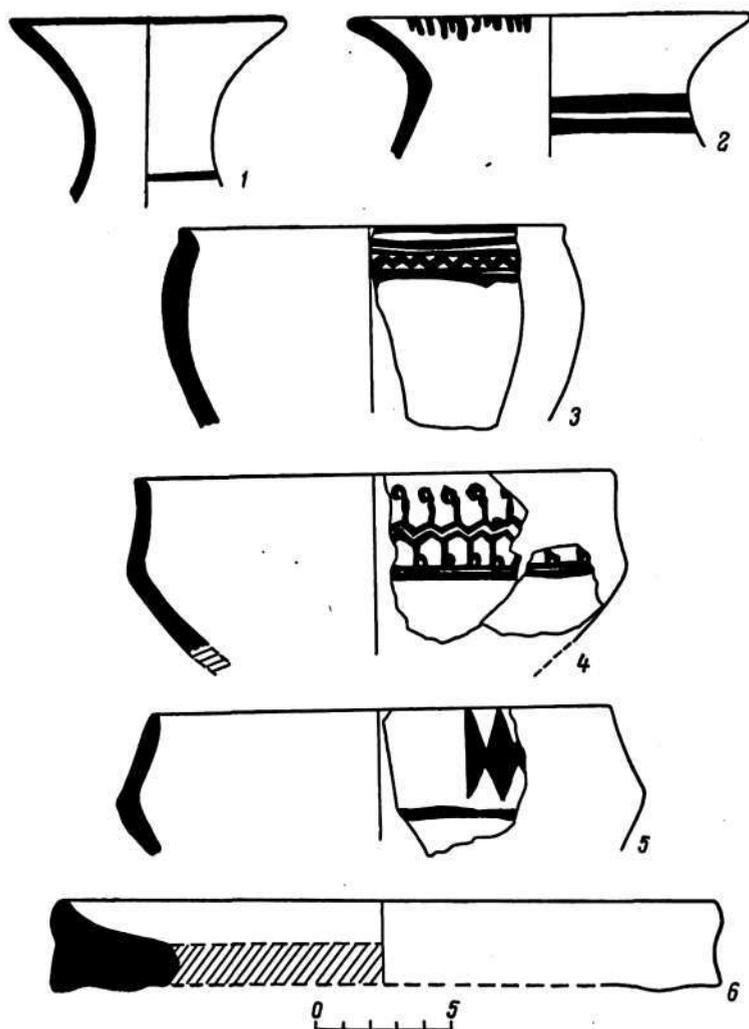

Рис. 21. Керамика из поселения Навдатоли в Центральной Индии.

мики с комплексами Ирана и Передней Азии и на основании радиоуглеродных определений датируют период халколита в целом 1500—1000 гг. до н. э. Как уже было сказано, наиболее вероятная дата чувстской куль-

¹⁵⁴ Н. Д. Sankalia, В. Subbargo, S. В. Deo, II, 1958, вклейка на стр. XIII.

на объективном радиоуглеродном методе, вытекает, что сравниваемые комплексы Ферганы и Центральной Индии были частично-синхронны и, во всяком случае, близки во времени.

Генезис культуры халколита индийские археологи пока не могут проследить. Воз-

никновение поселений, по их мнению, связано было или с влиянием или с приходом в среду племен, живших в условиях неолита, населения, которое принесло навыки изготовления керамики на гончарном круге и знание металлургии меди. Подобные коренные изменения в культуре местного населения, как нам представляется, одним влиянием объяснить невозможно.

По времени халколитические памятники совпадают с периодом вторжения индоиранских племен ариев в Индию и поэтому естественно, что исследователи сопоставляют пришельцев с ариями, которые, очевидно, и принесли прекрасную расписную керамику, гончарный круг и знание металлургии. Конкретное подтверждение этому они усматривают в некоторых керамических формах (сосуды со своеобразными длинными носиками-сливами¹⁵⁵ и др.), имеющих сходство с комплексом некрополя В тепе Сялка в Центральном Иране, принадлежность которого ираноязычным племенам не вызывает сомнения. Таким образом, устанавливается связь между Центральной Индией и Центральным Ираном. С другой стороны, как уже было сказано, отмечаются связи Ферганы с памятниками периода «варварской оккупации», периода Анау IVA в Южной Туркмении, а также с некрополем В тепе Сялка. Следовательно, независимым путем можно установить две цепочки соответствий: Фергана — Южная Туркмения — Центральный Иран и Центральная Индия — Центральный Иран, которые позволяют связать археологические памятники Ферганы и Индии через промежуточные комплексы.

Оценивая значение приведенных индийских параллелей ферганской керамике, можно сделать в порядке гипотезы следующее заключение. Во-первых, памятники обеих областей близки во времени и, вероятно, по уровню своего развития. Во-вторых, они связываются через промежуточные комплексы в Южной Туркмении и Иране. В-третьих, некоторое общее сходство их может быть объяснено, как нам представляется, конкретными историческими условиями эпохи передвижения индоиранских племен ариев.

В настоящее время широко распространено в науке положение, что именно Средняя Азия является наиболее вероятной первоначальной

областью расселения этих племен и что отсюда они переселились в Иран и Индию. Халколитическую культуру Центральной Индии индийские археологи, как уже было сказано, связывают с ариями, оговаривая при этом, что бесспорных доказательств пока не имеется. В этой связи важно отметить, что в других постхарапповских культурах, одновременных халколитическим комплексам Центральной Индии (культура Джуххар,¹⁵⁶ серой расписной керамики в долине Ганга¹⁵⁷ и др.), никаких аналогий ферганской керамики не находят.

Если свести воедино имеющиеся в литературе точки зрения, то мы увидим, что исследователи Индии, Ирана и Средней Азии независимо друг от друга приходят к одинаковым заключениям об этнической принадлежности создателей культур расписной керамики, распространенных на этой территории во второй половине II тыс. и на рубеже II—I тыс. до н. э. в результате расселения индоевропейских племен. В этой связи вполне возможно, что появление сходных форм расписной керамики в Фергане и в Центральной Индии следует рассматривать как отражение событий, связанных с передвижением индоиранских племен. Это движение нельзя представлять как единовременное явление. Оно началось еще на рубеже III—II тыс. до н. э.¹⁵⁸ События, о которых здесь шла речь, составляют, вероятно, один их поздних этапов расселения ариев.

Разумеется, все сказанное по поводу причин сходства керамики является предположительным, но, нам кажется, не более, чем многие другие предположения и гипотезы, высказанные в науке в связи с изучением сложнейших проблем расселения индоиранских племен.

Обратимся теперь к рассмотрению юго-восточных культурных связей Ферганы. Прежде всего следует отметить близость чустской керамики и комплекса расписной керамики периода Машань в Северо-Западном Китае (1700—1300 гг. до н. э.).¹⁵⁹ В обеих областях были распространены одинаковые мотивы росписи: горизонтальные ряды ромбов и треугольников, заштрихован-

¹⁵⁶ E. Mackay, II, 1943, pp. 103—131.

¹⁵⁷ B. B. Lal, II, 1955.

¹⁵⁸ History and culture of the Indian People, vol. I. The Vedic age, 1951, p. 206; ср.: М. М. Дьяконов, II, 1961, стр. 42.

¹⁵⁹ J. Andersson, II, 1943, p. 291.

¹⁵⁵ H. D. Sankalia, II, 1955, pp. 112—115.

ных сеткой, зигзаги, горизонтальные ряды клиньев, полоски с внутренней стороны венчика, ленты, опоясывающие сосуд с ромбовидным просветом в месте перекрещивания, и др.¹⁶⁰ Для комплексов Машань и Чуста типична одна и та же цветовая гамма — роспись черной краской по красному фону. Однако сходство с Северо-Западным Китаем относительное, поскольку отличаются формы сосудов и орнаментальные композиции в целом.

Исследователи неоднократно пытались проследить происхождение культуры Яншао и вывести расписную керамику с Запада (из Передней Азии), так как в Восточной Азии расписная керамика совсем неизвестна. В этой связи заслуживает внимания то обстоятельство, что в истории развития расписной керамики Северного Китая (культура Яншао) только для позднего времени, для периода Машань, можно проследить некоторое сходство с комплексами Анау и Ирана¹⁶¹ и, от себя добавим, Ферганы.

Некоторая близость наблюдается между керамикой Ферганы и немногочисленными образцами расписной посуды бронзового века из Синьцзяна.¹⁶² Помимо расписной керамики, можно заметить общее сходство черно-серо-олощенной посуды Ферганы и Северного Китая. Этот тип керамики характерен для памятников культуры Луншань, но встречается также на многих поселениях с расписной керамикой.¹⁶³ Как уже было сказано, очевидно, влиянием Китая следует объяснять появление в Фергане своеобразных каменных серповидных ножей. Таковы немногочисленные археологические свидетельства связи культуры расписной керамики Фер-

ганы (Средней Азии) с Синьцзяном (Северным Китаем). Они в известной мере позволяют увязать культуры расписной керамики Запада (Средняя и Передняя Азия) и Востока (Северный Китай) на поздних этапах их развития.

В заключение остановимся на одном общем вопросе. Анализ всех доступных нам материалов дает основание выделить на территории Средней Азии для эпохи поздней бронзы, по степени развития хозяйства, главным образом земледелия, поселений (по их размерам и по наличию или отсутствию укреплений и цитадели) и материальной культуры в целом, следующие три историко-культурные области:

I. Юг Туркмении, в период «варварской оккупации» — период Анау IVA, составлявший северную периферию стран древневосточных цивилизаций. Развитое ирригационное земледелие. Большие укрепленные поселения с выделенной цитаделью (Елькен-Депе, Яз-Депе). Применение гончарного круга и распространение железа.

II. Фергана (северная и восточная части ее, заселенные земледельческими племенами чустской культуры), являвшаяся на рубеже II—I тыс. до н. э. периферией по отношению к Южной Туркмении. Развитие земледелия на базе использования начальных форм искусственного орошения. Большие укрепленные поселения, но без цитадели (Дальверзин, Чуст). Отсутствие гончарного круга. Начало появления железа.

III. Хорезм, Северо-Западная Фергана, Чуйская долина, низовья Зеравшана и другие области Средней Азии, населенные племенами тазабагьябо-андроновской культуры, составляющими часть обширного массива степных культур бронзового века. Хозяйство пастушеско-земледельческое. В Хорезме — начальные этапы искусственного орошения. Небольшие открытые поселения. Отсутствие гончарного круга и железа.

¹⁶⁰ G. D. Wu, II, 1938, pp. 100—103, fig. 45, 21—23; 46, 24, 25; B. M. Masson, I, 1957, стр. 53.

¹⁶¹ J. Andersson, II, 1943.

¹⁶² С. В. Киселев, II, 1960, стр. 251—253.

¹⁶³ Li Chi, II, 1956, pp. 62, 68; Takeshi Sekino, II, 1956, p. 1; L. Ward, 1954; P. Ф. Итс, II, 1955, стр. 108 и сл.

Глава III

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

Земледельческая культура в Ферганской долине получает дальнейшее развитие в период раннего железа. К этому времени относятся Эйлатанское городище, а также материалы нескольких других поселений Восточной Ферганы. Этим поселениям синхронны могильники Актамского типа в Южной Фергане. Для характеристики культуры привлекаются также случайные находки металлических изделий.

Завершается рассматриваемый период древнеземледельческой культуры Ферганы на шурабашатском этапе, когда появляются в материальной культуре совершенно новые элементы и в частности посуда с красным ангобом (красноангобированная керамика).

В эпоху раннего железа продолжают развиваться, но в совершенно новых и измененных формах традиции расписной и крашеной посуды. Бронзовые орудия сменяются орудиями, изготовленными из железа. Наблюдается значительный прогресс в строительстве укрепленных поселений.

Эпоха раннего железа является вместе с тем временем завершения процесса обособления скотоводческих племен и сложения основных элементов их культуры. Для изучения культуры скотоводческих племен предгорий Ферганы основным источником служат могильники сако-усуньского времени в Алайской долине.

I. ЭЙЛАТАНСКИЙ ПЕРИОД

ГОРОДИЩЕ ЭЙЛАТАН

Городище Шаари-Хайбер у сел. Эйлатан исследовано Б. А. Латыниным в 1933—1934 гг. В 1934 г. он провел небольшие раскопки в юго-восточном углу внутреннего городища на площади 42 кв. м.

Здесь было выявлено три культурных слоя, но без строительных остатков. Помимо

керамики, найдены только обломок навершия булавы и две зернотерки.¹

В 1952 г. Памиро-Ферганская комплексная экспедиция совместно с Наманганским областным музеем возобновили изучение Эйлатана. Повторные раскопки осуществил автор этой работы под общим руководством А. Н. Бернштама.²

Раскопки на городище продолжила в 1958 и 1960 гг. Т. Г. Оболдуева.³ Ею открыто небольшое помещение в нижнем горизонте и строительные остатки в верхнем горизонте. Важные результаты получены при исследовании вала внутреннего городища. Удалось выяснить устройство его и установить, что оборонительная стена построена, по всей вероятности, в начальный период жизни поселения.

Городище Эйлатан расположено в восточной части Ферганской долины (в междуречье Нарына и Кара-Дарьи), в 1,5 км к ЮВ от ж. д. ст. Хакулабад. Оно неправильной четырехугольной формы и имеет два ряда стен. Городище вытянуто в широтном направлении (табл. XXXIV, 1). Следы заселения выявлены только на внутреннем городище, окруженном первыми (внутренними) стенами. Стены сохранились в виде земляных валов высотой до 4 м. На этих валах расположены на расстоянии 55—60 м друг от друга остатки башен (табл. XXXIV, 2). Внутреннее городище в южной части перерезано полотном железной дороги. Юго-западная и южная части его сильно разрушены и в настоящее время заняты постройками, полями и лесопитомником.

Б. А. Латынин, 1935б, стр. 120—158; 1961б, стр. 111—119.

² Ю. А. Заднепровский, I, 1954, 1960г.

³ О раскопках на Эйлатане Т. Г. Оболдуева докладывала на секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА.

На расстоянии около 500 м от первого проходит второй (внешний) вал, на котором еще в 30-е годы Б. А. Латынин видел остатки башен, располагавшиеся соответственно башням на внутреннем валу. Направление обоих валов полностью совпадает. Длина сохранившейся северной части внешнего вала более 2200 м, восточного — около 900 м. С южной и западной сторон второй вал не сохранился. Площадь, охваченная внешним валом, равна примерно 200 га. Внутреннее городище размером 400×500 м (около 20 га).

На западе внешний вал подходит почти вплотную к городищу Кюль-Тепе, на котором обнаружена в большом количестве керамика с красным ангобом последних веков до и первых веков н. э. На Кюль-Тепе керамика эйлатанского типа не оказалось.

На поверхности внутреннего городища разбросано несколько низких холмов. На двух таких холмах в 1952 г. были заложены раскопы. Остановимся на описании их.

Раскоп I (площадь в 75 кв. м) в юго-восточной части городища не был доведен до конца. Также не завершены работы на северном валу, поставленные для выяснения конструкции вала. Основные работы были сосредоточены на раскопе II (площадь в 204 кв. м) в центре городища на низком холме (высотой 85 см). Культурный слой раскопа II толщиной до 1.4 м залегал частично ниже основания холма-тепе.

В раскопе выявлено три горизонта культурного слоя. Верхний, разрушенный (толщиной 0.0—0.2—0.4 м), содержал отдельные скопления культурных остатков. Наряду с ранней керамикой здесь оказались обломки грубой, маловыразительной посуды, которую обычно относят к раннесредневековому периоду.

Средний горизонт (толщиной 0.4—1.0 м) состоит из лёссовидного суглинка более темного цвета с соляными скоплениями, костями животных и керамикой. В нижнем горизонте (1—1.4 м) обнаружены остатки глинобитной постройки, стены которой, сохранившиеся на высоту до 50 см легко выделяются в рыхлом культурном слое благодаря своей твердости и отличию в цвете. От постройки до нас дошли две параллельные стены длиной более 11 м и толщиной 80—90 см. Помещение ориентировано по направлению с СЗ на ЮВ. Ширина его равна 3 м. К помещению под прямым углом примыкают стены еще двух комнат шириной также в 3 м (табл. XXXV).

Полностью планировку этой постройки, выходящей за границы раскопа, не удалось установить.

Судя по этим наблюдениям, можно говорить о существовании на Эйлатанском городище глинобитных построек с длинными и узкими комнатами. На городище обнаружена также небольшая комната размером 2×3.7 м.⁴ Последовательность и общий характер культурных напластований в нашем раскопе полностью повторяют то, что было отмечено Б. А. Латыниным, и находят подтверждение в последних работах Т. Г. Оболдуевой.

В нижнем и среднем горизонтах преобладали находки ранней крашеной посуды. Она встречена и в верхнем горизонте. Но в верхнем горизонте обнаружена также грубая толстостенная раннесредневековая посуда. Здесь же выявлены строительные остатки, синхронные этой керамике. Средневековая керамика на городище совершенно отсутствует. Следовательно, в истории Эйлатана можно выделить два периода: 1) древний, собственно эйлатанский и 2) раннесредневековый.

Основным периодом был первый, поскольку в комплексе находок на городище преобладает ранняя крашеная посуда и поскольку именно в это время сложилась конфигурация поселения и построены оборонительные укрепления. Напомним, что Эйлатан состоит из двух частей: укрепленного бесцитадельного поселения с наземными постройками и большого незастроенного участка между внутренним и внешним валами, который, по всей вероятности, мог быть использован как загон для скота. Такая планировка поселения и огромные размеры выделяют его среди всех известных памятников Ферганской долины и других областей Средней Азии. По своей конфигурации и размерам Эйлатан отличается от городищ Ферганы древнего и средневекового периодов. Для поселений первого периода характерны значительно меньшие размеры. Самое крупное городище древнего периода — Шурабашат имеет площадь около 70 га, Мархамат — 38 га. Наиболее типичные размеры поселений этого периода — 10—20 га. Эйлатан отличается от рассматриваемых поселений также своей конфигурацией, отсутствием цитадели и небольшой толщиной культурных напластований.

⁴ Раскопки Т. Г. Оболдуевой в 1960 г.

ний. Он не имеет сходства и со средневековыми поселениями, с их сплошной застройкой всей площади, разделением на шахристан и рабад. Следует, однако, отметить, что некоторые средневековые поселения по размерам близки Эйлатанскому городищу или даже превышают размеры его.

В Средней Азии пока известно только одно крупное поселение древнего периода с двойной линией стен — городище Ер-Курган в Каршинском оазисе площадью в 150 га.⁵ Однако этот памятник отличается от Эйлатана наличием цитадели и сплошной застройкой всей площади. Сравнение Эйлатана с другими памятниками Ферганы и соседних областей Средней Азии заставляет полагать, что общая конфигурация, а следовательно, и оборонительные укрепления Эйлатана, по-видимому, возникли в первоначальный период существования поселения.⁶

Для определения времени сооружения оборонительных стен Эйлатана важные материалы получила Т. Г. Оболдуева в 1960 г. Восточная стена внутреннего городища была разрезана поперечной траншеей. Это позволило изучить устройство ее. Она сооружена из слоев глины, гуваялка и облицована сырцовым кирпичом (кирпичи размером 30×30, 28×37, 33×38, 40×42, толщиной 8—10 см, со своеобразными тамгами). Они отличаются от раннесредневекового кирпича. Построена стена на стерильном слое. С наружной и внутренней стороны стены найдены обломки ранней керамики. Все это заставляет относить сооружение стены к раннему (собственно эйлатанскому) периоду жизни поселения.⁷

⁵ С. К. Кабанов, II, 1950, стр. 106—109, рис. 10.

⁶ Некоторое сходство городище Эйлатан имеет также со скифскими городищами южнорусских степей, такими, как Немировское, Каменское, Бельское и другие, которые занимают огромную площадь, имеют двойную линию укреплений и включают большие незастроенные участки — загонды для скота.

⁷ По этому вопросу Б. А. Латынин придерживается другой точки зрения. Он считает, что укрепления Эйлатана сооружены на месте древнего поселения позднее (по-видимому, в V—VII вв. н. э.). Единственным основанием для такого предположения служат находки на городище раннесредневековой керамики (Б. А. Латынин, I, 1961б, стр. 125). Однако нам неизвестно ни одно раннесредневековое поселение в Средней Азии, которое имело бы аналогичную планировку. Нет оснований датировать строительство укреплений поздним периодом, так как строительные остатки этого периода на городище весьма незначительны так же, как и находки раннесредневековой керамики.

Поздняя керамика встречена только на внутреннем городище.⁸ Из этого вытекает, что в раннесредневековый период никакого увеличения заселенной площади на городище не произошло и поэтому нет оснований относить строительство укреплений к раннему средневековью. Принимая во внимание все сказанное, можно с достаточным основанием считать, что планировка городища Эйлатан и укрепления его могут относиться только ко времени употребления керамики раннего периода. В последующее время городище было заброшено и затем вновь было обжито только в раннее средневековье, когда оно являлось рядовым поселением.

Перейдем к рассмотрению находок. Помимо керамики, которая составляет основную массу находок, на городище найдено несколько зернотерок, обломок круглого каменного навершия булавы (?) небольшого размера, глиняное прясло конической формы с выемкой на плоском конце и каменный оселок (табл. XXXVIII, 22, 23).

Комплекс керамики Эйлатана состоит из следующих типов:

I — крашенная и расписная;

II — нерасписная;

III — сероглиняная (кухонная), с примесью известковых частиц;

IV — тонкостенная посуда с желтоватозеленым ангобом, изготовленная на гончарном круге.

Посуда первых трех типов изготовлена от руки.

I тип — крашенная лепная посуда (табл. XL, 1, 2). Масса ее пористая, серовато-оранжевого цвета со следами растительной примеси. Поверхность сосуда заглажена и покрыта жидкой лиловато-красной облицовкой. Несмотря на это, на ней видна густая сеть мельчайших трещинок. Преобладает монохромная окраска всего сосуда или только верхней его части. На некоторых обломках краска лучшего качества и яркого карминнофиолетового цвета. Наиболее характерными формами являются круглодонные чаши с прямым, вогнутым внутрь или слегка отогнутым краем. Они различаются по профилировке и по размерам. Для этих чаш очень характерна такая деталь, как украшение чаши внутри по венчику полоской краски.

⁸ На поверхности внешнего городища керамики вообще не обнаружено, за исключением расписной чаши, найденной возле городища в 1926 г.

Иногда на внутренней поверхности сосудов встречаются горизонтальные и вертикальные полосы размазанной краски. Наносили их небрежно, вероятно тряпкой, смоченной в краске. Хотя рассматриваемые полосы также служат украшением сосуда, но этот прием украшения следует отличать от собственно расписного орнамента. Из других форм встречены сосуды на высоком кольцевом поддоне, кубковидные сосуды на высокой подставке (от них сохранились только подставки), небольшие кувшины, плоскодонные плочки с наклонными стенками (табл. XXXVI—XXXVIII). Среди посуды I типа имеются сосуды с плоским дном и дисковидным поддоном.

Круглодонные чаши формовались, как правило, на матерчатом шаблоне, отпечатки которого мастер старательно замазывал, но они часто все же видны. Отпечатки ткани встречаются также на внутренней поверхности сосудов с плоским дном. Эти находки снимают сомнения, высказанное в литературе относительно возможности изготовления плоскодонной посуды на матерчатом шаблоне. Отпечатки ткани обнаружены преимущественно на обломках керамики I типа. В нашем материале представлены отпечатки ткани разного переплетения: полотняного, репсового и саржевого. Интересен черепок, на котором отпечатался шов на ткани. На матерчатом шаблоне изготовляли не только небольшие чаши, но и сосуды большого, в 40—50 см диаметра.

Особо выделяется расписная керамика. Всего известно три фрагмента с росписью буро-красноватой краской по лиловому фону.⁹ На фрагменте венчика небольшой чаши имеется орнамент в виде шевронов, углами обращенных вправо. С внутренней стороны его по краю венчика проходит полоска краски (табл. XXXVI, 31). От другого сосуда сохранилась часть поддона с росписью (табл. XXXVI, 32). Следы росписи прослеживаются еще на одном черепке.

К этой группе можно присоединить найденную И. А. Анбоевым расписную чашу из окрестностей Эйлатана. Она украшена двумя рядами треугольников, заштрихованных параллельно одной стороне или углами.¹⁰

Посуда I типа, по всей вероятности, представляла известную ценность для ее хозяев. Разбитые сосуды не выбрасывали, старались починить, и на некоторых фрагментах видны следы починки в виде просверленных отверстий.

II тип посуды отличается по ряду признаков от первого (табл. XL, 3). Посуда толстостенная и формовалась из глины с большой примесью дресвы. Поверхность сосудов не заглажена, серовато-оранжевого цвета. К этому типу относятся большие корчаги с прямым туловом и слегка выделенной закраиной, диаметр горловины одной из них равен 44 см (табл. XXXVIII, 1); кувшины с отогнутым венчиком (табл. XXXVIII, 2), горшки, глубокие миски, чаши и др. (табл. XXXVIII, 3—16). Характерную особенность керамики этого типа составляет украшение по бортику круглыми ямками разной величины (табл. XXXVIII, 5—11). На сосудах часто встречаются конические налипные ручки-выступы (табл. XXXVIII, 14—15). Чаши, относящиеся к этому типу, имеют большие размеры — до 34 см в диаметре, края их загнуты внутрь и часто верх у них скошен (табл. XXXVIII, 19—20).

III тип — сероглиняная (кухонная) посуда с большой примесью дресвы и толченого известняка выделяется составом массы и цветом (табл. XL, 4). Черепок в изломе рыхлый, обжиг слабый. Все обломки этой посуды, как правило, сильно закопчены. На городище керамики этого типа найдено очень мало. На одном фрагменте имеется налип в виде подковки (табл. XXXVIII, 17), на другом — коническая налипная ручка-выступ (табл. XXXVIII, 18). Кроме того, найден обломок плоского дна от кухонного сосуда.

IV тип — посуда, изготовленная из легкой глины на гончарном круге (табл. XL, 5). Масса однородная, без примесей и хорошо обожжена. Сосуды тонкостенные и покрыты желтовато-розовым ангобом. Керамика этого типа представлена чашами разной профилировки с резко загнутыми внутрь стенками и горшками с невысокой горловиной двух размеров (табл. XXXIX). На некоторых сосудах встречается налипной валик в основании бортика, что составляет особенность сосудов этого типа.

Форма дна у посуды Эйлатана разнообразна: встречаются сосуды плоскодонные, с уплощенным дном, круглодонные, а также на поддоне с углублением в середине. Боль-

⁹ В материалах Б. А. Латынина и Т. Г. Оболдуевой, расписная керамика отсутствует.

¹⁰ Б. А. Л а т ы н и н, 1, 1960, стр. 90—92.

Таблица 10

Распределение по типам керамики Эйлатана из раскопок Б. А. Латынина в 1934 г.

Тип керамики	К-во фрагментов	В том числе в нижнем горизонте	%
I. Крашенная и расписная	590	76	62.3
II. Нерасписная	125	5	4.2
III. Сероглиняная (кухонная)	7	2	1.7
IV. С розоватым ангобом (станковая)	409	21	17.9
Раннесредневековая и неопределенные фрагменты	190	13	11.1
Итого	1321	117	97.2

шую редкость представляют сосуды на высоком кольцевом поддоне (табл. XXXVI, 38, 39). Наряду с кубковидными сосудами обнаружены цилиндрические полые подставки от кубковидных сосудов иных форм (табл. XXXVI, 33).

Для сравнительного изучения керамического комплекса Эйлатана в целом наибольшее значение имеют находки керамики I и IV типов. Количество керамики разных типов показано на табл. 10, составленной на основании проведенного автором разбора и подсчета материалов из раскопок Б. А. Латынина.

Всего на площади в 42 кв. м было собрано (по инвентарной описи) 1424 предмета, главным образом фрагментов посуды. Во время раскопок была взята почти вся керамика. Нами просмотрен 1321 фрагмент. Почти половину всех находок — 45% составляет керамика I типа. В нижнем горизонте находки этой посуды преобладали. Следующее место по количеству находок занимает станковая керамика IV типа, причем она встречается в большом количестве и в самом нижнем горизонте. Посуда остальных типов составляет примерно одну четвертую часть всех находок. Вызывает удивление небольшое количество кухонной керамики — всего 7 фрагментов.

Такое же количественное соотношение посуды разных типов отмечено и по нашим материалам. Из 2 007 фрагментов керамики к I типу относится 824 (41.5%), к IV типу — 643 (32.3%). Остальная керамика во время раскопок не была дифференцирована.

Других аналогичных Эйлтану поселений, которые полностью бы относились к этому периоду, в Фергане пока не выявлено. Но в разных пунктах Ферганской долины на многослойных памятниках обнаружены или культурные слои с эйлтанской керамикой или отдельные находки ее. Рассмотрим эти памятники, начиная с ближайших, расположенных в окрестностях городища Эйлтан.

2. Тепе Кугай (размером 48×33 м при высоте 1.9 м)¹¹ расположено в 12 км к северу от Эйлатана, в 0.5 км восточнее ж. д. среди хлопковых полей в районе ж. д. ст. Кугай (табл. I, 45). В 1933 г. Б. А. Латынин на этом тепе заложил два раскопа (площадь в 6 и 40 кв. м). В верхних слоях тепе обнаружены остатки глинобитной постройки с деревянными балками, пол которой находился на глубине 70 см от поверхности. В помещении найдена керамика с красным ангобом и процарапанным орнаментом.¹² Формы посуды (круглодонная чаша с перехватом стенок,¹³ плоскдонные кувшины с округлым, приземистым корпусом и непропорционально большим дном,¹⁴ цилиндрические кружки без ручек и др.) характерны для последних веков до н. э. и первых веков н. э. В западной части тепе при продолжении работ в 1934 г. на полу найден железный трехперый наконечник стрелы с черешком

¹¹ Б. А. Латынин, I, 19356; рис. 100, 103—105, 107, стр. 132.

¹² Б. А. Латынин, I, 19356, стр. 133—134, рис. 109, 114.

¹³ Там же, рис. 110, 1—3.

¹⁴ Там же, рис. 113, 1—4.

(длиною 9,2 см), который можно датировать III—IV вв. н. э.¹⁶

В нижнем слое обнаружено небольшое количество керамики эйлатанского типа.¹⁶ Следовательно, на этом тепе слой с эйлатанской керамикой был перекрыт слоем с красноангобированной посудой.

3. Поселение юго-восточнее Тюячи (на строительном участке 9 БФК пк 188—189) находится на высокой террасе правого берега Майли-Су (табл. I, 49). На поверхности никаких следов поселения не наблюдалось. На трассе канала культурный слой толщиной 1—1,5 м прослежен на расстоянии 200—250 м. На поселении найдены полусферические лепные чаши, сходные с чашами из погребений на СФК, грубые кувшины с плоским дном и широким туловом, низкие горшочки, глубокая миска на поддоне, корчага высотой 50 см, а также большое количество плоских зернотерок.¹⁷ Отсюда же происходит и красноангобированная посуда.

4. Небольшое городище возле сел. Тюячи, к З от трассы БФК, на высоком мысу надпойменной террасы (табл. I, 50). Оно состоит из двух частей — прямоугольной площадки с валами (размером 30×40 м) и холма-вышки, отделенных глубоким рвом с напольной стороны. На поселении преобладала красноангобированная керамика. Здесь же найдена лепная керамика, покрытая жидкой красной матовой краской, сходная с керамикой городища Эйлатан.¹⁸

5—7. Керамика эйлатанского типа обнаружена еще в трех пунктах на трассе БФК около сел. Лугумбек (строительный участок 8; пк 143, 156, 160; см. табл. I, 46—48). Отсюда происходят полусферические чаши,¹⁹ плоскодонные сосуды с широким туловом,²⁰ горшочки с отогнутым краем венчика.²¹ Перечисленные поселения и отдельные находки располагаются в ближайших окрестностях городища Эйлатан. Тепе у Куя находится в 12 км к С от городища, а памятники, выявленные на трассе БФК у сел. Тюячи и Лугумбек, примерно на та-

ком же расстоянии к СВ и В. Все эти памятники занимают концевые участки веера р. Майли-Сай и составляли, очевидно, в период бытования крашеной керамики единый комплекс — один земледельческий оазис с центром на городище Эйлатан.

8. Городище Шурабашат на правом берегу р. Яссы в Узгенском оазисе.²² В комплексе городища наряду с керамикой, представляющей дальнейшее развитие типов посуды Эйлатана, имеется керамика, совершенно сходная и идентичная с крашеной посудой I типа и станковой посудой IV типа Эйлатана.²³ На рассмотрении комплекса Шурабашата остановимся ниже.

9. Кара-Дарьинское городище на правом берегу р. Кара-Дарьи, к ЮВ от Узгена.²⁴ Здесь, в керамическом комплексе, близком к Шурабашату, также встречена крашенная и станковая посуда, сходная с I и IV типами классификации керамики Эйлатана.

10. Тепе на 11 км к С от г. Ош, по дороге в Карасу (табл. I, 51). В 1947 г. автор провел разведывательные работы на тепе. При этом обнаружено, что верхние слои относятся ко времени бытования керамики с красным ангобом. Здесь найден обломок железного трехгранного наконечника стрелы с черешком. В нижних слоях тепе оказалось несколько обломков крашеной керамики, сходной с эйлатанской.²⁵ В последние годы тепе скрыто при землеустроительных работах.

11. Караул-Тепе возле сел. Кува, на берегу р. Кува-Сай (табл. I, 52). В плане оно овальной формы, размером 80×40 м, с возвышением в южной части. На поселении, помимо керамики с красным ангобом, обнаружена круглодонная чаша с прямыми стенками, украшенная росписью. Узкие горизонтальные полосы темно-коричневой краски делят поверхность чаши на два пояса: верхнюю, заполненную треугольниками, и среднюю — параллельными линиями. Ниж-

¹⁶ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, стр. 10—33.

¹⁷ Ю. А. Заднепровский, I, 1959б, рис. 29 и 30.

¹⁸ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, стр. 33—41.

¹⁹ На основании этих материалов А. Н. Бернштам, исходя из заниженной датировки Эйлатанского комплекса, отнес тепе к памятникам эпохи бронзы. См.: А. Н. Бернштам, I, 1952а. Историко-археологическая классификация памятников., № 7.

¹⁶ Б. А. Латынин, I, 1961а, рис. 4.

¹⁷ Б. А. Латынин, I, 1935б, стр. 134, рис. 111, 4; 117, I, 4, 5; 118, 13—15.

¹⁸ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 24—25, табл. IX.

¹⁹ Там же, стр. 35—36; ср.: стр. 23.

²⁰ Там же, стр. 23—24.

²¹ Там же, табл. IX, 7.

²² Там же, табл. IX, 3.

няя часть оставлена без украшения. Высота чаши — 8 см, диаметр — 11 см.²⁶

12. Поселение Сым-Тепе в центре г. Ферганы, на левом берегу Маргелан-Сая. Ранее оно занимало большую площадь. Сохранилось в виде небольшого останца (табл. I, 58). Раскопки Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой в 1957—1958 гг. выявили следующую последовательность культурных слоев. В нижних слоях находилась керамика с красным ангобом, а также станковая, сходная с посудой IV типа Эйлатана, и лепная крашенная. Из верхнего слоя происходит средневековая керамика.²⁷ Стратиграфически керамика эйлтанского типа не выделяется.²⁸

13. Тюря-Курганское поселение на левом берегу р. Кассан-Сай, у сел. Тюря-Курган — многослойный памятник, открытый Ю. Г. Чулановым. В керамическом комплексе поселения, как уже было сказано, наряду с чустской керамикой оказалась посуда эйлтанского типа и красноангобированная.

14. Кара-Курганское поселение в центре одноименного поселка, в долине р. Коксарек-Сай. Ю. Г. Чуланов, как мы уже говорили, собрал здесь разнообразную керамику. Особо отметим материалы промежуточного типа, сочетавшие признаки чустской и эйлтанской посуды.

15. Городище Мунчак-Тепе у с. Пап, на правом берегу Сыр-Дарьи (табл. I, 62). В материалах из шурфа М. Э. Воронца в 1951 г. наряду с многочисленными находками красноангобированной посуды оказались несколько фрагментов крашеной керамики, аналогичной Эйлтанской.²⁹

16. Городище Ахсыкет — столица средневековой Ферганы на правом берегу р. Сыр-Дарьи, к Ю от сел. Тюря-Курган. Во время обследования М. Е. Массона и Т. Г. Оболдуевой в 1939 г. на городище найдена архаическая расписная керамика. По заключению Т. Г. Оболдуевой, эта керамика относится к эйлтанскому комплексу.

В Южной Ферганае выявлена группа могильников, содержащих материалы, сходные с комплексом Эйлтанского городища.

17. Актанский могильник³⁰ расположен в 9 км к Ю от г. Фергана, на южном крае первой линии адыров (табл. I, 57). Он состоит из 76 курганов, относящихся к двум хронологическим группам. Курганы первой группы сложены из булыжников и представлены двумя разновидностями: малые курганы, округлые в плане (диаметром 3—5 м, высотой до 50 см), и длинные, вытянутые с С на Ю, разных размеров — от 6×3 до 74×4 м, при высоте до 50 см. Малых курганов в могильнике — 49, длинных — 13. Раскопано 31 курган (10 длинных и 21 малый курган), в которых оказалось 118 могил и 233 погребения. В малых курганах находилось по одной грунтовой могиле, в длинных же — от 3 до 42 могил, расположенных в ряд. Все погребенные лежат в вытянутом положении, головой, как правило, на З. В большинстве могил находились останки от 2 до 4 человек.

В могильнике найдено большое количество глиняной посуды — лепной и станковой, изготовленной на гончарном круге. Посуда ручной выделки формовалась на матерчатом шаблоне, поверхность ее окрашена красноватой краской. Типичными формами являются полусферические чаши и миски.³¹

Особо надо выделить расписную посуду. В орнаменте господствуют геометрические мотивы — углы, треугольники с сетчатым заполнением, зигзаги, ленты, заштрихованные косыми линиями, и др. Узоры нанесены темно-коричневой краской по беловатому фону.³²

Станковая керамика тонкостенная, с беловатой облицовкой. Основные формы ее — горшки двух размеров (диаметром в 10—12 и 22—24 см), открытые чаши, узкогорлый кувшин.³³ Очень характерно для этих сосудов наличие валика у основания бортика сосуда.

Инвентарь погребений,³⁴ относительно бедный, включает изделия из бронзы (наконечники стрел, бронзовые булавки). Довольно многочисленны железные изделия

²⁶ В. Д. Жуков, I, 1940. Расписная чаша хранится в Ферганском Областном музее.

²⁷ Результаты раскопок 1957 г. Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой не опубликованы.

²⁸ Указание (Ю. А. Заднепровский, I, 1960г, стр. 42—43) на стратиграфию слов Сым-Тепе, основанное на результатах работ Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбурга (1957 г.), не подтвердилось и должно быть снято.

²⁹ Коллекция хранится в Музее истории УзССР в г. Ташкенте, фрагмент МТ/461 и др.

³⁰ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а.

³¹ Там же, рис. 30, 1—13.

³² Там же, рис. 31; 30, 24, 27.

³³ Там же, рис. 30, 14—23.

³⁴ Там же, рис. 29.

(ножи, пряжки, булавки, кольца, подвески); поделки из камня (оселки, грузики, сурьматаш) и кости (пряжки, роговая пластинка с изображением человека),³⁵ а также украшения (бусы, раковины каури и др.).

Ко второй группе относятся курганы с захоронениями в катакомбных могилах первых веков н. э.

18. Суфанский могильник расположен в 3 км к С от сел. Суфап (в 15 км к В от г. Фергана), на краю адыров (табл. I, 56). Всего зарегистрировано около 80 курганов, относящихся к двум хронологическим группам. Первая представлена длинными и малыми курганами Актамского вида. Раскопано 4 кургана с 16 могилами. В них находились останки одного или двух-трех человек. Все погребенные лежат на спине, головой на З. В могилах обнаружена глиняная посуда, сходная с Актамской, и много женских украшений. Захоронения второй группы относятся к более позднему времени — к первым векам н. э.

19. Валикский могильник находится к Ю от сел. Иски-Валик (в 20 км к ЮВ от г. Фергана), на южной полосе адыров, в долине р. Кува-Сай (табл. I, 55). Он состоит из двух длинных и двух малых курганов. Вскрыто два малых кургана, сходных по устройству могилы, погребальному обряду и инвентарю с Актамским могильником.

20. Кунгайский могильник — в 500 м к ЮВ от сел. Найман (в 30 км к ЮВ от г. Фергана) на склонах северной полосы адыров, в долине р. Кува-Сай (табл. I, 54). Всего в могильнике 21 курган. Из них 4 длинных (до 30 м длиной), остальные — малые. Вскрыто 4 длинных и 13 малых курганов. Могильник отличается от Актама по устройству погребального сооружения. Захоронения совершались в каменных овальных или прямоугольных выкладках, возведенных на древней поверхности. Почти все погребенные лежали на уровне древней поверхности в вытянутом положении на спине, головой на З. В каменных выкладках, как правило, погребения одиночные. В Кунгае найдено большое количество целых сосудов. Остальной инвентарь беден и состоит из двух бронзовых наконечников стрел, железных ножей, браслетов и булавок, нескольких каменных оселков, навершия булавы, сурьматашей,

а также глиняных пряслиц и поделок из кости.³⁶

21. Нияз-Батырский могильник находится в 4—5 км к В от сел. Нияз-Батыр (в 50 км к СВ от г. Фергана по прямой), на адырах (табл. I, 53). Он состоит из 8 курганов. Имеются длинные курганы с несколькими могилами. Раскопано 5 курганов с захоронениями в неглубоких грунтовых могилах, ориентированных с З на В. Все могилы ограблены и костяки не сохранились. Найдено несколько обломков глиняной посуды и глубокая чаша с расписным орнаментом, аналогичная актатской керамике.³⁷

К этой группе памятников надо присоединить погребения, обнаруженные в двух пунктах на трассе СФК и на БФК.

22. Погребения на западной окраине городища у сел. Касканьяр (Чек),³⁸ на правом берегу Нарына (строительный участок 3 СФК; см табл. I, 60). На трассе канала на глубине 2.5 м найдено несколько полусферических чаш с вогнутыми краями, покрытые жидкой буро-красной облицовкой. На некоторых чашах имеются полузатертые отпечатки ткани. Автор имел возможность осмотреть только три чаши.³⁹ Все чаши почти одинаковой, несколько асимметричной формы, с прямыми слегка вогнутыми стенками.

23. Погребение у сел. Найманча (строительный участок 12 СФК; см табл. I, 61). Отсюда происходит аналогичная полусферическая чаша (инв. № 41/74, высота чаши — 9 см, диаметр — 16 см).⁴⁰ К инвентарю этих погребений принадлежат каменные плоские точилки с отверстием, очевидно сурьматаша. Чаши из погребений на СФК Т. Г. Оболдуева на основании сходства с усуньской керамикой датировала III—II вв. до н. э. К сожалению, особенности работ на канале не позволили установить устройство могилы и погребальный ритуал.

24. Погребения к СВ от Маргелана, на строительном участке 21 БФК (пк 481—496;

³⁵ Н. Г. Горбунова, I, 1961б.

³⁷ В. И. Козенкова, I, 1959, стр. 57—59.

³⁸ Т. Г. Оболдуева, I, 1940, стр. 30, рисунок.

³⁹ Чаши хранятся в ИИА АН УзССР — инв. № 41—3/19, 21, 34; размеры их: высота — 9.2 см, диаметр — 14 см; высота — 7 см, диаметр — 12.4 см; высота — 9—10 см, диаметр — 15.2 см. Одна из опубликованных чаш значительно большего размера — диаметр ее равен 24 см.

⁴⁰ Т. Г. Оболдуева, I, 1940, стр. 31.

³⁵ Н. Г. Горбунова, I, 1960, рис. 22.

см. табл. 1, 59). Здесь найдено несколько сосудов, сходных с усуньской посудой. В одном месте зафиксировано положение костяка, лежавшего головой на В. Возле него стояли две толстостенные круглодонные миски с костями животных, каменное грузило и большая зернотерка с сильно сработанной поверхностью.

На месте могильника собраны каменные терки, пуговицы, сурьматаш, бронзовый одноплезвийный нож, близкий по форме с тагарскими ножами из Южной Сибири, а также обломок железного орудия, первоначальную форму которого нельзя было установить.⁴¹ Сходство керамики и особенно формы полусферических чаш позволяет сближать эти погребения с открытыми на СФК.

II. ШУРАБАШАТСКИЙ ПЕРИОД

1. ГОРОДИЩЕ ШУРАБАШАТ

Городище у сел. Шурабашат расположено на правом низком берегу р. Яссы в 8 км по прямой к СЗ от Узгена и на таком же расстоянии к В от места слияния Яссы с Кара-Дарьей. Оно занимает часть поймы реки и пологие склоны гор (рис. 22). Развалины как бы прижались к горной гряде водораздела Яссы — Чанкент-Сая. Размеры городища велики — примерно 1400 × 500 м. и оно занимает площадь более 70 га. Городище вытянуто с З на В вдоль реки и состоит из трех частей, называемых Шурабашат I, II, III (табл. ХLI). Единая оборонительная стена окружает поселение с трех сторон: с запада, севера и частично с востока. Стена сохранилась в виде широкого земляного вала длиной до 3 км и высотой в 6 м с многочисленными возвышениями, вероятно остатками башен. С южной стороны, со стороны реки, укреплений не обнаружено. Здесь располагаются современные постройки. К ЮВ от городища находится четырехугольный турткуль (Шурабашат IV).

Городище I (западное) занимает возвышенный участок склона горы. С З и С проходит общий с Шурабашатом II земляной вал. С южной и восточной сторон укрепления не прослежены. Шурабашат I имеет сложный рельеф и состоит из отдельных площадок, разделенных глубокими лощинами. Почти вся его площадь ныне занята посевами.

В юго-западном углу городища расположено современное кладбище, на поверхности которого находили целые и разбитые сосуды древнего периода, выброшенные при рытье могил. Судя по этим находкам, здесь, очевидно, было древнее кладбище. На юго-западном выступе видны выходы скальной породы, использованные жителями поселения при сооружении оборонительной стены-вала.

Городище II представляет собой низкую ровную площадку, ныне также занятую посевами. Только в северо-западном углу его возвышается пологий холм-тепе, на котором производились основные работы (раскоп I и II). С северной стороны проходит общий земляной вал. С западной стороны оно отделено от городища I особой стеной и рвом, которые расположены перпендикулярно северному валу (рис. 22, 3). На этой стене также имеются возвышения-башни. В настоящее время меридиональный вал не доходит и не соединяется с северным валом. С южной стороны границей служит край береговой террасы. Здесь среди современных построек также были выявлены остатки земляного вала. И только на восточном краю не обнаружено следов укреплений. Глубокая лощина разрезает площадку городища II. На дне ее найдены обломки керамики шурабашатского типа.

Городище III является обособленной частью городища II и занимает юго-восточную часть его. В плане оно неправильной трапециевидной формы, размером 300 × 280 м. Городище окружено стенами со всех сторон. Только одна — северо-восточная стена является общей с Шурабашатом II. Остальные стены образуют отдельное, замкнутое укрепление. Сильно задернованные стены городища сохранились особенно хорошо. На поверхности его возвышается несколько холмов-тепе, разделенных впадинами, ныне заполненными водой. У северо-восточной стены находится высокий холм с плоской ровной вершиной и крутыми склонами. Он выделяется по размеру и, очевидно, служил цитаделью (рис. 23, 2). С западной стороны городище окружено глубоким рвом.

Шурабашат IV (турткуль) расположен уже в пойме реки. Он представляет собой ровную площадку, окаймленную земляными валами. Вся площадь его занята посевами.

Городище Шурабашат находится среди большого скопления тепе. Восточная группа тепе растянута на несколько километров и

⁴¹ В. Д. Жуков, 1, 1951, стр. 46, 48, табл. 11.

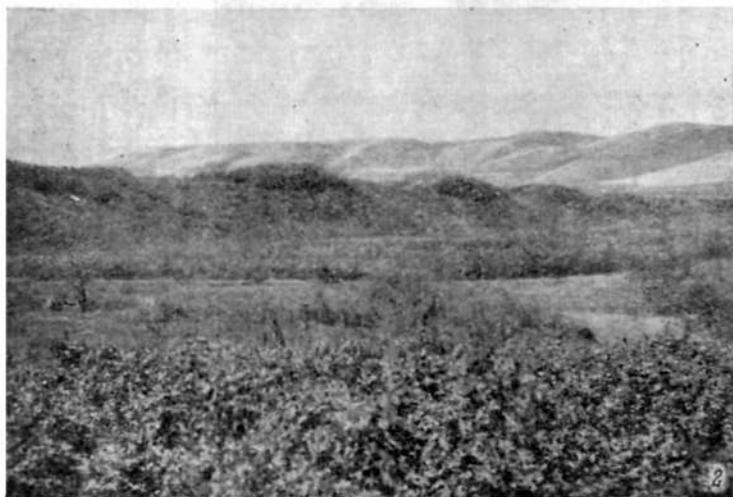

Рис. 22. Городище Шурабашат.

1 — общий вид; 2 — северный вал городища; 3 — вал, разделяющий первое и второе городища.

смыкается с группой тепе у сел. Джиланда в 12 км от Шурабашата. Другая группа тепе находилась к ЮЗ от городища в пойме Яссы.

выявлено несколько поселений, имеющих слои с шурабашатской керамикой. Следовательно, Шурабашат являлся центром боль-

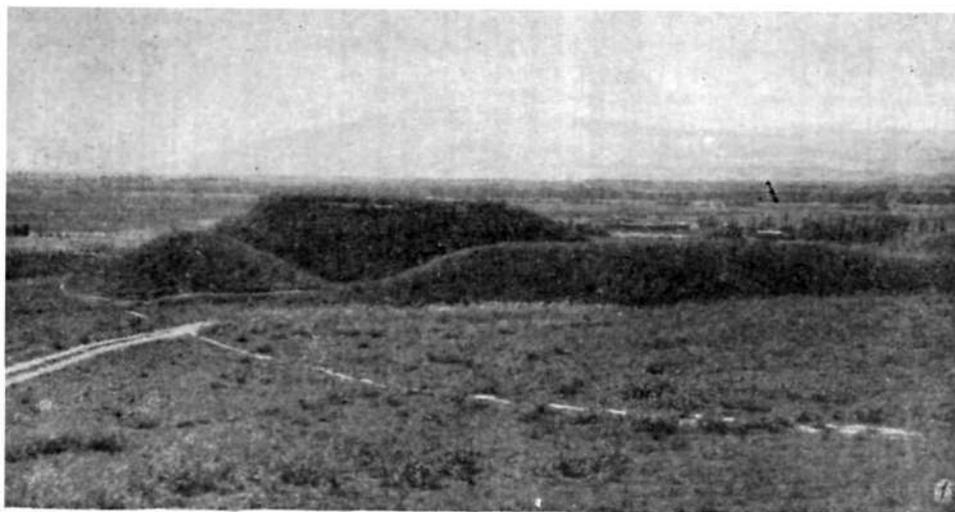

Рис. 23. Городище Шурабашат III.

1 — общий вид; 2 — цитадель.

Они срыты при землеустроительных работах в 1954 г. На всех обследованных тепе встречена керамика, сходная с шурабашатской. Помимо этих памятников, в долине Яссы, в ближайшем окружении городища,

шого земледельческого оазиса в долине р. Яссы.

Городище Шурабашат впервые обследовано Южно-Киргизским отрядом в 1954 г. Раскопки производились в течение четырех

полевых сезонов (1954—1957 гг.) на всех частях городища. На городище I заложено четыре шурфа и собрана керамика древнего периода на поверхности современного кладбища в юго-западном углу городища; в юго-восточной части (пункт 15) обнаружена средневековая керамика. На городище II — раскоп I и II и траншея на валу (объект V), а также подъемный материал из лощины в центре городища. На городище III работы проводились в раскопе III на цитадели, в раскопе IV и шурфе 4 на основной площадке. За пределами городища, к С от него произведена зачистка в пункте 3, где найдена большая миска. К ЮЗ от городища собрана керамика и расчищены хумы на месте разрушенных тепе (пункты 5а и 5б) и еще один хум в пункте 6. Здесь же в пяти пунктах заложены шурфы 7, 9, 10, 11 и 12. Шурабашатская керамика найдена при сооружении силосной ямы к 3 от городища (пункт 8).

В результате работ получен большой материал, главным образом керамика из раскопов, шурфов и зачисток — всего из 21 пункта в разных частях городища и за его пределами.

Шурабашат I

На городище I для выяснения характера культурных отложений заложено четыре шурфа: в центре, в северной, северо-западной и юго-западной частях его (номера шурфов соответственно 13, 2, 14, 1).

Шурф 1 (размером 3,2 × 2 м) в юго-западной части городища находится в 35 м к В от вершины западного вала. Он заложен на самой высокой площадке, возвышающейся над всем городищем. В нем на глубине 1 м в однородном лёссовом грунте обнаружены остатки сильно разрушенного костяка человека. По положению нижних конечностей и черепа можно заключить, что погребенный лежал на левом боку, с подогнутыми коленями, головой на СЗ. Несколько выше костяка найдено два обломка малохарактерной керамики. Больше никаких следов культурного слоя в шурфе не оказалось. На всю вскрытую глубину проходит однородный лёссовый грунт. Время захоронения ввиду отсутствия находок установить невозможно.

Следов культурного слоя и строительных остатков в других шурфах также не обнаружено, за исключением небольшого количества невыразительной керамики в верхнем почвенном слое.

Принимая во внимание, что в четырех разных пунктах городища I не оказалось следов культурного слоя и на поверхности его, в отличие от остальных частей поселения, керамика встречается очень редко, можно предположить, что огромная площадь его, занимающая почти половину площади всего Шурабашатского городища, в древности не была заселена или, по крайней мере, была мало обжита.⁴² Судя по характеру культурных отложений, Шурабашат I имел иное назначение и использовался иначе, чем другие части поселения. Он служил, вероятно, убежищем для окрестного населения и загонем для скота во время нападения врага.

Такое заключение тем более вероятно, что все части древнего поселения существовали одновременно, так как они окружены одной оборонительной стеной и содержат одинаковую керамику. В этом отношении показательны немногочисленные сборы на поверхности городища I и особенно находки на месте современного кладбища. Здесь найден почти целый глиняный котел с плоским дном и двумя подковообразными ручками у края. По бортику его проходит полоса карминно-фиолетовой краски (табл. XLVIII, 11). Отсюда происходит обломок вьючной фляги с плоским боком, покрытый желтоватым ангобом (табл. XLIX, 16). Обломки таких же фляг имеются в материалах из нижних слоев городища III. Другую форму представляет кружка с округлым туловом, слегка отогнутым венчиком, снабженная петлевидной ручкой с сосковидным выступом в верхней части ее. Кружка небрежно расписана узором в виде заштрихованного ромба (табл. LII, 3). Кружка сходной формы и с такой же ручкой, но только без росписи, а со сплошной буро-красного цвета окраской передана нам местными жителями (табл. LIII, 6).

Плоскодонный кувшин с выпуклым туловом и с петлевидной ручкой (высота — 18 см), покрытый беловатой облицовкой — ангобом. Верхняя половина его окрашена яркой карминно-фиолетовой краской (табл. LIII, 1). По форме, размеру и характеру украшения этот кувшин аналогичен сосудам из погребения в валу. Открытая чаша с плоским дном, диаметром в 13 см, снаружи

⁴² Находки средневековой керамики в юго-восточной части городища I (пункт 15) не связаны с культурным слоем и не могут служить свидетельством заселения его в этот период.

окрашена карминно-фиолетовой краской. На внутренней поверхности ее — остатки росписи. Рассмотренные сосуды являются типичными образцами комплекса керамики Шурабашата древнего периода.

Шурабашат II

Основные раскопочные работы на городище производились на тепе в северо-западном углу. В южной части его находится раскоп I и на расстоянии 60 м от него, на С — раскоп II.

В раскопе I (площадь 24 кв. м) прослежено два горизонта культурного слоя. Верхний горизонт (0.0—2.4 м) содержал остатки глинобитной постройки. В нижнем (2.4—3.2 м) — строительные остатки не обнаружены. Здесь вскрыт участок пола с двумя хозяйственными ямами. Дно ям залегало на отметке 4.65 м — на уровне дневной поверхности. Таким образом, жилые постройки были сооружены на невысоком естественном холме. Раскоп дал большое количество керамики, причем в находках обоих горизонтов не было замечено существенных различий. Других вещей не оказалось.

Раскоп II. Северный край его расположен в 23 м от края холма-тепе и на расстоянии 40 м от южной полы вала, окружающего городище с севера. Здесь вскрыто в 1955 г. — 96 кв. м (12×8), в 1956 г. — 48 кв. м (6×8) и в 1957 г. — 180 кв. м. Общая площадь раскопа — 324 кв. м. Длина его — 26 м, ширина — 8—16 м (табл. XLII, XLIII).

Культурный слой также можно расчленить на два горизонта. К верхнему (0.0—1.8 м) относится центральная стена с примыкающими к ней помещениями. Нижний горизонт (1.8—2.6 м) изучен на небольшой площади — около 20 кв. м. Толщина культурного слоя достигала 2.6—3.4 м. В северной и южной частях раскопа она была на 0.5—1.5 м меньше, чем в середине. К краю холма толщина культурного слоя уменьшалась и этим объясняется почти полное разрушение здесь строительных остатков.

Строительные остатки сохранились только в середине раскопа на участке длиной в 14 м.

В е р х н и й г о р и з о н т. Посредине вскрытого участка в направлении С—Ю с небольшим отклонением на 3 проходит массивная стена (называемая в дальнейшем центральной). Длина ее — около 20 м, толщина — 2.5 м, сохранилась она на высоту 1.4 м. Примерно в середине стены был, веро-

ятно, проем (в южной части кв. 9—10), так как на этом участке никаких следов ее не обнаружено. Стена сложена из крупных сырцовых блоков, размеры которых ввиду плохой сохранности нельзя было установить. В северном конце стена разделяется на две части. Толщина каждой из них — около 1 м. Восточный край стены прорезан хозяйственными ямами 12 и 17. Основание стены лежит на культурном слое на уровне пола помещений верхнего горизонта.

С обеих сторон к центральной стене примыкали под прямым углом помещения. Одно из них (размером 3.3×2 м) сохранилось полностью (на кв. 18). Эта небольшая комната расположена с западной стороны. Стены ее сложены из крупных блоков размером 0.65—1.0×0.7×0.8 м. Глинобитный пол залегал на отметке 1.3 м от поверхности тепе. Комната была забутована сырцовым кирпичом. В культурном слое выше помещения найдено скульптурное изображение головы человека.

К В находилось, вероятно, еще одно помещение (на кв. 8—10), ограниченное с южной стороны сильно разрушенной стеной. К этому помещению принадлежит хозяйственная яма 1. В ней найдено большое количество расписной керамики, в том числе носик маленького расписного сосуда, а также овальное прясло, обломок шаровидного прясла и бусина из египетской пасты (?).

На кв. 5—6 выявлены остатки помещения, также примыкающего с 3 к центральной стене. Сохранились части северной и южной стен. На полу расположен очаг, сложенный из трех зернотерок, лежащих в ряд рабочей поверхностью вверх. По краям поставлены по одной зернотерке на ребро в виде оградки. В помещении найдены костяные накладки на лук и шесть пряслиц.

На северо-восточном участке строительных остатков не оказалось. Здесь расчищена глинобитная площадка — пол с зольными пятнами и пятью хозяйственными ямами. Подобная утрамбованная площадка на том же уровне прослежена и в северо-западном углу раскопа.

К верхнему горизонту относится яма 5 на кв. 9 грушевидной формы. По размерам это самая большая яма на городище (наибольший диаметр — 2 м, высота — 2.2 м). На дне ее встречено много обломков хумов и каменный отбойник.

Наибольший интерес вызывает помещение на кв. 5, 7, 22, примыкавшее с В к цент-

ральной стене. От него сохранились две стены, образующие угол. Стены сложены из блоков (размером 0.6—0.7×0.9 м) и возвышаются на 30 см. Ширина помещения —

боку. Почти в середине помещения располагается горловина ямы 3, конической формы. В ней найдена целая крашеная чашечка с перехватом стенок, каменное острие (сурьма-

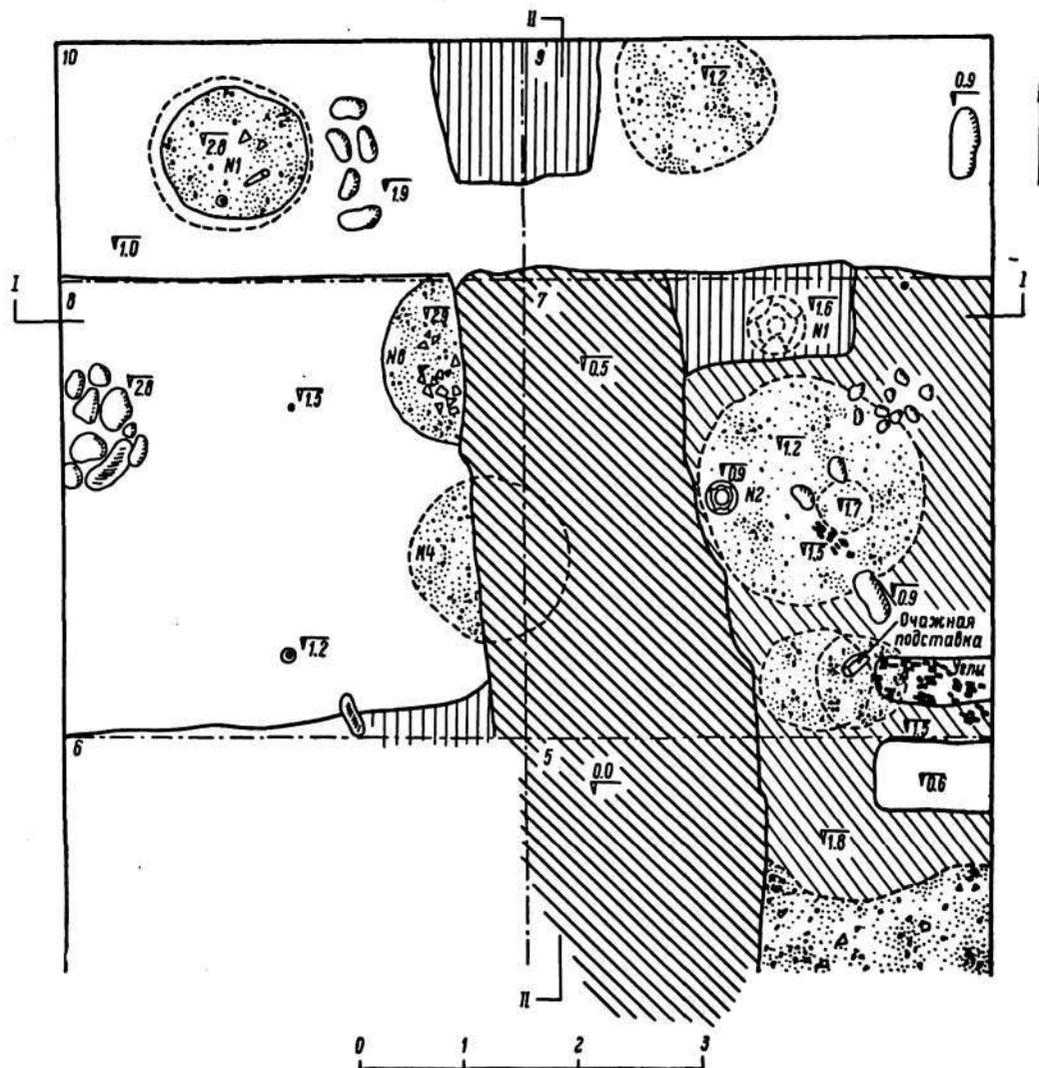

Рис. 24. Шурабашат II. План верхнего горизонта раскопа II.

4.5 м, длина сохранившейся части — 3 м. В юго-западном его углу находится очаг в виде скопления гальки, углей и золы (рис. 24). Возле него стояла корчага высотой в 50 см с отбитым венчиком. В очажном слое в западной части помещения обнаружена подставка зооморфной формы, лежавшая на

таш) и два обломка очажных подставок. Остатки еще одного очага и раздавленный глиняный котел занимают восточную часть помещения. Пол глинобитный, с небольшими ямками. Помещение, судя по характеру культурных отложений и насыщенности очажными остатками, имело хозяйственное на-

значение и, вероятно, служило кухней. Возле помещения найдена миниатюрная бронзовая поделка из двух соединенных бусинок.

В раскопе на площади 240 кв. м вскрыто 18 хозяйственных ям, которые группируются вокруг центральной стены. Большинство ям относится к верхнему горизонту. Они различаются по форме (конические, грушевидные, с приступкой вокруг дна, как у ямы 11) и по размерам (рис. 25; табл. 11). В результате

Таблица 11

Размеры хозяйственных ям раскопа II (в м)

Номер ямы	Диаметр		Глубина	Номер ямы	Диаметр		Глубина
	горловины	дна			горловины	дна	
Яма 1955 г.	0.9	1.5	1.5	9 з	—	—	—
1	1.0	1.4	1.8	10	0.9	0.7	1.0
2	—	1.2	1.31	11	1.0	1.7	2.15
3	0.65	1.4	1.5	12	1.5	2.1	0.9
4	0.7	1.6	1.4	13	0.9	1.9	2.3
5 ²	1.2	0.8	2.2	14	0.9	0.95	1.25
6	1.5	—	1.5	15	0.9	2.2	2.25
7	1.25	—	0.9	16	0.9	1.3	0.8
8	1.1	1.5	1.85	17	0.8—0.9	0.85	1.1

Примечания: ¹ У ям 2, 12 и 17 верхний край (венец) не прослежен, и поэтому дана глубина только сохранившейся части; ² Яма 5 имеет наибольший диаметр, равный 2.0 м. ³ Контур ямы 9 обнаружен в северной стенке раскопа 1956 г. и размеры ее не установлены.

вторичного использования для сброса мусора они все заполнены мягкой землей, золой, битой глиняной посудой, костями животных и поделками из камня и кости.

В верхнем горизонте, помимо керамики, найдено два астрагала барана (альчики) с дырочками, пестик из камня красного цвета, очевидно ложило, круглая галька с углублениями на обеих сторонах, служившая, вероятно, подпятником, и конусовидный кусок гипса непонятного назначения.

Н и ж н и й г о р и з о н т. На вскрытом небольшом участке нижнего горизонта не удалось выявить строительных остатков. К нижнему горизонту относятся участки пола с ямами 4 и 8, а также участок пола на кв. 6. На участке пола (кв. 6) обнаружена выкладка из плоских камней; возле нее — отверстие ямы, диаметр — 0.9 м. Яма усеченноконической формы, диаметр дна —

1.5 м, высота — 1.5 м. Дно ямы на отметке 3.9 м от поверхности тепе. В этой яме (называемой яма 1955 г.) преобладали находки крашеной посуды такой характерной формы, как чаша с перехватом стенок и тамгообразным знаком на дне. Среди расписной керамики особый интерес вызывает вазочка на высоком полом поддоне с расписным узором (табл. LII, 1) и расписной кувшины с петлеобразной ручкой (табл. LII, 4). Кроме того, найдены два пряслица и четыре накладки на лук.

Хум яйцевидной формы, открытый в восточной стенке раскопа (кв. 5), следует отнести к нижнему горизонту. Его горловина находится ниже уровня пола верхнего горизонта и имеются основания считать, что он был наполовину врыт в землю. Возле хума найден костяной оконечник с циркульным орнаментом.

Совершенно бесспорна принадлежность ям 4 и 8 к нижнему горизонту, так как горловины их лежат ниже основания центральной стены. Яма 4 выкопана с западной стороны этой стены. В засыпи ямы обнаружена целая зернотерка и несколько обломков их, две костяные заготовки для пряжек, рог оленя с обрезанным концом, очажная подставка в виде головы животного с характерным выпуклым лбом, а также керамика. На одном обломке чаши лежала маленькая бронзовая бусина.

Рядом расположена яма 8 конической формы. Верхний край ее находился на одном уровне с горловиной ямы 4. Яма открыта при вскрытии части центральной стены. При этом были сделаны важные стратиграфические наблюдения. На разрезе (табл. XLIII, А) можно видеть, что основание стены лежит на культурном слое. Ниже залегает пол нижнего горизонта, на котором лежали обломки раздавленного хума шаровидной формы с узкой горловиной и тремя сосковидными налетами. По форме он сходен с целым хумом, найденным местными жителями на городище. К нижнему горизонту, по всей вероятности, должна быть отнесена яма 6 овальной формы, в которой находился обломок зооморфной подставки, аналогичной подставке из верхнего горизонта. Имеется еще одна яма нижнего горизонта — яма 7. В ней найдена керамика и обломки рога оленя.

Приведенные стратиграфические наблюдения о положении центральной стены и участка пола нижнего горизонта с ямами

4 и 8 бесспорно свидетельствуют о разновременности обоих горизонтов. Различие между ними находит подтверждение и в составе комплексов керамики. В этом отношении показательно сравнение находок из ямы 4 нижнего горизонта и ямы 1 верхнего горизонта, которое будет рассмотрено ниже.

зернотерка в виде прямоугольной глыбы камня размером 46×26 см, с полукруглой выемкой наверху. По своей форме она выделяется среди всех зернотерок, найденных на городище Шурабашат.

На глубине 5—5.2 м залегал второй пол с зольным пятном, в котором найдено два

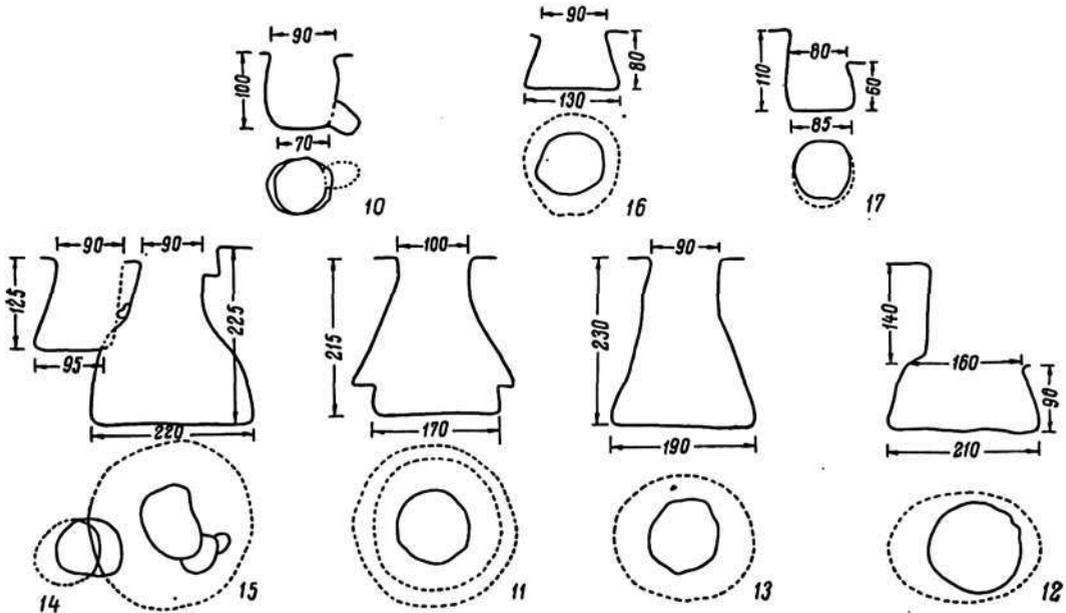

Рис. 25. Шурабашат II. Планы и разрезы хозяйственных ям (разрезы по линии 3—В).

Шурабашат III

Раскопки производились на цитадели и на основной площадке городища.

Цитадель. Работы на цитадели носили разведывательный характер и имели целью определить время сооружения ее. Холм цитадели возвышается на 12 м над окружающей поверхностью. Раскоп в северном углу цитадели, площадью около 50 кв. м., был доведен в юго-восточной своей части до уровня первого пола на глубине 3 м от вершины. Начиная с дернового слоя, сразу же пошли находки керамики древнего периода. Большая часть раскопа, прилегающая к краю холма, была заполнена завалом разрушенной внешней стены цитадели. На глубине 3 м обнаружен пол и угол помещения, четко выделившийся в культурном слое. Стены помещения сложены из паховых блоков. Ниже пола на глубине 3—3.7 м найдена массивная

тонких бронзовых кружка диаметром в 12 мм. В северном углу оказались остатки очага овальной формы, размером 60×65 см, и мощный слой белой золы. На этом уровне площадь шурфа равна 2.6×2.2 м. Затем на глубине 6 м площадь шурфа сократили на половину. Никаких строительных остатков больше не выявлено. В культурном слое встречались отдельные кости животных и обломки глиняной посуды. Шурф углубили до отметки 9 м, но до конца культурного слоя, до материкового грунта, не дошли. Напомним, что высота холма цитадели равна 12 м. Распределение керамики по типам показано на табл. 12.

Основные типы встречаются на всем протяжении культурных наслоений. Уменьшение количества керамики с углублением шурфа следует отнести целиком за счет сокращения его площади внизу.

Таблица 12

Распределение по типам керамики из цитадели
Шурабашата

Глубина (в м)	Типы керамики						всего
	расписная	крашеная	неорнаментиро- ванная	кухонная	красноанго- бированная	кумы	
0.0—3.5	30	32	.84	5	13	—	164
3.5—5.3	20	60	230	18	24	22	374
5.3—8.1	16	82	157	21	23	5	304
8.1—9	3	17	27	1	5	4	57
Итого	69	191	498	45	65	31	899
%	7.7	21.2	55.3	5.0	7.2	3.4	99.8

Ранней керамики эйлатанского вида на цитадели не оказалось, хотя она обнаружена в нижнем слое городища III.

Расписная, крашеная и красноангобированная посуда цитадели идентична керамике городища II и относится к основному периоду истории Шурабашата.

Керамика из нижних слоев отличается лучшим качеством. Здесь имеются такие характерные формы, как чаши с перехватом стенок, со сплошной окраской и с расписным орнаментом. Керамика с красным ангобом найдена как в верхних, так и в самых нижних слоях.

В комплексе керамики из верхних слоев появляются совсем новые черты, особенно заметные в расписной посуде. Роспись наносится небрежно, нестойкими красками на необлицованную поверхность сосуда. Некоторые образцы резко отличаются от росписи, типичной для древнего периода, и приближаются к средневековой расписной посуде узгенского типа. Здесь встречено также небольшое количество неорнаментированной керамики, изготовленной на гончарном круге и покрытой желтоватым ангобом. Эти разновидности керамики в других частях Шурабашата не обнаружены, и они, по-видимому, составляют наиболее позднюю группу в керамическом комплексе древнего периода. Аналогичная неорнаментированная керамика гончарного производства в большом количестве содержится в комплексе Кара-Дарьинского городища.

Анализ керамических материалов приводит к заключению, что цитадель существовала только в древний период. Это подтверждается также тем, что никакого средневекового слоя и керамики на цитадели не найдено, хотя они выявлены на городище III. Следовательно, цитадель в средневековый период не была обжита.

Отсутствие ранней посуды эйлатанского вида объясняется, вероятно, тем, что культурный слой не был вскрыт до конца. Но не исключена возможность, что отсутствие ее является показателем возникновения цитадели в более позднее время.

В других частях Шурабашата подобных холмов-тепе не обнаружено, и поэтому можно считать, что цитадель служила укрепленным центром всего поселения, а не только одной восточной части его — городища III.

Вблизи цитадели в шурфе 4 на основной площадке городища III обнаружены средневековые культурные отложения, перекрывающие слои древнего периода.

С целью уточнения стратиграфии городища III были проведены работы в раскопе IV, площадью 160 кв. м.⁴³ Толщина изученного культурного слоя равна 3 м. Верхний слой содержал строительные остатки средневекового периода, поливную и другие типы средневековой керамики, жженный кирпич и монету, вероятно караханидского чекана.

⁴³ Ю. А. Заднепровский, I, 1959, стр. 156—160, рис. 10.

Во втором слое обнаружены материалы древнего и средневекового периодов.

В нижнем слое, залегавшем на материковом грунте, преобладали находки древнего периода. Строительные остатки здесь не сохранились. В комплексе керамики нижнего слоя представлены все типы посуды древнего периода. Среди них имеется целая чаша с загнутыми внутрь стенками, окрашенная карминно-фиолетовой краской, и обломки чаш с красным ангобом. Они ничем не отличаются от материалов городища II. Наряду с обычными для раннего Шурабашата типами посуды, найдено небольшое количество фрагментов тонкостенных чаш с розоватым ангобом, изготовленных на гончарном круге. Эта керамика тождественна IV типу посуды городища Эйлатан. Здесь же встречено несколько обломков расписной керамики, совершенно сходной с материалами Актамского могильника. Особенно похожи чаши, украшенные вдоль бортика полосой, заштрихованной в виде сетки, и треугольниками. Эти две разновидности керамики встречены в Шурабашате только на восточном городище. Полученные материалы позволили установить, что на городище III представлены наиболее ранние для Шурабашата типы керамики и что на месте древнего поселения жизнь возродилась в средневековый период.

Оборонительный вал городища и захоронения

Для выяснения устройства и времени функционирования оборонительной стены с помощью бульдозера был разрезан северный вал на городище II напротив раскопа II (рис. 26; табл. XLIV). Ширина траншеи — 2,5 м. Зачистка краев траншеи, выемка части северного склона вала к востоку от траншеи, а затем и обвалы стенок траншеи позволили рассмотреть структуру вала. Ширина вала — 3,8 м при высоте в 6 м. Никаких следов кладки кирпича или блоков пахсы не прослежено. В нескольких местах были заметны горизонтальные прослойки грунта, получившиеся при выравнивании и утрамбовке земли. Следовательно, можно предполагать, что вал был насыпной. Первоначальную форму оборонительной стены нельзя установить, так как контуры ее и границы основания не обнаружены в траншее. Насыпная основа стены была, по всей вероятности, заключена

в прочный футляр облицовки из кирпича или пахсы.

Траншея в середине углублена ниже уровня дневной поверхности. Но по краям, особенно с южной стороны, со стороны городища, до этого уровня углубить ее не удалось. Никаких следов культурного слоя на дне траншеи не оказалось. Из этого можно заключить, что оборонительные укрепления построены на необжитом участке.

В обоих концах траншеи на глубине 5 м от вершины вала вскрыты захоронения. Очертания могильной ямы, вследствие сходства засыпи могилы и плотного лёссовидного суглинка насыпи самого вала, проследить не удалось. Костяк I в северной поле вала лежал на спине в вытянутом положении, головой на 3. Нижние конечности его были разрушены бульдозером. Основная часть костяка находилась в западном борту траншеи. Справа от него стояло три сосуда: кувшин с цилиндрической горловиной и двумя ручками-защипами (табл. XLV, 5), кувшин с конической горловиной и петлеобразной ручкой (табл. XLV, 6) и тонкостенная чаша, покрытая красным ангобом (табл. XLV, 8). Первый кувшин был накрыт этой чашей. Возле черепа у височных костей находились бронзовые серьги, которые при расчистке рассыпались. Справа у головы обнаружено большое количество круглых пастовых бус и бисер зеленого цвета, соединенные по 2 или по 7—8 штук вместе. У правой плечевой кости на груди лежали 6 крупных реберчатых бусин из голубой египетской пасты, а также мелкие пастовые бусы, 10 плоских овальных костяных бусин биконической формы, 14 костяных бусин цилиндрической и круглой формы и 4 плоские округлые, возможно янтарные, бусины (рис. 32, 1). Под тазом найдена бронзовая овальная пластинка со следами красной краски-киновари (табл. XLVI, 1). Здесь же был бронзовый колокольчик (табл. XLVI, 2). Слева возле таза находились: каменное острие (сурьматаш) и кусочек графита (табл. XLVI, 5, 6), а также железная полая трубочка со стерженьком внутри, возможно иглольник (табл. XLVI, 4), обломок прясли, покрытого красным ангобом, с горизонтальными желобками (табл. XLVI, 7). Первое погребение, очевидно женское, находилось на расстоянии 12 м от северного конца вала.

В 7,5 м от северного края вала найдено два сосуда: расписная чаша с перехватом

стенок (табл. XLV, 2) и кувшин с конической горловиной и петлевидной ручкой (табл. XLV, 4). В 2,5 м севернее этих сосудов обнаружена широкая ваза на высоком поддоне (табл. XLV, 3). Возле сосудов найдены кости животных, очевидно барана. Сосуды и кости барана, вполне вероятно, относятся к инвентарю еще одного — третьего погребения.

шарообразной формы, на поддоне, с двумя горизонтальными ручками в виде рожек (табл. XLV, 1). Кувшин покрыт росписью в виде больших заштрихованных ромбов. Внутри его находилось прясло неправильной округлой формы (табл. XLVI, 9). Сверху кувшин был закрыт перевернутой плоской жаровней. Жаровня круглая, с невысоким прямым бортиком. В центре дна предна-

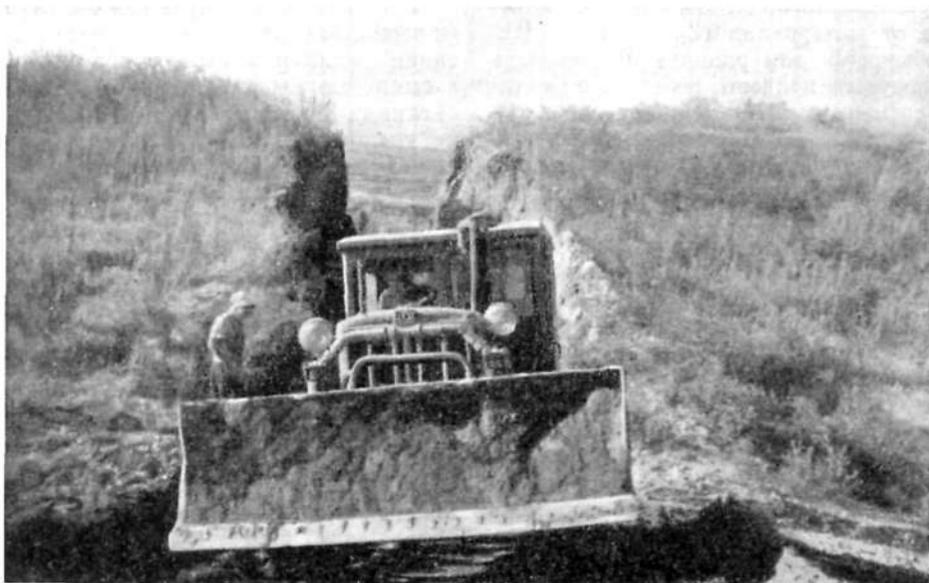

Рис. 26. Шурабашат. Бульдозер разрезает северный вал городища.

Второе захоронение находилось в южном конце траншеи, в 15 м от первого. Погребенный лежал также на спине в вытянутом положении, головой на З (табл. XLIV, B). Весь костяк находился в границах траншеи. Контуры могильной ямы не прослежены.

Справа возле головы лежали кости барана, среди которых находилась узкая бронзовая пластинка, длиной в 9,4 см и шириной 9—10 мм, с железными заклепками (табл. XLVI, 3.) Под костями барана оказались очень тонкие и мелкие, очевидно птичьи, кости. Справа вдоль костяка стояли три кувшина и красноангобированный горшок (табл. XLV, 1, 7, 9, 10). В горшке находилось прясло биконической формы с красным ангобом (табл. XLVI, 8). Наибольший интерес представляет большой кувшин

меренно пробито отверстие и затем на внешнюю поверхность дна нанесена роспись. У костяка на пальце левой руки надет бронзовый перстень (табл. XLVI, 11).

Захоронения производились в простых грунтовых ямах. Костяки сохранились плохо. Удалось взять только один череп первого, женского, костяка, который, по определению Г. Ф. Дебеца и Н. Н. Миклашевской, относится к европеоидному брахикранному типу Среднеазиатского междурия и сходен с усуньскими черепами.

Оба захоронения и сосуды из третьего погребения находились на одном уровне — на глубине 5 м от вершины вала и выше уровня дневной поверхности на 1 м. Одинаковый ритуал погребения (положение костяка, его ориентация) и сходство находок

(керамики и пряслиц) в обоих погребениях свидетельствует об одновременности их.

На северном склоне вала к В от траншеи бульдозером снят участок длиной в 30 м, шириной около 12 м на глубину 3 м, а от вершины вала на глубину 5.5 м, т. е. несколько ниже уровня погребений в траншее. На этом участке оказалось только одно сильно разрушенное погребение 4, находившееся в 20 м к В от погребения 1 и выше его — на глубине 3 м от вершины вала. Возле этого погребения вещей не оказалось.

В погребениях обнаружено 11 сосудов (табл. XLV) всех основных типов керамики, известных на городище. К крашеной посуде относятся три кувшина с высокими горловинами, с выпуклым и сплюснутым туловом. У двух кувшинов ручки петлевидные, идущие от верхнего края горловины к тулову, у третьего — налепные выступы с вертикальным отверстием для продевания шнура. Расписная посуда представлена находками: кувшина на поддоне, широкой вазы на полной подставке и чаши с перехватом стенок. Формы этих сосудов для ферганской керамики древнего периода уникальны и ранее не встречались.

Два больших кувшина с вертикальными ручками относятся к типу неорнаментированной посуды. В двух захоронениях найдено по одному тонкостенному красноангобированному сосуду. Совместное нахождение в могилах сосудов разного типа вместе с красноангобированной позволяет считать их одновременными. Керамика из захоронений идентична керамике верхнего горизонта городища II.

Погребения в валу городища Шурабашат, несомненно, являются захоронениями жителей древнего поселения. На этом месте, очевидно, находилось древнее кладбище. По имеющимся материалам можно предполагать существование подобного кладбища на западном склоне вала городища I. В обоих случаях кладбища расположены возле оборонительной стены.

Изучение захоронений в северном валу позволяет высказать некоторые соображения о времени сооружения оборонительных укреплений Шурабашата.

На городище обнаружены слои двух периодов — древнего и средневекового. Поскольку средневековые материалы происходят только с восточного городища III, то нет основания предполагать строитель-

ство на поселении мощных оборонительных укреплений в это время. Культурные отложения древнего периода встречены на всех частях городища и поэтому можно считать, что оборонительные сооружения построены именно в этот период. Первоначальное устройство и размеры оборонительной стены или вала были иные, во всяком случае она была выше и тоньше. Трудно предположить, чтобы захоронения производились в самой стене в период ее функционирования. Также исключается предположение об устройстве захоронений до строительства стены, так как в подобном случае они должны были бы находиться ниже уровня дневной поверхности. К тому же строительство укреплений на месте кладбища само по себе вызывает сомнение. Остается только одно наиболее вероятное предположение, что захоронения производились возле стены в наслонениях, образовавшихся после ее строительства. Расположение погребений выше уровня дневной поверхности в обоих концах траншеи, со свободным между ними пространством длиной в 15 м, не противоречит такому предположению.

Поскольку захоронения относятся к основному периоду жизни поселения, то, очевидно, что строительство укреплений следует связывать с начальным этапом истории Шурабашата, представленным находками керамики эйлатанского и актамского видов на восточном городище.

Окрестности Шурабашата

Городище Шурабашат, как уже было сказано, являлось центром большого земледельческого оазиса в долине р. Яссы. К ЮЗ от городища в пойме Яссы находилось несколько тепе, которые были скрыты при землеустроительных работах. На месте этих тепе (они помечены на плане городища номером 5а, б) зарегистрировано более десяти углублений, в которых находились хумы. Горловины хумов были прикрыты плоскими каменными плитами. Несколько десятков таких камней размером 50×35×8 см было разбросано на этом участке. Один хум расчищен полностью, другой — частично. На месте тепе собрано более 500 фрагментов керамики древнего периода (преимущественно венчиков, горловин с ручками и обломков с расписным орнаментом). В настоящее время этот участок распахан и нет никаких при-

знаков, которые напоминали бы о существовавших здесь тепе. Юго-западнее городища в пункте 6 обнаружен еще один хум.

На месте тепе в пункте 9 заложен шурф (6×4 м). В нем на глубине 0.3—0.5 м обнаружен ряд камней, проходивший в направлении с СЗ на ЮВ. В южном конце выкладки находилась зернотерка больших размеров и рядом терочный камень. В северо-восточном углу на месте воронки-углубления, которая была видна на поверхности, оказалась круглая яма глубиной около 3 м, диаметром вверху — 1.4 м и внизу — 0.9 м. Яма была заполнена костями животных, золой и керамикой обычных для раннего Шурабашата типов. В северо-западном углу раскрит очаг (размером 0.9×0.5×0.3 м) прямоугольной формы, в виде буквы П. Здесь, следовательно, открыты остатки жилой постройки с каменным фундаментом стен и очагом. Среди найденной керамики выделяется горшок, окрашенный карминно-фиолетовой краской и имеющий с внутренней стороны вдоль бортика уступ для крышки (табл. XLVIII, 8). Отметим окрашенную чашу со своеобразным изгибом стенок (табл. XLVIII, 10) и небольшую плоскую на трех ножках с росписью (табл. XLVII, 19). Своеобразна форма плоской овальной в сечении жаровни с невысоким прямым бортиком и двумя сквозными отверстиями в основании его (табл. XLIX, 15). Судя по составу керамики, остатки жилой постройки относятся к ранним периодам жизни Шурабашата.

В пункте 10 в шурфе (3×2.5 м), на глубине 80 см также обнаружена часть каменного фундамента из плоских камней большого размера и небольшое количество керамики.

Небольшая зачистка произведена на южном склоне холма в пункте 12. Здесь на участке (6×2.2 м) найдены остатки очага овальной формы, две зернотерки и немного керамики. В пункте 11 почти сразу же под пахотным слоем появилось разрушенное погребение человека. Справа от костяка находилась нижняя половина хума (диаметр сохранившейся части равен 1.1 м). Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на Ю. У черепа находились мелкие обломки голубой бусины. На левой височной кости было зеленое пятно окиси бронзового предмета. На костяке и под ним обнаружены обломки лепного сосуда с желтоватой облицовкой, характерного для древ-

него периода. В ногах было скопление гальки и отдельных костей барана. Возле скелета в засыпи найдены обломки расписной керамики. Костяк лежит на утрамбованной лёссовой площадке. Оснований для датировки захоронения недостаточно, но, судя по керамике, оно, очевидно, должно быть отнесено к древнему периоду. Это погребение ориентировано иначе, чем погребенные в валу городища, лежавшие головой на З. Отличается захоронение и от погребения на городище I, где костяк лежал по линии СЗ—ЮВ. В Шурабашате, следовательно, известно три разновидности ориентации погребенных. Разнообразие ориентации захороненных, вероятно, объясняется их разновременностью. Отсутствие находок не позволяет определить время, но, очевидно, все они относятся к древнему периоду.

В 300—400 м к З от городища, на склоне адыра (пункт 8) при сооружении силосной траншеи вырыто несколько целых и разбитых сосудов. Среди них — две целые плоскодонные чаши с перехватом стенок. У одной чаши (рис. 27, 4) переход тулова к вертикальному бортику плавный. Чаша покрыта карминно-фиолетовой облицовкой (диаметр — 13 см, высота — 8.4 см). Вторая чаша (рис. 27, 5) имеет более резкий переход, и края ее слегка отогнуты наружу. Чаша окрашена жидкой коричневой краской (диаметр — 13.2 см, высота — 7.5 см). Отсюда же происходит нижняя часть сосуда цилиндрической формы с плоским дном и прямыми вертикальными стенками, окрашенного карминно-фиолетовой краской (диаметр дна — 12.8 см; табл. XLVIII, 13). Имеется еще чаша с прямым отогнутым бортиком и с широкой полосой карминно-фиолетовой краски, диаметром в 20 см. Здесь также найдены: нижняя часть плоскодонного кувшинчика яйцевидной формы (табл. XLVIII, 12) и обломки доньев от кувшинов со следами росписи, а также фрагмент с углубленными желобками на внутренней поверхности. Находки из силосной ямы имеют много общего с материалом нижнего горизонта Шурабашата II. Судя по найденной керамике, здесь, вероятно, находился древний безкурганый могильник.

В этом районе, западнее Шурабашата, местные жители в 1955 г. нашли бронзовый (медный) нож катакомбного типа и обломок пластинки, рассмотренные в главе I. Эта находка является первым сигналом возмож-

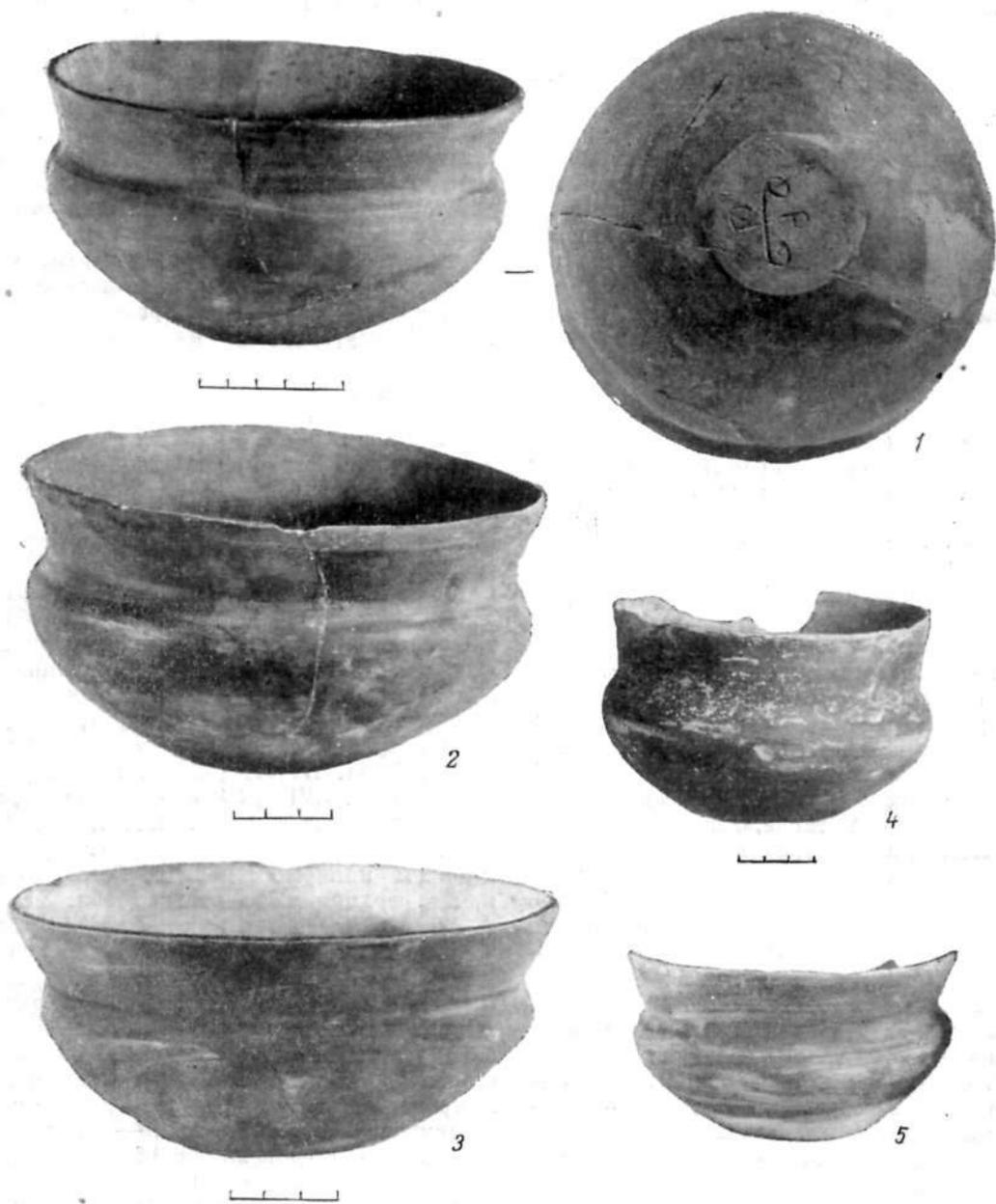

Рис. 27. Шурабашат. Чаши со сплошной окраской.

ного заселения района Шурабашата в более раннее время, в эпоху бронзы.

Отсюда же поступил в Ошский музей небольшой медный котел, описание которого будет дано ниже.

К С от городища, в 200 м от вала располагаются три земляные уплощенные насыпи округлой формы, диаметром 26—27 м при высоте 2—2.5 м. По внешнему виду их можно принять за насыпи курганов. На одной насыпи с помощью бульдозера проделана в середине траншея. Под почвенным слоем обнаружен мощный слой камней, убрать которые не удалось. Назначение насыпей не выяснено.

Классификация керамики Шурабашата

Керамический комплекс Шурабашата состоит из следующих типов:

I — расписная и крашенная керамика;

Ia — расписная керамика актамовского вида;

II — неорнаментированная;

III — сероглиняная (кухонная);

IV — с розовым ангобом, эйлатанского вида;

V — красноангобированная;

VI — с шамотом (хумы и корчаги).

Перечисленные типы отличаются друг от друга по составу массы, способу изготовления, характеру облицовки и орнамента, а также по назначению. Почти вся посуда Шурабашатского городища, за исключением керамики IV и V типов, изготовлена вручную. Собранные материалы позволяют представить процесс лепки сосудов ленточным способом. На некоторых фрагментах ясно видно место соединения лент глины. У чаш с перехватом бортик лепили отдельно и затем прикрепляли к тулову. Засвидетельствовано применение приема изготовления сосудов на матерчатом шаблоне. Отпечатки ткани обычно замазывали, но на одном обломке они случайно сохранились. Преобладание лепной посуды придает всему комплексу керамики архаический облик.

Для Шурабашата наиболее характерна посуда I типа. I тип — расписная и крашенная посуда, изготовленная из однородной массы с примесью дресвы. Сосуды хорошо и равномерно обожжены и в изломе черепок однородного красноватого цвета. Они покрыты плотной облицовкой преимущественно светло-розового и реже оранжево-красно-

ватого цвета и залощены. Облицовка служила фоном, на который наносили орнамент карминно-фиолетовой краской. Росписью покрывали большие кувшины, горшки, жаровни, чаши, плошки, крышки сосудов и др.

Узор занимает, как правило, верхнюю часть и, реже, всю поверхность сосуда. Обычно украшена только внешняя поверхность, но встречается, хотя и редко, образцы двусторонней росписи. Роспись покрывала иногда дно сосудов, а также ручки, крышки и носики сосудов. Роспись очень часто сочетается с раскраской, что свидетельствует об одновременности обоих приемов орнаментации в Шурабашате.

Формы расписной посуды

1. Чаши с перехватом стенок и небольшим плоским донцем — наиболее типичная и распространенная в Шурабашате форма. Нижняя часть их окрашена карминно-фиолетовой краской. Бортик покрыт росписью. Чаши различаются по размерам и мотивам росписи (табл. XLVII, 1—3). Наиболее часто повторяется мотив ромба и треугольника из прямых отрезков, окаймленных с обеих сторон волнистыми линиями и с дополнительными украшениями свободных участков (табл. LVIII, 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12, 13). Встречаются также узоры в виде кругов (табл. LVIII, 15, 16), коротких отрезков (табл. LVIII, 24) или же бессистемно нанесенных полос (табл. LVIII, 22, 23).

2. Котелки с отогнутым краем и плоским донцем. Росписью покрыта верхняя часть сосуда (табл. XLVII, 4—8). У некоторых сосудов нижняя часть была, вероятно, также окрашена (табл. XLVII, 6). Среди узоров чаще всего встречаются: различные комбинации ромбовидных фигур из отрезков прямых линий, окаймленных волнистыми линиями с обеих сторон и дополнительными украшениями в промежутках (табл. LVII, 2, 5); ромб из двух параллельных линий — по обе стороны места соединения ромбов помещены кружки с точкой в центре (табл. LVII, 1); треугольники с дополнительным украшением свободных участков (табл. LVII, 3, 6); цепочка соединенных вместе кругов (табл. LVII, 8); разные комбинации прямых отрезков с волнистыми линиями (табл. LVII, 4, 7, 9).

3. Плоскодонная чаша, бортик которой с внутренней стороны выделен уступом. Росписью покрыта внутренняя поверхность бортика (табл. XLVII, 9; LII, 7).

4. Чаши с прямыми стенками (табл. XLVII, 10—12). Одна чаша с прямыми стенками украшена ромбовидной фигурой, заштрихованной в виде сетки, с краев свисает бахрома (табл. LVI, 14). Другая чаша украшена, по-видимому, также ромбами, которые сверху отделены двумя линиями с кружками (табл. LVI, 15). Встречаются следующие мотивы: цепочка из соединенных широких полудужек (табл. LVI, 17, 20); широкие вертикальные полосы, от края спускающиеся ко дну (табл. LVI, 18); узкие вертикальные полоски (табл. LVI, 3, 16, 25); вертикальные полосы, окаймленные волнистыми линиями с обеих сторон (табл. LVI, 21, 22); бессистемно нанесенные полосы (табл. LVI, 23, 24).

4а. Чаши с загнутыми внутрь краями отличаются профилировкой стенок. Известны чаши этой формы двух размеров: 12—20 см и 20—30 см. Встречаются следующие мотивы: ромб, в поле которого помещены зигзагообразные линии (табл. LVI, 1); несколько концентрических полудужек, разделенные волнистыми линиями (табл. LVI, 2); ромб, заштрихованный в виде сетки (табл. LVI, 4); углы, образованные отрезками прямых линий, окаймленных с обеих сторон волнистыми линиями, в свободные пространства помещены пятна (табл. LVI, 5); без системы разбросанные отрезки волнистых линий (табл. LVI, 6); несколько разновидностей углов, вставленных друг в друга и обращенных вершинами влево (табл. LVI, 7—11); ряд треугольников вершинами вверх, закрашенные полностью, ниже проходит полоса, разделенная кружками (табл. LVI, 12).

5. Чаши конической формы (табл. XLVII, 13—14).

6. Кувшины с узкой горловиной, выпуклым туловом, плоским дном и петлевидной ручкой и без ручки (табл. XLVII, 20—22; LII, 4).

7. Кувшин цилиндрической формы с прямыми стенками, украшенный заштрихованными ромбами, оконтуренными прямыми линиями, с обеих сторон которых проходит волнистая линия, и полудужками (табл. XLVII, 25).

8. Банкообразный сосуд с прямыми толстыми стенками (высотой в 14 см). У бортика имеется отверстие для подвешивания (табл. XLVII, 23; LII, 2).

9. Плошки и жаровни разной формы (табл. XLVII, 24, 28—31).

Редко встречающиеся формы расписных сосудов:

10. Кувшин шаровидной формы на низком поддоне с узкой горловиной и двумя ручками (табл. XLVII, 15).

11. Ваза на высоком поддоне (табл. XLVII, 17).

12. Ваза небольших размеров на поддоне, украшенная росписью снаружи и внутри резервуара (табл. XLVII, 16).

13. Сосуд прямоугольной формы (табл. XLVII, 18).

14. Круглая плошка на трех ножках (табл. XLVII, 19).

15. Котелок биконической формы с двумя ручками-налепами (табл. XLVII, 26; LII, 6).

16. Кружка с петлевидной, зооморфной ручкой (табл. XLVII, 27; LII, 3).

Подробнее остановимся на рассмотрении орнамента донцев, крышек и других частей сосудов. Росписью обыкновенно покрывали дно открытых сосудов. Известны образцы с украшением внутренней и наружной поверхности дна. На одном фрагменте дно делится двумя параллельными линиями и зигзагами на четыре сектора, свободное пространство заполнено дополнительным украшением (табл. LIX, 1). Такая же композиция, только несколько усложненная, имеется на фрагменте сосуда на кольцевом поддоне (табл. LIX, 2). На третьем образце в центре дна помещена розетка неправильных очертаний (табл. LIX, 3). Внешняя поверхность дна украшена расходящимися из центра прямыми отрезками, разделенными волнистыми линиями. В центре дна имеется сквозное отверстие (табл. LIX, 4). На другом фрагменте этот мотив усложнен. На нем также имеется отверстие (табл. LIX, 5). На третьем образце дно разделено на узкие сектора из треугольников, заштрихованных в виде сетки, чередующихся с углами. В центре дна — отверстие (табл. LIX, 6). Наличие отверстия в центре дна у рассматриваемых образцов заставляет предполагать какое-то специальное назначение этих сосудов. Роспись в виде решетки имеется на прямоугольной подставке на небольших

ножках-выступах (табл. LIX, 7). Круглая крышка с выступом наверху и двумя отверстиями покрыта симметричным узором растительного мотива (табл. LIX, 8; LV, 5). Другой обломок крышки украшен шевроном из 10 углов (табл. LIX, 9). Еще на одном фрагменте изображены прямые линии, сходящиеся к центру (табл. LIX, 10). Крышка больших размеров с круглым отверстием у края украшена радиально расходящимися широкими полосами (табл. LIX, 11).

На табл. LX, представлены обломки расписных сосудов большого размера. Излюбленным мотивом украшения больших сосудов служили ромбы и треугольники, заштрихованные в виде сетки. Росписью покрыты также ручки и носики сосудов.

Для расписной керамики Шурабашата наиболее характерными мотивами являются: ромбы и треугольники, заштрихованные сеткой; углы, полудуги, зигзаги из прямых отрезков, окаймленных волнистыми линиями с обеих сторон. Они встречаются на сосудах разной формы и размера. В расписном орнаменте преобладают геометрические и криволинейно-растительные мотивы. Можно выделить группу стилизованных изображений растений, веток и т. п. Встречается симметричное расположение отдельных мотивов, радиальное и бессистемное. Очень характерно нанесение узора пояском-фризом вдоль края сосуда. Заполнение узором всей поверхности встречается редко. Отличительной особенностью является также монохромность расписной и окрашенной посуды.

Крашенная керамика по составу глины и способу изготовления не отличается от расписной. Она выделяется по характеру украшения и по форме посуды. Некоторые формы сосудов повторяются, например открытые чаши, чаши с перехватом. Сплошной монохромной раскраской карминно-фиолетового цвета покрыты чаши разнообразной формы (рис. 27). Очень характерна окраска сосуда в виде широкой или узкой полосы вдоль закраины. Подобное украшение встречается на кувшинах, мисках, котлах и плосках.

Формы крашеной посуды

1. Чаши с перехватом, со сплошной карминно-фиолетовой раскраской. Они различаются по размерам и про-

филировке. На дне, не покрытом краской, у некоторых чаш имеются прорезные тамгообразные знаки (табл. XLVIII, 1—4; рис. 27, 1).

2. Чаши и миски с загнутыми внутрь стенками, с полосой краски вдоль бортика (табл. XLVIII, 5—7; LIII, 7, 9).

3. Кувшины с шаровидным туловом, узкой горловиной и плоским дном, с петлевидными ручками, ручками-налепами и без ручек. У них окрашена только горловина или же верхняя половина сосудов (табл. XLVIII, 16—19).

4. Кувшины яйцевидной формы со сплошной раскраской (табл. XLVIII, 12).

5. Кувшин в форме бутылки с узким горлом и с остатками ручки (табл. XLVIII, 9).

6. Кувшин цилиндрической формы (табл. XLVIII, 13).

7. Сосуд с выступом вдоль бортика с внутренней стороны (табл. XLVIII, 8).

8. Сосуды с фигурным профилем (табл. XLVIII, 10, 14).

9. Котел больших размеров с подковообразными ручками и полосой краски вдоль бортика (табл. XLVIII, 11).

10. Котел небольших размеров с наклепной подковообразной ручкой с насечками (табл. XLVIII, 15).

11. Небольшие чаши и миниатюрные горшки (табл. XLVIII, 20—23; LIII, 2—5).

12. Плоски (табл. XLVIII, 26—28).

13. Плоска с высоким бортиком и остатком ручки (табл. XLVIII, 25; LIII, 8).

14. Кружка с петлевидной зооморфной ручкой (табл. XLVIII, 24; LIII, 6).

Iа тип — расписная керамика актамского вида выделяется главным образом по мотивам орнамента. Она представлена небольшим количеством фрагментов. Малочисленность находок не позволяет дать более подробную характеристику ее.

II тип — неорнаментированная посуда из теста с древесной. Поверхность серо-желтого цвета, обычно не ангобирована. Качество черепка и обжига хуже, чем у сосудов I типа. Известны следующие формы:

1. Чаши с намевающимся перехватом стенок (табл. XLIX, 8).

2. Чаши с прямыми и загнутыми внутрь стенками (табл. XLIX, 1, 4, 6).

3. Котелки (табл. XLIX, 3, 7).

4. Кувшины-корчаги больших размеров с широкой горловиной (табл. XLIX, 2, 5).

5. Кувшины биконической формы с узким горлом, плоским дном и петлевидными ручками (табл. XLIX, 9—11).

6. Горшок, стенки которого расходятся в виде раструба (табл. XLIX, 17).

7. Глубокая миска больших размеров с наклепными ручками (табл. XLIX, 14).

8. Котел с прямыми стенками и широкой горловиной, с наклепными ручками. На внутренней поверхности имеются нарезки (табл. XLIX, 12).

9. Жаровня овальной формы с прямым низким бортиком (табл. XLIX, 15).

10. Плоские разной формы (табл. XLIX, 13, 18—23).

11. Вьючная фляга (табл. XLIX, 16).

12. Сосуды на поддоне (табл. XLIX, 19, 22, 24).

Очень четко выделяется среди остальной керамики посуда III типа — кухонная, с большой примесью дресвы, слоистая и рыхлая, с добавлением толченых раковин и известняка. Обыкновенно черепок серо-черного цвета. На некоторых фрагментах имеются вмятины пальцев. У всех обломков внешняя поверхность закопчена.

IV тип — керамика эйлатанского вида из однородной глины, хорошо обожжена и покрыта светло-розовым ангобом. Она изготовлена на гончарном круге. Основные формы: небольшой кувшин с выделенной горловиной, горшки, чаши с плавно изогнутыми стенками и чаши с отогнутым краем. Эта керамика по всем признакам идентична керамике IV типа городища Эйлатан.

V тип — красноангобированная керамика, тонкостенная, из отмученной глины, покрытая красным плотным ангобом, по качеству приближающемуся к лаку. Она также изготовлена на гончарном круге. Как правило, посуда с красным ангобом не орнаментирована. В Шурабашате найдено лишь четыре фрагмента подобных сосудов с процарапанным орнаментом (рис. 28; табл. L). Посуда с красным ангобом Шурабашата ни-

чем не отличается от красноангобированной керамики других памятников древней Ферганы. Керамика с красным ангобом на городище Шурабашат встречается в небольшом количестве. Она представлена следующими формами (табл. L):

1. Чаши с перехватом стенок и уплощенным дном; некоторые чаши имеют рельефный валик в месте перегиба.

2. Чаши с отогнутыми краями.

3. Чаши с загнутыми внутрь краями.

4. Глубокая чаша-котелок с отогнутыми краями.

5. Чаша с петлевидной ручкой.

6. Кубковидные сосуды с небольшими донцами.

7. Кувшины с выпуклым туловом, плоским дном и небольшой узкой горловиной.

VI тип — хумы (крупные сосуды), изготовленные из глины с примесью дресвы и шамота, толстостенные, с белой облицовочной поверхностью. Известны хумы нескольких разновидностей.

1. Хумы яйцевидной формы. Один найден в раскопе II (табл. LI, 16), другой хум подобной формы, но больших размеров и без дна обнаружен на месте разрушенных тепе (табл. LI, 17).

2. Хум овальный в сечении, асимметричный и деформированный, также найден на месте разрушенных тепе к ЮЗ от городища (табл. LI, 18).

3. Хумы своеобразной шаровидной формы, с небольшой горловиной и сосцевидными налепами. Характерны только для комплекса Шурабашата. Целый хум выкопан местными жителями (табл. LI, 13), обломки подобных хумов встречены в раскопе II (табл. LI, 11, 12). Варианты венчиков хумов представлены на табл. LI, 1—10. Хумы этой формы ранее не были известны в Фергане. К этому типу следует отнести крупные сосуды — корчаги (табл. LI, 15). Особый интерес представляет корчага с широкой горловиной и петлевидной ручкой, покрытая росписью, происходящая из Северо-Узгенского городища (табл. LI, 14).

Наряду с такими большими сосудами жители древнего поселения изготавливали миниатюрные сосуды: кувшинчик с петлевидной ручкой, горшочек и чаши высотой до 4 см, покрытые росписью и окрашенные (табл. L).

Для керамики Шурабашата характерны разнообразные по форме ручки (табл. LXIII). Основные их разновидности следующие:

1. Петлевидные вертикальные ручки круглые или четырехугольные в сечении.

2. Подковообразные ручки, в том числе и миниатюрных размеров.

3. Подковообразные ручки с нарезками, разных вариантов.

9. Петлевидные горизонтальные ручки.

10. Плоская налепная ручка с вертикальным отверстием, которая воспроизводит форму, распространенную в керамике Дальверзинского поселения бронзового века (табл. LXIII, 10).

На одном сосуде встречено редкое сочетание петлевидной ручки и конусовидного носика (табл. LXIII, 17). В керамике Шу-

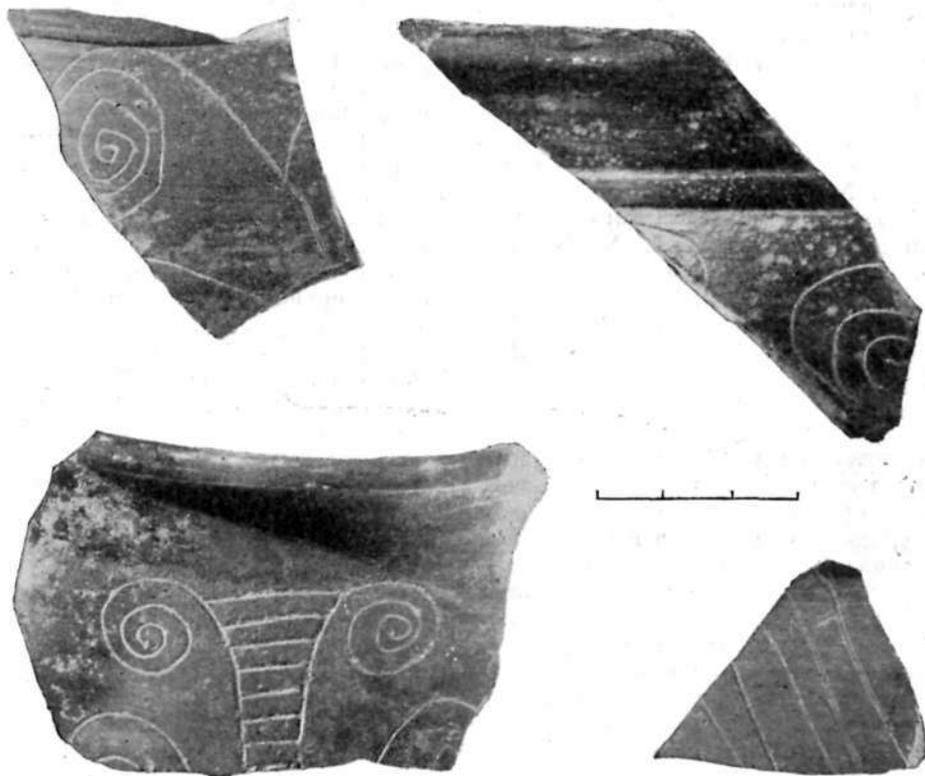

Рис. 28. Шурабашат. Керамика с процарапанным орнаментом.

4. Ручки в виде горизонтального налепного выступа-подхвата.

5. Ручки промежуточной формы между горизонтальным налепом и подковообразной ручкой.

6. Ручка в форме сосковидного налепа.

7. Ручка в виде шишковидных выступов разной формы.

8. Ручки в виде горизонтального налепа с углублением посредине.

рабашата сосуды с носиком представлены всего лишь тремя находками.

Своеобразие керамическому комплексу Шурабашата придают также разнообразные по форме крышки. Наиболее характерны дисковидные плоские крышки со скошенными краями и круглым отверстием у края. Встречаются также же крышки, украшенные широкими полосами краски. Они часто снабжены налепными ручками треугольной формы и петлевидными ручками. Еще одна разно-

видность крышек выделяется украшением ямками, оставленными пальцами рук (рис. 29, 1—5). Имеются образцы крышек

рассмотрим статистические подсчеты (табл. 13—14). Полный сбор и подсчет большого керамического материала, добытого

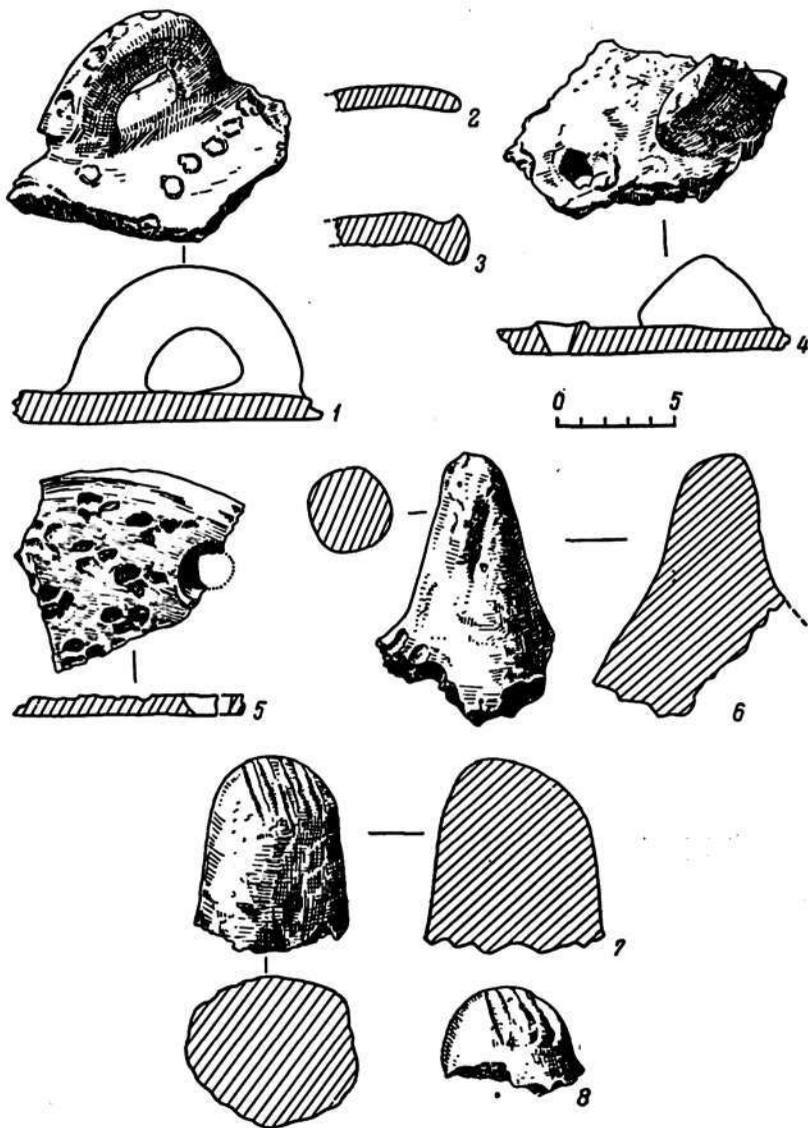

Рис. 29. Шурабашат. Крышки (1—5) и стержни (6—8).

со свисающим вниз краем, и особенно выделяется крышка с невысокой горловиной и круглым отверстием.

Для суждения о месте отдельных типов керамики в комплексе Шурабашата

в 1957 г. из верхнего горизонта раскопа II (5305 фрагментов), отражает в известной мере количественное соотношение видов керамики, употреблявшейся на поселении.

Таблица 13

Распределение по типам керамики Шурабашата
(раскоп II, 1957 г.)

Место находки	Типы керамики							всего
	расписная	крашеная	неорнаментированная	кухонная	красноангобированная	крышки	хумы	
0.0—0.5 м	128	197	848	85	55	21	14	1348
0.5—1.4 м	253	417	1254	310	164	35	24	2457
Яма 10	2	19	50	31	2	2	—	106
» 11	56	49	104	196	15	1	3	424
» 12	27	16	55	126	25	2	—	251
» 13	34	31	110	79	10	—	2	266
» 14	18	24	64	14	5	—	4	129
» 15	32	99	59	61	2	—	—	253
» 16	1	5	23	4	3	—	—	36
» 17	1	2	11	20	—	1	—	35
Итого по раскопу II	552	859	2578	926	281	62	47	5305
%	10.4	16.1	48.4	17.4	5.0	2.3	—	99.6

Таблица 14

Распределение по типам керамики Шурабашата (1955—1957 гг.)
(в %)

Тип керамики	Фрагменты			Общее к-во керамики	%
	1955 г.	1956 г.	1957 г.		
Расписная	20.0	16.5	10.4	857	12.2
Крашеная	43.4	30.5	16.1	1460	20.8
Неорнаментированная	23.6	41.2	48.4	3172	45.2
Сероглиняная (кухонная)	3.07	7.6	17.4	1028	14.6
Красноангобированная	9.1	2.4	5.0	364	5.1
Хумы и крышки	—	—	2.3	129	1.8
Всего фрагментов	622	1083	5305	7010	99.7

На табл. 13 отдельно выделены находки в дерновом слое (0.0—0.5 м), в котором можно было ожидать перемешанность керамики и добавление более поздних материалов, и отдельно находки в хозяйственных ямах.

Подсчет всей керамики дал более точное представление о количественном соотношении типов, чем в 1955 г., когда не было полностью учтено количество неорнаментированной керамики, выброшенной в ходе раскопок, и поэтому цифровые данные ока-

зались неверными. Процентное соотношение типов керамики, собранной в раскопе в 1955—1957 гг. показано на табл. 14.

Основную массу находок — почти половину составляют обломки неорнаментированной посуды. Затем следует кухонная и крашеная посуда. Расписная керамика составляет примерно одну десятую всех находок. В целом орнаментированная керамика составляет около четвертой части всей керамики. Цифровые данные показы-

вают малочисленность керамики с красным ангобом. Статистические подсчеты даны без дифференциации керамики по горизонтам. Это объясняется, тем, что в нижнем горизонте раскопа II найдено очень мало керамики. Приведенные данные характеризуют распределение керамики по типам только для верхнего горизонта. Можно отметить также совпадение цифровых данных распределения керамики по типам между раскопом II и цитаделью (см. табл. 12 и 14).

Одним из итогов изучения керамики Шурабашата является создание сводных таблиц классификации форм посуды всех типов (табл. XLVII—LI).

Хронологическая классификация обширного и разнообразного керамического комплекса Шурабашатского городища представляет значительные трудности вследствие малочисленности стратиграфических данных. Строительные остатки найдены только в центральной части раскопа II, на небольшой площади, и только здесь керамика стратиграфически разделена и не перемешана. Важное значение имеют находки в хозяйственных ямах нижнего горизонта. Эти ямы после заполнения были перекрыты при сооружении верхнего горизонта, и поэтому в них находится керамика, характерная только для нижнего горизонта.

На протяжении всего древнего периода в употреблении находились одинаковые типы керамики и при этом резких изменений в ее составе не наблюдается. Можно отметить лишь количественные изменения и исчезновение в верхнем горизонте керамики эйланского вида и увеличение количества красноангобированной. Все это также осложняет хронологическую классификацию керамики городища. Однако анализ собранных материалов все же позволяет наметить в развитии керамики и самого Шурабашатского городища четыре периода и выявить в самом общем виде характерные черты, свойственные каждому из них.

I период. Керамика этого периода найдена в нижнем горизонте раскопа II, в нижнем слое раскопа IV, а также в силосной яме (пункт 8). Наиболее характерна посуда, крашенная карминно-фиолетовой краской. Наряду со светло-розовой найдены образцы с красно-оранжевой облицовкой, совершенно отсутствующей в верхнем горизонте. Ведущие формы: чаши с перехватом, чаши с загнутыми внутрь стенками, кувшины с ото-

гнутым венчиком, окрашенные снаружи широкой полосой карминно-фиолетовой краски. К этому периоду относится тонкостенная керамика с бело-розовым ангобом, идентичная эйланской, а также образцы расписной керамики, сходные с находками в Актамском могильнике.

Расписная керамика в материалах I периода встречается редко. Особое внимание привлекает расписная вазочка на подставке, кувшин с ручкой и др. В комплексе I периода, как и в последующем, количественно преобладает неорнаментированная посуда.

В целом для I периода характерно преобладание крашеной и неорнаментированной посуды. В небольшом количестве распространена тонкостенная керамика эйланского вида. Расписная встречается редко. Красноангобированная представлена единичными образцами.

Резкого отличия между I и II периодами не наблюдается, так как во II периоде продолжается употребление керамики тех же типов, однако количественное соотношение типов и качество керамики изменилось.

Наглядно различие керамики I и II периодов можно видеть при сопоставлении находок из ям 1 и 4 раскопа II.⁴⁴ В яме 1, относящейся к верхнему горизонту, в значительном количестве представлена расписная керамика, а также образцы чаш с карминно-фиолетовой окраской, в том числе и двусторонней. Здесь найдена неорнаментированная и кухонная посуда и несколько образцов красноангобированной посуды. Количество фрагментов керамики, найденной в обеих ямах примерно одинаково. Но в яме 4 нижнего горизонта оказалось только два образца расписной посуды. Здесь совершенно отсутствует форма чаш с перехватом. Качество крашеной керамики значительно хуже. В яме 4 преобладает грубая лепная керамика без облицовки. Здесь найдено всего два обломка красноангобированной посуды. Различие в составе керамики верхнего и нижнего горизонтов по материалам этих двух ям выступает достаточно отчетливо.

II период. Второй период характеризуется находками в верхнем горизонте раскопа II, в погребениях в валу и в других пунктах. Этот период является, по-видимому, основ-

⁴⁴ Ю. А. Заднепровский, I, 1959д, рис. 5, 6, 7.

ным в жизни Шурабашата и к нему следует отнести основную массу найденной керамики. В верхнем горизонте уменьшается количество крашеной посуды. Во втором периоде расписная керамика получает наибольшее развитие, и широко распространяется красноангобированная посуда. Совершенно исчезает керамика эйлатанского вида.

Бесспорным свидетельством синхронности расписной, крашеной и красноангобированной керамики этого периода служат находки в захоронениях в валу, исключающие всякую возможность перемещения и смещения.

Комплекс керамики из верхнего горизонта представляет значительное развитие и улучшение качества глиняной посуды и гончарного производства в целом, по сравнению с предшествующим периодом.

III период. Самый поздний комплекс древнего периода обнаружен в раскопе на цитадели. Расписная, крашеная и с красным ангобом керамика встречается реже. На основании находок керамики этих типов можно говорить о сходстве и преемственности между комплексами верхних слоев цитадели и верхнего горизонта Шурабашата II. Однако в расписной керамике цитадели выделяется группа, для которой характерны совершенно новые черты. Роспись наносится небрежно, нестойкими красками на необлицованную поверхность сосуда. Вместо кармино-фиолетовой краски применяется буро-коричневая. Появляются новые мотивы орнамента — широкие полосы, спирали. Некоторые образцы резко отличаются от росписи древнего периода и приближаются к средневековой расписной керамике узгенского типа. В этом отношении наиболее показателен фрагмент с меандровидным орнаментом. В этот период впервые появляется неорнаментированная посуда, изготовленная на гончарном круге. Для комплекса в целом характерно значительное ухудшение качества керамики и преобладание толстостенной лепной посуды с большим количеством дресвы.

Существенных изменений в материальной культуре I и II периодов незаметно, что позволяет предполагать постепенное и непрерывное развитие одной и той же культуры в Шурабашате. Отличие между II и III комплексами требует особого объяснения. Нам представляется возможным объяснить это тем, что в III период наступает запустение,

а затем и полное прекращение жизни на городище.

IV период — средневековый — резко отличается от всех предшествующих. Выделение и датировка его не вызывает особых затруднений. Прямой преемственности между комплексами керамики III и IV периодов на городище III проследить нельзя.

Таким образом, можно наметить четыре периода в развитии керамики и соответственно четыре периода в истории Шурабашатского поселения, первые три из которых относятся к древнему периоду, а четвертый — к средневековому.

Другие вещевые находки

К числу керамических изделий относятся уникальные предметы зооморфной формы (рис. 30). Три предмета более или менее целые; кроме того, имеется еще несколько обломков. Два из них имеют форму прямоугольного бруска с прямым основанием и закругленным верхом и передней стороной. Один такой брусок размером 22×12×9 см сохранился целиком. Посредине верха проходит желобок, спускающийся на передний конец. С обеих боков в переднем конце имеются углубления. Задняя сторона плоская и по верху украшена полосой насечек. Этот массивный зооморфный предмет лежал на боку возле очага в верхнем слое раскопа II (табл. LXIV, 1). От второго (табл. LXIV, 2) сохранилась только передняя часть длиной около 15 см, также с прямым основанием, закругленным верхом и передней частью. С обеих сторон имеются углубления. От этих предметов резко отличается третий, овальный в сечении и с заостренным верхом, в форме головы животного с характерным выпуклым лбом и двумя отверстиями по бокам. Конец «носа» обломан. Диаметр основания — 14 см, высота сохранившейся части — 14 см (табл. LXIV, 3—4). Назначение рассмотренных предметов выясняется при сопоставлении с очажными подставками Каунчи-Тепе⁴⁵ и из Мунчак-Тепе в Каршинском оазисе.⁴⁶ О том же говорит и сам факт обнаружения одной фигуры возле очага, а также закопченность,

⁴⁵ Г. В. Григорьев, II, 1940в, стр. 8, рис. 37, 38, 49, 50, 67; 1940б, рис. 27—30.

⁴⁶ С. К. Кабанов, II, 1950, стр. 102—103, рис. 7.

свидетельствующая о пребывании их на огне. Во всяком случае, предположение об их употреблении в качестве очажных подставок является наиболее вероятным. По своей зооморфной форме подставки Шура-

(рис. 29, 6—8). Аналогичный по форме предмет найден на Дунбулакском городище. Назначение их остается неясным. Но можно предполагать, что они составляли часть каких-то подставок.

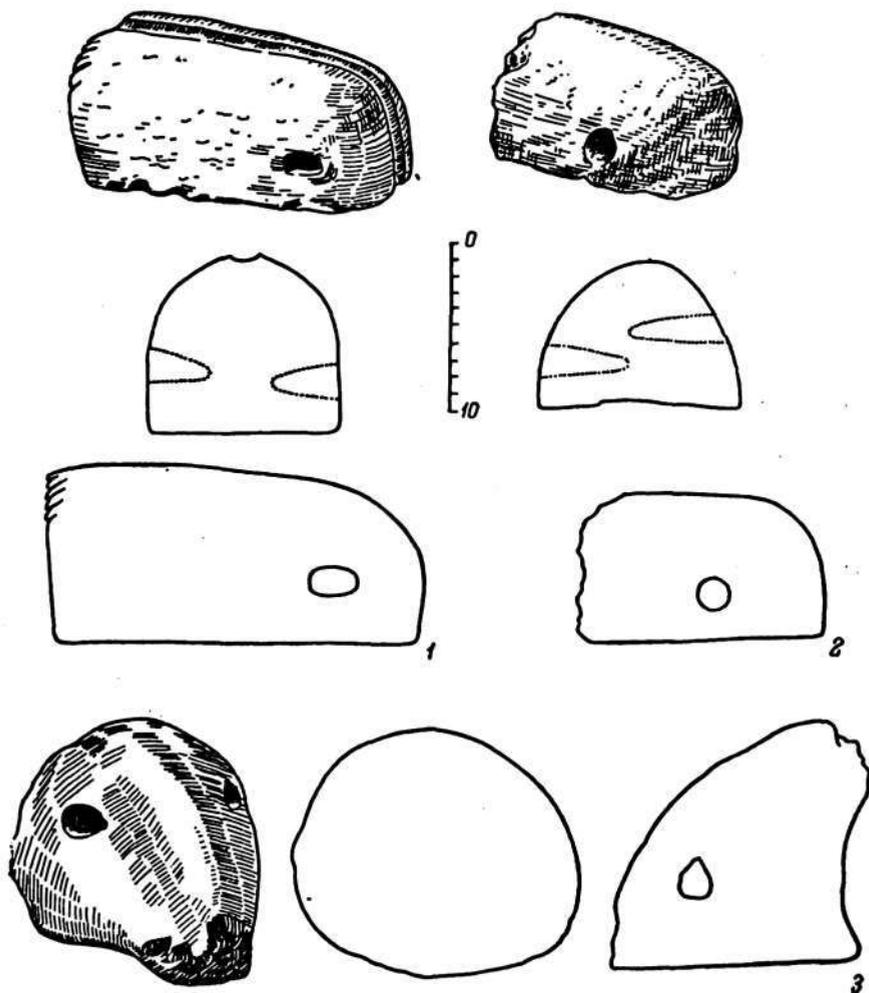

Рис. 30. Шурабашат. Очажные подставки.

башата отличаются от упомянутых и пока не находят аналогий в материалах Средней Азии:

В добытых материалах имеется несколько обломков массивных глиняных стержней (длиной более 9—12 см и диаметром около 8 см). На двух обломках наверху проведено до ангобирования несколько желобков

Из других керамических изделий рассмотрим также прясла.

Всего найдено 28 пряслиц разной формы (табл. LXV, 23—33). Они различаются по форме, размерам и материалу.

Прясла биконической формы с желобками на одной половине, покрытые красным ангобом, найдены в культурном слое и в по-

гребенях в валу. Прясла этой формы очень характерны для ферганских памятников периода красноангобированной керамики. Большинство пряслиц отличается шарообразной асимметричной формой, небольшими размерами и по материалу (они сделаны из серой глины). Можно выделить следующие разновидности: 1) асимметричные шарообразные, 2) овально-сплюснутые (на одном из таких пряслиц имеются насечки, нанесенные радиально вокруг центрального отверстия) и 3) конические прясла.

Прясла значительно различаются по весу:

от 9 до 25 г — 14 экз.
» 30 до 41 » — 9 »
» 50 до 84 » — 5 »

На вес пряслиц, как нам представляется, следовало бы обращать внимание при их изучении. Вполне очевидно, что вес пряслиц имел определенное значение для придания вращательного движения веретену. В этой связи возникает сомнение в правильности отнесения к числу пряслиц небольших предметов, сходных по форме с пряслами и обычно условно именуемых пряслами. Ввиду своей легкости (вес 9 г) они вряд ли могли выполнять функции прясла и, возможно, имели иное назначение.

Особо отметим находку глиняного шарика. Подобные шарики часто встречаются при раскопках разновременных поселений Средней Азии от эпохи бронзы и до средневековья.

Кроме того, имеется один плоский кружок диаметром в 5 см, изготовленный из обломка сосуда (табл. LXV, 34). Он напоминает многочисленные грузики из поселений чустской культуры. К числу пряслиц условно отнесены плоские и тонкие кружки (диаметром в 3.6 см), вырезанные из серого песка.

Особый интерес представляют скульптурные изображения человека из глины. Первое изображение было найдено на поверхности городища Ю. Д. Баруздиным. Оно имеет цилиндрическую форму, голова сильно вытянута, нос прямой, выступающие валики на голове изображают, очевидно, головной убор. Двумя черточками намечены глаза и круглым углублением — рот. Нижняя губа сильно выступает. С одной стороны имеются остатки уха. Длина обломка равна 6 см.

Снаружи он покрыт обмазкой серого цвета (рис. 31, 1).⁴⁷

Подобные находки в Фергане составляют большую редкость. Шурабашатская находка дополняет небольшую группу найденных в Фергане глиняных статуэток из раскопок Мунчак-Тепе у Беговата,⁴⁸ на трассе БФК,⁴⁹ металлической фигурки из кургана у Ниязбека⁵⁰ и каменной статуэтки с Фархад-строга.⁵¹ От всех перечисленных находок шурабашатское скульптурное изображение отличается размерами и особенностями трактовки лица. Можно отметить большое сходство его лишь с алебастровым идолом из Варухского могильника.⁵²

Второе изображение головы человека найдено в раскопе II (кв. 17, глубина — 1 м). Оно имеет форму полукруглого налета с уплощенной задней стороной, верхняя часть которого оформлена в виде желобка, и плоское основание. Длина — 7.5 см, ширина — около 3 см. Обращает на себя внимание своеобразная передача глаз в виде налпных овалов с поперечным углублением. Глаза вплотную подходят к узкому с горбинкой носу. Прямые прорезными линиями намечены брови. Двумя полудужками, которые сходятся у начала носа, показаны, очевидно, края головного убора, концы которого спускаются по обе стороны в виде лопастей. Весьма схематично трактованы уши со сквозными отверстиями. Рот изображен условно в виде небольшой ямки. Резко выступает вперед подбородок (рис. 31, 2). В этой терракоте наблюдаются черты сходства с первой находкой в характере изображения носа, рта и подбородка и в общей схематической трактовке лица. Вместе с тем, можно отметить и различие в манере изображения глаз и головного убора (?) и самой формы налета.

Находки терракотовых изображений человека и животных представляют исключительную редкость для памятников Ферган-

⁴⁷ Ю. А. Заднепровский, I, 1956в, стр. 120, рис. 1. Находка хранится в Омском областном музее.

⁴⁸ Не опубликована. Хранится в Отделе Советского Востока Гос. Эрмитажа.

⁴⁹ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 27, табл. X, 2.

⁵⁰ Б. А. Литвинский, I, 1954а, стр. 51, прим. 1-е.

⁵¹ С. К. Кабанов, I, 1948, стр. 75, 76, рис. 3.

⁵² Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, I, 1955, стр. 62, рис. 24—26.

ской долины. Шурабашатские изображения отличаются от всех известных терракот в других областях Средней Азии своеобразной передачей человеческого лица, схематизмом и примитивностью исполнения.

Другие вещевые находки на городище малочисленны. Изделия из бронзы представлены небольшой бусиной и миниатюрной поделкой из раскопа II; бронзовыми кружками, найденными на цитадели (табл. LXV, 5, 6), а также узкой пластинкой с заклепками, туалетной пластинкой, перстнем и колокольчиком (табл. XLVI). Туалетная пластинка овальной формы, с вырезами по краям и дырочками для скрепления. Сохранившиеся остатки красной краски-киновари позволили заключить, что она предназначалась, вероятно, для растирания румян. Аналогии ей нам неизвестны. Перстень состоит из кольца и плоского овального щитка с углублением (табл. XLVI, 11). Колокольчик конической формы, с ушком наверху. Сходный по форме колокольчик имеется в материалах Каунчи-Тепе.

В быту населения Шурабашата наравне с бронзовыми употреблялись орудия и предметы из железа. Железные изделия сохранились только в инвентаре погребений в валу (табл. XLVI, 4, 10). К их числу относится железная трубочка со стержнем и обломок предмета неопределенной формы. На упомянутой выше бронзовой пластинке обнаружены железные заклепки.

Из кости и рога изготовлены следующие предметы: накладки на лук, заготовки для пряжек, рукоять и оконечник для ремня. Костяных накладок найдено — 12 (табл. LXV, 7—10, 13—19). Они происходят из верхнего и нижнего горизонтов и находились, преимущественно, в хозяйственных ямах. Некоторые из них обожжены и частично обуглены. Накладки представляют несколько разновидностей. Концевые части имеют полукруглую в сечении форму. Внутренний край срезан и покрыт косыми насечками. На нижней стороне накладок нанесены косые насечки для лучшего соединения с основой лука. Две концевые пластинки с вырезами для тетивы точно подходят друг к другу и несомненно предназначены для прикрепления к одному концу лука. Имеется три варианта концевых пластинок: узкие полукруглые, широкие уплощенные и без насечек и треугольные в сечении (рис. 32, 5, 6).

Среди других находок отметим накладку со скошенным концом, которая, очевидно, прикреплялась к средней части лука. Лучше всего сохранилась накладка длиной в 29 см с вырезом для тетевы (рис. 32, 2). Тонкая

Рис. 31. Шурабашат. Глиняные изображения человека.

широкая пластинка треугольной формы со следами распиливания на внутренней поверхности также, очевидно, применялась в качестве накладки на лук (рис. 32, 7).

Находки накладок позволяют говорить о распространении сложного составного лука у оседлого населения Ферганы. На поселениях они найдены впервые, хотя уже неоднократно встречались в могильниках.

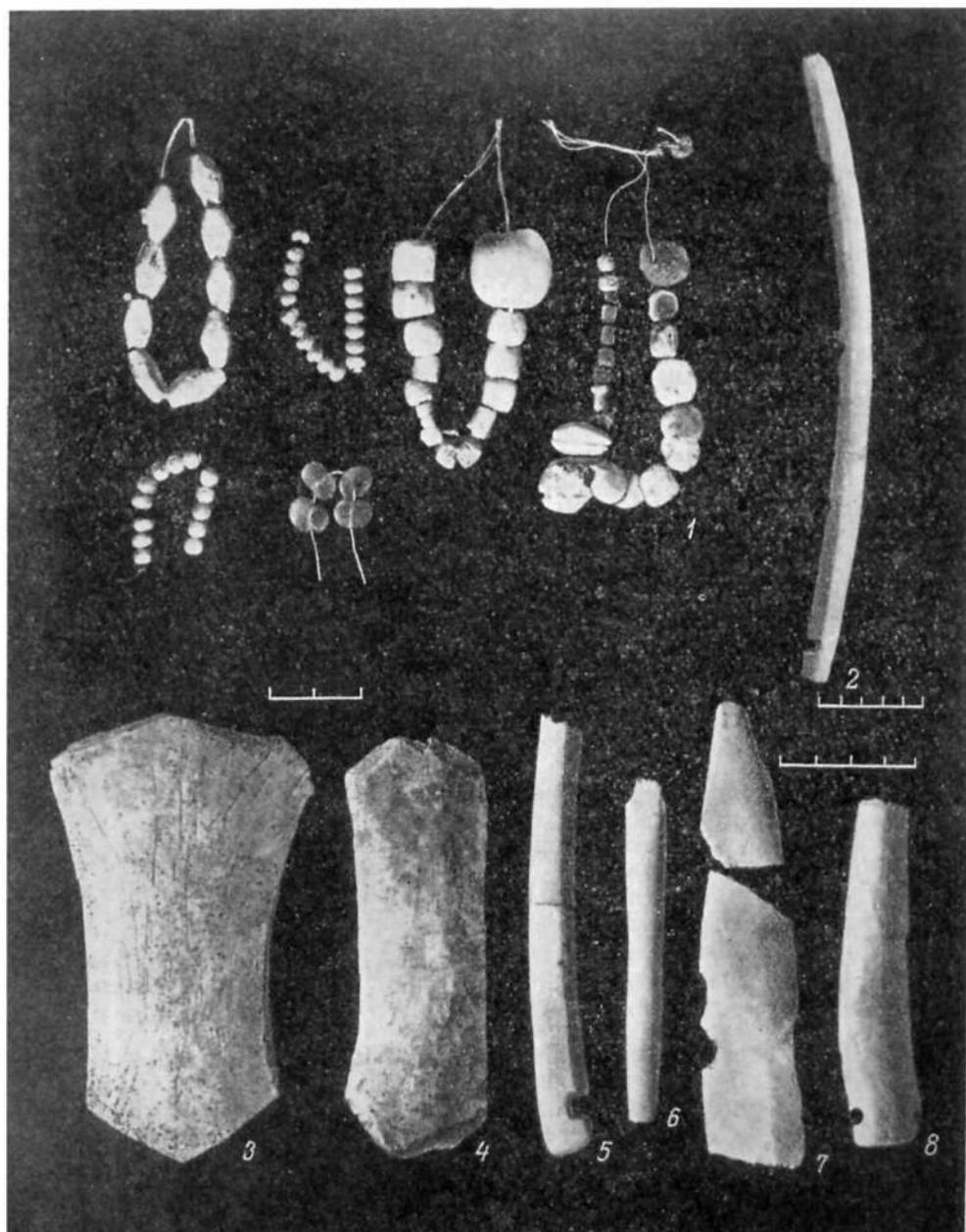

Рис. 32. Шурабашат. Предметы из кости (2—8) и бусы (1).

Костяной оконечник на ремень изготовлен из рога. Оконечник полый с отверстием на боковой стороне. На его поверхности нанесен циркульный орнамент (табл. LXV, 11). Ближайшая аналогия ему имеется в неопубликованных материалах

меры их: I — $10.2 \times 4.5 - 6 \times 0.8$ см; II — $9.6 \times 3.3 \times 0.9$ см; III — $9.6 \times 3.2 \times 0.8$ см. По своей форме они несколько напоминают костяные пряжки из Актамского могильника в Фергане⁵³ и Кую-Мазарского могильника в Бухарском оазисе.⁵⁴ Вполне

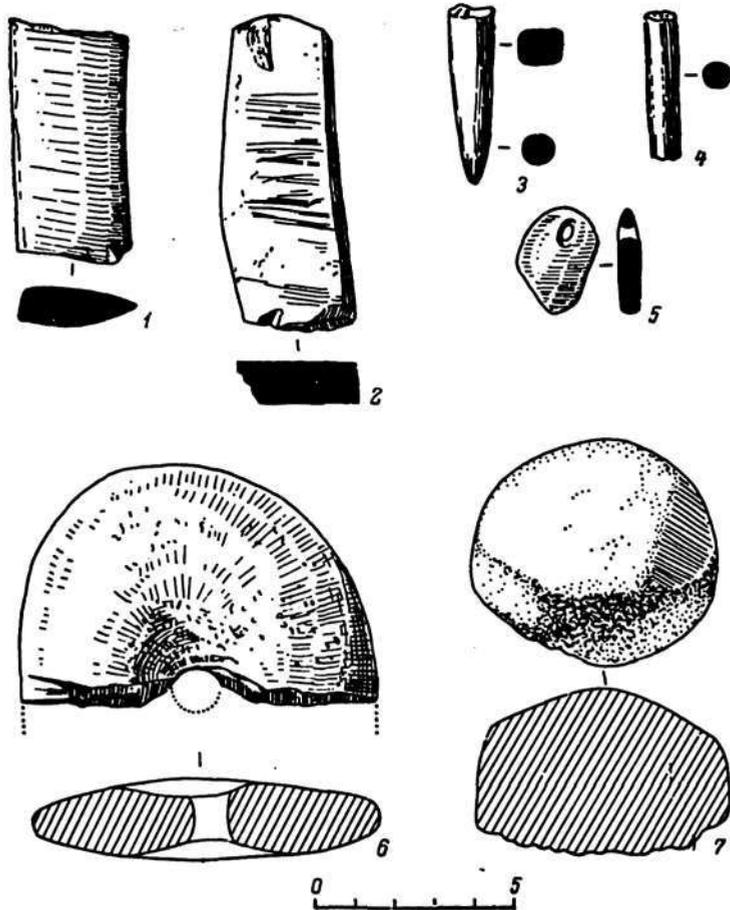

Рис. 33. Шурабашат. Предметы из камня.

Гурмиронского могильника в Северной Фергане.

Отметим также обломок костяной рукоятки из трубчатой кости. С одного края она имеет три отверстия и одно отверстие — на противоположной стороне (рис. 32, 8; табл. LXV, 4).

Три костяные пластинки-заготовки прямоугольной формы с обрезанными краями найдены в раскопе II (рис. 32, 3, 4). Раз-

возможно, что они представляют заготовки для подобных пряжек.

В хозяйственных ямах оказались обломки рогов оленя, использованные в качестве сырья. На некоторых из них имеются следы обработки, а у одного обломка оба конца

⁵³ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а, рис. 29, 12.

⁵⁴ О. В. Обельченко, II, 1956, стр. 209, рис. 5.

обрезаны. К рассматриваемой группе находок следует отнести три астрагала барана (альчика). Один из них побывал в огне и обожжен. На двух альчиках просверлены отверстия, причем на одном имеются два отверстия на широкой и узкой стороне (табл. LXV, 1, 2, 20, 21). Альчики очень часто встречаются в погребениях и на поселениях древнего периода.

Изделия из камня представлены: 1) обломками точильных брусков прямоугольной формы (рис. 33, 1, 2); 2) каменными остриями (сурьматаш) (рис. 33, 3); 3) небольшой листовидной подвеской из белого камня с отверстием у края (рис. 33, 5); 4) тонкой треугольной поделкой неизвестного назначения; 5) плоской круглой галькой с отверстием в центре (рис. 33, 6); 6) пестиком из красного камня; 7) круглой галькой с углублениями на обеих сторонах, служившей, очевидно, подпятником, 8) каменными отбойниками (рис. 33, 7).

В погребении в валу рядом с каменным острием (сурьматаш) находился кусок графита, что бесспорно доказывает употребление его в косметических целях (для сурьмления бровей). Из других каменных изделий следует отметить несколько зернотерок обычной овальной формы и зернотерку оригинальной формы — в виде глыбы камня, найденную на цитадели.

Набор разнообразных бус из погребений требует дополнительного специального изучения и сопоставления с находками в других районах Средней Азии.

Основные этапы истории Шурабашата

Некоторые данные получены для решения вопроса о последовательности роста и изменения территории поселения. Возникновение поселения, судя по находкам красной керамики и керамики с розоватым ангобом, имеющим полное сходство с эйлатанской керамикой, относится, очевидно, к эйлатанскому периоду. Наряду с установлением преемственности развития керамики между Эйлатанским и Шурабашатским городищами, можно отметить также некоторое сходство в их планировке — обширная незастроенная площадка первого городища в Шурабашате и участок без следов культурного слоя между внешним и внутренним валами в Эйлатане.

Керамика эйлатанского вида и синхронная ей расписная керамика актамского вида

обнаружены только на городище III и полностью отсутствуют на городище I и II. Из этого можно заключить, что первоначальное поселение, вероятно, располагалось только в восточной части городища. Наибольшего развития укрепленное поселение достигает во II период, названный нами Шурабашатским.

В этот период, который является, несомненно, основным в истории древнего поселения, оно занимало всю обширную территорию городища. Следовательно, имеются основания считать, что конфигурация поселения сложилась именно в этот период.

В III период начинается запустение. Культурные отложения этого времени сохранились только в верхних слоях цитадели. Затем поселение, очевидно, было заброшено. При возобновлении жизни на поселении в средневековый период площадь его сильно сокращается. Оно занимает теперь территорию только одного городища III. Поселение теряет свое былое значение и превращается в рядовое сельское поселение в оазисе средневекового Узгена. Окончательно жизнь на поселении прекратилась, по-видимому, в период после монгольского нашествия.

Только на одном городище III представлены отложения всех четырех периодов. На основной площадке городища III встречены материалы I, II и IV периодов, а на цитадели — II и III. Наиболее благоприятные условия для жизни были, по-видимому, именно в этой части Шурабашата, расположенной в самом низком месте, удобном для водоснабжения. В этой связи отметим, что на западном городище I по условиям рельефа местности, поступление воды вообще невозможно. Оборонительные укрепления городища III выделяются среди остальных частей замкнутой и обособленной системой валов, а также исключительно хорошей сохранностью. Произошло ли это в результате перестроек и ремонта или же они были построены заново в средние века — на этот вопрос ответ могут дать лишь дополнительные исследования. Однако уже сейчас можно утверждать, что общий план поселения древнего периода сохранился до наших дней без существенных изменений. Последующие перестройки затронули только одну восточную часть городища и мало изменили основу конфигурации поселения.

2. КАРА-ДАРЬИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ И ОАЗИС

Один из крупнейших сельскохозяйственных оазисов шурабашатского периода находится на правом берегу Кара-Дарьи, в месте слияния рек Тар и Кара-Кульджи, в 15 км к ЮВ от Узгена. Здесь насчитано около 90 тепе и городищ (табл. 1, 83). Основная группа памятников расположена на высоком правом берегу Кара-Дарьи, к Ю от Узген-Арыка. На участке длиной 4 км и шириной до 2 км сконцентрировано около 70 памятников. На правом берегу Узген-Арыка находится около 20 поселений на большом расстоянии одно от другого. На низкой первой террасе, севернее Кум-Арыка, выявлено три поселения. Одно поселение находится на первой террасе, в западной части оазиса, на южной окраине сел. Кашка-Джол (табл. LXVIII).

Анализ топографии памятников позволяет сделать некоторые заключения по истории орошения оазиса. Поселения основной группы располагаются вдоль Узген-Арыка. Причем ясно заметно два скопления их: одно — возле Кара-Дарьинского городища, к С от него; второе вытянуто в виде полосы почти точно с В на З. Такое расположение поселений, вероятно, обусловлено древней ирригационной системой оазиса.

Развитие поливного земледелия в оазисе в настоящее время обусловлено функционированием Узген-Арыка. Этот канал прорезал глубокое ложе в мощных отложениях лесса толщиной в 10—16 м, что само по себе уже свидетельствует о древности его. Провести воду с западной, северной и южной сторон невозможно. По условиям рельефа местности вода могла поступать только с востока, в том месте, где сейчас проходит русло Узген-Арыка. Для сооружения его, вероятно, использовали один из древних протоков Кара-Дарьи.

Все сказанное позволяет заключить, что широкое освоение оазиса стало возможным только после проведения ирригационного канала на месте современного Узген-Арыка. Местоположение Кара-Дарьинского городища исключает всякую иную возможность поступления воды на поселение, кроме как из Узген-Арыка.

Определение времени сооружения Узген-Арыка имеет большое научное значение. Начало освоения земледельцами оазиса, как уже было сказано, относится к эпохе бронзы.

Чимбайское и другие поселения, относящиеся к чустской культуре, располагаются на периферии оазиса и не связаны с Узген-Арыком. Поэтому нет основания относить проведение канала к чустскому периоду.

Большинство обследованных поселений содержало керамику шурабашатского комплекса.

Жизнь оазиса продолжалась и в средние века. Но, по сравнению с предшествующим периодом, наблюдается резкое сокращение количества памятников. Средневековая керамика обнаружена пока только в трех пунктах. Имеющиеся материалы дают нам право говорить, что наибольшее развитие Кара-Дарьинского оазиса падает на шурабашатский период. Следовательно, сооружение здесь ирригационной системы можно датировать шурабашатским периодом.

Среди памятников оазиса выделяется по размерам, правильной конфигурации и мощным укреплениям Кара-Дарьинское городище, которое несомненно служило культурным и политическим центром оазиса (табл. 1, 84). Городище расположено на обособленной площадке высокой террасы правого берега Кара-Дарьи. Оно четырехугольное в плане, размером 320×330 м (табл. LXIX). С западной и восточной сторон проходят глубокие ложины-рвы. Ров окружал поселение, вероятно, и с северной стороны. С южной — границей служит естественный край террасы. Городище было окружено оборонительной стеной, сохранившейся в виде земляного вала. Северная стена городища прямая и проходит в направлении с З на В. Остальные участки стен ломаной линией повторяют очертания рельефа площадки. На стенах — остатки башен. С южной стороны к городищу примыкает высокая неукрепленная площадка, очевидно составлявшая часть древнего поселения. Поперечной стеной городище делится на две части — низкую, прямоугольной формы, северную и возвышенную — юго-западную. Возникает вопрос, как производилось снабжение водой поселения? Если можно было довольно легко провести воду в северную низкую часть городища, то как снабжалась водой южная возвышенная часть, остается неясным. Подача воды на такую высоту невозможна без помощи сложных водоподъемных сооружений.

На поверхности городища имеется несколько холмов-тепе и больших впадин.

возможно водоемов. В середине западной стены выделяется высокий холм с крутыми склонами, представляющий собой, очевидно, остатки цитадели (рис. 34). Напротив его, у восточной стены, располагается высокий холм-тепе с примыкающей с западной стороны площадкой.

Городище находится не в середине оазиса, а как бы в стороне. При выборе места для поселения, вероятно, руководствовались главным образом интересами обороны его и возможностью использования рельефа местности для усиления укреплений. Городище господствует над низкой поймой Кара-Дарьи и было предназначено для охраны выходов из долин рек Тар и Кара-Кульджи.

В 1958—1960 гг. проводилось изучение цитадели городища (табл. LXX). Верхняя площадка ее квадратной формы, с закругленными углами, размером 20×20 м (400 кв. м). Она возвышается на 10 м над поверхностью городища с восточной и северной сторон и на 20 м над уровнем дна западного рва.

От верхнего строительного горизонта до нас дошли только участки глинобитного пола на глубине 0.6—0.9 м и основание внешних стен. Внутренняя планировка цитадели этого горизонта не сохранилась. Внешние стены верхнего горизонта повторяли конфигурацию стен предшествующего периода, однако неполностью; например, северная и западная стены несколько смещены по сравнению со стенами второго горизонта. В верхнем горизонте (глубина 0.0—0.9 м) найдена крашеная и расписная керамика шурабатского типа и большое количество фрагментов с красным и черным ангобом, а также много шлака.

Во втором горизонте полностью раскрыты оборонительные стены цитадели и выявлена внутренняя планировка ее. Стены образуют неправильный четырехугольник. Размеры их по внутреннему периметру: западной — 15.70 м, северной — 14.70 м, восточной — 11.40 м и южной — 14.50 м. Толщина стены в среднем равна 2.8 м. Стены цитадели сохранились хорошо, за исключением южной.

Помещения второго горизонта были забутованы слоями плотно утрамбованной глины. После расчистки их выявлена внутренняя планировка.⁵⁵ Площадка цитадели,

размером около 180 кв. м, перегорожена центральной стеной, которая проходит почти точно в направлении С—Ю. Стена толщиной 80 см и высотой в 70 см сложена из сырцового кирпича, размер и форму которого не удалось проследить. От этой стены в юго-западной части цитадели отходит под прямым углом на запад другая стена. Она соединяла центральную и западную стены цитадели. Между нею и южной, внешней, стеной имеется узкий проход, назначение которого осталось непонятным.

Пол второго горизонта (II пол цитадели) находится на отметке 1.5 м. В углу между центральной и юго-западной стенами на полу сохранились остатки очага, около которого стены сильно обгорели. На остальной площади западной части цитадели располагаются несколько очажных пятен и три каменные овальной формы выкладки очагов. В полу устроен очаг прямоугольной формы, размером 50×60 см вверху и 20×30 см внизу, высотой 20 см. Возле него находился кусок шлака.

В северо-восточной части цитадели проходит стена, соединявшая центральную стену с северо-восточным углом цитадели.

В забутовке и на полу помещений второго горизонта, помимо керамики, найдено: медное кольцо из витой проволоки, железный круглый предмет и несколько пряслиц своеобразной формы, а также круглые гальки с углублениями в центре с обеих сторон (подпятники) и каменные отбойники.⁵⁶

При продолжении работ удалось проследить изменение планировки цитадели второго горизонта. На отметке 2.20 м (ниже II пола) залегал пол IIIA, на котором построены центральная, юго-западная и северо-восточная стены (рис. 35, 1). Общая высота их равна 1.5 м. Верхние части их были использованы во втором периоде II горизонта. Нижние части стен хорошо сохранились. Они сложены из крупных прямоугольных кирпичей в перевязку. Точно проследить швы и измерить кирпич не удалось. Приблизительные размеры его равны 60×30×10 см. На внешней поверхности кирпичей имеются по два-три желобка для лучшей связи кладки. Они несколько напоминают знаки на кирпичях Эйлатанского го-

⁵⁵ План и разрезы второго горизонта цитадели см.: Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, рис. 11—12.

⁵⁶ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, рис. 18—19.

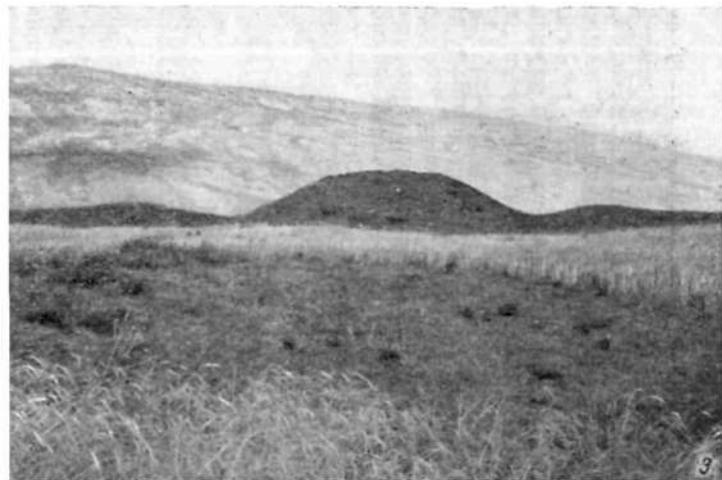
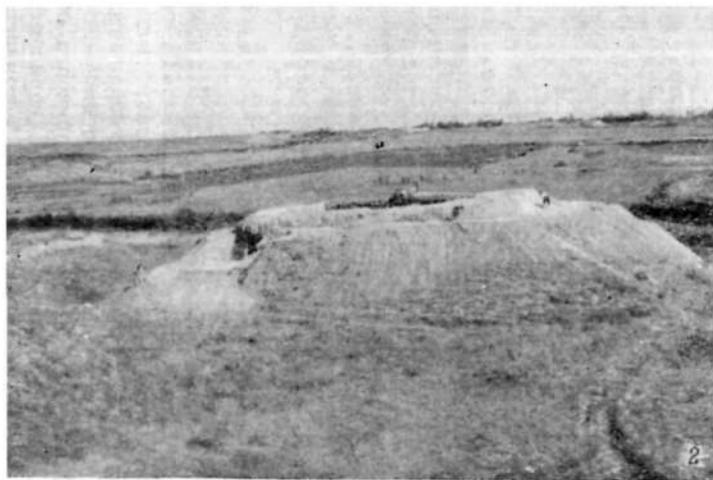

Рис. 34. Кара-Дарьинское городище.

1 — северо-западный угол городища и цитадель; 2 — раскопки цитадели; 3 — цитадель до раскопок.

родища. Толщина стены в среднем — 80 см. Снаружи она покрыта обмазкой. Примерно в середине центральной стены находится проход-проем в виде полуовальной выемки на восточной стороне с невысоким порогом.

В северо-западной части в пол IIА вкопаны четыре хума (рис. 35, 2). Они стоят в ряд по линии З—В. Один из них был разбит в древности. Остальные дошли до нас в целом виде. Все хумы, одинаковой яйцевидной вытянутой формы с простым утолщенным венчиком. Размеры их различаются очень мало (высота — от 153 до 156 см, диаметр горловины — от 64 до 72 см). Возле хумов в полу обнаружен овальный очаг с белым пеплом.

В юго-западной части на этом полу открыто два очага. Возле овального очага (размером 40×25 см) находилась небольшая зернотерка (размером 49(38.6)×28.4×15 см) со слабо сработанной рабочей поверхностью. На ней лежал верхний терочный камень овальной формы с выступами по краям, размером 37(30.4)×16×9 см. Рядом находились обломки целого кувшинчика с петлевидной ручкой (табл. LXXI, 3). Второй очаг частично врезан в южную стену.

В северо-восточной части на полу IIА обнаружены две каменные овальные выкладки очагов. Возле них пол был обожжен, и здесь же находилось скопление золы. Отсюда происходит обломок бронзового полусферического предмета, очевидно бляшки.

Еще две каменные выкладки очагов находятся на этом полу в юго-восточной части цитадели. Около них лежал бронзовый согнутый прут, по всей вероятности braslet.

В процессе расчистки северо-восточной стены удалось найти объяснение странного положения ее. Как было сказано, эта стена упиралась в угол цитадели. Оказалось, что такое положение стены объясняется планировкой нижележащего IIА горизонта. На этом уровне северо-восточная стена проходит под восточной стеной цитадели и соединяет центральную стену с параллельной стеной, расположенной в 10 м к В. Из этого можно заключить, что планировка IIА горизонта отличается от планировки вышележащего II горизонта. Это подтверждается и некоторыми другими наблюдениями.

Планировка цитадели III горизонта отличается от вышележащего II горизонта. В западной половине в полу IIА выявлены границы стены III горизонта, проходящей

в направлении С—Ю в 2 м к 3 от центральной стены II горизонта. Она прослежена от южной стены цитадели и до хумов. Толщина стены — 1.2—1.4 м. Основание ее проследить не удалось, и высота стены неизвестна. На юго-западном участке III пола, который залегает на 50—60 см ниже пола IIА, обнаружено два скопления камней непонятого назначения. В полу расчищен прямоугольный очаг (размером 90×70 см), заполненный белым пеплом. Поблизости от очага находится овальная яма (размером 100×80×65 см) хозяйственного назначения. Она врыта частично под центральную стену III горизонта. Яма заполнена золой, костями животных, обломками сосудов и камнями. В ней найдена костяная трубка с обрезанными краями, служившая рукоятью.

В северо-восточном углу цитадели в полу IIА выявлена стена III горизонта, толщиной в 80 см, проходившая параллельно стене II горизонта, в 2 м от нее. В юго-восточном углу прослежена юго-восточная стена III горизонта, располагавшаяся под прямым углом к центральной стене. Вполне возможно, что верхние части этих стен, выступавшие на 15—20 см над уровнем пола IIА, использовались в качестве суфы.

Помещения III горизонта полностью не были вскрыты. Оборонительные стены III горизонта имели иную конфигурацию. На юго-западном участке обнаружены остатки внешней стены III горизонта, под основанием стены II горизонта. Наружный край ее отступал внутрь на 1.7 м от внешнего края стены II горизонта.

Часть восточной оборонительной стены III горизонта открыта в траншее, разрезавшей стену II горизонта. Она находится в 4 м дальше на В, чем стена II горизонта. Толщина стены III горизонта — около 1.8 м.

В траншее удалось проследить конструкцию оборонительной стены. Она сложена из девяти чередующихся рядов кирпичей зеленого и красного цвета. Удалось измерить лишь красный кирпич — 38×23×7 см. Кирпичи положены в перевязку. Кладка кирпичей подстилается двумя слоями блоков высотой в 22 см. Общая высота сохранившейся части стены — 1.1 м, толщина — 3.5 м. Восточная стена II горизонта была более мощной, чем остальные.

На небольшом участке изучены строительные остатки IV горизонта. В западной

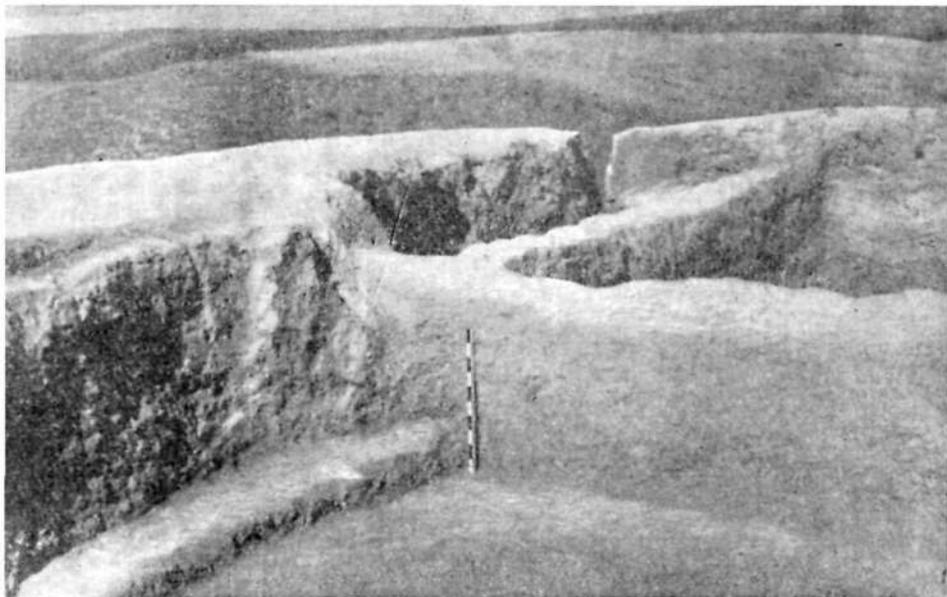

Рис. 35. Кара-Дарьинское городище.
1 — южная часть цитадели IIIA горизонта; 2 — строительные остатки III и IV горизонтов.

половине цитадели вскрыта часть комнаты (размером 5,2×2,4 м), ориентированной осью с С на Ю. Южная ее часть осталась за пределами вскрытого участка. Стены сохранились на высоту до 1 м. На глинобитном полу находится очаг. IV пол залегает на глубине 3 м ниже уровня пола IIА с хумами (ниже на 1,5 м дна хумов) и на отметке 5,20 м от вершины цитадели. Помещение было забутовано слоями сильно утрамбованной глины.

С наружной стороны к юго-западному участку цитадели примыкает стена и развалины постройки неизвестного назначения. Стена соединяется под прямым углом с внешней стеной III горизонта. Остатки постройки относятся, по-видимому, ко II горизонту. Вполне возможно, что открытая стена, толщиной в 3 м, представляет собой остатки пандуса, поскольку именно в этом месте, судя по рельефу местности, должен был находиться вход на цитадель.

Таким образом, цитадель Кара-Дарьинского городища имеет сложную историю и несколько периодов строительства. Пока что открыты строительные остатки четырех горизонтов. Вполне возможно, что и ниже также имеются строительные остатки. Конфигурация цитадели и ее внутренняя планировка неоднократно изменялись. Первоначальные помещения впоследствии при разрушении забутовывали и превращали в фундамент для строительства следующего периода. Последовательное наложение строительных остатков разной конфигурации привело к образованию высокого холма в его современном виде. Этим можно объяснить особенности профиля цитадели, выявленные в траншее на северном склоне ее. Траншея разрежала весь склон до подошвы на глубине 9 м, и при этом было установлено, что платформа цитадели имела несколько уступов-террас.

Небольшие раскопки проведены на холме-тепе (размером 40×30 м при высоте 2,5 м) на южной возвышенной части городища. В верхнем слое прослежены остатки разрушенной кладки из сырцового кирпича и найдено небольшое количество керамики. Культурный слой незначительной толщины. Строительные остатки настолько разрушены, что не дают представления о характере постройки.

Разведывательные работы осуществлены на тепе с площадкой в восточной части го-

родища. Здесь открыты участки верхнего пола с очагом и обломками бракованных красноангобированных сосудов, а также часть оборонительной стены, окружавшей этот жилой комплекс. Добытая керамика аналогична комплексу цитадели.

Примерно на расстоянии 1 км к СВ от городища, в обрыве левого берега Узген-Арыка обнаружены остатки погребения. На поверхности не было никаких признаков могилы. На глубине 3,3 м в обрыве была видна бедренная кость человека.⁵⁷ Возле нее лежал лепной кувшин с петлевидной ручкой, покрытый бело-розовой облицовкой, близкий кувшинам из погребений в валу Шурабашатского городища (табл. LXXI, 1). При расчистке выявлены мелкие кости человека и фрагмент красноангобированной чаши. Костяк залегал в наносном илистом слое и ориентирован, очевидно, по линии З—В. Положение в могилу лепной и стальной посуды повторяет обряд, характерный для захоронений Шурабашата. Второе погребение найдено поблизости от первого, также в обрыве левого берега Узген-Арыка, к Ю от поселения 73. Из обрыва на глубине 2,5 м взят череп. По определению В. В. Гинзбурга, он принадлежит мужчине зрелого — старческого возраста, европеоидного типа, близкого к типу Среднеазиатского междуречья, но с незначительными признаками монголоидности. Находились ли в могиле вещи, не удалось выяснить. Это захоронение только условно можно отнести к древнему периоду. Приведенные данные сигнализируют о существовании на этом участке безурганного могильника древнего периода.

Комплекс керамики Кара-Дарьинского городища в основном сходен с шурабашатским. В нем представлены все типы керамики, известные на городище Шурабашат (табл. 15). На обоих памятниках встречено одинаковое (в процентном отношении) количество лепной неорнаментированной посуды, составляющей около половины находок. Следующее место занимает керамика с красным ангобом. На Кара-Дарьинском городище известна также керамика с черным ангобом, которая отсутствует в материалах Шурабашата. Оба вида керамики объединяются понятием красноангобированная посуда и составляют на Кара-Дарь-

⁵⁷ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, рис. 20.

Таблица 15

Распределение по типам керамики Кара-Дарьинского городища

Тип керамики	Кара-Дарьинское городище (1958—1960 гг.)		Шурабашат, раскоп II (1957 г.)
	к-во фрагментов	%	%
I. Расписная	179	2.0	10.4
II. Крашеная	886	10.2	16.1
III. Неорнаментированная	3418	39.5	48.4
IV. Кухонная	138	1.5	17.4
V. Красноангобированная	1539	17.8	5.0
VI. С черным ангобом	306	3.5	—
VII. Керамика, изготовленная на гончарном круге	1218	14.1	—
VIII. Хумы	918	10.6	2.3
Неопределенные фрагменты	35	0.4	—
Всего	8637	99.6	5305/99.6

инском городище более 20% всех сборов. Большое место занимает в комплексе керамика, изготовленная на гончарном круге и покрытая светло-желтым ангобом. Керамика этого типа на Шурабашате встречена в незначительном количестве только на цитадели. Во много раз больше оказалось на цитадели обломков хумов и значительно меньше кухонной посуды, что объясняется разным назначением изученных объектов на этих городищах. Значительно меньше обнаружено крашеной керамики и очень мало — расписной. Из всего сказанного вытекает, что, несмотря на общее сходство, достаточно определенно выступает и различие между двумя комплексами.

Расписная керамика Кара-Дарьинского городища идентична Шурабашатской по способу изготовления, форме сосудов и мотивам орнамента. Здесь встречены те же элементы орнамента: треугольники и ромбы, заштрихованные сеткой и окаймленные прямыми и волнистыми линиями; узор в виде шахматной доски, волнистые и растительные мотивы; широкие полосы краски и др. (рис. 36). Однако имеются и новые мотивы, например волкотообразный узор, узор в виде параллельных линий с кружками и др. (табл. LXXII, 1; рис. 36). Подобные узоры в шурабашатской керамике не встречаются. Близкие аналогии последнему мотиву можно

найти в комплексе Яз-Депе I в Южной Туркмении.⁵⁸

Особо отметим фрагмент небольшого кувшинчика с отогнутым краем. Венчик его украшен широкой полосой краски, ниже проходит полоса углов вершинами влево, затем — полоса углов, обращенных вершинами вверх, и заканчивается композиция орнаментальным поясом, заштрихованным наподобие шахматного поля. Близкая аналогия одному из узоров — полоса углов — имеется на расписном сосуде из Эйлата. Оба сосуда очень близки по форме и размерам. Рассматриваемая находка, очевидно, относится к числу наиболее ранних в комплексе Кара-Дарьинского городища.

Посуда с карминно-фиолетовой окраской представлена сходными с Шурабашатом формами полусферических чаш и чаш с перехватом стенок, горшков и кувшинчиков. Имеется целый горшочек с отогнутыми стенками (табл. LXXI, 2). Он случайно найден в окрестностях городища и передан нам местными жителями. Разнообразны формы красноангобированной керамики: чаши с плавно отогнутым краем, чаши с перехватом стенок, чаши с прямыми и с загнутыми внутрь стенками, горшочки и кувшины.

⁵⁸ В. М. Массон, I, 1959, табл. XVII, 10; XVIII, 3, 6; XIX, 4.

О формах неорнаментированной керамики можно судить по фрагментам и по целым сосудам: чашечке с уплощенным дном (диа-

На городище найдены обломки вьючных фляг, сходные с находками на Шурабашате. Большую редкость составляет обломок гор-

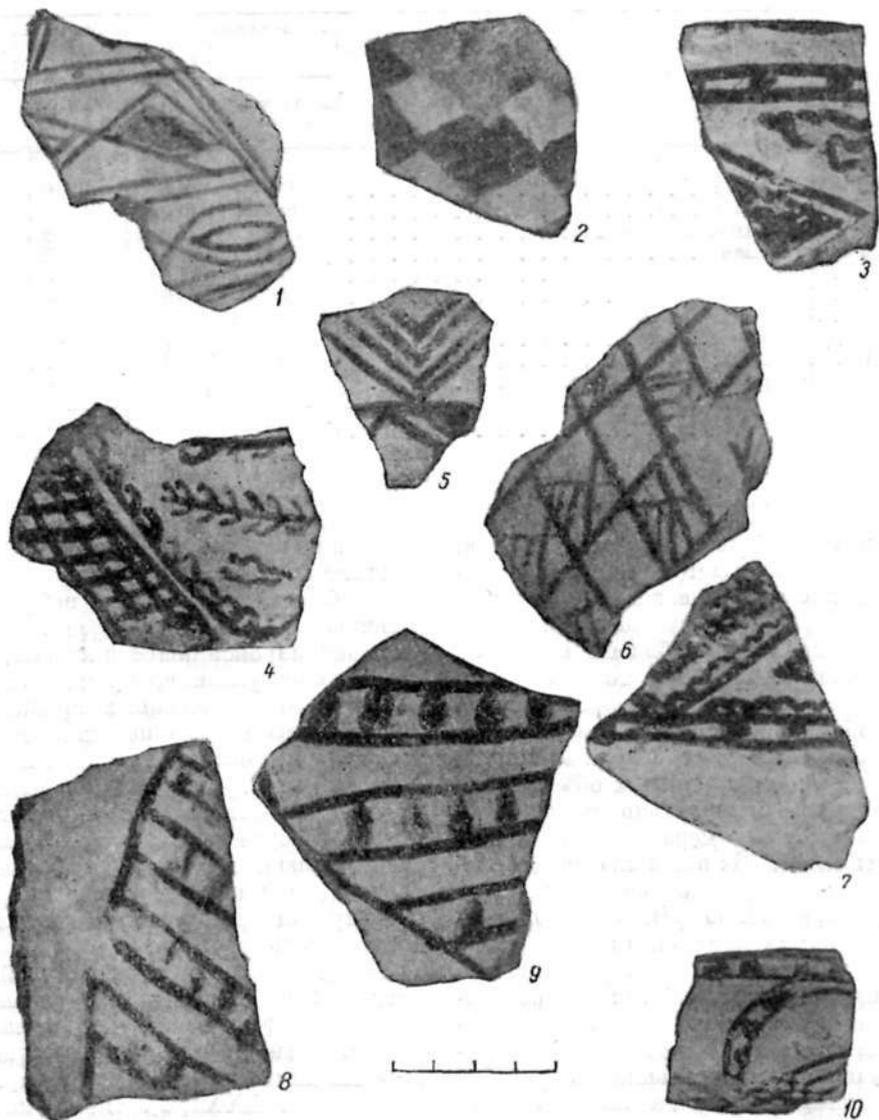

Рис. 36. Кара-Дарьинское городище. Расписная керамика.

метром 7.5 см; табл. LXXI, 13), плоскодонной чаше с отогнутым краем (диаметром 13 см; табл. LXXI, 12), кувшинчику с петлевидной ручкой (высотой 15 см; табл. LXXI, 3).

ловины кувшина с носиком-сливом. Последний соединен с горловиной перемычкой. Верхняя и боковые грани слива срезаны ножом. Кувшин покрыт беловатым ангобом. Сосуды с носиком представляют исключи-

тельную редкость в шурабашатском комплексе керамики.

В небольшом количестве встречены обломки тонкостенных чаш с розовато-красным ангобом, изготовленных на гончарном круге, аналогичные IV типу керамики Эйлтана.

Большой интерес представляют находки обломков сосудов с оттисками штампов. Первая — фрагмент кувшина, изготовленного на гончарном круге, поверхность не заглажена и покрыта буро-коричневым ангобом. В круглом медальоне (диаметром в 15 мм) помещено изображение оленя, головой обращенного вправо, с большими ветвистыми рогами. Отчетливо видны ноги и даже небольшой выступ, изображающий хвост. Нижняя половина штампа оттиснута более глубоко (табл. LXXI, 14).

Вторая находка — несколько обломков большого кувшина (с остатками петлевидной ручки) ручной лепки из грубого теста, покрытого ангобом светло-желтого и местами розоватого цвета. На плечиках вдоль горловины расположены 6 оттисков овального штампа (размером 18×13 мм). Отпечатки находятся на некотором расстоянии друг от друга. Они нанесены одним штампом. Но оттиски полностью не повторяются. Изображение криволинейно-растительного характера и выполнено в виде тоненьких выступающих перегородок. Способ нанесения узора остается непонятным (табл. LXXI, 15).

Кроме того, имеется еще один обломок сосуда с оттиском штампа, напоминающего китайскую монограмму на внешней стороне дна. До сих пор в шурабашатском комплексе штампованные знаки на глиняной посуде не встречались. Неизвестны они также и в других комплексах Ферганы древнего периода.

Из других керамических изделий найдены только прясла нескольких разновидностей: овальные, конические с плоской нижней площадкой или с выемкой, а также биконической формы (табл. LXXI, 4—11).⁵⁹ Имеется несколько изделий из бронзы (кольцо, браслет и бляшка), а также из железа (кольцо). Из каменных орудий и подделок можно назвать зернотерки, отбой-

ники, подпятники, точильные бруски, сурьматаши и каменное прясло.⁶⁰ Подделки из кости представлены рукоятью и пластинкой с отверстием, а также обработанным альчиком с просверленным отверстием.

Шлак, в большом количестве встреченный в культурном слое цитадели, происходит, по определению Лаборатории археологической технологии ЛОИА, от плавки медных руд.

В целом комплекс находок на цитадели и в других раскопах, а также на поверхности Кара-Дарьинского городища, аналогичен материалам Шурабашата и позволяет отнести этот памятник к шурабашатскому периоду.

3. ГОРОДИЩЕ ДУНБУЛАК

Городище занимает обособленную площадку на второй террасе левого берега р. Яссы. Находится оно в 5 км к В от Узгена (табл. I, 82). Состоит из холма-цитадели, размером по верху 90×50 м, и прилегающей с запада и юга площадки неправильной формы. Размеры городища — 300×270 м. Северный край его совпадает с крутым склоном террасы, с остальных сторон цитадель окружена глубокими лощинами-рвами. Цитадель соединена с площадкой узкой перемычкой с южной стороны. Площадка в свою очередь также окружена рвом.

В 1954 г. на южной части цитадели заложена большая стратиграфическая раскоп (размером 12×10 м). В нем на участке в 24 кв. м, сокращенном затем до 16 кв. м, углубились до конца культурных слоев на глубину 9 м и закончили работу на площади в 4 кв. м в материковом грунте на отметке 9.8 м.

Городище Дунбулак является многослойным памятником. Всего выделено семь слоев, которые объединяются в три периода. Для периода Дунбулак I, включавшего нижние слои (глубина — 6.5—9 м), характерна красноангобированная керамика обычного для древней Ферганы типа, в том числе с процарапанным орнаментом. Наряду с нею обнаружена расписная керамика, сходная с шурабашатской. На городище найдено 28 фрагментов с росписью, из них 19 происходят из нижнего горизонта.

⁵⁹ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, рис. 18.

⁶⁰ Там же, рис. 19.

Во второй период, включающий слой начиная с глубины 6.5 м и до галечной прослойки на отметке 2.2 м, исчезает расписная керамика, и красноангобированная посуда сосуществует с грубой лепной керамикой (табл. LXVI).

Количество красноангобированной керамики в комплексе уменьшается, если считать с нижних слоев, и в самых верхних слоях встречались только единичные фрагменты. На городище Дунбулак найдено (в процентном отношении) значительно больше красноангобированной керамики, чем на городище Шурабашат. Грубая лепная посуда в небольшом количестве имеется уже в нижних слоях. В период Дунбулак II количество ее увеличилось, а в следующий — III период она уже преобладает. Ко II периоду следует отнести хум, открытый на глубине 7—8 м. Хум яйцевидной формы, с широкой горловиной, заканчивающейся простым воротничковым венчиком и узким дном. Высота его — 1.2 м, диаметр горловины — 78 см. По форме и отделке он похож на хумы Шурабашата, Кара-Дарьинского и Мархаматского городищ.

В слоях II периода найдены поделки из кости: три проколки, обработанный альчик с отверстием в центре и две поделки из трубчатой кости, обрезанные с обеих концов (табл. LXVII, 1—4), фрагмент костяной трубки с отверстиями (флейта) (табл. LXV, 22). Отсюда происходит круглая галька с углублением на двух сторонах (подпятник) и обломок каменной терки со сточенным желобком в середине, несколько каменных брусков и точил разной формы и размеров. На обломке одного точила в верхнем конце имеется отверстие для привязывания (табл. LXVII, 8, 11—15). Из других находок отметим две глиняные цилиндрические подставки с прямой вершиной. Одна из них, более массивная, найдена поблизости от очага и, возможно, служила очажной подставкой. Другая — меньшего размера, с треугольной верхней площадкой (табл. LXVII, 9—10). Из других керамических изделий имеется глиняное прясло биконической формы с желобками, покрытое красным ангобом. Второе сходное прясло поднято на поверхности (табл. LXVII, 5, 6). По форме и ангобу они аналогичны пряслам, характерным для памятников Ферганы последних веков до и первых веков н. э. В большом количестве

представлены зернотерки разной формы и размеров. В раскопе их собрано около 30 штук.

Между вторым и третьим периодами отмечается запустение, перерыв в жизни поселения, и в это время появляется в культурном слое мощная галечная прослойка толщиной в 40—80 см.

В верхних слоях (0.0—2.2 м), лежащих над галечником и относящихся к III периоду, совсем исчезает красноангобированная посуда и количественно преобладает грубая лепная керамика с налпным орнаментом. Здесь появляются единичные обломки средневековой сероглиняной посуды с гребенчатым орнаментом и расписная средневековая керамика узгенского типа. Однако в этом слое, так же как и на поверхности городища, полностью отсутствует поливная посуда. Лепная керамика III периода напоминает посуду раннесредневекового Касана.

Таким образом, раскопки на городище Дунбулак дали стратиграфическую колонку, которая связана, с одной стороны, с Шурабашатским комплексом, а с другой стороны, подводит ко времени средневекового Узгена.

III. МОГИЛЬНИКИ СКОТОВОДОВ ПРЕДГОРИЙ

В период раннего железа наряду с развитием земледельческой культуры в равнинной Фергане, на окраинах ее, в полосе предгорий и в межгорных долинах, развивается культура древних скотоводов. Памятники их известны пока в небольшом количестве, главным образом в долинах Алайского хребта. Остановимся на описании их.

1. ТЮЛЕЙКЕНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Расположен на южных склонах хребта Чильбайрам, в 10 км к Э от г. Ош, по дороге в Араван (табл. I, 65). Состоит из 22 курганов. В 1947 г. экспедиция А. Н. Бернштама вскрыла два кургана. Насыпи (диаметром 6 м, высотой 0.4 м) сложены из крупных камней. В первом кургане под насыпью обнаружена выкладка из больших каменных плит, размером 1.8×1.0 м, ориентированная по линии ЮЗ—СВ. Под выкладкой на глубине 95 см стоял кувшинчик (высотой 14 см, диаметром 7 см) с резным орнаментом в виде трех рядов треуголь-

ников вершинами вверх. Треугольники закрашены красной и желтой краской, а нижняя часть сосуда покрыта красной краской. Вблизи от сосуда найден обломок железного ножа. Во втором кургане каменная выкладка выявлена на уровне дневной поверхности. Несколько плит размером 67×35 ; 72×36 см лежало в один ряд по направлению З—В. Длина выкладки 1,8 м. Под нею обнаружена круглодонная чаша с загнутыми стенками (диаметром 14 см, высотой 10 см). Возле чаши лежал обломок железного ножа. Следов могильной ямы и костяка в обоих случаях не обнаружено, хотя углубились до отметки 1,4 м в лёссовом грунте.

А. Н. Бернштам считает погребения Тюлейкена ритуальными и датирует их VI—IV (V—III) вв. до н. э.⁶¹

2. МОГИЛЬНИК ЧАКМАК

Находится на высоком правом берегу р. Гульча, к Ю от с. Гульча, на 85 км шоссе Ош—Хорог (табл. I, 66). На площадке зарегистрировано более десятка насыпей из камня, диаметром в 3—5 м, слегка выступающих на поверхности земли. Вскрыто в 1946—1948 гг. четыре кургана. В одном имеется овальная выкладка из камней. Все могилы неглубокие и разрушены. В одной из них обнаружено два костяка, лежавших по направлению З—В. У головы стояла круглодонная чаша с прямыми стенками, покрытая красной краской. В другой могиле погребенный лежал головой на Ю. Из этой могилы происходят обломки горшка, железного ножа и бронзовая пряжка, состоящая из круглой и трапециевидной рамки. На круглой рамке имеется шип-шпенек. К инвентарю погребений относится также бронзовая гвоздеобразная булава длиной в 5 см. А. Н. Бернштам датирует могильник VI—V вв. до н. э.⁶²

3. МОГИЛЬНИК ШАРТ I—II

Располагается на правом берегу р. Терек-Су в Алае, к Ю от Суфи-Кургана (табл. I, 67). Он состоит из двух частей, разделен-

⁶¹ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 189—190, 204. План кургана и изображение сосудов см. на рис. 76. Дополнительные сведения о конструкции курганов взяты из дневника сотрудника экспедиции Ю. А. Заднепровского.

⁶² А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 186, 189, 193, рис. 76, За, 2а.

ных ложиной. В могильнике Шарт I на правом берегу долины насчитывается около 20 курганов. В 1948 г. экспедиция А. Н. Бернштама раскопала четыре. В двух курганах не оказалось следов захоронений. Погребение в третьем кургане находилось на большой глубине, и могила не была доследована (работы прекращены на глубине более 3 м). В четвертом — кургане 16 обнаружено два погребения. Нижнее женское захоронение — на глубине 1,70 м в грунтовой яме (размером 155×70 см), в скорченной позе, головой на СВ. Справа от костяка находились остатки деревянного сосуда. У шеи обнаружено несколько пастовых бус и фрагмент сосуда. Это погребение впущено в курган с мужским захоронением на глубине 1,30 м. В могиле на приступке стояла круглодонная чаша с росписью по белому ангобу буро-фиолетовой краской в виде углов (рис. 37, 1). Впускное погребение А. Н. Бернштам отнес к IV—II вв. до н. э., основное — к VI—V вв. до н. э.⁶³ В 1952 г. здесь вскрыто еще два кургана. В одном из них оказалось два костяка, головой обращенных на Ю, и в головах — две круглодонные лепные чаши.

Шарт II представляет собой цепочку из 5 курганов на левом берегу долины, вытянутую с З на В, от гор к реке. В 1952 г. экспедиция А. Н. Бернштама вскрыла три кургана. В кургане 1 в грунтовой яме (размером $2,0 \times 1,3$ м) открыто два разрушенных костяка, расположенных головами на СВ и Ю. Кроме того, обнаружены остатки еще двух захоронений. Проследить положение погребенных было трудно, так как кости их разбросаны по всей могиле и встречены на разной глубине. Черепа лежали на плоских камнях. В ногах находился разбитый горшок с двумя петлевидными ручками ниже закраины. В могиле найдены обломки расписной чаши, украшенной вдоль закраины полоской в виде решетки, ниже которой помещены большие треугольники с сетчатым заполнением и заштрихованные наподобие шахматного поля. Узор нанесен красноватой краской по светлому ангобу (рис. 37, 2). Сопровождающий инвентарь включает два бронзовых наконечника стрелы: один — трехперый черешковый, другой (уникальной формы) — трехперый с расщеплен-

⁶³ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 198—200, рис. 81—83.

ным на три пера черешком; обломок бронзового шила и небольшого круглого зеркала, а также обломки железного одно-

круглодонная чаша. На фаланге левой кисти основного костяка обнаружено бронзовое плоское кольцо.⁶⁴

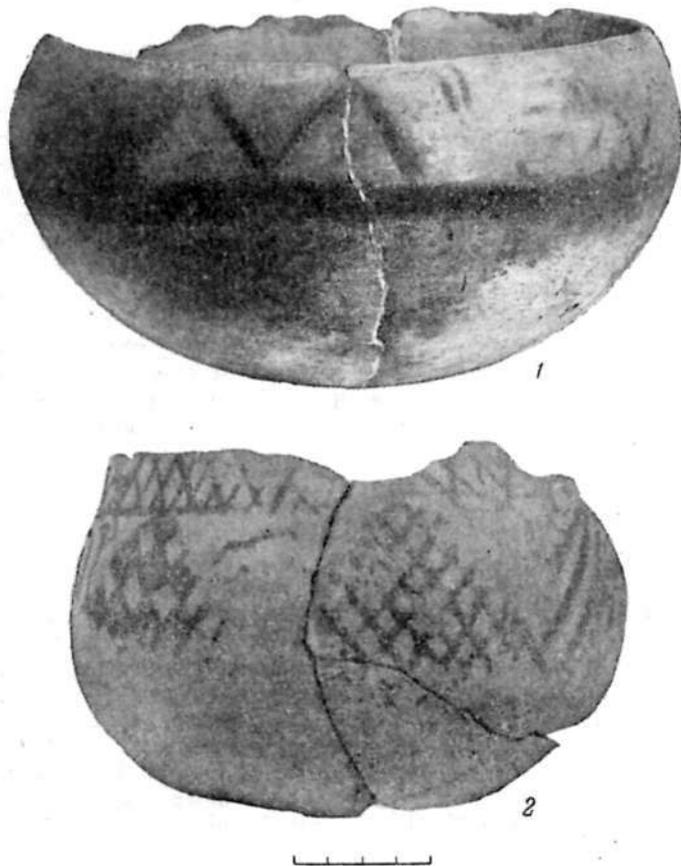

Рис. 37. Расписные сосуды из могильника Шарт I(1) и Шарт II (2).

лезвийного ножа с рукоятью, костяную подвеску. Этот курган служил местом коллективного захоронения.

Курган 2 содержал одиночное разрушенное захоронение, ориентированное головой на Ю. После ограбления в могиле сохранилось лишь несколько обломков керамики.

В кургане 4 оказалось четыре захоронения. Основной костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на Ю. Поверх него находился второй костяк, обращенный головой также на Ю. В обоих концах могилы находились еще два разрушенных захоронения. В могиле найдена

4. МОГИЛЬНИК ДАРАУТ-КУРГАН

Находится на склоне хребта на правом берегу р. Кызыл-Су, у западной окраины сел. Дараут-Курган (табл. I, 71). В 1947 г. экспедиция А. Н. Бернштама вскрыла три кургана. Только в одном оказалось погребение женщины, ориентированное головой на З. В небольшой грунтовой могиле возле костяка находились: тонкостенный горшок со светлым ангобом, изготовленный на гончарном круге; большая сердоликовая бусина с инкрустированным узором; бронзовый браслет с орнаментированными концами, в которых А. Н. Бернштам усматривал стилизованное изображение животных, и каменная проколка длиной 13 см. А. Н. Бернштам датирует захоронение II—I вв. до н. э.⁶⁵ Однако горшок по всем признакам имеет близкое сходство с посудой Актамского могильника и с керамикой IV типа Эйлатана. Это позволяет отнести его к более раннему времени, к времени Актамского могильника V—III вв. до н. э.

5. МОГИЛЬНИК ЧАК

Расположен на левом берегу р. Кок-Су, правом притоке Кызыл-Су, примерно в 10—15 км к З от Дараут-Кургана (табл. I, 68). В могильнике насчитывается до сорока курганов, различающихся по форме насыпи, устройству могилы и обряду погребения. Раскопки проведены экспедицией А. Н. Бернштама в 1956 г. В кургане 22 под прямо-

⁶⁴ Данные взяты из дневника сотрудника Памиро-Ферганской комплексной экспедиции 1952 г. Ю. А. Заднепровского.

⁶⁵ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 197—198, рис. 79, 1—4.

угольной насыпью из камней, в грунтовой могиле на уровне дневной поверхности, находилось три разрушенных костяка. Один из них обращен головой на СЗ. Края могилы выложены камнем. Возле погребенных найдены две круглодонные чаши, бронзовый фигурный предмет и обломок железного ножа.

Три кургана (28, 29 и 30) образуют обособленную и тесно связанную группу. В кургане 30 оказалось одиночное погребение в глубокой грунтовой яме, перекрытой бревенчатым накатом. Из этой могилы происходит деревянная ножка от столика и обломок глиняного сосуда. В кургане 29 похоронен ребенок в скорченной позе на правом боку. Могила перекрыта деревянными плашками. В этом кургане имеется впускное более позднее захоронение.

У головы ребенка лежал деревянный прибор для добывания огня. В кургане 28 также находилось одиночное захоронение и имелись остатки деревянного наката. Все погребенные ориентированы головой на СЗ. Вещей не найдено.⁶⁶

6. МОГИЛЬНИК КАРА-ШВАК

Находится на второй террасе левого берега р. Туз-Дара, возле впадения ее в р. Кызыл-Су, к З от Дараут-Кургана (табл. I, 69). Он состоит из 20 курганов, из них экспедиция А. Н. Бернштама в 1956 г. вскрыла восемь. Насыпи овальной формы несколько различаются по размерам. В больших курганах (диаметром 4—6 м) об-

наружены одиночные погребения в грунтовых ямах на уровне дневной поверхности. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, головой на З. Вещей возле них не оказалось. В больших курганах (размером 7×8 м) выявлено по три костяка, лежавших на спине, головой на З, а также разрушенные костяки, положение которых нельзя установить. Для кургана 7 можно говорить о повторных и одновременных захоронениях. В этом кургане похоронены три женщины разного возраста и антропологического типа. В кургане 8 погребены мужчина (?) и две женщины.

Погребальный инвентарь беден и включает три целые чаши и обломки лепной посуды, несколько изделий из бронзы (круглое зеркало с прямой ручкой, иглу, два звена цепочки) и железа (обломки ножей, кольцо, булавки с расплюснутым концом), а также точильный брусок.⁶⁷

Рассмотренные памятники древних скотоводов малочисленны и разнообразны по устройству могильного сооружения и обряду погребения. Можно выделить три разновидности захоронений: на древней дневной поверхности, в неглубоких грунтовых ямах и в могилах с деревянным накатом. Имеются одиночные погребения, ориентированные головой на З (Дараут-Курган и Кара-Швак), и коллективные захоронения (Шарт II, Кара-Швак, Чак).

На табл. 16 показано распределение по полу и возрасту погребенных в коллективных захоронениях.

Таблица 16

Распределение по полу и возрасту погребенных в курганах Алая

Пол	Возраст	Могильники					Итого
		Шарт II		Кара-Швак		Чак	
		курган 1	курган 4	курган 7	курган 8	курган 22	
М	Зрелый	2	1	—	—	1?	4
	Старческий	1	—	—	1	—	2
	Неопределенный	—	—	—	—	1	1
Ж	Юношески-возмужалый	—	1	—	—	—	1
	Возмужалый	1	1	3	2	—	7
	Зрелый	—	—	—	—	1	1

⁶⁶ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, стр. 69—72, рис. 27—32.

⁶⁷ Там же, стр. 72—77, рис. 33—42.

Курганы с коллективными захоронениями можно рассматривать как семейные усыпальницы, использованные для повторных погребений.

В погребальном инвентаре имеются изделия из бронзы и железа. Наряду с посудой ручной выделки встречены сосуды, изготовленные на гончарном круге и с расписным орнаментом, т. е. керамические изделия, не характерные для домашнего производства скотоводческого населения и явно привозные.

Устройство могилы и характер погребального обряда, а также сходные формы керамики и других предметов позволяют сблизить могильники Алая с памятниками Семиречья и Тянь-Шаня сако-усуньского периода. Вместе с тем, наблюдаются черты сходства и с погребальными памятниками Ферганской долины — с могильниками Актамского типа.

Судя по имеющимся материалам из Кызыл-Курганского селища и Дараут-Курганского поселения, часть скотоводческого населения вела более или менее оседлый образ жизни.

7. КЫЗЫЛ-КУРГАНСКОЕ СЕЛИЩЕ

Находится в Алае на правом берегу р. Гульча, между могильниками Чакмак и Шарт. На поверхности нет никаких признаков поселения, за исключением обломков глиняной посуды. На обследованном участке возвышается несколько пологих холмов. На одном из них в 1952 г. заложен шурф. Четкого культурного слоя не прослежено. В шурфе встречены отдельные зольные пятна и небольшое количество керамики, а также обломки зернотерок. Судя по составу культурных отложений, можно говорить о сезонном или кратковременном характере селища. Среди разнообразной керамики выделяется две группы: грубая ручной выделки с шамотом и следами раскраски архаическая по облику посуда (она именуется А. Н. Бернштамом анауской, анау-даваньской) и тонкостенная красноангобированная посуда.

Возле селища в 1948 г. вскрыто три кургана с разрушенными погребениями, в которых найдена керамика, сходная с комплексом селища, а также железные наконечники стрел.⁶⁸

⁶⁸ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 193—197, рис. 78.

8. ДАРАУТ-КУРГАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Раскопки на этом поселении дали наиболее интересные результаты.

На западной окраине сел. Дараут-Курган, на правом низком берегу р. Кызыл-Су в 1947 г. было обнаружено селище (рис. 38, табл. I, 70). Оно внешне не выделяется среди окружающей местности. На поверхности его в беспорядке разбросаны огромные валуны. Размеры поселения невозможно установить. На поселении собран подземный материал. В 1948 г. экспедиция А. Н. Бернштама заложила шурф.⁶⁹ В курганах, расположенных возле поселения, обнаружена керамика, сходная с керамикой поселения. Материалы Дараут-Курганского и аналогичные ему находки Кызыл-Курганского селища, по мнению А. Н. Бернштама, относятся ко второй половине I тыс. до н. э.⁷⁰

В 1956 г. автор под руководством А. Н. Бернштама продолжил работы на Дараут-Курганском поселении в раскопе площадью около 70 кв. м, на южном крае поселения. В южной половине раскопа открыт фундамент стен из крупных камней. Характерна особенность кладки стен, заключающаяся в чередовании двух рваных камней и окатанного валуна. Одна стена проходила с СЗ на ЮВ, вторая — перпендикулярно ей. Последняя стена в западном конце обрывается. В средней части вскрытого участка выявлены остатки еще одной поперечной стены, которая проходит параллельно второй стене. Всего в раскопе вскрыто частично по крайней мере четыре помещения (рис. 39). Одно расположено в южной части раскопа за каменным фундаментом. Культурный слой здесь был насыщен золой и углем. Два помещения находятся по обе стороны основной стены. Причем у восточного помещения, размером 6×4 м, сохранилось три стены. К северу от них расположено еще одно помещение. На поселении, вероятно, были монументальные постройки, от которых сохранились только камни фундамента. Полностью не удалось определить контуры ни одного помещения. Судя по размерам части восточного помещения (6×4 м), помещения

⁶⁹ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 197, рис. 78, 80.

⁷⁰ Там же, стр. 197—198.

Рис. 38. Дараут-Курган.

1 — общий вид поселения; 2 — южная часть раскопа.

были большими. Камни фундаментов находились в дерновом слое, а некоторые выходили непосредственно на поверхность. Пространство между ними заполнено скоплениями золы, фрагментами керамики и обломками костей животных. Часто встречались также обломки зернотерок.

На глубине 0.7—0.9 м на всей площади вскрыт глинобитный пол, залегающий на материковом грунте. В полу обнаружено 10 хозяйственных ям, заполненных культурными остатками (рис. 40). Все ямы находятся в пределах участка, окруженного каменным фундаментом. Ямы вырыты в материковом грунте. Заполнение ям темного цвета четко выделялось в красноватом суглинке материка. Диаметр ям в среднем — около 1 м. Только одна овальная яма выделяется своими большими размерами — 2.2×1.6 м. Дно их находилось на одном уровне, на отметке 1.6 м от поверхности. В одной яме оказался кусок окисленной бронзы неопределенной формы. В яме 2 найден почти целый череп лошади. Особенно хорошо сохранился участок пола между ямами 9 и 10. Здесь в полу расчищено несколько круглых ямок диаметром в 5 см и остатки очага (?).

Итак, на поселении можно выделить культурный слой с каменным фундаментом построек и слой на уровне пола с десятью ямами, лежащий непосредственно на материковом грунте. В южной части основания стены, проходившей в направлении З—В, лежит на уровне пола и материкового грунта. Из этого можно сделать заключение об одновременности нижнего культурного слоя и слоя с каменным фундаментом, что подтверждается также однородностью керамических находок.

На поселении преобладает грубая лепная керамика, изготовленная из глины с примесью шамота и плохо обожженная. Представляет интерес почти целая открытая миска со сплошной окраской буро-фиолетового цвета. Среди этой керамики выделяется группа фрагментов, покрытых желтоватой облицовкой. На некоторых из них имеются ручки-налепы подковообразной формы и петлевидные горизонтальные ручки. Эта группа имеет много общего с неорнаментированной керамикой Шурабашатского городища. В большом количестве встречены фрагменты грубой лепной посуды с отпечатками разнообразной ткани. Восстановлена форма лепного кув-

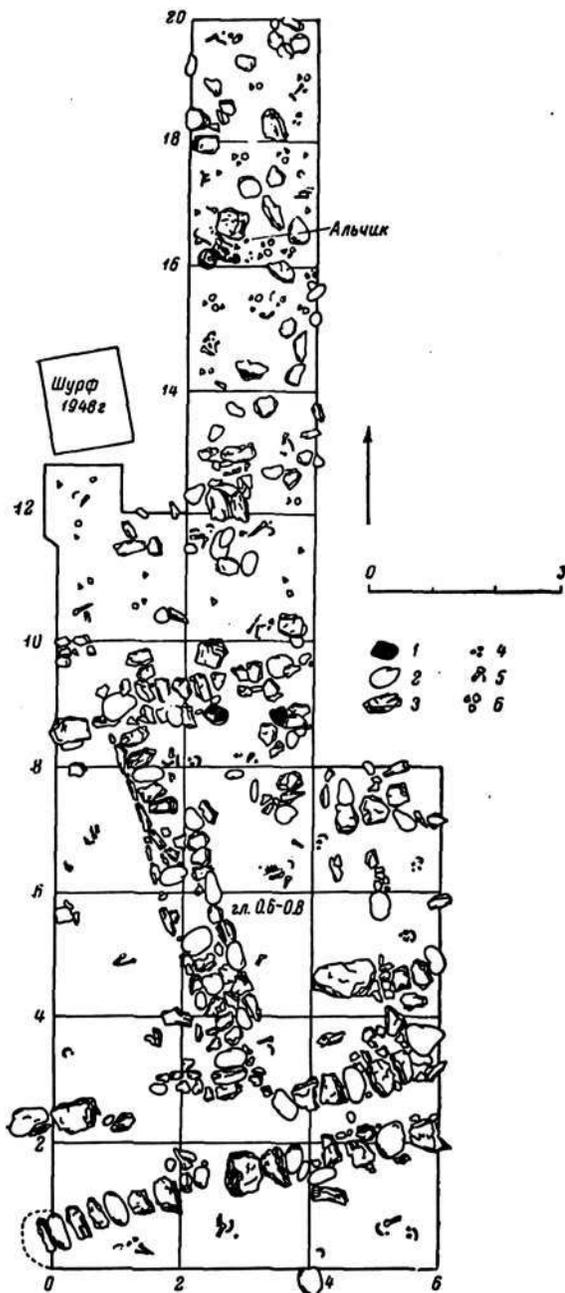

Рис. 39. Дараут-Курганское поселение. План верхнего горизонта.

1 — зернотерка; 2 — окатанный камень; 3 — рваный камень; 4 — уголь; 5 — кость; 6 — керамика.

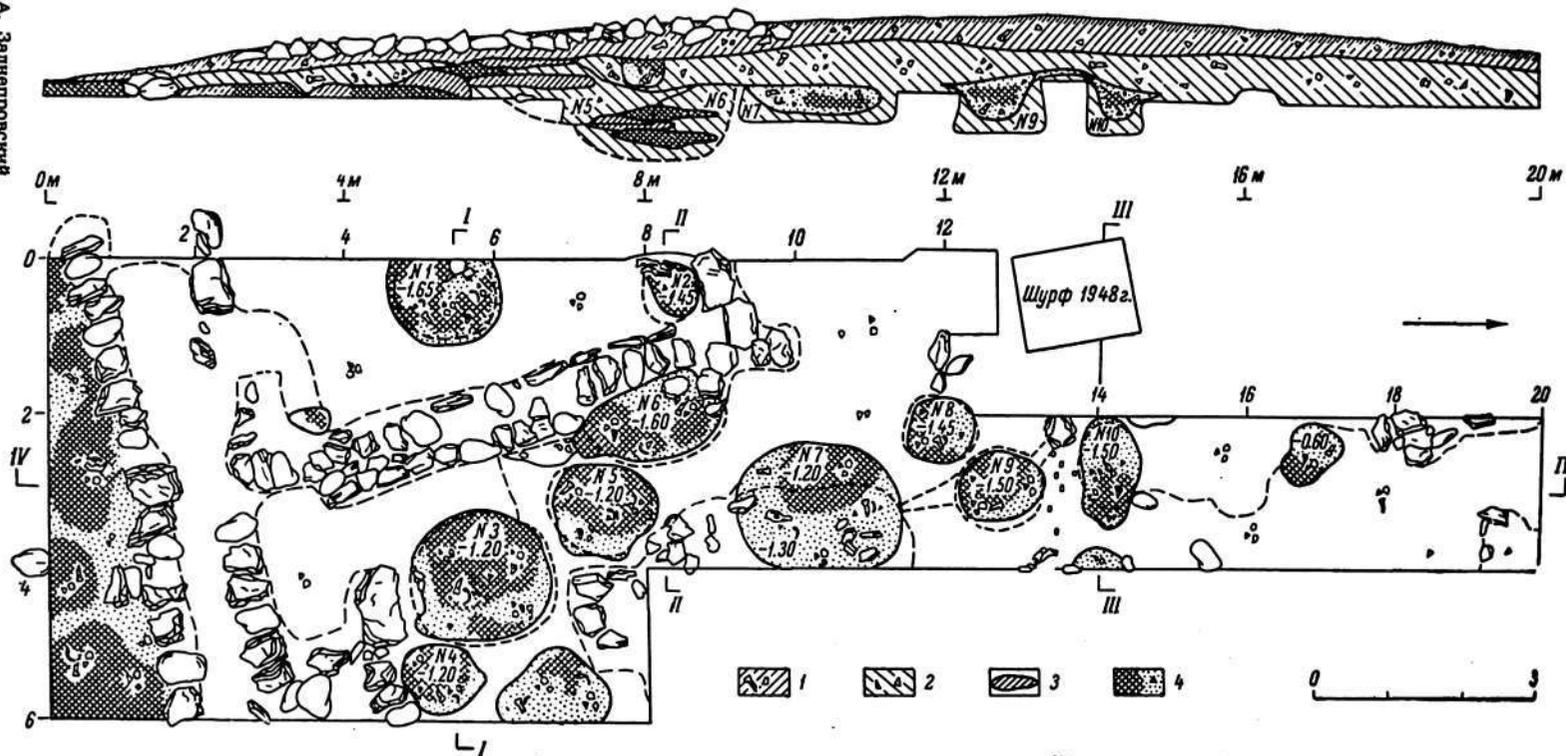

Рис. 40. Дарыут-Курганское поселение. План и разрез нижнего горизонта.

1 — лёссовидный суглинок с отдельными находками; 2 — культурный слой; 3 — зольные прослойки в ямах; 4 — угли, зола, обожжённый лёсс.

шинчика с плоским дном, выпуклым туловом и прямыми стенками. На внутренней поверхности дна его имеются отпечатки матерчатого шаблона. На поселении найдена целая круглодонная чашечка, украшенная прорезными линиями от бортика и до дна.

Единственным фрагментом представлена тонкостенная красноангобированная керамика. На одном фрагменте имеются остатки расписного орнамента. Основную же массу керамики составляет лепная домашнего производства посуда, от которой резко выделяется привозная керамика шурабашатского типа и красноангобированная. Кроме того, найдено еще три пряслица. Одно — красноглиняное, неправильной биконической формы, с орнаментом на верхней половине в виде полосы ямок между двумя горизонтальными линиями. Оно по форме и украшению очень похоже на сероглиняное прясло из Карамуйнакского могильника первых веков н. э. с погребениями в подбое. Второе прясло — с плоским основанием, на котором прорезано четыре радиальных отрезка. Оно идентично пряслицу из Кара-Дарьинского городища, отличаясь только меньшими размерами и меньшим количеством прорезных линий. Третье пряслице — округлой формы и имеет близкие аналогии в находках на городищах Шурабашат и Кара-Дарьинском.

Из других находок отметим круглый каменный отбойник, близкий по форме отбойникам чустской культуры и находкам на городище Шурабашат и Кара-Дарьинском. Каменное навершие-пряслице, точильный брусок и сурьматаш дополняют перечень предметов из камня; других находок на поселении не было обнаружено.

Подсчет костей животных, собранных на поселении, показывает преобладание мелкого рогатого скота, костей которых собрано более 80%. В небольшом количестве представлены кости лошади и крупного рогатого скота. Из диких животных имеются только кости барана-архара. Эти данные наглядно показывают направление скотоводческого хозяйства, которое являлось основным занятием населения. Обнаружение ям, очевидно, служивших для хранения зерна и припасов, а также зерноотерок позволяет предполагать известное развитие земледелия. В керамическом комплексе поселения имеются материалы, сходные с Шурабашатом, что позволяет определить относительную хронологию его. Особо

следует отметить необычный для скотоводческого и кочевого населения горных районов характер построек на каменном фундаменте.

Поселения эпохи раннего железа были распространены также в северо-западной Фергане в Кайрак-Кумской степи. Среди материалов, собранных на разрушенных поселениях, как уже было сказано, встречается наряду с керамикой эпохи бронзы посуда также более позднего времени, украшенная ямками и отверстиями вдоль закраины, имеющая валики с насечками и ручки в виде конических выступов. Эта группа находок отнесена Б. А. Литвинским к сакскому времени. Она может быть сопоставлена с находками бронзовых наконечников стрел скифского типа. Наконечники представлены трехлопастными с черешком и двуперыми втульчатыми формами. Кроме того, к этому комплексу можно отнести также бронзовые однокольчатые удила.⁷¹

Формы керамики Кайрак-Кумов не находят аналогий в комплексах сакского времени Ферганы и ближайших районов. Однако, прием украшения сосудов редкими ямками и ручки в виде выступов встречаются в Фергане. Они характерны для керамики II типа городища Эйлатан. Сравнение с Эйлатаном подтверждает правильность выделения в Кайрак-Кумах комплекса сакского периода. К рассматриваемому периоду относится часть наскальных рисунков уже упоминавшегося комплекса Саймалы-Таш.

IV. ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ (КОТЛЫ)

Отдельные находки металлических изделий, относящихся к периоду раннего железа, по сравнению с предшествующим периодом, крайне малочисленны. Они ограничиваются, в основном, находками медных котлов.

1. Медный котел, найденный в 1939 г. на трассе БФК, к СЗ от сел. Тюячи, на глубине 2 м (табл. LXXIII, 3). Корпус его цилиндрический, с прямыми стенками, края которых отогнуты наружу. Дно уплощено-округлое. Ко дну приварены три ножки,

⁷¹ Б. А. Литвинский, I, 1956д, стр. 34; Э. Гулямова, Е. А. Давидович... I, 1956, стр. 12—13.

имеющие форму перевернутой буквы Г. Полностью сохранилась только одна ножка. Высота котла — 55 см, диаметр — 64 см. По краю корпуса расположены четыре кольцевидные ручки с тремя концентрическими кругами на внешней стороне. Ручки выступают наполовину над стенками. Между ними помещены четыре скульптурные фигурки козлов, обращенных в одну сторону (влево) и образующих как бы шествие зверей. Ниже ручек проходит рельефный валик. Котел цельнолитой, с приваренными ножками и со следами починки.⁷²

2. Котел, обнаруженный при земляных работах на головном участке арыка летом 1953 г., на правом берегу р. Кара-Кульджи, к В от Кара-Дарьинского оазиса (табл. LXXIII, 2). Корпус его полусферической формы и края стенок слегка отогнуты. Две горизонтальные ручки с канелюрами помещены в верхней части корпуса. Ниже основания их проходит рельефный валик, к которому примыкает рельефный знак. Котел снабжен небольшим поддоном. Не исключена возможность, что он представляет собой часть обычной конической подставки. Котел литой и имеет следы починки. Одна заплатка подогнана небрежно и удерживается на нескольких заклепках. Высота — 24 см, диаметр — 32 см.

На этом же участке найдены и другие вещи: металлическая чаша, бронзовое зеркало, бронзовый трехгранный наконечник стрелы с черешком и часть цепочки. Находки хранятся в Ошском областном музее.

3. Медный котел, найденный в 1955 г. при земляных работах в окрестностях городища Шурабашат, к З от него (табл. LXXIII, 1). Корпус котла ковчешской формы с прямой закраиной. Край стенки загнут и образует утолщение. Котел стоит на небольшой подставке, которая обломана и не сохранилась в первоначальном виде. На верхнем крае стенки имеются остатки ручки. На корпусе вдоль края проходят два рельефных валика и между ними помещен рельефный тамгообразный знак. Котел медный, судя по определению Лаборатории археологической технологии ЛОИА.

	Cu	Pb	Fe	Zn	Ni	Mg
Химический анализ в %	95.96	0.84	0.13	0.07	0.13	0.022

⁷² М. Е. Массон, I, 1939 г., 1940; Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 23, табл. VIII, 7; Л. М. Рутковская, I, 1956.

По химическому составу шурабашатский котел близок котлам Семиречья и Восточного Казахстана.⁷³ Высота — 18 см, диаметр — около 18 см. Котел хранится в Ошском областном музее.

Итак, в Ферганской долине были распространены медные котлы трех разных форм. Тюячинский котел — уникальной формы и не имеет прямых аналогий. Он выделяется среди всех известных на территории СССР типов котлов по форме корпуса. Этот котел по форме корпуса имеет некоторое сходство с китайскими бронзовыми сосудами типа «дин» на трех ножках. На это сходство обратила внимание Л. М. Рутковская в специальной статье, посвященной публикации и анализу ферганского котла. На этом основании, не приводя никаких других доказательств, она утверждает, что котел привезен в Ферганскую долину из Китая.⁷⁴

Однако для китайских котлов характерно более округлое тулово, своеобразная форма ручек и ножек, а также обязательное наличие крышки. Они резко отличаются и по стилистическим особенностям орнамента. Ферганский котел изготовлен более грубо и в украшении его незаметно влияние китайских образцов. Он отличается и по другим конструктивным деталям. Сходство между ферганскими и китайскими котлами весьма относительное. И, следовательно, нет никаких оснований считать котел, найденный в Тюячи, изделием китайских мастеров.

Сравнительное изучение ферганского котла позволяет отметить также некоторое сходство его деталей с семиреченскими и причерноморскими котлами. Ферганский котел имеет три ножки. Тип трехногих котлов на всей территории распространения «скифских» котлов в СССР встречается только в Семиречье. По этому признаку ферган-

⁷³ И. И. Копылов, II, 1955.

⁷⁴ Л. М. Рутковская, I, 1956, стр. 41, 43. Л. М. Рутковская считает, что котел попал в Фергану через посредство кочевых племен, обитавших на северных окраинах Китая. Посредническая роль приписана гунам, которые якобы завоевали Среднюю Азию в начале II в. до н. э. (!) (стр. 45). Это заключение Л. М. Рутковской находится в противоречии со всеми известными фактами по истории Средней Азии указанного периода. Также необосновано заключение о сочетании культа животных и космогических сил у гунов и об их отражении в орнаменте котла.

ский котел может быть сопоставлен с семи-реченскими. Однако для последних характерны ножки выгнутых форм, воспроизводящие фигурки животных. Простые формы ножек ферганского котла не имеют полных аналогий и резко отличаются от художественно выполненных семиреченских образцов.

Рассмотрим распространение ручек кольцевидной формы и прием украшения фигурками козлов. Кольцевидные ручки, расположенные по краю корпуса, сходные с ручками ферганского котла, известны в Восточном Казахстане,⁷⁵ на Северном Кавказе⁷⁶ и Южной Сибири.⁷⁷ Однако в двух последних областях кольцевидные ручки дополнительно снабжены шипами. Таких шипов на ферганском котле нет. Следовательно, эта деталь ферганского котла имеет сходство, судя по схематическому рисунку, только с одним из котлов из Восточного Казахстана.

Обычай украшения котлов фигурками животных, главным образом козлов, расположенных по кругу, свойствен изделиям скифов Причерноморья (котлы Келермеса и Чертомлыка)⁷⁸ и сакских племен Семи-речья.⁷⁹ Первоначально фигурки животных, очевидно, заменяли собой ручки котлов, как, например, на котле из Келермесских курганов⁸⁰ или на котле из Минусинского края.⁸¹ Затем фигурки животных частично или полностью утрачивают утилитарное назначение и служат исключительно как украшения. На котле из Куль-Оба помещены не две, а четыре фигурки, и они располагаются по кругу. Чертомлыцкий котел снабжен 6 фигурками, половина из которых обращена влево, а другая половина им навстречу — вправо. Козлы скифских котлов изображены с длинными загнутыми рогами, которые доходят до спины. Размеры их сравнительно большие, так что они одновременно служили и ручками. Ферганские

козлы имеют короткие рога. Они меньших размеров и служили только украшением.

Если подвести итоги, то получится, что все признаки (общая форма корпуса и особенности конструктивных частей) говорят в пользу местного происхождения котла из Тюячи. При этом наблюдается сходство с ближайшим центром производства котлов — Семиречьем (наличие трех ножек, кольцевидных ручек и фигурок козлов).

Если учесть все сказанное, то никак нельзя согласиться с предлагаемой Л. М. Рутковской точной датой котла — III в. до н. э., которая не аргументирована и, следовательно, не может быть принята.

Принимая во внимание, что украшение котлов скифского типа фигурками козлов встречается в ранних памятниках — Чертомлык и Келермес, можно с известным основанием отнести ферганский котел к сакскому периоду.

Второй котел по форме корпуса, ручек и наличию поддона, а также по размерам отличается от первого. Он имеет сходство с одним из котлов Алма-Атинского музея.⁸² Такая деталь, как горизонтальные ручки с каннелюрами находит многочисленные аналогии в семиреченских котлах.⁸³ Подобные ручки имеются также на котле из района Казалинска.⁸⁴ Они известны и в Северном Китае.⁸⁵

Котел из долины Кара-Кульджи отличается от семиреченских профилировкой верхней части корпуса и отсутствием вертикальных дужек-петель. На этом основании можно предполагать местное происхождение его. Приведенные аналогии с семиреченскими котлами позволяют отнести его к скифскому типу котлов.

Аналогии шурабашатскому котлу в опубликованных материалах неизвестны. Некоторое сходство шурабашатский котел имеет с миниатюрными котлами таштыкской эпохи из Южной Сибири.⁸⁶ Это позволяет предположить, что он из числа рассматриваемых ферганских котлов наиболее поздний и,

⁷⁵ Е. Ю. Спасская, II, 1956, табл. I, 25; 1958, стр. 183.

⁷⁶ А. А. Иессен, II, 1954, рис. 13, 15.

⁷⁷ В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдыло, II, 1952, рис. 44, 1—3.

⁷⁸ А. П. Манцевич, II, 1961, стр. 145—150.

⁷⁹ А. С. Стрелков, II, 1934.

⁸⁰ А. А. Иессен, II, 1954, рис. 5;

А. П. Манцевич, II, 1961.

⁸¹ Э. Р. Рыгдыло, П. П. Хороших, II, 1959, стр. 255, рис. 1, 3; 2.

⁸² А. Н. Бернштам, I, 1952а, рис. 21, второй сверху в правом столбце.

⁸³ Е. Ю. Спасская, II, 1956, стр. 159.

⁸⁴ ОАК за 1894 г., 1896, стр. 42; Архив ЛОИА АН СССР, д. 67 за 1894 г.; Béla Posta, 1905, S. 523, fig. 292.

⁸⁵ Inner Mongolia, 1935, pl. XXVIII.

⁸⁶ Л. Р. Кызласов, II, 1960, стр. 80, рис. 26.

очевидно, может быть датирован сарматским временем.

Бронзовые котлы скифского типа были широко распространены в полосе степей от Восточной Европы до Северного Китая. На этой территории выделено несколько провинций и некоторые типичные для них формы котлов.⁸⁷ Ферганские котлы, несмотря на некоторое сходство с семиреченскими, своеобразны. Публикуемые материалы позволяют расширить ареал бытования медных котлов периода раннего железа и наметить еще одну, по всей вероятности, самостоятельную область производства котлов — Фергану. Рассматриваемые котлы так же, как и в Причерноморье, бытовали не только в скифский период, но и в более позднее время.

У. ДАТИРОВКА

Сравнительное изучение памятников Ферганы эпохи бронзы и раннего железа позволяет определить место эйлатанского и шурабашатского комплексов в относительной хронологии.

Рассмотрим вопрос о связях чустской и эйлатанской культуры. Эйлатанский комплекс представляет новый этап в развитии культуры древней Ферганы. Особенно заметно проявляется это в керамическом производстве. В это время в Фергану впервые стал известен гончарный круг. Появление посуды с розоватым ангобом, изготовленной на гончарном круге, составляет отличительную особенность эйлатанского комплекса. Вторая особенность заключается в смене бронзы железом. В эйлатанский период, судя по материалам могильников Актанского типа, железные изделия получают довольно широкое распространение. Все это говорит о более высоком уровне развития культуры в эйлатанский период по сравнению с чустским.

Комплекс керамики Эйлатана в целом отличается от чустского. Наиболее характерная для Чуста и Дальверзина посуда с красной облицовкой не имеет аналогий в Эйлатане. В Эйлатане отсутствует посуда с белой облицовкой, черно-сероошечная и толсто-

стенная с шамотом. Такие типичные формы, как миски с перегибом бортика, конические горшки и сосуды с узким и высоким горлом, выходят из употребления. Отсутствует в Эйлатане столь характерная для чустского комплекса керамика с черной росписью по красному фону.

Вместе с тем, имеющиеся у нас материалы не оставляют сомнения в хронологической близости и генетической связи между памятниками обеих культур.

При рассмотрении вопроса о времени чустской культуры мы уже привели факты о генетической связи между нею и памятниками эйлатанского периода. Теперь остановимся на этом вопросе подробнее. Для сравнения обоих комплексов мы располагаем рядом данных (об этом подробнее в главе IV), но наибольшее значение имеют керамические материалы. Типичная для Эйлатана форма полусферической чаши с красноватой окраской (I тип посуды Эйлатана) имеет близкое сходство с подобными чашами с красной облицовкой из Чуста и Дальверзина. Эта форма, например на Дальверзинском поселении, появляется уже в нижнем горизонте и является одной из наиболее типичных форм посуды на протяжении всего периода существования поселения. В обоих комплексах встречаются сосуды с напечными ручками-выступами (II тип Эйлатана). Можно отметить общее сходство сероглиняной (кухонной) посуды (III тип Эйлатана) и широкое распространение приема изготовления сосудов на матерчатом шаблоне. Объединяет рассматриваемые комплексы также и наличие расписной посуды, представленной, однако, разными вариантами ее. О генетической связи этого типа посуды свидетельствуют обнаруженные Н. Г. Горбуновой в Кунгайском могильнике несколько расписных сосудов, элементы орнамента которых восходят к характерным узорам чустской посуды.⁸⁸ Следовательно, из четырех типов посуды Эйлатана три имеют более или менее определенное сходство с комплексом Чуста и Дальверзина.

Важным доказательством связи и преемственности рассматриваемых комплексов служат упоминавшиеся материалы Кара-Курганского поселения, которое дало керамику промежуточного типа между чустской и эй-

⁸⁷ А.-М. Tallgren, II, 1917, pp. 58—64; Е. Ю. Спасская, II, 1956, 1958; Э. Р. Рыгдылов, П. П. Хороших, II, 1959; Ю. С. Гриниц, II, 1960, стр. 167—169.

⁸⁸ Н. Г. Горбунов, I, 1961а, 1961 б, 1961 в.

латанской. С открытием этого поселения появилась возможность не только хронологически увязать памятники обоих периодов, но и поставить вопрос о непрерывном развитии культуры в чустский и эйлатанский периоды.

К сожалению, ограниченность имеющихся материалов по эйлатанскому комплексу не позволяет сравнить другие виды материальной культуры. Можно лишь отметить, что рассматриваемые поселения были окружены оборонительными стенами, устройство которых имеет много общего.

Из всего сказанного явствует, что памятники эйлатанского периода связаны с предшествующими и представляют новый этап развития культуры Ферганы, непосредственно следующий за чустским.

Сравнение обоих комплексов позволяет установить последовательность их во времени и определить нижнюю границу датировки эйлатанского периода, которая не выходит за пределы первой трети I тыс. до н. э.

Сопоставление с шурабашатским комплексом дает верхнюю границу существования рассматриваемого комплекса. Все типы керамики Эйлатана продолжают производить в следующий шурабашатский период. Сосуды из Шурабашата с карминно-фиолетовой окраской по характеру покрытия поверхности очень близки посуде I типа Эйлатана. Некоторые образцы при сопоставлении невозможно различить. Встречаются одинаковые формы посуды. Узор расписной чаши Эйлатана находит прямые аналогии в комплексе Кара-Дарьинского городища. Керамика с розоватым ангобом, изготовленная на круге, представлена в обоих комплексах совершенно тождественными образцами. В Эйлатане и Шурабашате известны сходные формы неорнаментированной посуды с напелными ручками-выступами. Наблюдается общее сходство сероглиняной (кухонной) керамики. Можно отметить одинаковые приемы изготовления сосудов и украшения их.

Часть комплекса Шурабашата, следовательно, имеет полное сходство с Эйлатаном. Но о сходстве всего комплекса керамики в целом говорить нельзя. Различия между ними выступают совершенно определенно. Основное отличие состоит в том, что в Шурабашате расписная, крашеная и другие типы керамики встречены вместе с красноангобированной. Расписная керамика за-

нимает в комплексе Шурабашата значительное место и достигает большого разнообразия и совершенства, тогда как в Эйлатане она представлена единичными образцами: ⁸⁹ преобладает монохромно крашеная посуда. В крашеной керамике Шурабашата появляются совершенно новые формы сосудов и наиболее распространена форма чаши с перехватом стенок. Керамика с розовым ангобом встречается в Шурабашате в небольшом количестве и, вероятно, в наиболее ранних слоях его. В Шурабашате появляются такие крупные сосуды, как хумы (VI тип посуды Шурабашата), отсутствующие в комплексе Эйлатана.

Сравнительное изучение керамики позволяет рассматривать шурабашатский комплекс как прямое развитие и продолжение эйлатанского. В этот период совершенствуются и получают полное развитие традиции керамического производства эйлатанского периода.

Сравнение Эйлатана с Чустом и Шурабашатом дает возможность определить относительную хронологию его.

Для уточнения датировки и определения абсолютной хронологии Эйлатана в настоящее время решающее значение имеет сравнение его с комплексом могильников Актамской группы. Керамика Актама представлена двумя разновидностями — лепной посудой и посудой, изготовленной на гончарном круге. По ряду признаков (способ изготовления, применение матерчатого шаблона, окрашивание поверхности и формы посуды — преобладание чаш и мисок и др.) лепная посуда Актама сходна с керамикой I типа Эйлатана. Однако формы крашеной керамики так же, как и профилировка сосудов Эйлатана, более разнообразны. В Эйлатане наряду с чашами, края которых загнуты внутрь, известны чаши с отогнутыми краями, а также кубковидные сосуды и др. Фрагментарность и малочисленность материалов Эйлатана затрудняет сопоставление с нею расписной керамики Актама. Но, судя по найденной возле Эйлатана расписной чаше, совершенно тождественной чашам

⁸⁹ Однако в материалах могильников актамского типа расписная керамика встречается примерно в одинаковом с Шурабашатом количестве. В Актамском могильнике расписная посуда составляет 7%, в Кунгайском — 12% всех находок (Н. Г. Горбунова, I, 1961б стр. 191). Ср: Шурабашат — 12.2% (табл. 14).

Актама,⁹⁰ можно говорить о сходстве и расписной посуды. Совершенно сходна станковая посуда Актама и керамика IV типа Эйлатана. В обоих памятниках встречаются одинаковые формы посуды: горшки двух размеров (диаметром в 10—12 и 22—24 см), открытые чаши, узкогорлый кувшин. Повторяется даже такая деталь, как налепной валик у основания бортика сосуда. Вместе с тем, судя по венчикам найденной в Эйлатане керамики, станковая посуда поселения была более разнообразна, чем в Актаме. Подобное сравнение приводит к следующим выводам: во-первых о наличии полного сходства двух основных типов — лепной крашеной и станковой посуды Эйлатана и Актама; во-вторых, о большем разнообразии комплекса керамики Эйлатана, в котором имеются еще два типа посуды, и о большем разнообразии форм посуды поселения; в-третьих, об однородности комплексов, несмотря на своеобразие керамики Актама, которое, возможно, объясняется требованиями погребального ритуала. Актамский могильник на основании всего комплекса находок и главным образом по форме бронзовых наконечников стрел скифского типа датируется V—III вв. до н. э.⁹¹ В настоящее время эта дата является наиболее вероятной.

Аналогичное сочетание расписной керамики с бронзовыми наконечниками стрел скифского типа обнаружено в одном кургане могильника Шарт II в Алайской долине. Расписная чаша из этого кургана почти идентична чашам Актамского могильника и очень близка Эйлатанской. Сходные по форме сосуда с узором в виде треугольников, заштрихованных наподобие шахматной доски, известны в комплексе Шурабашата. Чаша из могильника Шарт II несомненно привозная и попала в руки скотоводов из равнинной Ферганы. Один из бронзовых наконечников стрел уникальной формы, с раскрепленным черешком, представляет близкую и единственную аналогию наконечнику Актамского могильника. На основании анализа формы наконечников стрел А. Н. Бернштам датировал этот курган и могильник в целом V—III вв. до н. э. К этому же времени следует отнести и расписную чашу.

Сопоставление эйлатанской керамики с находками в могильнике Шарт II, Чакмак, Тюлейкен, а также могильников на трассе БФК позволило автору в 1952—1954 гг. пересмотреть старую датировку Эйлатана⁹² и определить время его в пределах VII—IV вв. до н. э.⁹³ Дальнейшее исследование и в первую очередь открытие Актамского могильника, а затем и Шурабашата подтвердили правильность этой датировки.

Памятники Ферганы эпохи раннего железа настолько своеобразны и самобытны, что они не находят соответствий в археологических комплексах других областей Средней Азии и в шкале периодизации Южной Туркмении. Известное сходство можно отметить с керамическими изделиями более раннего периода Яз-Депе I в Южной Туркмении.⁹⁴ На этом основании можно заключить о значительном отставании Ферганы по сравнению с более развитыми областями. С синхронными комплексами Яз-Депе II и III ферганские памятники не имеют сходства. В это время на Юге Туркмении расписная керамика отсутствует и господствует белоангобирванная посуда банкообразных форм. В Южной Туркмении, Согде, Хорезме в середине I тыс. до н. э. наблюдается единообразие глиняной посуды, которое является проявлением культурной общности областей Среднеазиатского междуречья.⁹⁵ Фергана выпадает из этого круга памятников. Наибольшее сходство отмечается с комплексами Ташкентского оазиса — с памятниками Бургулюкской культуры и Канучи.⁹⁶ Сравнение с этими комплексами, датировки которых недостаточно обоснованы, не может содействовать уточнению хронологии памятников Ферганы.

⁹⁰ Первоначально Б. А. Латынин отнес Эйлтан к эпохе бронзы (Б. А. Латынин, I, 1935б). В настоящее время нет необходимости приводить доказательства, на основании которых была пересмотрена эта датировка (Ю. А. Заднепровский, I, 1960 г.).

⁹¹ Ю. А. Заднепровский, I, 1954, стр. 8, 18; 1960г, стр. 43. Б. А. Латынин полностью согласился с предложенной хронологией Эйлатана (Б. А. Латынин, I, 1956; 1960, стр. 92).

⁹² В. М. Массон, I, 1959, стр. 62. Выше мы отмечали сходство некоторых мотивов расписной посуды Кара-Дарьянского городища с Яз-Депе.

⁹³ В. М. Массон, I, 1959, стр. 61—62.

⁹⁴ А. И. Тереножкин, II, 1950, стр. 153, 155.

⁹⁰ Б. А. Латынин, I, 1960, стр. 90—92.

⁹¹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а, стр. 88; Б. А. Латынин, I, 1961а.

Перейдем к рассмотрению вопроса о датировке шурабашатского периода.

Комплекс керамики Шурабашата, как уж было отмечено, имеет сходство с эйлатанским, с одной стороны, а с другой — с мархаматским, характеризуемым посудой с красным ангобом.⁹⁷ Выше уже было установлено, что все типы посуды Эйлатана встречаются в шурабашатском комплексе.

Теперь остановимся подробнее на сравнении с материалами Актамского могильника. В комплексе Шурабашата выделена группа расписной керамики, сходная по мотивам росписи с Актамской. Для орнамента этой посуды характерны простые геометрические узоры: треугольники, углы и др. Они отличаются от основной массы расписной керамики Шурабашата, которая украшена криволинейными узорами и геометрическими узорами, усложненными дополнительными элементами криволинейного орнамента. Шурабашат сближает с Актамом также наличие керамики с розовым ангобом, сходной с IV типом Эйлатана. Можно отметить некоторое сходство погребального обряда захоронений в валу Шурабашата с Актамскими могильниками (положение на спине, головой на З, в сопровождении бронзовых и железных вещей и расписной посуды).

На основании сходства с Эйлатаном (VI—IV вв. до н. э.) и Актамом, который датируется V—III вв., нижней границей даты шурабашатского комплекса следует считать рубеж V—IV вв. до н. э.

Для определения верхней границы датировки Шурабашата и всего периода в целом большое значение имеет наличие в комплексе красноангобированной посуды. У нас имеются бесспорные свидетельства синхронности всех типов посуды шурабашатского комплекса. Условия нахождения сосудов в захоронениях в валу исключают возможность смешения разновременных вещей. Совместные находки в ямах нижнего горизонта, перекрытых при строительстве построек верхнего горизонта, также говорят об одновременности расписной, крашеной и красноангобированной посуды.

На поселениях шурабашатского периода посуда с красным ангобом встречается в не-

большом количестве. На городище Шурабашат она составляет около 5% всех находок, значительно больше ее представлено в материалах Дунбулака и наибольшее количество ее встречено на Кара-Дарьинском городище — около 20%. Приведенные цифры можно рассматривать как отражение постепенного распространения этой посуды, которая вытесняет и в дальнейшем полностью заменяет здесь предшествующую расписную керамику. В равнинной Фергане красноангобированная посуда составляет основную массу находок на поселениях мархаматского периода.

Посуда с красным ангобом Шурабашатского комплекса, как мы уже отмечали, ничем не отличается от подобной керамики других районов Ферганской долины. В наших материалах имеется небольшое количество фрагментов с процарапанным орнаментом, составляющим специфическую особенность ферганской красноангобированной керамики. Кроме того, на Кара-Дарьинском городище обнаружена посуда с коричневым и черным ангобом, которая представляет одну из разновидностей рассматриваемого типа посуды, обычно объединяемого одним термином «красноангобированная посуда».

В шурабашатском комплексе, особенно в материалах Кара-Дарьинского городища, имеется неорнаментированная посуда, изготовленная на гончарном круге, совершенно тождественная подобной посуде мархаматского периода.⁹⁸ Много общего имеют хумы, найденные на Шурабашатском, Дунбулакском и Кара-Дарьинском городищах с хумами мархаматского периода.

Еще одним доказательством связи рассматриваемых комплексов служат находки расписной посуды шурабашатского типа на Гайрат-Тепе — типичном памятнике периода красноангобированной керамики.⁹⁹ Интересно сопоставить керамические комплексы Шурабашата и Гайрат-Тепе. На первом памятнике расписная и крашеная керамика составляют одну треть всех находок, а посуда с красным ангобом представлена в небольшом количестве. Совсем иная картина

⁹⁸ Классификация керамики этого периода см.: Ю. А. Заднепровский, I, 1954, стр. 8; ср.: I, 1959г, рис. 1, 35—54.

⁹⁹ Раскопки на Гайрат-Тепе проводятся В. И. Козенковой, которой приношу благодарность за ознакомление с неопубликованными материалами.

⁹⁷ Краткая характеристика периода бытования керамики с красным ангобом, называемого автором мархаматским периодом, изложена в книге: Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, стр. 51—61; ср.: 1954.

наблюдается на Гайрат-Тепе: основная масса керамики — посуда с красным ангобом, а расписная посуда шурабашатского типа представлена единичными находками. Весьма заманчивым было бы усматривать в этой картине отражение начального и заключительного этапов развития шурабашатской расписной посуды и постепенного распространения посуды с красным ангобом.

Из всего сказанного вытекает, что шурабашатский комплекс имеет много общего с мархаматским.

Датировка этого периода и красноангобированной посуды Ферганы недостаточно разработаны вследствие малочисленности опорных данных, бедности нумизматических и других датирующих находок, а также стратиграфических данных. Начальный этап существования ее определяется на основании находки на поселении около Уч-Кургана¹⁰⁰ монеты местного подражания чекану греко-бактрийского царя Гелиокла (I в. до н. э.).¹⁰¹ Заключительный этап датирован находкой в слое тепе Кугай крупного железного наконечника стрелы, относящегося к III—IV вв.¹⁰²

Таким образом, время бытования керамики с красным ангобом охватывает период от I века до н. э. до III—IV вв. н. э.¹⁰³ Учитывая то обстоятельство, что посуда с красным ангобом Уч-Курганского поселения имеет устоявшиеся выработанные формы и прекрасное качество, можно отодвинуть начальный этап производства ее до III—II в. до н. э.

Исходя из датировки красноангобированной посуды, верхняя граница существования шурабашатского комплекса определяется в очень широких хронологических пределах от III в. до н. э. до III—IV вв. н. э. Уточнение хронологии рассматриваемого комплекса во многом зависит от решения вопросов хронологии красноангобированной посуды. К сожалению, в настоящее время отсутствуют объективные данные для периодизации внутри комплекса красноан-

гобированной керамики.¹⁰⁴ Но поскольку эта керамика в шурабашатском комплексе существует с более ранней посудой, характерной для эйлатанского периода, то можно предполагать, что в нем представлена ранняя группа ее. В качестве условной даты для разделения красноангобированной посуды на раннюю и позднюю можно принять рубеж н. э.

Таким образом, шурабашатский комплекс можно поместить в пределах от рубежа V—IV вв. до н. э. и до рубежа н. э. с возможным переживанием в первых веках н. э.

Следует оговорить, что имеющиеся материалы не позволяют окончательно решить вопрос о связи шурабашатского и мархаматского комплексов и соответствующих периодов. Здесь возможно два решения: 1) период красноангобированной керамики (мархаматский) относится, в основном, к первым векам н. э., а возникновение керамики с красным ангобом происходит в рамках предшествующего периода и 2) шурабашатский комплекс представляет собой лишь локальный вариант культуры Восточной Ферганы, сосуществующий во времени с памятниками периода красноангобированной керамики (мархаматским) в других районах Ферганы.

В жизни городища Шурабашат в настоящее время выделено три периода, которые, очевидно, соответствуют трем хронологическим этапам в истории шурабашатского периода. Основанием для этого служат намечаемая внутренняя стратиграфия городища, выражающаяся в последовательной смене строительных горизонтов, и некоторое различие в составе керамики. Первый период имеет наибольшее сходство с комплексами Эйлатана и могильников Актамского типа и поэтому может быть датирован IV—III вв. до н. э. Второй период является основным в истории Шурабашата. В это время расписная керамика достигает наибольшего развития. Керамический комплекс второго периода находит полные аналогии в ряде обследованных памятников и может быть выделен как самостоятельный этап

¹⁰⁰ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 17.

¹⁰¹ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 17; М. Е. Массон, I, 1940, стр. 54; В. М. Массон, I, 1956.

¹⁰² Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 39—40; Б. А. Латынин, I, 1960; 1961а.

¹⁰³ Т. Г. Оболдуева, I, 1951, стр. 39; Ю. А. Заднепровский, I, 1954; Б. А. Латынин, I, 1960.

¹⁰⁴ Дробная периодизация, предложенная В. Д. Жуковым (I, 1951, стр. 77), не обоснована конкретными материалами, на что мы уже обращали внимание (Ю. А. Заднепровский, I, 1953). Намечаемое А. Н. Бернштамом деление кушанской (имеется в виду красноангобированная) керамики на раннюю и позднюю также не основано на имеющемся материале (А. Н. Бернштам, I, 1952а).

развития культуры расписной керамики, названный нами шурабашатским. Поскольку второй период является прямым продолжением предшествующего, то наиболее вероятная дата его — III—I вв. до н. э., принимая рубеж н. э. как условную дату разграничения ранней и поздней группы красноангобированной керамики.

Третий период, представленный материалами цитадели Шурабашата и Кара-Дарьинского городища, а также, вероятно, находками на Гайрат-Тепе соответственно следует отнести к первым векам н. э.

Несмотря на известную условность предлагаемых датировок и возможность в дальнейшем изменения хронологических рамок отдельных периодов в ту или иную сторону, намечаемая внутренняя периодизация отражает последовательные этапы развития культуры в шурабашатский период истории древней Ферганы. Правильность определения места шурабашатского комплекса в относительной хронологии находит подтверждение в стратиграфической колонке, полученной на Дунбулакском городище. Слои с шурабашатской керамикой залегают здесь на глубине 6.5—9 м от поверхности, в то время как на Шурабашатском и Кара-Дарьинском городищах они начинаются непосредственно с поверхности и достигают значительной толщи на цитадели.

На Дунбулакском городище слои с шурабашатской керамикой перекрыты слоями с красноангобированной и грубой посудой.

Все имеющиеся факты (наблюдения о разном количестве посуды с красным ангобом на рассматриваемых памятниках, о различии комплексов Шурабашата и Гайрат-Тепе и стратиграфические данные Дунбулакского городища) позволяют сделать вывод о постепенном распространении и вытеснении расписной посуды посудой с красным ангобом в восточной части Ферганской долины.

В Радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР была определена абсолютная дата Шурабашатского городища. Уголь для определения взят из культурного слоя верхнего горизонта раскопа II. Возраст Шурабашата по методу C^{14} составляет 2670 ± 80 (710 ± 80) лет от наших дней.¹⁰⁵ Эта дата противоречит археологическим данным. Если верить ей, то получится, что Шурабашат почти синхронен Дальверзину. Напомним, что Дальверзин датирован по методу C^{14} 2720 ± 120 (760 ± 120) лет от наших дней. Вполне возможно, что в данном случае произошла какая-то ошибка в определении абсолютного возраста радиоуглеродным методом.

Памятники древних скотоводов в предгорной зоне и в межгорных долинах датированы на основании сравнения форм бронзовых наконечников стрел скифского типа и на основании сходства конструкции могильных сооружений и погребального обряда с лучше изученными памятниками Семиречья и Тянь-Шаня. Одновременность их с памятниками земледельческих племен равнинной Ферганы устанавливается благодаря находкам привозной расписной посуды, сходной с актамским и шурабашатским комплексами.

На основании сравнительного изучения разновременных археологических памятников Ферганской долины устанавливаются следующие последовательные этапы развития культуры:

Чустский,
Эйлатанский,
Шурабашатский,
Мархаматский.

Эта археологическая периодизация является вместе с тем и основой периодизации истории Ферганы древнего периода.

¹⁰⁵ В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова, И, 1961, РУЛ — 182.

Глава IV

ФЕРГАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Новый этап в истории Ферганы начинается со времени распространения железа и изготовления железных орудий. Ранее цветущие поселения чустских племен приходят в упадок и существование их прекращается почти одновременно в пределах VIII—VII вв. до н. э. Причем почти на всех этих поселениях жизнь больше никогда не возобновилась. На смену им приходят памятники следующего — эйлатанского, а затем и шурабашатского периодов. В эти периоды происходят значительные изменения в хозяйстве, культуре и общественной жизни. Они получили определенное отражение в археологических материалах, например, наблюдается освоение земледельцами новых районов, на укрепленных поселениях появляются цитадели, в керамическом производстве начинает применяться гончарный круг, распространяется железо и т. д. В настоящее время мы располагаем некоторыми материалами для постановки вопроса о сложении культуры земледельческого населения второй половины I тыс. до н. э.

Сравнительное изучение керамических комплексов, проведенное в третьей главе с целью установления хронологии, не оставляет сомнения в преемственности развития земледельческой культуры в чустский и эйлатанский периоды. Вполне закономерно поэтому возникают вопросы о причинах исчезновения чустской культуры и полного прекращения жизни поселений земледельцев бронзового века и о конкретных путях сложения эйлатанской культуры эпохи раннего железа. Следует оговорить, что эти вопросы во всей полноте еще не могут быть решены в силу недостаточной археологической изученности памятников эпохи железа.

Кратко остановимся на терминах «эпоха раннего железа» и «эпоха железа» приме-

нительно к Фергане. Первый термин охватывает начальный этап использования железных орудий и изделий. В датах абсолютной хронологии период раннего железа в Фергане, очевидно, приходится на вторую четверть и середину I тыс. до н. э. Он соответствует, вероятно, раннему еще малоизвестному этапу эйлатанской культуры, поскольку на позднем этапе, судя по материалам могильников Актамской группы, железо было уже широко распространено (всего было найдено около 130 изделий из железа). В силу малочисленности данных точные хронологические рамки его пока не могут быть установлены и предлагаемая дата в известной мере условна. Однако совершенно ясно, что шурабашатский период — это уже развитой железный век. Таким образом, термин «эпоха железа» хронологически распространяется на всю вторую половину I тыс. до н. э.

Особую задачу составляет определение места могильников Актамской группы по отношению к эйлатанскому комплексу и решение проблемы происхождения погребальных сооружений и обряда этих могильников. Весьма важно также рассмотреть вопрос о взаимоотношениях земледельческого населения равнинной Ферганы и скотоводов предгорных районов. Выяснение перечисленных вопросов позволит более конкретно представить процесс сложения культуры Ферганы эпохи железа (второй половины I тыс. до н. э.).

I. СЛОЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ФЕРГАНЫ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА

Для выяснения генезиса эйлатанского и шурабашатского комплексов и культуры этого времени в целом необходимо сравнить

их с памятниками предшествующего периода и с синхронными культурами других областей Средней Азии. Надо сразу же отметить, забегая несколько вперед, что сравнительное изучение с археологическими комплексами других областей древней Средней Азии свидетельствует о самобытности культуры Ферганы, характеризуемой (как частное проявление) расписной керамикой. Поэтому можно говорить о незначительной роли внешних влияний на сложение культуры эпохи железа. Хотя полностью отрицать значение их нельзя, поскольку, например, гончарный круг явно привнесены извне в Фергану. Происхождение культуры следует объяснять главным образом внутренними процессами развития общества.

Прежде всего рассмотрим распространение памятников эпохи поздней бронзы и железа. В настоящее время нами зарегистрировано немногим более 20 памятников, относящихся к эйлатанскому периоду (см. главу III, I). Большинство из них содержат только слои или отдельные находки керамики этого времени. Они выявлены в Узгенском оазисе (Шурабашатское и Кара-Дарьинское городища), к С от г. Ош, в междуречье рек Нарын и Кара-Дарья (памятники эйлатанской группы), возле сел. Кува, в районе г. Ферганы и в нескольких пунктах на правом берегу Сыр-Дарьи (Касканьяр — Тюря-Курган — Кара-Курган). Если взглянуть на карту, то ясно видно, что все рассматриваемые памятники расположены к В от линии, соединяющей Чуст и Маргелан, в восточной части Ферганской долины.

Итак, сейчас нас известно почти равное количество памятников эйлатанского и чустского периодов. Анализ географического распространения их приводит к заключению, что существенных изменений ареала земледельческих поселений обоих периодов не наблюдается и что они занимают в основном одну и ту же территорию Восточной Ферганы. Однако можно отметить расширение территории в эйлатанский период, когда широко осваивается земледельцами плодородное междуречье Нарына и Кара-Дарьи. К стати сказать, развитие здесь земледелия возможно лишь на базе искусственного орошения. В это же время земледельческое население появляется в высокогорной Чаткальской долине, расположенной к С от Ферганы. Из шурфа на Чандалашском тепе (табл. I, 64) добыта расписная керамика

с геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской по светло-желтому фону. Вместе с ней найдены фрагменты посуды с красным лощением.¹ Этот комплекс своеобразен по мотивам орнамента и не имеет прямых аналогий в керамике Ферганы второй половины I тыс. до н. э. Особенно отличаются образцы с дополнительным украшением точками. Некоторое сходство они находят в комплексе Яз-Депе I в Южной Туркмении,² что позволяет согласиться с датировкой Чандалашской керамики А. Кибировым серединой I тыс. до н. э. Несмотря на своеобразие этого комплекса, нет сомнения в его ферганском происхождении, поскольку в окружающих Чаткал районах существование расписной посуды нам известно только в Фергане.

В настоящее время известно более 25 памятников, относящихся к шурабашатскому периоду.³ Все памятники, содержащие слои с шурабашатской керамикой, сосредоточены в восточной части Ферганской долины, главным образом в долинах рек Яссы, Кара-Кульджи, Кугарта и Кара-Дарьи. Они выявлены также в Савайской степи на левом берегу Кара-Дарьи, в районе г. Ош (Шалтакская группа тепе) и к Ю от Аима (Гайрат-Тепе).

Таким образом, в Восточной Фергане расположена основная масса памятников чустской культуры эпохи бронзы, а также эйлатанского и шурабашатского периодов. Данные, которыми мы располагаем, позволяют утверждать, что здесь находился основной центр развития земледельческой культуры в рассматриваемое время. Именно здесь, в Восточной Фергане, условия для земледелия были, очевидно, наиболее благоприятными. Совсем иная картина наблюдается в последующие эпохи — в период красноангобированной керамики и в средние века, когда оседлые поселения распространяются повсеместно и известны в разных частях Ферганской долины.

Нельзя не обратить внимание на то, что некоторые поселения чустского периода, например Тюря-Курганское и Кара-Курганское, продолжали существовать и в эйлатан-

¹ А. Кибиров, I, 1956, стр. 5, рис. 1; 1959, стр. 8—10, 25—26, рис. 5, 18—21.

² В. М. Массон, I, 1959, табл. XVII, 2, XIX, 9.

³ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а.

ский период. В других районах — Кара-Дарьинский оазис и Шалтакская группа тепе — жизнь возобновилась только в шурабашатский период. Показательны также находки на Гайрат-Тепе керамики чустского и шурабашатского периодов, а также красноангобированной, свидетельствующих о повторном освоении этого района в разные эпохи. Из этого вытекает, что в некоторых пунктах условия географической среды благоприятствовали существованию поселений непрерывно на протяжении всего периода бронзового века и железа, но в большинстве районов в эпоху раннего железа они оказались непригодными для развития земледелия. По всей вероятности, одновременное запустение поселений чустской культуры было обусловлено изменением форм хозяйственной деятельности в связи с переходом на грани эпохи бронзы и раннего железа к более развитым формам ирригационного земледелия и этими же причинами объясняется изменение топографии земледельческих поселений и оазисов. Дополнительным подтверждением может служить мирный характер прекращения жизни поселений, жители которых покинули их, забрав с собой все ценные вещи.

На решающую роль в этом процессе ирригационного земледелия указывает появление таких больших земледельческих оазисов, как Кара-Дарьинский и Шурабашатский. Возможность образования в шурабашатский период, например, Кара-Дарьинского оазиса находилась в прямой зависимости от наличия развитой ирригационной системы. Без использования ирригации дальнейшее развитие земледелия в эпоху железа было невозможно.

Обратимся теперь к вопросу о сложении специфических черт материальной культуры земледельческих племен эпохи железа. В этот период продолжается развитие земледельческой культуры, характеризуемой обычаям украшения глиняной посуды расписным орнаментом. Не повторяя полностью того, что уже было сказано о сходстве керамических комплексов Чуста и Эйлатана, напомним только основное. Помимо общего сходства ведущих типов посуды, наблюдается сходство форм сосудов, главным образом круглодонных чаш, и преемственное развитие некоторых видов расписного орнамента.

В это время отмечается развитие искусства обработки железа, первое появление

которого, вероятно, относится к чустскому периоду.

Затем следует отметить развитие укрепленных поселений, которые возникают еще в чустский период. При этом мы можем наблюдать на Дальверзинском и Чустском поселениях превращение неукрепленных поселений в укрепленные. Дальнейшее развитие их отражено в таких памятниках, как Эйлатан и Шурабашатское, Кара-Дарьинское, Дунбулакское городища. Последние отличаются мощностью оборонительных укреплений и наличием цитадели. В Фергане цитадели появляются значительно позднее по сравнению с Южной Туркменией. На поселениях эпохи бронзы и железа встречаются одинаковые хозяйственные ямы, предназначенные, очевидно, для хранения зерна.

Открытие уже упоминавшегося комплекса Кара-Курганского поселения является важным доказательством преемственного развития земледельческой культуры Ферганы. Имеющиеся археологические данные, следовательно, позволяют утверждать, что переход от бронзового века к железному не вызвал полной смены культуры и, очевидно, не связан с приходом нового населения. Никаких следов внезапной гибели чустских поселений не прослежено.

Население Ферганы второй половины I тыс. до н. э. в антропологическом отношении принадлежало к европеоидному брахикранному типу Среднеазиатского междуречья. По своему расовому типу оно отличалось от населения бронзового века. Вопрос о времени сложения и появления в Фергане населения типа Среднеазиатского междуречья пока не выяснен, так же как вопрос о сложении этого типа в Средней Азии в целом. Но достаточно определенно установлено, что изменение расового типа населения наблюдается почти одновременно в разных областях Средней Азии. Поскольку изменение расового типа населения происходило на обширной территории, в том числе, очевидно, и в Фергане, и на протяжении длительного периода, то нет никаких оснований связывать изменение в хозяйстве и культуре Ферганы на рубеже бронзового и железного веков со сменой населения. Тем более, что население европеоидного долихокранного типа полностью не исчезает, и этот тип встречается как в Актюмском могильнике, так и в памятниках более позднего времени вплоть до первых веков н. э.

Таким образом, распространение памятников на одной и той же территории, происхождение наиболее важных черт культуры и хозяйства — все это указывает на преемственное развитие культуры эпохи железа, которая сложилась, в основном, на базе культуры местных земледельческих племен эпохи поздней бронзы.

С другой стороны, следует признать, что переход от бронзового века к железному сопровождался значительными изменениями хозяйственной деятельности населения и облика культуры в целом. Развитие ирригации привело к образованию больших земледельческих оазисов и появлению первых «городов». На поселениях выделяются цитадели. Большие изменения претерпевает ремесло. В керамическом производстве впервые получает применение гончарный круг. Глиняная посуда, которая обычно чутко отражает общее изменение культуры, отличается от предшествующей по основным формам, цветовой гаммой (роспись красноватая и карминно-фиолетовая по светлому и желтоватому фону) и излюбленными мотивами орнамента (простые геометрические узоры в Актамской керамике и богатый криволинейный орнамент в шурабашатском комплексе). Развивается металлургия железа. Все приведенные факты свидетельствуют о прогрессивном развитии земледельческой культуры Ферганы.

Остановимся на рассмотрении связей Актамской группы могильников с земледельческими поселениями второй половины I тыс. до н. э. Сравнительное изучение керамики имеет решающее значение для установления сходства комплексов Эйллатана и Актамской группы могильников. Сходство крашеной и расписной посуды ручной выделки и посуды, изготовленной на гончарном круге, является бесспорным свидетельством синхронности этих комплексов и принадлежности их к одной культуре. Но оно не решает проблемы происхождения погребального ритуала могильников Актамской группы. Нам пока неизвестны обособленные кладбища-могильники чустских племен. Вполне вероятно, что их и не было и что захоронения умерших в пределах поселения являются основным погребальным обрядом того времени. Таким образом, в памятниках чустской культуры пока невозможно найти истоки зарождения формы погребального сооружения могильников Актамской

группы. Вместе с тем, весьма возможно, что появление захоронений в валу Шурабашата следует рассматривать как известное переживание обряда захоронения в пределах поселения. Однако на Эйллатанском, Шурабашатском и других поселениях, в отличие от поселений бронзового века, полностью отсутствуют следы захоронений людей в культурном слое. Это заставляет предполагать существование обособленных кладбищ. О том же сигнализирует находка И. А. Анбеевым целой расписной чаши в окрестностях Эйллатана, которая происходит, вероятно, из древнего погребения.

По всей вероятности, имеется больше оснований искать истоки формы могил Актамского комплекса в памятниках тазабагыбо-андроновских племен Ферганы и других областей. Напомним, что в могильниках Актамской группы выявлены следующие типы могильного сооружения: 1) овальная грунтовая яма глубиной от 30 до 90 см; разновидностью ее является грунтовая яма с каменной выкладкой по краю и 2) овальные или прямоугольные выкладки из камня высотой до 1 м (своего рода склепы) на уровне дневной поверхности. Могилы второго типа по конструкции несколько напоминают сооружения Даханинского могильника⁴ бронзового века. Стенки могилы здесь также сложены из камней, но само сооружение впущено в землю, в отличие от могильников эпохи железа, где они возведены на уровне дневной поверхности. Можно проследить черты сходства между грунтовыми могилами I типа и Вуадильским могильником бронзового века,⁵ хотя последние отличаются по форме намогильной насыпи и тем, что края могилы выложены камнем. Более полное сходство по устройству могилы можно отметить с одновременными сако-усуньскими могильниками в Алайской долине,⁶ на Тянь-Шане⁷ и в Семиречье.⁸ Сходство погребальных сооружений на указанной территории появилось, очевидно, в результате изменения формы погребального сооружения

⁴ Б. А. Литвинский, I, 1960а.

⁵ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, I, 1956б, 1957в.

⁶ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а.

⁷ А. Н. Бернштам, I, 1952а; А. Кириков, II, 1959.

⁸ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, II, 1938; Е. И. Агеева, К. А. Акшишев и др., II, 1960.

на обширной территории расселения тазабагъябо-андроновских племен при переходе на следующий этап исторического развития.

Итак, форма погребального сооружения рассматриваемых могильников имеет много общего с памятниками сако-усуньских племен. Но, вместе с тем, в ней можно проследить некоторые черты непосредственной преемственности с культурой местных тазабагъябо-андроновских племен Ферганы. При суждении о происхождении формы могилы Актамских памятников необходимо также учитывать наличие совершенно необычного для предшествующих и синхронных культур Ферганы и других областей Средней Азии типа «длинных» курганов. Форма этих курганов являлась результатом последовательной пристройки могил вплотную одна к другой. Такие сооружения нехарактерны для скотоводческого и кочевого населения древней Средней Азии и составляют местную особенность культуры Ферганы.

Для рассматриваемых могильников типичен обряд погребения на спине в вытянутом положении, головой в сторону запада. Аналогичный обряд трупоположения с такой же ориентировкой засвидетельствован уже на Дальверзинском поселении. Такое же положение умершему придано в захоронениях в валу Шурабашата, бесспорно принадлежавших оседло-земледельческому населению. Из этого, очевидно, следует, что для земледельческого населения на протяжении всего I тыс. до н. э. был характерен обряд погребения на спине в вытянутом положении, головой на З. Ориентация могил с З на В типична также для Вуадильского и Даханинского могильников. Следовательно, вполне возможно, что обряд погребения восходит к местной традиции земледельческих племен бронзового века. Тожественность обряда погребения в близких по времени памятниках в Шурабашате и Актаме имеет важное значение для определения принадлежности населения, оставившего Актамский и аналогичные могильники.

В Актамском и других могильниках найдены кости барана — остатки ритуальной пищи. Обычно распространено мнение, что нахождение костей барана является одним из признаков принадлежности погребенного к скотоводческому населению. Однако обнаружение их в захоронениях Шурабашата указывает на то, что положение мяса барана в могилу не является особенностью погре-

бального обряда одних скотоводческих племен.

Дополнительно к тому, что уже было сказано, следует обратить внимание на местоположение могильников на адырах в равнинной части Ферганы. Подобное расположение является еще одним доказательством принадлежности их земледельческому населению.

Итак, можно проследить некоторое сходство погребального обряда Актамского могильника с обрядом местных земледельческих племен бронзового века, а также полное сходство с захоронениями в Шурабашате. Материальная культура, представленная погребальным инвентарем могильников, совершенно сходна (если взять глиняную посуду) с комплексом Эйлтанского городища. И только происхождение формы могилы нам пока неизвестно, хотя можно проследить некоторые черты сходства с культурой местных тазабагъябо-андроновских племен бронзового века. Опираясь на изложенные факты, в настоящее время можно сделать более определенное заключение о принадлежности рассматриваемых могильников, нежели это могли сделать исследователи этих памятников, которые считают их памятниками местного ферганского населения.⁹

На основании всего сказанного могильники Актамской группы, а также остатки погребаний на СФК и БФК можно считать памятниками оседло-земледельческого населения Ферганы. Население, хоронившее умерших в Актамском и других аналогичных могильниках, является потомками земледельческих племен бронзового века, быть может воспринявшего некоторые элементы культуры от тазабагъябо-андроновских племен. Хронологически они соответствуют позднему этапу эйлтанского и раннему этапу шурабашатского периодов.

Малочисленность материалов по культуре древних скотоводов не дает возможности проследить происхождение ее. Можно только предполагать, что, как эйлтанский комплекс появился, в основном, в результате развития земледельческой культуры бронзового века, так и культура древних скотоводов является

⁹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а, стр. 90.

дальнейшим развитием культуры тазабагъябо-андроновских племен Ферганы.

Земледельческое население Ферганы находилось в окружении скотоводческих племен. Между ними существовали тесные связи и поэтому неудивительно, что имеется много общего в устройстве могилы, погребальном обряде и в инвентаре между могильниками Актамской группы — памятниками земледельческого населения равнинной Ферганы и могильниками Тюлейкен, Шарт, Кара-Швак, Чак, Дараут-Курган — памятниками скотоводческих племен предгорной зоны и межгорных долин. В могильниках Чакмак, Шарт и Кара-Швак¹⁰ были добыты черепа, принадлежащие к европеоидному брахикранному типу Среднеазиатского междуречья и долихокранного средиземноморского типа. Следовательно, в антропологическом отношении земледельческое население Ферганы и скотоводы горного окружения ее почти не отличались. Из этого можно сделать заключение, что наблюдаемое сходство культуры земледельческого населения Ферганы (Эйлатан, Шурабашат и Актан) и скотоводов (Чакмак, Шарт, Дараут-Курган) объясняется не только одновременностью их и взаимными связями, но и, очевидно, этнической близостью его. Однако сходство погребального ритуала и инвентаря (глиняной посуды, железных украшений и поделок из камня) нельзя рассматривать как доказательство одинакового уровня развития хозяйства и культуры этих племен.

Расписная посуда, обнаруженная в Тюлейкене, Чакмаке и Шарте, станковый сосуд в Дараут-Курганском могильнике, а также, очевидно, железные украшения в могилах Алайской долины — все эти изделия попали в руки скотоводов из равнинной Ферганы и являются привозными. Эти находки свидетельствуют о культурном влиянии земледельческой Ферганы на скотоводческое население окраин ее.

II. ХОЗЯЙСТВО

Изменение топографии размещения поселений при переходе от бронзового века к железнному, как уже сказано выше, очевидно, было вызвано изменениями форм земледелия, которое по-прежнему составляло

основу хозяйства населения Ферганской долины. Эти изменения заключались в том, что земледелие в это период уже в большей мере стало базироваться на искусственном орошении. Если поселения эпохи поздней бронзы тяготеют к речным поймам, то поселения земледельцев эпохи железа располагаются преимущественно на высоких площадках, вдали от рек, ставших доступными для земледелия с появлением ирригации. Анализируя топографию поселений с шурабашатской керамикой в Кара-Дарьинском оазисе (к ЮВ от Узгена), мы приходим к заключению о существовании большой ирригационной системы, которая забирала воду из Кара-Кульджи. Древний магистральный канал проходил, вероятно, на месте современного Узген-Арыка. Без ирригации существование этого оазиса было невозможно. Из 90 зарегистрированных здесь поселений большинство содержало шурабашатскую керамику. Такая плотность заселения небольшой территории оазиса свидетельствует об интенсивном ведении хозяйства и отличается от того, что нам известно для эпохи поздней бронзы материалы которой обнаружены только на пяти поселениях. Концентрация земледельческих поселений вокруг Шурабашатского городища, в Савайской степи и вокруг Эйлатан может быть также объяснена развитием ирригации. Без ирригации невозможно была жизнь на таких крупных поселениях, как Шурабашатское и Кара-Дарьинское городища. Общие соображения об уровне земледельческого хозяйства и культуры также заставляют предполагать развитие и усовершенствование ирригации.¹¹

На Шурабашатском городище открыты ямы хозяйственного назначения, служившие, по всей вероятности, для хранения зерна.

На поселениях Средней Азии древнего периода зерновые ямы почти совсем неизвестны. Ямы Шурабашата по устройству, форме и размерам очень близки зерновым ямам, открытым в городах и поселениях Северного Причерноморья и Прикубанья, что косвенно подтверждает предположение о их назначении. В этих районах зерновые ямы античного периода хорошо изучены.¹² На поселениях и в античных городах встре-

¹¹ Б. А. Латынин, I, 1956.

¹² И. Б. Зеест, II, 1948, стр. 80—83; Ф. М. Штигельман, II, 1956, стр. 267.

¹⁰ В. В. Гинзбург, I, 1950, стр. 85, 86; 1954, стр. 357; 1960, стр. 153—157.

чаются, так же как в Шурабашате, скопления ям, по несколько вместе. Так, например, в Неаполе Скифском в Крыму на небольшом участке сконцентрировано до 40 зерновых ям.¹³ В Прикубанье на городище № 3 у ст. Усть-Лабинская на площади в 50 кв. м расчищено 8 зерновых ям конусовидной и цилиндрической форм.¹⁴ В большинстве случаев ямы устроены тщательно, обмазаны глиной и иногда даже обожжены, а венцы их прикрывались каменными плитами. В некоторых ямах находили зерно и колосья, что бесспорно свидетельствует об использовании их для хранения зерна. Средняя емкость ям равна 3.5—4 куб. м.¹⁵ Следовательно, в них могло храниться большое количество зернового хлеба.

В ямах городища Шурабашат не обнаружено остатков зерна и признаков хранения других продуктов. Но нет сомнения, что в условиях Ферганской долины наиболее простым и распространенным способом хранения зерна могло быть сохранение его в земляных ямах. Тем более, что большое количество аналогичных хозяйственных ям было вскрыто в Чусте и Дальверзине. Причем имеются бесспорные доказательства использования их в качестве зернохранилищ. Некоторые ямы Дальверзина и Шурабашата близки по форме и размерам. Таким образом, в Фергане традиция хранения зерна и продуктов в грунтовых ямах восходит к эпохе бронзы.

В шурабашатский период наряду с ямами для хранения использовали глиняные сосуды больших размеров — хумы. Большое количество целых хумов и обломков их выявлено на Шурабашатском, Кара-Дарьинском и Дунбулакском городищах. Вполне возможно, что они предназначались главным образом для хранения воды и других жидкостей (и в частности вина). Появление хумов отмечено еще на Дальверзинском поселении. В период красноангобированной керамики они получают широкое распространение и встречаются повсеместно.

Об орудиях труда, применявшихся в земледелии мы не располагаем пока никакими данными. Можно только отметить многочисленность находок каменных зернотерок, которые типологически мало отличаются от подобных предметов труда бронзового века.

¹³ А. Н. Карасев, II, 1951, стр. 166—167, рис. 54б.

¹⁴ Н. В. Анфимов, II, 1951, стр. 151.

¹⁵ И. Б. Зеест, II, 1948, стр. 81.

Для характеристики хозяйства, наряду с археологическими данными, могут быть привлечены сведения, содержащиеся в письменных источниках, касающиеся конца рассматриваемого периода. Краткая, но выразительная характеристика хозяйства и культуры Ферганы (Давани) конца II—I вв. до н. э. содержится в китайском источнике — Исторических записках (Шицзи), законченном Сыма Цянем в I в. до н. э. Первые сведения о западных странах, в том числе и о Давани, были получены историком от знаменитого китайского путешественника и дипломата Чжан Цяня, который посетил страны Запада, и в частности Фергану, примерно в 125 г. до н. э.¹⁶

Приводим отрывки из Шицзи (123 глава) в переводе Н. Я. Бичурина и уточненном переводе Н. В. Кюнера:

«Даваньцы ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков».¹⁷

«Оседлые жители пахут поля, разводят рис и пшеницу, имеют виноградное вино, много хороших лошадей».¹⁸

«В Давани делают вино из винограда. Богатые хранят его до 10 000 дань. Старое вино несколько десятков лет стоит без порчи. Жители любят вино так, как их лошади любят траву мусу. Китайские посланники вывезли семена, и Сын Неба приказал и мусу и виноград посадить на тучной земле».¹⁹

«В Давань и окрест из винограда делают вино; богатые люди хранят вино более 10 000 дань. Долго, несколько десятков лет, вино не портится. Обычно (жители) любят вино, как лошади любят мусу (название травы). Китайский посланник привез семена,

¹⁶ Впервые Давань китайских источников отождествил с Ферганой, по-видимому, французский синолог Дегинь в 1756 г. (J. Deguignes, I, 1756, t. I, pp., 1, 28, 38, 39). Переводы разделов китайских источников о Давани осуществили М. Броссе (Brosset, I, 1829), Абель Ремюза (Abel Rémusat, I, 1829), Н. Я. Бичурин (Бичурин, I, 1851 — переиздано в 1950). Из новых переводов отметим работы Ф. Хирга (Hirth, I, 1957) и Н. В. Кюнера (Кюнер, I, 1961).

¹⁷ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 149.

¹⁸ Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 104.

¹⁹ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 161.

Интересно отметить, что аналогичное сведение о хранении вина приводится для владения Кан (Согд) в более поздних источниках (Там же, стр. 272).

тогда сын неба (китайский император, — Ю. З.) начал посадку мусу и винограда на тучной земле.²⁰

В свете этих сообщений древняя Фергана выступает как страна высокоразвитого земледелия. Разные культуры требовали применения различных способов орошения. Известно, что для выращивания риса требуется большое количество воды, а также регулирование подачи ее. Рисовые поля, например, необходимо заливать сплошь водой (способ затопления), поля с люцерной и зерновыми надо поливать равномерно (способ обводнения), а овощи орошают при помощи системы канавок (способ подпочвенного орошения).²¹ Можно полагать, что население в это время уже обладало большим опытом орошаемого земледелия.

По сообщению Чжан Цяня, в Давани возделывали следующие культуры: рис, пшеницу, траву мусу, которую обычно сопоставляют с люцерной, и виноград.

Особенно удивили китайцев два растения: люцерна и виноград. Люцерна — многолетняя поливная культура. Она дает богатый урожай при нескольких укосах в год и служит прекрасным кормом для скота. С этими растениями китайцы не были знакомы. Семена их, как это прямо утверждается в Шицзи,²² они привезли к себе на родину.

Особый интерес вызывает факт разведения в Давани люцерны, который заставляет вспомнить сообщения Авесты о выращивании травы на корм скоту. Весьма возможно, что здесь имелась в виду не обычная трава, а более ценные кормовые культуры, подобные люцерне. И поэтому, вероятно, не будет большой ошибкой отнести начало освоения этой культуры также к более раннему времени.

Из приведенного сообщения можно заключить, что ферганский виноград, очевидно,

отличался высоким качеством. Он шел на изготовление вина, и китайский автор образно отметил пристрастие жителей к вину. Для создания хороших сортов винограда требуется длительное время и весьма возможно, что начало культивирования его восходит к более раннему времени.²³ Обычно считают, что для хранения вина использовали хумы. Исходя из этого, открытие хумов на Кара-Дарьинском, Дунбулакском и Шурабашатском городищах можно было бы рассматривать как археологическое свидетельство виноделия в шурабашатский период.

Рис — одна из древнейших сельскохозяйственных культур Средней Азии, упоминаемая уже в Авесте. Исходя из этого и учитывая сообщение Шицзи, можно говорить о раннем распространении риса в Фергане.²⁴ Если суммировать все сказанное о возделываемых культурах, по данным китайских очевидцев в конце II в. до н. э., то можно прийти к заключению о древности их и о том, что они были известны, по крайней мере, за несколько веков раньше. Из этого следует, что характеристика состояния земледелия, по сообщению Чжан Цяня, может быть распространена на всю вторую половину I тыс. до н. э.

Вполне возможно, что в это время уже разводили хлопок. Академик В. В. Бартольд в специальной статье, посвященной истории хлопководства в Средней Азии, указывая на название хлопка — «боде-цзе», встречающееся уже в Хоуханьшу (I—III вв. н. э.), предполагает, «что китайцы уже при первых своих сношениях со Средней Азией ознакомились там с хлопководством, усвоили для его обозначения иранское слово...».²⁵

Данные китайского письменного источника Шицзи и археологические материалы позволяют осветить состояние скотоводства

²⁰ Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 122.

²¹ Н. С. Лыкошин, II, 1906, стр. 52—53; ср.: Н. Дингельштедт, II, 1883, стр. 221 и слд.

²² Вопросу о заимствовании люцерны и винограда Китаем из Ферганы посвящены работы таких исследователей, как В. Томашек, Ф. Хирт, В. В. Бартольд, Б. Лауфер, В. Тарн, Н. В. Кюнер, Г. Е. Грумм-Гржимайло и др. Последняя работа, посвященная специально этому вопросу, появилась в 1953 г. См.: Р. К. Gode, II, 1953, pp. 171—181; Н. W. Bailey, I, 1954. См. также: И. М. Дьяконов, II, 1956, стр. 152.

²³ В Средней Азии обнаружен дикий вид винограда, который мог быть использован для создания культурного сорта (М. Г. Попов, II, 1932, стр. 7—8; ср.: Г. А. Грумм-Гржимайло, II, 1935, стр. 499—504).

²⁴ О древности культуры риса в Фергане писал Н. И. Вавилов (II, 1959, стр. 262).

²⁵ В. В. Бартольд, II, 1924. Наиболее ранним свидетельством развития хлопководства в Фергане, вероятно, может служить находка обрывка веревки из хлопчатобумажных нитей в одной из мугхон (В. И. Спришевский, I, 1956а, стр. 71—72; С. Ю. Рожановский, I, 1956).

во второй половине I тыс. до н. э. и особенно для конца этого периода.

Характерную особенность скотоводства в древней Фергане составляло большое развитие специализированной отрасли — коневодства. Страна славилась разведением породистых знаменитых даванских лошадей. Китайские хроники сообщают, что в Давани «много хороших лошадей. Эти лошади потеют кровью, их предки — дети небесных лошадей».²⁶

В Шицзи рассказывается, что в Китае усуньских лошадей называли небесными, когда же китайцы узнали лошадей Давани, то они перенесли на них название «небесные лошади» — тяньма, а усуньских лошадей стали называть лошади «дальнего запада».²⁷ Это сообщение служит еще одним подтверждением превосходных качеств даванских лошадей.

Разведение этих лошадей составляло, по всей вероятности, занятие оседлого населения Ферганы, что вытекает из сообщения о нахождении потокровных лошадей в городе Эрши («Давань имеет превосходных лошадей в городе Эрши»)²⁸

В Восточной Фергане в двух пунктах — Араван и Айрымач-Тау, к З и СЗ от г. Ош,²⁹ обнаружены наскальные изображения лошадей, которые могут быть признаны как изображения именно даванских коней. На Араванской скале изображена лошадь (рис. 41, 1) с поджарым телом, сухими ногами и маленькой головой на плавно изогнутой шее. По определению М. Е. Массона, даванская лошадь относится к скаковой лошади «легковосточного» типа.

Изображения Айрымач-Тау мы предварительно обследовали в 1961 г. при содействии сотрудников Андижанского областного

²⁶ Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 104; Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 149.

²⁷ F. Hirth, I, 1917, p. 103. Это место в переводе Н. Я. Бичурина отсутствует; см.: Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 117. Н. В. Кюнер перевод название усуньских лошадей: лошади «западного предела».

²⁸ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 162. В переводе Н. В. Кюнера: «Давань имеет хороших лошадей, они находятся в городе Эрши, их скрывают, не соглашаются дать ханьскому посланнику» (Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 122); см. также: А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 224; A. Waleu, II, 1955, pp. 95—103.

²⁹ Д. Граменицкий, I, 1898; Г. А. Жирей, I, 1928; М. Е. Массон, I, 1940, стр. 53; 1948а; А. Н. Бернштам, I, 1948а; 1952а, стр. 222—230.

музея. Они находятся на горной гряде Курпе-Тау, в 8 км от г. Ош и на расстоянии 20 км по прямой от Араванской скалы.

Всего зарегистрировано 34 рисунка животных. Основную массу — около 30 рисунков составляют изображения одиночно стоящих лошадей. Контур вырезан острым орудием и вся поверхность выбита точечной техникой. Все рисунки лошадей исполнены в виде силуэта с показом двух ног. Поджарое, сухое тело, высокие стройные ноги, длинная плавно изогнутая шея с небольшой головкой, длинный хвост — таковы отличительные признаки экстерьера. Лошади обращены мордой вправо и влево (рис. 41, 2—4). Помимо лошадей здесь имеются изображения козлов и интересная композиция, которая состоит из лошадей и двух оленей с прекрасными ветвящимися рогами. Комплекс наскальных рисунков Айрымач-Тау представляет замечательную галерею изображений даванских лошадей, исполненных опытной рукою искусного мастера. Наиболее вероятная дата их — вторая половина I тыс. до н. э. Эти изображения совершенно аналогичны араванским, хотя можно отметить и черты различия этих двух культовых памятников, являющихся археологическим свидетельством существования в древней Фергане культа лошади. Нахождение этих двух памятников в юго-восточной Фергане может говорить об особом значении Ошского оазиса в развитии коневодства древнего населения.

Особый интерес представляет совпадение иконографических особенностей изображения лошадей на Араванской скале с изображениями на китайской черепице, датируемой последними веками до н. э.³⁰ Ферналд выделяет среди изображений на черепице три типа коней: 1) вслед за П. Йетсом³¹ — тип китайской лошади степного происхождения, 2) тип породистой лошади, вероятно ферганского или бактрийского происхождения и 3) тип, который определяется как принадлежащий, вероятно, усуням. Ферганская лошадь характеризуется прекрасными пропорциями. У нее длинные стройные ноги, красивые формы тела и маленькая голова на изогнутой шее (рис. 42). Все эти признаки поразительно сходны с изображениями коней в Араване и Айрымач-Тау. Подобное

³⁰ H. Fernald, II, 1959, pp. 24—31.

³¹ P. Yetts, II, 1934, pp. 231—235.

сходство представляет убедительное доказательство правильности отождествления этого типа коней.

в зимнее время. Из сообщения Чжан Цяня («жители любят вино так, как их лошади любят траву мусу») можно заключить, что

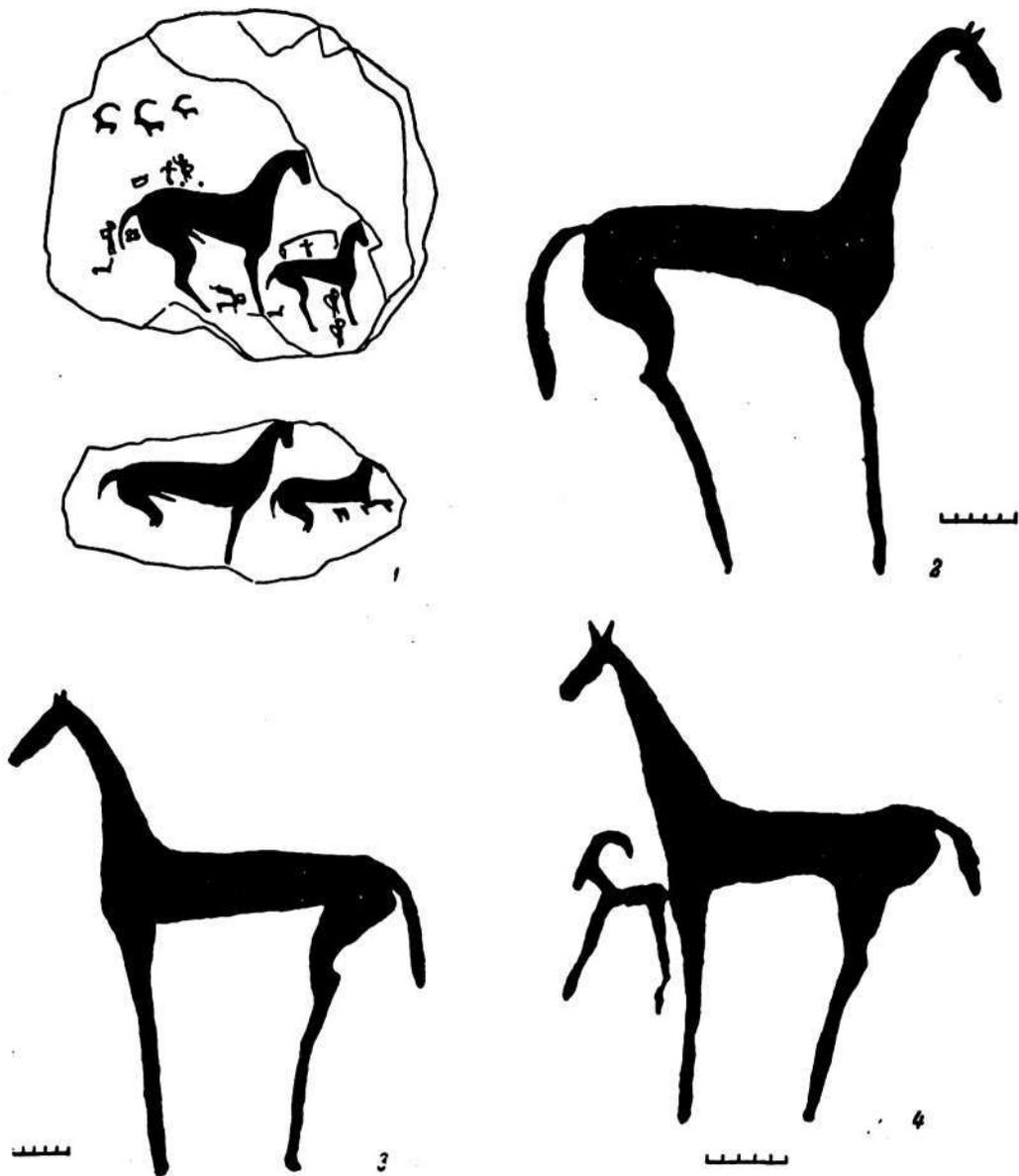

Рис. 41. Наскальные изображения лошадей. Араван (1), Айрымач-Тау (2—4).

Разведение высокопородной верховой лошади, как считают специалисты, возможно лишь при стойловом содержании ее, хотя бы

разводимая в Фергане трава мусу (люцерна) как раз и предназначалась для корма лошадей (во время стойлового содержания?).

Китай неоднократно получал из Ферганы разными путями (в виде дани и в обмен) знаменитых лошадей. И представляется не случайным, что китайцы вывезли из Ферганы, наряду с семенами винограда, также и люцерну.³² Она, вероятно, предназна-

считают специалисты, немалое время и можно, следовательно, предполагать, что начало разведения даваньской лошади относится к более раннему времени.

Добытые в 1955—1956 гг. костные материалы позволяют охарактеризовать со-

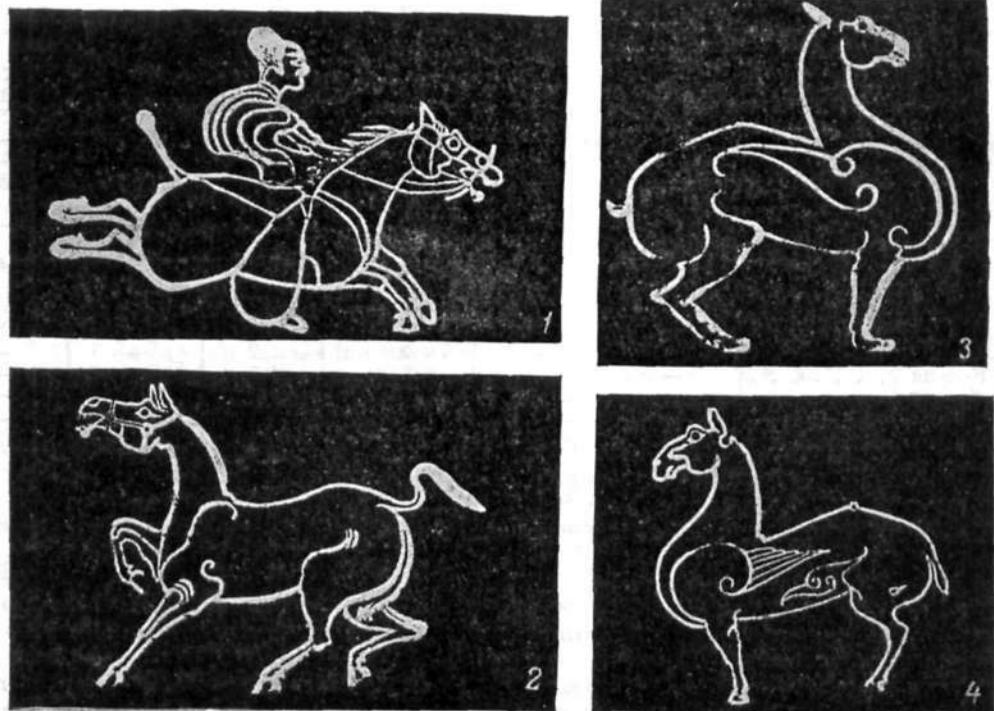

Рис. 42. Изображение среднеазиатских лошадей на китайской черепахе.

1 — китайская лошадь степного типа; 2 — Ферганская, или бактрийская; 3, 4 — усуньская лошадь.

лась для корма лошадей и в первую очередь, очевидно, для даваньских лошадей.

Последнее упоминание в китайских источниках (Бейши) даваньских лошадей относится к 479 г., когда в Китай прибыло посольство с дарами из Ферганы,³³ тогда как первое упоминание относится к концу II в. до н. э., т. е. на протяжении около 700 лет. Для разведения и создания ценной породы верхового коня требуется, как

став стада, разводившегося населением Шурабашата.

В 1955 г. кости собраны в раскопе II, в 1956 г. — из среднего и нижнего слоев раскопа IV. Из раскопа II в 1956 г. было получено всего около 30 костей (из ям 3 и 8). Процентное соотношение костей животных по сборам этих лет в основном совпадает, и поэтому можно дать обобщенную характеристику.

Основная часть костей принадлежит мелкому рогатому скоту (козе и овце) — около 60%. Затем следуют кости крупного рогатого скота и лошади (табл. 17).

На Шурабашате обнаружены кости верблюда и собаки. Но здесь до сих пор не

³² В. Лауфер, II, 1919, стр. 208 и слл. Сводка сведений письменных источников о люцерне, в том числе и о заимствовании ее Китаем из Ферганы, содержится у Р. К. Года, II, 1953, стр. 171—181.

³³ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 260.

Таблица 17

Определение костей животных из раскопов на городище Шурабашат
и Дараут-Курганском поселении¹

№ п. п.	Название животных	Шурабашат				Дараут-Курган	
		1955 г.		1956 г.		1956 г.	
		% особей	% костей	% особей	% костей	% особей	% костей
1	Крупный рогатый скот	25.0	26.8	15.4	23.0	2.6	5.7
2	Мелкий рогатый скот	63.9	64.3	57.6	60.5	73.9	81.4
3	Лошадь	11.1	9.5	4.3	3.2	2.6	3.4
4	Верблюд	—	—	2.0	0.2	—	—
5	Собака	—	—	2.0	0.2	—	—
	Дикие животные	—	—	16.5	12.5	15.8	8.3
	В том числе:						
6	Кабан	—	—	2.0	5.2	—	—
7	Крупный баран дикий	—	—	6.5	3.2	7.9	4.9
8	Крупный баран муфлонообраз- ный	—	—	2.0	0.2	7.9	3.4
9	Олень	—	—	2.0	3.2	—	—
10	Косуля	—	—	2.0	0.5	—	—
11	Лисица	—	—	2.0	0.2	—	—
	Всего	36/100	168/100.6	45/97.8	400/99.6	38/94.9	264/98.8

Примечание:

¹ Определение костей, собранных в 1955 г., принадлежит А. Шевченко, в 1956 г. — Н. Мельниковой. В итоге дано общее количество костей и особей и процентный итог.

найденно костей домашней свиньи и осла. Из диких животных, кроме сурка (отнесение которого к древнему периоду может вызвать сомнение), определены следующие шесть видов: кабан, косуля, олень, два вида диких баранов и лисица. Судя по небольшому количеству костей диких животных (12.5%), охота в хозяйстве населения Шурабашата играла незначительную роль. Отметим, что охота, видимо, имела целью также получение сырья — в частности, рога оленя использовались для изготовления разных поделок.

Основная масса костей животных в культурном слое Шурабашата, принадлежит козе и овце и характеризует значение их в пищевом рационе населения. Однако, учитывая уже упоминавшиеся поправки М. П. Грязнова к остеологической статистике, можно предполагать, что в реальном стаде ведущая роль принадлежала разведению крупного рогатого скота и в меньшей мере — лошадей. В этом отношении интересно сопоставить данные по Шурабашату с материалами из синхронного Дараут-Курганского посе-

ления в Алайской долине. На последнем поселении кости крупного рогатого скота составляли всего только 3—6% всех находок, и преобладали кости мелкого рогатого скота — 74—81%. Из этого можно заключить, что и в реальном стаде преобладал мелкий рогатый скот. Такое резкое различие в видовом составе стада у одновременного населения равнинной и горной зон, очевидно, свидетельствует о разном направлении скотоводческого хозяйства у населения Шурабашата и Дараут-Курганского поселения. Преобладание мелкого рогатого скота в стаде характерно для хозяйства населения, живущего исключительно скотоводством.

Сопоставление данных о количестве костей животных в культурном слое Шурабашата и поселений эпохи бронзы позволяет наметить направление изменений в составе стада (табл. 18). Количество костей крупного рогатого скота и лошадей оказалось больше на поселениях бронзового века и меньше в памятниках эпохи железа, хотя по количеству особей, судя по данным

Таблица 18

Состав костных остатков на поселениях Ферганы эпохи бронзы и железа

№ п. п.	Название животных	Чуст	Дальверзин		Шурабашат			
		1953—1954 гг.	1956 г.		1955 г.		1956 г.	
		% особей	% костей	% особей	% костей	% особей	% костей	% особей
1	Крупный рогатый скот . . .	23.8	44.7	26.2	26.8	25.0	23.0	15.4
2	Мелкий рогатый скот	43.8	28.2	47.7	64.3	63.9	60.5	57.6
3	Лошадь	18.1	19.9	12.3	9.5	11.1	3.2	4.3
4	Верблюд	—	0.4	1.5	—	—	0.2	2.0
5	Осел	0.7	0.2	1.5	—	—	—	—
6	Свинья дом. (?)	1.0	—	—	—	—	—	—
7	Собака	3.2	3.3	6.2	—	—	0.2	2.0
8	Дикие животные	9.3	1.1	3.5	—	—	12.5	16.5
Всего:		281/99.9	954/97.8	65/98.9	168/100.6	36/100	400/99.6	45/97.8

Таблица 19

Состав костных остатков на поселениях Средней Азии (последние века до н. э. — первые века н. э.)

№ п. п.	Название животных	Шурабашат	Алтын-Асар ¹	Джанабас-Кала ²	Каунчи-Тепе ³		Топрак-Кала ⁴
					I	II	
1	Мелкий рогатый скот	60.5—64.3	65.8	58.7	31.3	34.3	74.0
2	Крупный рогатый скот	23.0—26.8	21.2	17.4	56.0	43.2	17.5
3	Лошадь	3.2—9.5	8.2	8.1	6.7	12.2	4.4

Примечание:—

¹ С. П. Толстов, II, 1952, стр. 19, прим. 1-е.² В. И. Цалкин, II, 1952, стр. 243 и слл.³ В. И. Громова, II, 1940, стр. 42.⁴ В. И. Цалкин, II, 1952.

таблицы, они мало отличались. Можно также отметить увеличение количества костей мелкого рогатого скота в Шурабашате (60—64%) по сравнению с Чустом и Дальверзином (44—48%). В небольшом количестве представлены на этих памятниках кости верблюда. В Шурабашате отсутствуют, возможно случайно, кости осла и домашней свиньи. Наблюдается некоторое увеличение количества костей диких животных в Шурабашате. Приведенные остеологические данные позволяют говорить об уменьшении количества крупного рогатого скота и о большей роли разведения мелкого рогатого скота в хозяйстве оседло-земледель-

ческого населения Ферганы в эпоху железа.

Определение костных материалов из синхронных и близких по времени к Шурабашату поселений в других районах Средней Азии дает примерно одинаковое процентное отношение костных находок в культурном слое. Наибольшее сходство в процентном отношении костей животных Шурабашат имеет с синхронным городищем Алтын-Асар в низовьях Сыр-Дарьи (см. табл. 19).

При этом конечно, следует учитывать, что в Шурабашате найдено костей несколько меньше, чем в других указанных памятниках. Основную массу их в Шурабашате

составляли, как и в Хорезме, кости козы и овцы в отличие от Каунчи-Тепе, где преобладали кости крупного рогатого скота.

Вопрос о характере сочетания земледелия и скотоводства, о том, как в древней Фергана совмещалось поливное интенсивное земледелие и скотоводство, в частности коневодство, во многом еще не ясен. Также невозможно в настоящее время определить, в каких конкретных формах осуществлялись связи между земледельцами Ферганы и скотоводческими племенами предгорных окраин, хотя факт существования подобных связей, не вызывающий сомнения,⁸⁴ нашел отражение в археологических материалах (находки расписной посуды в курганах Алая и др.)

Поселения второй половины I тыс. до н. э., служившие местом обитания земледельческого населения, изучены еще недостаточно. Основным типом поселений являлись многочисленные отдельные дома-усадебь, остатки которых сохранились до нас в виде холмов-тепе (Кугай, Шош-Тепе, Караул-Тепе, тепе Кара-Дарьинского и Шурабашатского оазисов и др.). Они отличаются небольшими размерами и в среднем занимают площадь в несколько сот квадратных метров. Для этого времени характерен рассредоточенный тип расселения, когда несколько десятков отдельных домов-дворов разбросаны на сравнительно большом расстоянии друг от друга (Кара-Дарьинский оазис). Подобный тип расселения хуторами или отдельными усадьбами сохранялся в Средней Азии исключительно долго, вплоть до самого последнего времени, например в Хорезме. Такая устойчивость его объясняется, очевидно, социальной организацией общества, при которой отдельная патриархальная семья обладает большой хозяйственной самостоятельностью. Кроме того, расположение усадеб и поселений зависело от ирригационной системы.

Затем следует выделить тип небольших укрепленных поселений, расположенных на

мысах береговых террас, таких, как Кызыл-Октябрьское и Кошбулакское (площадь около 3 га); Кампыр-Раватское II, и, вероятно, Дунбулакское городища в бассейне р. Яссы. У нас нет раскопчных данных о конфигурации в шурабашатский период этих поселений (часть из которых является многослойными памятниками). Но поскольку их конфигурация обусловлена рельефом местности, который не допускает значительных перестроек, то можно считать, что она не претерпела существенных изменений. Все эти поселения в шурабашатский период представляли собой, вероятно, сильно укрепленные крепости.

Большие поселения, такие, как Кара-Дарьинское городище, характеризуются правильной конфигурацией, мощными оборонительными укреплениями и наличием цитадели, а также большими размерами (городище занимает площадь около 10 га). По размерам занимаемой площади особо выделяется Шурабашатское городище (около 70 га) и более раннее Эйлатанское городище (около 200 га).

Таким образом, поселения различаются по конфигурации, характеру укреплений и по размерам.

Часть известных памятников представляет собой сильно укрепленные поселения с крепостными стенами и рвами, имеющие цитадели. На Эйлатанском городище цитадели еще не было. Они появляются впервые на поселениях с шурабашатской керамикой. Цитадель Шурабашата занимает обособленный холм и связана с оборонительной стеной. На Кара-Дарьинском городище она примыкает к западной стене и составляет одно целое с нею. Судя по раскопкам, цитадель этого городища представляет собой монументальное здание типа замка с мощными трехметровыми внешними стенами. В Фергана выделение цитадели происходит значительно позднее, почти на 500 лет позже по сравнению с Южной Туркменией, Ираном и Афганистаном, где они известны уже в самом начале I тыс. до н. э.

Большие поселения, такие, как Шурабашатское и Кара-Дарьинское городища, по характеру укреплений и наличию цитадели, по размерам и расположению среди группы небольших неукрепленных поселений и тепе, вероятно, могут быть признаны за «древние города». Прямые указания на существование древних городов и укреп-

⁸⁴ С. С. Сорокин, I, 1961б, в. Взаимосвязь земледельческого и скотоводческого населения, сосуществование и взаимная кооперация его была характерна для всей истории Ферганы и особенно ярко проявилась в XVIII—XIX вв., как это отмечают ряд исследователей: А. Ф. Миддендорф, I, 1882; В. Наливкин, II, 1886, стр. 31; В. С. Батраков, II, 1947, стр. 63—64; ср.: Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерова, С. П. Русьякина, II, 1954, стр. 92.

ленных поселений у западных границ, а может быть, и в западной части Ферганской долины в середине I тыс. до н. э. содержат сообщения античных авторов.

Широко известны рассказы историков похода Александра Македонского Арриана и Квинта Курция Руфа об осаде Кирополя — города, якобы построенного ахеменидским царем Киром, который обычно сопоставляют с современным Ленинабадом, и еще шести других городов на Яксарте (Сыр-Дарье). Городами здесь, по-видимому, названы укрепленные земледельческие поселения с невысокими глиняными стенами, как например, в городе Газа. Эти поселения являлись, вероятно, общинными родовыми поселками. Так, например, в отношении одного города сказано, что в нем находился весь род (gens) мамакенов.³⁵

Весьма существенно также, что по времени поселения шурабашатского периода совпадают с периодом существования в Фергане Даваньского царства, когда, по сведениям китайских авторов, здесь процветала оседлая жизнь и известно было большое количество городов («больших и малых городов более 70»).

В китайских источниках упомянуты названия двух из них: столицы Давани — города Эрши и города Ючэн.

В литературе были высказаны разные предположения о локализации этих городов и в частности город Узген отождествлен с городом Ючэн Даваньского владения, упомянутым в китайской хронике. Это сопоставление было выдвинуто Н. Г. Маллицким в 1924 г.³⁶ и развито А. Н. Бернштамом, который исходил из того, что Узген — наиболее восточное и близкое к горам городище, а также из предположения о наличии на Узгене слоев даваньского времени и что город Ючэн был столицей Давани и находился на большой реке.³⁷

Однако в 1954—1960 гг. был изучен ряд крупных поселений, находящихся значительно восточнее, чем Узген. Раскопки

1945 г., 1953—1954 гг. пока не обнаружили древних слоев на Узгенском городище. От сопоставления столицы Давани с городом Ю. А. Н. Бернштам отказался в своих последующих работах. И взамен высказал предположение, что столицей древней Ферганы был город Эрши, который он сопоставил с величественными руинами Мархаматского городища.³⁸

Для того чтобы представить, какие имеются основания для локализации Ючэн, приведем имеющиеся упоминания его в китайских источниках в переводе Н. Я. Бичурина — Н. В. Кюнера.

В Шицизи говорится о том, что даваньские старейшины велели городу Ючэн на своей восточной границе задержать китайского посла.³⁹ Далее сообщается о том, что во время первого похода на Давани в 104 г. до н. э. китайские войска взяли город Ючэн и побили множество людей⁴⁰ и что во время второго похода китайцы снова захватили город и владетель его — ючэнский князь бежал в Кангюй,⁴¹ но затем был выдан китайцам и убит. Из этих скудных сообщений можно узнать лишь то, что город находился на восточной границе Давани и имел своего правителя, а также о сильных укреплениях города, который довольно долго сопротивлялся осаде китайских войск. Но в китайском источнике ничего не сказано о том, что столица находилась у большой реки. В других династийных историях нет никаких дополнительных сведений. Из всего сказанного явствует, что археологические, историко-топографические данные и сведения письменных источников не дают достаточных оснований для сопоставления с даваньским городом Ючэн именно Узгена или другого какого-либо поселения.

³⁵ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 226—229. Сопоставления Узгена с древним городом Хумьнь (А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 114), а также сопоставление Ючэн с Антиохией Скифской (К. В. Тревер, II, 1940, стр. 12), Узгена с Кирополем (А. Ф. Миддендорф, I, 1882, стр. 371, прим. 1-е), Эрши с Ура-Тюбе (W. Тагн, I, 1938, р. 309) в этой работе не будут рассмотрены.

³⁶ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 162; Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 123. Здесь же обосновано написание город Ючэн, вместо принятого Бичуриным город Ю.

³⁷ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 163; Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 124.

³⁸ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 166; Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 128.

³⁵ Эти сведения рассматривались неоднократно: W. Тагн, I, 1938, стр. 119, 121, 299; К. В. Тревер, I, 1947а, стр. 116. Сводка литературы, посвященной этому вопросу составлена Н. Негматовым (I, 1953, стр. 232—235), который считает более обоснованным отождествление Кирополя с Ура-Тюбе.

³⁶ Н. Г. Маллицкий, I, 1924, стр. 223.

³⁷ А. Н. Бернштам, I, 1943, стр. 38.

Если древнее поселение и существовало на месте Узгена, то сравнительно небольшое и оно перекрыто средневековыми слоями. В то же время в Узгенском оазисе известны такие крупные городища, как Шурабашатское и Кара-Дарьинское, относящиеся к периоду существования Даваньского царства. Каждое из них с большим основанием может претендовать на сопоставление с древним городом Ючэн.

Археологические работы на Узгенском, Шурабашатском и Кара-Дарьинском городищах, а также обследование памятников Восточной Ферганы показали, что одним из основных претендентов на сопоставление с городом Ючэн, имеющим, пожалуй, наибольшие основания, является Шурабашатское городище.

Обращает на себя внимание топография размещения укрепленных поселений Кампыр-Раватского II, Кзыл-Октябрьского, Шурабашатского, Дунбулакского, Кошбулакского, Кара-Дарьинского и Южно-Узгенского. Они располагаются в долине рек Яссы и Кара-Дарьи на небольшом расстоянии друг от друга и образуют, вероятно, систему укреплений, охранявшую земледельческие оазисы в этой части Ферганской долины.

Концентрация большого числа поселений в бассейне Кара-Дарьи и указанная закономерность расположения их была обусловлена не только подъемом экономики и увеличением численности населения в этот период, но, вероятно, и другими причинами и в первую очередь функционированием торгового пути из Китая на Запад, знаменитого Шелкового Пути,⁴² первые сведения письменных источников о котором относятся ко II в. до н. э. Некоторые археологические данные, которые приводятся ниже, указывают на возможность существования связей между Ферганой и Синьцзяном на протяжении всего шурабашатского периода, а не только в конце его. Одно ответвление этого международного торгового пути проходило, вероятно, по долине Кара-Дарьи в Синьцзян, а другое через Каратегин и Алайскую долину.

В рассматриваемое время впервые появляются оседлые поселения в горных до-

⁴² Литература о Шелковом Пути огромна. Перечень новейших работ дан у Дейдье (H. Deüdie, II, 1950).

линах Алая. В высокогорных условиях Алайской долины невозможно занятие земледелием. Поэтому, несомненно, появление во второй половине I тыс. до н. э. Дараут-Курганского поселения с постройками на каменном фундаменте следует объяснять воздействием соседней Ферганы, что засвидетельствовано находками керамики, сходной с шурабашатским комплексом. Но главная причина возникновения этого поселения, очевидно, заключается в прохождении по Алайской долине упомянутого Шелкового Пути. Особо следует отметить необычный для скотоводческих племен Средней Азии облик этого поселения с большими постройками на каменном фундаменте. В этой связи нельзя не вспомнить сообщения античных географов о Каменной Башне, вероятно Каменной крепости, на восточной границе земли кумедов, на пути в стлану серов. Целый ряд ученых помещают Каменную Башню возле Дараут-Кургана.⁴³ Вполне возможно, что древнее поселение возле Дараут-Кургана является остатками одной из тех крепостей (караван сараев) на торговом пути в Китай, существование которых и послужило основанием сведений о Каменной Башне.

А. Н. Бернштам высказал предположение о принадлежности Дараут-Курганского поселения к культуре кумедов.⁴⁴ Однако у нас пока нет достаточных оснований для принятия подобного заключения.

В эпоху железа, судя по данным археологических и письменных источников, значительного развития достигло строительное дело и ремесло. Наиболее показательным является употребление гончарного круга в керамическом производстве и высокое

⁴³ Последним эту точку зрения высказал Д. Томсон (II, 1953, стр. 428 и сл.). См. также: М. Сагу, II, 1956. Обстоятельный анализ сведений о торговом пути через Алай и сводка мнений о локализации Каменной Башни содержится в труде А. М. Мандельштама (I, 1957, стр. 41—43). Другая точка зрения высказана в работе японского ученого К. Ширатори (K. Shiratori, II, 1957), в которой дан обзор разных точек зрения о прохождении торгового пути, описанного Птолемеем, и о локализации Каменной Башни. Ширатори предполагает, что путь Птолемея проходил не через Каратегин и Алай, а через Вахан. Каменную Башню он локализует в районе Таш-Кургана. При этом он не отрицает существования пути и через Каратегин—Алай, который, по его мнению, имел меньшее значение.

⁴⁴ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 197 и сл.

качество глиняной посуды. Другие ремесленные производства засвидетельствованы немногочисленными находками (обработка меди и железа, ткачество, а также обработка камня, кости и рога). Кстати сказать, знаменитое *sericum ferrum* (серское железо), упоминаемое римскими авторами, по мнению Ф. Хирта и В. В. Бартольда, производилось, вероятно, в Фергане.⁴⁵ Имеющиеся материалы не позволяют судить об особенностях ремесленных производств в этот период. Малочисленность вещевых находок на поселениях и в могильниках не может служить показателем слабого развития их, поскольку прямые указания современников — китайских авторов свидетельствуют о высоком уровне ремесла. В этом отношении Фергана, по их сообщениям, мало отличалась от других областей древней Средней Азии.⁴⁶

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

В конце II—начале I тыс. до н. э. мы застаем общество Ферганы на стадии разложения первобытнородового строя. Высокий уровень оседло-земледельческой культуры, достигнутый в конце I тыс. до н. э., засвидетельствованный китайскими авторами, несомненно является результатом дальнейшего развития производительных сил и общественных отношений.

На основании анализа поселений и могильников, а также изучения керамики и других материалов можно наметить существование в древней Фергане в течение I тыс. до н. э. трех этапов в истории материальной культуры, соответствующих двум периодам развития общественно-экономических отношений: эпохе бронзы и раннего железа, с одной стороны, и периоду существования государства Давань — с другой. Характерные особенности материальной культуры в каждом из них, очевидно, являются результатом и проявлением разных общественно-экономических условий жизни общества в период господства первобытно-общинных отношений и в период раннеклассовых отношений.

Рассмотрим имеющиеся сведения письменных источников об общественном строе населения Ферганы (Давани) в конце I тыс.

до н. э. Чжан Цянь в своем повествовании сообщает, что в Давани делают вино из винограда и что «богатые хранят его до 10 000 дань».⁴⁷ Такое большое количество вина, составлявшее личную собственность, предназначалось, вероятно, не только для личного потребления, а и для обмена и продажи. Рассказ Чжан Цяня содержит, следовательно, прямое указание на существование имущественного неравенства в Давани.

Характерно, что знаменитые даванские лошади, вероятно, составляли общинную, а не частную собственность, судя по тому, что «совет старейшин» решал вопрос об их продаже Китаю.⁴⁸

Появление имущественного неравенства, как известно, неизбежно ведет к социальному расслоению общества и образованию классового общества. Данные письменных источников позволяют охарактеризовать только господствующие слои даванского общества. Во главе страны стоял правитель, который в китайских источниках носил титул ван (царь, князь). В древней Фергане правила своя династия, имена нескольких правителей которой известны: Му-гуа — рубеж II—I вв. до н. э.,⁴⁹ Чань-фынь — начало I в. до н. э.,⁵⁰ Янью — 40—60-е годы н. э.⁵¹

В Давани существовала довольно развитая система управления, возглавляемая ваном, ближайшими помощниками которого служили фу-ван и фу-го-ван.⁵² Эти высшие должности княжеского достоинства, судя по некоторым данным, вероятно, занимали родственники вана.⁵³

⁴⁷ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 161. Обычай длительного хранения вина отмечен античными авторами в области Герируда. Об этом см.: В. В. Бартольд, I, 1916; ср.: W. Тагп, I, 1938, р. 474.

⁴⁸ См.: Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 162. У соседних племен усуней в это время большие табуны лошадей находились в частной собственности (стр. 160).

⁴⁹ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 165.

⁵⁰ Там же, стр. 167.

⁵¹ Там же, стр. 232.

⁵² Там же, стр. 186.

⁵³ Во многих владениях Восточного Туркестана имелось должностное лицо фу-го-хэу. Титулы фу-го-ван и фу-го-хэу имеют близкое значение, так как оба термина «ван» и «хэу» — имеют значение «князь». См.: Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 173, 176, 177, 189, 198, 199 и др., где упомянуты фу-го-хэу. В Чэши (стр. 211) и в Хотане (стр. 233) эту должность занимал старший, а во втором случае младший брат вана.

⁴⁵ W. Barthold, I, 1927, р. 66.

⁴⁶ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 153; ср.: Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 112.

В своей деятельности ван опирался на совет старейшин, которые в источнике называются гуй жэнь — именитые, уважаемые люди.⁵⁴ Старейшины играли значительную роль в общественной и политической, а также в религиозной жизни страны. Они ограничивали власть вана, принимая активное, а иногда и решающее участие в решении вопросов войны и мира, установления и разрыва дипломатических отношений. Так, например, известно, что «старейшины, советуясь между собой», решили не давать лошадей китайскому посольству;⁵⁵ они же предложили убить китайского посла, оскорбившего их.⁵⁶ Старейшины же приняли решение о перемирии во время осады столицы китайскими войсками⁵⁷ и др. Они имели также право смещения и выбора самого правителя. Известно два случая, когда старейшины приговорили правителя к смерти, считая его виновником неудач в войне. Так поступили они с ваном Мугуа и Моцаем. Приведем рассказ об убийстве последнего: «Даваньские старейшины полагали, что Моцай искусно лестью пред китайскими посланниками был причиной поражения их; почему с общего согласия убили его, а на престол возвели Жишаня (Чань фыня), младшего брата Мугуева, и отправили сына его к китайскому двору заложником».⁵⁸

Правители Давани, учитывая все эти данные, «более напоминают древних греческих базилевсов, чем азиатских деспотов».⁵⁹

Этому господствующему слою общества противостояла масса народа — свободные общинники, составлявшие опору государства и основную военную силу — войско, вероятно в форме ополчения. В Давани насчитывалось 60 000 человек войска («строевого войска 60 000»). Источники сообщают, что даваньцы были искусны в конной стрельбе из лука и что их оружие состояло из луков со стрелами и копий.⁶⁰ Кстати, напомним находки костяных накладок в Шурабашате.

Войско Давани отличалось высокими боевыми качествами не только в открытом бою, но также и при обороне городов. Упоминание о конной стрельбе, а также факт разведения знаменитых даваньских лошадей дает основание предполагать, что в войске наряду с пешими отрядами большую роль играла конница.⁶¹

В отношении политической организации Давань представляла, по всей вероятности, союз городов-государств, или точнее, оазисов-государств, центром которого являлся город.⁶² Об этом можно судить по рассказу Чжан Цяня о наличии сходства между Даванью и Дахя (Бактрией). В последней, по словам его, «не имеют верховного главы и почти каждый город поставляет своего правителя».⁶³ Более поздний автор — Сюань Цзан (VII в.) также говорит о подобной политической структуре Ферганы. Он сообщает, что Фергана в течение десяти лет или около того не имела верховного владельца. Наиболее сильные размежевали свои владения соответственно направлению долин и горных хребтов.⁶⁴ Это сообщение указывает на существование оазисов-государств, что особенно было характерно для средневековой Ферганы и что в значительной мере было обусловлено географическими условиями Ферганской долины.

Все сказанное позволяет согласиться с С. П. Толстовым, когда он пишет: «Политически каждый такой город-государство, охваченный кольцом длинных стен, представлял собой монархию, сильно ограниченную городским советом, состоящим из глав аристократических фамилий».⁶⁵

В условиях патриархального (натурального) сельского хозяйства, в условиях господства натурального обмена и слабого развития денежных отношений в Фергане хозяйственной ячейкой являлась, очевидно, большая патриархальная семья. О существовании в Фергане в середине I тыс. до н. э.

⁵⁴ В работах А. Н. Бернштама (I, 1950, стр. LX), Н. В. Кюнера (I, 1950, стр. LXII), С. П. Толстова (I, 1948, стр. 254) рассматривается терминология китайских источников для понятия «старейшины».

⁵⁵ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 162.

⁵⁶ Там же, стр. 162.

⁵⁷ Там же, стр. 165.

⁵⁸ Там же, стр. 167.

⁵⁹ В. В. Бартольд, II, 1896, стр. 22.

⁶⁰ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 186, 149

⁶¹ Возможно, что в Давани существовала тяжелооруженная конница. Так, С. П. Толстов высказал предположение, что китайцы познакомились с тяжелооруженной конницей и ее тактикой во время походов в Фергану (С. П. Толстов, II, 1943, стр. 25; I, 1948, стр. 343).

⁶² С. П. Толстов, I, 1948, стр. 269—271.

⁶³ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 152.

⁶⁴ S. Veal, II, 1884, p. 30—31; ср. также раздел о Чаче.

⁶⁵ С. П. Толстов, I, 1948, стр. 270

большой патриархальной семьи, окончательно выделившейся из рода, свидетельствуют данные исследования погребального обряда могильников Актамской группы. Такая общественно-экономическая организация обуславливала, как уже было сказано, характер рассредоточенного расселения в домах-усадебках. В то же время отмечаются пережитки матриархальных отношений: «Уважают женщин. Что скажет жена, муж не смеет не выполнить».⁶⁶

Из всего сказанного следует, что в Ферганае в конце I тыс. до н. э. сильно были пережитки первобытнообщинных отношений.

Анализ археологических и письменных источников и аналогии с другими областями Средней Азии⁶⁷ дают основание полагать, что начало сложения классового общества и появление государственности в древней Ферганае относится, вероятно, к середине I тыс. до н. э. Именно в этот период в Ферганае закладываются основы древней ирригационной системы, появляются «древние города» — укрепленные поселения типа Кирополя — «родового города» мамакенов, а также укрепленные поселения типа Эйлатана и Шурабашата. В это же время, вероятно, происходит развитие ремесленного производства, что и приводит к отделению ремесла от земледелия.

Общественные отношения древней Ферганы (второй половины I тыс. до н. э.) в свете приведенных фактов можно охарактеризовать как сложившиеся классовые (очевидно рабовладельческие) отношения, развивающиеся в условиях сохранения сильной сельской общины.

Основным производителем являлся свободный общинник, наряду с трудом которого, по-видимому, применялся в каких-то нам пока еще неизвестных размерах и труд рабов. Следует подчеркнуть сложность общественных отношений, заключающуюся, в частности, в неравномерности их развития у населения равнинной и предгорных частей Ферганской долины. Поскольку наблюдаются переживания общинных отношений среди оседло-земледельческого населения, то очевидно, что в еще большей степени они

должны были сохраниться у скотоводов на окраинах Ферганы.

Решение вопроса о характере общественных отношений в Ферганае неразрывно связано с проблемой существования рабовладельческого строя в Средней Азии в целом. Вопрос о характере общественных отношений в древний период (середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э.) является одним из основных вопросов древней истории Средней Азии. В советской исторической науке прочно утвердилось положение о существовании рабовладельческих отношений в древней Средней Азии. Основная заслуга в разработке этого положения принадлежит С. П. Толстову, который еще в начале 30-х годов поставил вопрос о существовании рабовладельческого строя в Средней Азии. В 1948 г. он так характеризует общественный строй Средней Азии: «Перед нами весьма примитивное в своей основе общинно-рабовладельческое общество с мощными пережитками родового строя — матриархата и других элементов первобытнообщинной формации (дуальная организация, мужские дома и союзы и т. д.). Перед нами архаическая восточная деспотия со многими чертами древней авестийской военной демократии».⁶⁸

Если положение о существовании рабовладельческих отношений в настоящее время признано большинством советских ученых и не является предметом дискуссии, то вопрос о степени развития и о характерных особенностях рабовладельческих отношений в древней Средней Азии окончательно не разрешен. По этому вопросу в настоящее время имеются две точки зрения, которые расходятся в признании степени развития рабовладельческих отношений и роли общины. Ученые, придерживающиеся первой и более распространенной точки зрения С. П. Толстова, утверждают, что рабовладельческие отношения являлись господствующими наряду с существованием сильной общины.⁶⁹ При этом С. П. Толстов,⁷⁰ К. В. Тревер как автор соответствующих разделов «Истории народов Узбекистана»⁷¹

⁶⁶ С. П. Толстов, I, 1948, стр. 342.

⁶⁹ С. П. Толстов, II, 1949, стр. 25 и сл.; I, 1948, стр. 48.

⁷⁰ С. П. Толстов, I, 1948, стр. 48; ср.: А. Н. Бернштам, I, 1949в, стр. 93.

⁷¹ История народов Узбекистана, изд. 1-е, 1950, стр. 94, 123, 130.

⁶⁶ Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 162. О пережитках матриархата в древней Средней Азии см.: С. П. Толстов, I, 1948, стр. 320—338.

⁶⁷ М. М. Дьяконов, II, 1954, стр. 136—138; В. М. Массон, I, 1959, стр. 160—163.

и И. И. Умняков⁷² в своих определениях общественного строя стремятся подчеркнуть своеобразие рабовладельческих отношений в древней Средней Азии, заключающееся в том, что эти отношения не получили всестороннего и полного развития и, по существу, не выходили за рамки патриархально-рабовладельческих отношений.

Другая точка зрения высказана Б. Гафуровым, который, говоря о своеобразии рабовладельческого строя, пишет, что рабовладельческие отношения не являлись господствующими, а составляли только уклад в общественном строе древней Средней Азии, так как преобладающую роль сохраняла сельская община.⁷³

Согласно первой точке зрения основу производства составлял рабский труд (в строительстве ирригации, в ремесленных производствах и в горном промысле),⁷⁴ а согласно второй точке зрения основным производителем являлся свободный общинник.

В 1955 г. Б. Гафуров вновь обращается к вопросу о специфике рабовладельческого строя и уточняет свою точку зрения: «... необходимо отметить также конкретные особенности, характерные для периода развития рабовладельческих отношений в Средней Азии. Решающая особенность состоит в том, что хотя рабовладельческие отношения составляли ведущий уклад в хозяйственном строе, количественно преобладающую роль в производстве в течение всего этого периода сохраняет сельская община».⁷⁵

По всей вероятности, исходным положением концепции, развиваемой Б. Гафуровым, послужило учение В. И. Ленина о многоукладности общественно-экономического строя нашей страны после революции 1917 г. Теоретически вполне допустима возможность многоукладности, т. е. сосуществования и тесного переплетения рабовладельческого и общинного укладов в истории древней Средней Азии.

Однако в нашем распоряжении нет конкретных и бесспорных данных, которые позволили бы охарактеризовать особенности развития общества и ответить на основной вопрос: переросла ли рабовладельческие отношения (уклад, имевший веду-

щее значение) в Средней Азии в господствующие отношения?

В задачу настоящей работы не входит и не может входить рассмотрение и решение такого сложного вопроса, как своеобразие рабовладельческих отношений в древней Средней Азии.⁷⁶ Автор ограничивается выявлением существующих в науке точек зрения о характере общественного строя древней Средней Азии и определением своего отношения к ним. В свете имеющихся материалов точка зрения Б. Гафурова представляется автору более приемлемой ввиду того, что рабовладельческие отношения в древней Средней Азии не получили полного и всестороннего развития, рабский труд не стал основой производства, как в античных государствах Греции и Рима. Это объясняется, по-видимому, рядом причин, а именно: общинным характером землевладения, спецификой ирригационного земледелия (что наряду с некоторыми другими обстоятельствами обусловило существование сильной сельской общины), а также отрицательным воздействием вторжений кочевников и др.

Окончательное решение вопроса о характере общественного строя и о специфике рабовладельческих отношений в древней Средней Азии станет возможным только после появления новых археологических и письменных источников.⁷⁷

⁷⁶ Этот вопрос, по существу, обходится С. П. Толстовым, который обращает все внимание на опровержение точки зрения С. В. Юшкова, не получившей признания в советской науке. С. П. Толстов совершенно необоснованно сближает высказанное автором в диссертационной работе «Древняя Фергана» (Ю. А. Заднепровский, I, 1954) положение о характере общественных отношений в Фергана с точкой зрения С. В. Юшкова (С. П. Толстов, II, 1958, стр. 103—109).

⁷⁷ К подобному же заключению приходит В. М. Массон, который пишет о характере общественного строя VI—IV вв. до н. э. следующее: «Имеющиеся данные совершенно определенно показывают, что разложение первобытнообщинного строя в оседлых областях Средней Азии завершилось окончательно и мы имеем дело с вполне сложившимся классовым обществом. На основании общеметодологических соображений это общество можно называть рабовладельческим, но конкретные данные, раскрывающие внутреннюю структуру и специфику этого общества, пока отсутствуют. На наш взгляд, такая конкретная характеристика будет возможна лишь с расширением круга письменных источников. . . » (В. М. Массон, I, 1959, стр. 162—163).

⁷² И. И. Умняков, II, 1952, стр. 167.

⁷³ Б. Гафуров, II, 1949, стр. 98; I, 1952, стр. 88.

⁷⁴ С. П. Толстов, I, 1948, стр. 273—274.

⁷⁵ Б. Гафуров, II, 1955, стр. 104—105.

IV. ФЕРГАНА И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Эйлатанский и шурабашатский комплексы, характеризующие культуру Ферганы эпохи железа,⁷⁸ несмотря на ограниченность имеющихся материалов, достаточно определенно выделяются среди одновременных комплексов других областей Средней Азии как своеобразием конфигурации укрепленных поселений Эйлатана и Шурабашата, так и самобытностью расписной и крашеной керамики.

Некоторое сходство наблюдается лишь с одновременными культурами соседнего Ташкентского оазиса, входившего в состав древнего владения — Чача. В южной части зоны строительства Ташкентского канала А. И. Тереножкин в 1940 г. выявил несколько поселений. Лучше всего изучено поселение (до 200 м в поперечнике) на левом берегу оврага Бургулюк, по которому и вся культура была названа бургулюкской. На поселении обнаружены землянки (длиною 7,6 м, глубиной 2,6 м) и остатки кладки из сырцового кирпича. Керамика ручной выделки изготовлена на матерчатом шаблоне. Основные формы посуды: полусферические чаши и миски, круглодонные котлы с носиком-сливом и поперечной ручкой, плоские жаровни, сосуды прикрывались ди-

сковидными крышами, иногда имевшими дугообразные ручки. На одной чаше сохранились остатки расписного орнамента — несколько вертикальных линий, нанесенных красной краской. Из других находок представлены каменные изделия: зернотерки, песты и др. Бургулюкская культура, на основании сходства керамики с усуньской круглодонной посудой, была датирована сначала III—I вв. до н. э.,⁷⁹ а позднее — IV—III вв. до н. э.⁸⁰ При этом А. И. Тереножкин расширил общие хронологические рамки культуры до VI—IV вв. до н. э., выделив более ранний этап Бургулюк I, к которому он отнес ряд случайных находок металлических изделий.⁸¹ Хотя бургулюкская культура изучена недостаточно, все же совершенно отчетливо выступает сходство глиняной посуды ее (сосуды полусферических форм, употребление матерчатого шаблона, упрощенная роспись) с Эйлатанским и Актамским комплексами, а также с находками на СФК. Особенно показательно появление росписи, что вполне вероятно является результатом влияния культуры Ферганы.

Более многочисленные черты сходства наблюдаются между комплексом Шурабашата и Каунчи-Тепе, представляющем дальнейший этап развития оседло-земледельческой культуры Ташкентского оазиса. В культуре Каунчи сохраняются традиции украшения керамики росписью. В слое Каунчи I найдены миски, украшенные брызгами бурого ангоба,⁸² а в Каунчи II — небольшие сосуды, окрашенные красной краской.⁸³ В это время продолжают изготавливать посуду на матерчатом шаблоне. На обоих памятниках встречаются близкие и одинаковые формы посуды: чаши с перегибом бортика,⁸⁴ жаровни,⁸⁵ вьючные фляги.⁸⁶ На рассматриваемых поселениях обнаружены железные предметы, одинаковые костяные накладки на лук, сурьматаша, бронзовые колокольчики, близкие по форме пряслица,

⁷⁹ А. И. Тереножкин, II, 1940, стр. 33; 1950.

⁸⁰ А. И. Тереножкин, II, 1950, стр. 155.

⁸¹ Там же, стр. 153.

⁸² Там же, стр. 158.

⁸³ Г. В. Григорьев, II, 1940б, стр. 14.

⁸⁴ Там же, рис. 47.

⁸⁵ Там же, рис. 26.

⁸⁶ Г. В. Григорьев, II, 1940в, рис. 20.

⁷⁸ Правильность выделения эйлатанской культуры как археологического комплекса, характерного для определенного этапа развития культуры Ферганы, подтверждено результатами работ последних лет. Выделение шурабашатского этапа вызвало возражения. Так, Б. А. Латынин рассматривает этот комплекс как своеобразный локальный «узгенский» вариант культуры Ферганы (Латынин, I, 1960, стр. 92, прим. 5-в; 1961, стр. 112). К сожалению, это заключение ничем не аргументировано. Материалы, изложенные в настоящей работе не оставляют сомнения в том, что шурабашатский комплекс представляет прямое и непосредственное развитие эйлатанского. Географические рамки распространения памятников с шурабашатской керамикой значительно шире Узгенского оазиса. В других районах Ферганы пока еще не обнаружены памятники, одновременные шурабашатскому комплексу. Привлекательные Б. А. Латыниным единичные находки на БФК и СФК следует, по нашему мнению, относить к эйлатанскому комплексу. В этом легко можно убедиться при ознакомлении с подлинными вещами. Ссылки на материалы бургулюкской культуры соседнего Ташкентского оазиса не имеют прямого отношения к археологии Ферганы. Таким образом, выделение шурабашатского комплекса, как характерного для следующего за эйлатанским периода в истории культуры Ферганы остается в силе впрямь до появления новых археологических материалов.

очажные подставки и др. Следует обратить внимание на значительную мощность культурного слоя Каунчи-Тепе, достигавшую 6 м. По всей вероятности, на поселении уже выделилась цитадель — «вышка». Все приведенные факты указывают на большую культурную общность населения Ферганы и Ташкентского оазиса особенно в последних веках до н. э.

Совсем иная картина наблюдается при сравнении с другими областями Средней Азии. В древней Маргиане, Бактрии, Согде и Хорезме в середине I тыс. до н. э. распространена была керамика с белым ангобом банкообразных форм, так называемые цилиндро-конические сосуды, составляющие наиболее характерную черту культуры этих областей. Эти комплексы были обстоятельно рассмотрены В. М. Массоном,⁸⁷ который предполагает, что главной причиной поразительного единообразия керамических изделий основных оседло-земледельческих областей Средней Азии являлась культурная общность населения, появившаяся в результате вхождения их в состав единого политического объединения. Археологические комплексы Ферганы и перечисленных областей резко отличаются по типу поселений и по характеру керамики.

Все имеющиеся у нас материалы подтверждают правильность заключения В. М. Массона о выпадении Ферганы из круга областей, имевших в середине I тыс. до н. э. керамику банкообразных форм.⁸⁸

Сохраняется своеобразие культуры Ферганы и в следующий период. В последних веках до н. э. почти каждая более или менее большая область Средней Азии отличалась своеобразием облика культуры, проявляющегося главным образом в составе и характере керамических изделий. Совсем иные, чем в Фергане, формы посуды и приемы украшения керамики были распространены в Хорезме кангуйского периода (IV в. до н. э. — I в. н. э.). Хотя в Хорезме встречается на хумах и других сосудах роспись в виде спиралей и треугольников, нанесен-

ных красной и коричневой краской по желтовато-розовому ангобу,⁸⁹ но она не имеет ничего общего с богатым разнообразием шурабашатской расписной посуды.

Совершенно непохожа керамика Ферганы на согдийскую. Упрощенная роспись в Согде известна в слоях Тали-Барзу II и III. На посуде из этих слоев, как отмечает Т. Н. Книпович, «безусловно преобладает орнамент, выполненный коричнево-красной краской по светлому фону. Иногда здесь просто брызги и подтеки; иногда же нанесенная по светлому фону краска приобретает формы выраженной росписи, правда упрощенной. Чаще всего — это сплетающиеся широкие полосы, образующие по сторонам сосуда соединенные вместе круги».⁹⁰ Росписью покрывались кружки и кувшины. На одном кувшине, помимо росписи, имеется ручка зооморфной формы.⁹¹

Также отличается керамика Ферганы от парфянской. Однако в литературе имеются сведения о находках расписной керамики в Южной Туркмении (на городище Старого Серакса и в других пунктах). Обнаруженная здесь лепная керамика с темно-бурой спиралевидной росписью по светлому фону, по мнению А. А. Марущенко, датируется III—I вв. до н. э.⁹² К сожалению, характер публикации не позволяет составить представление об облике ее и сравнить с ферганскими материалами.

Указанные находки в Южной Туркмении приобретают важное значение в свете открытия расписной керамики в Южном Афганистане, относящейся к I в. до н. э. — III в. н. э. В 1950 г. расписная керамика в комплексе с другими типами посуды была обнаружена Л. Дюпре в пещере Шамшир-Гар, находящейся к ЮЗ от г. Кандагар.⁹³ Пещера содержала культурные отложения нескольких периодов, начиная с кушанского и до периода монгольского завоевания. Она служила, по мнению исследователя, вероятно, убежищем для жителей бли-

⁸⁹ М. Г. Воробьева, II, 1955, стр. 74 и сл., рис. 2, 4; 1959, рис. 9—13.

⁹⁰ Т. Н. Книпович, II, 1949, стр. 75, рис. 16, 1—3, 5; см. также: Г. В. Григорьев, II, 1940а, рис. 3, е, ж.

⁹¹ Очерки истории СССР. М., 1956, стр. 544, рис. 4.

⁹² А. А. Марущенко, II, 1956, стр. 176—180.

⁹³ L. Dugree, II, 1958.

⁸⁷ В. М. Массон, I, 1959, стр. 52—62. М. Г. Воробьева несколько иначе объясняет появление этой общности керамики. Она рассматривает ее как результат или тесных культурно-хозяйственных связей или принадлежности к одной группе родственных племен (М. Г. Воробьева, II, 1959, стр. 83—84).

⁸⁸ Там же, стр. 62.

жайших поселений во время многочисленных войн. Обломки глиняной посуды составляют основную массу находок (более 23 000 фрагментов). Кроме того, найдено сравнительно большое количество мелких обломков металлических предметов, бусы, монеты, поделки из камня, а также обломки стеклянных изделий и др. На основании стратиграфических данных и путем сравнительного изучения керамики выделено четыре периода в истории заселения пещеры. Начало его относится к раннекушанскому периоду — 100 г. до н. э. и 100 г. н. э. Следующий — позднекушанский период датирован также приблизительно — 100 г. — 300 г. н. э. Различие между ними незначительное и поэтому можно охарактеризовать их вместе. Основные типы посуды этих комплексов характерны для многих памятников кушанского периода, обследованных в Афганистане. Совершенно необычным оказалось лишь наличие большой серии керамики с росписью. Эта особенность комплекса Шамшир-Гара обращает на себя внимание, поскольку до сих пор, за исключением нескольких расписных фрагментов в слоях II периода Беграма,⁹⁴ расписная посуда этого времени не была известна в Афганистане. Происхождение ее неизвестно.

Расписной орнамент встречен на сосудах разного типа: Grit Ware (сосуды с большой примесью песка в тесте и Red Ware (сосуды с красным ангобом) и др. Цветовая гамма орнамента разнообразна, включая узоры красного, коричневого и черного цветов разных оттенков, нанесенные на светло-коричневую и красноватую поверхность сосуда. Наиболее распространены следующие мотивы: горизонтальные и вертикальные прямые линии, волнистые линии, зигзаги, треугольники с сетчатым заполнением, ленты с сетчатым и иным заполнением и др. Таким образом, в орнаменте преобладают простые геометрические и криволинейные мотивы. Целый ряд узоров Шамшир-Гара имеют прямые аналогии в керамике шурабашатского комплекса Ферганы (вертикальные прямые линии, вертикальные волнистые линии, прямая линия, оконтуренная с обеих сторон волнистыми линиями, комбинации прямых и волнистых линий

и др.).⁹⁵ Одинаковые узоры: лента, заштрихованная наклонными отрезками;⁹⁶ углы, заполненные линиями, параллельными одной стороне,⁹⁷ встречаются в Актаме и Шамшир-Гара.

Фрагментарность материалов Шамшир-Гара не позволяет сравнить формы посуды. Также невозможно сопоставить цветовую гамму орнамента, поскольку определение цвета сильно дифференцировано и отсутствуют цветные воспроизведения образцов керамики Шамшир-Гара. Однако нельзя не отметить большой общности орнаментальных мотивов керамики Ферганы и Афганистана. Тем более, что в синхронных комплексах Средней Азии, быть может за исключением Юга Туркмении, ферганская керамика пока не имеет аналогий. В настоящее время мы не можем найти объяснение подобного сходства. Но не исключена возможность, что появление такой общности в какой-то мере связано с передвижениями тохаро-юечжийских племен Средней Азии, участвовавших в разгроме Греко-Бактрийского царства и образовании Кушанского государства. В результате этих событий часть племен Средней Азии обосновалась в Афганистане и Северо-Западной Индии.

Совершенно бесспорно отличие материальной культуры земледельческого населения Ферганы от кочевых сако-усуньских племен Семиречья и Тянь-Шаня. Вместе с тем следует отметить сходство форм круглодонной посуды, составляющей характерную особенность культуры сако-усуньских племен с керамическими изделиями Эйлатанского и Актамского комплексов. К тому же нам известны единичные находки расписных сосудов в памятниках этих племен. Из Чуйской долины происходят два сосуда с росписью. Один из них имеет форму кружки с петлевидной ручкой. Снаружи он украшен вертикальными красными полосками, спускающимися от венчика ко дну. На втором сосуде также имеются остатки росписи. Сосуды датированы сако-усуньским периодом. Появление расписной посуды

⁹⁵ L. Дургее, II, 1958, fig. 39, 40, a, d, h, l; 41.

⁹⁶ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а, рис. 31, 2; ср.: L. Дургее, II, 1958, fig. 41, i.

⁹⁷ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а, рис. 31, 4; ср.: L. Дургее, II, 1958, fig. 41, e, f.

⁹⁴ R. Chirshman, II, 1946.

в Чуйской долине А. Н. Бернштам объяснял культурным влиянием Ферганы.⁹⁸

Два расписных сосуда найдены в Буранинском могильнике усуньской культуры. Кувшин с росписью в виде беспорядочно нанесенных полосок краски по своей форме, способу изготовления и по характеру орнамента находит полные аналогии в керамике Шурабашата. Второй сосуд с росписью не опубликован и по краткому описанию нельзя составить представления о нем.⁹⁹

Распространение расписной посуды у сако-усуньских племен, вероятно, можно объяснить вслед за А. Н. Бернштамом, как проявление воздействия земледельческой культуры Ферганы, учитывая находки ее в долине Чаткала, представляющие как бы промежуточное звено между Ферганой и Чуйской долиной.

В связи с отсутствием сходных комплексов в Средней Азии представляет интерес сходство ферганской расписной керамики с находками в Восточном Туркестане.

В Синьцзяне расписная керамика была обнаружена в ряде пунктов Турфанского оазиса в северо-восточной части провинции:

1. Миао-эр-ку — в 85 км к ЮВ от г. Хами.
2. Сенгим-агиз — в 33 км к В от г. Турфан.
3. Токсун — в 40 км к ЮЗ от г. Турфан.
4. Яр-хото — возле г. Турфан.¹⁰⁰

В этих пунктах на поверхности собрано небольшое количество фрагментов керамики с черным узором по красному фону. В Яр-хото китайским археологом Хуан Вэнь-би, участником китайско-шведской

экспедиции, обнаружены погребения с расписной посудой.¹⁰¹ Мотивы росписи — вертикальные линии и комбинации прямых линий. Среди собранной керамики встречаются также образцы с темно-красной росписью по светлому фону. Здесь же найдены фрагменты сосудов с налепными ручками — в форме полудужки с зацепами,¹⁰² очень характерными для шурабашатского комплекса.

По всей вероятности, в сборах представлена разновременная керамика. По заключению Ф. Бергмана, синьцзянские находки отличаются от известных типов ранней расписной посуды Китая и не находят аналогий в материалах Передней Азии. На основании сравнительных данных с находками Андерсена в Ганьсу, он считает наиболее вероятным относить расписную керамику Синьцзяна ко времени около 500 г. до н. э. Вместе с тем, следует отметить сходство цветовой гаммы орнамента и простых геометрических узоров ее с керамикой чустской культуры Ферганы.

На этом основании, принимая во внимание отсутствие аналогий в памятниках Китая, можно было бы высказать предположение о более раннем возрасте синьцзянских материалов. Однако малочисленность находок заставляет отказаться от точных определений времени их. Более правильным будет говорить о существовании в I тыс. до н. э. в Синьцзяне памятников с расписной керамикой, некоторые разновидности которой были сходны с ферганской.

Проведенное сравнение показывает, что Фергана во второй половине I тыс. до н. э. занимала в Средней Азии особое положение. Такой своеобразной расписной керамики, как в Фергане, в других областях Средней Азии нам пока не известно. Несомненно, что самобытность культуры Ферганы была обусловлена в значительной мере предшествующим развитием, а также периферийным положением ее. Обращает на себя внимание поразительная устойчивость традиции расписной керамики, восходящая к чустскому периоду и проявляющаяся в блестящей форме в шурабашатском комплексе, а затем, после длительного перерыва,

⁹⁸ А. Н. Бернштам, II, 1950, стр. 107, табл. XL, 1. Кстати по форме этот сосуд очень близок актамскому (Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, I, 1957а, рис. 30, 28).

⁹⁹ М. Воеводский и М. Грязнов, II, 1938, стр. 179. Второй сосуд отсутствует в коллекции материалов из могильника, хранящейся в Музее истории в Ташкенте. Сходство расписного кувшина с шурабашатской посудой установлено во время ознакомления с этой коллекцией.

¹⁰⁰ F. Bergman, II, 1939, p. 14—18, pl. 1—2. Несколько расписных фрагментов в Восточном Туркестане были найдены Хуан Вэнь-би в предшествующие годы (Хуан Вэнь-би, II, 1933; на кит. яз.). Однако эти материалы не были известны, и поэтому в нашей литературе можно найти утверждение об отсутствии находок расписной керамики в Восточном Туркестане, например в сводной статье А. Н. Бернштама, II, 1947, стр. 58.

¹⁰¹ F. Bergman, II, 1939, 17—18.

¹⁰² *Ibidem*, pl. 32, 5.

как бы возрождающаяся в средневековой узгенской посуде. Прямую линию развития этой традиции с эпохи бронзы можно проследить пока только в Ферганской долине. Фергана в эпоху железа играла роль своего рода культурного центра для Северо-востока Средней Азии, оказывая влияние на развитие культуры в соседних районах и в среде кочевых племен, что засвидетельствовано распространением расписной керамики в Алае, Чаткале, Чуйской долине и в Ташкентском оазисе. Разумеется, не следует преувеличивать значение культурного влияния Ферганы, которая во второй половине I тыс. до н. э. значительно отставала в своем развитии от передовых южных областей Средней Азии.

Итак, по культуре Фергана занимала в Средней Азии особое положение, хотя в этническом отношении население ее было родственно населению других оседло-земледельческих областей Средней Азии. Это вытекает из следующего сообщения упомянутого китайского источника Шицзи: «Хотя на запад от Давань до Аньси (Парфия, — Ю. З.) государства достаточно различаются по языку, все же многим сходны в обычаях и взаимно понимают речь».¹⁰³ В этой сжатой характеристике одновременно отмечено сходство и различие разговорного языка населения среднеазиатских владений. Наблюдения китайских путешественников, зафиксированные в Шицзи, подтверждаются другим, бесспорно независимым источником, Страбоном (География, XV, 2—8), сообщающим о том, что жители Согдианы, Бактрии, Персии и Мидии мало различаются по языку.¹⁰⁴ По всей вероятности, как устанавливают языковеды, речь может идти о родственных и близких языках и диалектах, принадлежащих к одной восточноиранской языковой группе.

И дальше приводится описание физического облика населения: «Жители все со впалыми глазами, многие с бородами». Китайские информаторы умело в нескольких словах передали типичные черты, свой-

ственные среднеазиатскому европеоидному ираноязычному населению.¹⁰⁵

В нашем распоряжении нет прямых данных о языке древних ферганцев. Однако более поздние китайские путешественники Сюань Цзян и Хой Чао говорят о существовании особого ферганского языка: «Их язык отличается от языков соседних стран», — пишет Сюань Цзян (первая треть VII в. н. э.).¹⁰⁶ Через 100 лет Хой Чао повторяет то же самое: «Язык совершенно отличен и не одинаков с языками других стран».¹⁰⁷ Основываясь на этих сообщениях, можно говорить о существовании уже в VII в. ферганского языка (диалекта), выделение и обособление которого из круга древних восточноиранских языков следует отнести, очевидно, к значительно более раннему времени.

Письменные источники, таким образом, дают возможность заключить, что население Ферганы имело характерный европеоидный облик и говорило на языке, близком к другим языкам среднеазиатских народов, например согдийскому, и в этническом отношении было с ними сходно. Это заключение подтверждается палеоантропологическими данными, указывающими на однородность расового типа населения Среднеазиатского междуречья, Нижнего Поволжья, Казахстана, Киргизии и особенно Сибиряна.¹⁰⁸

Население Ферганы эпохи железа принадлежало к европеоидному брахикранному типу Среднеазиатского междуречья. Появление этого типа засвидетельствовано находками в Актамском могильнике,¹⁰⁹ в Шурабашате и в могильниках древних скотоводов в Алае.¹¹⁰

Изменение расового типа населения Ферганы, как уже было сказано, отмечается

¹⁰⁵ На эту характеристику неоднократно обращал внимание: В. В. Григорьев (II, 1873, стр. 101); Г. Е. Грумм-Гржимайло (II, 1926, стр. 6, 15); А. Н. Бернштам, (II, 1948, стр. 63—64); Л. В. Ошанин (I, 1957—1958) и Ю. А. Заднепровский (I, 1956б).

¹⁰⁶ S. Veal, II, 1884, pp. 30—31.

¹⁰⁷ W. Fuchs, II, 1938, S. 452; ср.: А. Н. Бернштам, I, 1952в, стр. 193; А. М. Мандельштам, I, 1954, стр. 71.

¹⁰⁸ Г. Ф. Дебедц, II, 1948, стр. 180; Т. А. Трофимова, II, 1949, стр. 29—32; В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров, II, 1949, стр. 261, 262; В. В. Гинзбург, II, 1952.

¹⁰⁹ В. В. Гинзбург, I, 1957.

¹¹⁰ В. В. Гинзбург, I, 1960.

¹⁰³ Н. В. Кюнер, I, 1961, стр. 122.

¹⁰⁴ О совпадении сведений этих источников писали К. В. Тревер (II, 1940, стр. 20), А. М. Мандельштам (I, 1954, стр. 68) и Ю. А. Заднепровский (I, 1956б, стр. 42).

на грани перехода от бронзового к железному веку. Следующий этап изменения расового и этнического состава населения происходит в конце рассматриваемого периода — в последних веках до н. э. и в первых веках н. э., когда в Фергану проникают отдельные группы населения монголоидного типа.

Таким образом, имеющиеся данные дают возможность предполагать, что земледельческое население Ферганы во второй половине I тыс. до н. э. было европеоидным, относилось к типу Среднеазиатского междуручья и составляло, вероятно, уже сложившуюся народность, говорившую на языке или диалекте восточноиранской группы языков.

Возникает вопрос о наименовании этой древнеферганской народности. В литературе имеется предположение, что упоминаемая у Геродота народность париканий могут быть помещены в Фергане.

Рассмотрим, какими сведениями о них мы располагаем. О париканиях Геродот говорит в четырех разделах своей истории (III — 92, 94, VII — 68, 86). Он сообщает, что они входили в состав X округа государства Дария вместе с саками-ортокорибантиями и Мидией. Но в другом месте Геродот упоминает их в составе XVII округа вместе с азиатскими эфиопами.

Далее рассказывается о том, что утии, мики и парикании были вооружены так же, как и пактии, и начальником отряда париканиев в войске Ксеркса был Сиромитра сын Ойобаза (пактии же вооружены были туземными луками и мечами). В другом разделе говорится, что парикании в коннице, подобно каспиям, вооружены были так же, как и в пехоте.

Таковы немногочисленные сведения о париканиях, на основании которых можно говорить лишь о том, что они входили в состав двух совершенно разных сатрапий и представляли, вероятно, большую народность, так как от X округа поступала в казну Ахеменидов большая сумма — 450 талантов, а от XVII — 400. Сообщаемые Геродотом сведения лапидарны и дают повод для разного толкования местонахождения париканиев. В настоящее время относительно локализации этой народности существуют две точки зрения.

I. Парикании — жители Ферганы. Одним из первых высказал такое заключение Э. Херцфельд в 1910 г., анализируя спи-

сок сатрапий Ахеменидского государства, приведенный Геродотом.¹¹¹ Позднее, публикуя Хамаданскую надпись Дария I, он обратил внимание на упоминание в ней народа саки *para Sugdam* (засогдийские саки).¹¹² Херцфельд помещает этих саков, сближаемых им с ортокорибантиями Геродота, в Ферганской долине, исходя из древней традиции, что границей между согдийцами и саками служила Сыр-Дарья (Яксарт). В дальнейшем он подкрепляет отождествление этнонима «париканий» с названием Ферганской долины ссылкой на упоминание в пехлевийском тексте Бундахишн¹¹³ страны Паркан, расположенной на Яксарте, и на название долины Фергана, приведенное в словаре Якута (III, 878).¹¹⁴ Таким образом, Херцфельд устанавливает ряд сопоставлений наименования народности «париканий» у Геродота, страны «Паркан» в Бундахишне, названия долины «Фергана» в арабо-персоязычной литературе. Локализация париканиев в Фергане была поддержана в нашей литературе.¹¹⁵

II. Парикании — жители Гедросии и Мидии. Сторонники этой точки зрения, обращая внимание на то, что сам Геродот не знал или колебался, в какой округ отнести париканиев, обычно предпочитали второй вариант и помещали XVII сатрапию в Гедросию на юге Иранского плато.¹¹⁶ Париканиев, входивших в состав X округа, некоторые исследователи, не приводя достаточных обоснований, отождествляют с гирканиями,¹¹⁷ а другие — считают их жителями маннейского государства, вошедшими в состав Мидии.¹¹⁸

¹¹¹ F. Sarre und E. Herzfeld, II, 1910, S. 24. Ср. карту, где парикании помещены и в Фергане и в Гедросии. Парикании и ортокорибантии безоговорочно отнесены к Фергане в статье Ю. Юнга — J. Junge (II, 1942, S. 1486).

¹¹² E. Herzfeld, I, 1928, p. 6; см. также: А. А. Семенов, I, 1928, стр. 59—61; ср.: Б. А. Литвинский, I, 19606.

¹¹³ E. West, II, 1880, pp. 79—80.

¹¹⁴ E. Herzfeld, II, 1929, S. 100; 1933, S. 11—12, 23—25, ср.: J. Marquart, II, 1901, S. 150 и сл.

¹¹⁵ К. В. Тревер, I, 19476, стр. 308; А. Н. Бернштам, I, 1951а, стр. 7; 1952а, карта — рис. 87.

¹¹⁶ Cambridge Ancient History, vol. IV, 1926, map IV; ср.: W. Tarn, I, 1938, p. 285.

¹¹⁷ А. Т. Olmstead, II, 1948, p. 291, 292.

¹¹⁸ И. М. Дьяконов, II, 1956, стр. 338. К мидийской точке зрения склоняется В. М. Масон (I, 1959, стр. 144).

Основным доводом против сопоставления париканиев с Фергаей является то, что с включением Ферганы в состав X округа этот округ образует фантастическое географическое объединение.¹¹⁹ Но, как справедливо было замечено, хотя список округов Геродота не представляет собой случайного соединения разных народов, все же он содержит много неясного и необъяснимого в части, касающейся Средней Азии. Несомненно прежде всего это объясняется недостаточным знанием географического положения отдельных народов и политических условий Средней Азии. Необходимо учитывать также, что при образовании округов, как сообщает Геродот (III, 89), объединялись жители соседних стран, а население более отдаленное распределялось между различными народностями. Появление некоторых объединений было связано, вероятно, с конкретными историческими событиями. В свете всего сказанного, как нам представляется, нельзя считать убедительным основной довод противников отождествления париканиев с Фергаей. К тому же они не приняли во внимание всей совокупности имеющихся данных по этому вопросу.

О париканиях имел какие-то сведения уже предшественник Геродота — автор VI в. до н. э. Гекатей.

Отрывок из сочинения Гекатея с упоминанием города Парикана сохранился в труде позднеантичного автора Стефана Византийского (IV в. н. э.). Приводим этот текст полностью: «Парикана, персидский город Гекатей в „Азии“. В них [приводит] название „города Парикана“. Население [его] парикании называют также и парикане».¹²⁰ Из этого отрывка явствует, что источник Гекатея знал о существовании «города» Парикана и о париканиях где-то в Персии (очевидно, в составе государства Ахеменидов).

У античных авторов рубежа н. э. Плиния (*Naturalis Historia*, VI, 16) и Помпония Мелы (*De Chorographia*, 1, 13) вновь

упоминаются парикании и парииани (*pariani*), очевидно, тождественные париканиям Гекатея—Геродота в перечне народов, обитавших на северо-востоке Средней Азии. По сведениям Помпония Мелы (42 г. н. э.) парииани помещались на Якарте, к северу от согдийцев и бактрийцев, и следовательно, в Ферганской долине.¹²¹

Таким образом, в античной историографии можно проследить традицию от Гекатея—Геродота, по сведениям которых трудно определить точное место нахождения париканиев, до Плиния—Помпония Мелы, которые помещают париианиев на Сыр-Дарье.

Особый интерес в этой связи представляет упоминание страны (*deśa*) *Prakaṇva* в труде древнеиндийского ученого Панини (сутра VI, 1, 153). Наиболее вероятная дата жизни его — середина V в. до н. э. Современный исследователь труда Панини В. Агравала сопоставляет наименование страны *Prakaṇva* с именем народности парикании, упоминаемой у Геродота, и локализует ее на месте современной Ферганы.¹²²

Широкий географический кругозор Панини, весьма вероятно, объясняется знакомством его с источниками, которые были частично известны и его современнику Геродоту (если принимать указанную дату жизни Панини). Совпадение сведений двух совершенно разных и независимых друг от друга источников, как нам представляется, служит веским доказательством правильности локализации париканиев в Фергане. Другой источник — пехлевийский Бундахишн содержит упоминание о стране Паркан, также расположенной на Сыр-Дарье. Некоторые более поздние китайские династийные истории дают для Ферганы наименование — Полона, Боханьна, которые представляют, очевидно, попытки транскрипции названия страны.¹²³ Наблюдается очень большое сход-

¹²¹ W. Тагп, I, 1938, p. 285. См. карту по сведениям П. Мелы. А. Неггманп, II, 1939, tab. 5—6.

¹²² V. S. Агравала, II, 1953, pp. 37, 49.

¹²³ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 233; А. М. Мандельштам, I, 1954, стр. 79. В. А. Лившиц указывает, что в согдийских документах начала VIII в. н. э. дано написание Ферганы — Вру'нк. Отсюда он заключает, что древняя форма названия имела вид *Fag(a)gāna или Fgaḡāna (ср.: Pa-han-na в китайских источниках) (В. А. Лившиц, II, 1960, стр. 103).

¹¹⁹ В. М. Массон, I, 1959, стр. 144.

¹²⁰ *Stephani Byzantii*, II, 1839, стр. 225. Перевод отрывка принадлежит Е. Ч. Скржинской, которой приношу свою благодарность. В книге Ф. Альгхайма на карте Средней Азии, составленной по сведениям Гекатея, парикании помещены в Фергане (F. Altheim, II, 1947).

ство между названием страны «Паркан» и современным наименованием «Фергана».¹²⁴

Близость и сходство наименования страны и народности «парикании», «Праканва», «Паркан» и «Фергана» (Паргона), встречающихся в совершенно независимых источниках, дает нам основание признать правильной первую точку зрения о локализации париканиев в Фергане. Разумеется, это не означает, что все упоминания этой народности следует относить к Ферганской долине. Совершенно справедливо замечание И. М. Дьяконова о невозможности связывать их только с Ферганой.¹²⁵ Но, полагаю, что также неверным было бы относить париканиев только к Мидии или Гедросии.

Итак, поскольку Фергану во второй половине I тыс. до н. э. населяли парикании, или паркании, то древнеферганскую народность следует назвать парканской народностью.¹²⁶

Наряду с земледельческим населением на территории Ферганы обитали племена скотоводов, входившие, очевидно, в круг сакских племен Средней Азии. А. Н. Бернштам, отмечая сходство некоторых элементов культуры Ферганы и савов Семиречья, высказал предположение о существовании ферганской группы сакских племен. Он предлагал даже локализацию отдельных племен этой группы.¹²⁷ Однако эти положения А. Н. Бернштама недостаточно обоснованы археологическими материалами. Письменные источники также не содержат определенных сведений о саках в Фергане. И поэтому вопрос об обитании сакских племен на территории Ферганской долины остается открытым.

¹²⁴ Исследуя этимологию слова «Фергана», Н. Г. Маллицкий и М. С. Андреев пишут, что оно обычно произносится местным населением как «Паргона». М. С. Андреев сопоставляет это название со словом «паргана» в говоре Рушана, где оно означает «равнинное место», «долина, окруженная со всех сторон горами и имеющая только один выход». В говоре Язгулема подобное место называют «баргона». Оба ученых приходят к заключению, что такое же значение имеет и древнее название «Фергана», Н. Г. Маллицкий, II, 1945, стр. 283; М. С. Андреев, II, 1950, стр. 35—37).

¹²⁵ И. М. Дьяконов, II, 1956, стр. 338, прим. 4-е.

¹²⁶ О народности паркании см.: А. М. Мандельштам, I, 1951, стр. 5; 1954, стр. 59; Ю. А. Заднепровский, I, 1954, 1956б.

¹²⁷ А. Н. Бернштам, I, 1952а, стр. 211—214; ср.: Н. Г. Гербунова, I, 1961а, стр. 15—16.

События политической истории Ферганы рассматриваемого периода, вследствие малочисленности сведений письменных источников, нам почти совсем неизвестны. Только на фоне истории древней Средней Азии в целом можно изложить основную канву исторического развития страны. Прежде всего возникает вопрос о вхождении Ферганы в состав Ахеменидского государства. Прямых данных для решения его у нас нет. Но известно, что северные границы державы Ахеменидов доходили до Сыр-Дарьи (Кирополь). Судя по косвенным данным и главным образом по своеобразию облика культуры ее, можно предполагать особое, независимое положение страны в этот период, хотя не исключена возможность кратковременного формального подчинения. Оно могло выражаться в выплате дани и поставке отрядов войск.¹²⁸

Затем, вполне вероятно, что Фергана сохранила независимость и во время походов Александра Македонского, который достиг Сыр-Дарьи и дошел до западных границ ее. Сакские племена составили ту силу, которая остановила здесь дальнейшее продвижение войск Александра Македонского.

Доводы, приводимые для доказательства вхождения Ферганы в состав Селевкидского (упоминание о походе селевкидского полководца Демодама за Яксарт)¹²⁹ и Греко-Бактрийского государств (упоминание о походе Евтидема в страну серов)¹³⁰, как нам представляется, малоубедительны.

Только очень короткий период истории Ферганы (конец II—начало I в. до н. э.) освещен с большей полнотой китайскими источниками. Довольно подробно изложен ход дипломатических переговоров китайских послов с даваньскими старейшинами, убийство посла и военные действия Китая против Давани. Эти сведения широко известны и поэтому, не останавливаясь на них подробно отметим наиболее существенные моменты. Относительно причин военных действий можно предполагать, что китайцы руководствовались не только стремлением заполучить даваньских лошадей, но и более важными интересами торговли со странами За-

¹²⁸ W. Тагп, I, 1938, р. 474; В. М. Масон, I, 1959, стр. 136—137, 143.

¹²⁹ Одним из первых об этом писал В. В. Григорьев (II, 1867, стр. 348).

¹³⁰ В. В. Григорьев, II, 1867; В. В. Бартольд, I, 1916; II, 1917; W. Тагп, I, 1938, р. 84, 474—477; К. В. Тревер, II, 1940, стр. 7, 126—127.

пада.¹³¹ В этой связи весьма показательны сообщения о последовавших после победы над Даванью многочисленных посольствах, выполнявших одновременно и торговые поручения.¹³²

Известно, что первый поход войск Ли Гуан-ли в 104 г. до н. э. не увенчался успехом. Для второго похода было собрано огромное по тому времени войско, но реальные политические успехи в Фергане, несмотря на победу и формальное подчинение Давани, оказались также незначительными, и Давань вскоре восстановила свою независимость. Это объясняется не столько мощью Даваньского владения, которое одно, разумеется, не могло противостоять Ханьскому Китаю, но, вполне очевидно, и тем, что на стороне ее выступали сильные в военном отношении племена усуней и кангюй. Такое заключение можно сделать на основании сведений о дружественном нейтралитете усуней во время второго похода Ли Гуан-ли и о карательной экспедиции китайских отрядов против Кангюя, куда бежал владелец даваньского города Юэчэ. Можно полагать, что независимое и особое положение древней Ферганы на протяжении всей второй половины I тыс. до н. э. в значительной мере было обусловлено тесными политическими связями с сильными в военном отношении сако-усуньскими племенами.

Следует оговорить, что подчинение Давани произвело огромное впечатление на страны Западного края и имело большое значение для установления прочных торговых и культурных связей между Ханьским Китаем и Средней Азией.

¹³¹ Установление прямых отношений Китая и стран Средней Азии относится ко II в. до н. э. Чжан Цяню принадлежит первенство в налаживании непосредственных контактов. Но первые археологические свидетельства культурных связей между этими странами относятся еще к V—III вв. до н. э. (Л. С. Васильев, II, 1958, стр. 43). Приведенные нами факты не оставляют сомнения в существовании связей между Китаем (Синьцзяном) и Ферганой в чустский и последующий периоды (находки каменных серповидных ножей, сходство расписной посуды Ферганы и Турфанского оазиса и др.).

¹³² Н. Я. Бичурин, I, 1950, стр. 181; Л. С. Васильев, II, 1958, стр. 45—46.

В заключение следует кратко остановиться на дальнейшем развитии культуры Ферганы.

В конце I тыс. до н. э. и в первых веках н. э., по археологическим данным, наблюдается резкое изменение облика материальной культуры. Наиболее отчетливо проявляется оно в исчезновении расписной посуды и преобладании посуды с красным ангобом, украшенной процарапанным орнаментом.¹³³ Одновременно широкое распространение получает обряд захоронения в катакомбных и подбойных могилах,¹³⁴ который сменяет обряд, характерный для Актамского комплекса. Изменение формы погребального сооружения и широкое распространение катакомбных и подбойных захоронений, как мы старались показать,¹³⁵ было, вероятно, связано с появлением в Ферганской долине племен тохаро-юечжийского союза. О широких передвижениях этих племен имеются прямые сведения античных и китайских письменных источников. При этом последние указывают, что юечжи прошли через Давань.

Рассматриваемые события во времени частично совпадают с шурабашатским периодом. Свидетельством тому являются находки керамики бесспорно шурабашатского комплекса в катакомбном могильнике Караджар¹³⁶ в долине р. Кара-Кульджи, расположенном в непосредственном соседстве с Кара-Дарьинским оазисом.

¹³³ М. Е. Массон, I, 1940; Т. Г. Оболдуева, I, 1951; В. Д. Жуков, I, 1951; Я. Г. Гулямов, I, 1951; А. Н. Бернштам, I, 1952а; Ю. А. Заднепровский, I, 1960а.

¹³⁴ А. Н. Бернштам, I, 1949б, 1951а, б, в, 1952а; Ю. Д. Баруздин, I, 1956, 1957а, б; 1961; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, I, 1955; Б. А. Литвинский, I, 1954а, в; 1956а, г, 1959г, 1961а; С. С. Сорокин, I, 1948, 1954, 1956, 1958, 1961а; Б. А. Латынин и Т. Г. Оболдуева, I, 1959; Ю. А. Заднепровский, I, 1959а, 1960а, б, в.

¹³⁵ Ю. А. Заднепровский, I, 1960а, стр. 128—138.

¹³⁶ Там же, стр. 123—124.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении и рассмотренные в работе, позволяют следующим образом представить развитие древней культуры Ферганы. На рубеже II—I тыс. до н. э. мы застаем здесь цветущие земледельческие поселения. Происхождение их и древнеземледельческой чустской культуры в целом пока не может быть прослежено. Также остается еще невыясненным время возникновения земледелия в Фергане. Можно только предполагать, что земледельческое освоение долины и сложение чустской культуры происходило под влиянием более развитых юго-западных областей Средней Азии, под влиянием южнотуркменских племен. В то же время на территории Ферганы обитали племена с культурой андроновского типа. Тесное сосуществование племен с разным направлением хозяйства и разным обликом культуры было характерно для всей истории древней Ферганы.

Достаточно определенно устанавливается преемственность развития древнеземледельческой культуры в периоды бронзы и железа. Культура эйлатанского периода сложилась в основном на базе чустской культуры. Генезис укрепленных поселений-«городов» Ферганы эпохи железа восходит к укрепленным поселениям позднебронзового века (Дальверзин и Чуст). Развитие земледелия и культуры в эпоху железа, как можно предполагать, обусловлено было изменениями техники искусственного орошения и общим развитием производительных сил общества. В конце рассматриваемого периода происходит интенсивное развитие классовых отношений и сложение древней государственности — Даваньского царства (по данным китайских источников).

В истории древней Средней Азии Фергана занимала особое положение. В период поздней бронзы по уровню хозяйства и культуры она выступала как периферия по отношению к Южной Туркмении, но в то же время земледельческая культура ее была более развита по сравнению с другими областями Средней Азии, где обитали племена тазабэгъябандроновской культуры. Широкие и далекие культурные связи населения Ферганы бронзового века, видимо, могут быть объяснены конкретными историческими условиями

эпохи больших передвижений индоиранских племен, которые в какой-то мере затронули и Фергану.

В последующие эпохи Фергана сохранила независимое положение и, по всей вероятности, осталась вне рамок Ахеменидского государства и не была завоевана Александром Македонским. Значительную роль сыграла Фергана в развитии международной торговли между Китаем и Западом по знаменитому Шелковому Пути в последних веках до н. э. Ферганские племена, очевидно, приняли активное участие в крупных исторических событиях в период борьбы народов Средней Азии, тохаро-юечжийских племен против Греко-Бактрийского царства.

В целом рассматриваемый период в истории Ферганы был временем сложения древнеферганской (парканской) народности, которая в дальнейшем в качестве одного из основных компонентов вошла в состав таджикской и узбекской народностей.

Во время подготовки рукописи этой книги к печати появилась монография Ж.-М. Казалья о раскопках Мундигака в Афганистане (J.-M. Casali. Fouilles de Mundigak. MDAFA, XVII, 1961. Paris). Обнаруженные в Мундигаке материалы представляют большой интерес для археологии Средней Азии и особенно для сравнительного изучения культуры бронзового века Ферганы. Керамический комплекс V периода Мундигака, который характеризуется изготовлением керамики ручной лепкой и распространением геометрических узоров в орнаментике, как отмечает исследователь, не связан с развитием местной традиции керамического производства. Совершенно справедливо Ж.-М. Казаль находит аналогии этому комплексу в чустской керамике Ферганы (р. 104). Появление его французский археолог связывает с большим миграционным движением племен, расселившихся от Ферганы и до южного Афганистана. Исходный район миграции он предполагает искать у границ Китая (р. 119). Основное слабое звено в концепции Ж.-М. Казалья состоит в том, что если принять предложенную дату V периода концом III тыс. до н. э. (р. 27), то налицо большой, тысячелетний хронологический разрыв между Мундигаком и чустской культурой Ферганы (конец II—начало I тыс. до н. э.). Не исключена возможность, что дальнейшие исследования позволят сократить этот разрыв и тогда появится больше оснований связывать археологические комплексы Ферганы в Афганистане. В этой связи надо обратить внимание на сходство комплекса V периода Мундигака с материалами центральноазиатского неолита, имеющими, как нами отмечено, ряд аналогий с комплексом керамики чустской культуры Ферганы.

В. В. Гинзбург

К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ

(По материалам из Дальверзинского поселения)

Эпоха бронзы на территории Среднеазиатского междуречья изучена еще очень мало (А. Н. Бернштам, А. П. Окладников, М. Э. Воронец, Я. Г. Гулямов, В. И. Спришевский, Ю. А. Заднепровский, С. П. Толстов, Т. Г. Оболдуева, Б. А. Литвинский, В. М. Массон, Н. Г. Горбунова, Б. З. Гамбург и другие).

Имеющиеся материалы из Ферганской долины свидетельствуют о наличии здесь двух культур: северной (андоновской), или, как ее называют, степной, хорошо нам известной по материалам из Казахстана и Южной Сибири, и южной (культуры крашеной керамики), памятники которой распространены в Южной Туркмении и Передней Азии. Население той и другой культур обитало здесь бок о бок, длительное время не смешиваясь друг с другом.

В последние годы начали поступать и изучаться антропологические материалы из памятников эпохи бронзы в Средней Азии. Эти материалы пока единичны, но весьма интересны.

В Ферганской долине типичным для культуры крашеной керамики эпохи бронзы является Чустское поселение в Наманганской области, которое открыл М. Э. Воронец¹ и изучает В. И. Спришевский.² Здесь было обнаружено погребение женщины, которая,

по мнению В. Я. Зезенковой, является типичным представителем средиземноморского типа европеоидной расы.

Другой памятник той же культуры — Дальверзинское поселение — систематически с 1956 г. исследуется Ю. А. Заднепровским.³ Материалы из этого поселения являются объектом изучения в настоящей работе.

Ежегодно из раскопок Дальверзинского поселения поступало по несколько черепов, раскопки же 1960 г. дали свыше двадцати черепов. Все эти материалы постепенно изучались нами, и к настоящему времени мы располагаем сорока черепами из этого поселения. Часть черепов собрана из погребений в культурном слое поселения, часть же скелетов находилась в разрозненном состоянии на разных уровнях культурного слоя. Некоторые же черепа были обнаружены как бы собранными вместе в ямах. По мнению Ю. А. Заднепровского, независимо от положения все черепа относятся ко времени существования поселения.

На основании раскопок ряда лет Ю. А. Заднепровский относит поселение к эпохе поздней бронзы, датируя его концом II—началом I тыс. до н. э.

Значительная часть материала была привезена в фрагментах, но, хотя мы могли определить возраст и пол большинства погребенных, для антропологического изучения могло быть использовано лишь около половины привезенных черепов. Более подробному антропологическому изучению, с внесением их

¹ М. Е. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории УзССР, II, 1954.

² В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 3, 1954, стр. 69—76; его же. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 71, 1958, стр. 86—98.

³ Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, 69, 1957, стр. 50—57.

краниометрических данных в таблицу, были подвергнуты 18 черепов.

Кроме того, некоторые данные, хотя бы частично говорящие об антропологическом типе, получены еще на 7 черепах.

Всем этим черепахам мы даем индивидуальную описательную характеристику, которая в сочетании с измерительными данными яснее подчеркивает антропологический тип черепа.

Мы приводим также общую сводку находок, так как представляет несомненный интерес возрастно-половой состав захороненных (или погибших) на поселении.

По глубине залегания в культурном слое Ю. А. Заднепровский делит все черепа на 3 группы, относя №№ 1—5 — к верхнему, 6—14 — к среднему и №№ 15—40 — к нижнему горизонтам. Эти номера являются порядковыми в приводимой табл. 1.

Из табл. 2 можно видеть, как распределяются доставленные останки по полу и возрасту.

Обращает на себя внимание значительное преобладание особой женского пола и большое количество лиц (около половины) детского и юношеского возраста.

Хотя поселение раскопано не целиком и к тому же это не специальное кладбище, такой состав погребенных не является для нас неожиданным, так как аналогичное для эпохи бронзы уже было отмечено в Южной Туркмении, а также в могильнике Тасты-Бутак возле Актюбинска. Задачей археологов является выяснить причину этого. Где погребали пожилых людей, а также большинство мужчин, остается неизвестным.

Обратимся к рассмотрению антропометрических данных (табл. 3).

Так как среди черепов, которые были пригодны для проведения измерений — половина женских, много детских, и всего два мужских, мы вычислили средние размеры только для женских черепов. Изучение этих материалов показывает, что продольные размеры черепа (181.7 мм) относятся к большим, поперечный же (131.8 мм) — к малым. Такое соотношение диаметров говорит о долихокранной форме черепа (ч. у. 72.6). Такие же соотношения размеров и указатель (72.5) — на черепе мужчины и на черепах детей и подростков (N 6; M—73.5). Самые высокие черепные указатели не выходят за пределы нижних границ мезокрании.

Высота черепной коробки — на границе средних и больших, что дает в сочетании с поперечными размерами выотно-продольные указатели в пределах средних, а выотно-поперечные — в пределах больших.

Широтные диаметры лобной кости на границе средних и больших. Это дает большие лобно-теменные указатели.

Длина основания черепа — в пределах средних величин.

Углы наклона лба большие, что говорит о прямой форме его. Это же относится и к обоим черепахам мужчин. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо: затылок выступает значительно. Следов искусственной деформации не отмечено.

Размеры лицевой части черепа небольшие. Верхняя высота лица (66.7 мм) — на верхней границе средних размеров. Скуловой диаметр (123.8 мм), как и средняя ширина лица (91.3 мм), — на нижней границе средних размеров. Лицевой указатель (54.0) — на верхней границе средних, т. е. лицо по форме приближается к узким. Общий угол выступания лица (82.0°) — средний; альвеолярный угол профиля (74.0°) — на верхней границе средних, что соответствует малому указателю выступания лица; это соответствует малым размерам длины основания лица.

Лицо хорошо выступает в горизонтальной плоскости. Углы горизонтальной профилировки небольшие: верхний (назомаллярный) — 138°, а нижний (зигомаксиллярный) — 125°, что считается характерным для европеоидной расы.

Отношение высоты лица к высоте черепной коробки среднее.

Глубина клыковых ямок средняя, ближе к малым. Скулы мало выдаются.

Высота орбиты (32.4 мм) небольшая — на границе малых и средних. Отсюда и небольшие указатели ее (максиллофронтальный — на границе малых и средних; дакриальный — уже в пределах малых).

Нос средней ширины абсолютно и по указателю, значительно выступающий над линией профиля лица (29.4°), при среднем дакриальном и выше среднего симметрическом указателях. Передненосовая ость развита средне.

Таким образом, черепа из Дальверзинского поселения характеризуются узковатым, резко выступающим в горизонтальной плоскости лицом, с невысокими глазами

Таблица 1

Общие данные о доставленных антропологических материалах из Дальвервинского поселения

№ п/п	№ в табл. индив. измер.	Год раскопок	Что доставлено	Возраст	Пол	Антропологическая характеристика
1	—	1956	Череп со сломанным затылком	11—12 л.	Ж?	Европеоид мезокранный
2	—	1960	Сломанный, неполный череп	Возмуж.	Ж	Европеоид долихокранный
3	—	1960	Обломки черепа	Зрелый	Ж	Долихокранный
4	—	1960	Фрагмент затылочной кости	Возмуж.?	Ж	»
5	16	1960	Правая половина черепа	Зрелый	Ж?	Андроновский?
6	18	1958	Несколько сломанный череп	Возмуж.	М	Европеоид долихокранный, низколищный (Буадильский)
7	13	1958	Череп	Возмуж.	Ж	Средиземноморский
8	14	1959	»	Возмуж.	Ж	Андроновский?
9	—	1959	Разрушенный костяк	I детский	—	—
10	11	1958	Череп	Возмуж.	Ж	Промежуточный между средиземноморским и Среднеазиатского междуручья.
11	8	1959	Сломанный череп	Юнош.-возмуж.	Ж	Европеоид (средиземноморский)
12	—	1959	Нижняя челюсть	Зрелый	М	—
13	—	1959	Сломанный череп	I детский	—	Европеоид
14	—	1960	Нижняя челюсть	Возмуж.	Ж	—
15	7	1959	Череп	Ок. 13 л.	Ж?	Средиземноморский
16	—	1959	Обломки черепа	Возмуж.	Ж	Европеоид долихо-мезокранный
17	—	1958	Разрушенный костяк	I детский	—	—
18	12	1956	Череп	Возмуж.	Ж	Европеоид
19	6	1956	»	Юнош. (14—16 л.)	Ж	Средиземноморский
20	—	1956	Сломанный череп	Зрелый	М	Долихокранный (средиземноморский?)
21	17	1960	Череп	Юнош.-возмуж.	М?	Смешанный
22	1	1960	»	Ок. 4 л.	—	Андроновский?
23	15	1960	Сломанный череп	Возмуж.	Ж?	Средиземноморский
24	—	1960	Сломанный череп	II детский (ок. 8 л.)	Ж?	»
25	9	1960	Череп	Юнош.-возмуж.	Ж	Ближний к средиземноморскому
26	4	1960	Череп	II детский (8—9 л.)	Ж	Средиземноморский
27	3	1960	Сломанный череп	II детский (ок. 8 л.)	Ж?	»
28	—	1960	Фрагменты черепа	Возмуж.	М?	Европеоид мезо- или брахи-канный
29	—	1960	Височная кость	Взрослый	Ж	—
30	—	1960	Сломанная лицевая часть черепа	Юношеский	Ж	Европеоид, возможно андроновский или Буадильский.
31	2	1960	Сломанный череп	Ок. 7 л.	—	Европеоид долихо-мезокранный, низколищный (Буадильский)
32	—	1960	Обломки черепа	Юношеский	Ж?	Европеоид долихокранный
33	5	1960	Череп	II детский (ок. 9 л.)	Ж?	Средиземноморский
34	—	1960	Кусок кости крышки черепа	Взрослый	—	—
35	—	1960	Фрагмент черепа	Зрелый	М	Европеоид долихокранный
36	—	1960	Череп	I детский (ок. 5 л.)	—	»
37	—	1960	Обломок теменной кости	Взрослый	—	—
38	—	1960	Лобная кость	I детский	—	Долихокранный
39	—	1960	Нижняя челюсть	Возмуж.	М	Узколищный
40	10	1957	Череп	Юнош.-возмужал.	Ж?	Средиземноморский

Таблица 2

Распределение погребенных по полу и возрасту

Возраст	Мужской пол	Женский пол	Неопределенный пол	Всего
I детский	—	—	6	6
II детский	1	5	1	7
Юношеский	—	3	—	3
Юнош.-возмуж.	1	3	—	4
Возмужалый	3	8	—	11
Зрелый	3	3	—	6
Взрослый (неопределенный)	—	1	2	3
Итого . . .	8	23	9	40

и резко выступающим носом. Эти признаки уже достаточно говорят о принадлежности серии к большой европеоидной расе. Узкая форма мозговой коробки при прямом лбе и значительно выступающем затылке дает возможность отнести серию к средиземноморскому типу.

Для возможности некоторых сопоставлений с мужскими сериями, по средним коэффициентам, предложенным Г. Ф. Дебецом, переведем некоторые размеры на женской серии черепов в мужские. При этом получается:

продольный диаметр — 190.1 мм;
 поперечный диаметр — 135.8 мм;
 верхняя высота лица — 71.8 мм;
 скуловой диаметр — 132.4 мм.

Эти размеры недалеко от средних величин из двух мужских черепов дальверзинской серии.

Приводим индивидуальное описание черепов, включая и такие, которые вследствие их дефектности не попали в таблицу. Нумерация описательных характеристик черепов соответствует их номеру по порядку в общей таблице исследованных материалов (табл. 1, стр. 203).

1. Кв. EIX, глубина 0.6 м. Череп со сломанной черепной коробкой ребенка 11—12 лет, возможно женского пола. На черепе два отверстия (3×4 см) в лобной и левой теменной (5×5 см) костях от прижизненных воздействий (оружием?).

Черепная коробка мезокранного типа овоидной формы. Лоб прямой, с неразвитыми надпереносьем и надбровными дугами.

Лицо средневыступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками и средневыступающим носом. Корень носа углублен мало. Размеры лица: скуловой диаметр — 110 (?) мм; верхняя высота лица — 61 мм. Угол спинки носа — 23°.

Антропологический тип — европеоидный.

2. Кв. ЖIХ-33—34. Глубина 0.6 м. Женщина возмужалого возраста.

Фрагменты черепа долихокранного типа с прямым лбом, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами, с значительным выступанием затылка.

Глубина наизона средняя. Выступление носа не меньше среднего.

Наименьшая лобная ширина — 95 мм.

Верхняя ширина лица — 99 мм.

Биорбитальная ширина — 91 мм.

Выступление наизона над биорбитальной шириной — 12.7 мм.

Верхний угол горизонтальной профилировки лица — 149°.

Ширина скуловая — 130 мм?

Череп европеоидного типа.

5. Кв. ЖIХ-66. Глубина 0.6 м (№ 16 в таблице индивидуальных измерений). Череп женщины зрелого возраста с значительным дефектом левой половины его.

Черепная коробка, по-видимому, мезокранного типа, пентагоидной формы с прямым лбом, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Характер затылка определить не удастся.

Лицо средней ширины и высоты, средневыступающее в горизонтальной плоскости со значительно углубленными клыковыми ямками, низкими глазницами, широким переносьем и средневыступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный, возможно андроновский.

6. Кв. EVIII-65—66 (№ 18 в таблице индивидуальных измерений). Череп (со сломанной черепной коробкой) мужчины возмужалого возраста (около 40 лет).

Черепная коробка долихокранного типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом и среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами.

Лицо средней ширины и на нижней границе средней высоты, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с мало-

углубленными клыковыми ямками, невысокими глазницами и значительно выступающим носом. Небольшой альвеолярный прогнатизм обеих челюстей.

Антропологический тип — европеоидный; несколько напоминает череп эпохи бронзы из Вуадилы (Фергана).

7. Кв. EVIII-65—66 (№ 13 в таблице индивидуальных изменений). Череп молодой женщины возмужалого возраста (около 22—25 лет).

Черепная коробка долихокранного типа пентагоноидной формы, с прямым лбом, со слабо выраженными надпереносьем и надбровными дугами и со значительно выступающим затылком благодаря вздутой чешуе затылочной кости.

Лицо высокое, узкое, средневыступающее в вертикальной плоскости (мезогнатия) и значительно — в горизонтальной, с среднеуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и средневыступающим носом. Отмечается альвеолярный прогнатизм обеих челюстей.

Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

8. Кв. EVIII-98 (№ 14 в таблице индивидуальных измерений). Сохранена лицевая часть черепа (без носовых костей) с частью лба и нижней челюстью женщины возмужалого возраста.

Лоб прямой с ниже среднего развитым надпереносьем и средневыступающими надбровными дугами. Лицо низкое, на нижней границе среднешироких, ортогнатное, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с глубокими клыковыми ямками, низкими глазницами и среднешироким, по-видимому значительно выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный (может быть близкий к андроновскому?).

10. Кв. EVIII-66 (№ 11 в таблице индивидуальных измерений). Череп женщины раннего возмужалого возраста (20—22 года).

Черепная коробка мезокранного типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами и с круглым средневыступающим затылком. Метопический шов.

Лицо средней ширины и высоты, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и значительно выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный, как бы промежуточный между средиземноморским и типом Среднеазиатского междуречья.

11. Кв. ЖІХ-61, яма 21, п. 1 (№ 8 в таблице индивидуальных измерений). Сломанный череп женщины юношеско-возмужалого возраста (18—20 лет).

Черепная коробка долихокранного типа, эллипсоидной формы, с среднеразвитым надпереносьем и слабо выступающими надбровными дугами. Затылок значительно выступает.

Лицо низкое, неширокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с среднеуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и узким, значительно выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный (по-видимому средиземноморский).

15. Кв. ЖІХ-91. Глубина 1.7 м (№ 7 в таблице индивидуальных измерений). Череп мальчика (?) в возрасте около 13 лет.

Черепная коробка резко долихокранного типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами, с круглым, значительно выступающим затылком.

Лицо узкое, невысокое, ортогнатное, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с среднеуглубленными клыковыми ямками, низкими глазницами и узким, значительно выступающим носом. Резкий альвеолярный прогнатизм верхней челюсти.

Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

16. Кв. ЖІХ-92, яма 49. Обломки черепа, по-видимому женщины в юношеско-возмужалом возрасте (18—20 лет).

Черепная коробка долихо-мезокранного типа, с прямым лбом, с значительной горизонтальной профилировкой лица, со среднеуглубленными клыковыми ямками. Нижний край грушевидного отверстия острый. Передненосовая ость выступает мало (1). Небольшой альвеолярный прогнатизм верхней челюсти. Нижняя челюсть небольшая, но массивная, с резко выступающим подбородком.

Антропологический тип — европеоидный, возможно средиземноморский.

18. Кв. ЕІХ, яма 13 (№ 12 в таблице индивидуальных измерений). Сломанный череп женщины возмужалого возраста, обугленный в области лобной кости. Лучше сохранилась лицевая часть.

Таблица индивидуальных измерений

Номера черепа по порядку	1	2	3	4	5	6	7	8	
Коллекционный номер МАЭ	—	—	—	—	—	6213-1	—	—	
Порядковый номер в таблице 1	22	31	27	28	33	19	15	11	
Пол	—	—	Ж?	Ж	Ж?	Ж	М?	Ж	
Возраст	Ок. 4 л.	Ок. 7 л.	Ок. 8 л.	8—9 л.	Ок. 9 л.	14—16 л.	Ок. 13 л.	Юнош.- возамуж.	
1. Продольный диаметр черепа	167	—	173	176	175	174	195?	196?	
8. Поперечный диаметр черепа	128	—	134	126	125?	131	134?	135?	
17. Высотный диаметр черепа ($ba - b$)	120	—	123	133	—	133?	139?	—	
20. Высотный диаметр черепа ($po - b$)	108	—	110	118	—	117	125?	—	
11 Бирикулярная ширина	104	—	101	114	—	115	118?	—	
9. Наименьшая лобная ширина	86	—	83	94	91	90	101?	—	
10. Наибольшая ширина лобной кости	106	—	105?	110	113	114	123?	—	
5. Длина основания черепа	81	—	85	100	—	93?	118?	—	
40. Длина основания лица	76	—	83	89	—	92?	107?	—	
47. Полная высота лица ($n - gn$)	—	—	87	—	96	99	111	109?	
48. Верхняя высота лица ($n - pr$)	49	51	50	61	58	56	65	65?	
45. Скуловой диаметр	103?	—	103	107	110?	116	125?	130?	
46. Ширина средней части лица ($Zm - Zm$)	71	78	75	80	76	87	110?	—	
По Абн- деру. {	Зигмаксиллярная ширина	67	75	75	78	77	85	96?	92
	Выступание субспинальной точки	19.5	18.6	22.4	17.6	21.2	20.4	25.5	29.2
	Зигмаксиллярный угол	120	127	118	131	122	129	124	115
43(1). Биорбитальная ширина ($fmo - fmo$)	82	87?	81	85	87	90	100?	—	
Subt JOW. Выступание назона над линией ($fmo - fmo$)	14.2	15.0?	13.7	18.8	19.0	15.4	20?	—	
Назомаллярный угол	142	142	143	132	133	142	136	—	
54. Ширина носа	20	20	19	22	20	25	22	24	
55. Высота носа	34	36	37	46	43	41	46	47?	
49а. Дакриальная ширина	—	16.1	—	18.5	16.5	21.7	26.3	—	
DS. Дакриальная высота	—	10.2	—	8.9	11.8	11.7	10.3	—	
50. Максиллофронтальная ширина	—	15.5	—	16.7	15.7	18.3	22.0	—	
Максиллофронтальная высота	—	5.7	—	7.7	8.3	5.5	6.4	—	
SC. Симотическая ширина	—	8.5	—	9.4	8.9	6.1	8.8	—	
SS. Симотическая высота	—	7.8	—	3.5	5.4	1.7	4.5	—	
51. Ширина орбиты ($mj - ek$)	—	36	34	38	38	38	42	42 пр.	
51а. Ширина орбиты ($d - ek$)	—	34	33	36	37	35	37	40? пр.	
52. Высота орбиты	28 пр.	28	30	33	32	27	32 пр.	—	
62. Длина нёба	—	32	34	39	33	37	44	44?	

Таблица 8

черепов дальверзинского поселения

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Средние размеры мужских черепов №№ 8-16
—	—	—	6213-2	—	—	—	—	—	—	
25	40	40	18	7	8	23	5	21	6	
Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж?	Ж	М?	М	М (N)
Юнош.- возмуж.	Юнош.- возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Зрелый	Юнош.- возмуж.	Возмуж.	
173	179	181	—	180	—	181	—	193	—	181.7 (6)
130	124	139	—	133	—	130	—	140	—	131.8 (6)
132	—	130	—	128	—	136	—	138	—	131.5 (4)
116	110	112	—	113	—	117	—	123	124?	113.6 (5)
114	109	129	—	115	—	119	—	129	134?	117.2 (5)
90	87	104	99	95	92	90	99	100	94	94.5 (8)
110	111	128	118?	119	—	113	—	123	116	116.5 (6)
90	—	96	—	93	—	101	—	104	—	95.0 (4)
85	—	86	—	93	—	100	—	99	—	91.0 (4)
—	116	107	—	117	109?	—	—	—	115	111.6 (5)
61	69	66	65	75	63	70	66	74	66	66.7 (9)
120	112	128	126?	119	128?	127?	124?	132	134?	123.8 (9)
89	81	88	94	87	100?	97?	94	98	94	91.3 (8)
88	82	90	—	87	96?	97	94?	98	95	90.8 (8)
20.7	27.0?	23.6	—	22.6	19.1?	26.4	19.3?	22.5	23.8	23.5 (8)
130	113?	125	—	125	137?	123	136	131	127	125.5 (8)
90	86	102	98	99	92	92	101?	101	98	95.0 (8)
16.2	16.5	21.1	20.4	15.4	19.0	17.8	18.9?	22.1	20.1	18.2 (8)
140	138	135	135	146	135	138	139	133	135	138.3 (8)
24	22?	22	27	23	25	24	27	27	23	24.2 (9)
46	53?	49	44	48	47	46	47	51	46	47.4 (9)
20.1	18.8	22.0?	22.8	22.0?	23.0	19.7	—	25.1	23.3	21.2 (7)
—	11.9	10.8	11.0	8.5	—	7.0	—	16.7	11.6	9.8 (5)
16.8	16.1	20.1	21.2	20.7	19.0	16.0	24.3!	23.5	21.1	19.2 (8)
—	8.1	8.9	8.1	6.2	—	9.5	6.0	7.9	8.5	7.8 (6)
7.3	8.8	9.9	12.2	9.0	9.0	10.4?	13.7!	12.6	6.9	10.0 (8)
—	3.8	4.1	4.0	2.3	—	6.7?	5.1	4.5	2.9	4.3 (6)
39	36	42	41пр.	41	41	43	41	40	42	40.7 (9)
36	39	40	39пр.	39	37	40	39	38	40	38.8 (9)
33	33	33	32пр.	35	30	33	30	30	32	32.4 (8)
41	—	45	38	45?	44?	—	49	48	43	43.7 (7)

Таблица 3 (продолжение)

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Средние размеры женских черепов №№ 8—16
—	—	—	8213-2	—	—	—	—	—	—	
25	40	10	18	7	8	23	5	21	6	
Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж?	Ж	М?	М	М (N)
Юнош.- возмуж.	Юнош.- возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Зрелый	Юнош.- возмуж.	Возмуж.	
40	—	38	39	38	38?	—	43	42	40	39.0 (7)
—	96?	96	—	92	95?	—	—	—	97	95.0 (5)
488	494	519	—	507	—	502	—	538	—	502.0 (5)
94	84	87	—	87	—	85	—	87	88	87.4 (5)
88	81	84	—	83	—	80	—	79	82	83.2 (5)
85	80	86	—	82	—	77	—	89	82	82.0 (5)
89	—	87	—	86	—	79	—	94	86	85.3 (4)
72	—	84	—	68	—	72	—	78	67	74.0 (4)
—	52	52	—	60	—	38	—	67	54	50.5 (4)
—	28	34	—	22	—	39	24	22	28	29.4 (5)
75.1	69.3	76.8	—	73.9	—	71.8	—	72.5	Долихокрап.	72.6 (6)
76.3	—	71.8	—	71.1	—	75.1	—	71.5	—	73.6 (4)
67.1	61.5	61.9	—	62.8	—	64.6	—	63.7	—	63.6 (5)
101.4	—	93.5	—	96.2	—	104.6	—	98.6	—	98.9 (4)
89.2	88.7	80.6	—	85.0	—	90.0	—	87.9	—	86.7 (5)
69.2	70.2	74.8	—	71.4	—	69.2	—	71.4	—	71.0 (5)
81.8	78.4	81.3	83.9?	79.8	—	79.7	—	81.3	81.0	80.8 (6)
75.0	77.7	81.3	78.6?	79.8	71.9?	70.9?	79.8?	75.8	70.2?	76.9 (8)
50.8	61.6	51.6	51.6	63.0	49.2?	55.1?	53.2?	56.1	49.3?	54.0 (9)
52.2	41.5?	44.9	61.4	47.0	53.2	52.2	57.5	52.9	50.0	51.3 (9)
84.6	91.7	78.6	78.1пр	85.4	73.2	76.7	73.2	75.0	76.2	80.2 (8)
91.7	84.6	82.5	82.1пр	89.7	81.1	82.5	76.9	79.0	80.0	83.9 (8)
94.4	—	89.6	—	100.0	—	99.0	—	95.2	—	95.8 (4)
46.2	—	50.8	—	58.6	—	51.5	—	53.6	—	51.8 (4)
92.3	90.3	92.1	—	89.5	—	97.7?	—	94.3	—	93.0 (6)
18.0	19.2	20.7	20.8	15.5	20.7	19.3	18.7?	21.9	20.5	19.1 (8)
23.5	32.9?	26.3	—	26.0	19.9?	27.2	20.6?	23.0	25.1	26.0 (8)
—	50.3	44.3	38.2	30.0	—	59.3	24.6	33.6	40.3	41.1 (6)
—	63.3	49.1?	48.3	38.6?	—	35.6	—	66.6	49.8	47.0 (5)
—	43.2	41.4	32.8	25.6	—	64.4?	37.2	35.7	42.0	40.8 (6)
97.6	—	84.4	102.6	84.4?	86.4?	—	87.8	87.5	93.0	89.6 (7)
Эллипс. 1	Овоид. 1	Эллипс. 1	— 1	Пентаг. 1	— 1	Овоид. 1	Пентаг.? 1	Овоид. 21	Эллипс. 1	— 1.0 (8)
2	2	1	2	2	2	2	1	2	3	1.9 (9)
1	1	1	2	1	2	1	1	1	2	1.2 (9)

Номера черепа по порядку	1	2	3	4	5	6	7	8
Коллекционный номер МАЭ	—	—	—	—	—	6213-1	—	—
Порядковый номер в таблице 1	22	31	27	26	33	19	15	11
Пол	—	—	Ж?	Ж	Ж?	Ж	М?	Ж
Возраст	Ок. 4 л.	Ок. 7 л.	Ок. 8 л.	8—9 л.	Ок. 9 л.	14—16 л.	Ок. 13 л.	Юнош.-возмуж.
Глубина клыковой ямки (0—4)	1	2	2	1	1	2	2	2
Глубина клыковой ямки (в мм) по Дебецу: лев/пр.	—	2.4/2.8	3.5/4.0	2.0/2.5	1.5/1.8	4.5/4.6	4.6/—	3.9/6.3
Горизонтальный профиль лица (1—3)	3	2	3	2	3	2	2	3
Выступание скул (1—4)	1	1?	1	1	1	1	1	2?
Выступание носа (1—3)	2?	2?	2?	2	2	2	3	3
Передноросовая ость (1—5)	2	2?	2	2	3	1	4	4
Нижний край носового отверстия	F. pr.	F. pr.	F. pr.	Ant.	Ant.	Inf.	Ant.	Ant.
Высота орбиты	2	2	3	3	3	1	1	2?
Выступание затылка	3	3	3	3	3	3	3	3
Деформация черепа (прижизненная)	0	0	0	0	0	0	?	—
Типологическая характеристика	Андрон?	Низколиц. (Вуадильский)	Средиземн.	Средиземн.	Средиземн.	Средиземн.	Средиземн.	Средиземн.

Лицо узкое, низкое, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с среднеуглубленными клыковыми ямками, невысокими глазницами и средне или значительно выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный.

19. Кв. EIX-VII (№ 6 в таблице индивидуальных измерений). Череп юношеского возраста (14—16 лет) женского пола.

Черепная коробка долихо-мезокранного типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами и с значительно выступающим затылком.

Лицо низкое, узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с среднеуглубленными клыковыми ямками, низкими глазницами и относительно широким средневыступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

20. Кв. EIX, кв. 1. Фрагменты черепа мужчины зрелого возраста.

Черепная коробка долихокранного типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом, слабо развитым надпереносьем и средневыступающими надбровными дугами. Затылок вы-

ступает значительно. Корень носа среднеуглубленный.

Продольный диаметр черепа — 183 мм.

Наименьшая ширина лба — 89 мм.

Наибольшая ширина лобной кости — 108 мм.

Ширина затылочной кости — 109 мм.

Антропологический тип — возможно средиземноморский.

21. Кв. ЖИХ-37. Глубина 1 м. Череп № 3 (№ 17 в таблице индивидуальных измерений). Хорошо сохранившийся череп (без нижней челюсти), по-видимому мужчины переходного от юношеского к возмужалому возрасту.

Черепная коробка крупная, долихокранного типа, овоидной формы, со слабо наклонным лбом при мало развитых надпереносье и надбровных дугах. Затылок круглый, значительно выступающий.

Лицо высокое, среднеширокое, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, с очень низкими, небольшими глазницами и средневыступающим носом.

Антропологический тип черепа неясен и производит впечатление смешения и сочетания европеоидных и монголоидных черт.

Таблица 3 (продолжение)

9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Средние размеры женских черепов №№ 8-16
—	—	—	213-2	—	—	—	—	—	—	
25	40	10	18	7	8	23	5	21	6	
Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж	Ж?	Ж	М?	М	М (N)
Юнош.-возмуж.	Юнош.-возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Возмуж.	Зрелый	Юнош.-возмуж.	Возмуж.	
1	1	1	2	2	3	2	3	1	1	1.9 (9)
2.5/3.0	—/2.0	2.1/2.2	5.8/—	4.5/3.1	7.9/8.1?	3.3/4.2	6.2/—	3.2/3.5	1.0/2.1	4.5 (8) 4.1 (7)
2	3	2	2	3	2	3	2	2	3	2.4 (9)
1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	1.2 (9)
2?	3	3	2?	2	3?	3	2	2	2	2.6 (9)
2	—	4	1	3	2	3	2	3	3	2.2 (8)
Inf.?	—	Inf.	Inf.	F. pr	Inf.	Ant.	Ant.	Inf.?	Ant.	
2	3	2	1	3	1	2	1	1	1	1.9 (9)
3	3	2	—	3	—	3	—	3	—	2.8 (6)
0	0	0	—	0	—	0	—	0	—	
Средиземн.	Средиземн.	Средиземн.	Европ.	Средиземн.	Андрон.?	Средиземн.	Андрон.?	Смешан.	Долихокран. низколиц.	

Лицевая часть черепа могла бы напоминать тип Среднеазиатского междуречья, но очень низкие и маленькие глазницы не соответствуют этому, так же как и длинная форма черепной коробки.

22. Кв. ЖІХ-37. Глубина 1 м. Череп № 61 (№ 1 в таблице индивидуальных измерений). Череп ребенка около 4 лет (без нижней челюсти и носовых костей).

Черепная коробка мезокранного типа, пентагоноидной формы. Лоб выпуклый, с совершенно неразвитым надпереносьем и надбровными дугами. Затылок выступает значительно.

Лицо относительно низкое, широкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и, по-видимому, средневыступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный, низколицый, возможно андроновский.

23. Кв. ЖІХ-37. Глубина 1 м. Череп № 5 (№ 15 в таблице индивидуальных измерений). Сломанный, но довольно хорошо реставрированный череп, по-видимому женщины возмужалого возраста, без нижней челюсти.

Черепная коробка долихокранного типа, узкой пентагоноидной формы, с прямым лбом и слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Затылок значительно выступающий, угловатой формы.

Лицо — на верхней границе среднешироких и средневысоких, значительно выступающее как в горизонтальной, так и вертикальной плоскостях, с среднеуглубленными клыковыми ямками, средневысокими орбитами и очень резко выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный, типичный средиземноморский.

24. Кв. ЖІХ-37. Череп № 9. Черепная коробка и фрагменты лицевой части черепа ребенка около 8 лет, возможно женского пола.

Черепная коробка долихокранного типа, пентагоноидной формы, с прямым лбом, со слабо выраженными надпереносьем и надбровными дугами и с значительно выступающим, угловатым затылком.

Лицо узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с среднеуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и, возможно, средневыступающим носом. Нижний край грушевидного отверстия притупленный (Inf.).

Продольный диаметр — 172 мм.
 Поперечный диаметр — 120 мм?
 Высота черепа (po-br) — 110 мм.
 Биаурикулярный диаметр — 93 мм.
 Наименьший лобный диаметр — 81 мм.
 Наибольший диаметр лобной кости —

108 мм.
 Горизонтальная окружность через гла-
 беллу — 462 мм.

Скуловой диаметр — 99 мм.

Глубина левой клыковой ямки — 2.3 мм.

Антропологический тип — европеоидный,
 средиземноморский.

25. Кв. ЖІХ-37. Череп № 7 (№ 9
 в таблице индивидуальных измерений).
 Довольно хорошо сохранившийся череп
 (без носовых костей) женщины на рубеже
 юношеского и возмужалого возраста.

Черепная коробка мезо-долихокранного
 типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом
 и слабо развитыми надпереносьем и над-
 бровными дугами. Затылок значительно вы-
 ступающий, угловатой формы.

Лицо узкое, невысокое, средневыступаю-
 щее в горизонтальной плоскости, с малоуг-
 лубленными клыковыми ямками, средневы-
 сокими глазницами и, по-видимому, средне-
 выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный
 близкий к средиземноморскому.

26. Кв. ЖІХ-37. Череп № 8 (№ 4
 в таблице индивидуальных измерений). Хо-
 рошо сохранившийся череп ребенка 8—9 лет
 женского пола.

Черепная коробка долихокранного типа,
 пентагоноидной формы, с прямым лбом, со
 слабо развитыми надпереносьем и надбров-
 ными дугами и угловатым, значительно вы-
 ступающим затылком.

Лицо узкой формы, средневыступающее
 в горизонтальной плоскости, с малоуглублен-
 ными клыковыми ямками, высокими глаз-
 ницами и средневыступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный,
 средиземноморский.

27. Кв. ЖІХ-37. Глубина 1 м. Череп
 № 4 (№ 3 в таблице индивидуальных изме-
 рений). Сломанный, но реставрированный
 череп ребенка около 8 лет, возможно жен-
 ского пола.

Черепная коробка мезокранного типа,
 ромбовидной формы, с прямым лбом, с не-
 развитыми надпереносьем и надбровными
 дугами и значительно выступающим затыл-
 ком.

Лицо узкое, невысокое, значительно вы-
 ступающее в горизонтальной плоскости, со
 среднеуглубленными клыковыми ямками, вы-
 сокими глазницами и, по-видимому, средне-
 выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный,
 возможно средиземноморский.

30. Кв. ЖІХ-67. Глубина 1.2 м. Че-
 реп № 13. Фрагменты лицевой части черепа
 особи женского пола, юношеского возраста.

Лоб прямой, со слабо развитыми над-
 переносьем (1) и надбровными дугами (1).
 Высота лица ниже средней, ширина — при-
 ближается к большому, поэтому общая форма
 лица низкая. Горизонтальная профили-
 ровка лица средняя; глубина клыковых ямок
 больше средней (правая — 7.5 мм, левая —
 5.6 мм). Переносье широкое, нос широкий,
 выступание носа, по-видимому, среднее. Пе-
 редненосовая ость выражена меньше сред-
 ней (2). Преднососые ямки. Глазницы низ-
 кое.

Наименьшая ширина лба — 96 мм.

Верхняя ширина лица — 102 мм.

Средняя ширина лица — 96 мм.

Биорбитальная ширина — 95 мм.

Выступание назиона над биорбитальной
 шириной — 19.2 мм.

Верхний угол горизонтальной профили-
 ровки лица — 133°.

Верхняя высота лица — 63 мм.

Зигмаксиллярная хорда (по Абн-
 деру) — 95 мм.

Выступание субспинале над зигма-
 ксиллярной хордой — 21.4 мм.

Зигмаксиллярный угол — 132°.

Высота носа — 47 мм.

Ширина носа — 27 мм.

Носовой указатель — 57.5.

Ширина орбиты от mf — 40 мм.

Высота орбиты — 32 мм.

Орбитный указатель (mf) — 80.0.

Череп европеоидного низколицевого типа
 сходен с женским черепом, обнаруженным
 в кв 66, на глубине 0.6 м (№ 16 в таблице
 индивидуальных измерений).

31. ЖІХ-67. Глубина 1.2 м. Череп
 № 14 (№ 2 в таблице индивидуальных изме-
 рений). Череп со сломанной мозговой корб-
 кой ребенка около 7 лет.

Черепная коробка долихо-мезокранного
 типа, пентагоноидной формы, с прямым лбом,
 с неразвитыми надпереносьем и надбровными
 дугами и с угловатым, значительно высту-
 пающим затылком.

Лицо низкое, возможно широкое, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с среднеуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и, по-видимому, средневыступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный низколицый (может быть вуадильский или андроновский).

33. ЖИХ-67, Глубина 1.5 м. Череп № 16 (№ 5 в таблице индивидуальных измерений).

Череп ребенка около 9 лет, возможно женского пола.

Черепная коробка долихокранного типа, эллипсоидной формы, с прямым лбом и слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Затылок значительно выступающий, угловатой формы.

Лицо узкое, средневысокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и больше среднего выступающим носом.

Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

40. В шурфе у оборонительной стены. Глубина 3.4 (№ 10 в таблице индивидуальных измерений). Череп женщины юношеского-возмужалого возраста (около 20 лет).

Черепная коробка долихокранного типа, узкой овоидной формы, с прямым лбом, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами и с значительно выступающим затылком, с вздутой чешуей затылочной кости.

Лицевая часть черепа узкая, по высоте — на верхней границе средних, значительно выступающая в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и узким, значительно выступающим носом. Отмечается альвеолярный прогнатизм.

Антропологический тип — европеоидный, типичный средиземноморский.

Индивидуальное изучение черепов показывает, что 12 из них — 6 женских (7, 10, 11, 23, 25, 40) и 6 подростковых (15, 19, 24, 26, 27, 33) с характерной длинной формой черепной коробки и узким лицом — могут быть отнесены к средиземноморскому типу.

Шесть черепов обладает низким, широким лицом, что дает возможность сблизить их с протоевропеоидными типами: при длинной форме черепной коробки — с черепом из погребения 37 в Вуадильском могиль-

нике, а при менее длинной черепной коробке — с андроновским типом. К «вуадильскому» типу относятся 3 черепа (6 — М; 30 — Ж; 31 — подросток). К андроновскому типу — также 3 черепа (5 — М и 8 — Ж; 22 — подросток).

Один череп женщины (10) характеризуется чертами, промежуточными между средиземноморским типом и типом Среднеазиатского междуречья. Вполне возможно, что это вариант средиземноморского типа.

Один череп мужчины (21) остался неясным по типу (№ 17 в таблице индивидуальных измерений).

На двух черепах (18 — Ж и 13 — Д) можно было определить только, что они относятся к европеоидной расе. На пяти черепах можно было к определению их европеоидного типа добавить форму мозговой коробки: долихокранную в трех случаях (35 — М, 2 — Ж, 36 — Д) и мезокранную — в двух (28 — М, 1 — подросток).

На нескольких черепных коробках можно было определить их долихокранную форму (М — 20, 35; Ж — 3, 4, 16, 32; Д — 38). Не исключено, что большинство из этих неопределенных долихокранных черепов тоже принадлежат к средиземноморскому типу и только меньшая часть — к протоевропейскому.

Таким образом, индивидуальное изучение черепов показывает, что значительное большинство их характеризуется средиземноморским типом европеоидной расы, что нашло отражение в цифрах средних размеров женских черепов.

Вопрос об антропологическом типе низколицых черепов, которые мы условно назвали «вуадильским» по месту первой аналогичной находки в Фергане, сложнее, так как это может быть как вариантом протоевропеоидного типа, близкого к андроновскому, так и вариантом средиземноморского типа, обнаруженный нами и Т. А. Трофимовой на юге Туркмении.

Обращает на себя внимание относительно нередкое наличие альвеолярного прогнатизма, хотя и нерезко выраженного. Он был отмечен на 5 женских черепах (5, 7, 23, 25, 40), одном мужском (6) и на двух черепах подростков (15 и 26), т. е. на 8 черепах из 18, помещенных в таблицу индивидуальных измерений.

Метонический шов отмечен очень редко. Он обнаружен лишь на одном черепе (10 —

Ж) из двадцати четырех, которые описаны.

Таким образом, мы убедились, что население Дальверзинского поселения характеризовалось большим однообразием типа, который относился к средиземноморскому типу европеоидной расы.

Так как в изученной нами серии преобладают черепа женщин, мы сопоставляем их с женскими же черепами из других мест и прежде всего из районов с аналогичной материальной культурой.

Прежде всего мы должны обратиться к Чустскому поселению, с которым сходен Дальверзин. Для обоих характерна крашенная керамика, сходная с культурой позднего Анау. Из Чуста опубликован только один костяк женщины, изученной В. Я. Зезенковой.⁴ Череп из Чуста также относится к ясно выраженному средиземноморскому типу, но по сравнению с дальверзинскими он более узкий, с более узким и еще резче выступающим в горизонтальной плоскости лицом и еще резче выступающим носом. По одному черепу трудно судить, насколько эти отличия являются индивидуальной особенностью чустского черепа.

Довольно близки к дальверзинским черепам и черепа из Тахирбая,⁵ особенно женский череп из 5-го яруса 1-го шурфа. Материал из Тахирбая количественно очень мал, но наличие в нем и более низколицего типа мужчины не меняет нашего впечатления о сходстве серий, ибо и в Дальверзине, хотя и в малом количестве, но имеются представители низколицего типа, который мы здесь условно именуем «вуадильским» (табл. 4).

Очень близка, можно считать почти идентична с дальверзинской серией, серия женских черепов из Кара-Депе в Южной Туркмении, относящиеся к более раннему времени (энеолит и ранняя бронза), которые мы изучили совместно с Т. А. Трофимовой.⁶ К этому типу относятся и черепа из раскопок

Р. Пампелли в Анау, изученные Серджи.⁷ Близость дальверзинцев к населению Южной Туркмении говорит и о близости их к типу населения Передней Азии в эпоху энеолита и бронзы (особенно к черепам из Сиалка, изученным Валуа,⁸ и Ура, изученным Кизсом⁹).

Череп эпохи бронзы из Закавказья (Самтавро), изученные М. Г. Абушелишвили,¹⁰ также относятся к средиземноморскому типу, но они характеризуются более высоким лицом, с более узким и резче выступающим носом. В таком же направлении отличаются от дальверзинских и черепа из Южного Памира, относящиеся к несколько более позднему, сакскому времени.¹¹

Череп эпохи бронзы из Заман-Баба под Бухарой, изученные В. Я. Зезенковой,¹² к сожалению, плохо сохранившиеся, также, по-видимому, относятся к средиземноморскому типу.

Таким образом, в эпоху бронзы Дальверзин сближается с Южной Туркменией не только по облику материальной культуры, но и по антропологическому типу, т. е. родствен населению Южной Туркмении и шире — Передней Азии.

Как мы уже говорили, в Среднеазиатском междуречьи в эпоху бронзы был стык южной земледельческой культуры, представленной Чустским и Дальверзинским поселениями; и северной степной пастушеско-скотоводческой культуры, представленной Вуадильским могильником, который по обряду захоронения, по материальной культуре

⁷ G. Sergi. Description of some skulls from the North Kurgan, Anau. В кн.: R. Pampelly. Explorations in Turkestan. Prehistoric civilisations of Anau. Washington, 1908.

⁸ H. Vallois. Les ossements humains de Sialk. В кн.: R. Chirshman. Fouilles de Sialk, près de Kashan, II. Paris, 1959.

⁹ A. Keith. Report on the human Romans. В кн.: H. Hall and C. Wooley. Ur Excavations, I, Al-Vbaid. The Cemetery. Oxford, 1927.

¹⁰ М. Г. Абушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954.

¹¹ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. КСИЭ, XI, 1950 стр. 83—96; Е го же. Антропологическая характеристика саков Южного Памира. КСИИМК, 80, 1960, стр. 26—39.

¹² В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953, стр. 97—112.

⁴ В. Я. Зезенкова. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста. СА, 3, 1958, стр. 91—95.

⁵ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы. ТЮТАКЭ, IX, 1959, стр. 102—106.

⁶ В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова. Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении. СЭ, 1, 1959, стр. 12—28.

Таблица 4

Сравнительная таблица некоторых серий черепов женщин из памятников эпохи бронзы

Датировка	Поздняя бронза		Энеолит и бронза	Тазабагъянская культура	Андроновская культура	Эпоха бронзы	Поздняя бронза
	Фергана						
Происхождение	Дальверзин	Чуст	Гинзбург — Трофимова	Трофимова	Гинзбург	Фирштейн	Абдушлипвили
Исследователь	Гинзбург	Зезекова	Гинзбург — Трофимова	Трофимова	Гинзбург	Фирштейн	Абдушлипвили
1. Продольный диаметр черепа . . .	181.7 (6)	182 (1)	180.7 (8)	177.4 (7)	175.8 (14)	184.4 (7)	183.7 (11)
8. Поперечный диаметр черепа . . .	131.8 (6)	126	132.7 (8)	136.0 (7)	136.4 (14)	133.5 (7)	136.4 (11)
17. Высотный диаметр (ba-br) . . .	131.5 (4)	130	136.7 (6)	130.6 (5)	132.6 (7)	137.2 (4)	134.4 (7)
20. Высотный диаметр (po-br) . . .	113.6 (5)	112	117.0 (6)	—	—	115.3 (6)	114.4 (9)
8:1. Черепной указатель	72.6 (6)	69.3	73.4 (8)	76.7 (7)	77.7 (14)	72.4 (7)	74.2 (11)
17:1. Высотно-продольный указатель	73.6 (4)	71.3	75.2 (4)	74.8 (5)	75.9 (7)	73.4 (4)	72.2 (7)
17:8. Высотно-поперечный указатель	98.9 (4)	103.0	100.6 (4)	97.7 (5)	95.5 (7)	101.3 (4)	98.1 (7)
9. Наименьший лобный диаметр . . .	94.5 (8)	87	92.3 (7)	94.0 (6)	—	95.4 (7)	96.4 (11)
11. Биарикулярный диаметр	117.2 (5)	108	115.7 (6)	—	—	—	115.6 (10)
5. Длина основания черепа	95.0 (4)	94	99.7 (3)	—	—	103.7 (4)	102.0 (7)
40. Длина основания лица	91.0 (4)	100	95.3 (3)	—	—	100.5 (4)	93.0 (5)
40:5. Указатель выступания лица . . .	95.8 (4)	106.3	95.6 (3)	—	96.9 (6)	96.8 (4)	92.3 (5)
48. Верхняя высота лица	66.7 (9)	67	67.0 (9)	66.4 (7)	66.4 (11)	67.8 (6)	71.0 (4)
45. Ширина лица скуловая	123.8 (9)	116	123.6 (9)	128.6 (7)	128.9 (9)	128.7 (7)	122.4 (5)
48:45. Лицевой указатель	54.0 (9)	57.7	54.3 (9)	51.8 (7)	53.0 (8)	52.7 (6)	59.4 (3)
48:17. Вертикальный краниофациальный указатель	51.8 (4)	51.5	49.1 (4)	—	50.2 (5)	48.2 (4)	52.5 (4)
Назомаллярный угол	138.3 (8)	142	135.9 (7)	142.7 (3)	—	136.1 (7)	132.1 (7)
Зигомаксиллярный угол	125.5 (8)	117	125.1 (8)	134.0 (2)	128.5 (6)	124.4 (6)	121.0 (4)
52. Высота орбиты	32.4 (8)	33	31.8 (9)	—	31.7 (12)	—	33.6 (7)
52:51. Орбитный указатель (mf) . . .	80.2 (8)	79.5	77.1 (9)	73.4 (6)	—	77.0 (7)	82.6 (7)
52:51a. Орбитный указатель (d) . . .	83.9 (8)	82.5	82.9 (9)	—	81.6 (12)	78.0 (4)	85.6 (3)
54. Ширина носа	24.2 (9)	23	24.0 (9)	—	—	—	23.7 (3)
54:55. Носовой указатель	51.3 (9)	46.0	50.6 (9)	47.3 (7)	52.9 (9)	48.1 (7)	47.4 (3)
DS. Дакриальная высота	9.8 (5)	11.5	11.6 (7)	—	11.1 (6)	—	11.2 (4)
DS:DC. Дакриальный указатель . . .	47.0 (5)	69.7	54.8 (7)	—	54.5	53.0 (3)	56.0 (4)
SS. Симотическая высота	4.3 (6)	3.5	4.7 (7)	—	3.6 (6)	—	4.7 (8)
SS:SC. Симотический указатель . . .	40.8 (6)	70.0	41.8 (7)	44.5 (4)	45.7 (7)	64.9 (4)	54.2 (8)
32. Угол профиля лба (n-m)	87.4 (5)	87	87.2 (5)	84.5 (6)	86.8 (7)	84.8 (5)	86.4 (9)
72. Угол общего профиля лица	82.0 (5)	78	81.2 (5)	84.0 (4)	—	83.8 (5)	89.2 (4)
74. Угол альвеолярной части лица . . .	74.0 (4)	—	68.6 (5)	—	—	—	85.7
75j. Угол выступания носовых костей	29.4 (5)	33	26.6 (7)	28.5 (2)	24.7 (6)	30.5 (4)	36.0 (3)
Надчерносое (1—6)	1.9 (9)	—	2.0 (8)	—	2.2 (14)	2.2 (7)	2.0 (11)
Глубина клыковых ямок в баллах (0—4)	1.9 (9)	—	1.7 (9)	—	2.1 (9)	2.5 (7)	2.7 (10)
Глубина левой клыковой ямки (в мм) . . .	4.1 (7)	—	3.8 (8)	—	—	—	—
Передняя носовая ось (1—5)	2.6 (8)	—	2.2 (9)	—	2.6 (8)	—	3.4 (7)
Антроионный край грушевидного отверстия (%)	37% (8)	—	44% (9)	—	—	—	100% (10)

сходен с памятниками андроновского типа, аналогичными казахстанским и южно-сибирским.¹³

К сожалению, антропологический материал из Вуадильского могильника пока очень скуден: четыре женских черепа, из которых три — долихокранные, один — мезокранный.

На двух черепах можно было определить их принадлежность к европеоидной расе. На этих же черепах удалось определить наличие альвеолярного прогнатизма. Сохранившийся череп из погребения 37 характеризуется широким невысоким лицом, что отличает его от средиземноморского типа и больше сближает с протоевропейскими, т. е. с северными типами европеоидной расы.¹⁴

На основании одного черепа еще нельзя судить о населении, хоронившем покойников в Вуадильском могильнике. Будем ожидать результатов дальнейших раскопок памятников этого типа.

На правобережье низовьев Аму-Дарьи в эпоху бронзы были распространены две культуры — тазабагьябская, к которой близок Вуадильский могильник, и суярганская.

Тазабаябская культура связана с андроновской культурой Казахстана и срубной из Нижнего Поволжья.¹⁵ И население Приаралья в эпоху бронзы, по антропологическим материалам изученного Т. А. Трофимовой¹⁶ могильника Кокча III, также характеризуется двумя типами, из которых один сближается с населением степной полосы, а другой — с населением Восточного Средиземноморья (Передняя Азия). Необходимо отметить, что население андроновской культуры не везде характеризовалось «андроновским» антропологическим типом. В этом отношении очень интересны антропо-

логические материалы из могильника Тасты-Бутак под Актюбинском в Западном Казахстане. Захороненные здесь относились к средиземноморскому расовому типу, сближаясь несколько со срубниками Нижнего Поволжья. Это сближение характеризует и материальную культуру Тасты-Бутока.¹⁷

Наличие и в Дальверзинском поселении нескольких черепов, близких по типу к протоевропейским, говорит о том, что этот тип в эпоху бронзы бытовал в Фергане наряду с средиземноморским, как и две культуры, носителями которых были здесь разные племена. Население Дальверзинского земледельческого поселения не было резко изолировано от племен пастушеско-скотоводческой культуры.

Каково же было дальнейшее развитие населения эпохи бронзы в Фергане? Для понимания этногенеза древнего земледельческого населения Ферганы очень интересны материалы из обширного могильника Актам в 9 км к югу от города Фергана, которые в течение ряда лет изучала Н. Г. Горбунова. Этот могильник характеризуется «длинными» курганами, представляющими прилежащие друг к другу захоронения, относящиеся к V—III вв. до н. э.¹⁸ Материальная культура могильника продолжает традиции местного земледельческого населения эпохи бронзы (чустской культуры).

К сожалению, все антропологические материалы из Актамского могильника в очень плохом состоянии. Мы получили костные останки почти из 60 погребений, по которым смогли определить с разной степенью точности возраст и пол. Лишь на фрагментах 25 черепов можно было определить хотя бы некоторые данные о расовом типе их. Приводим эти данные в виде краткой таблицы (табл. 5).

Из табл. 5 можно видеть, что среди 25 черепов — 19 относятся к европеоидной расе; 10 черепов относятся к брахикранному типу и 3 — к долихокранному.

Из этих данных нельзя выводить каких-либо соотношений, ибо обозначенные

¹⁷ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. ТИИАЭ КазССР, I, 1956, стр. 159—171.

¹⁸ Б. З. Гамбург и Н. В. Горбунова. Актамский могильник. КСИИМК, 69, 1957, стр. 78—90; Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. Археология. Сборник № 3. Государственный Эрмитаж, 1961.

¹³ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, 63, 1956.

¹⁴ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. ТКАЭЭ, I, 1956, стр. 85—102; Е го же. Антропологические материалы из Вуадильского и Актамского могильников. КСИИМК, 69, 1957, стр. 91—93.

¹⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. Советское востоковедение, 6, 1955, стр. 99—103.

¹⁶ Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, СЭ, 3, 1957, стр. 10—32.

Таблица 5

Типы черепов из Актамского могильника

Тип черепа	К-во	Пол, возраст и номера кургана и погребения
Европеоидный брахикранный . . .	5	♂ Mat (K. 31/8, основное); ♀? Mat (K. 31/8, в ногах слева); ♀ Mat (K. 75/4); ♀ (K. 78/5, основной); ♀ Ad (K. 78/36)
Брахикранный	5	Inf. I (K. 75/1, в ногах); ♀ Mat (K. 75/3, основной); ♀? Ad (K. 79/33); ♂ Ad (K. 82/5, основное); ♂ Mat (K. 82/5, в ногах)
Европеоидный	9	♂ Ad (K. 2); ♀ Sen (K. 30); ♀ Ad (K. 31/3); ♀? Sen (K. 33/3); ♀ Sen (K. 79/10); ♂? Mat (K. 79/20); ♂ Ad (K. 79/23); ♂ Mat (K. 79/30); ♂ Mat (K. 79/36)
Европеоидный долихокранный . .	2	♂ Mat (K. 34, в ногах); ♂ Ad (K. 78/6, основной)
Долихокранный	1	♀? Ad-Mat (K. 82/2, основной)
Европеоидный узколицый	2	♂ Sen (K. 79/4); ♂ Mat (K. 79/31)
Европеоидный с кольцевой дефор- мацией головы	1	♀ Mat (K. 38)
Всего	25	

в табл. 5 просто как европеоидные могут обладать разной формой черепной коробки. Можно, однако, предположить, что черепа с невыясненным расовым типом, обладающие как удлиненной, так и круглой черепной коробкой, все (или почти все) относятся к европеоидной расе.

Из Кунгайского и Суфанского могильников (исследованных Н. Г. Горбуновой), аналогичных Актамскому и расположенных недалеко от него, мы могли сделать определения пяти черепов.

Кунгайский могильник

1. К. 9, п. 4. ♂ Ad. Тип Среднеазиатского междуречья.
2. К. 9, п. 11, основное. ♀ Ad-Mat. Европеоидный брахикранный.
3. К. 9, п. 11, в ногах. ♀ Mat. Череп с кольцевой деформацией.

Суфанский могильник

1. К. 4, п. 5. ♀ Sen. Европеоидный с конусовидной деформацией черепа.
2. К. 4, п. 2₁. ♀ Sen. Брахикранный?

Эти дополнительные данные подтверждают характеристику антропологического типа, составленную по материалам Актамского могильника. Это говорит о том, что тип Среднеазиатского междуречья уже был в Фергане в середине I тыс. до н. э. Преемственность же земледельческих культур

эпохи бронзы и железа, может быть, говорит и о преемственности населения. Следовательно, здесь имел место процесс брахикефализации средиземноморского расового типа. Аналогичные изменения (брахикефализация) отмечены и в других областях Средней Азии, в частности в Южной Туркмении, о чем говорят материалы Т. А. Трофимовой.¹⁹ Имеющиеся пока единичные черепа эпохи бронзы из могильника в Заман-Баба в Бухарской области²⁰ и Туп-Хона в Гисарском районе Таджикской ССР²¹ относятся также к европеоидному долихокранным типу (фрагменты второго черепа из Туп-Хона говорят о мезо- или брахикранным типе его). В более позднее время, уже с первых веков н. э., население Бактрии, как и Согды, было брахикранным. Такой же тип населения был и в Давани (Фергане) в первых веках н. э., о чем можно судить по черепам из Кува-Сая.²²

О втором пути развития на территории Ферганы говорят антропологические материалы из могильника Гурмирон I—III вв. н. э. на севере Ферганской долины, раскопанного

¹⁹ Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. СЭ, 3, 1957.

²⁰ В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, 1953.

²¹ В. В. Гинзбург. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии. МИА, 15, 1950.

²² В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. ТКАЭЭ, 1, 1956.

А. Н. Бернштамом в 1951 году. Изученные нами в 1956 г. черепа из этого могильника представляют как бы промежуточные формы от андроновского типа к типу Среднеазиатского междуречья. Наличие же в Актамском могильнике одновременно брахикранных и (в меньшем количестве) долихокранных черепов может быть связано с неоконченным генетическим процессом брахикефализации, а может быть, и пополнением населения извне. Последнее в Фергане отмечалось и позже, например по материалам Ширинсайского могильника на западе Ферганской долины.²³

Имеющиеся по Фергане палеоантропологические материалы конкретно помогают нам представить два пути развития расы Среднеазиатского междуречья, о которых мы писали раньше: путь брахикефализации средиземноморского типа и путь грацилизации протоевропеоидного и в частности андроновского типа.

В связи с тем, что расписная керамика Актама имеет прямые аналогии в синхронном (V—III вв. до н. э.) Шартском могильнике на Алае, раскопанном А. Н. Бернштамом,²⁴ мы сопоставили антропологические материалы из Актама с изученными нами черепами из Шарта.²⁵

Из шести черепов из могильника Шарт II лишь один брахикранный. Четыре черепа мезо-брахикранных, близких к типу Среднеазиатского междуречья, хотя три из них характеризуются низким узким лицом. Еще один череп с таким же лицом, но с долихокранный формой мозговой коробки. Один череп из могильника Шарт I (К. 16) характеризуется долихокранным европеоидным типом, другой (К. 1) долихо-мезокранным.

Население Алайской долины V—III вв. до н. э., насколько можно судить по погребениям и в других могильниках (Чакмак, Чак, Кара-Швак), было пестрым. Здесь

можно видеть и долихокранных европеоидов средиземноморского типа и европеоидов брахикранный типа Срезнеазиатского междуречья и переходные формы, как в Шарте.²⁶

Мы неоднократно писали о том, что население сакско-усуньского времени в антропологическом отношении является промежуточным между населением эпохи бронзы и более поздним. В Алайской долине также отмечаются переходные формы между андроновским и средиземноморским расовыми типами эпохи бронзы, с одной стороны, и поздним по времени типом Среднеазиатского междуречья — с другой. Хотя в Шарте метаморфизмуется в основном андроновский тип, несомненно, что население Алайской долины имело широкие связи не только с Тянь-Шанем, но и с Ферганой. По-видимому, из Ферганы и шла в Алай примесь средиземноморского типа.

Переход от андроновского типа к типу Среднеазиатского междуречья в Шарте, как и во всей Алайской долине, как бы задержан в своем развитии, в то время как в Актаме этот процесс уже в значительной степени завершен.

Интересен также факт находок во всех трех могильниках (Актам, Кунгай и Суфан) черепов с искусственной кольцевой и конусоидной деформацией кенкольского типа.

Это ставит перед археологами новые вопросы о происхождении этого обычая в такое раннее время. До сих пор нам была известна деформация в эпоху бронзы только на Нижней Волге и на Кубани (Маныч). Затем, после некоторого перерыва, обычай этот возобновляется на Западе в сарматских погребениях и на Востоке в Средней Азии — в «гуннских». Могильники же Актамского типа относятся к более раннему времени, а по культуре восходят к местной культуре бронзы, где пока деформация черепов не отмечена.

Дальнейшие раскопки в Ферганской долине разрешат наши предположения в отношении этногенеза ее древнего населения и дадут возможность лучше осветить историю этого интересного и во все времена экономически важного района Средней Азии.

²⁶ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, II, 1960.

²³ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

²⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952.

²⁵ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, II, 1960, стр. 151—162.

И. В. Богданова-Березовская

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ФЕРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

В Лабораторию археологической технологии ЛОИА АН СССР были переданы для анализа металлические предметы, слитки и шлаки, обнаруженные в течение ряда лет при раскопках в Ферганской долины. Часть из них была подвергнута лишь качественному спектральному (с очень общей количественной оценкой) анализу, для остальных дана полная количественная (в процентах) химическая характеристика основных составляющих компонентов сплава и всех примесей.

Весь материал археологами разделен на два хронологических этапа.

I. Эпоха поздней бронзы — к ней отнесены материалы из раскопок Ю. А. Заднепровского на поселении Дальверзин, В. И. Спришевского на поселении Чуст, Б. З. Гамбурга в Вуадильском могильнике и сборы А. П. Окладникова на поселениях в Кайрак-Кумах.

К более раннему дочустьскому периоду относятся предметы клада Хак, находящегося в Государственном Эрмитаже.

II. Эпоха железа — исследованы материалы из раскопок Ю. А. Заднепровского на Шурабашатском и Кара-Дарьинском городищах и Н. Г. Горбуновой в Актамском могильнике.

В настоящей работе проведена систематизация результатов анализов только металлических изделий, которые были исследованы в Лаборатории археологической технологии. Относительно небольшое их число, а в ряде случаев качественная характеристика сплава, пока что позволяет делать лишь предварительные заключения.

Для выяснения отличительных признаков каждого из них с тем, чтобы в дальнейшем определить общую химическую характеристику сплавов и их особенности, свойственные для данной эпохи и территории,

предметы рассматриваются по памятникам. Из-за отсутствия достаточного материала металлографический анализ не был проведен, и поэтому вопросы литейного производства и способы обработки изделий не рассматриваются.

ЭПОХА БРОНЗЫ

Клад Хак. Этот клад состоит из шести предметов (табл. 1), из которых одна булава со спиралью (табл. 1, 5)¹ оказалась серебряной, две другие — булава с плоским навершием (табл. 1, 3; XXXII, 4) и булава с фигурным навершием (табл. 1, 4; XXXII, 2) — бронзовые, изготовленные из сплава одного типа с небольшим различием в составе за счет олова и свинца. По химической характеристике сплава к ним близок пластинчатый нож (табл. 1, 1; XXXII, 6) и кувшин (табл. 1, 6; XXXII, 1). Узкий стержень-стамеска (табл. 1, 2; XXXII, 7) — медный. Для всех предметов характерна значительная примесь свинца (до 2.1%). По характеру примесей все изделия клада близки друг другу.

ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Дальверзинское поселение. Все предметы, представленные на анализ, хорошо сохранили свою форму, и, хотя поверхность их покрыта слоем продуктов коррозии, внутри металл в большинстве случаев удавалось обнаружить. По данным спектрального качественного анализа (табл. 2) все предметы, кроме двух медных — шила (табл. 2, 12) и проколки (табл. 2, 1), изготовлены из сплава меди с оловом. Следует отметить по-

¹ Рисунки металлических изделий см. в тексте Ю. А. Заднепровского.

Таблица 1

Результаты количественного спектрального анализа металлических предметов из клада Хак (в %)

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Au	Co
1	2028-4/CA-4	Нож пластинч.	94.1	3.4	1.1	—	+	+	+	+	+	+	—	—
2	2027-3/CA-3	Стержень-стамеска	98.5	+	1.4	—	+	+	—	+	—	+	+	—
3	2026-2/CA-2	Булавка с плоским навершием	95.5	2.2	2.1	—	+	+	—	+	—	—	—	—
4	2025-1/CA-1	Булавка с фигурным навершием	92.5	6.4	1.2	—	+	+	+	+	+	+	—	—
5	232/CA-3	Булавка со ¹ спиралью	2	—	—	—	—	2	—	—	5.5	—	—	—
6	126/CA-2	Кувшин ²	1	3	4	—	5	+	—	—	5.5	5.5	—	—

Примечание: Знак «+» означает присутствие элемента в сплавах; знак «—» — отсутствие данного элемента. ¹ Анализ проведен спектральным (качественным) искровым методом. ² Анализ проведен спектральным (качественным) дуговым методом.

вышенное содержание мышьяка, перешедшего, очевидно, из медной руды. Кроме того, все предметы в своем составе включают в значительных количествах примеси свинца, висмута и серебра, в подавляющем числе изделий отмечается присутствие сурьмы, никеля, а иногда и кобальта. В некоторых из них обнаружены следы золота, индия и германия. Присутствие этих элементов в сплаве особенно интересно потому, что в дальнейшем может помочь в определении рудных источников, сырье из которых шло на изготовление сплавов.

Для значительного числа металлических предметов (34) из раскопок на Дальверзине в 1956—1960 гг. сделан количественный спектральный анализ (табл. 3). Большинство проб отобрано от хорошо сохранившихся изделий, но в некоторых из них процесс коррозии прошел довольно глубоко, и поэтому для анализа использовалась проба из окисленной части. В таких случаях в графе «Cu» содержание меди дано не в процентах, а отмечено словом «основа». И хотя при этом первоначальный состав сплава несколько отличается от анализируемого, нам представляется возможность сравнивать данные анализа, особенно по однотипным предметам.

Ш и л ь я. Из общего числа проанализированных шильев (12) по химическому составу выделено две основные группы. Первая группа включает пять медных шильев (табл. 3, 1—5), с достаточно однородными по характеру примесями, обусловленными присутствием их в использованной руде.

Вторая группа состоит из семи бронзовых шильев (табл. 3, 6—12), которые в свою оче-

редь разделяются по составляющим сплава на мышьяково-оловянистые и оловянистые бронзы.

Несмотря на невысокое содержание олова (1%) в двух шильях (табл. 3, 11 и 12), их все же следует считать бронзовыми.² К тому же следует учесть, что шилья значительно корродированы и очевидно, что в исходном сплаве олова было больше. Остальные пять шильев изготовлены из сплава меди, олова и мышьяка. Необходимо отметить как весьма характерный признак для всех бронзовых шильев — наличие значительных примесей свинца (до 2%) и сурьмы (до 2%), перешедших из руды.

Оба эти элемента, как будет показано дальше, присутствуют в значительных количествах и в других изделиях местного производства. Остальные шилья этой группы изготовлены из мышьяково-оловянистой бронзы, так как количество мышьяка, обнаруженное в таких сплавах, позволяет предполагать его преднамеренную добавку. Хотя и не исключена возможность, что мышьяк здесь присутствует как примесь, так как неизвестно, имелись ли на территории Средней Азии полиметаллические руды, содержащие мышьяк в таких количествах. В целом химический состав шильев внутри каждой группы достаточно однороден с небольшими колебаниями в количествах олова, сурьмы, свинца и висмута, что является вполне за-

² Ю. С. Гришин и Б. Г. Тихонов. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, 90, 1960.

Таблица 2

**Результаты качественного спектрального анализа металлических предметов
поселения Дальверзин**

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	In	Ge	Ni
1	552/СА-17	Проковка	1	—	5,5	5	5	3-4	—	—	2	—	—	—	—	4-3	—	—	—	—
2	553/СА-19	Нож	1	4-3	3	5	—	3-4	3-4	3-4	3	2	3	—	4	5,5	5,5	—	—	5
3	551/СА-16	Проковка	1	4-3	3-2	—	—	3-4	3	3	5	4	—	—	4-3	—	5,5	—	5,5	4
4	1317/СА-9	Долото	1	5	4-5	—	—	4	4	4	5,5	—	—	—	4,1	—	—	—	—	5,5
5	2000/САБ-1	Нож	1	4	5-4	5	5,5	4-3	4	4-3	5-4	5	5,5	—	4	—	—	—	—	5,5
6	2001/САБ-2	Рукоять ножа	1	4	3-2	5	5,5	3	4	4-3	4-3	4-3	4	5,5	5-4	—	5	—	—	5-4
7	2003/САБ-4	Заготовка	1	5	4-3	5-4	—	4-3	5,5	4	4-5	5-4	5,5	—	5-4	—	—	—	—	5,5
8	2004/САБ-5	Проковка мал.	1	4-3	3-4	—	—	3-4	4	4-3	5	5,5	4	—	4	—	5,5	—	—	5,4
9	2005/САБ-6	» бол.	1	4-3	3-4	5,5	5,5	4-3	4-3	3-4	4	5-4	5,5	—	4	—	—	—	—	5,5
10	2006/САБ-7	» согн.	1	4-3	4-3	5,5	5,5	4-3	5-4	4-5	5	5	5,5	—	5-4	—	—	—	—	5,5
11	2007/САБ-8	» тонк.	1	5-4	3	5,5	—	4-3	4	4-3	4	5-4	—	—	5	—	—	—	—	5,5
12	2008/САБ-9	Шпильце	1	5	5,5	5	5,5	4	5	5	5	5	5,5	—	5,5	5,5	—	—	—	5,5
13	2009/САБ-10	Проковка согн.	1	4	4-3	—	—	4-3	4-3	4-3	4	4-3	5	—	4-5	—	—	—	—	5
14	2010/САБ-11	» обломок	1	4	3-2	5,5	5,5	3	4-5	4	4	4	5,5	5,5	5	—	5	—	—	5-4
15	2011/САБ-12	Слиток	1	4	4-3	5	5,5	4	4	4-5	3	4-3	4-3	—	4-5	—	—	—	—	5,5

Примечание: 1 — основа, соответствует десяткам процентов (основые составляющие пробу элементы); 2 — очень много, соответствует целым процентам (от 20 до 50%); 3 — много, соответствует целым процентам (от 5 до 10%); 4 — мало, соответствует десяткам долям процента (от 1 до 0,1%); 5 — очень мало, соответствует сотым долям процента (от 0,1 до 0,01%); 5,5 — следы, соответствует тысячным и десятитысячным долям процента (0,001% и менее); знак «—» означает, что данный элемент в пробе не обнаружен (то же и для таблиц 1 (ЖАЖ 5, 6); 6—11).

Таблица 3

**Результаты количественного спектрального анализа металлических предметов
на поселении Дальверзин (в %)**

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fl	Ni	Ca	Mn	Si	Mg	Al	Au	Cr	Tl	Co
1	386-61	Шило	98	0,1	0,01	0,02	+	+	0,3	0,1	0,04	0,01	+	—	+	+	+	+	—	—	—
2	383-61	»	98	0,2	0,05	—	+	+	0,04	0,1	0,1	0,04	+	—	+	+	+	+	—	—	—
3	384-61	»	97	0,5	0,2	+	+	+	0,04	0,1	0,1	0,04	+	—	+	+	+	+	—	—	—
4	382-61	»	Осп.	0,3	0,1	+	+	+	0,3	0,1	0,02	+	+	—	+	+	+	+	—	+	—

Таблица 3 (продолжение)

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fl	Ni	Ca	Mn	Si	Mg	Al	Au	Cr	Tl	Co
5	385-61	Шило	Осн.	0.3	0.3	+	+	+	0.05	0.1	0.02	0.04	+	-	+	+	+	+	+	-	-
6	0259/САБ-10	»	92	2	2	+	0.7	+	1.5	1.2	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
7	0258/САБ-9	»	91	2	1	-	+	+	0.5	1.5	+	0.08	+	-	+	+	+	+	-	-	-
8	0257/САБ-8	»	93	2	2	+	0.01	+	0.7	1.5	+	0.01	+	-	+	+	+	+	-	-	-
9	0254/САБ-5	»	90	3-4	2	+	0.2	+	2	1.5	0.05	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-
10	0256/САБ-7	»	91	5	1	+	0.15	+	2	1.5	0.05	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
11	381-61	»	Осн.	1	0.1	+	+	+	0.3	0.1	0.02	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-
12	0255/АБ-6	»	95	1	2	+	0.01	+	0.5	0.5	0.01	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
13	373-61	Нож	98	0.1	0.2	-	0.05	+	0.7	0.4	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
14	374-61	»	97	1	0.2	-	+	+	0.3	0.7	0.01	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
15	375-61	»	Осн.	0.6	0.1	-	+	+	0.3	0.7	0.01	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
16	376-61	»	»	0.5	0.3	0.02	+	+	0.15	0.2	0.01	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
17	377-61	»	»	0.5	0.2	-	0.02	+	0.3	0.2	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
18	0250/САБ-1	»	96	+	1	-	0.07	+	0.7	1.5	0.05	+	+	-	+	+	+	-	-	-	+
19	0260/САБ-11	Рукоять ножа	Много	2	0.2	-	0.07	Мн.	0.5	1.5	0.05	0.08	+	-	+	+	+	+	-	-	-
20	372-61	Серп	99	0.5	+	-	+	+	-	-	+	0.01	+	+	+	+	+	-	-	-	-
21	370-61	Стержень	Осн.	16	0.3	-	0.2	+	2	0.6	0.01	0.04	+	-	+	+	+	-	-	-	0.04
22	380-61	Проковка	97	0.3	0.1	-	0.01	+	0.4	1	0.1	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
23	371-61	Бусина	Осн.	7	0.2	+	0.07	+	0.1	0.05	0.15	0.01	+	+	+	+	+	-	-	+	+
24	388-61	Заготовка	98	0.1	0.01	-	+	+	0.1	-	0.04	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-
25	0253/САБ-4	Слиток	86	7	1	+	0.1	+	0.5	5	1	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-
26	387-61	Часть удил	98	+	0.1	-	+	+	0.3	0.5	0.02	0.01	+	-	-	-	-	-	-	-	-
27	390-61	Наконечник стрелы	97	0.1	0.1	-	+	+	0.2	0.05	0.9	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-
28	389-61	»	Осн.	0.1	0.01	-	+	+	-	0.04	0.01	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-
29	392-61	Предмет	»	0.4	0.07	0.1	+	+	0.3	0.1	0.1	0.01	+	+	+	+	-	-	-	-	-
30	0251/САБ-2	Долото	93	0.2	0.2	+	0.15	+	1.5	5	0.05	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-
31	0261/САБ-12	Гвоздик украшен	72	3	5	15-18	+	+	0.5	0.2	1	0.06	+	-	+	+	+	+	-	-	0.04
32	391-61	Кольцо	63	-	+	25	-	+	-	-	0.15	10	+	+	+	+	-	-	-	-	0.1
33	378-61	Сосуд с металлом	Осн.	0.8	0.2	0.05	+	+	0.2	0.6	0.15	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-
34	0252/АБ-3	Проковка	83	11	2	+	0.2	+	3-4	1.5	0.01	0.06	+	-	+	+	+	+	-	-	-

кономерным, так как древние металлурги не имели возможности точно выдерживать рецептуру сплава.

Отличной по химической характеристике сплава представляется одна из проколов (табл. 2, 22; XXI, 17), изготовленная из мышьяковистой бронзы и близкая по примесям к группе медных шильев. Вторая проковка (табл. 3, 34; XXII, 18), интересна потому, что сплав, из которого она изготовлена, наряду с большим количеством олова (11%) содержит еще мышьяк (1.5%), свинец (2%) и сурьму (3.5%). Однако последние два вряд ли введены искусственно в сплав.

Ножи. Из шести проанализированных ножей лишь один (табл. 3, 13; рис. 11, 5) оказался медным, пять — бронзовыми, но принадлежащим к различным типам сплава. Так, нож (табл. 3, 18; XXI, 9) изготовлен из мышьяковистой бронзы со значительной примесью свинца (1%) и сурьмы (0.7%), характерной для местных изделий. Рукоятка ножа (табл. 3, 19; рис. 11, 4) — из мышьяково-оловянистой бронзы, но серебро присутствует в таком количестве, что его наряду с медью следует считать одним из компонентов сплава. Вряд ли можно предполагать посеребрение ручки. Скорее всего для ее изготовления были использованы какие-то переплавленные изделия. Ножи (табл. 3, 14—17) могут быть отнесены по химическому составу к малооловянистым бронзам, несмотря на то, что содержание олова в ряде случаев меньше 1%. Все же следует считать, что последнее введено преднамеренно в сплав, а в исходном сплаве его больше, так как ножи сильно корродированы.

Серп (табл. 3, 20; XXI, 7) — медный с очень незначительными примесями.

Остальные изделия относятся к различным типам сплава. Так, часть удил (табл. 3, 26; XXI, 18), наконечники стрел (табл. 3, 26 и 28), а также неопределенный предмет (табл. 3, 29) являются медными с незначительными примесями. Отсутствие в одном из наконечников стрел даже следов мышьяка может быть объяснено плохой его сохранностью. Обособлены по химической характеристике от всех исследованных предметов — гвоздик (табл. 3, 31) и кольцо (табл. 3, 32). Первый по своему составу не может быть отнесен к какому-либо определенному типу сплава, так как он (при медной основе) наряду с оловом (3%) и цинком (15—18%) содержит много и вряд ли слу-

чайно свинца (5%). Кроме того, следует отметить повышенное содержание железа (1%), очевидно, характеризующее руду. Химический состав кольца, изготовленного из сплава меди, цинка (25%) и никеля (10%) с незначительными примесями (в следах), заставляет предполагать какой-то иной рецепт и способ его изготовления, отличный от методов древних металлургов. Отсутствие примесей подтверждает это, так как сплав был получен из уже очищенных металлов. Очевидно кольцо позднего происхождения, случайно попавшее в этот культурный слой.

Среди предметов, найденных на поселении Дальверзин, для характеристики металлургического производства того времени особый интерес вызывают находки металлических заготовок и слитков, которые следует рассматривать как своего рода полуфабрикаты. Количественный анализ некоторых из них показал, что заготовка (табл. 3, 24) является медной, по характеру примесей близкой к группе медных шильев. Что касается слитка (табл. 3, 25), то его состав настолько отличен от всех остальных, что на нем следует остановиться подробнее. Прежде всего его выделяет высокое содержание мышьяка (5%), лишь в одном из предметов Дальверзинского поселения — долоте (табл. 3, 30; XXII, 5) его обнаружено так много (5%). Но если долото изготовлено из мышьяковистой бронзы, где олово присутствовало в незначительных количествах, то в слитке оно выступает как один из составляющих компонентов (7%). Сплавы такого типа неоднократно отмечались в литературе,³ а также при анализе изделий (эпохи бронзы) из Кавказа, Южной Сибири и Казахстана, проведенных в Лаборатории археологической технологии.

Предмет был назван слитком потому, что его назначение трудно было определить, и поэтому можно предполагать, что этот обломок какого-либо предмета иного происхождения, чем все остальные. Хотя и не исключено, что это действительно слиток-заготовка сплава какого-то нового для Дальверзина типа.

³ Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959; И. Р. Селимханов. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.

Находки различных остатков литейного мастерства — большого числа разнообразных по характеру шлаков, для которых были проведены качественные анализы (табл. 4), металлических заготовок, остатков плавилен, кусков тиглей со следами металлического налета (и даже сосуды с металлом) и, наконец, обнаружение литейных форм на Дальверзине, Чусте и в других поселениях позволяет определенно говорить о существовании в эпоху бронзы в Ферганской долине собственного металлургического производства. Для выяснения его характерных особенностей следует проанализировать возможно большее количество металлических изделий, шлаков и руд.

Поселение Чуст. Исследовано 18 различных изделий, большая часть которых плохой сохранности, но в ряде случаев вполне точно определяется назначение предмета. Качественный анализ (табл. 5) показал, что все они изготовлены из сплавов на медной основе и по второму составляющему компоненту могут быть также разделены на два типа сплава.

Первая группа из пяти предметов наряду с оловом включает в своем составе мышьяк, преднамеренно введенный в сплав. Для второй группы вторым составляющим является олово, а мышьяк присутствует в следах. Для всех изделий типична значи-

тельная примесь свинца и висмута. Следует отметить повышенное содержание серебра, обычное для среднеазиатских бронз, некоторые колебания в количествах сурьмы, никеля, кобальта и незначительные следы, а в большинстве случаев отсутствие цинка. Лишь в двух предметах найдены следы золота. Особенно интересным было обнаружение следов индия, а в двух случаях и германия, что в дальнейшем может указать на источник сырья.

Поселения в Кайрак-Кумах. Проанализировано качественно три ножа: один в обломках, шлак (табл. 6) и две пробы руды (?) из района Наукатского медного месторождения, которое могло быть рудной базой для Кайрак-Кумов (табл. 7).

Ножи изготовлены из бронзы разных типов сплава: нож (табл. 6, 1) из оловянистой бронзы с примесями, перешедшими из руды; обломок изогнутого ножа — из мышьяково-оловянистой бронзы, при повышенном содержании сурьмы. Для ножей характерна также значительная примесь свинца. Наличие последнего в медных рудах Наукатского месторождения допускает их использование для получения сплавов таких типов. Обнаружение литейных форм, многочисленных шлаков и изделий позволяет говорить о местном литейном производстве.

Таблица 6

Результаты качественного спектрального анализа металлических предметов с поселений в Кайрак-Кумах

№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	Ge	In	Tl	Cd	Na	Ca	Ni
1	132/СА-1	Нож	1	5	3	5.5	—	4	5.5	5	5	5.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	133/СА-2	Обл. изогн. ножа	1	4	3	5	5.5	4	5.5	4.3	4	5	5	—	5.5	—	—	—	—	—	—	—	5	—
3	134/СА-3	Шлак	1	—	3	—	4	—	—	3	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—

Таблица 7

Результаты качественного спектрального анализа руды (?) Наукатского месторождения

№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	In	Ge	Ca	Ni	
1	1691/ПМ-1	Малый кусок	.1	5.5	—	4	—	4	—	—	4—3	3	4	—	—	5.5	3.5	—	—	—	5—4	5.5
2	1692/ПМ-2	Больш. кусок	1	5.5	—	4	—	4—5	—	—	4	3	5—4	—	—	5	5.5	—	—	—	5	5

Таблица 8

Результаты качественного спектрального анализа металлических предметов из Вуадильского могильника

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	Zn	Ge	Ni
1	225/CA-1	Бусина . . .	1	4	3	5	5.5	4	4	4-3	3	5	5	—	4	—	5	—	—	5
2	226/CA-2	» . . .	1	4	3-2	4	—	4	4-3	4-3	3-2	3	4-3	—	4-3	5.5	5	—	—	5
3	227/CA-3	Кольцо . . .	1	4	3	5	—	4	5	4	3	3	4	—	4	—	5.5	—	—	5

Вуадильский могильник. На качественный анализ были переданы две бронзовые бусины разных форм и кольцо (табл. 8). У всех этих предметов повышенное содержание свинца. Обе бусины и кольцо принадлежат к одному типу сплава — мышьяково-оловянистой бронзы. Незначительное различие в составе объясняется степенью сохранности предметов.

ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

Городище Шурабашат. На анализ было передано три изделия (табл. 9). По данным качественного анализа все они изготовлены из сплава меди с оловом при значительных количествах (перешедших из руды) свинца, сурьмы и висмута.

Выделяется перстень (табл. 9, 3), в котором наряду с основными компонентами бронзо-

вого сплава меди и олова обнаружено значительное количество цинка. Очевидно, этот сплав следует считать латунью, так как олово присутствует в меньшем количестве, чем цинк. Кроме этого, несмотря на примеси, сближающие перстень с двумя другими предметами, он отличен и по присутствию германия в сплаве.

К сожалению, малое количество материала, к тому же разнообразного по своему функциональному назначению не позволяет говорить об отличительных особенностях металлических изделий, найденных на городище. Однако тип бронзового сплава и примеси характерны для предметов, обнаруженных на территории древней Ферганы.

Кара-Дарьинское городище. Проанализировано (качественно) два предмета (табл. 10), из которых прут-браслет оказался медным.

Таблица 9

Результаты качественного спектрального анализа металлических предметов из городища Шурабашат

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	Ge	In	Tl	Cd	Na	Ca	Ni	
1	61/CA-1	Котел	1	2	3	—	—	4	3	3	3	3	5	5	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
2	162/CA-5	Колокольчик	1	3	2	5	—	4	3-4	4	3	4	4	—	5	—	5.5	—	—	—	—	—	—	—	4
3	164/CA-7	Перстень . . .	1	2	3	4	2	4	4	4	5	5	5	5	5.5	—	—	4	—	—	—	—	—	—	5

Таблица 10

Результаты качественного спектрального анализа металлических предметов из Кара-Дарьинского городища

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Au	Al	Si	Mg	Co
1	379-61	Прут-браслет . .	Осн.	4	4	4	5	+	—	—	4	5	+	4	4	5	5
2	2017/CAВ-18	Кольцо крученое	I	3-2	4	—	4-3	+	4	4-5	5	4-5	5.5	4-3	4-3	4-3	—

Таблица 11

Результаты качественного спектрального анализа металлических предметов из Актамского могильника

№№ п.п.	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Элементы																		
			Cu	Pb	Sn	Fe	Zn	Ag	Sb	Bi	Mg	Si	Al	Co	As	Mn	Au	In	Ge	Ca	Ni
1	228/CA-4	Наконечник стрелы	1	4	4	5	5.5	4	5	4	3	3	4	—	4	—	5.5	—	—	—	4
2	229/CA-5	То же	1	3	4	5	—	4	4-3	4-3	3	3	4	5	4-3	—	5.5	—	—	—	4
3	2474/CAM-1	Метал. пластинка	1	5.5	3	5	—	5	—	—	5	4	5.5	—	—	5	—	—	—	5	—

Несмотря на наличие среди примесей свинца, отсутствие даже следов сурьмы и мышьяка, выделяет этот браслет из других изделий. Кольцо крученое, по химической характеристике сплава относится к оловянистой бронзе. Примеси обычные для медных руд Ферганы.

Актамский могильник. Проанализировано качественно два наконечника стрел (табл. 11), изготовленных из мышьяковистой бронзы. Некоторые колебания в количестве мышьяка, висмута, сурьмы, цинка и кобальта объясняются неоднородностью древнего сплава и различной сохранностью предметов.

ВЫВОДЫ

На основании исследования химического состава металлических изделий, обнаруженных при раскопках на территории Ферганской долины (несмотря на малочисленный и ограниченный материал), удалось установить типы сплавов, используемых для их изготовления и характерные особенности составляющих компонентов и примесей. К сожалению, имеющийся материал не дает представления о технике литейного дела, а тем более о способах обработки готовых изделий.

В эпоху бронзы в Ферганской долине отмечено две основные группы металлических изделий, отличных по химическому составу. К первой относятся медные предметы, изготовленные из выплавленных на месте медных руд, с довольно однообразным составом примесей.

Вторая группа включает предметы, изготовленные из сплавов на медной основе. По другим составляющим компонентам выделяется три типа сплава.

Первый — мышьяковистая бронза, сплав меди с мышьяком, олово в следах.

Второй — мышьяково-оловянистая бронза, сплав меди с оловом и мышьяком.

Третий — оловянистая бронза, сплав меди с оловом, мышьяк в следах.

Несмотря на то, что в сплавах первого и второго типа мышьяк был обнаружен не в очень больших количествах (около 2%), вряд ли можно предполагать, что он перешел в изделие из руды.

Очевидно, мышьяк в виде какой-либо руды, скорее всего арсенипирита, месторождения которого отмечаются в Средней Азии, прибавлялся к меди с целью получения более легкоплавкого сплава.

Это предположение подтверждается находкой медных слитков-заготовок, характер примесей которых близок к бронзовым. В таких заготовках мышьяк обычно не обнаруживается или присутствует в следах.

Для изготовления сплава меди с оловом использовалась оловянная руда — кассетерит, месторождения которого имеются в Средней Азии. Трудно предположить, что в это время были известны способы получения чистого олова. Тем более, есть основания считать, что литейное производство с его примитивной техникой не было сконцентрировано в каком-то одном пункте. Очевидно, производство металлических изделий, во всяком случае небольших поделок — ножей, бус, браслетов и т. п., было налажено в каждом из обследованных поселений на базе близлежащих рудных месторождений. Возможно, этим и объясняются довольно близкие по составу и характеру примеси у изделий, изготовленных из различных типов сплавов, а также находки шлаков, металлических слитков-заготовок, литейных форм и т. п. почти в каждом поселении. Для всех проанализированных изделий, медных и бронзовых, очень характерно повышенное содержание свинца, висмута и сурьмы, соответствующее характеристике рудных

Сравнительная таблица данных анализа металлических изделий, найденных на территории Средней Азии и Казахстана

Эпоха			Ранняя бронза			Поздняя бронза				
Памятник и район			Хак, Фергана	Анау, Южн. Туркмения	Гисар, Сев. Иран	Дальверзин, Фергана	Бужайли, Бухарский оазис	Тасты-Бутак I, Зап. Казахстан	Пос. Андроновск. культ., Вост. Казахстан	Отдельные находки Семпречья и Южн. Казахстана
Медь	Основа	Примеси	Sn — следы; Pb — до 1.4%; Zn, Sb — нет; Bi, Ag — следы; As, Fe, Ni, Au — (+)(-) ¹	Sn — следы; Pb — до 0.3%; Sb — до 0.4%; Zn, Co, Ni, As — нет; Ag — следы	Sn — следы; Pb — до 0.6%; Fe — следы	Sn — до 0.3%; Au, Ag, Zn, Pb — до 0.3%; Bi — следы; Sb — до 0.3%; As — до 0.4%; Fe — до 0.1%	Sn — следы; Pb — (+)(-); Sb — нет; As — до 0.2%; Fe — до 0.1%; Ti — (+)(?)	Sn — следы; Sb, As — нет; Pb — следы; Zn — (+) (-); Bi — (+) (-)	Sn — до 0.8%; Sb — (-); Bi, As, Fe, Ni, Co — следы; Zn — (+)(-); Ag — следы	
	Основа	Примеси		Cu — осн.; Sn — нет; As — до 0.4%; Sb — до 0.9%; Pb — 1.2%; Ni — до 0.02%; Co — (+)(-); Fe — (+)(-)		Cu — осн.; Sn — следы; As — 1.5%; Pb — до 1%; Zn, Bi — до 0.1%; Sb — до 0.7%; Ni, Co, Ag, Au — сле- ды				
	II тип	Примеси				Cu — осн.; Sn — 2-5%; As — 1.5%; Pb — до 2%; Au, Ag, Ni, Co — следы				
Бронза	Основа	Примеси				Cu — осн.; Sn — 2-5%; As — 1.5%; Pb — до 2%; Au, Ag, Ni, Co — следы				
	II тип	Примеси				Cu — осн.; Sn — 2-5%; As — 1.5%; Pb — до 2%; Au, Ag, Ni, Co — следы				
	III тип	Примеси	Cu — осн.; Sn — 2-6%; As — следы; Pb — до 2%; Sb — (+)(-); Fe, Ni, Au — (+)(-)		Cu — осн.; Sn — до 2.2%; Pb — до 1.6%; Fe — (+)(-)	Cu — осн.; Sn — 1-7%; As — следы; Pb — до 2%; Sb — до 2%; Ag, Fe, Ni, Co — следы	Cu — осн.; Sn — 1-6%; Ti — (+)(?); As — следы	Cu — осн.; Sn — 5-10%; As — до 0.2%; Pb — до 1%; Bi — (+)(-); Sb, Zn — (+) (-)	Cu — осн.; Sn — 5-6%; Pb — до 0.3%; Sb — (+) (-); Fe — до 0.8%; Bi — до 0.04%; Ag, Au, Zn — следы	Cu — осн.; Sn — 1.5-13%; Pb — до 1.6%; As, Sb, Bi, Au, Ag — следы; Ni, Co, Zn — (+)(-)

¹ Знак (+)(-) означает, что данный элемент присутствует не во всех предметах этого типа слитков.

месторождений меди в Ферганской долине.

Ограничившись такой общей химической характеристикой исследованных изделий древней Ферганы, для предметов клада Хак и обнаруженных на поселении Дальверзин, возможно провести более детальное исследование. Благодаря количественным данным можно дать оценку каждому типу сплава, а главное — сравнить их (по химическому составу) с изделиями, найденными в близлежащих районах (табл. 12).

Для этого были использованы данные анализов металлических предметов из следующих памятников:

1. Клад Хак.⁴
2. Могильник Тасты-Бутак. I. Западный Казахстан.⁵
3. Восточный Казахстан.⁶
4. Могильник Бужайли. Бухарский оазис.⁷
5. Семиречье и Южный Казахстан.⁸
6. Анау (I, II, III слои). Туркмения.⁹
7. Тепе Гисар. Сев. Иран.¹⁰

Данные количественного анализа (проведенного в Лаборатории археологической технологии), представленные в табл. 12, систематизированы по типам сплавов, по тому же принципу, как и Дальверзинский материал. Однако в ряде анализов, приводимых из литературы, в частности по предметам из раскопок Пампелли и Шмидта, отсутствуют данные по некоторым элементам, что несколько уменьшает точность сравниваемых результатов. Поэтому нам представлялось правильным также перераспределить их по типам сплавов, так как ряд изделий, содержащих олово и мышьяк в значительных количествах (до 4%), квалифицировались как медные.

Медные изделия из всех памятников отличаются только по примесям, бронзовые — по типам сплавов и примесей.

На основании количественных данных по химическому составу металлических из-

Таблица 13

Типы бронзовых сплавов, характерные для металлических изделий Дальверзина.

Тип сплава	Содержание (в %)		
	меди	мышьяка	олова
I	Основа	1—1.5	Следы
II	»	1.5	2—5
III	»	Следы	1—7

делий из Дальверзина установлено три основных типа бронзовых сплавов (табл. 13).

Несмотря на то, что некоторые бронзовые предметы, найденные на территориях, близких к Ферганской долине, изготовлены из сплавов подобного типа, бронза Дальверзина имеет свои характерные особенности.

Так, сравнение данных по анализам бронзовых предметов из клада Хак и Дальверзина, относимых к одному типу сплава (III), позволяет найти различие в основном за счет высокого содержания сурьмы (до 2%) в бронзах, найденных в Дальверзине.

Медные изделия обоих памятников отличаются по количественному содержанию примесей, перешедших в изделие из медной руды.

Ближе по характеру примесей к вещам Хака медные изделия из Гисара и Анау, а по типу сплава (III) бронзовые изделия Гисара схожи с Хакскими.

Таким образом, сравнение количественных данных по химическому составу бронзовых изделий из Дальверзина и других районов Средней Азии пока не подтверждает предположение¹¹ о возможности использования среднеазиатских руд для изготовления бронзовых предметов из клада Хак.

Для металлических изделий, найденных в районах, близких к Дальверзину — в Семиречье, Южном, Восточном и Западном Казахстане, в Бухарском оазисе, определено, что бронзы, из которых они изготовлены, близки к III типу сплава (для Дальверзина), но отличаются по количеству олова и характеру примесей.

¹¹ С. С. Сорокин. Хакский клад. Сообщение Государственного Эрмитажа, XIX, 1960.

⁴⁻⁷ Данные Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

⁸ И. И. Копылов. К вопросу о составе древних бронз Семиречья. УЗ АГПИ, сер. гуманитар. наук, № 9, 1955.

⁹ R. Rumpelly. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904, vol. I, 1908.

¹⁰ L. C. Riesch and D. Horton. Technological analyses of objects from Tepe Hissar. В кн.: E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Damghan. The University Museum Philadelphia, 1937.

Однако основное, что отличает бронзовые изделия — это высокое содержание в сплавах всех типов свинца (до 2%) и сурьмы (до 2%). Присутствие их в изделиях указывает на особенности рудного сырья, используемого при их изготовлении.

Детальное и планомерное химико-технологическое изучение большего числа метал-

лических предметов (с учетом функционального назначения) различных памятников и эпох, наряду с изучением технологии литейного производства, исследование шлаков и по возможности древних руд позволит подтвердить высказанное предположение и проследить историю развития металлургии на территории Ферганской долины.

Г. Ф. Коробкова

ОТПЕЧАТКИ ТКАНЕЙ НА КЕРАМИКЕ

(по материалам Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана)

Раскопки Ю. А. Заднепровского в восточной части Ферганы поселения Дальверзин эпохи бронзы (1956 и 1959 гг.),¹ городища середины I тыс. до н. э. Эйлатан (1952 г.)² и в Чон-Алае поселения второй половины I тыс. до н. э. Дараут-Курган (1956 г.)³ дали интересный керамический материал, содержащий фрагменты керамики с отпечатками тканей численностью 140 экз. Изучение этих фрагментов интересно не только с точки зрения определения ткани, но и с точки зрения техники изготовления самих сосудов.

Со всех фрагментов керамики были сняты отпечатки на пластилине, которые, так же как и сами фрагменты, были изучены под бинокулярным микроскопом и монокулярной лупой с измерительной линейкой и сфотографированы. Исследование проведено автором под руководством С. А. Семенова в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

Все сосуды с отпечатками тканей изготовлены ручной лепкой. Они сделаны из грубого теста с большой примесью органических веществ, крупного песка, шамота, слюды. Поверхность их неровная, шероховатая. Толщина стен крайне неравномерна и варьирует от 3 до 20 мм. Особенно грубы по составу теста и своим размерам фрагменты с поселения Дараут-Курган. Большинство фрагментов имеет следы обмазки, окрашен-

ности и изредка лощения. Обжиг сосудов слабый, неравномерный. Множество темных пятен, имеющих на поверхности фрагментов, свидетельствуют о том, что сосуды обжигались не в горне, а на открытом костре.

Исследуемая керамика имеет все признаки изготовления на матерчатом шаблоне. Доказательством этому служат прежде всего сами отпечатки тканей, сохранившиеся на внутренней поверхности сосудов, слоистость черепка и неравномерная толщина стенок. Сосуды вылеплены не на твердой основе, так как стенки фрагментов имеют вмятины, шероховатости и горло их в ряде случаев меньше наибольшего диаметра полости сосуда.

Внимательное рассмотрение фрагментов позволяет говорить, что сосуды не могли быть вылеплены из нескольких поясов, путем накладывания широких полос.⁴ В этом случае имелись бы следы швов между составными частями сосуда, как бы хорошо он не был выглажен.

Керамика Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана имеет на внутренней и внешней поверхности неровности, выпуклости, западины — результат изготовления сосудов на мягкой основе, которая под нажимом пальцев руки продавливалась, образуя в ряде мест дефекты поверхности. В данном случае такой мягкой основой служили разнообразные мешочки из ткани, наполненные песком. При лепке на шаблоне сосуды получались грубыми, с неровными по толщине стенками. Глина накладывалась на болванку не лентами, а большими пластами, тщательно соединенными между собою. После небольшой просушки сосуды выглаживали, покрыв-

¹ Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИМК, 69, 1957, стр. 50—57.

² Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан. (К вопросу о датировке памятника). СА, 3, 1960, стр. 29—45.

³ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 1960; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 197, 198, 204—207.

⁴ М. В. Воеводский. К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», № 4, 1934, стр. 55—69.

вали обмазкой, красили. Следует отметить, что тесто обмазки по своей структуре резко отличается от теста самого сосуда. В одном случае оно пористое, вследствие сгорания в нем органических примесей,⁵ а тесто сосуда имеет плотную мелкозернистую структуру. В другом случае, наоборот, обмазка плотная, а тесто сосуда пористое. Чаще всего обмазка наносилась до обжига сосуда. Но имеются единичные экземпляры, обмазанные после обжига (например, фрагмент венчика с поселения Дальверзин). В этом случае резко бросается в глаза разница в окраске между обмазкой и поверхностью самого сосуда, заключенной под нею и деформированной под воздействием огня. В основном, обмазка наносилась прямо на просушенный сосуд, о чем свидетельствует непотревоженность рисунка ткани, отпечатанной под нею, окраска ее поверхности и поверхности самого сосуда. Обмазывались сосуды либо густым, толстым слоем глины, либо тонким глиняным раствором, сквозь который четко проступает рисунок отпечатанной ткани. В ряде случаев фрагменты покрыты желтой, красной и коричневой краской, нанесенной на сосуд до его обжига.

Микроскопический анализ тканей, отпечатанных на внутренних поверхностях сосудов, показал, что жители Дальверзина, Эйлтана и Дараут-Кургана хорошо знали ткачество, используя различную технику переплетения и разнообразные сырые материалы: шерсть и лубяные культуры.⁶

Из числа добытой на поселении Дальверзин в 1956 и 1959 гг. керамики с отпечатками ткани нам передано для изучения 120 фрагментов. Из них 106 экз. определимых тканей и 14 — неопределимых (в виду плохой сохранности отпечатков). В результате исследования выяснено, что ткани различаются между собою по типам переплетения. Здесь представлены ткани полотняного (72 экз.), репсового (33 экз.) и саржевого (2 экз.) переплетений (табл. LXXIV, 1—3), изготовленные из хорошо крученых нитей. Во-

локна нитей плотные, что позволяет предполагать здесь шерстяную ткань. Толщина нити (основы и утка) варьирует от 0.2 до 1.2 мм. В большинстве случаев нити утка, как правило, тоньше нитей основы. Лишь у немногих образцов они одинаковы. Плотность тканей (количество нитей в 1 кв. см) колеблется: на 1 кв. см приходится 3—10 нитей основы и 6—20 нитей утка.

Обращает на себя внимание один экземпляр ткани, сшитой из двух кусков различной материи. Один кусок представляет собою ткань полотняного переплетения: толщина нити основы 0.5 мм, утка — 0.6 мм, плотность по основе — 9 нитей, по утку — 12 нитей. Другой кусок отличается от первого и по типу переплетения, и по толщине, и по плотности. Это ткань репсового переплетения, очень тонкая (толщина нити основы и утка — 0.25 мм), плотная (8 нитей основы и 16 нитей утка). Перед сшиванием оба куска были тщательно обметаны и затем уже соединены двойной ниткой толщиной в 0.8 мм. Ткани репсового переплетения имеют плотно сбитый уток, почти полностью закрывающий основу.

Исходя из анализа отпечатков тканей можно сказать, что для Дальверзина характерны ткани полотняного и репсового переплетений.

На городище Эйлтан обнаружено 7 фрагментов керамики с отпечатками тканей.⁷ Из них 5 экз. ткани саржевого переплетения и 2 экз. — полотняного (табл. LXXV, 1—3). Это тонкие ткани (толщиной от 0.3 до 1.0 мм), плотные (в 1 кв. см до 5—16 нитей основы и утка), изготовленные из плотных, упругих нитей, напоминающих шерсть. Нити основы и утка почти не различаются по толщине. В отличие от дальверзинских тканей здесь совсем нет репсового переплетения и много саржевого.

В Алайской высокогорной долине, к югу от Ферганы, на поселении Дараут-Курган собрано 14 образцов керамики с отпечатками тканей. Из них 9 образцов представлены саржевым переплетением и 5 — репсовым (табл. LXXVI, 1—3). В отличие от Дальверзина и Эйлтана ткани Дараут-Кургана, так же как и сама керамика, более грубые. Здесь больше встречается образцов ткани толщиной нити в 1.0—1.2 мм и большей

⁵ Здесь имеется в виду самап (солома), который использовали жители Дараут-Кургана при изготовлении сосудов. См.: А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 205.

⁶ Принадлежность ткани к растительной или животной природе устанавливается по степени упругости волокон.

⁷ Исследованию подлежал материал только 1952 года.

плотностью (на 1 кв. см приходится по 8—28 нитей основы и утка). Особый интерес вызывает образец ткани саржевого переплетения с узором, напоминающим «елочку» (табл. LXXVI, 3). Заслуживает внимания тот факт, что в Дараут-Кургане преобладают ткани только саржевого и репсового переплетений и совершенно отсутствует плотное переплетение.

Техника лепки сосудов на шаблоне известна с эпохи неолита.⁸ Но особо широкое распространение она получила в более позднее время.⁹

На территории Средней Азии этот прием лепки засвидетельствован на многих памятниках эпохи бронзы и более позднего времени: на Чустском поселении¹⁰ и Актамском могильнике¹¹ в Фергане, в сакоусуньских могильниках Семиречья¹² и Тянь-Шаня,¹³ в Ташкентском оазисе,¹⁴ Согде.¹⁵

Техника лепки сосудов на шаблоне довольно примитивная. Сосуды, изготовленные таким способом, грубые, с неравномерными по толщине стенками. Но, с другой стороны, она имеет свои преимущества. Во-

первых, при изготовлении сосудов на матерчатом шаблоне производительность труда выше, чем, например, при лепке сосудов ленточным способом или способом выдавливания из целого куска глины. Во-вторых, при изготовлении сосудов на матерчатом шаблоне можно использовать более жидкое глиняное тесто. Тогда как при лепке сосудов ленточным способом и выдавливанием из целого куска глины требуется определенная густота теста, что затрудняет работу гончара. Тканевые мешочки изготовлены из старой, выношенной материи (скорее всего из остатков одежды), на что указывают деформированные участки ткани (потертости, разрывы нитей, узлы), образец ткани, спитой из двух кусков различной материи. Это обстоятельство свидетельствует об очень экономном использовании тканей жителями Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана.

Нами установлено, что в Дальверзине преобладают ткани полотняного и репсового переплетений и почти нет саржевого, в Эйлатане — саржевое и полотняное, а в Дараут-Кургане — саржевое и репсовое переплетение при полном отсутствии полотняного. Такая закономерность в распределении типов тканей позволяет поставить вопрос о причинах распространения тканей полотняного переплетения только в Дальверзине и частично в Эйлатане и полного отсутствия их в Дараут-Кургане, а также вопрос о причинах распространения тканей саржевого переплетения главным образом в Дараут-Кургане и почти полного отсутствия их в Дальверзине. Возможно, что здесь сказались хозяйственное различие между земледельцами Дальверзина и Эйлатана и скотоводами Дараут-Кургана, которое не могло не отразиться на выделке тканей.

Отсутствие публикаций по среднеазиатским тканям привело некоторых исследователей к неправильным представлениям и толкованиям вопроса развития качества на территории Средней Азии. Так, например, М. А. Новицкая высказала мысль о том, что в Фергане в середине и конце II тыс. до н. э. известны ткани только простого полотняного переплетения.¹⁶

Анализ отпечатков тканей свидетельствует о том, что жители Дальверзина, Эйлатана

⁸ А. Я. Брюсов. Сетчатая керамика. СА, XIV, 1950.

⁹ М. Новицкая. До питания про текстиль трипольской культуры. Археология, II, Київ, 1948, стр. 44—60; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. ТГИМ, XVII, 1948, стр. 143; К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, 24, 1952, стр. 68; Е. Г. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, 21, 1951, стр. 124; М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. ТМИУзССР, вып. 2, стр. 53—56; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Омской области, 1960; Е. Г. Городище Эйлатан, стр. 29—45.

¹⁰ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 71, 1958, стр. 52.

¹¹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Актамский могильник. КСИИМК, 69, 1957, стр. 88.

¹² М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, № 3(4), 1938, стр. 179.

¹³ Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» под ред. А. Н. Берштама. МИА, 14, 1950, стр. 63, 108.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН ССР, № 9, 1940, стр. 33; Г. В. Григорьев. Каулчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 6.

¹⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155.

¹⁶ М. А. Новицкая. Узорные ткани трипольской культуры. (По материалам раскопок у с. Степа). КСИА АН УССР, 10, 1960, стр. 35.

и Дараут-Кургана хорошо владели техникой изготовления тканей. Они умели вырбатывать красивые тонкие ткани из шерсти, сложные по своему рисунку и простые грубые толстые материалы, напоминающие мешковину. Строгое расположение нитей

в переплетении, находки костяных гребенок и челнока говорит о том, что ферганцы знали ткацкий станок, и, судя по различным приемам переплетения, ткачество ферганских мастеров достигло сравнительно высокого развития.

ЛИТЕРАТУРА

I. Литература по истории и археологии древней Ферганы

Авдиев В. И.

1942. Историко-археологическое изучение Средней Азии. Сб. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., стр. 65—77.

Ажгирей Г.

1928. Сообщение о докладе «Древние рисунки на камнях урочища Сурат-Таш близ Оша». Изв. Среднеаз. отд. Геогр. о-ва, т. 18, стр. 51.

Андреев М. С.

1896. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. САВ, май, стр. 16—28.

1891. Археологические исследования Н. И. Веселовского в Ферганской области. ОАК за 1882—1888 гг., стр. LXIV—LXXIV.

Бартольд В. В.

1916. Греко-Бактрийское государство и его распространение на северо-восток. ИАН, стр. 823—828.

Баруздин Ю. Д.

1956. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1954 г.) ТИИ АН КиргССР, вып. 2, стр. 57—69.

1957а. Кара-Булакский могильник. (Раскопки 1955 г.) ТИИ АН КиргССР, вып. 3, стр. 17—31.

1957б. Кара-Булакский могильник. КСИЭ, 26, стр. 96—102.

1961. Кара-Булакский могильник. ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 3, стр. 43—82.

Батырев Г. С.

1899. Сообщение о скульптурном изображении двух змей, найденном в с. Сох. ПТКЛА, IV, проток. № 4 от 9 ноября 1899, стр. 140—141.

Бернштам А. Н.

1942. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 24 стр.

1943. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 67 стр.

1945а. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. ИКиргФАН СССР, II—III, 1945, стр. 59—70.

1945б. Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня. Сб. «Председателю президиума Киргизского ФАН СССР акад. К. И. Скрыбину в день 40-летия его научно-педагогической и общественной деятельности». Фрунзе, стр. 94—96.

1946. Рец. на кн. «Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сборник I». ВИ, № 5—6, стр. 119—121.

1947а. Археологические работы в 1944—1945 гг. Рефераты науч.-исслед. работ за 1945 г. (АН СССР, Отд. ист. и филос.). М.—Л., стр. 79.

✓1947б. Древняя Фергана. КСИИМК, 21, стр. 86—88.

1947в. Из истории Восточной Ферганы и Алая. (Краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.) ИКиргФАН СССР, вып. 6, стр. 115—119.

1947г. Из итогов изучения древней истории Киргизстана. ИКиргФАН СССР, вып. 7, стр. 49—54.

1947д. К истории Фергано-Тянь-Шаньских культурных отношений. (Из итогов археологических работ 1945 г.) ИКиргФАН СССР, вып. 4—5, стр. 111—120.

1947е. Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. ВДИ, № 3, стр. 83—94.

1948. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши. СЭ, 4, стр. 155—161.

✓1949а. Древняя Фергана. ВДИ, № 1, стр. 100—111.

✓1949б. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, 28, стр. 54—66.

1949в. Рец. на кн.: «С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологических исследований». ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. 6, № 1, стр. 93—96.

1950. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В кн.: «Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», т. I, 1950, стр. V—LV.

1951а. Древняя Фергана. (Науч.-попул. очерк). Ташкент, 48 стр.

1951б. Очерк истории гуннов. Л., 256 стр.

✓1951в. Памиро-Ферганская археолого-этнографическая экспедиция. (Археологические работы 1950 г.). Тезисы докладов на сессии Отд. ист. и филос. и пленуму ИИМК, посвященному итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., стр. 46—48.

✓(1952а) Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 347 стр.

1952б. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 2, 53—68.

1952в. Турки и Средняя Азия в описаниях Хой Чао (726). ВДИ, № 1, стр. 187—195.

1954. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого Океана». М., стр. 261—304.

1955. Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая. ИВГО, т. 87, № 1, стр. 42—53.
1956. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Тезисы докладов и содокладов на научной сессии об этногенезе киргизского народа. 10—14 ноября 1956 г. Фрунзе, стр. 3—7.
1957. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности. КСИЭ, 26, стр. 18—21.
1959. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. ТКАЭЭ, т. III, стр. 17—22.
- Бичури Н. Я.**
1851. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд. 1-е. СПб.
1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., стр. 382; т. II, 335 стр.; т. III, 325 стр.
- Брянов А. И.**
1899. О следах древнего города Касана в Ферганской области. ИТКЛА, IV (1898—1899), проток. № 4 от 9 ноября, прил., стр. 142—153.
- Вебер В. Н.**
1934. Геологическая карта Средней Азии. Лист. VIIб. (Исфара). Северная половина. Труды Всесоюз. геол.-развед. объединения, вып. 194. Л.—М., Новосибирск, 279 стр.
- Веселовский Н. И.**
1888. Заметка о курганах Туркестанского края. ЗВОРАО, т. 2, стр. 220—226.
- Воронец М. Э.**
- 1940а. Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР. ВДИ, № 3—4, стр. 324—339.
- 1940б. Археологические исследования Узбекского комитета по изучению памятников материальной культуры в 1939 г. ВДИ, № 1, стр. 207—209.
1946. Новые поступления Музея истории АН УзССР. Бюллетень АН УзССР, № 8, стр. 21—22.
- 1951а. Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области. ИАН УзССР, № 5, стр. 93—97.
- 1951б. Наскальные изображения Южной Киргизии. ТКирг ГПИ, вып. 2, стр. 75—90.
1954. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. ТМИ УзССР, вып. 2, стр. 53—84.
1956. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области. КСИИМК, 61, стр. 48—55.
- Гайдукевич В. Ф.**
1945. Археологические исследования Средней Азии в период Великой Отечественной войны. ИГУ. Научная сессия 1945 г. Тезисы докладов по секции ист. наук, стр. 69—71.
1947. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане 1943—1944 гг. (Предварительное сообщение). КСИИМК, 14, стр. 92—109.
1948. К истории древнего земледелия в Средней Азии. ВДИ, № 3, стр. 193—204.
1949. Керамическая обжигательная печь Мунчак-Тепе. КСИИМК, 28, стр. 77—82.
1952. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, 16, стр. 331—359.
- Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г.**
- 1956а. Изучение археологических памятников Ферганской области ТАН ТаджССР, 37, стр. 119.
- 1956б. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. (Предварительное сообщение) КСИИМК, 63, стр. 85—93.
- 1957а. Актамский могильник. КСИИМК, 69, стр. 78—90.
- 1957б. Могильник Хангиз. ИООН АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 33—44.
- 1957в. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 3, стр. 130—135.
1959. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. (Краткий отчет). История материальной культуры Узбекистана, вып. I. Ташкент, стр. 5—21.
- Герасимов М. М.**
1949. Основы восстановления лица по черепу. М., 189 стр.
- Гинзбург В. В.**
1950. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. (Гуны и саки Тянь-Шаня, Алая и Южного Памира). КСИЭ, 11, стр. 83—96.
1954. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.) ТИЭ, нов. сер., т. 21 (Среднеаз. этнограф. сборник, I), стр. 354—412.
1956. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. ТКАЭЭ, т. I, стр. 85—102.
1957. Антропологические материалы из Вуадльского и Актамского могильников. КСИИМК, 69, стр. 91—93.
1960. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии (вторая половина I тыс. до н. э.—первая половина I тыс. н. э.). ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, т. II, вып. 3, стр. 151—162.
- Горбунова Н. Г.**
1960. Роговая пластинка из Актамского могильника. КСИИМК, 80, стр. 93—96.
- 1961а. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. канд. дисс. Л.
- 1961б. Кунгайский могильник. Археол. сборник (Гос. Эрмитаж), 3, стр. 171—194.
- 1961в. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине. Сообщения Гос. Эрмитажа, XXI, стр. 41—44.
- Граменицкий Д.**
1898. Заметка о древних урочищах Туркестана. ИТКЛА, III (1897—1898), проток. № 3 от 15 ноября, прил., стр. 150—157.
- Григорьев Г. В.**
1941. «Сасанидское» блюдо из Ферганы. ИУзФАН СССР, № 4, стр. 87—88.
- Громова В. И.**
1940. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. Сб. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., стр. 101.
1947. К вопросу о первом появлении домашнего осла в Средней Азии. ДАН, т. 56, № 2, стр. 191—192.

- Г у л я м о в Я. Г.
1949. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 35 стр.
1951. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого ферганского канала. ТИИА АН УзССР, т. 4, стр. 85—122.
1957. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 313 стр.
- Г у л я м о в Э., Д а в и д о в и ч Е. А., Л и т в и н с к и й Б. А. и Р а н о в В. А.
1956. Археологические и пумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. (Краткий обзор), 36 стр.
- Д а в и д о в и ч Е. А. и Л и т в и н с к и й Б. А.
1955. Археологический очерк Исфаринского района. ТАН ТаджССР, 35, 231 стр.
- Д а в и д о в и ч Е. А.
1958. Раскопки замка Калан-Боло. (Из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.) МИА, 66, стр. 72—103.
- Е р ш о в Н. Н.
1952. О каменных палочках из могильников и их аналогии у таджиков. ДАН ТаджССР, вып. 3, стр. 27—32.
- Ж у к о в В. Д.
1940. Археологические объекты на трассе Южного ферганского канала. (Предварительное сообщение.) ИУзФАН СССР, № 10, стр. 21—28.
1951. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого ферганского канала. ТИИА АН УзССР, т. 4, стр. 41—84.
1957. Некоторые результаты археологических работ в Кувинском районе Ферганской области. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, № 2, стр. 93—96.
- З а д н е н р о в с к и й Ю. А.
1951. К истории археологического изучения Ферганской области. Газ. «Ферганская правда», № 254, 26 декабря.
1953. Рец. на кн.: «Материалы археологической экспедиции на строительстве Большого ферганского канала. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1951». ВДИ, № 2, стр. 117—118.
1954. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс. Л., 18 стр.
- 1956а. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа. Тезисы докладов и содокладов на научной сессии об этногенезе киргизского народа. 10—14 ноября 1956. Фрунзе, стр. 9—11.
- 1956б. Об этническом составе населения древней Ферганы. КСИИМК, 61, стр. 39—44.
- 1956в. Разведки и раскопки Южно-Киргизского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. ТАН ТаджССР, 37, стр. 120—121.
- 1957а. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, 26, стр. 75—82.
- 1957б. Дальверзинское селище. КСИИМК, 69, стр. 50—57.
1958. Городище Шурабашат. КСИИМК, 71, стр. 99—108.
- 1959а. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа. ТКАЭЭ, т. III, стр. 23—30.
- 1959б. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 году. КСИИМК, 76, стр. 63—72.
- 1959в. Ашкал-Тепе — новый памятник чустской культуры в Фергане. СА, 3, стр. 216—219.
- 1959г. Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии. (Период поздней бронзы и железа.) Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября — 4 ноября 1956 года. М.—Л., стр. 150—157.
- 1959д. Работы Южно-Киргизского отряда в 1956 г. ТИИ АН КиргССР, вып. 5, стр. 143—176.
- 1960а. Археологические памятники южных районов Омской области. Фрунзе, 176 стр. Рец.: I. Erdélyi. Archaeologiai Ertesítő, vol. 88, 2, 1961, стр. 307—308.
- 1960б. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году. ТКАЭЭ, т. IV, стр. 164—268.
- 1960в. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 году. КСИИМК, 78, стр. 43—52.
- 1960г. Городище Эйлатан. (К вопросу о датировке памятника.) СА, 3, стр. 29—45.
- З е з е н к о в а В. Я.
1945. Антропологические типы Узбекистана по данным остеологии. Бюллетень САГУ, вып. 23, стр. 171—173.
1953. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркменин. В кн.: Л. В. О ш а н и н и В. Я. З е з е н к о в а. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, стр. 97—112. Рец.: Д е б е ц Г. Ф. — СЭ, 1954, 2, стр. 187—189.
1955. Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе (1952 г.). ТАН ТаджССР, 35, стр. 215—219.
1958. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста. Сов. антропология, № 3, стр. 91—95.
- З и м м а Б. М.
1948. К вопросу о происхождении наскальных изображений. ТКирг ГПИ, т. 2, вып. 2, стр. 3—21.
1951. Некоторые выводы по вопросу изучения наскальных изображений Киргизии. ТКирг ГПИ, вып. 2, стр. 54—74.
1958. Из истории изучения наскальных изображений Киргизии. ТИИ АН КиргССР, т. 4, стр. 111—124.
- И н о с т р а н ц е в К. А.
1909. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. Журнал Министерства народного просвещения, № 3, стр. 95—121.
- И с л а м о в О. И.
1955. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. Сб. «Очерки по истории геологических знаний», вып. 4. М., стр. 42—69.
- И с л а м о в О. И. и Р у т к о в с к а я Л. М.
1957. Геолого-археологическая характеристика древнего рудника Кан-и-Мансур. ТСАГУ, нов. сер., вып. III, ист. науки, кн. 25, стр. 155—176.

1961. Каменные орудия из Чаш-Тепе под Ташкентом. СА, 3, стр. 272—276.
- Кабанов С. К.**
1948. Археологические находки на Фархадстрое. ИАН УССР, № 5, стр. 71—81.
- Кастанье И. А.**
1913а. Краткое сообщение о поездке к развалинам Ахсыкента и в горы для осмотра построек известных под именем хана-и-муг. ПТКЛА, XVIII (1912—1913), проток. № 4 от 30 апреля, стр. 57.
1913б. Культ змеи у различных народов и следы его в Туркестане. ПТКЛА, XVIII (1912—1913), проток. № 1 от 11 декабря 1912 г., прил., стр. 17—28.
1914. Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области. Развалины Ахсыкента. Следы язычества среди туземцев в окрестностях Чуста. ИТОРГО, т. X, вып. I, стр. 125—154.
- Кибиров А. К.**
1954. Археологическое изучение Киргизии. ИКирг. ФАН СССР, вып. 2(12), стр. 59—69.
1956. Археологические памятники Чаткала. Тр. Ин-та языка и лит. и Ин-та истории (АН КиргССР), вып. 5, стр. 3—19.
1959. Археологические памятники Чаткала. ТКАЭЭ, т. II, стр. 3—62.
- Кибиров А. К., Кожемьяко П. Н.**
1956. Новые памятники эпохи бронзы. ТИИ АН КиргССР, вып. 2, стр. 37—46.
- Кияткина Т. П.**
1956. Предварительное определение краниологического материала из могильников в Ворухе. ТАН ТаджССР, 63, стр. 110—114.
- Кляшторный С. Г.**
1953. Яксарт-Сыр-Дарья. СЭ, 3, стр. 189—190.
- Козенкова В. И.**
1957. Археологические работы Андижанского областного краеведческого музея в 1956 г. СА, 4, стр. 295.
1958. Гончарная печь из Хилля. СА, 3, стр. 219—221.
1959. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, 76, стр. 56—62.
- Кузнецов П. Е.**
1915. О таджиках Наманганского уезда. ИТОРГО, т. XI, ч. I, стр. 1—25.
- Кюнер Н. В.**
1950. Работа Н. Я. Бичурина (Иа:лифа) над китайскими источниками для «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В кн.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений. . . т. I, 1950, стр. LVI—LXXXVI.
1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 392 стр.
- Лавров В. А.**
1950. Градостроительная культура Средней Азии. (С древнейших времен до второй половины XIX в.) М., 179 стр.
- Латынин Б. А.**
1931. Сообщение об археологических работах в Узбекистане в 1930 г. Сообщ. ГАИМК, № 1, стр. 38—39.
1935а. К вопросу об истории ирригации. Сб. «Академия наук акад. Н. Я. Марру». М.—Л., стр. 697—708.
1935б. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. Изв. ГАИМК, вып. 110, стр. 120—158.
1956. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, 64, стр. 15—26.
1957. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИЭ, 26, стр. 12—15.
1958. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы. — СА, 3, стр. 46—53.
1959. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. СА, 3, стр. 19—27.
1960. Эйлатанская расписная чаша. КСИИМК, 80, стр. 90—92.
1961а. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., стр. 111—119.
1961б. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. Археол. сборник, 3, стр. 109—170.
- Латынин Б. А. и Оболдуева Т. Г.**
1959. Исфаринские курганы. (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы.) КСИИМК, 76, стр. 17—27.
- Литвинский Б. А.**
1953. Полевые археологические работы Таджикско-согдийской археологической экспедиции в 1952 г. ИООН АН ТаджССР, 3, стр. 157—161.
1954а. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. (Краткий очерк.) ТАН ТаджССР, 26, 83 стр. Рец.: Заднепровский Ю. А. и Массон В. М. — ВИ, 1955, № 12, стр. 184—185.
1954б. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. 48 стр.
1954в. Новые материалы по археологии Таджикистана. КСИИМК, 55, стр. 139—146.
1956а. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, 64, стр. 63—76.
1956б. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. ТАН ТаджССР, 63, стр. 37—46.
1956в. Предварительный отчет о работах в Кара-Мазарских горах отряда по сбору материалов для составления археологической карты в 1954 г. ТАН ТаджССР, 37, стр. 51—60.
1956г. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г. ТАН ТаджССР, 37, стр. 61—68.
1956д. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. ТАН ТаджССР, 63, стр. 27—34.
1959а. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области. ТАН ТаджССР, 102, стр. 109—129.
1959б. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956г. ТАН ТаджССР, 91, стр. 39—51.
1959в. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах. Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней

- Азии. 29 октября — 4 ноября 1956 года. М.—Л., стр. 191—196.
- 1959г. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. ТАН ТаджССР, 91, стр. 73—85.
- 1960а. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. 25 Международного конгресс востоковедов. М., 14 стр.
- 1960б. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Ферганае. КСИИМК, 80, стр. 47—52.
- 1960в. «Саки, которые за Согдом». ТАН ТаджССР, 120, стр. 91—96.
- 1961а. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. ТИИ АН ТаджССР, т. 27, стр. 59—80.
- 1961б. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИООН АН ТаджССР, 1, стр. 59—66.
- Лыкошин Н. С.**
1896. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае, до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. САВ, июль, стр. 1—33; сентябрь, стр. 1—26.
1901. По вопросу о медных трубах, глиняной погребальной урне и о двуглавом змее, принадлежащих музею. ПТКЛА, VI (1900—1901), проток. № 2 от 18 сентября, прил., стр. 40—43.
- Маллицкий Н. Г.**
1924. О торговом пути от Узгента на Кашгар. ИТОРГО, XVII, стр. 223.
- Мандельштам А. М.**
1951. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречьи. Автореф. канд. дисс., 19 стр.
1954. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречьи. СА, 20, стр. 57—99.
1957. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей. (С древнейших времен до X в. н. э.) ТАН ТаджССР, 53, 181 стр.
- Массон В. М.**
1956. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиока. Эпиграфика Востока, XI, стр. 63—75.
1957. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 4, стр. 44—54.
1959. Древнеземледельческая культура Маргяны. МИА, 73, 216 стр.
- Массон М. Е.**
1933. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. Материалы Узкомстариса, вып. 5, стр. 8.
- 1939а. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет (1924—1939)». Ташкент, стр. 110—120.
- 1939б. Археологические наблюдения на Большом ферганском канале. Газ. «Красный Узбекистан», № 186 (на узб. яз.).
- 1939в. Археологические работы в Узбекистане за 1933—1935 годы. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л. Полностью доклад опубликован — СОНАТ, 1936, № 11.
- 1939г. Древний бронзовый котел из Ферганы. Газ. «Пионер Востока», № 91.
1940. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого ферганского канала. КСИИМК, 4, стр. 52—54.
- 1948а. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане. ТИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. 2, стр. 129—134.
- 1948б. О колебании климата Средней Азии в связи с вопросом об изменении режима вод за исторический период. Тр. Уз. геогр. о-ва, т. 2 (21), стр. 3—23.
- Миддендорф А. Ф.**
1882. Очерки Ферганской долины. СПб., 489 стр.
1955. Музей истории Узбекской ССР. Путеводитель. Ташкент, 160 стр.
- Мухамедов Х.**
1961. Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане. Научные работы и сообщения ООИ АН УзССР, кн. 2, стр. 235—247.
- Назаров П. С.**
1906. Дополнения к сообщениям И. Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии и Б. Я. Королькова о бронзовом веке. ПТКЛА, XI, проток. № 3 от 11 декабря 1906 г., стр. 79.
- Негматов Н.**
1953. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. МИА, 37, стр. 231—252.
- 1956а. К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны. КСИИМК, 61, стр. 29—38.
- 1956б. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. ТАН ТаджССР, 37, стр. 33—41.
1957. Усрушана в древности и в раннем средневековье. ТАН ТаджССР, 55, 159 стр.
- Оболдуева Т. Г.**
1940. Археологические наблюдения на Северном ферганском канале. ИУзФАН СССР, № 10, стр. 29—32.
1951. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого ферганского канала. ТИИА АН УзССР, т. 4, стр. 7—40.
1955. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, 59, стр. 145—148.
- Окладников А. П.**
- 1954а. Археологические исследования в Киргизии. Вестник АН СССР, № 9, стр. 50—55.
- 1954б. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. Первый год работы Киргизской комплексной экспедиции. СЭ, 2, стр. 153—155.
- 1954в. Работы Киргизской экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленума ИИМК, посвященном итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., стр. 39—41.
- 1956а. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарья осенью 1955 г. ТАН ТаджССР, 63, стр. 5—15.
- 1956б. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. ТАН ТаджССР, 37, стр. 5—18.
- Отчеты Археологической комиссии.**
1893. Случайные находки и приобретения Археологической комиссии в 1891 г. ОАК за 1891 г., стр. 130 и 186.

1896. Случайные находки и приобретения Археологической комиссии в 1894 г. ОАК за 1894 г., Отд. II, стр. 46, 168—169, 170—171.
1897. Случайные находки и приобретения Археологической комиссии в 1895 г. ОАК за 1895 г., отд. II, стр. 80, 200—201.
1918. Случайные находки и приобретения Археологической комиссии в 1913—1915 гг. ОАК за 1913—1915 гг. Отд. II, стр. 221—222.
- Ошанин Л. В.**
1953. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии. — В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Завенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, стр. 97—112.
1957. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I. Ереван. ТСАГУ, нов. сер., вып. 96, ист. науки, кн. 16, 140 стр.
1958. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. II. Ереван. ТСАГУ, нов. сер., вып. 97, ист. науки, кн. 17, 145 стр.
- Петров А. Д.**
1915. Развалины Муг-Тепе около селения Сары-Курган. ПТКЛА, XIX (1913—1914) (на обложке ошибочно год XVIII), стр. 22—25.
- Пошко А. И.**
1957. Археологические работы Ошского краеведческого музея. СА, 4, стр. 296.
- Пошко А. И. и Федорчук В. П.**
1959. Древние разработки ртути в Южной Фергане. Природа, № 5, стр. 108—109.
- Ранов В. А.**
1956. Результаты разведок каменного века в 1955 г. (В отрогах Гисарского хребта и урочище Ходжия-Ягона.) ТАН ТаджССР, 63, стр. 17—25.
1960. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте. ТИИ АН ТаджССР, т. 29, стр. 124—142.
- Рацек В. И.**
1947. Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-Шаня и Памира. ИВГО, т. 79, № 4, стр. 459—470.
- Рожановский С. Ю.**
1956. Природа растительных остатков из погребальных сооружений Ферганы первых веков нашей эры. ТМИ УзССР, вып. 3, стр. 75—80.
- Рудановский К. А.**
1898. (Сообщение о докладе) «О циклопических постройках в Фергане». ПТКЛА, III (1897—1898), проток. № 5 от 11 декабря, стр. 233—235.
- Рутковская Л. М.**
1956. Бронзовый котел из Ферганы. ТСАГУ, нов. сер., вып. 81, ист. науки, кн. 12, стр. 41—46.
- Салтовская Е. Д.**
1960. Вал и могильник у кишлака Ниязбек. ИООН АН ТаджССР, I, стр. 89—94.
- Семенов А. А.**
1928. Два новых исторических документа эпохи Дария Гистаспа (522—486 л. до Р. Х.). Бюллетень САГУ, вып. 17, стр. 59—61.
- Сессия...**
1955. Сессия, посвященная итогам экспедиционных работ 1954 г. ИИМК и ИЭ АН СССР. СЭ, 3, стр. 147—162.
- Сообщения...**
1881. Сообщение о древностях, поступивших в АН из развалин г. Ахсы в Чустском уезде Ферганской области. Записки АН, т. 38, стр. 85.
- Сорокин С. С.**
1948. К вопросу о гуннах в Средней Азии. По археологическим данным. Вестник ЛГУ, № 11, стр. 122—127.
1954. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, 20, стр. 131—147.
1956. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, как памятники местной культуры. СА, 26, стр. 97—117.
1958. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Автореф. канд. дисс. Л., 20 стр.
1960. Хакский клад. Сообщения Гос. Эрмитажа, XIX, стр. 28—32.
- 1961а. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох). Труды Гос. Эрмитажа, V, стр. 117—161.
- 1961б. Древние скотоводы Ферганских предгорий. Исследования по археологии СССР. Сборник в честь проф. М. И. Артамонова. Л., стр. 160—166.
- 1961в. Древние скотоводы Ферганских предгорий. Материалы по Отд. этнографии (Геогр. о-во СССР), ч. I. Доклады за 1958—1961 гг. Л., стр. 27—31.
- Спришевский В. И.**
1954. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года.) СЭ, 3, стр. 69—76.
- 1956а. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории ТМИ УзССР, вып. 3, стр. 53—74.
- 1956б. Раскопки Чустского поселения. — ТАН ТаджССР, 37, стр. 118—119.
- 1957а. Археологические работы Музея истории народов Узбекистана в 1955 и 1956 гг. СА, 4, стр. 295.
- 1957б. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г. ИАН УзССР, сер. обществ. наук, вып. 1, стр. 65—72.
- 1957в. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.) КСИИМК, 69, стр. 40—49.
- 1958а. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. СА, 3, стр. 185—189.
- 1958б. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. ИАН УзССР, № 6, стр. 69—71.
- 1957в. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, 71, стр. 86—98.
1961. Раскопки Чустского поселения. Обществ. науки в Узбекистане, № 1, стр. 70—71.
- Ставиский Б. Я.**
1952. Археологические исследования Таджикистана. (Библиографический обзор.) ВДII, № 1, стр. 162—168.
- Сургай В. Т.**
1951. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 24 стр.
1954. Новые археологические данные о разработке рудных месторождений Киргизии. ТИГ КиргФАН СССР, вып. 5, стр. 77—87.
- Толстов С. П.**
1938. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 1, стр. 176—203.

1948. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 352 стр.
- Толстов С. П. и Шишкин В. А.**
1942. Археология. Сб. «25 лет Советской науки в Узбекистане». Ташкент, стр. 255—278.
- Тревер К. В.**
1947а. Александр Македонский в Согде. (Из истории народов Средней Азии). ВИ, № 5, стр. 112—122.
1947б. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. СЭ, сборник VI—VII, стр. 307—308.
- Туровский С. Д.**
1954. О минералогическом составе остатков древних захоронений в Таласской области Северной Киргизии. ТИГ КиргФАН СССР, вып. 5, стр. 89.
- Умянков И. И.**
1928. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомтариса в 1927 году. Изв. Средазкомтариса, вып. 3. Ташкент, стр. 265—275.
- Хлудов Н. Г.**
1903. Перевал «Саймалы-Тас», на котором найдены камни с надписями. ПТКЛА, VII (1901—1902), проток. № 3 от 15 января, прил., стр. 40—43; замечания И. Т. Пославского, стр. 44—48.
- Шишкин В. А.**
1949. Советская археология в Узбекистане и ее роль в развитии исторической науки. Юбилейный сборник, посвященный двадцатипятилетию УзССР. Ташкент, стр. 448—474.
1955. Археология и этнография Средней Азии на Московском совещании в апреле 1955 г. ИАН УзССР, № 8, стр. 99—103.
- Abel Rémusat M.**
1829. Sur quelques peuples du Tibet et de la Boukharie, tiré de l'ouvrage de Ma-touan-lin, et traduit du chinois. Nouveaux mélanges Asiatiques ou recueil de morceaux de critique et de mémoires, t. I. Paris.
- Bailey H. W.**
1954. Madu, a contribution to the history of wine. Silver jubilee volume of the Zinbun Kagaku Kenkyusyo Kyoto University. Kyoto.
- Barthold W.**
1927. Ferghana. Enzyklopadie des Islams, vol. II, livr 19.
- Brosset M.**
1829. Relation du pays de Ta-ouan. Nouveaux Journal Asiatique.
- Castagné I.**
1914. Les monuments cyclopaéens des montagnes du Ferghana. Bull. et Mémoires de la Société d'Anthropologie de, VI serie, t. 5.
- Chavannes E.**
1905. Les pays d'occident d'après de Weillio. T'oung Pao, VI.
- Chavannes E.**
1907. Les pays d'occident d'après le Heou Han Chou. T'oung Pao, VIII.
- De guignes J.**
1756. Histoire générale des Huns, des Turcs, de Mogols et des autres Tartares occidentaux. . . vol. I. Paris.
- de Groot J. J.**
1921. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Erste Teil. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Berlin und Leipzig.
1926. Zweite Teil. Die Westlande Chinas in der vorchristlichen Zeit. Berlin und Leipzig.
- Herzfeld E.**
1928. A new inscription of Darius from Hamadan. Memoirs of the Archaeological Survey of India, № 34, Calcutta.
- Hirth F.**
1899. Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu. Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie den Wissenschaften, vol. II. München.
- Hirth F.**
1917. The story of Chang K'ien, China's pioneer in Western Asia. Journal of the American Oriental Society, vol. XXXVII, pt. 2.
- Tarn W.**
1938. The Greeks in Bactria and India. Second edition, Cambridge, 1951.

II. Список использованной литературы

- Абаев В. И.**
1956. Скифский быт и реформа Зороастра. Archiv orientalni, XXIV. Прага.
- Агеева Е. И., Акишев К. А. и др.**
1960. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата.
- Айтбаев М. Т.**
1957. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. Фрунзе.
- Алиев И.**
1959. История Мидии. Баку.
- Андреев М. С.**
1950. Новые данные по установлению значения слова «Фергана». СТАДЖФАН СССР, вып. 24.
1958. Таджики долины Хуф, т. II. ТАН ТаджССР, 61.
- Анфимов Н. В.**
1951. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, 23.
- Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М. и Романова Е. Н.**
1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C¹⁴). СА, 2.
- Асланов Г. М., Вандов Р. М., Ионе Г. И.**
1959. Древний Мингечаур. (Эпоха неолита и бронзы.) Баку.
- Бартольд В. В.**
1896. Несколько слов об арийской культуре Средней Азии. САВ, июнь.
1917. К вопросу о границах Греко-Бактрийского государства. ЗВОРАО, т. 24.
1924. Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. Хлопковое дело, № 11—12.
- Батраков В. С.**
1947. Отгонное животноводство и пастбищный вопрос в Ферганской долине. Тр. Ин-та экономики АН УзССР, вып. 1.
1955. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства. ТСАГУ, нов. сер., т. LXII, гуманитар. науки, кн. 8.
- Бернштам А. Н.**
1941. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.

1947. Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, № 2.
1948. Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины. КСИИМК, 19.
1949. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI.
1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14.
- Бертельс Е. Э.
1960. История персидско-таджикской литературы. М.
- Бибиков С. Н.
1955. Ранне-трипольское поселение Лука-Врублевская. МИА, 38.
- Брагинский И. С.
1956. Из истории таджикской народной поэзии. М.
- Брюсов А. Я.
1956. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. СА, XXV.
- Бунятов Т. А.
1957. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку.
- Вавилов Н. И.
1959. Земледельческий Афганистан. Избр. труды, т. I. М.—Л.
- Васильев Л. С.
1958. Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии. Вестник истории мировой культуры, № 5.
- Васильковский Н. П.
1957. К стратиграфии четвертичных отложений Восточного Узбекистана. ТКИЧП, XIII.
- Вебер В. Н.
1913. Полезные ископаемые Туркестана. СПб.
- Воеводский М. В. и М. П. Грязнов.
1938. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, № 3.
- Вольфон Ф. И. и др.
1937. Оруденение Южнотаткальских гор. Труды ТПЭ, вып. 74.
- Воробьева М. Г.
1955. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. КСИЭ, 22.
1959. Керамика Хорезма античного периода. ТХАЭЭ, т. IV.
1961. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. ТИЭ, нов. сер., т. 48.
- Воронец М. Э.
1948. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР. ТИИ АН УзССР, т. I.
- Всемирная история.
1955. Всемирная история, т. 1. М.
- Ганялин А. Ф.
1956. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала. ТЮТАКЭ, т. VII.
- Гафуров Б.
1949. История таджикского народа, т. I. Изд. 1-е. М.
1952. История таджикского народа, т. I. Изд. 2-е. М.
1955. История таджикского народа, т. I. Изд. 3-е. М.
- Гинзбург В. В.
1952. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. ТИЭ, нов. сер., т. XVI.
1959. Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы. ТЮТАКЭ, т. IX.
- Гинзбург В. В. и Жиров Е. В.
1949. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. X.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.
1959. Череп эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении. СЭ, 1.
- Глухов А. Н.
1927. Зимнее жилище актюбинских и адаевских казаков. Сб. «Казаки II». Л.
- Городцов В. А.
1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея в Москве за 1914 г. М.
1923. Нижнедунайская культура в Болгарии. Новый Восток, № 14.
- Граков Б. Н. и Мелюкова А. И.
1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М.
- Григорьев В. В.
1867. Греко-бактрийское царство. Журнал Министерства народного просвещения, ч. СХХХVI.
1873. Восточный, или Китайский, Туркестан. СПб.
- Григорьев Г. В.
1940а. Городище Тали-Барзу. Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. II.
1940б. Каунчи-Тепе. Ташкент.
1940в. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент.
- Гришин Ю. С.
1960. Производство в тагарскую эпоху. МИА, 90.
- Громова В. И.
1940. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии (по раскопкам Каунчи-Тепе в 1935 г.). В кн.: Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе.
- Грум-Гржимайло Г. А.
1935. К истории введения культуры винограда в Китае. Архив истории науки и техники, вып. 5.
- Грум-Гржимайло Г. Е.
1926. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.
- Грязнов М. П.
1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки II». Л.
1930. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки III». Л.
1953. Землянки бронзового века близ хут. Ляличева на Дону. КСИИМК, 50.
1956а. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, 48.
1956б. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, 64.
1956в. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. КСИЭ, 24.

1957. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, 26.
- Г у л я м о в Я.
1956. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. ТИИА АН УзССР, т. VIII.
- Д е б е ц Г. Ф.
1948. Палеоантропология СССР. ТИЭ, нов. сер., т. IV, М.—Л.
- Д и н г е л ь ш т е д т Н.
1883. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. СПб.
- Д у р д ы е в Д.
1956. Античные памятники Ташаузской области Туркменской ССР. ТИИАЭ АН ТуркССР, т. II.
- Д ь я к о в о в И. М.
1956. История Мидии. М.—Л.
1960. Рецензия на книгу В. М. Массона «Древнеземледельческая культура Маргианы». МИА, 73, 1959». ВДИ, № 3.
- Д ь я к о в о в М. М.
1954. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX.
1961. Очерк истории древнего Ирана. М.
- Е р ш о в Н. П., К и с л я к о в Н. А., П е щ е р е в а Е. М., Р у с я й к и н а С. П.
1954. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. ТИЭ, нов. сер., т. XXIV.
- З б р у е в а А. В.
1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30.
- З е е с т И. Б.
1948. Земляные зернохранилища Пантыкалея. КСИИМК, 23.
- З и м м а Б. М.
1948. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. ТИЯЛИ КиргФАН СССР, т. II.
- И в а н о в П. П.
1957. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. ТИИ АН КиргССР, т. III.
- И е с с е н А. А.
1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23.
1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII.
1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии».
- И с т о р и я К и р г и з и и.
1956. История Киргизии, т. I. Фрунзе.
- И с т о р и я н а р о д о в У з б е к и с т а н а.
1950. История народов Узбекистана, т. I. Изд. 1-е. Ташкент.
- И с т о р и я У з б е к с к о й С С Р.
И т и н а М. А.
1955. История Узбекской ССР, т. I. Изд. 2-е. Ташкент.
1959. Новые стоянки тазабагыбской культуры. МХЭ, 1.
1960. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры в 1957 г. МХЭ, 4.
- И т с Р. Ф.
1955. Культура Яншао и Луншань и их соотношение. СА, XXIV.
- К а б а н о в С. К.
1950. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. ТИИА АН УзССР, т. II.
- К а л и н и н Н. Ф. и Х а л и к о в А. Х.
1954. Поселения эпохи бронзы в Прикавказском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, 42.
- К а р а с е в А. Н.
1951. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, 37.
- К а с т а л ь с к и й Б. Н. и Т и м о ф е е в Е. М.
1934. Гидростроительство и археология в Средней Азии. Сб. «Вопросы ирригации», № 1.
- К е с ь А. С.
1958. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии. КСИЭ, 30.
- К и б и р о в А.
1959. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953—1955 гг. ТКАЭЭ, т. II.
- К и с е л е в С. В.
1957. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 4.
1960. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 4.
- К н и п о в и ч Т. Н.
1949. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, 28.
- К о ж е м я к о П. Н.
1960. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. ИАН КиргССР, Сер. обществ. наук, т. II.
- К о м а р о в а М. Н.
1952. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24.
- К о п ы л о в И. И.
1955. К вопросу о составе древних бронз Семиречья. УЗ АГПИ, т. IX, сер. гуманитар. наук.
1958. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины. УЗКаз ГПИ, т. XV (3), вып. 3, Сер. обществ.-полит. наук.
- К о р о л е в А. В.
1934. Месторождения меднистых песчаников Науката и некоторые другие месторождения меди в Средней Азии. Тр. Среднеаз. гидрогеод. треста.
- К р и в ц о в а - Г р а к о в а О. А.
1947 (1948). Алексеевское поселение и могильник. ТГИМ, вып. XVII.
1951. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, 21.
1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46.
- К р у п н о в Е. И.
1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- К у з ь м и н а Е. Е.
1958. Могильник Заман-Баба. СЭ, 2.
1961а. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Гос. Эрмитажа. СА, 4.
1961б. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-Кульского клада). ИАН КиргССР, сер. обществ. наук, т. III, вып. 3.
- К у ш н а р е в а К. Х.
1959. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Теле около Агдама. МИА, 67.
- К ы з л а с о в Л. Р.
1960. Таштыкская эпоха. М.

- Лев Д. Н.
1934. К истории горного дела. Тр. Ин-та археологии и этнографии АН СССР, вып. 2.
- Левашева В. П.
1956. Сельское хозяйство. ТГИМ, вып. 32.
- Левашева В. П. и Рыгдылон Э. Р.
1952. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее. КСИИМК, 43.
- Лившиц В. А.
1960. Согдийский посол в Чаче. СЭ, 2.
- Литвинский Б. А.
1958. О древности одного среднеазиатского обычая. КСИЭ, 30.
- Лопатин Г. В.
1957. Строение дельты Аму-Дарьи и история ее формирования. Тр. Лаборатории озероветования АН СССР, т. IV.
- Лыкошин Н. С.
1906. Чаңкуллукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII. Самарканд.
- Маккей Э.
1951. Древнейшая культура долины Инда. М.
- Маллицкий Н. Г.
1945. О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии. ИВГО, вып. 5.
- Манцевич А. П.
1961. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа. Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова.
- Марущенко А. А.
1956. Старый Серахс. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. II.
1959. Елькен-Депе. ТИИАЭ АН ТуркмССР, т. V.
- Массон В. М.
1956а. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. ИАН ТуркмССР, № 2.
1956б. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII.
1956в. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. ТЮТАКЭ, т. VII.
1956г. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ТЮТАКЭ, т. VII.
1957а. Джейтун и Кара-Депе. СА, 1.
1957б. Рецензия на книгу «R. Ghirshman. Village perse-achéménide, 1954» СА, 2.
- Массон М. Е.
1930. Археологические материалы к истории горного дела в Средней Азии. Бюлл. Среднеазиатского геологического разведуправления, № 2.
1936. Из истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка. ТПЭ, 1934. Труды т. ХХХVII. М.—Л.
1947. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент.
- Магрелидзе И. В.
1951. Археологические находки в Дидо. СА, XV.
- Мерцерт Н. Я.
1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61.
- Мольнар Э.
1955. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Studia Historica Acad. Scient. Hungarica, 13.
- Наливкин В.
1886. Краткая история Кокандского ханства. Казань.
- Наследов Б. Н.
1935. Кара-Мазар. Труды ТПЭ, вып. 19.
- Новицкая М. А.
1960. Узорные ткани трипольской культуры. КСИА АН УССР, вып. 10.
- Обельченко О. В.
1956. Кую-Мазарский могильник. ТИИА АН УзССР, т. 8.
- Окладников А. П.
1956. Приморье в I тысячелетии до нашей эры. СА, ХХVI.
- Оразбаев М.
1958. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ТИИАЭ АН КазССР, т. 5.
- Оранский И. М.
1960. Введение в иранскую филологию. М.
- Очерки истории СССР.
1956. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М.
- Ошанин Л. В.
1959. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. ТЮТАКЭ, т. IX.
- Пассек Т. С.
1949. Периодизация трипольских поселений (III—II тысячелетие до н. э.). МИА, 10.
- Пещерева Е. М.
1959. Гончарное производство Средней Азии. ТИЭ, нов. сер., т. XLII.
- Питровский Б. Б.
1956. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. Десятый международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации.
- Пономарев Н. А.
1955. История техники мукомольного и крупяного производства, ч. I. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. М.
- Попов М. Г.
1932. Происхождение таджикского плодородства. Труды ТПЭ, XIII.
- Попова Т. Б.
1955. Племена катакомбной культуры. ТГИМ, вып. 24.
- Рейнгард А. Л.
1934. Четвертично-геологические исследования в Восточной Фергане в 1929—1930 гг. Труды Всесоюз. геол.-развед. объединения, вып. 344.
- Розанов А. Н.
1938. Пески Ферганской долины. Труды Почвенного ин-та, т. XVII.
- Ростовцев М. И.
1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Материалы по археологии России, вып. 37.
- Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П.
1959. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея. СА, 1.

- Рыжков О. А.**
1952. Новейшие тектонические движения на юго-востоке Ферганы, ИАН УзССР, № 6.
1957. Новейшие и современные тектонические движения в Фергане. ТКИЧП, XIII.
- Рыков П. С.**
1936. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I.
- Сальников К. В.**
1951. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21.
1954. Андроновские поселения Зауралья. СА, XX.
1959. Некоторые сведения об эпохе бронзы в южной Башкирии. Башкирский археол. сборник. Уфа.
- Семенов С. А.**
1959. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела-Белой Вежи. МИА, 75.
- Спицын И. В.**
1949. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI.
1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 60.
- Смирнов К. Ф.**
1961. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1.
- Спасская Е. Ю.**
1956. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. УЗАГПИ, XI, сер. обществ.-полит. наук.
1958. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии. УЗАГПИ, XV (3), вып. 2, сер. обществ.-полит. наук.
- Спицын А. А.**
1898. К вопросу о каменных бабах. Материалы по доисторической археологии. Зап. Русского археол. о-ва, т. X, вып. 1—2.
- Стрелков А. С.**
1934. Большой Семиреченский алтарь. Сб. статей С. Ф. Ольденбургу. Л.
- Сухарева О. А.**
1958. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент.
- Тереножкин А. И.**
1940. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. ИУзФАН СССР, № 9.
1950. Согд и Чач. КСИИМК, 33.
1958. Бронзовый псалый с городища Кювели-Гыр в Хорезме. КСИЭ, 30.
- Тихонов Б. Г.**
1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90.
- Толстов С. П.**
1939. Черты общественного строя Восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. История СССР с древнейших времен (макет). Ташкент.
1943. Древняя культура Узбекистана. КСИИМК, 17.
1949. Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, 28.
1952. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук (1945—1948 гг.). ТХАЭЭ, т. I.
1955. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 6.
1957. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 4.
1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХАЭЭ, т. II.
- Толстов С. П. и др.**
1960. Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ, 3, 347 стр.
- Толстов С. П., Итина М. А.**
1960. Проблема суярганской культуры. СА, 1.
- Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А.**
1960. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. МХЭ, 4.
- Томсон Д.**
1953. История древней географии. М.
- Тревер К. В.**
1940. Памятники Греко-бактрийского искусства.
- Трофимова Т. А.**
1949. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. ТИЭ, нов. сер., т. VII.
1957. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма. СЭ, 3.
1959. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. МХЭ, 2.
- Трофимова Т. А., Гинзбург В. В.**
1960 (1961). Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. ТЮТАКЭ, т. X.
- Умняков И. И.**
1952. Некоторые замечания по поводу «Истории народов Узбекистана». Труды УзГУ, нов. сер., № 51.
- Федоров-Давыдов Г. А.**
1958. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV—XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче. ТХАЭЭ, т. II.
- Федорова-Давыдова Э. А.**
1960. Андроновские погребения XV—XIII вв. до н. э. ТГИМ, вып. 37.
- Формозов А. А.**
1951а. Археологические памятники в районе Орска. КСИИМК, 36.
1951б. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, 39.
- Фосс М. Е.**
1938. Погребения на стоянке Кубенино. ТГИМ, вып. 8.
- Ханенко Б. И. и В. И.**
1900. Древности Приднепровья, вып. III, ч. II. Киев.
- Хуан Вэнь-би.**
1933. Гаочанская керамика. Материалы Северо-Западной научно-исследовательской экспедиции 1930—1931 гг. Хэбэй (на кит. яз.).
- Цалкин В. И.**
1952. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. ТХАЭЭ, т. I.
1958. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, 61.

- Чайлд Гордон.**
1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Черников С. С.**
1949. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
1951. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV.
1956. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции КСИИМК, 64.
1957. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. КСИЭ, 26.
1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88.
- Чернецов В. Н.**
1953. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35.
- Чубинишвили Т. Н., Тотшвили Т. И., Гамбашидзе О. С.**
1957. Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети — Джавахети). СА, 4.
- Шведова Е. М.**
1960. Спориво-пыльцевые комплексы четвертичных отложений Западной Ферганы и Южного Приаралья. УЗ. Среднеаз. научно-исследоват. ин-та геологии и минерального сырья, вып. 4.
- Шилов В. П.**
1959. Калиновский курганный могильник. МИА, 60.
- Шитников А. В.**
1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. Зап. Геогр. о-ва СССР, т. 16.
1961. Динамика водных ресурсов бассейна Арала в свете его климатических трансгрессий. Тр. Лаборатории озероведения АН СССР, т. XIV.
- Штигельман Ф. М.**
1956. Поселения античного периода на побережье Бургского лимана. МИА, 50.
- Якубцинер М. М.**
1956. К истории культуры пшеницы в СССР. Материалы по истории земледелия СССР, т. II.
- Agrawala V. S.**
1953. India as known to Panini. University of Lucknow.
- Altheim F.**
1947. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Halle (Salle).
- Andersson J.**
1943. Researches into the prehistory of the Chinese. BMFEA, № 15.
1947. The site of Yang Shao Tsun. BMFEA, № 19.
- Arne T. I.**
1945. Excavations at Shah Tepe, Iran. The Sino-Swedish expedition, VII. Archaeology, 5, public. 27.
- Bapst G.**
1885. Revue archéologique, III série, t. V.
- Beal S.**
1884. Si-yu-ki. Buddhist records of the Western World.
- Béla Posta.**
1905. Archaeologische Studien auf Russischen Boden.
- Bergman F.**
1939. Archaeological researches in Sinkiang. Especially the Lop-Nor region. The Sino-Swedish expedition, VII. Archaeology, 1, public. 7.
- Caru M.**
1956. Maes, Qui et Titianus. The classical quarterly. N. S., vol. VI, № 3—4.
- Childs, V. Gordon.**
1936. The axes from Maikop and Caucasian Metallurgy. Annals of Archaeology and Anthropology University of Liverpool, XXIII, № 3—4.
- Deydier H.**
1950. Contribution a l'étude de l'art du Gandara. Essai de bibliographie analitique et critique des ouvrages parus de 1922 à 1949. Paris.
- Duerst H.**
1908. Animal remains from the excavations at Anau. В кн.: R. P. M. Pelly. Explorations in Turkestan, vol. 2.
- Dupree J.**
1958. Shamshir Ghar: historic cave site in Kandahar province, Afghanistan. Anthropological papers of the American Museum of Natural History, vol. 46, p. 2. New York.
- Fernald H.**
1959. Chinese art and the Wu-sun Horse. Annual art and archeology division the Royal Ontario Museum. Toronto.
- Füchs W.**
1938. Huei-Ch'aos Pilgerreise durch Nord-west Indien und Zentral Asien un 726. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin.
- Geiger W.**
1892. Ostiranische Kultur in Altertum. Erlangen.
- Gershevitch J.**
1959. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge.
- Ghirshman R.**
1939. Fouilles de Siak, près de Kashan 1933, 1934, 1935. Paris.
1946. Begram: recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. MDAFA, t. XII. Caire.
1954. Village perse-achéménide. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, t. XXXVI. Paris.
1959. Recherches préhistoriques dans la partie Afghane du Seistan. MDAFA, t. VIII.
- Gode P. K.**
1953. Studies in the history of Indian plants — history of Fenugreek and Alfalfa (Lucerne) in India and other countries (between B. C. 700 and a. d. 1800). Annals Bhandarkar Oriental Research Institute, XXXIII. Poona.
- Herrmann A.**
1939. Das Lande der Seide und Tibet in Lichte der antike. Quellen und Forschungen zur Geschichte des Geographie und Volkerkunde. Bd. I.

- Herzfeld E.
1929. Zarathustra. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, vol. 1—2.
1933. *Sakastan. Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, vol. 4.
- Inner Mongolia...
1935. Inner Mongolia and the region of the Great Wall. *Archaeologia Orientalis. Ser. B.*, vol. I. Tokyo—Kyoto.
- Junge J.
1942. *Orthokorybantier. Pauly-Wissowa Realencyclopädie*.
- Koşay Hâmit Z.
1951. Les Fouilles d'Alaca Höyük. *Türk Tarih Kurumu Yayınlarından*, V ser., № 5.
- Lal B. B.
1955. Excavation at Hastinâpura and other explorations in the Upper Ganga and Sutlej basins 1950—52: New light on the dark age between the end of the Harappa culture and the early historical period. *Ancient India*, № 10—11.
- Lauffer B.
1919. *Sino-Iranica. Chinese contributions to the history of civilization in Ancient Iran*. Chicago.
- Li Chi.
1929. Preliminary Reports of Excavations at Anyang. *Academica Sinica*, p. II. Peiping.
1956. Chêng-tzu-yai. The Black pottery culture site at Lung-Shan-chên in Li-ch'eng-hsien. Shantung province. Yale University. Publ. in *anthrop.*, № 52.
- Mackay E.
1943. Chanhu-Daro. Excavations 1935—36. *American oriental series*, vol. 20.
- McCown D.
1954. The Relative Stratigraphy and Chronology of Iran. В сб.: «Relative chronologies in Old World archaeology».
- Majumdar N. C.
1934. Explorations in Sind. *Mémoires of the Archaeological Survey of India*, № 48.
- Marquart J.
1901. Eransahr nach der Geographie des Pseudo Moses Xorenaci. *Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil-hist. klasse. N. F.*, Bd. III, n° 2. Berlin.
- Mu-Yang-Ch'eng.
1931. Han and Pre-Han sites at the Fort of mount Lao-t'ieh in South Manchuria. *Archaeologia. Orientalis*, vol. II.
- Olmstead A. T.
1948. *History of the Persian Empire (Achaemenid period)*. Chicago.
- Piggott S.
1947—1948. Notes on certain metal pins and a mace-head in the Harappa culture. *Ancient India*, № 4.
- Pumpelly R.
1908. Explorations in Turkestan. *Expedition of 1904*, vol. I.
- Riesch L. C. and Horton D.
1937. Technological analyses of objects from Tepe Hissar. В кн.: E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Damghan.
- Sankalia H. D.
1955. Spouted vessels from Navdâ Toli and Iran. *Antiquity*, vol. XXIX.
- Sankalia H. D., Deo S. B.
1955. Report on the excavations at Nasik and Jorwe. 1950—51. *Deccan College Monograph series*, № 13. Poona.
- Sankalia H. D., Subbarao B., Deo S. B.
1958. The Excavations at Maheshwar and Navdatoli 1952—53. *The Deccan College Research Institute and M. S. University Public.* № 1. Poona. Baroda.
- Sankalia H. D., Deo S. B., Ansari Z. D., Ehrhardt S.
1960. From History to Pre-history at Nevasa (1954—56). Department of archaeology and ancient Indian history, Deccan College University of Poona. Publ. № 1. Poona.
- Sarre F. und Herzfeld E.
1910. *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und untersuchungen von Denkmälern aus alt und Mittelpersischer Zeit*. Berlin.
- Schaefer C.
1948. *Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*.
- Schmidt E.
1903. Tepe Hissar excavations 1931. *Museum Journal*, XXIII.
1937. Excavations at Tepe Hissar. Damghan. The University Museum Philadelphia.
- Schmidt H.
1908. Archaeological excavations in Anau and Old Merv. В кн.: R. P. Pumpelly. *Explorations in Turkestan*, vol. I.
- Shiratori K.
1957. On the Ts'ung-ling traffic route described by C. Ptolemaeus. *Memoirs of the research department of the Toyo Bunko (The Oriental library)*, 16. Tokyo.
- Stephani Byzantii.
1839. *Enikon*. ed. A. Westermann.
- Takeshi Sekino.
1956. On the Black and Grey Pottery of Ancient China. *Proceedings of the 4 Far-Eastern prehistory and the anthrop. division of the 8 Pacific science congresses combined*.
- Tallgren A. M.
1911. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord und Ostrussland. Helsingfors.
1917. *Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hadman a Vasa (Chapitre d'archéologie Siberienne)*. Helsingfors.
- Teilhard de Chardin P. and C. C. Young.
1932. On Some Neolithic (and Possibly Palaeolithic) Finds in Mongolia, Sinkiang and West China. *Bull. Geological Society of China*, XII, № 1.
- Vanden Berghe L.
1959. *Archéologie de l'Irân ancien*. Leiden.
- Waley A.
1955. The Heavenly horses of Ferghana. *A new view. History today*, vol. V, № 2.
- Ward L.
1954. The Relative chronology of China through the Han period. В сб.: «Relative chronologies in Old World archaeology». Chicago.
- West E.
1880. Pahlavi text, part. I. The Bundahiş, Bahman Yaşt and Shâyast la shâyast. *The Sacred books of the East*, vol. V.

- Wheeler R. E.
1947. Harappa 1946: The Defences and cemetery R37. *Ancient India*, № 3.
- Wu G. D.
1938. *Prehistoric pottery in China*. London.
- ДОПОЛНЕНИЕ
- Баруздин Ю. Д.
1962. Находки на юге Киргизии. Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.). Сборник статей. Фрунзе, стр. 11—13.
- Баруздин Ю. Д. и Беленицкий А. М.
1961. Бронзовая пластинка из Кара-Булакского могильника. *КСИА АН СССР*, 86, стр. 21—27.
- Баруздин Ю. Д. и Подольский А. Г.
1961. Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. *КСИА АН СССР*, 85, стр. 127—130.
- Заднепровский Ю. А.
1961. Дальверзинское поселение (раскопки 1959 г.). *КСИА АН СССР*, 86, стр. 43—54.
1962. Некоторые итоги изучения Дальверзинского поселения (1956—1960). *Обществ. науки в Узбекистане*, № 1, стр. 48—57.
- Зезенкова В. Я.
1961. Антропологическая характеристика черепов из древних погребений Богджая. *История материальной культуры Узбекистана*, вып. 2, стр. 296—301.
- Литвинский Б. А. и Ранов В. А.
1961. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. *ТИИ АН ТаджССР*, XXXI, стр. 30—49.
- Мандельштам А. М. (рец.).
1959. K. Shiratori. *On the Ts'ung-ling traffic route...* 1957. *Проблемы востоковедения*, 2, стр. 233—234.
- Салтовская Е. Д.
1961. О раскопках античных поселений в районе Ашта. *ТИИ АН ТаджССР*, XXXI, стр. 163—166.
- Yettis P.
1934. *The Horse: a factor in early Chinese history. Eurasia Septentrionalis Antiqua*, t. IX.
- Zakharov A.
1933. *Material for the archaeology of the Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. Swiatowit*, XV.
-

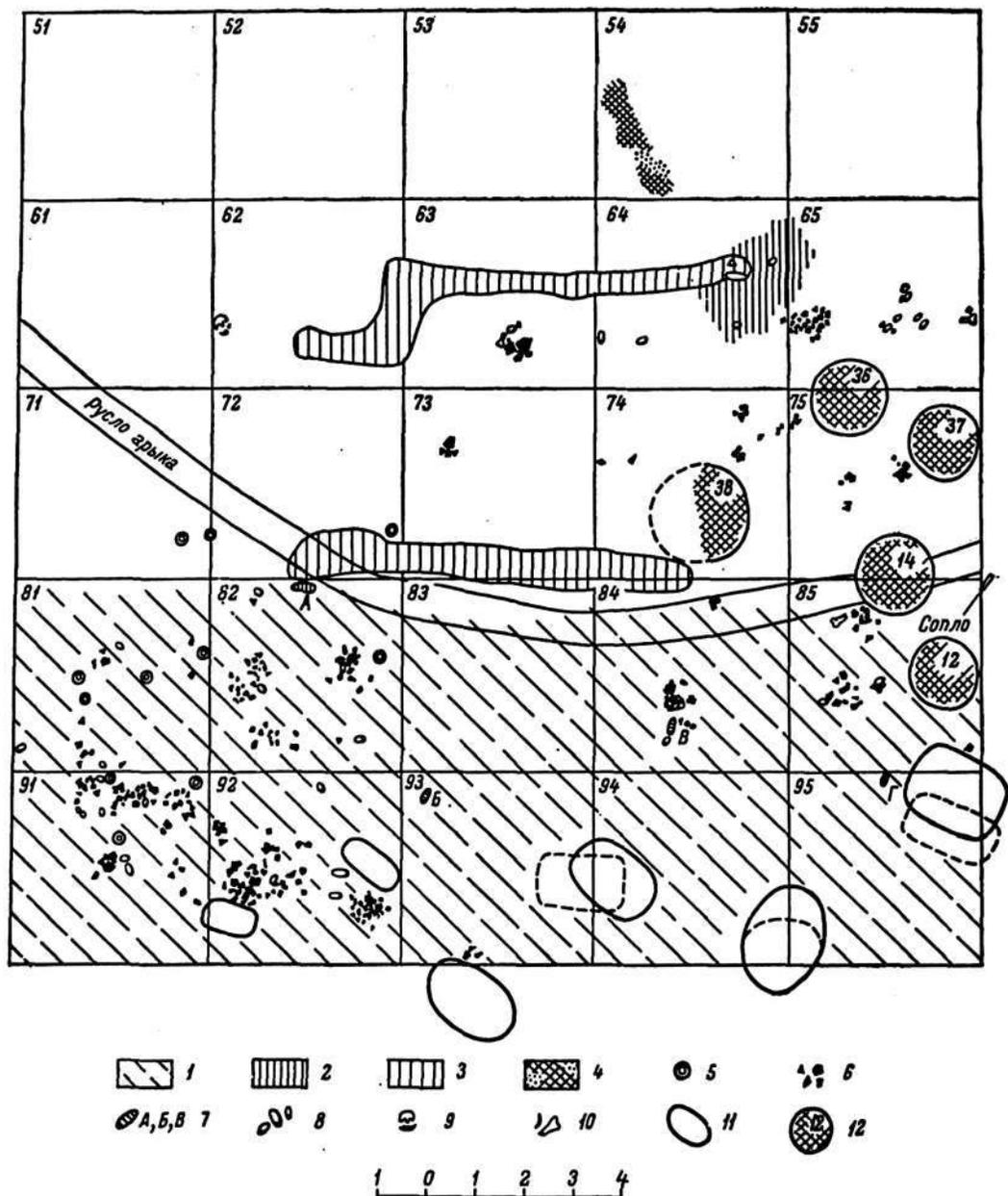

Табл. III. План верхнего горизонта участка В раскопа I.

1 — глинобитная платформа (пол); 2 — глинобитный пол; 3 — глинобитные стены (?); 4 — очажное пятно; 5 — ямки с песком; 6 — керамика; 7 — зернотерка; 8 — камни; 9 — кости черепа человека; 10 — кости животных; 11 — яма скотомогильника; 12 — яма верхнего горизонта.

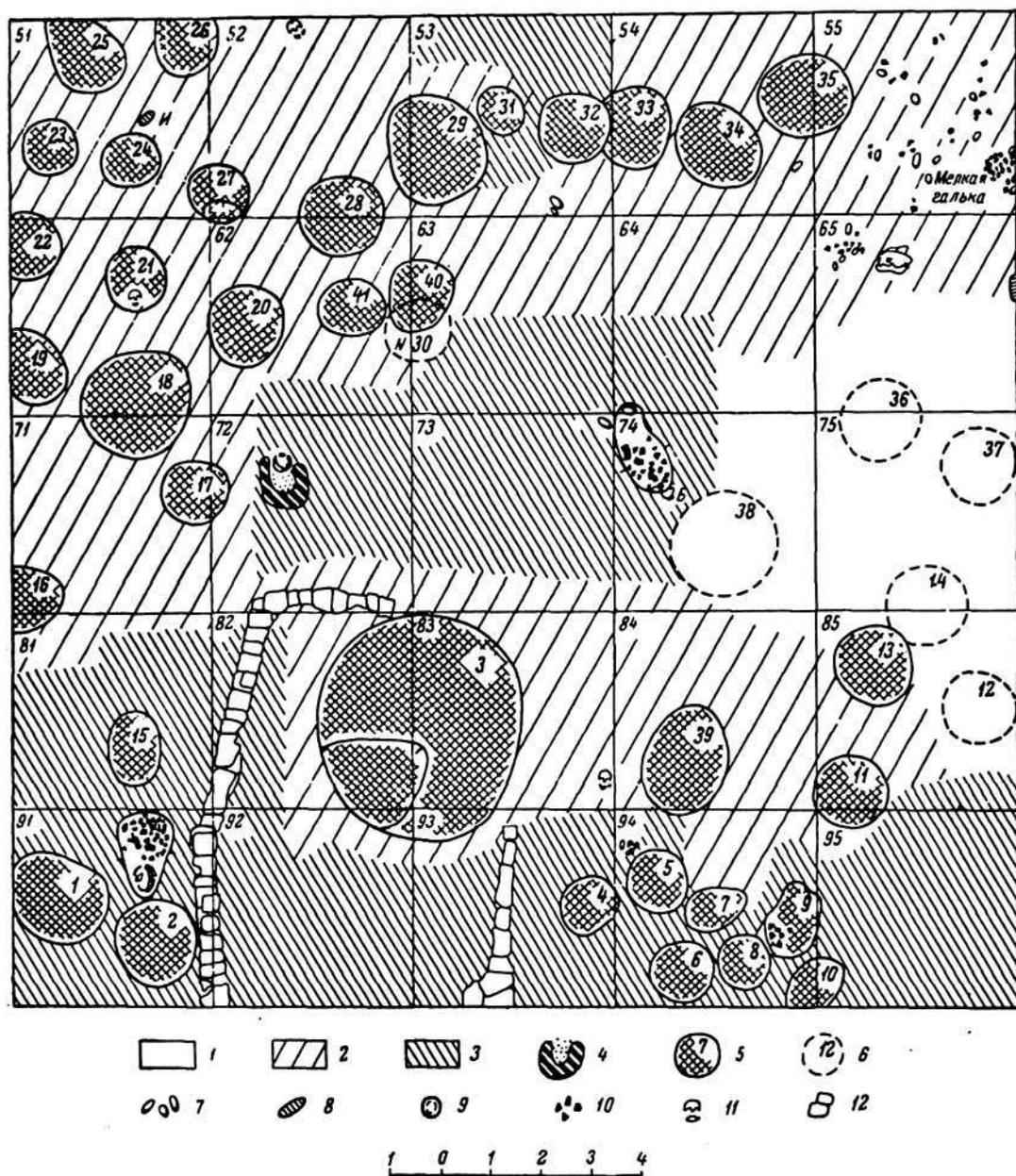

Табл. IV. План среднего горизонта участка В раскопа I.

1 — пол на глубине 70 см; 2 — пол на глубине 100—120 см; 3 — пол на глубине 120 см; 4 — очаг; 5 — яма среднего горизонта; 6 — яма верхнего горизонта; 7 — камни; 8 — зернотерка; 9 — сосуд; 10 — скопление керамики; 11 — кости черепа человека; 12 — сырцовый кирпич.

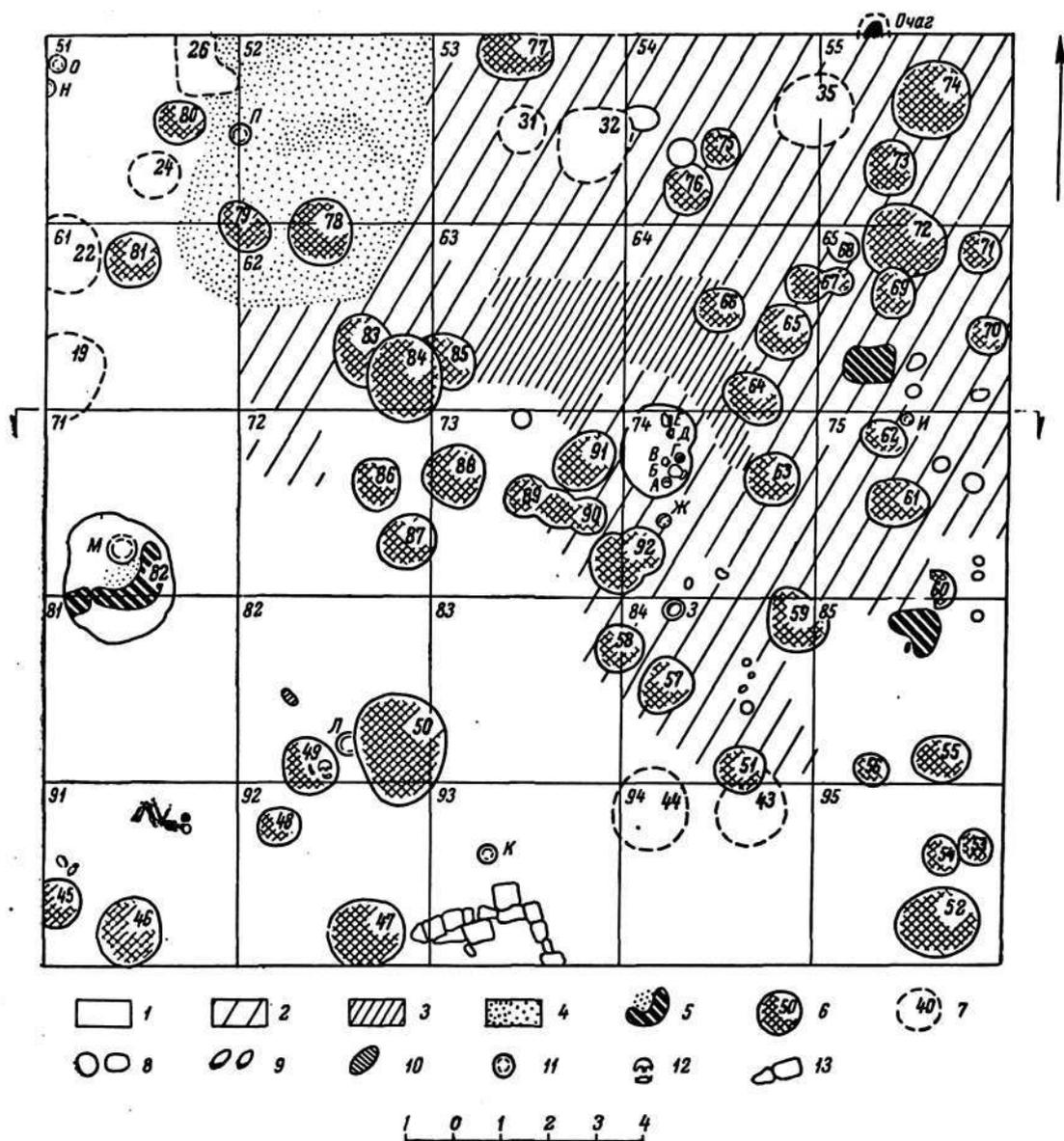

Табл. V. План нижнего горизонта участка В раскопа I.

1 — пол на глубине 170—210 см; 2 — пол на глубине 160 см; 3 — пол на глубине 120 см; 4 — зольный участок; 5 — очаг; 6 — яма нижнего горизонта; 7 — яма среднего горизонта; 8 — ямки; 9 — камни; 10 — зернотерка; 11 — сосуд; 12 — кости черепа человека; 13 — сырцовый кирпич.

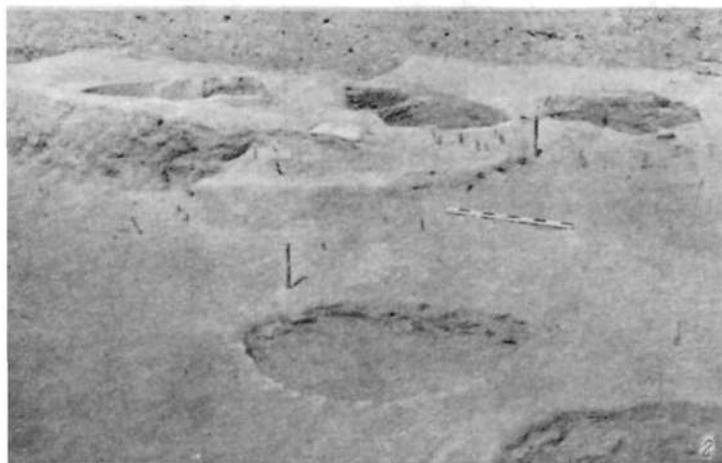

Табл. VI. Дальверзин.

1 — сырцовая кладка в верхнем горизонте; 2 — пол и яма верхнего горизонта; 3 — помещение среднего горизонта; 4 — поды с ямами среднего и нижнего горизонтов.

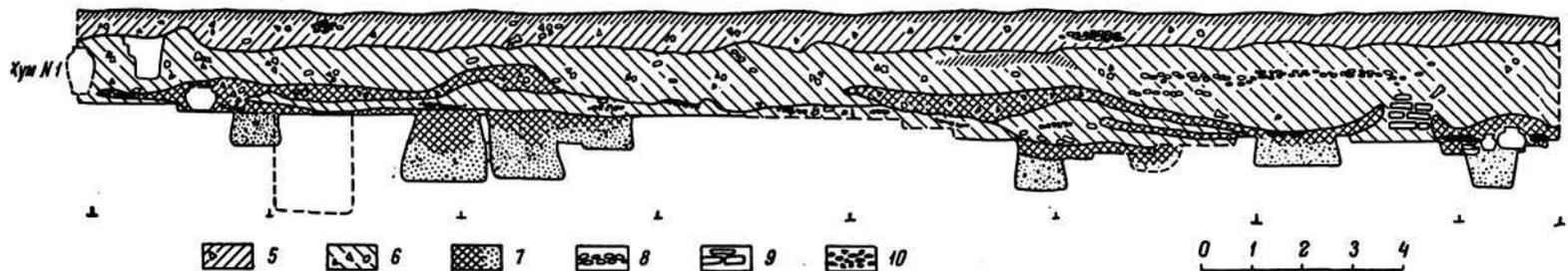
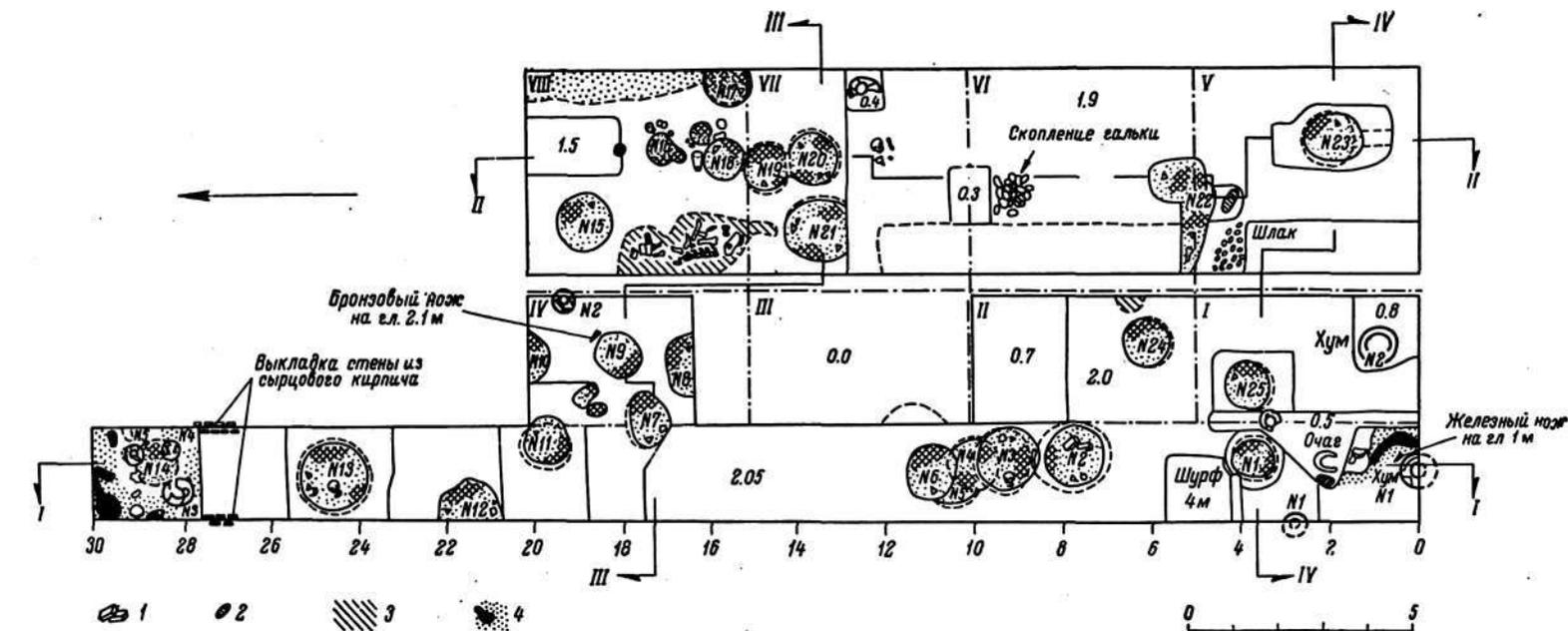

Табл. VIIa. План и разрез участка А. Раскоп I.

1 — сырцовый кирпич; 2 — верпотерна; 3 — очажное пятно; 4 — зольно-угольный участок; 5 — лёссовидный суглинок с отдельными находками; 6 — культурный слой; 7 — зольные прослойки; 8 — галечная прослойка; 9 — кирпичи; 10 — угли.

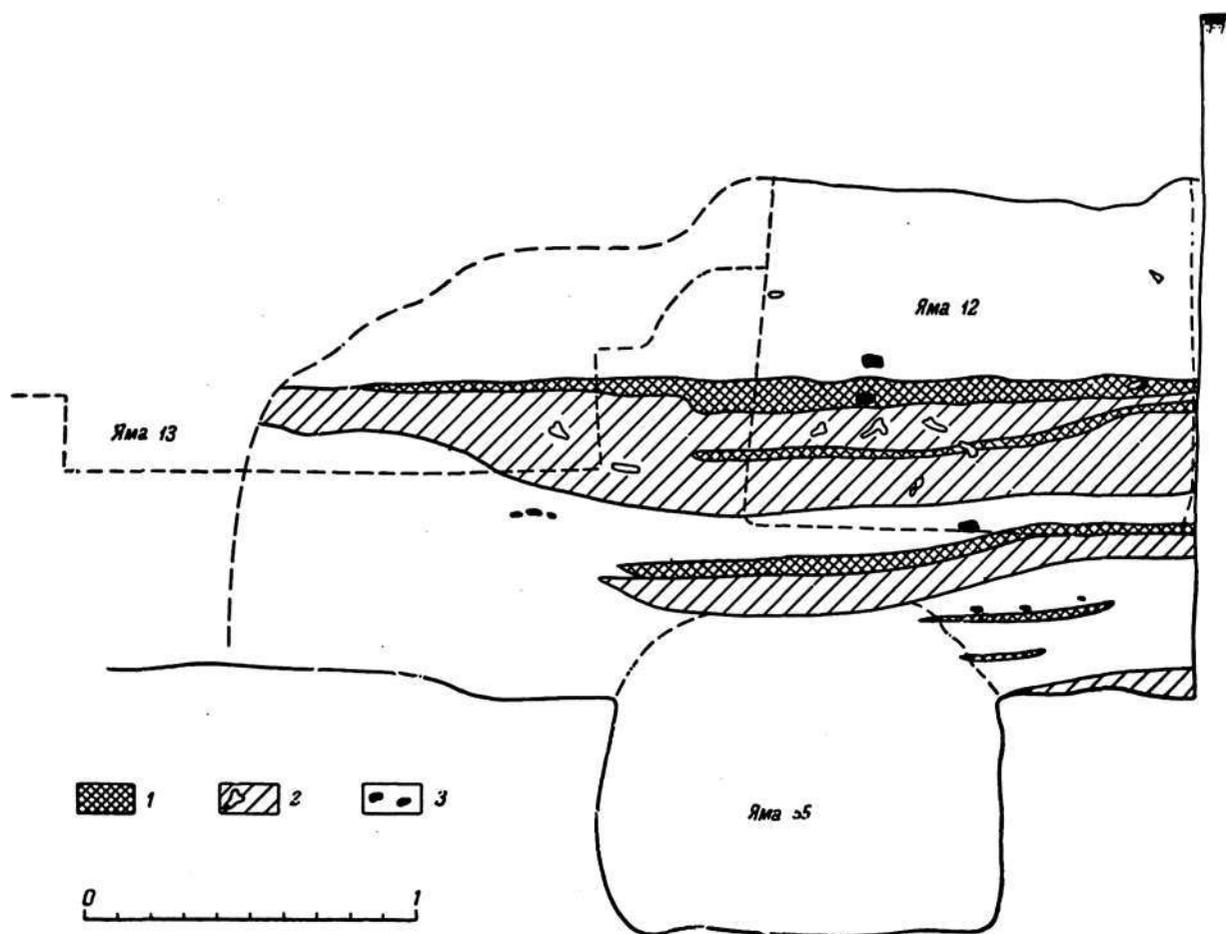

Табл. VIIб. Разрез участка В. Раскоп I.

1 — вольный слой; 2 — культурный слой; 3 — обожженный лёсс.

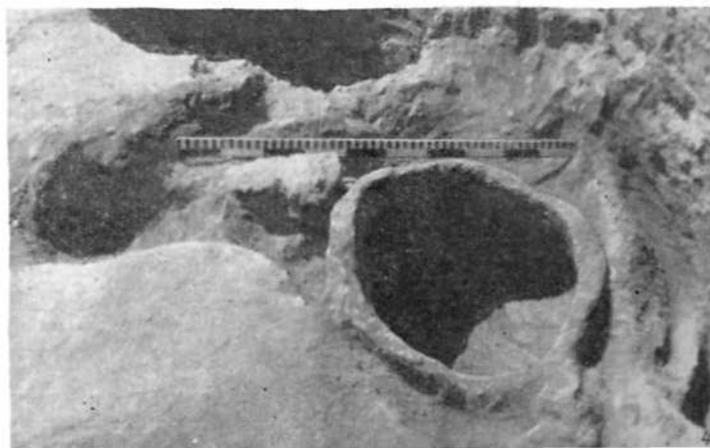
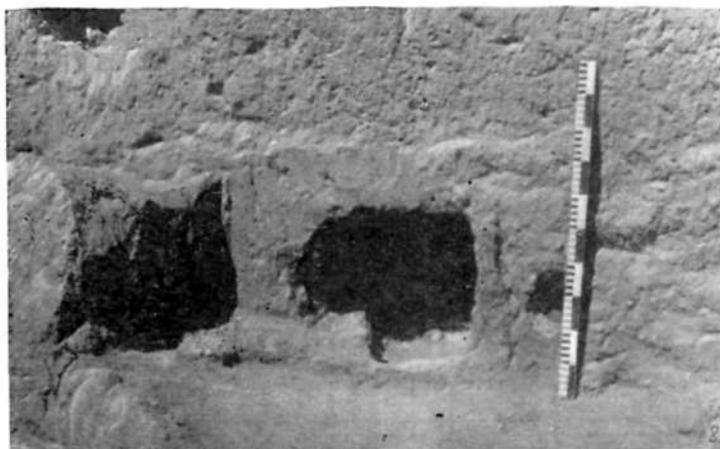
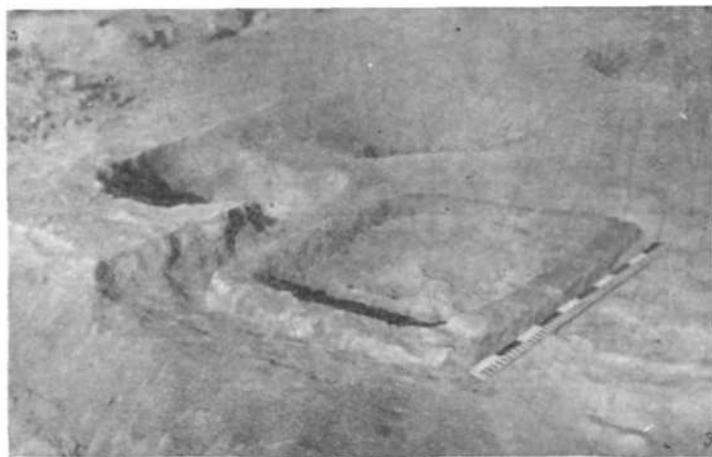

Табл. VIII. Дальверзин.

1 — очаг из камней; 2 — прямоугольный очаг; 3 — очаг в стенке раскопа; 4 — зеленый «цилиндр» из глины.

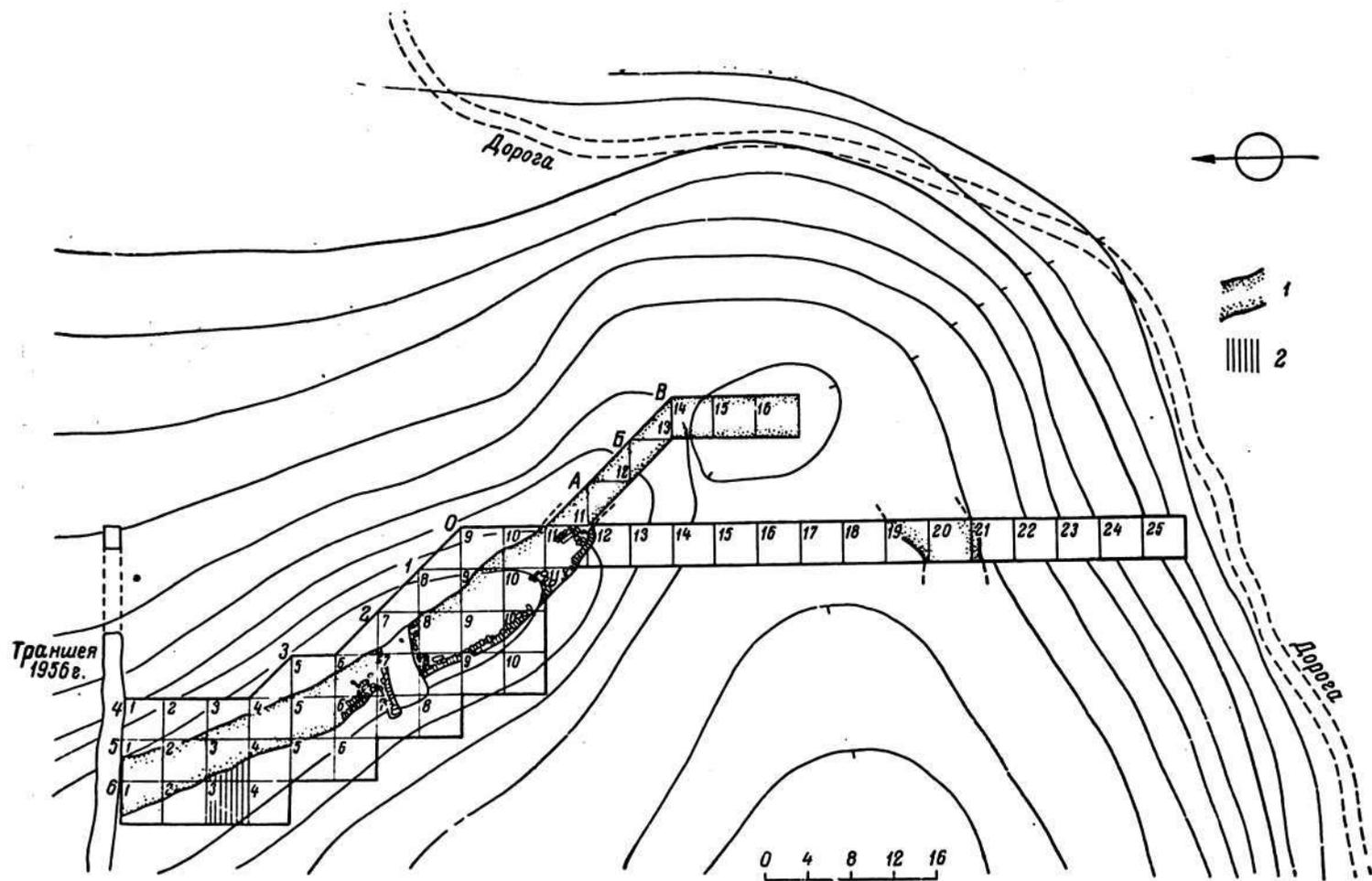

Табл. IX. Дальверзин. План участка Р первой оборонительной стены.

1 — стена; 2 — шурф.

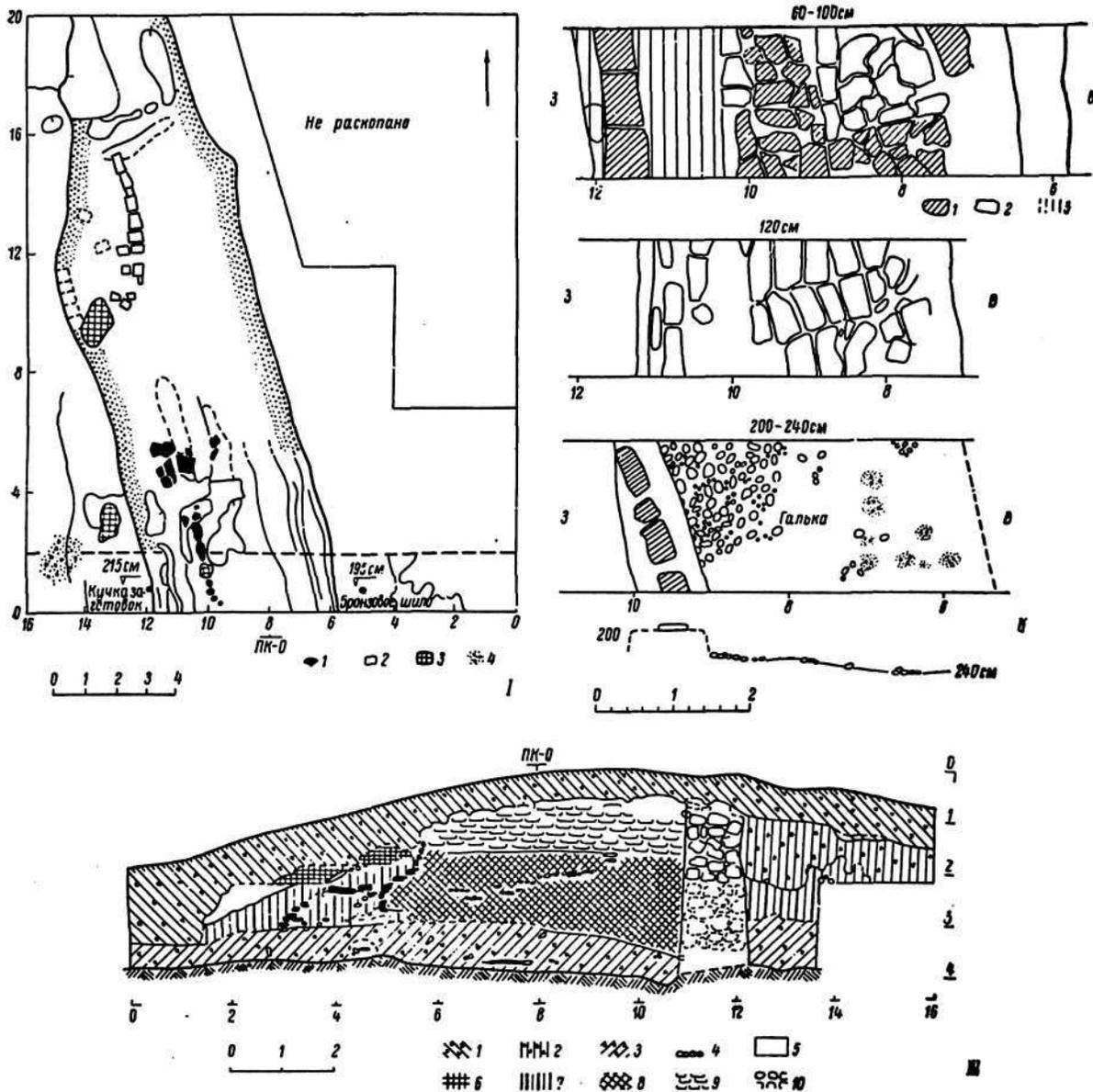

Табл. X. План (I, II) и разрез (III) участка Т первой оборонительной стены.

I. 1 — черный кирпич; 2 — желтоватый кирпич; 3 — беловатый оплыв; 4 — зольное пятно. II. 1 — 60 см; 2 — 80 см; 3 — 110 см. III. 1 — верхний культурный слой; 2 — средний культурный слой; 3 — нижний культурный слой; 4 — галька; 5 — беловатый оплыв; 6 — глинистый слой; 7 — разрушенный кирпич; 8 — черная земля; 9 — сыровый кирпич; 10 — гуваляк.

Табл. XI. Оборонительная стена Дальвержна.
1 — граншея С; 2 — траншея на участке Т; 3 — кладка из кирпичей; 4 — зеленые кирпичи и галька в основании стены.

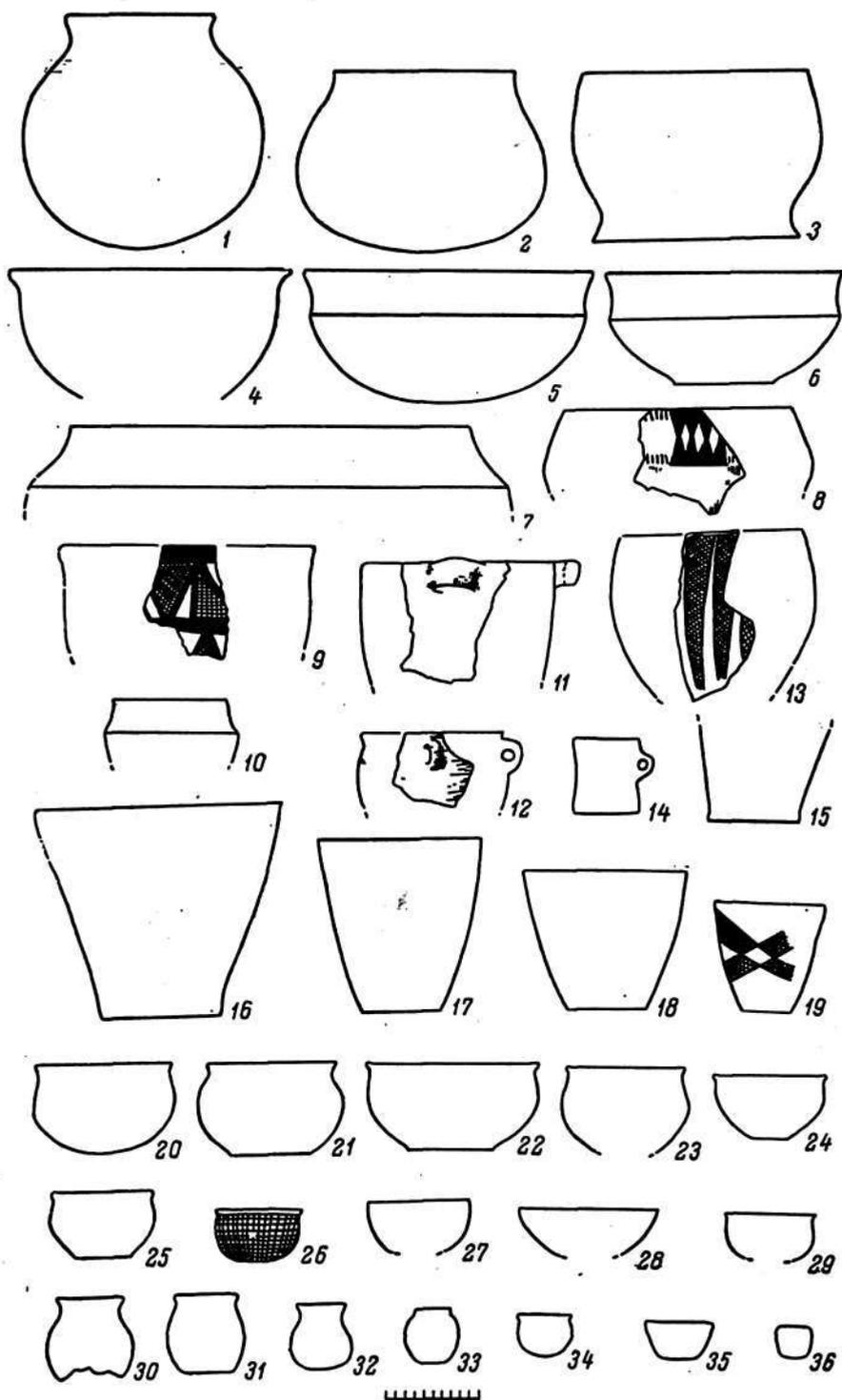

Табл. XII. Основные формы керамики Дальверпанна.

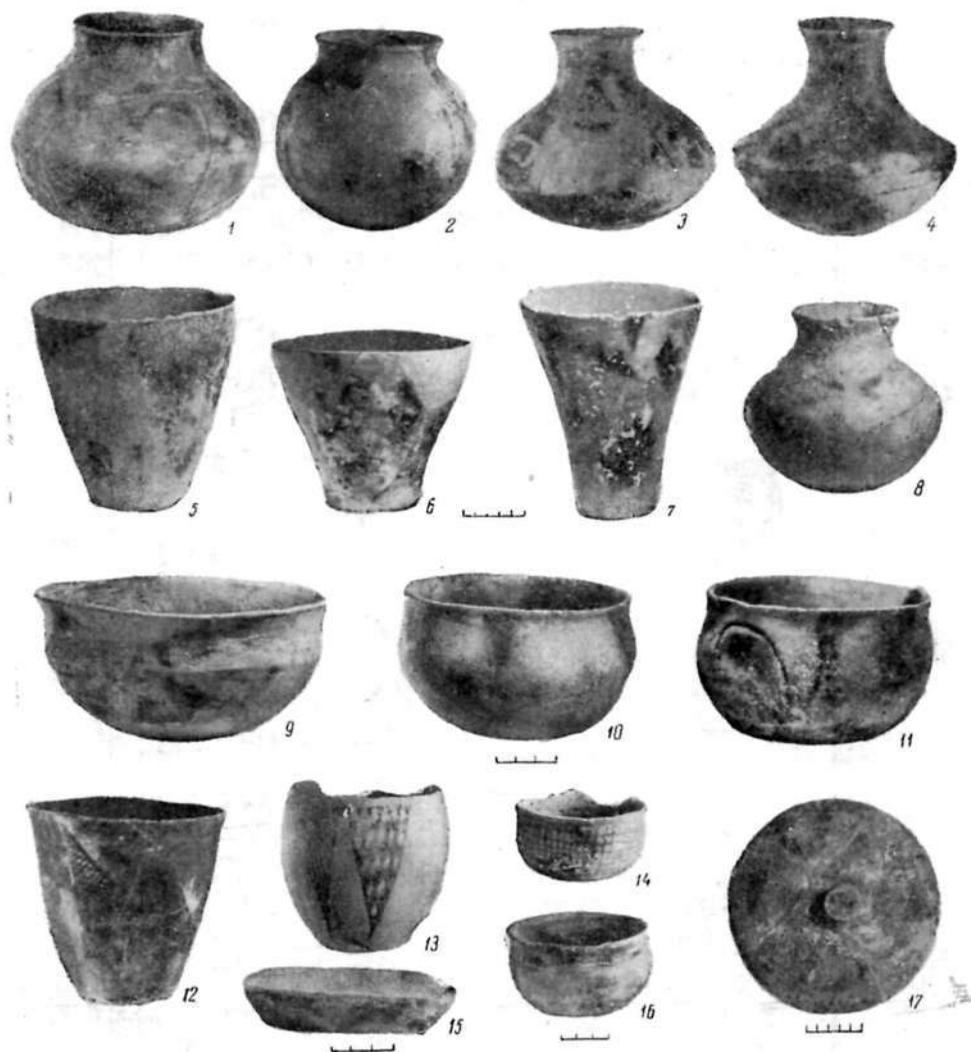

Табл. XIII. Дальверзин. Основные формы посуды.

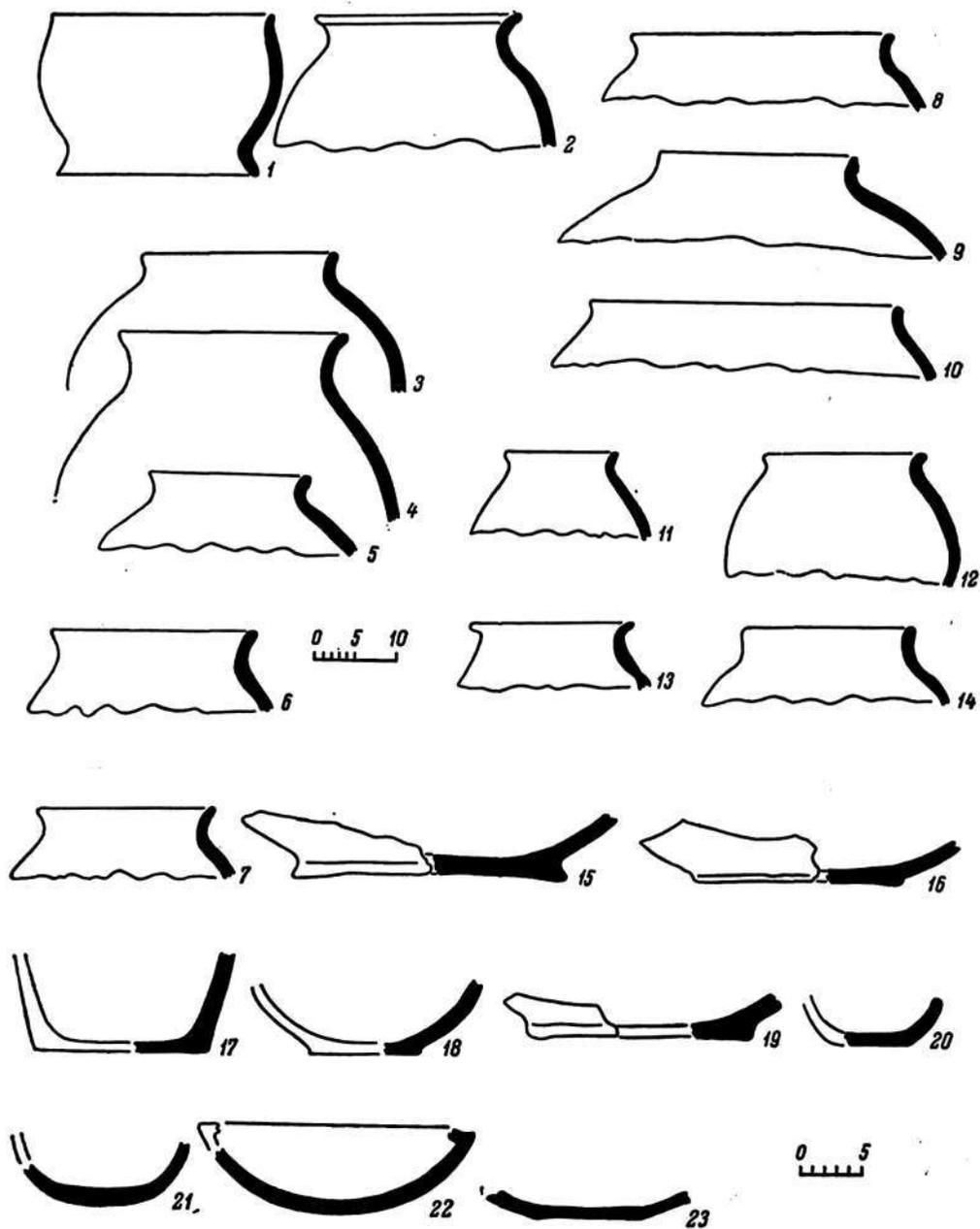

Табл. XIV. Дальверзин. Корчаги (1—14) и разновидности доньев (15—23).

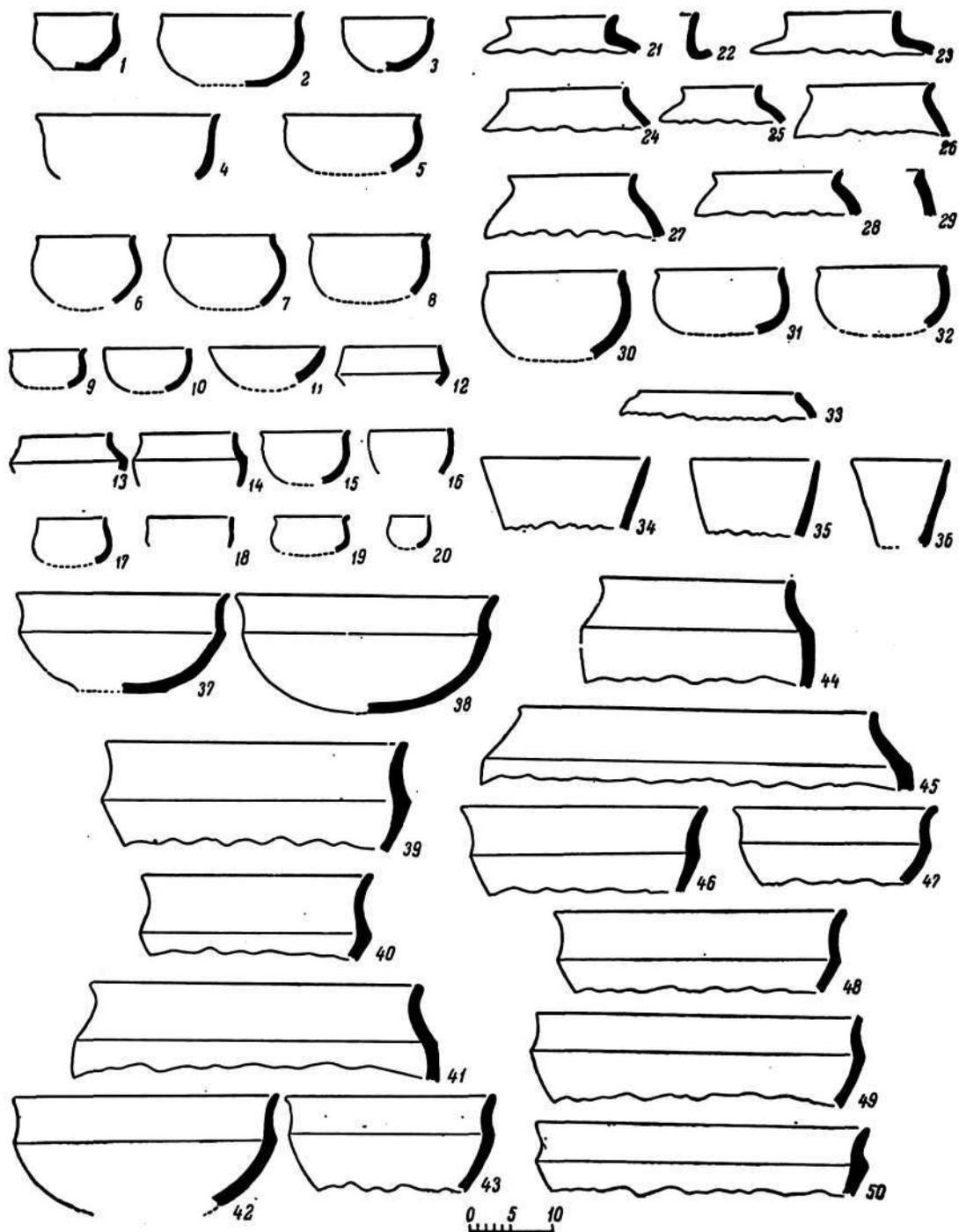

Табл. XV. Дальверзин. Миски, горшки и чаши.

1—20, 30—33 — чаши; 21—29, 34—36 — горшки; 37—50 — миски.

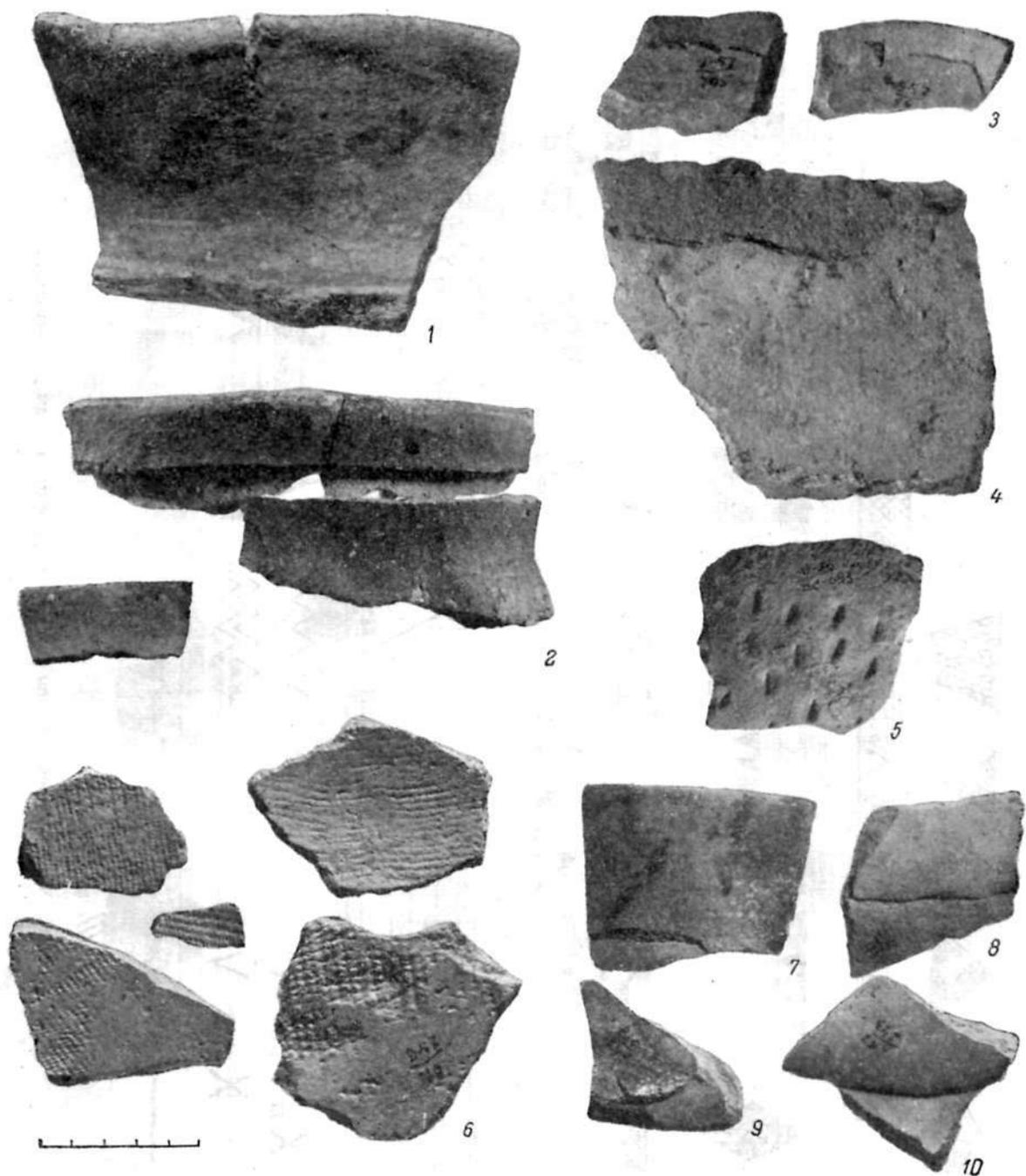

Табл. XVI. Материалы по технике гончарного производства.

1 — фрагмент с разрывом венчика при обжиге; 2—4, 7—10 — фрагменты сосудов с полосками глины; 5 — фрагмент с ямочно-пуповидным орнаментом; 6 — полузатертые отпечатки тканей.

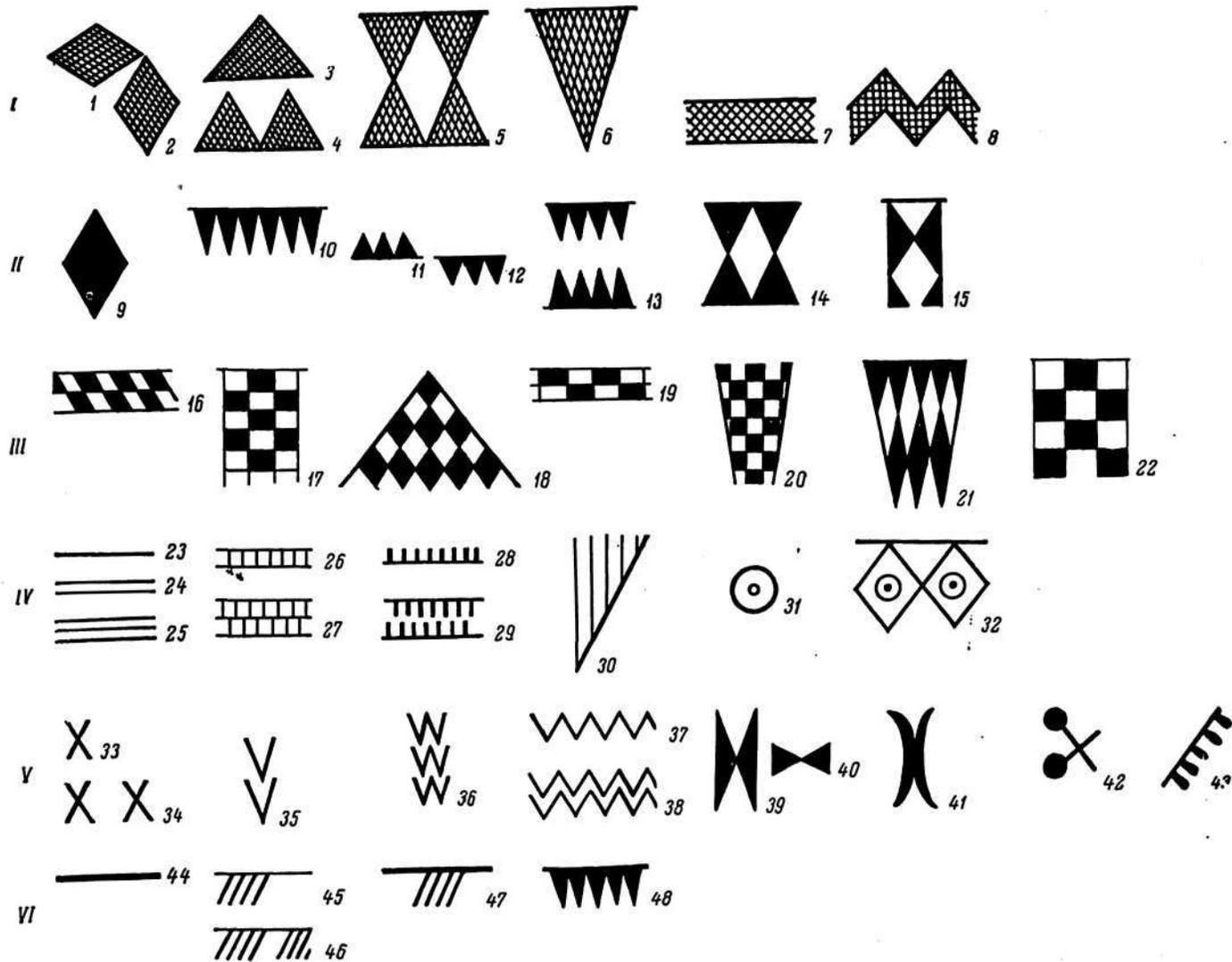

Табл. XVII. Основные мотивы расписного орнамента посуды Дальверзипа.

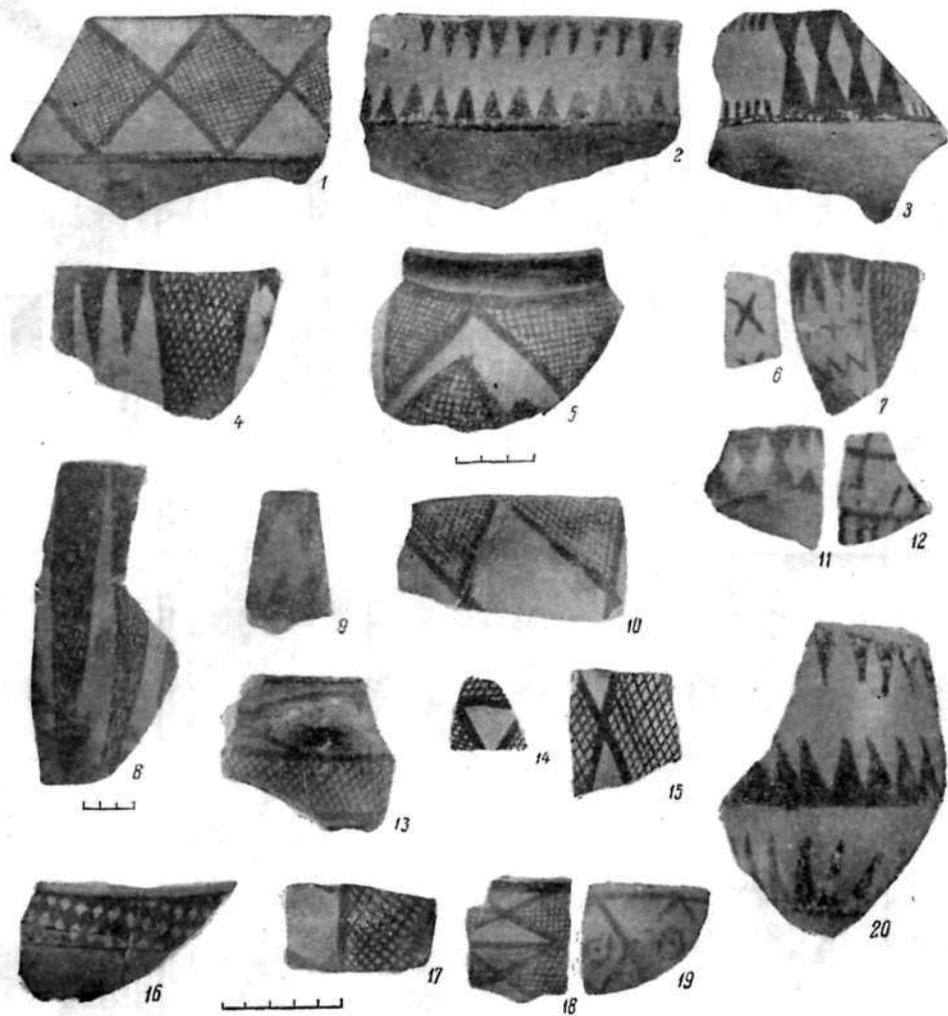

Табл. XVIII. Образцы расписной керамики Дальверзина.

Табл. XIX. Дальверьян. Сосуды с ручками и носиком-сливом.

1, 2, 17, 18, 22 — сосуды с носиком-сливом; 3-7, 9-16, 19, 21 — сосуды с ручками; 8 — фрагмент подставки; 20 — ножка-подставка.

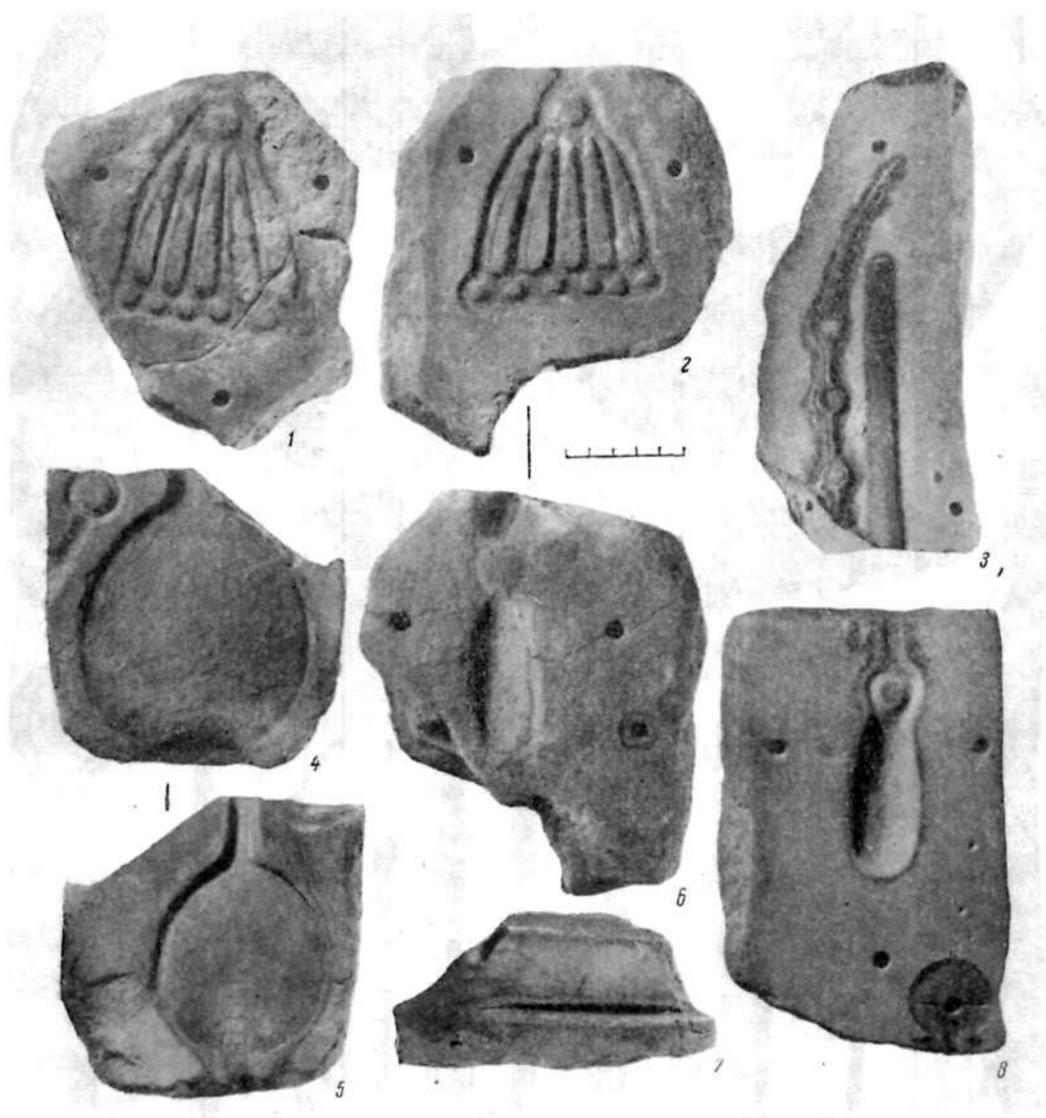

Табл. XX. Дальверзин. Литейные формы.

1, 2 — украшения; 3 — псалий; 4, 5 — зеркало; 6—8 — предметы неопределенной формы.

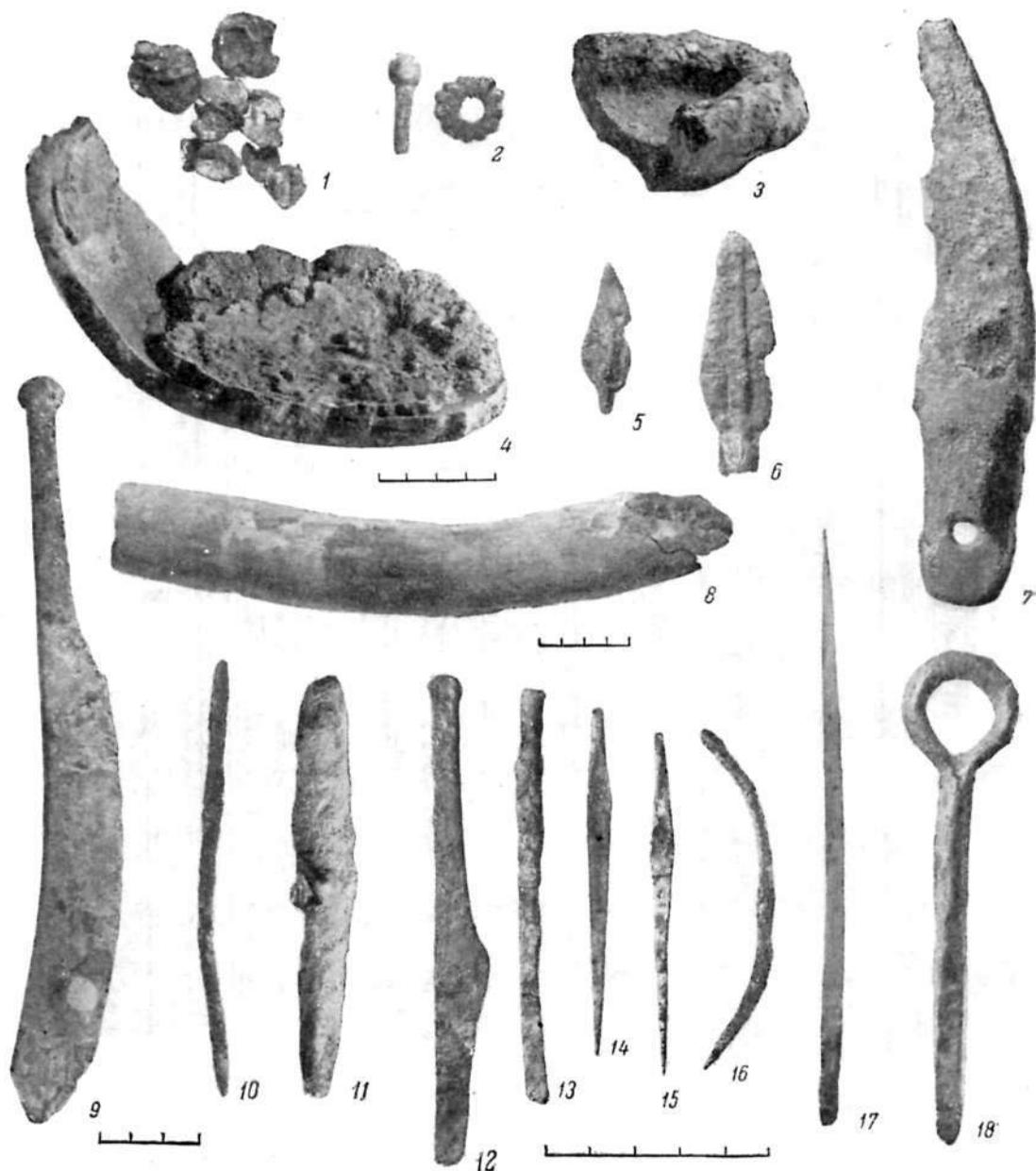

Табл. XXI. Дальверзин. Сосуд с остатком металла (4), тигель (3), сопло (8) и бронзовые изделия (1, 2, 5-7, 9-18).

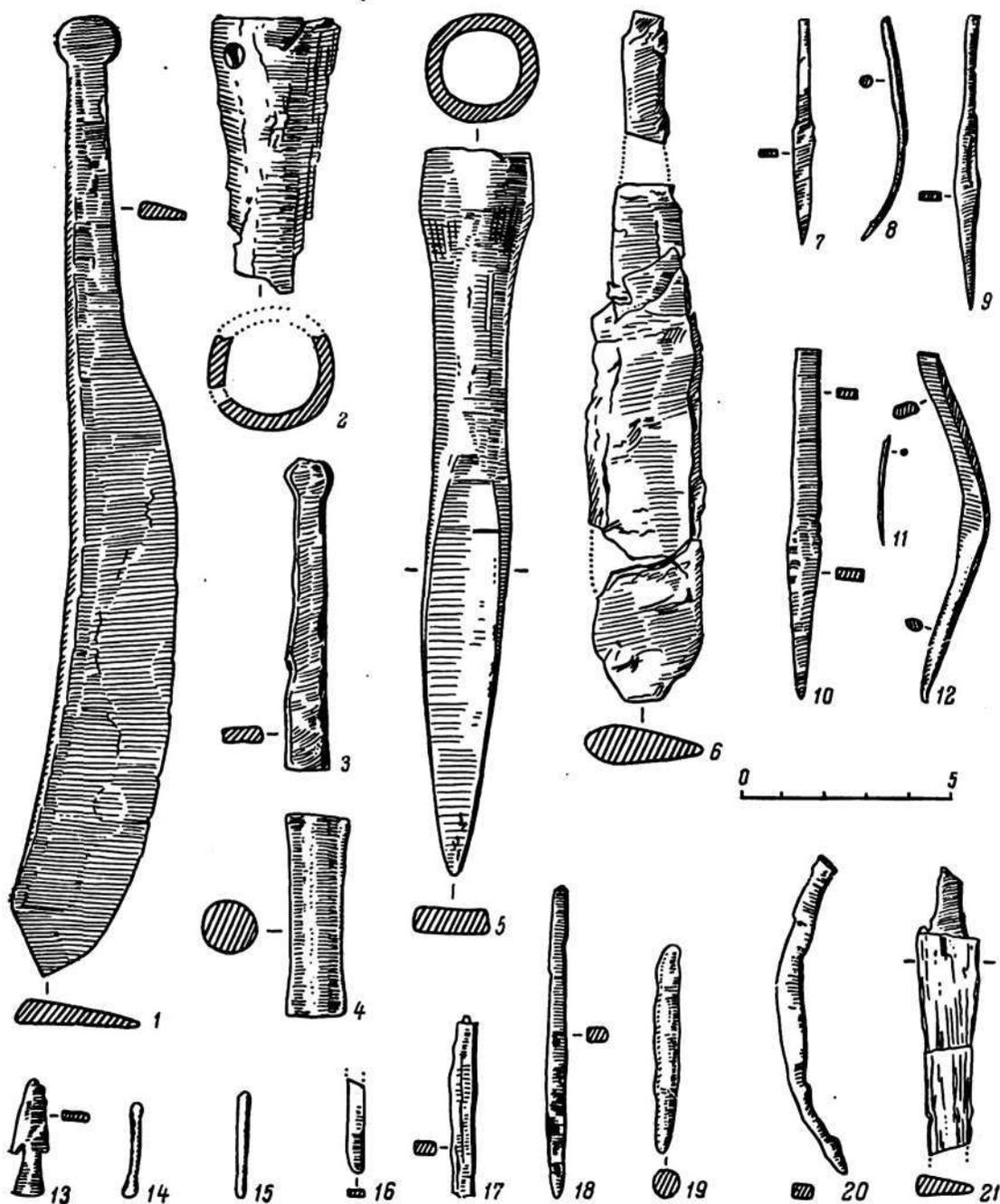

Табл. XXII. Бронзовые предметы из Дальверзина.

1—20 — бронзовые предметы; 21 — железный нож.

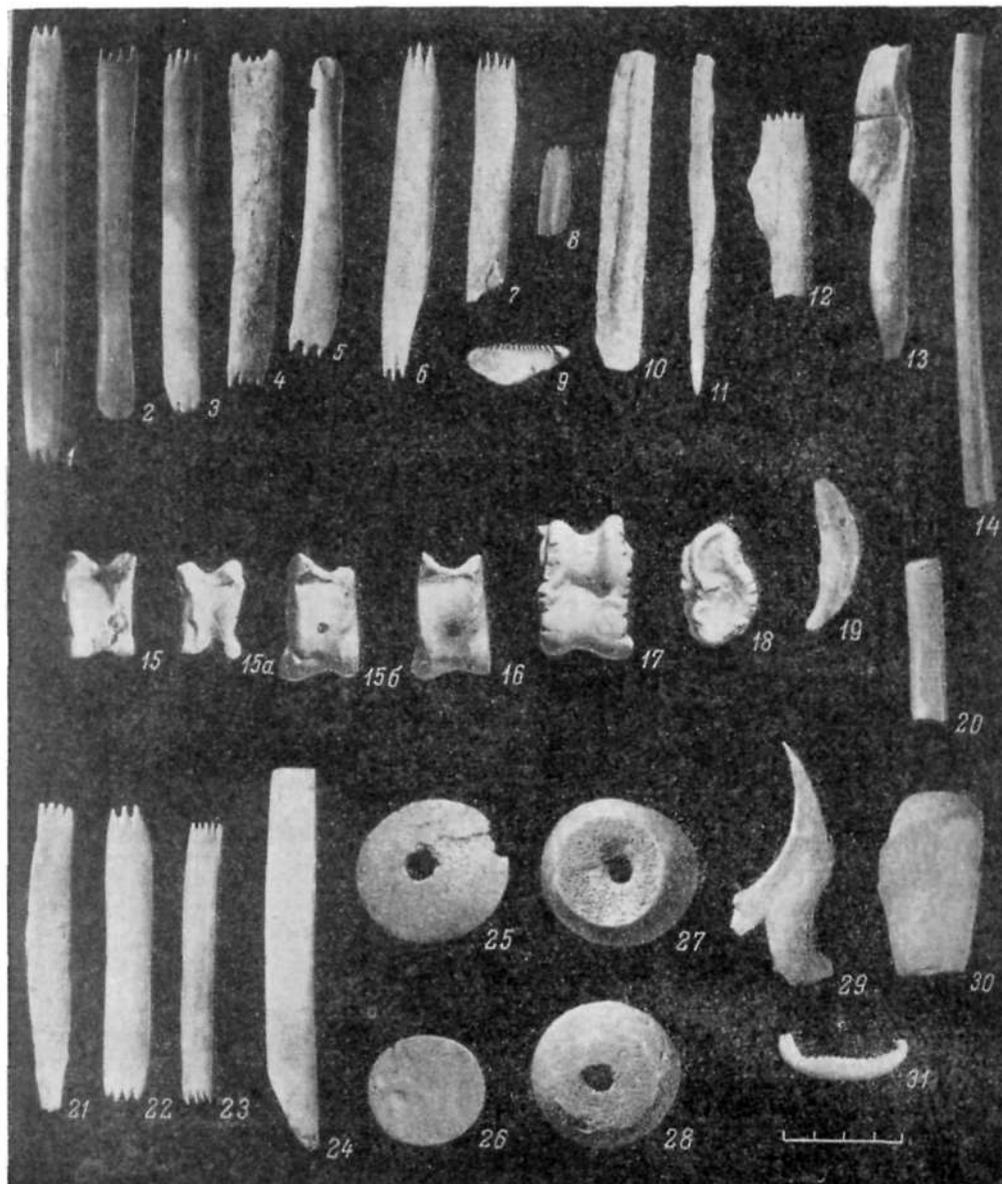

Табл. XXIII. Костяные предметы из Дальверзина.
 1—8, 10—30 — костяные предметы; 9 и 31 — раковины каури.

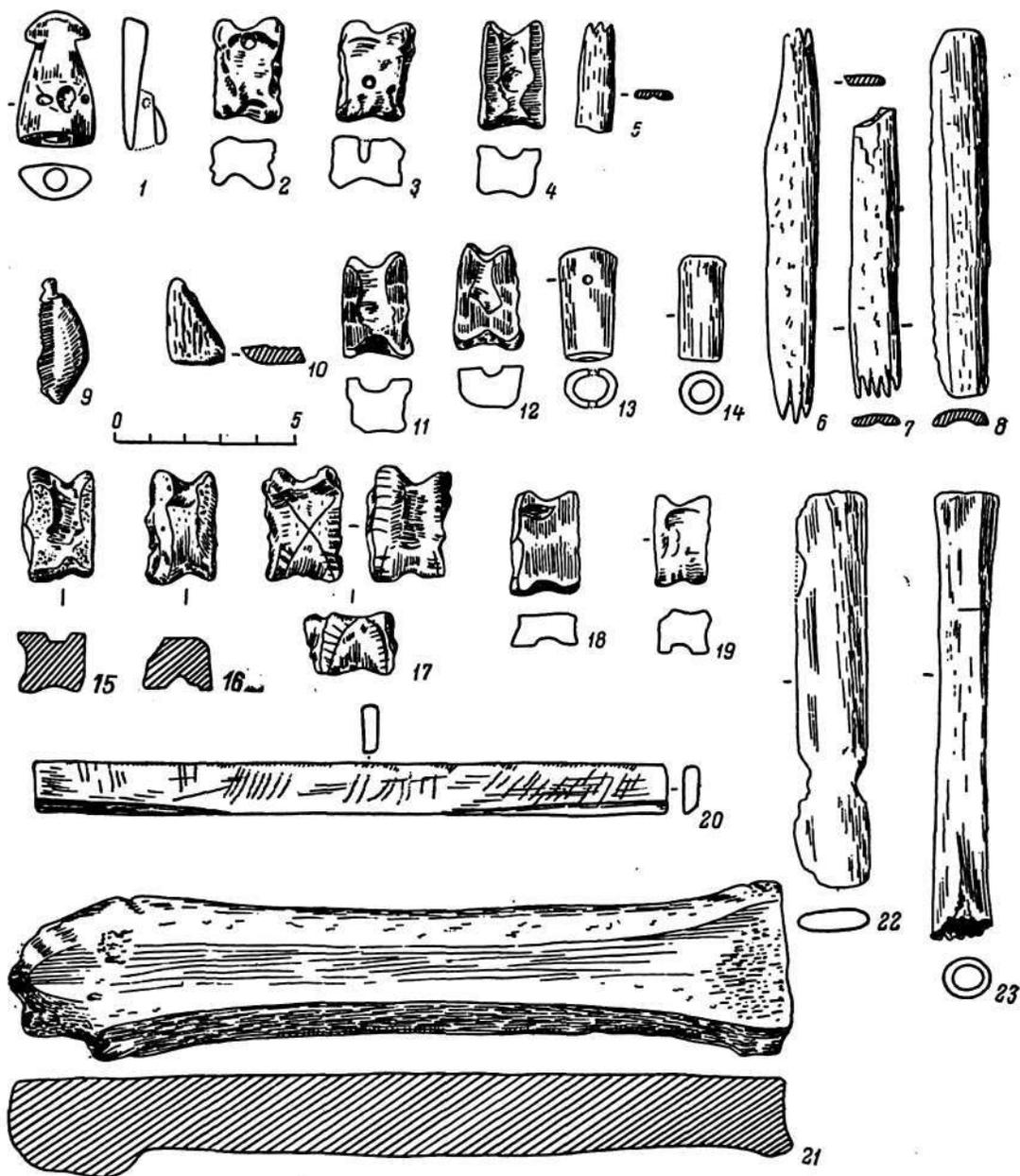

Табл. XXIV. Костяные предметы из Дальверзина.

1—8, 10—20, 22, 23 — костяные предметы; 9 — раковина наури; 21 — метаподий лошади.

Табл. XXV. Дальверсин. Каменные серповидные ножи.

1-5 — ножи; 6-10 — заготовки ножей.

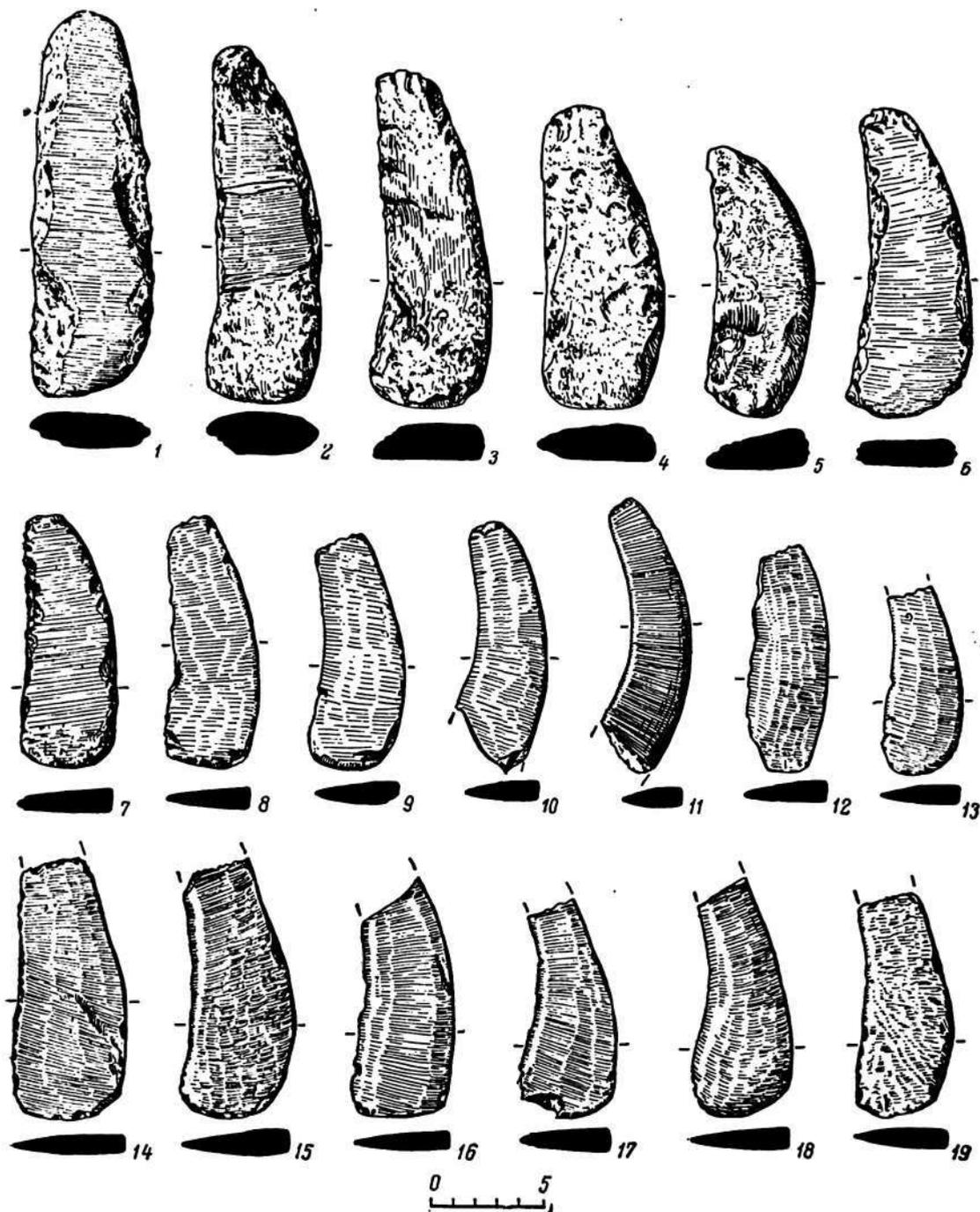

Табл. XXVI. Дальверзин. Каменные серповидные ножи (8—19) и заготовки (1—7).

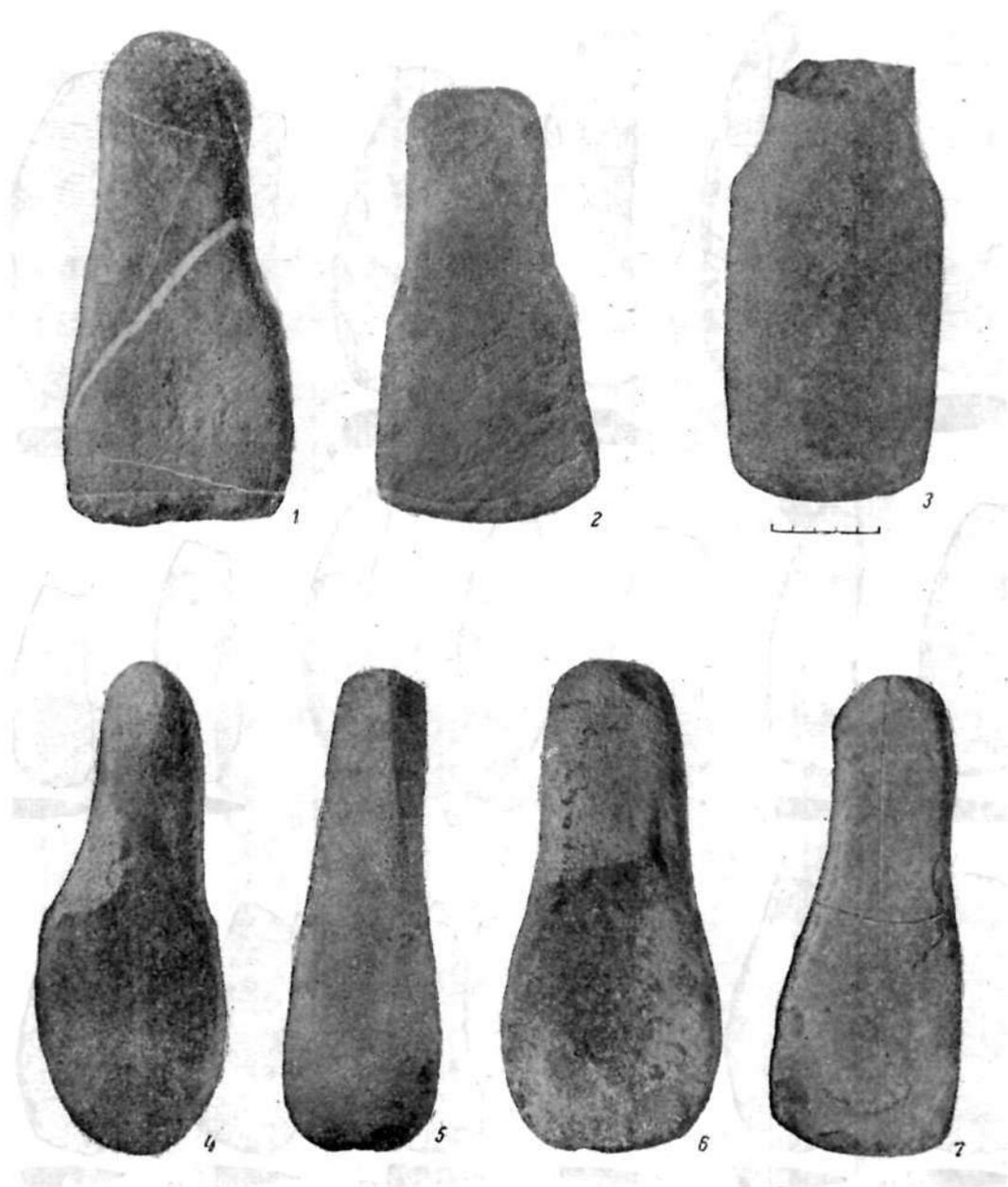

Табл. XXVII. Дэльвергрен. Каменные мотыги.

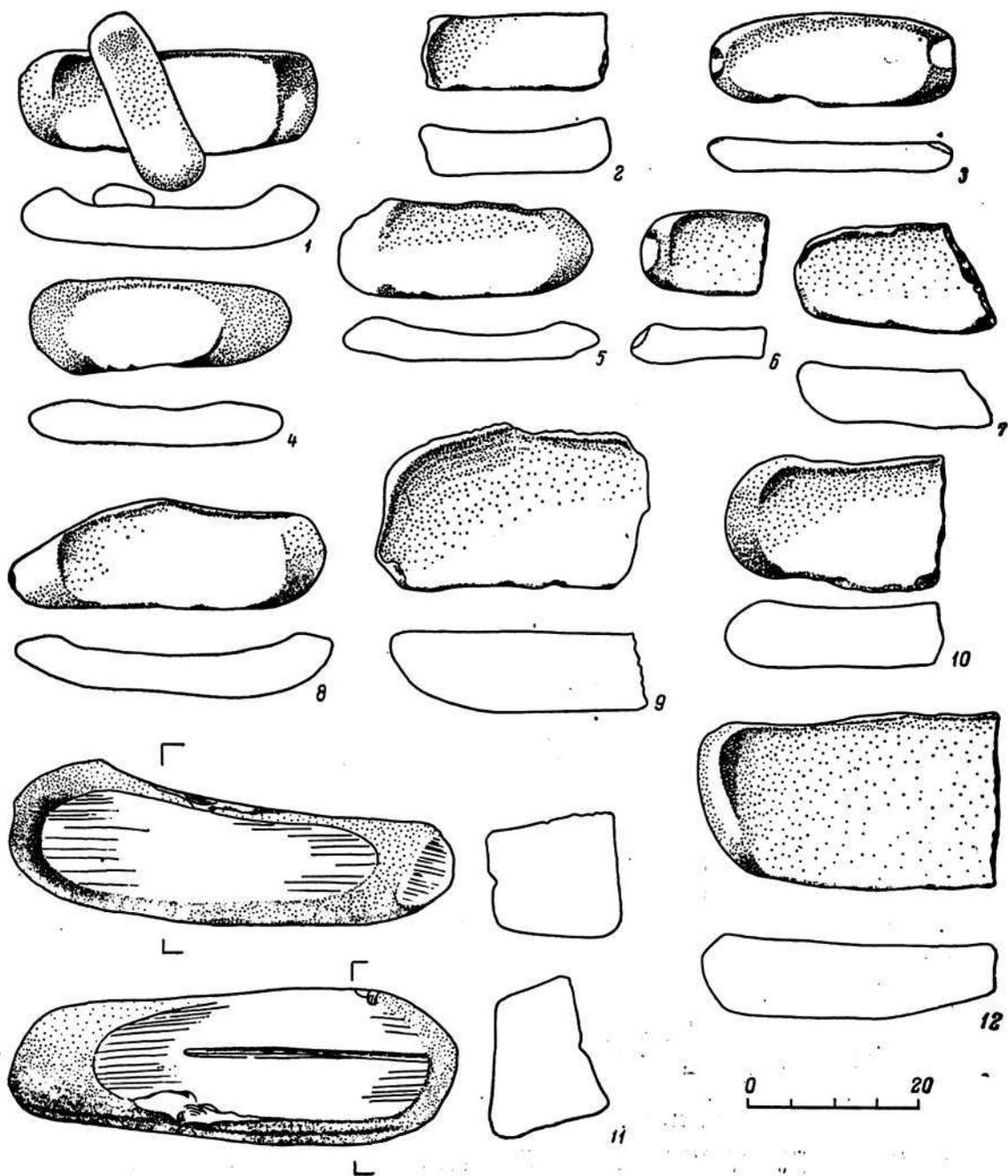

Табл. XXVIII. Дальверзин. Зернотерки (1—10, 12) и шлифовальный камень (11).

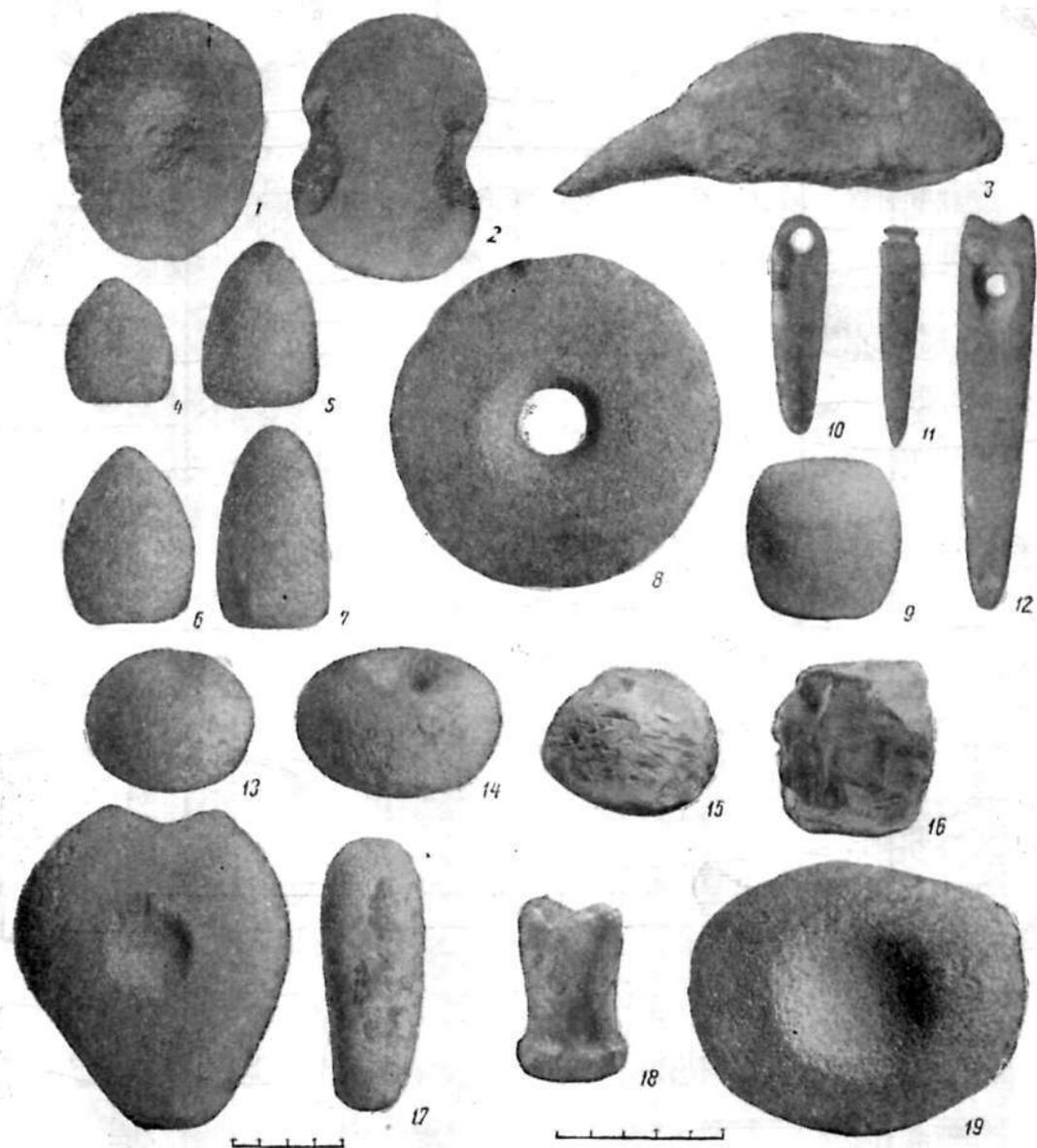

Табл. XXIX. Дальверан. Предметы из камня.

1, 9, 17, 19 — терки; 2 — грузик с боковыми выемками; 3 — «сверло»; 4—7 — пулевидные предметы; 8 — грузик с центральным отверстием; 10—12 — точильные бруски; 13—14 — подпятники; 15—16 — отбойники; 18 — печать (?).

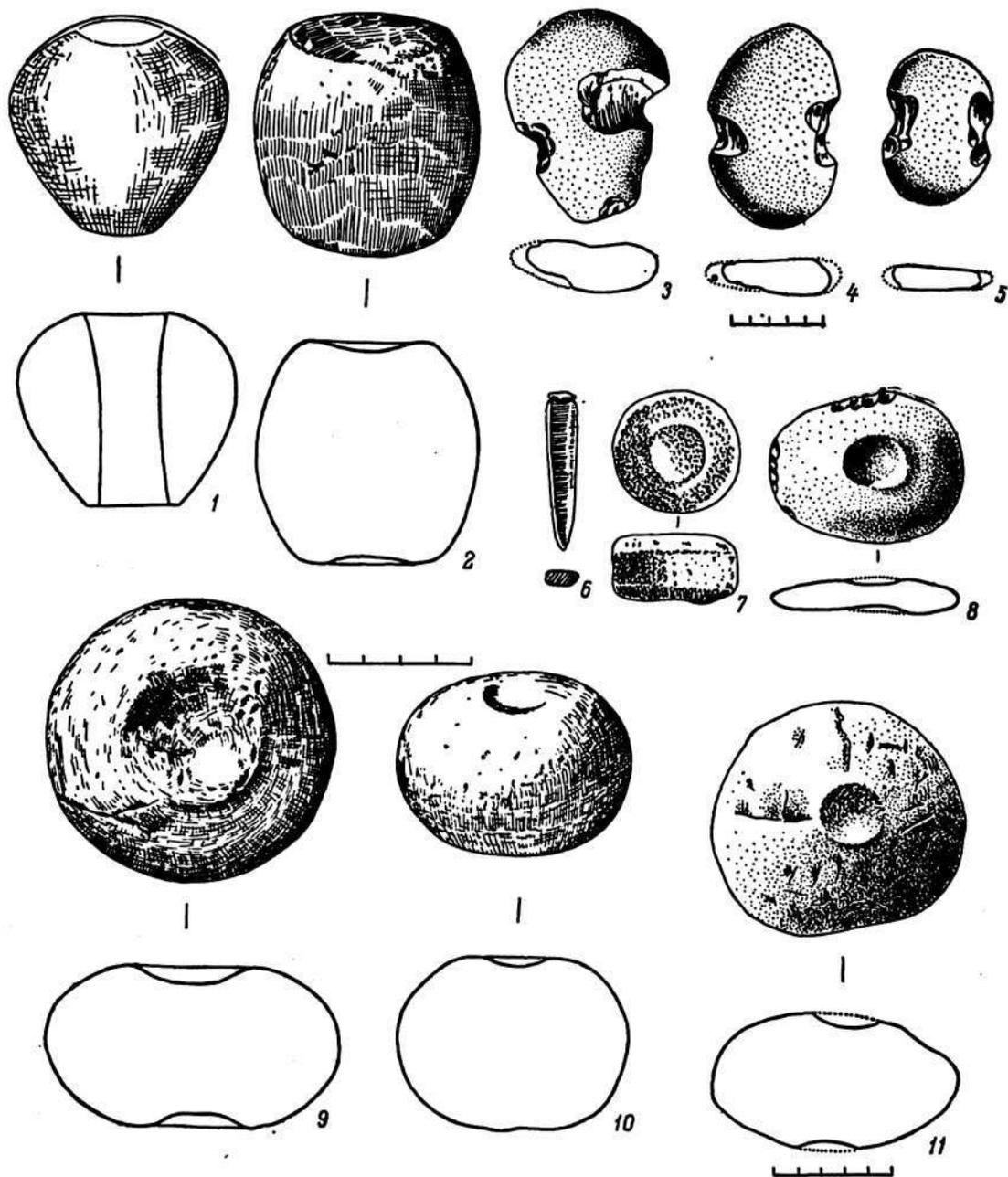

Табл. XXX. Дальверзин. Предметы из камня.

1 — булава; 2, 7, 8 — терки; 3—5 — грузики с боковыми выемками; 6 — точило; 9—11 — подпятники.

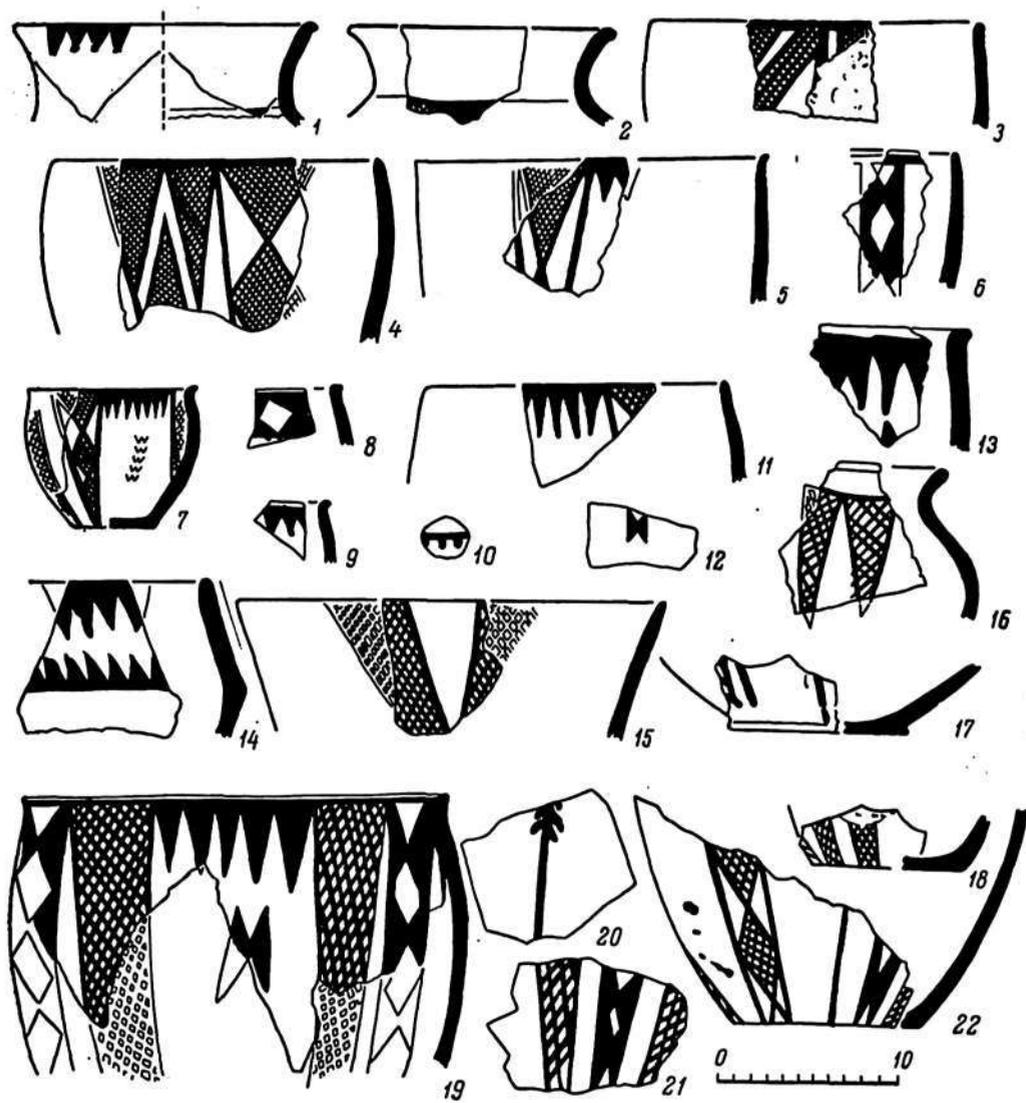

Табл. XXXI. Ашгал-Тепе. Расписная керамика.

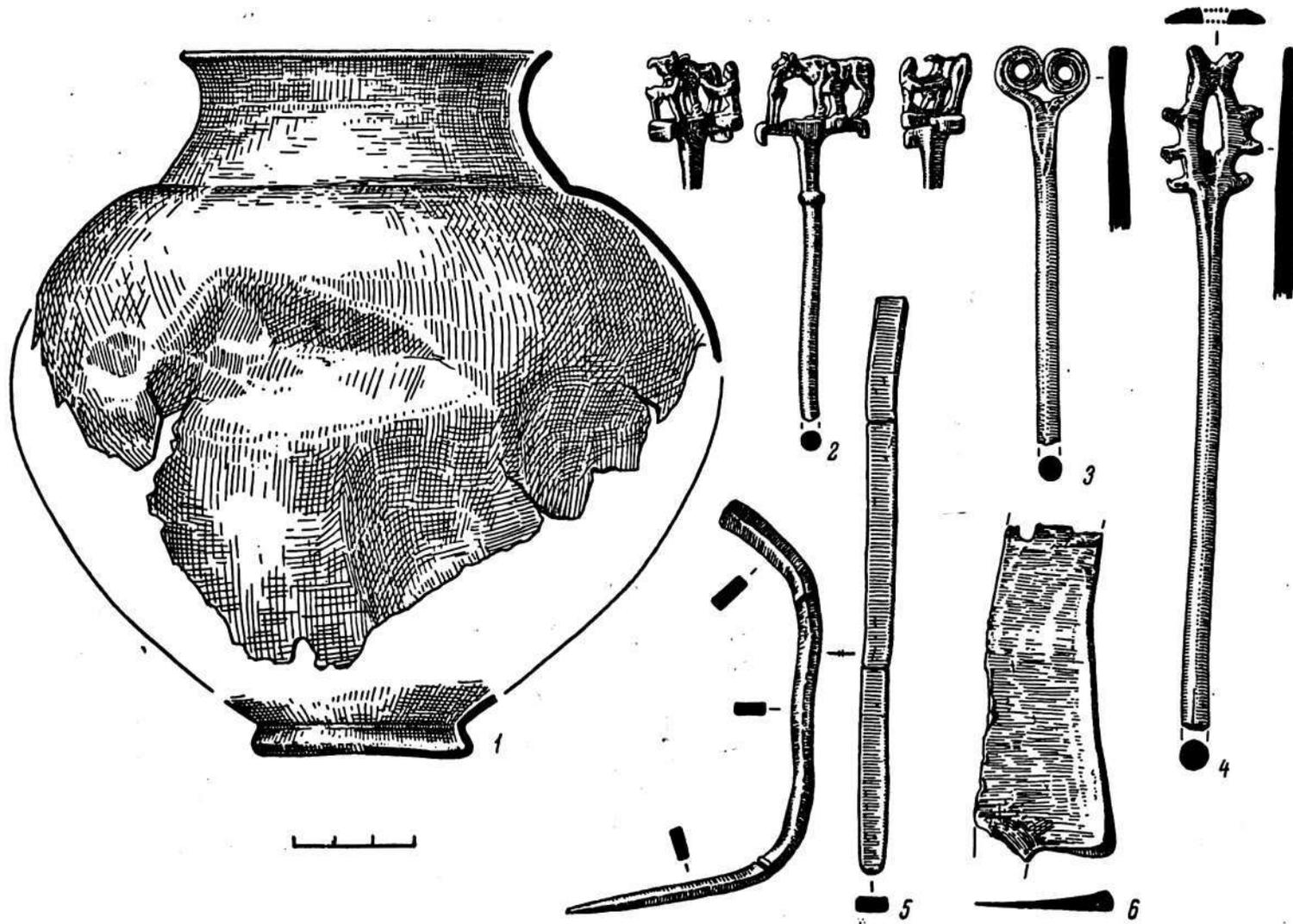

Табл. XXXII. Хакский клад.

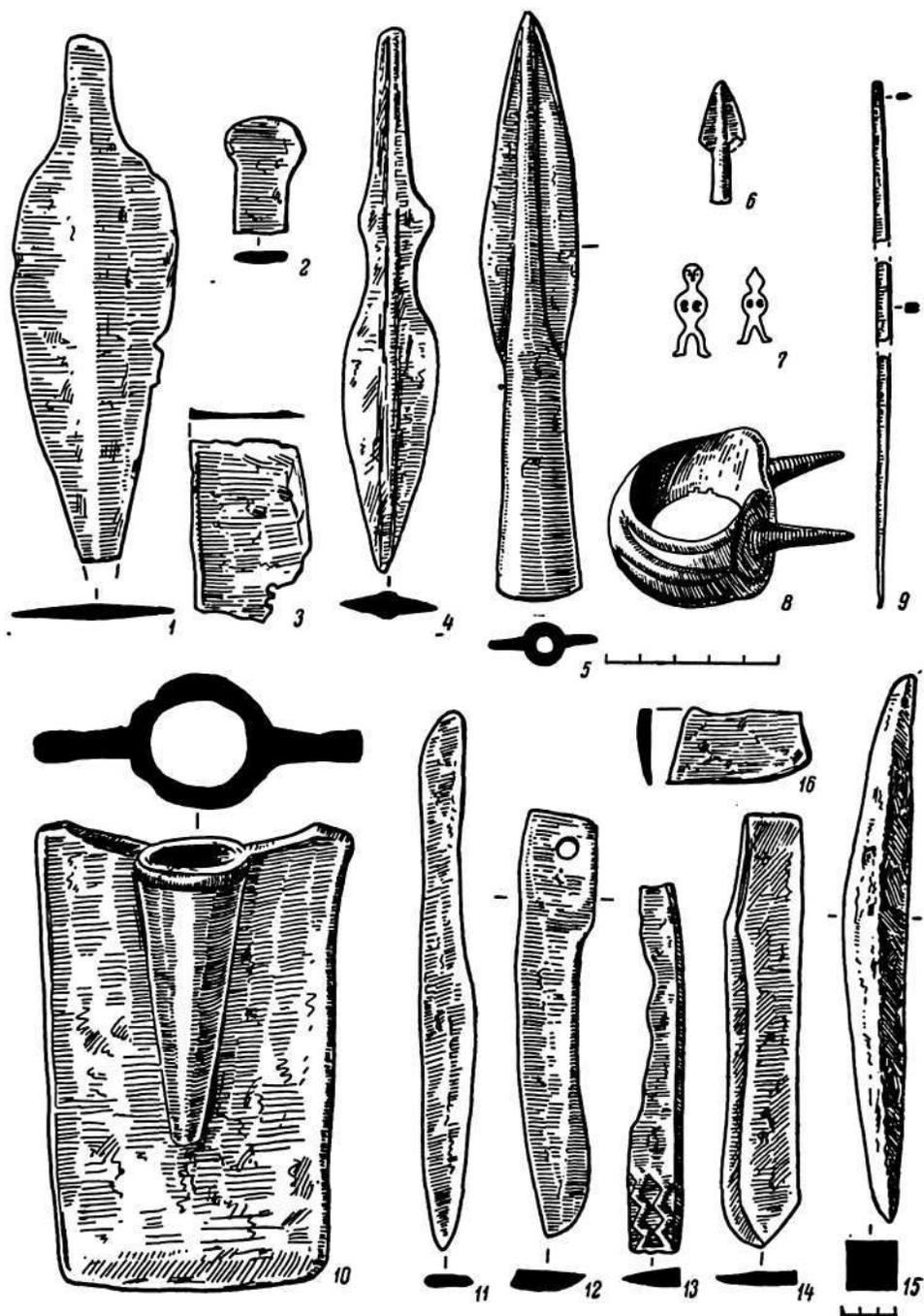

Табл. XXXIII. Отдельные находки металлических изделий из Ферганской долины.

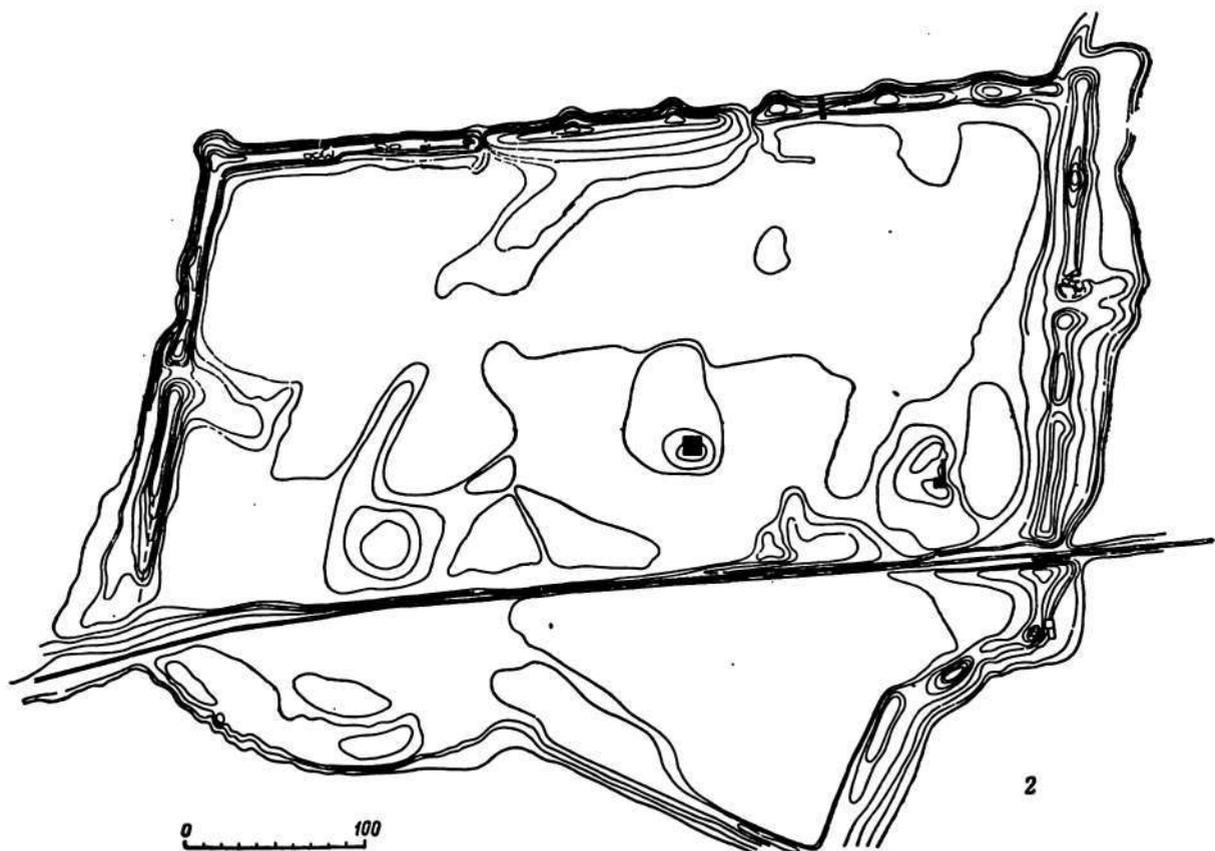
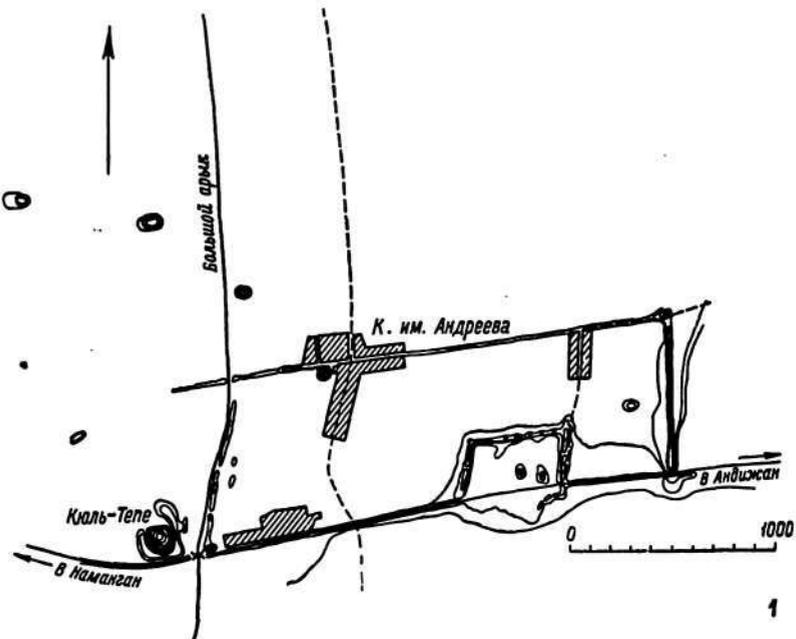

Табл. XXXIV. Эйлаганское городище.

1 — общий план; 2 — план внутреннего городища.

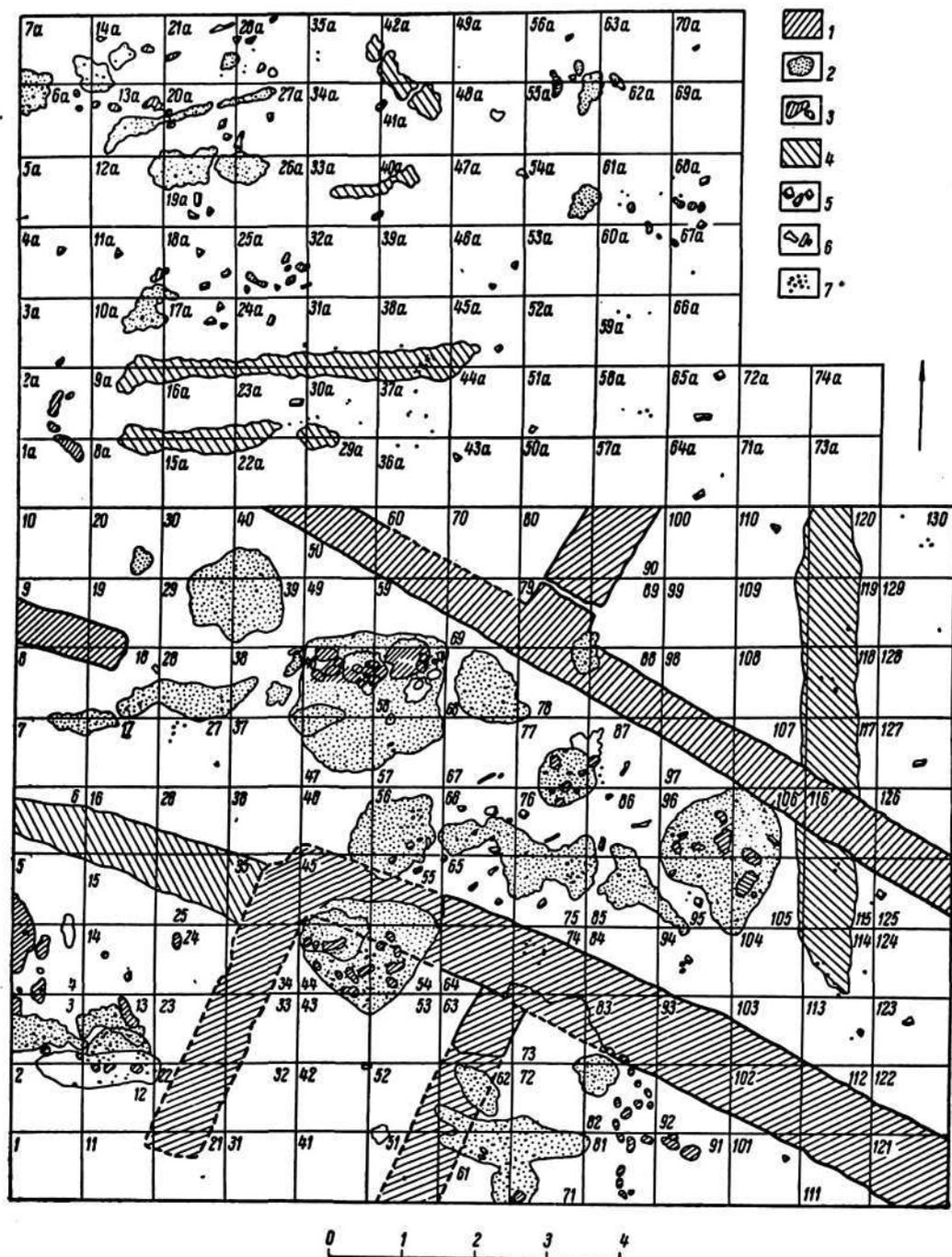

Табл. XXXV. Эйлаган. План раскопа.

1 — стены; 2 — вольные пятна; 3 — обожженный лёсс; 4 — метаморфизованный лёсс; 5 — черепки сосудов; 6 — кости; 7 — кусочки угля.

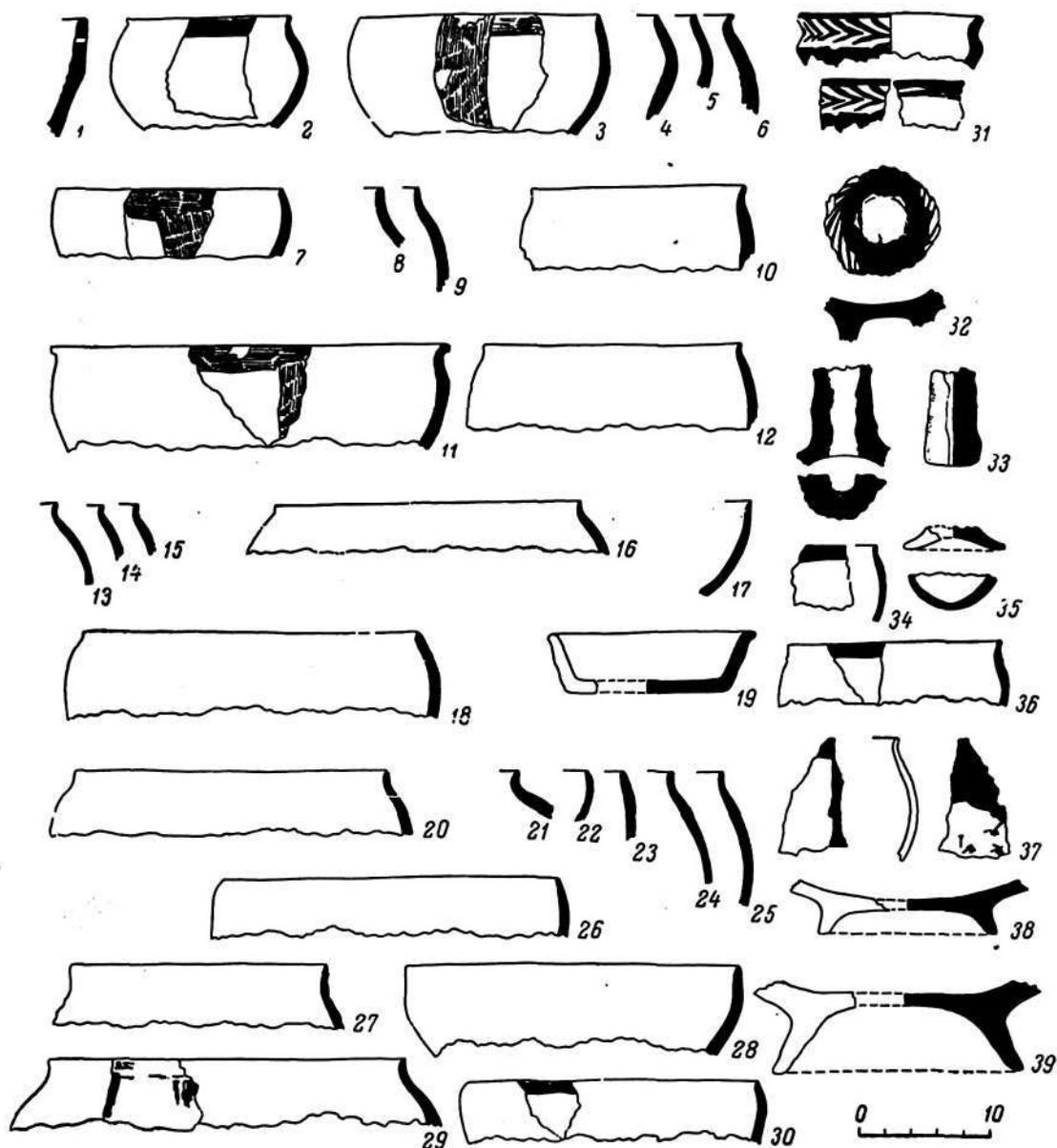

Табл. XXXVI. Эйлаган. Крашеная и расписная посуда.

1—30, 33—39 — крашеная; 31, 32 — расписная.

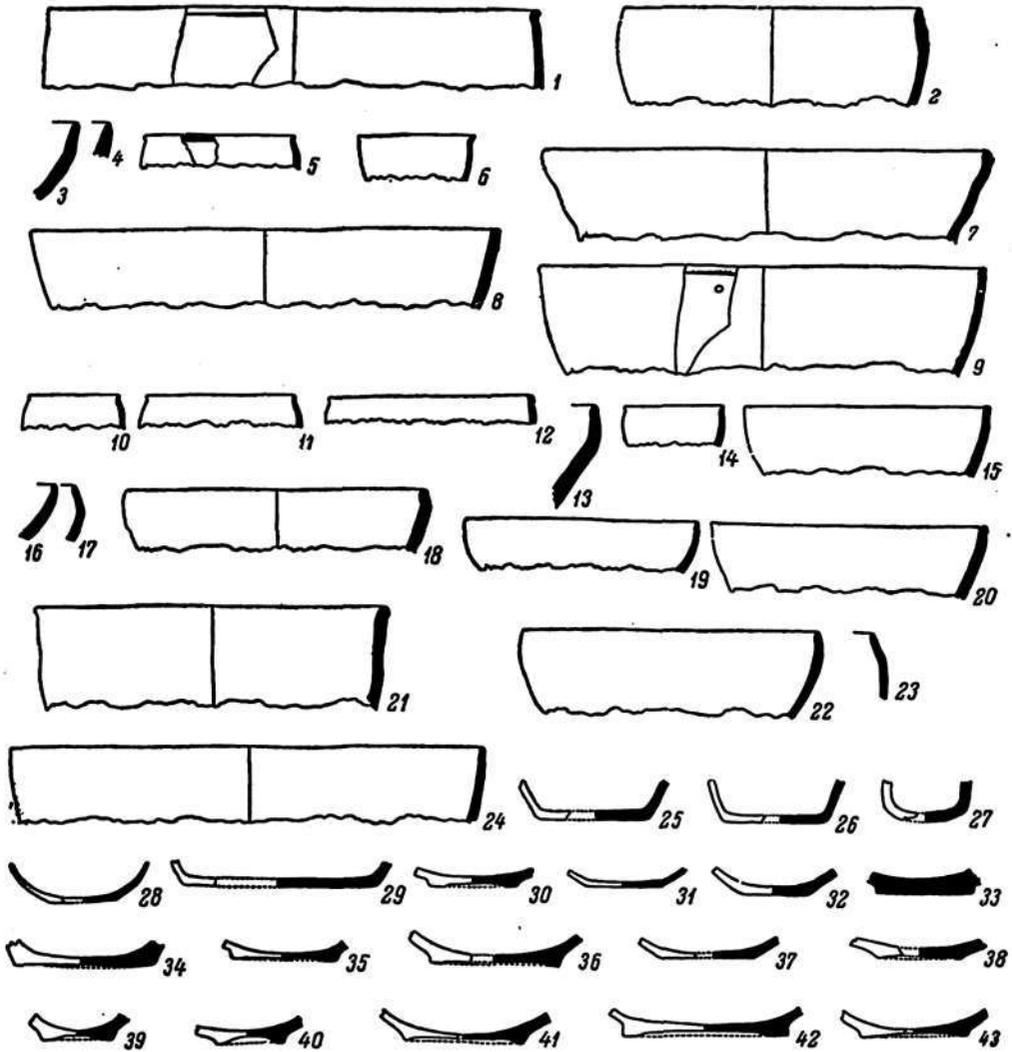

Табл. XXXVII. Эйлатан. Крaшeная посуда.

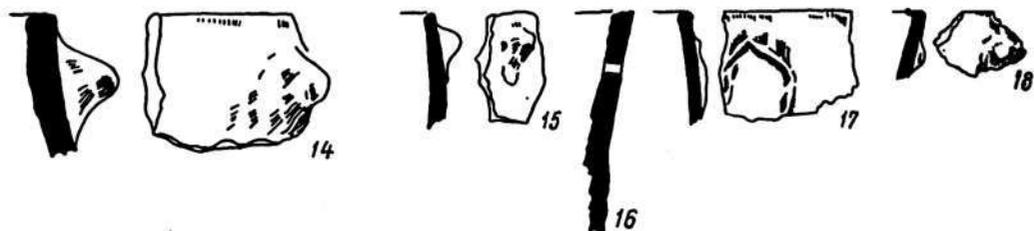
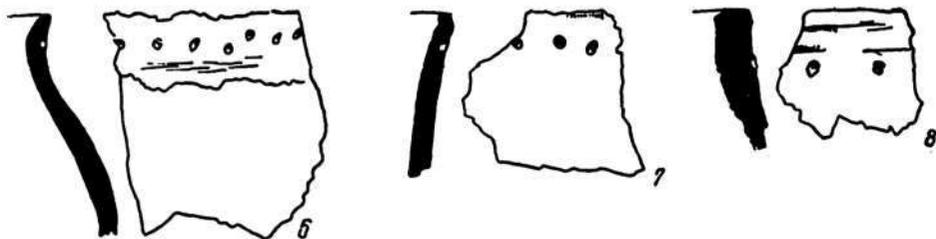
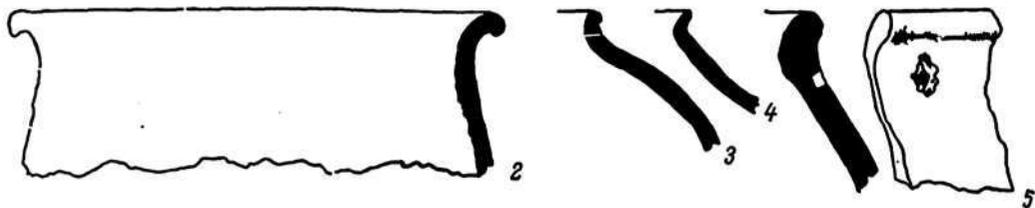
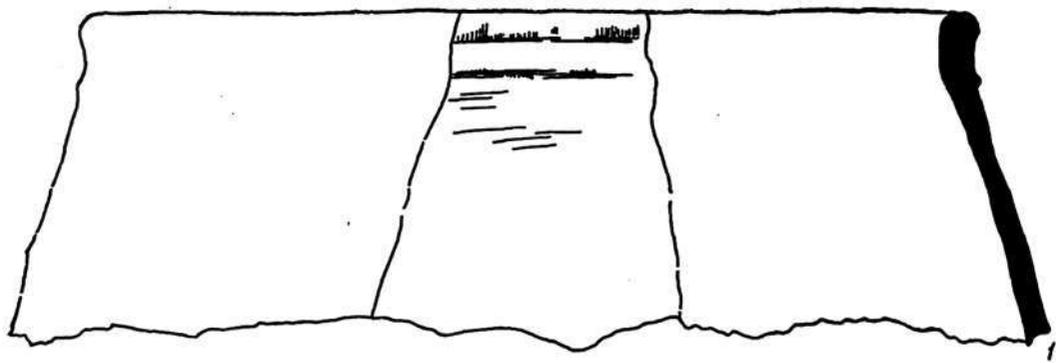

Табл. XXXVIII. Эйлатан. Нерасписная и кухонная посуда.

1—16, 19—21 — нерасписная; 17, 18 — кухонная посуда; 22 — присло; 23 — точильный камень.

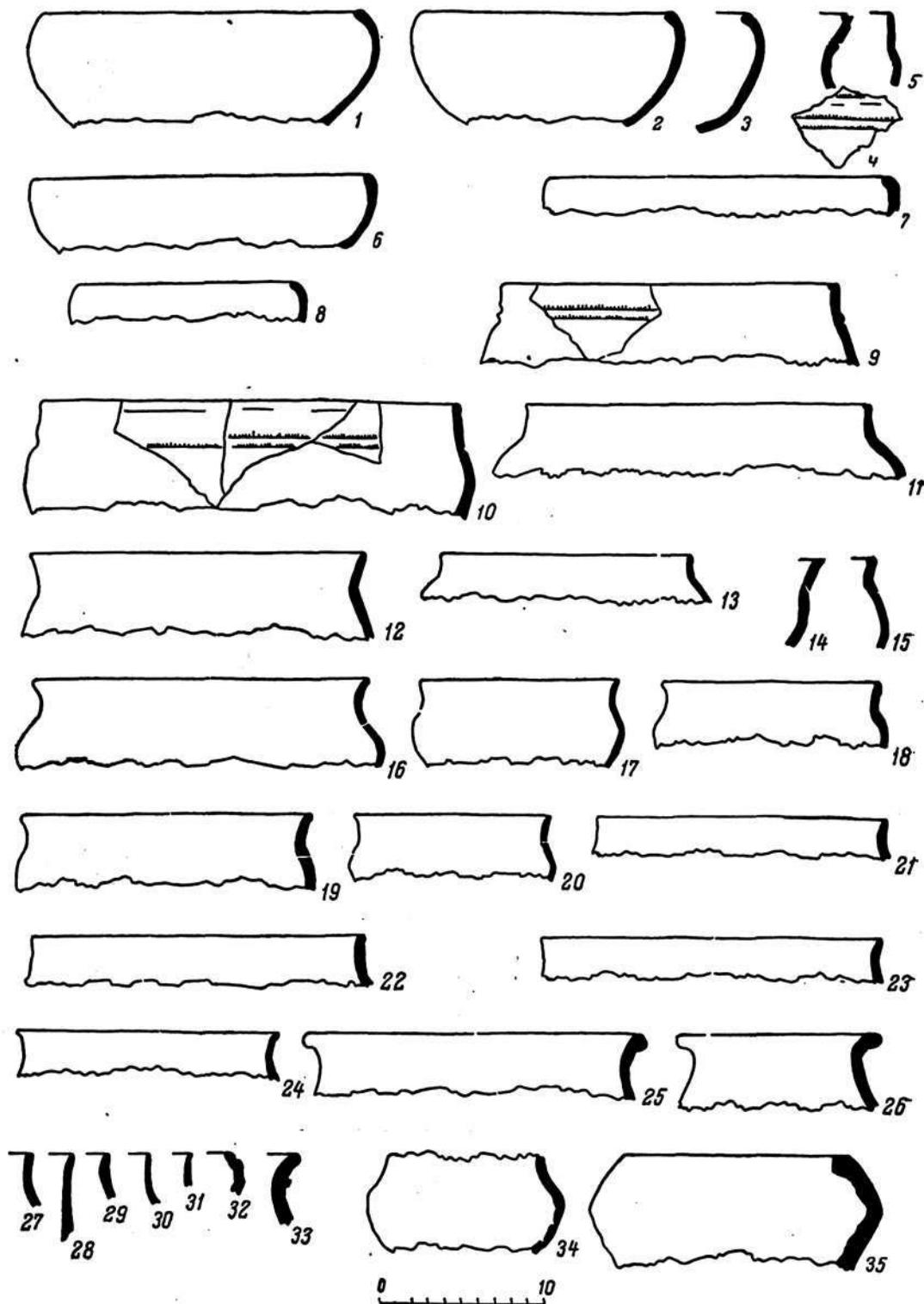

Табл. XXXIX. Эйлатан. Посуда, изготовленная на гончарном круге.

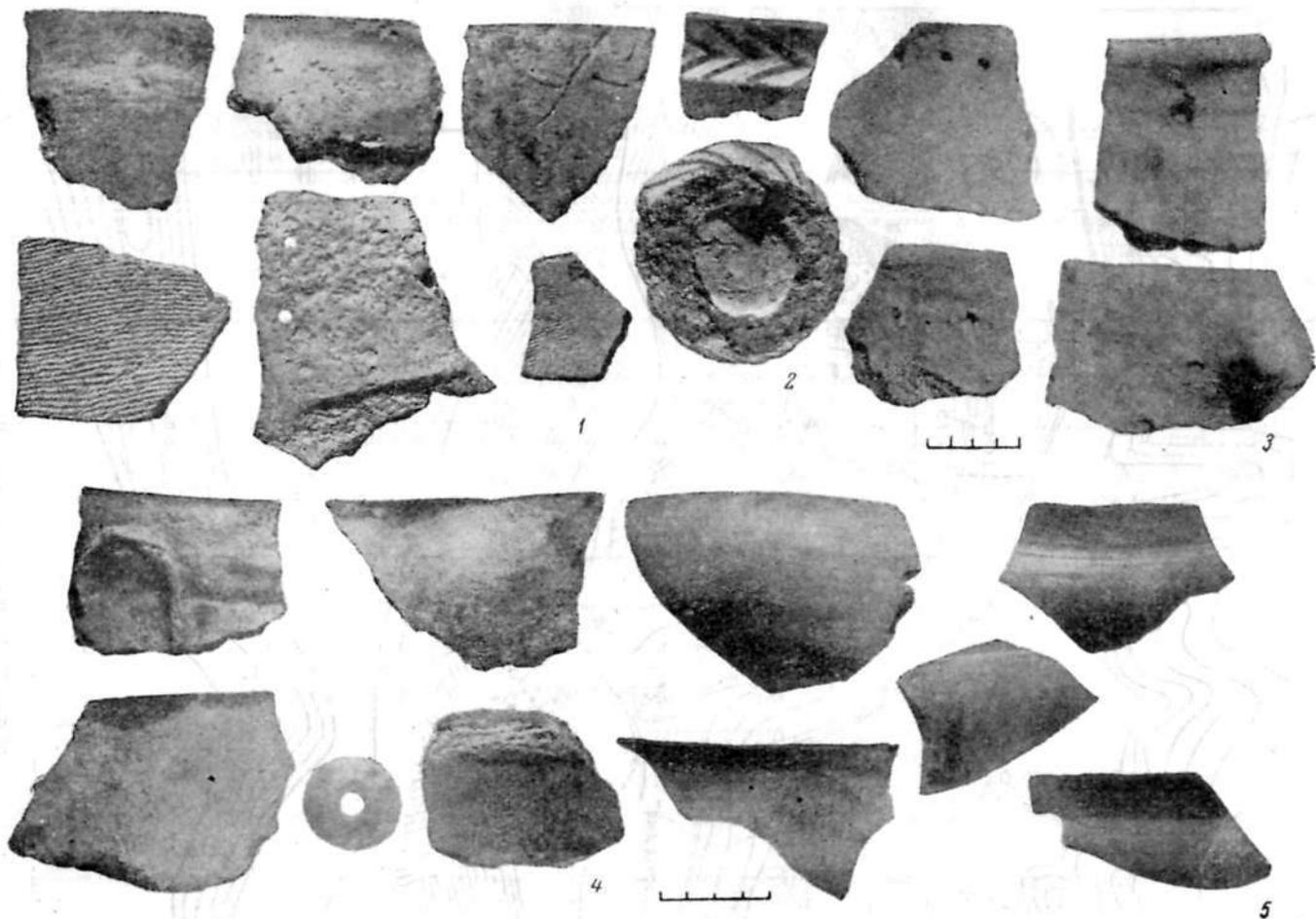

Табл. XI. Эйлатан. Типы керамики.
 1—2 — I тип; 3 — II тип; 4 — III тип; 5 — IV тип.

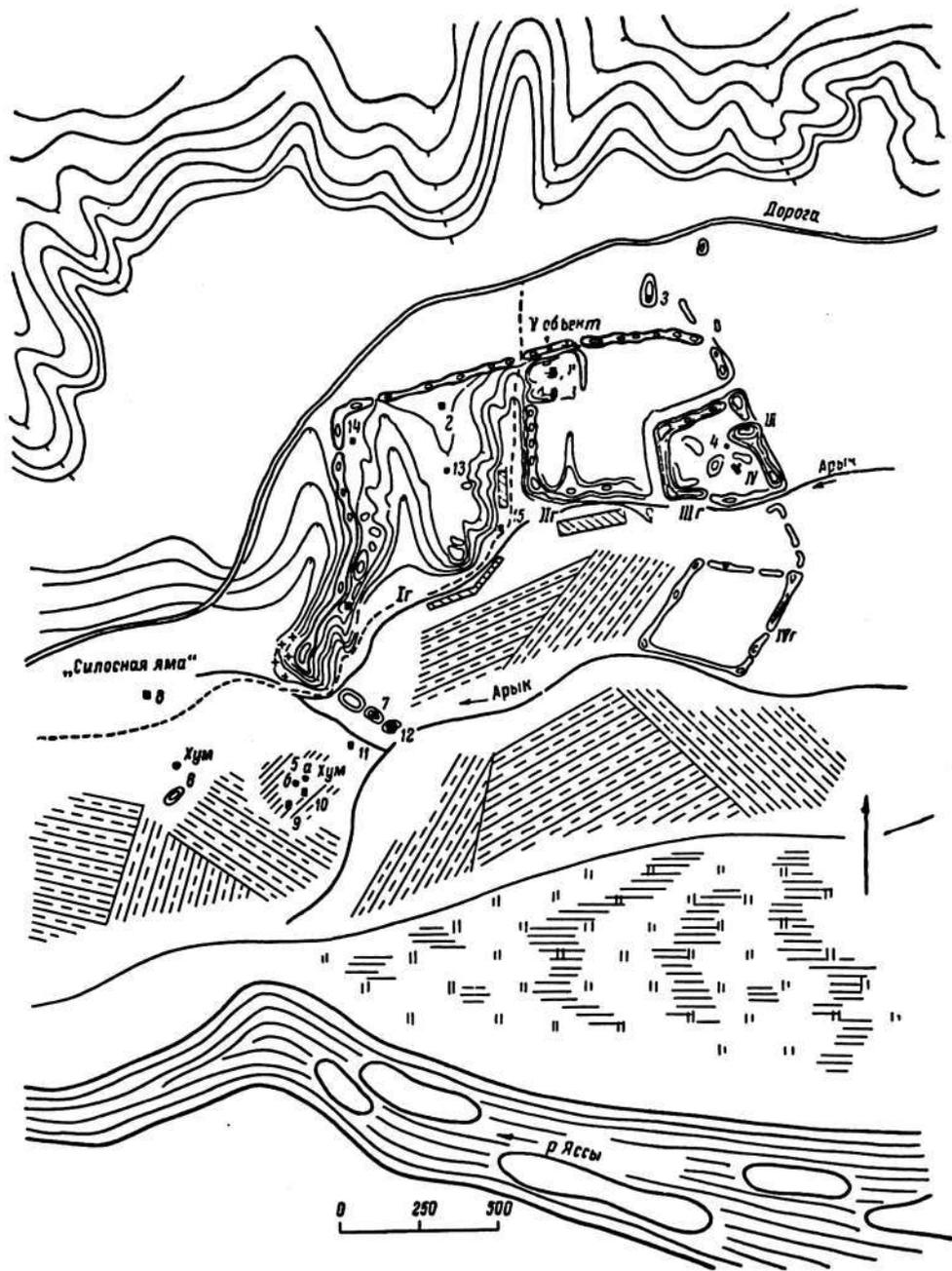

Табл. ХLI. План городища Шурабашат.

I-V — раскопы; 1-12 — шурфы.

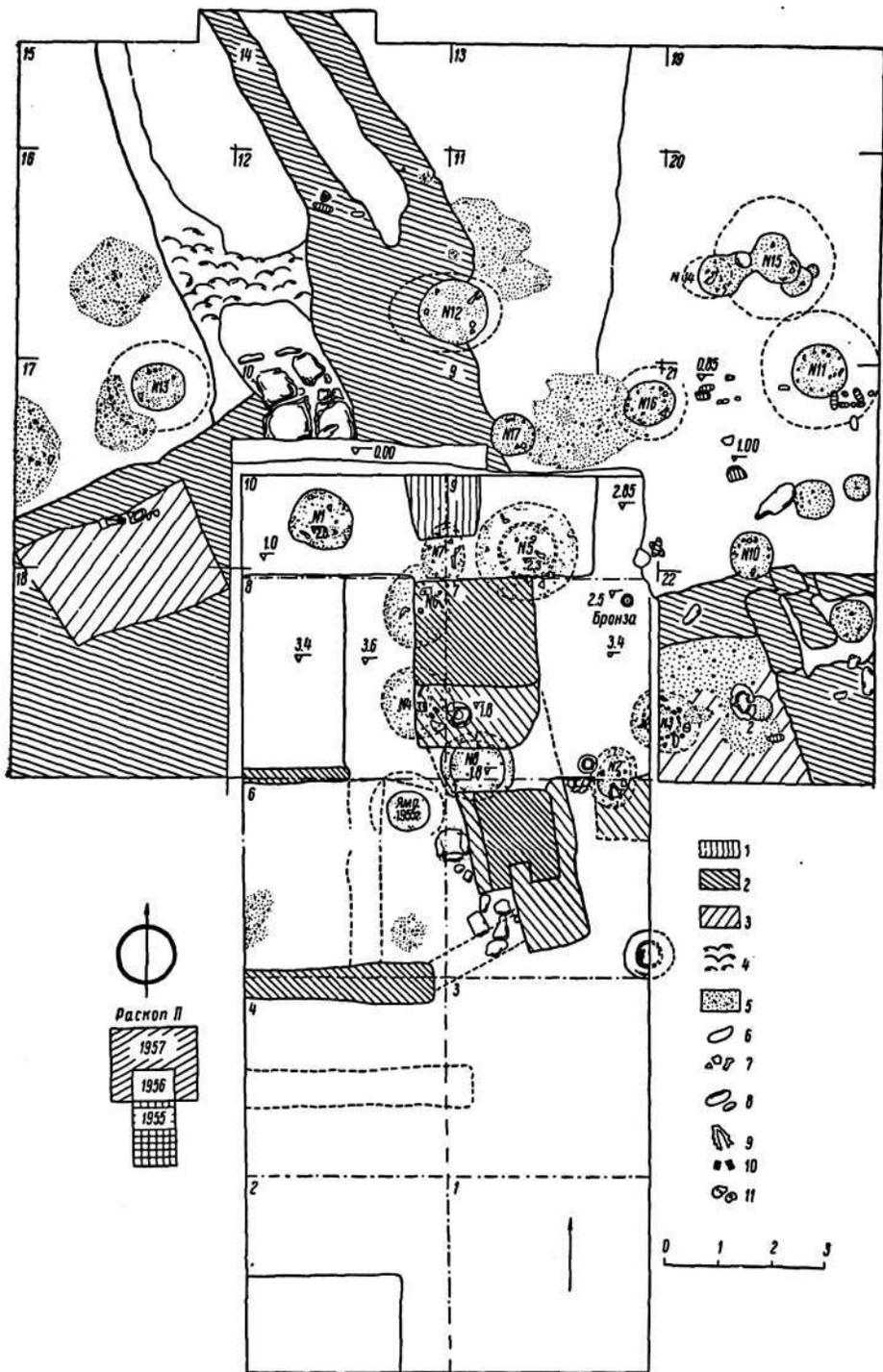

Табл. XLII. Шурабаш II. План раскопа II.

1 — твердый грунт; 2 — стена; 3 — пол; 4 — развал; 5 — вольное пятно; 6 — вернотерка; 7 — керамика, кости; 8 — камни; 9 — рог; 10 — костяные заготовки; 11 — очажные подставки.

Ю

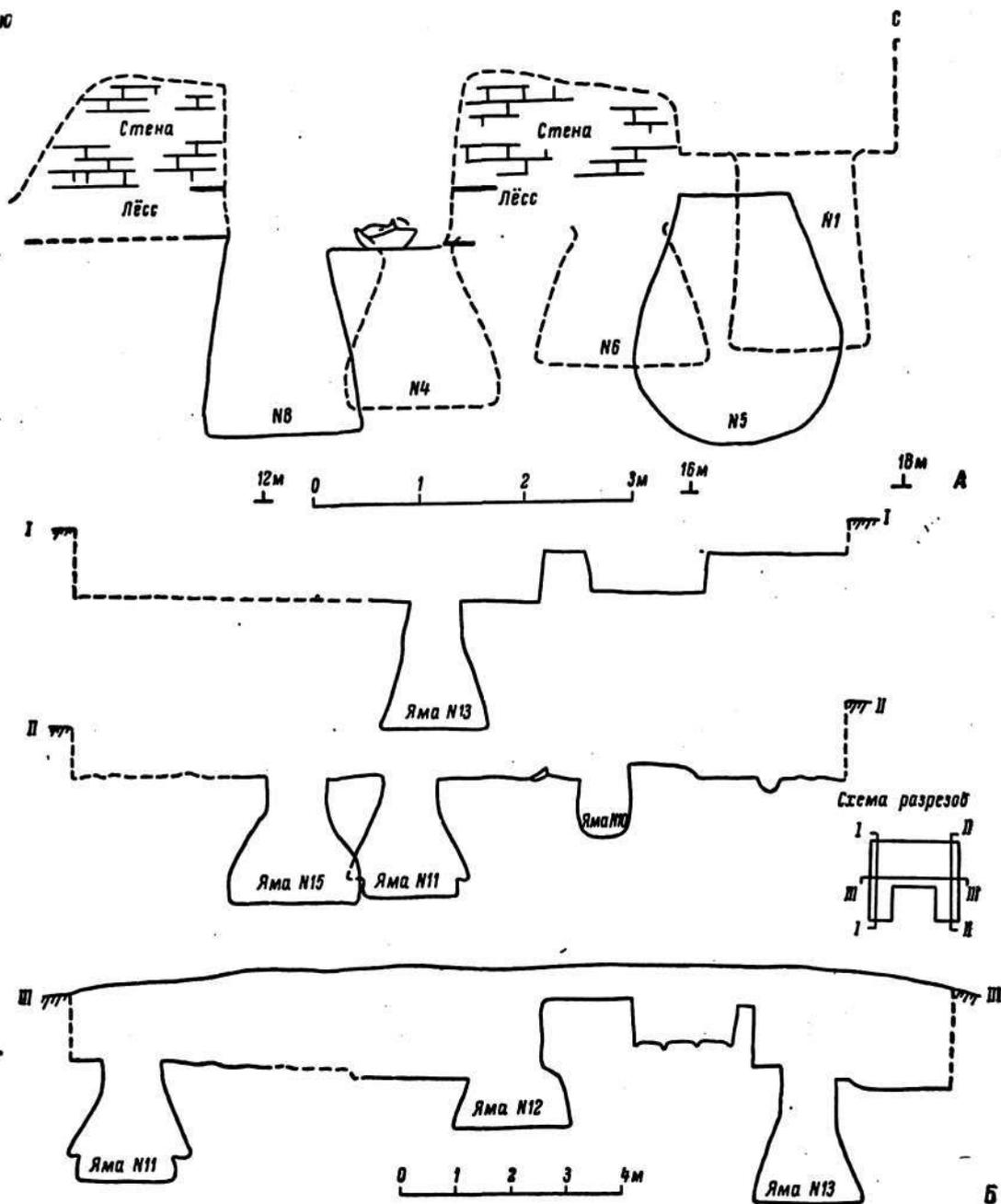

Табл. XLIII. Шурабашан II. Раскоп II. Разрезы.
Разрез А — см. рис. 24, стр. 121. Разрез Б — см. табл. XLII.

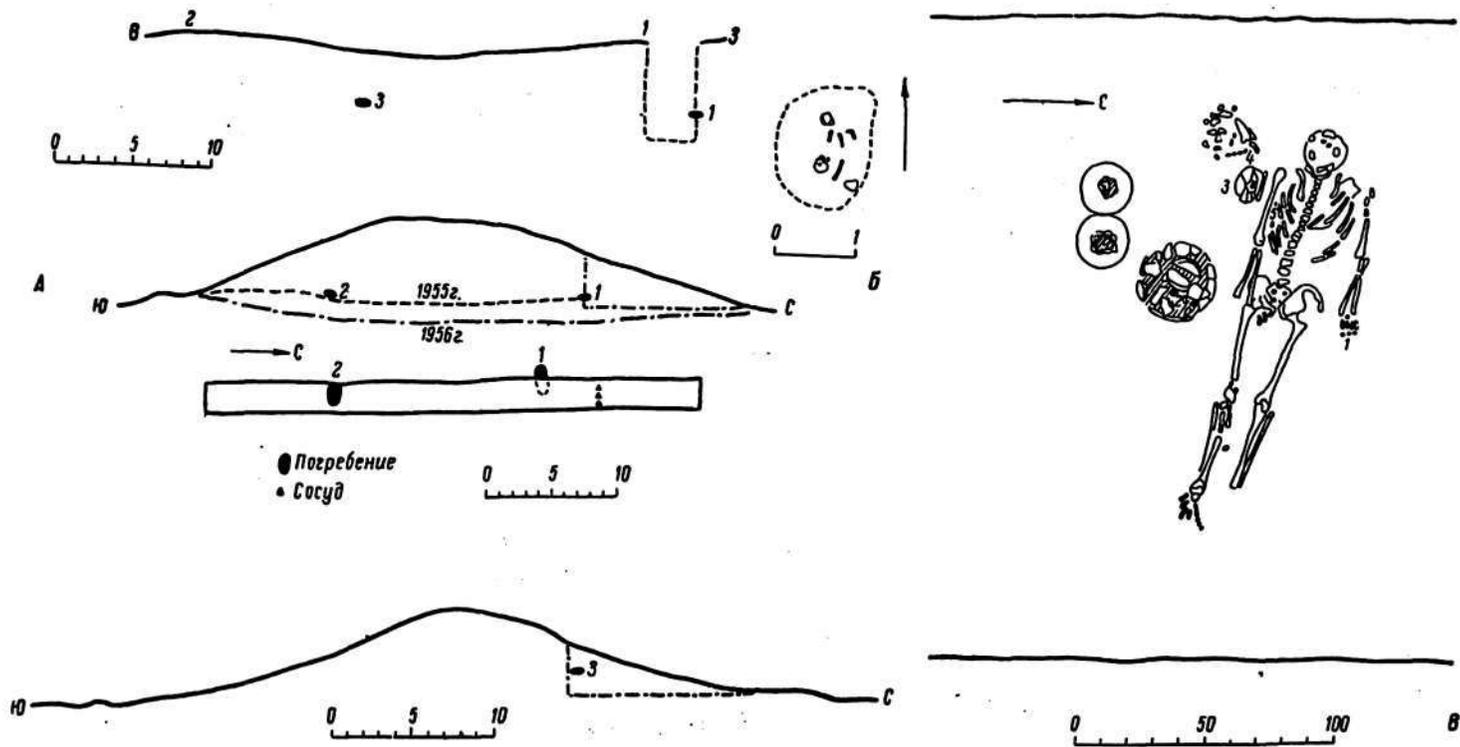

Табл. XLIV. Шурабашат. Захоронения в валу.

А — план и разрезы; 1 — погребения; 2 — сосуд; Б — план погребения 3; В — план погребения 2.

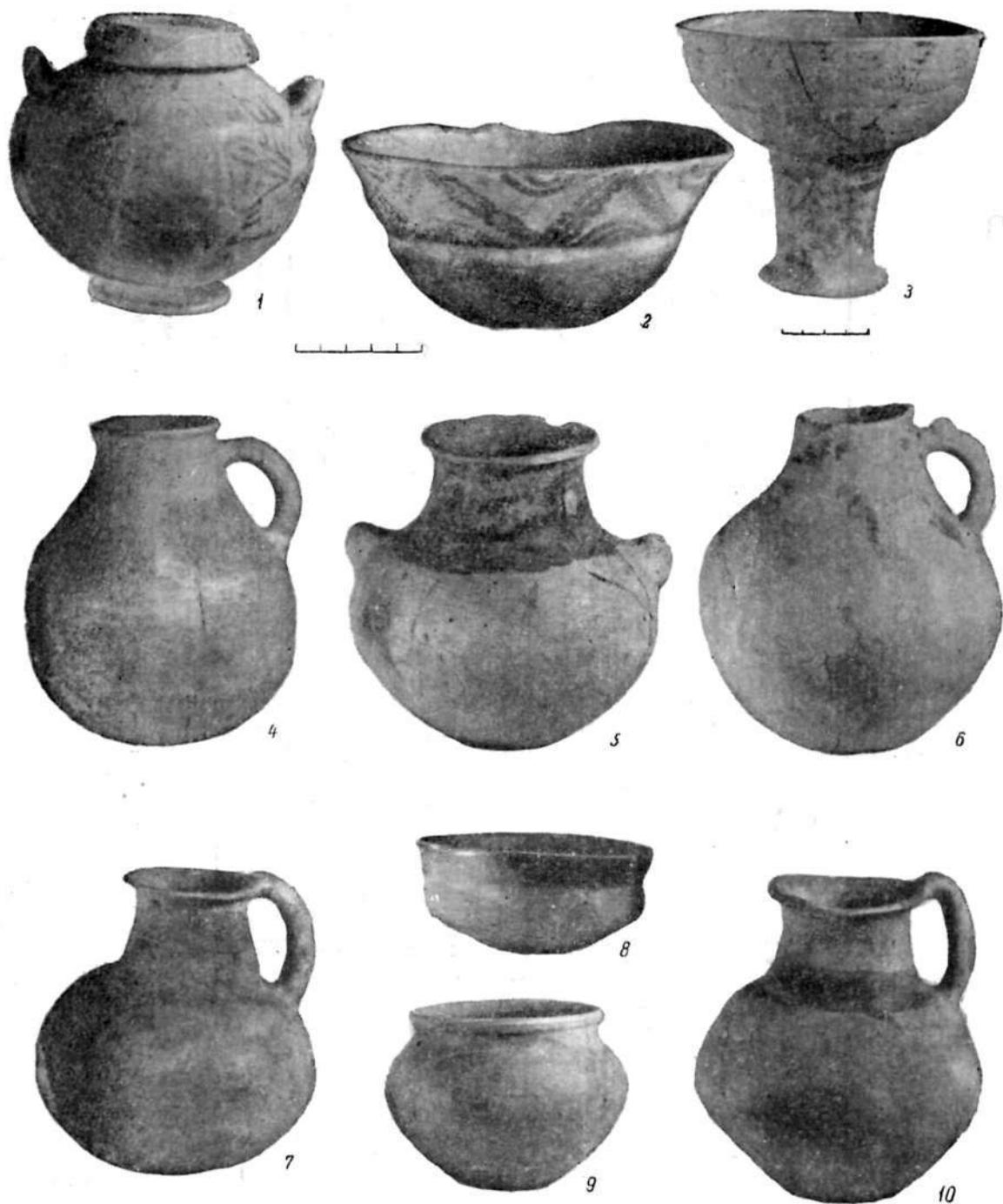

Табл. XLV. Шурабашат. Керамика из захоронений в валу.

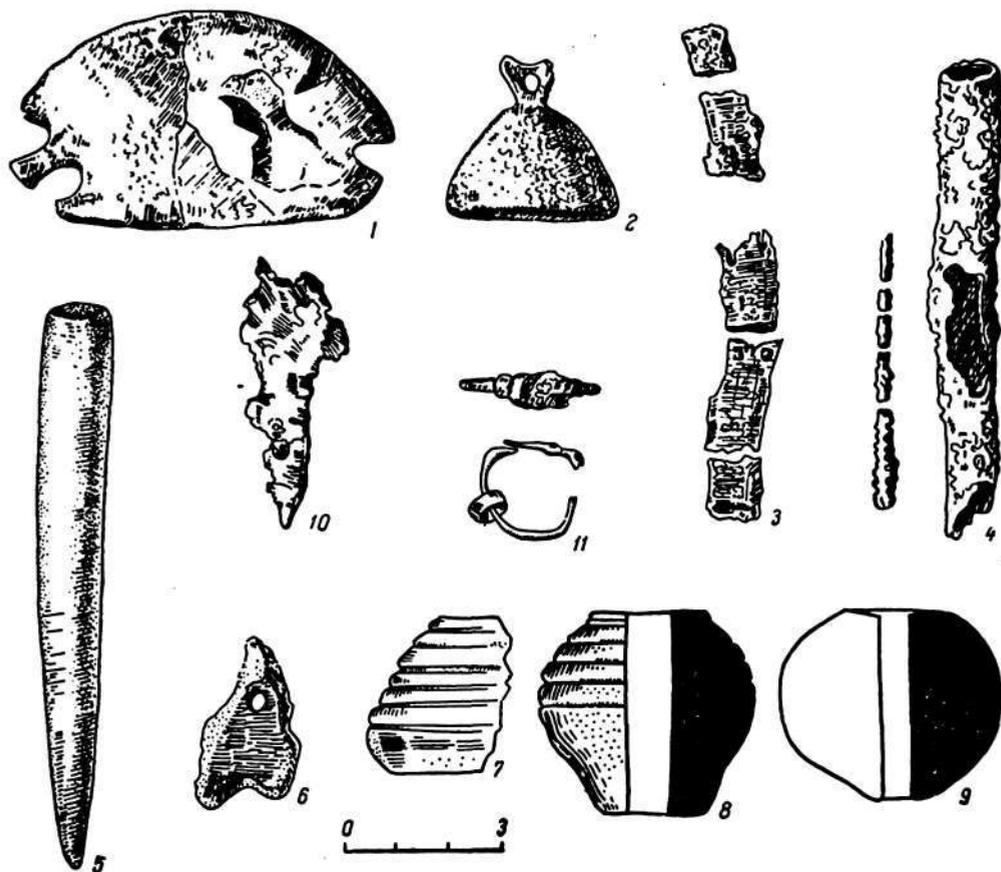

Табл. XLVI. Шурабашат. Предметы из захоронений в валу.

1, 2, 3, 11 — бронза; 4, 10 — железо; 7—9 — глина; 5 — камень; 6 — графит.

Табл. XLVII. Шурабашат. Основные формы расписной посуды.

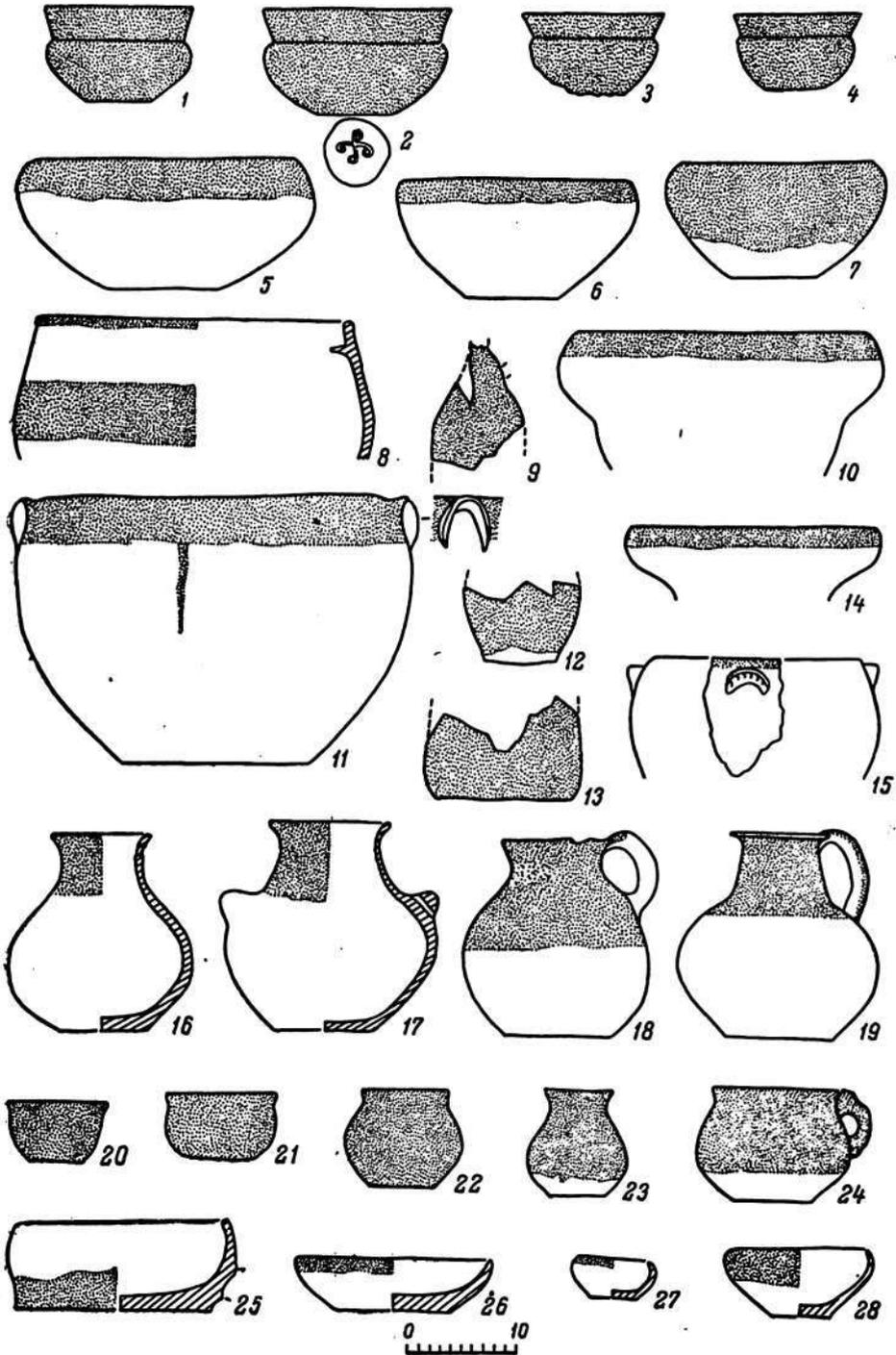

Табл. XLVIII. Шурабашар. Основные формы красной посуды.

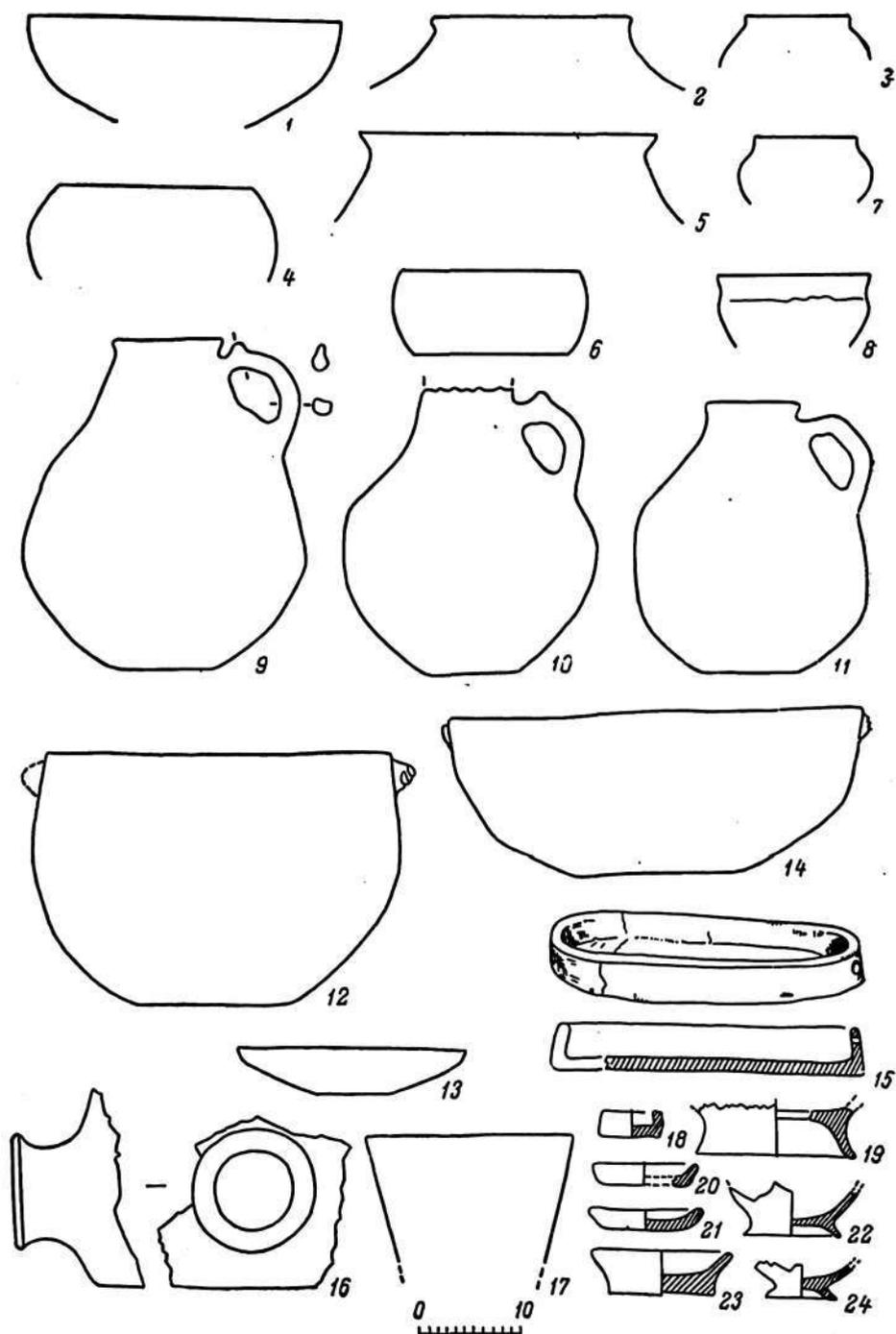

Табл. XLIX. Шурабашат. Основные формы неорнаментированной посуды.

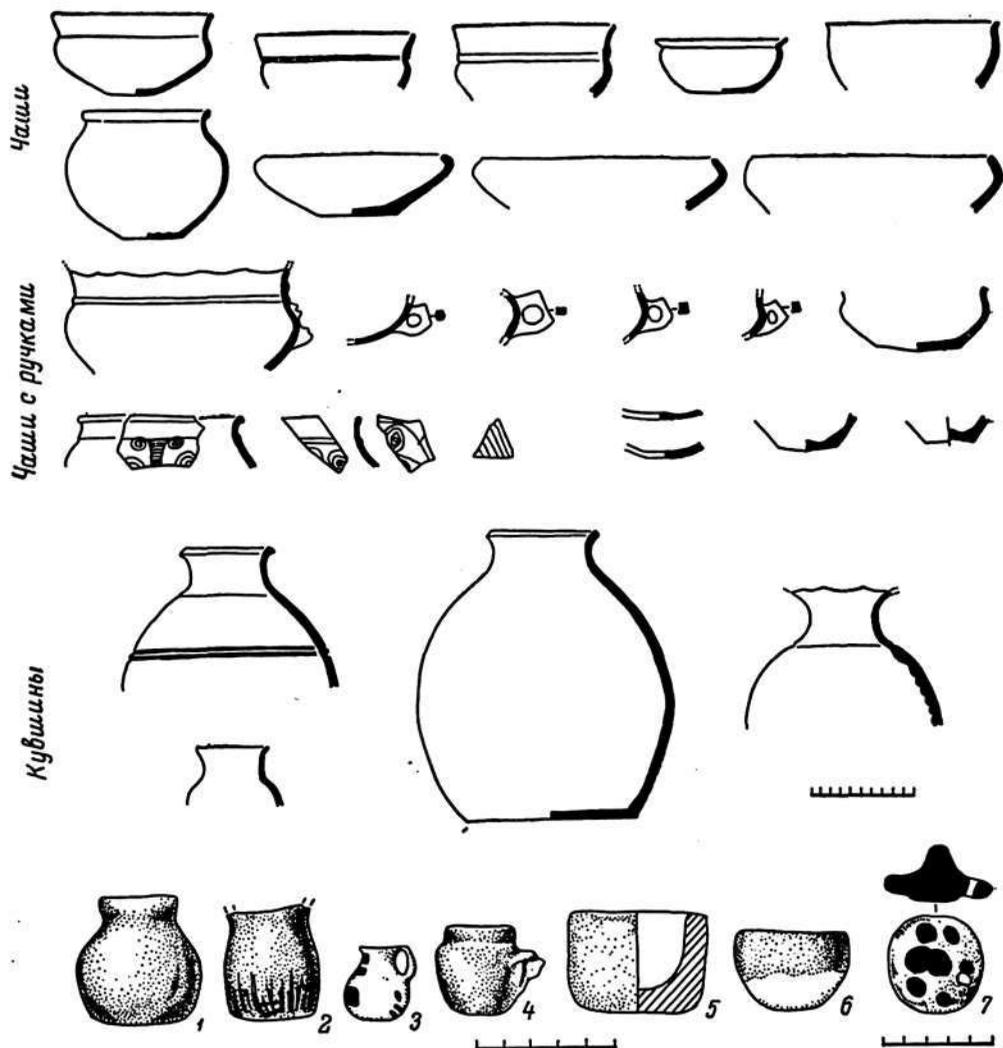

Табл. L. Шурабашат. Красноангобированная посуда чаши, (чаши с ручками, кувшины) и миниатюрные сосуды (1-7).

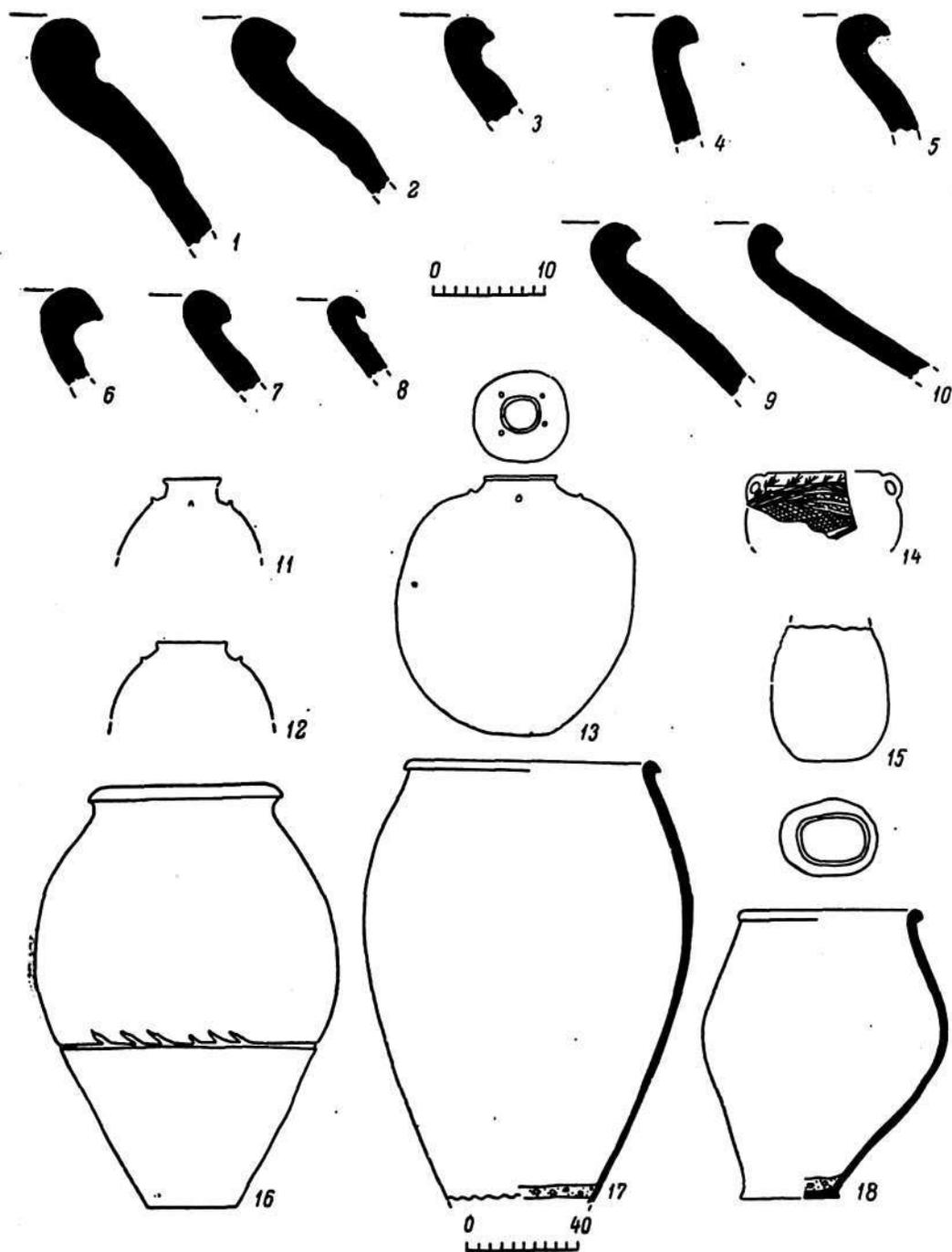

Табл. LI. Шурабашат. Хумы.

1-10 — венчики; 11-13 — шаровидные хумы; 14 — расписная корчага; 15 — корчага; 16-18 — яйцевидные хумы.

Табл. LII. Шурабашат. Расписные сосуды.

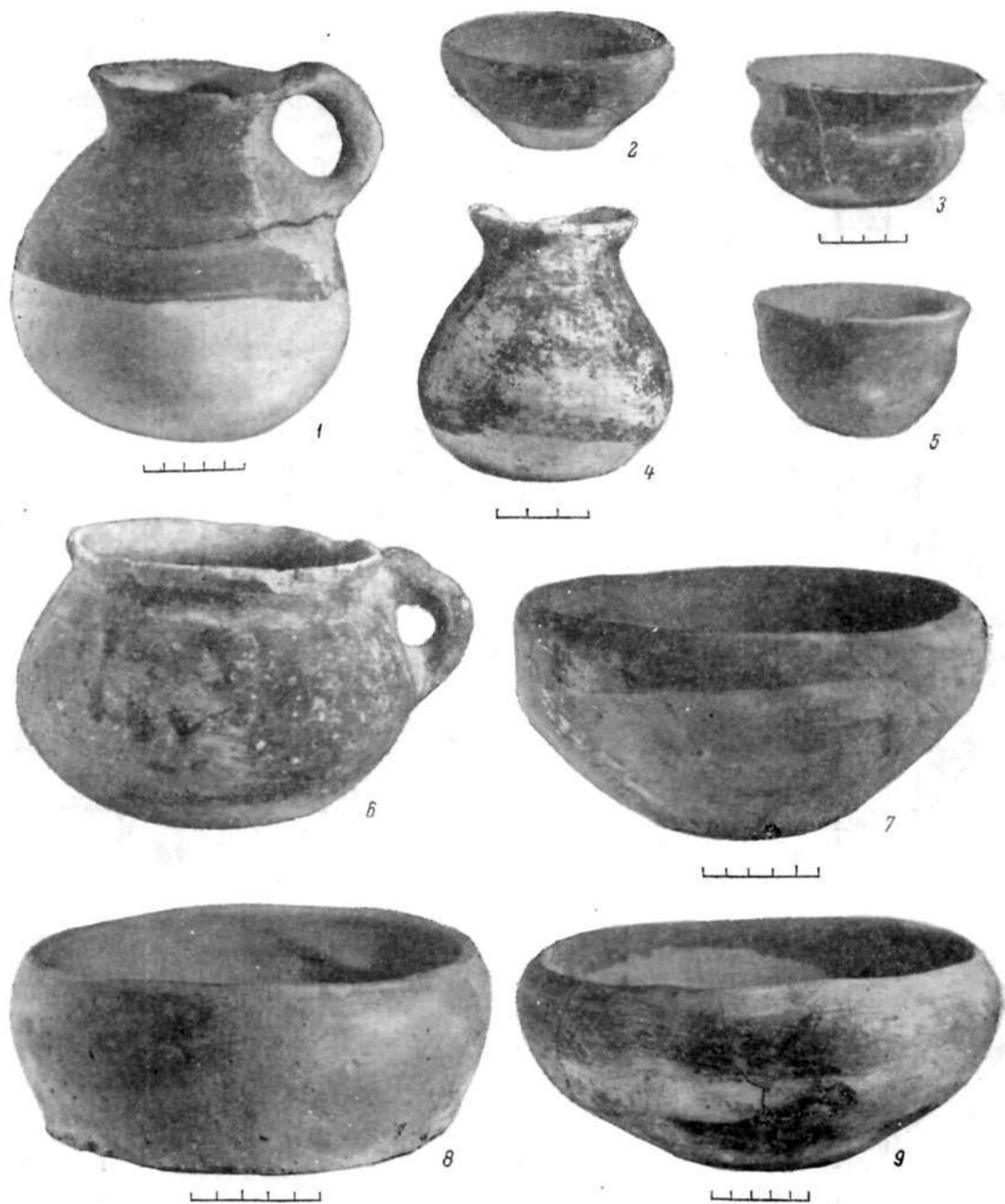

Табл. LIII. Шурабашат. Красные сосуды.

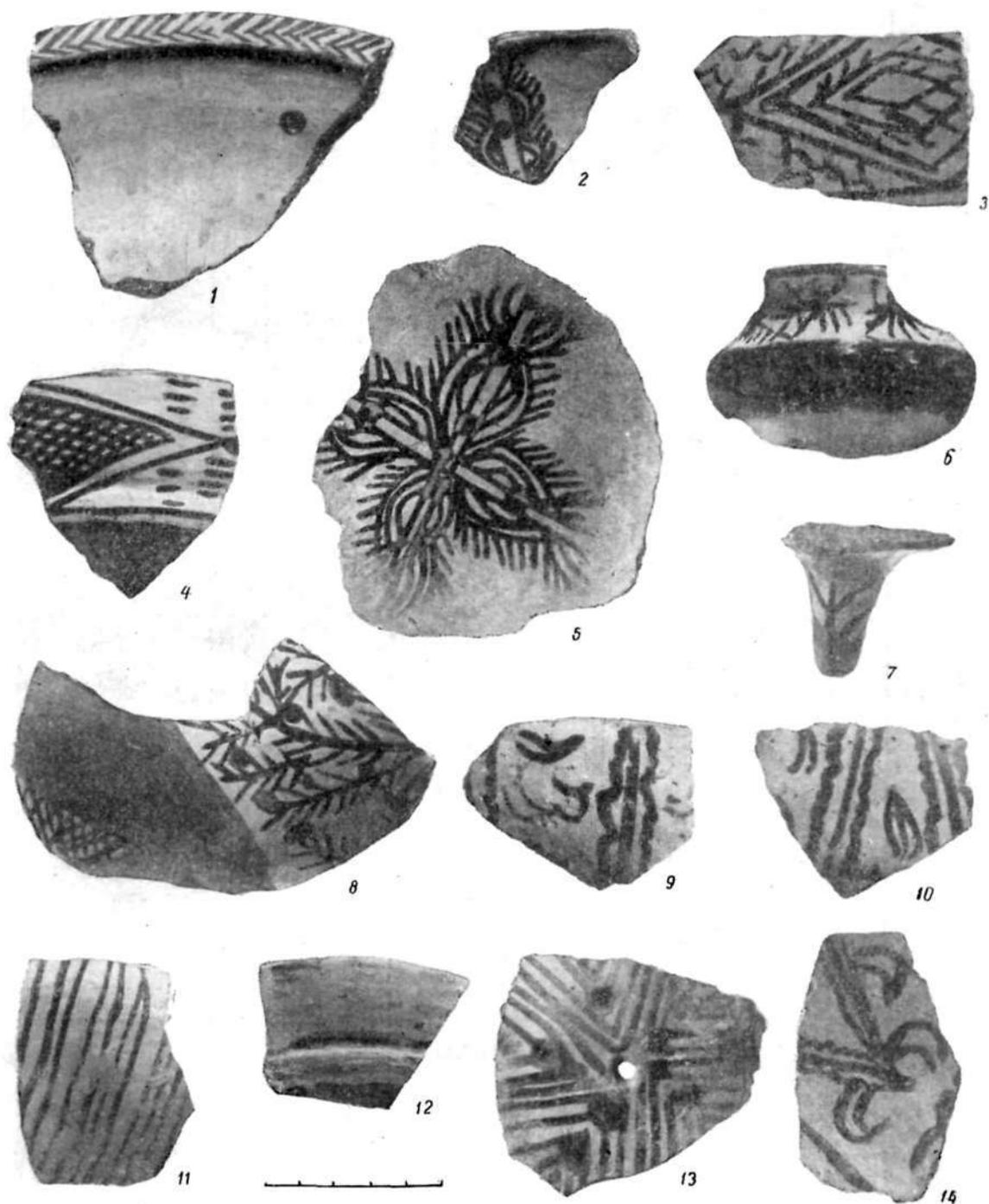

Табл. LIV. Шурабашат. Образцы расписного орнамента.

Табл. LV. Шурабашат. Образцы расписного орнамента.

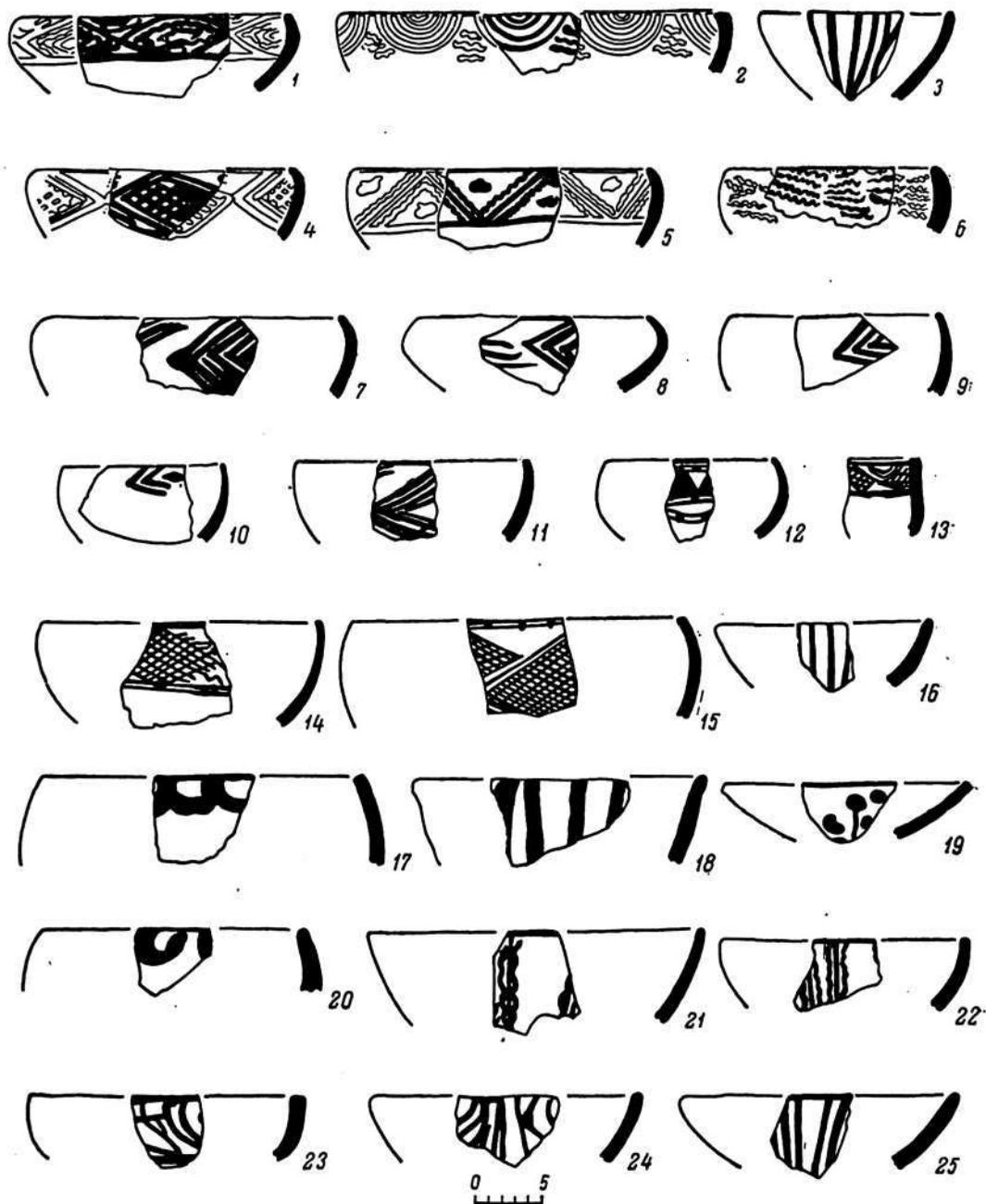

Табл. LVI. Шурабашат. Расписные открытые чаши.

1, 2, 4—12 — чаши с загнутыми внутрь краями; 3, 14—25 — чаши с прямыми стенками; 13 — миниатюрный сосудик.

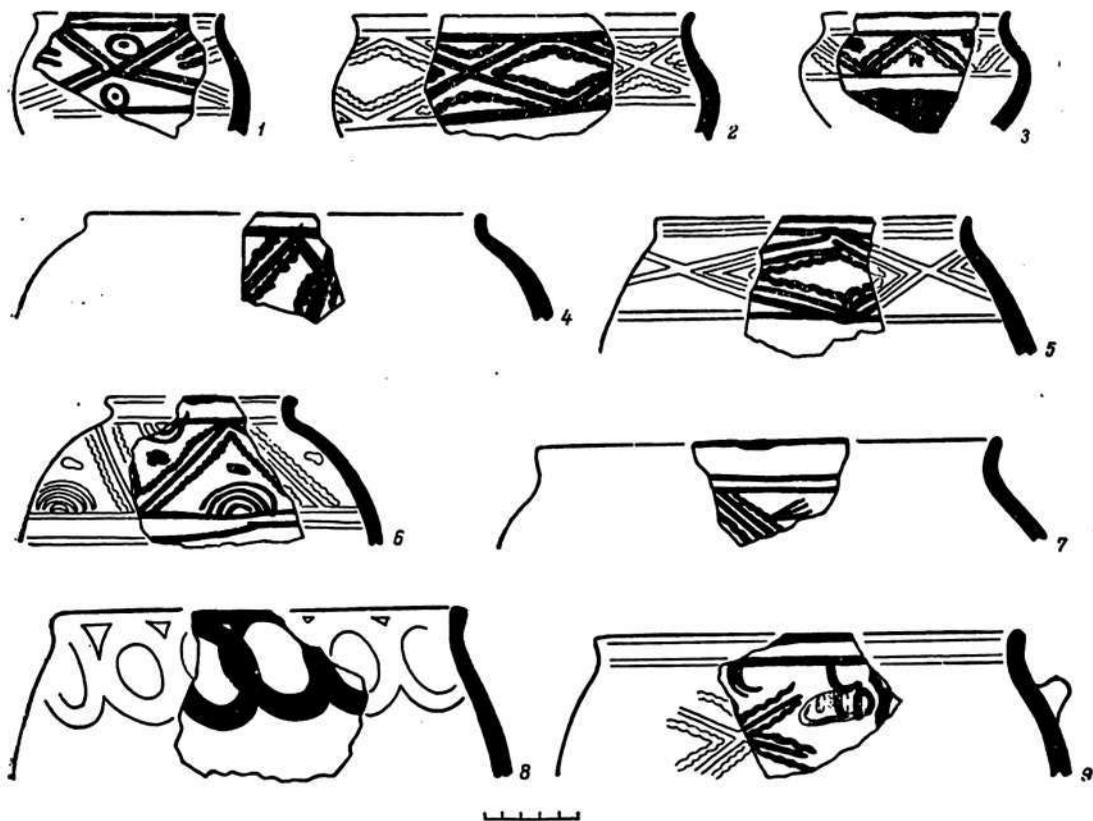

Табл. LVII. Шурабашат. Расписные котелки.

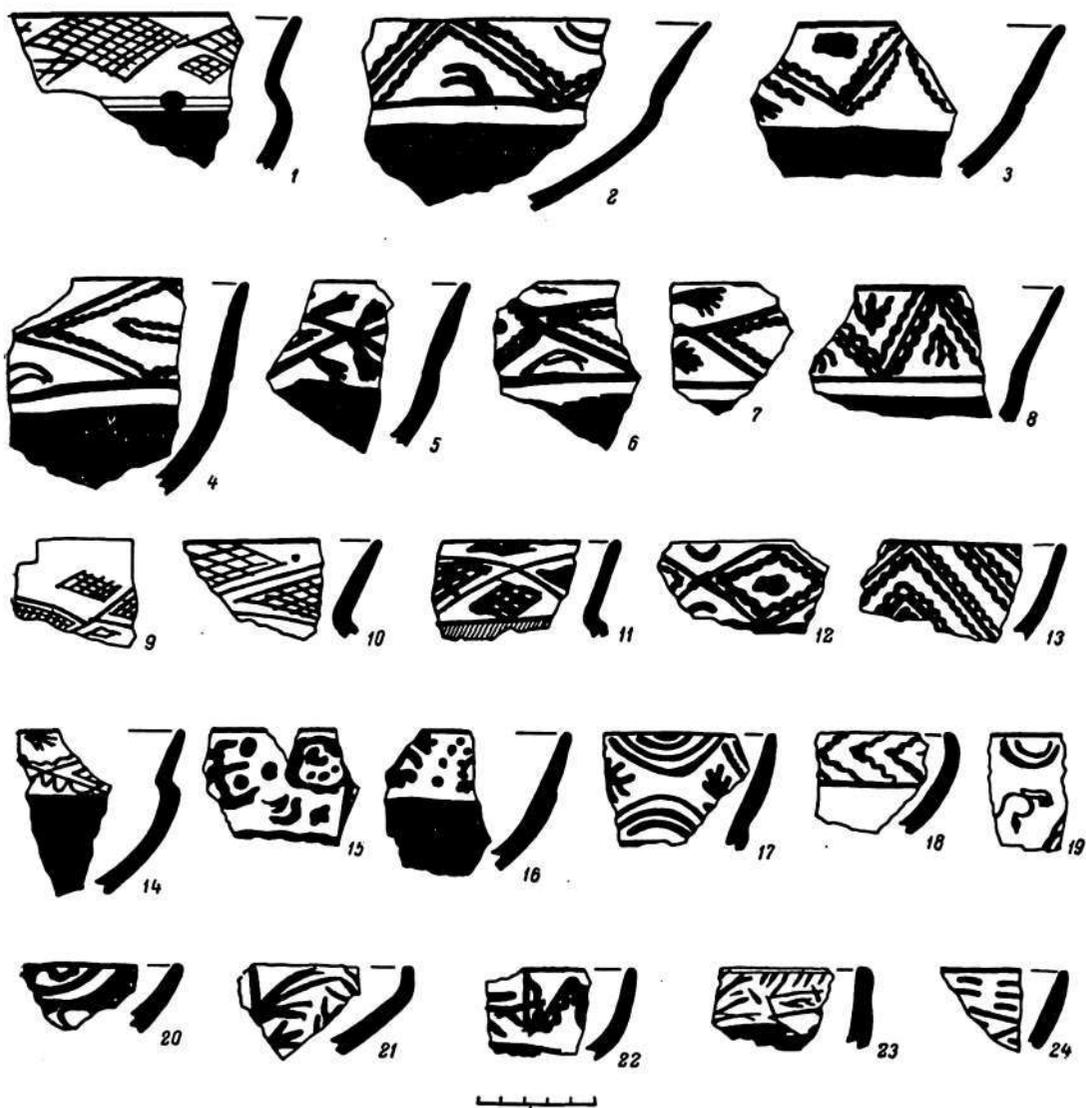

Табл. LVIII. Шурабашат. Расписные чаши с перехватом стенок.

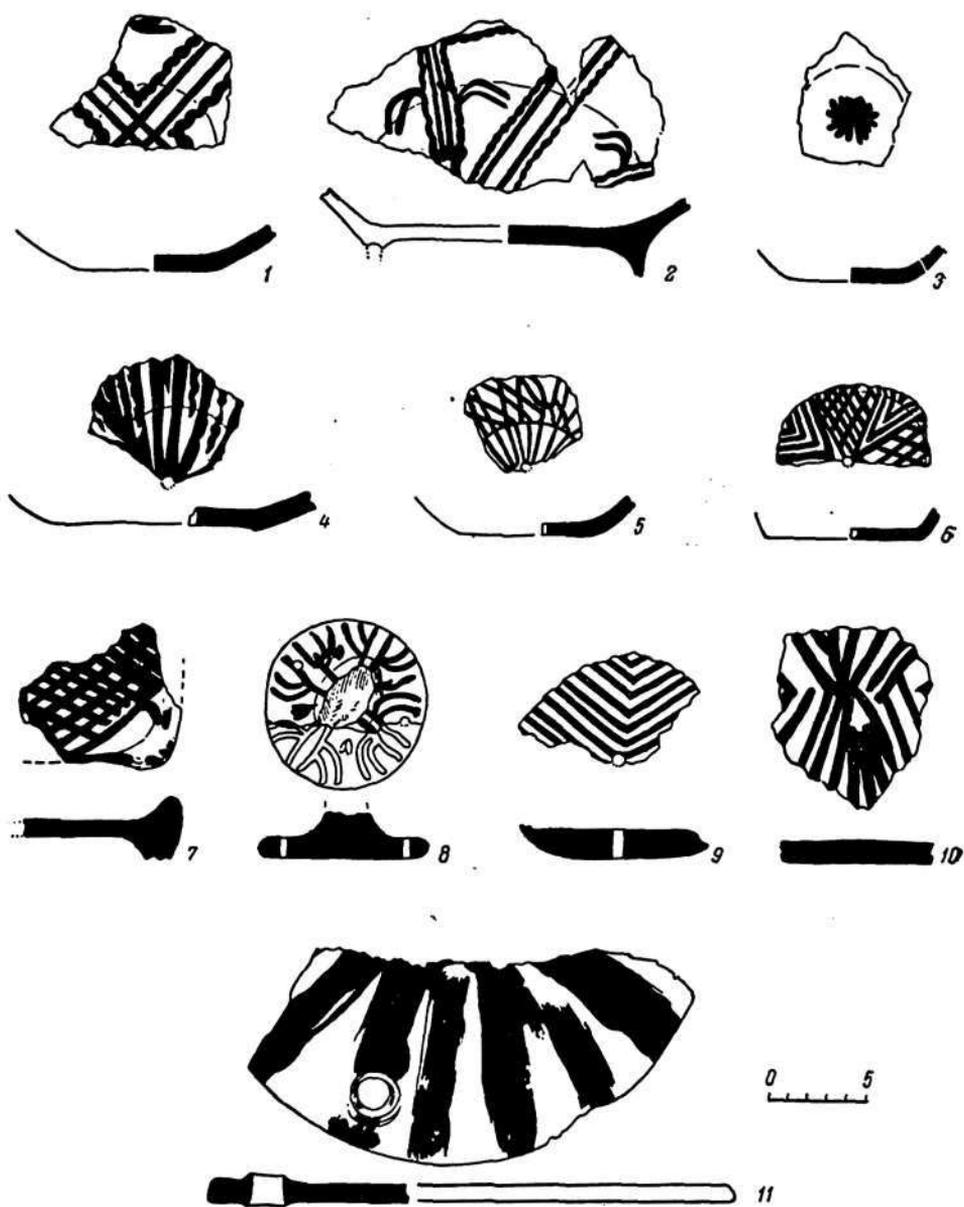

Табл. LIX. Шурабагат. Расписные донца (1—6) и крышки (7—11).

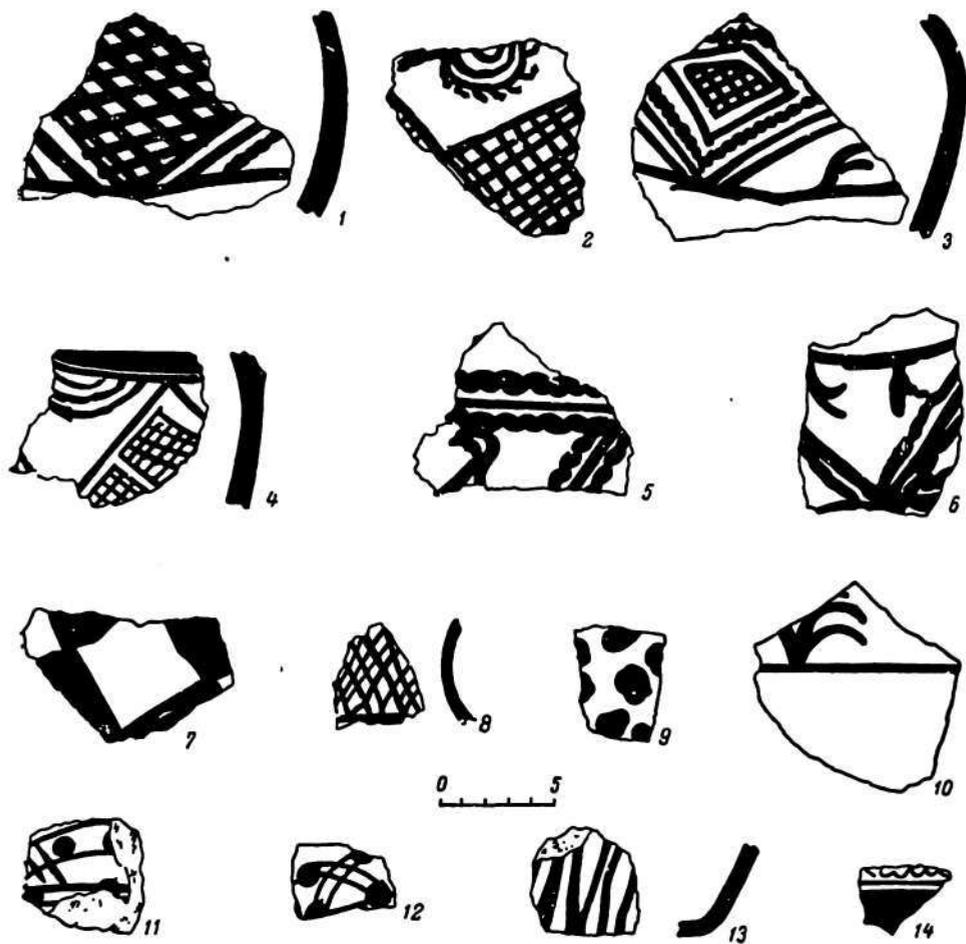

Табл. LX. Шурабашат. Расписная керамика.

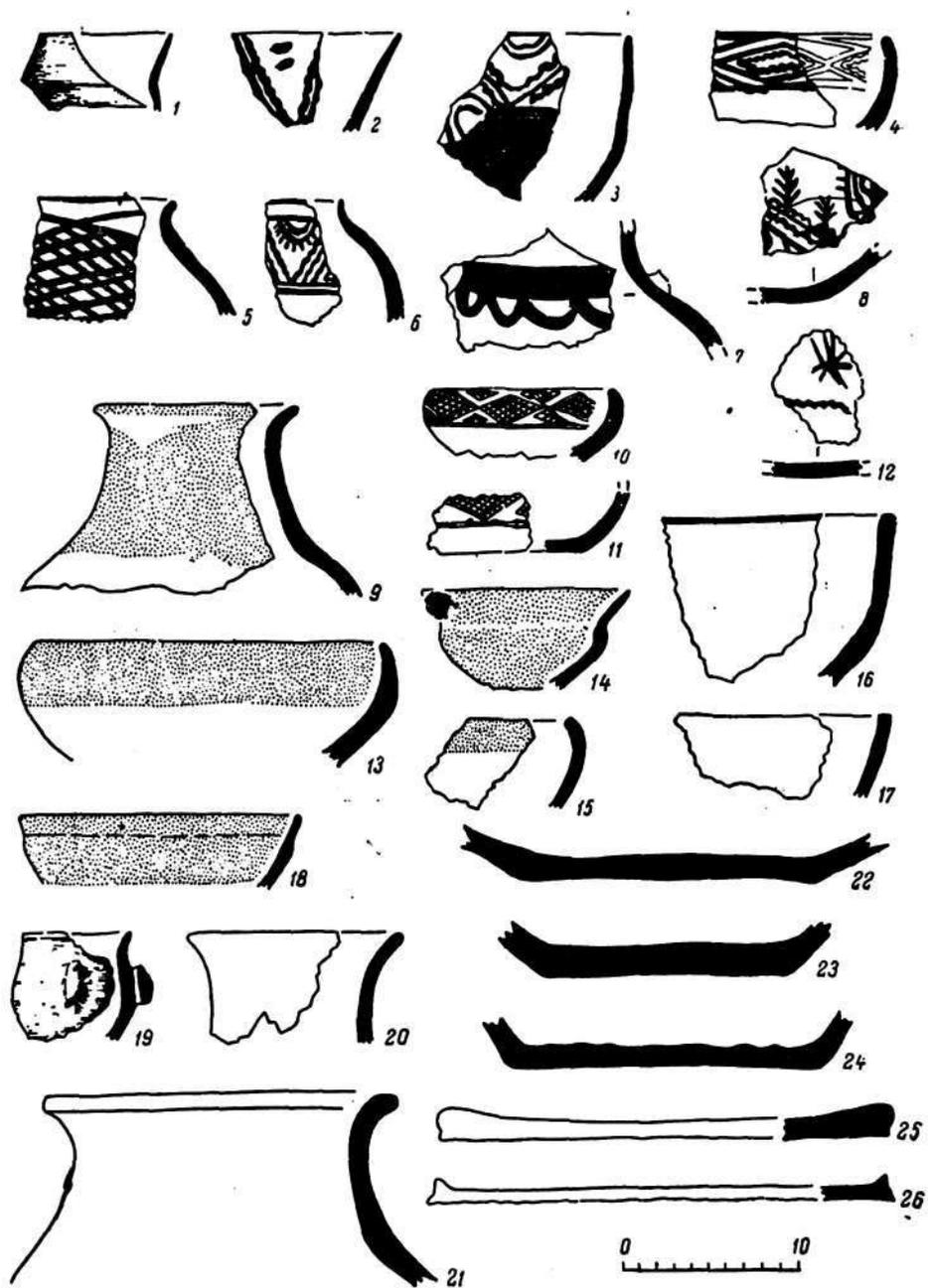

Табл. LXI. Шурабашат II. Керамика из ямы 11.

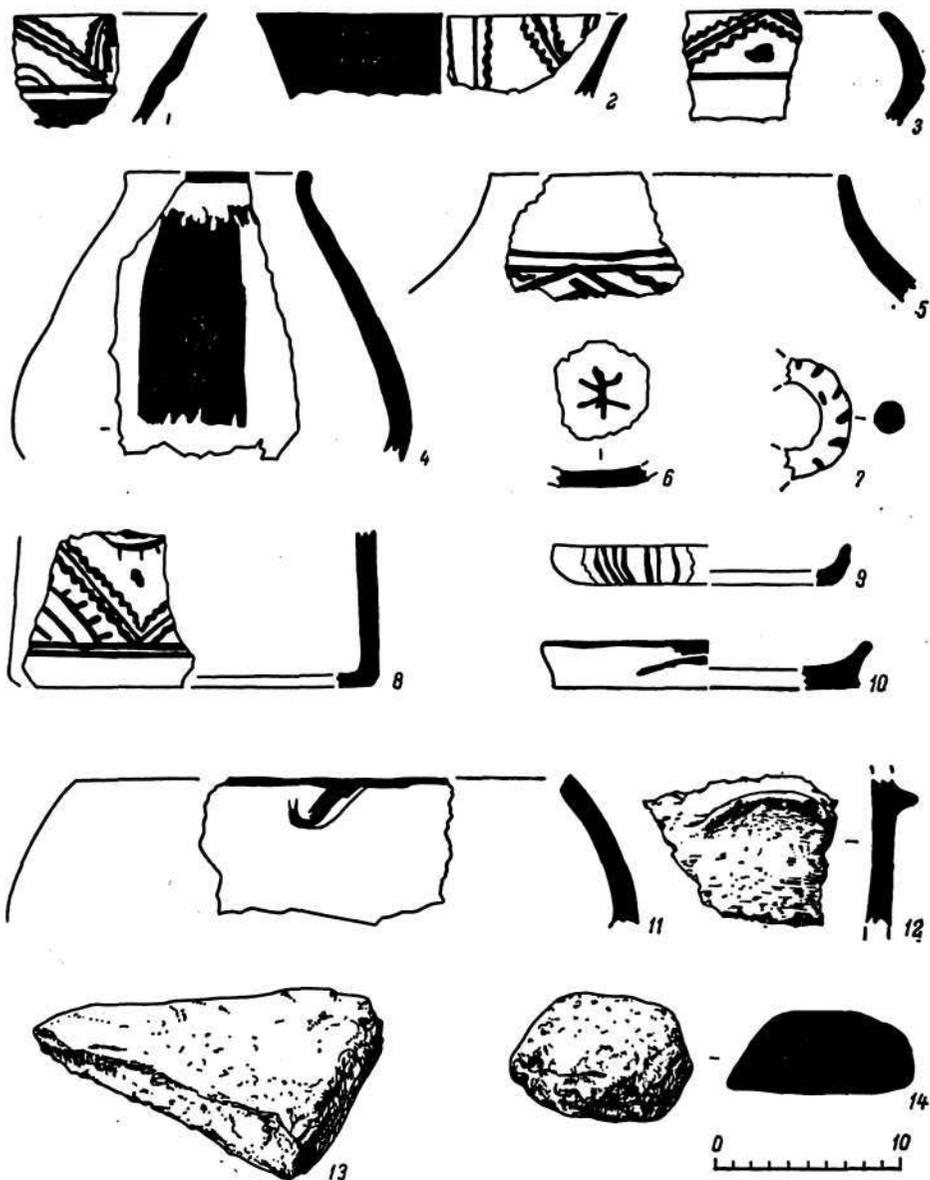

Табл. LXII. Шурабашат II. Керамика из ямы 13.

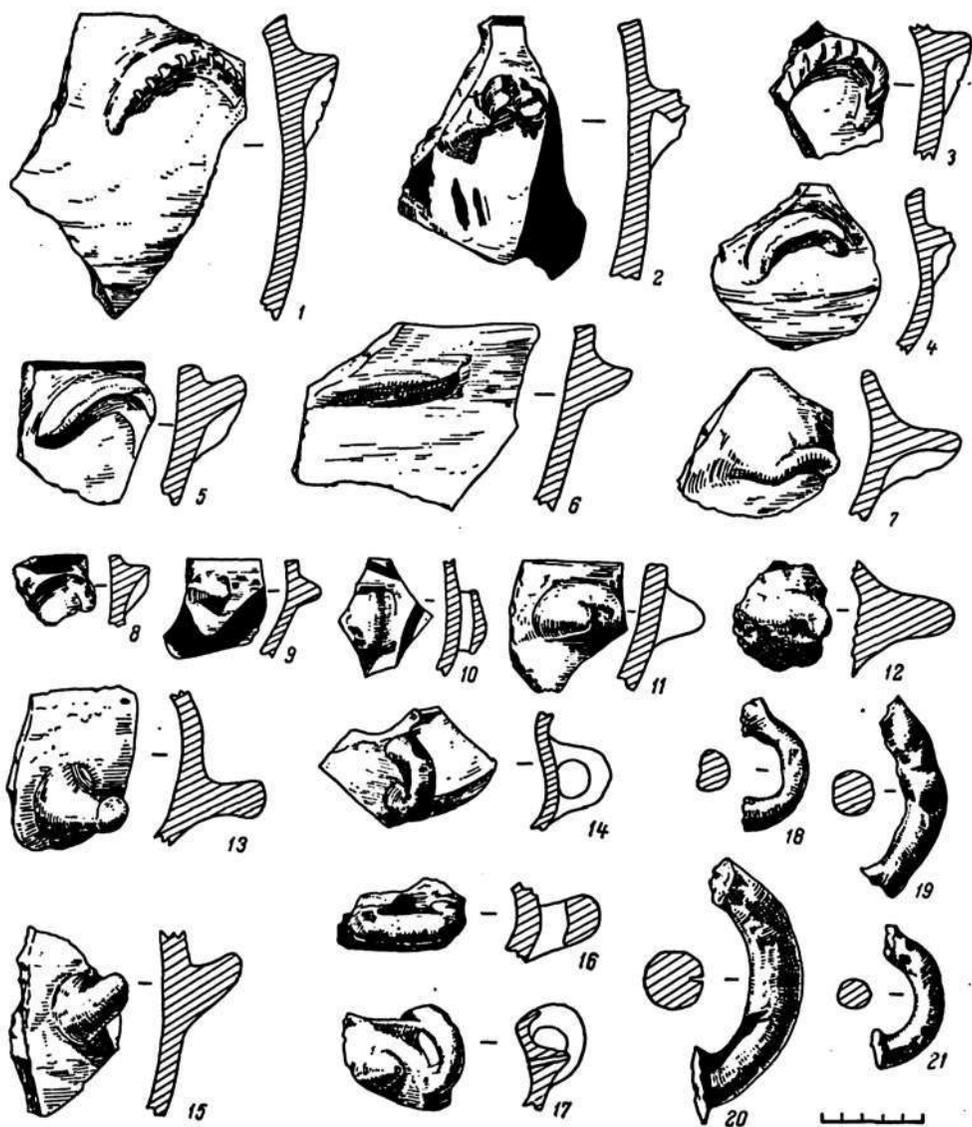

Табл. LXIII. Основные разновидности ручек керамики из Шурабашата.

1

2

3

4

Табл. LXIV. Шурабашат. Очажные подставки.

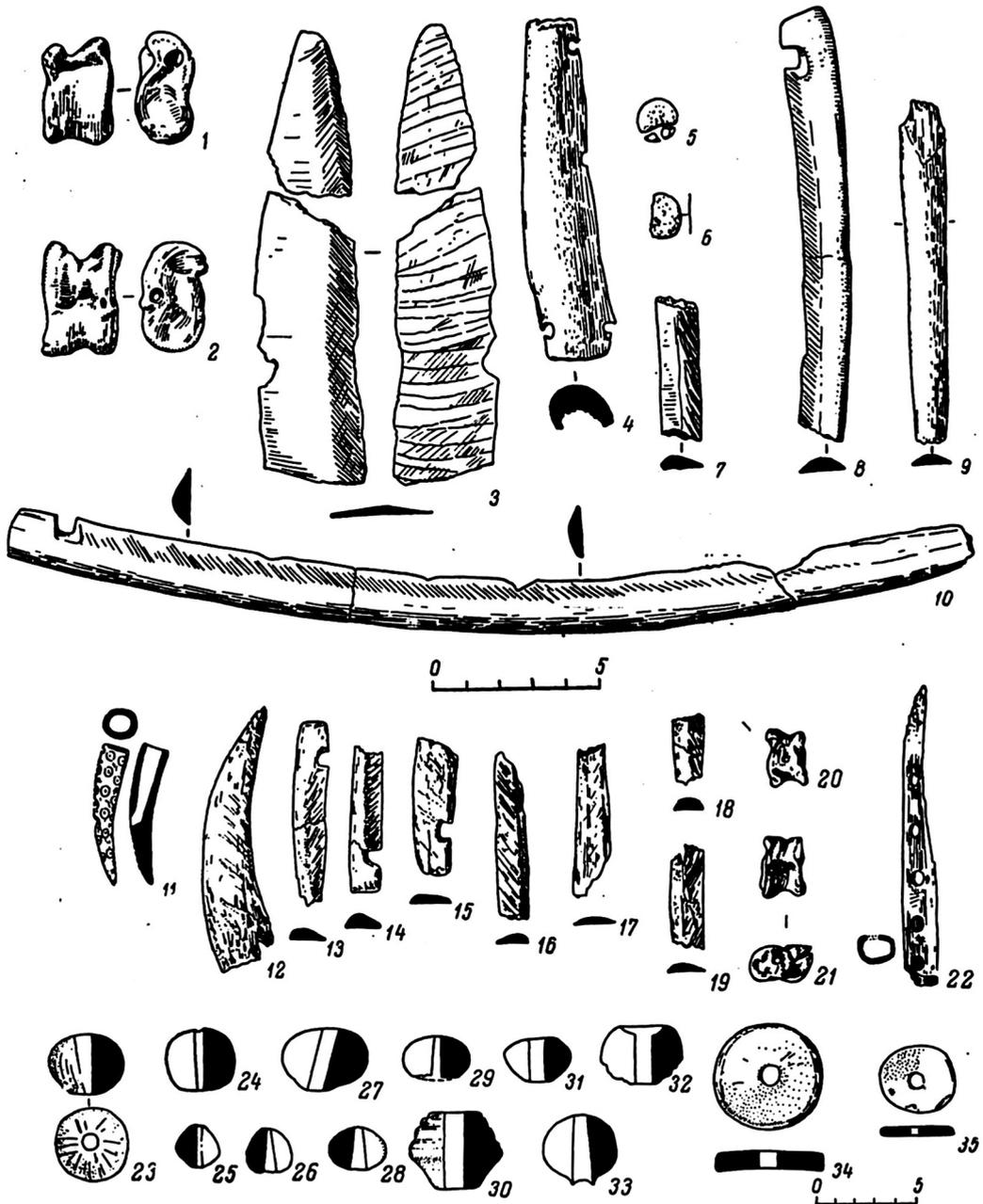

Табл. LXV. Шурабашат. Предметы из кости, бронзы и глины.

1—4, 7—22 — кость; 5, 6 — бронза; 23—34 — глина; 35 — камень; 22 — костяная «флейта» с городища Дунбулак.

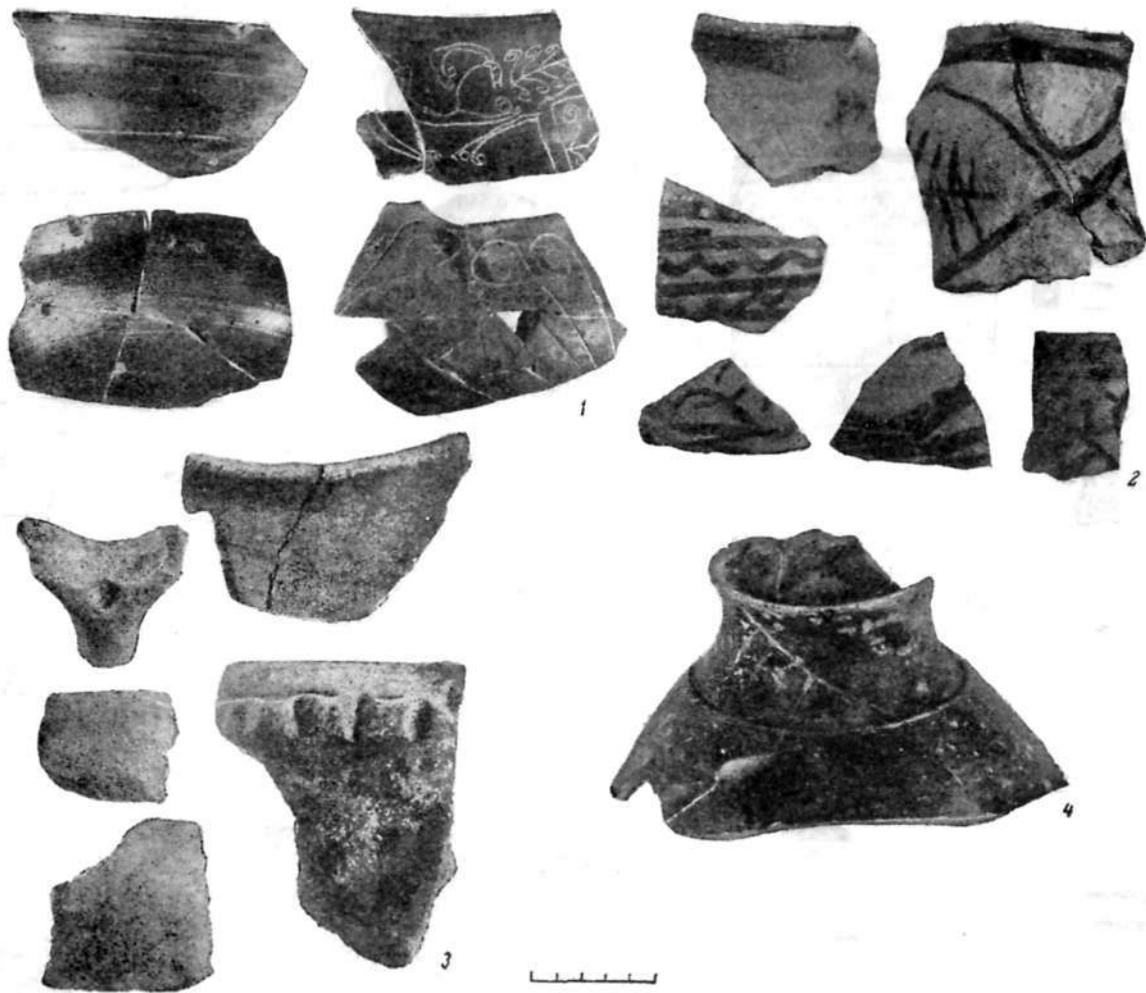

Табл. LXVI. Городище Днубулак. Образцы керамики.

1 — красноангобированная; 2 — расписная; 3 — грубая; 4 — обломок сосуда с черным ангобом.

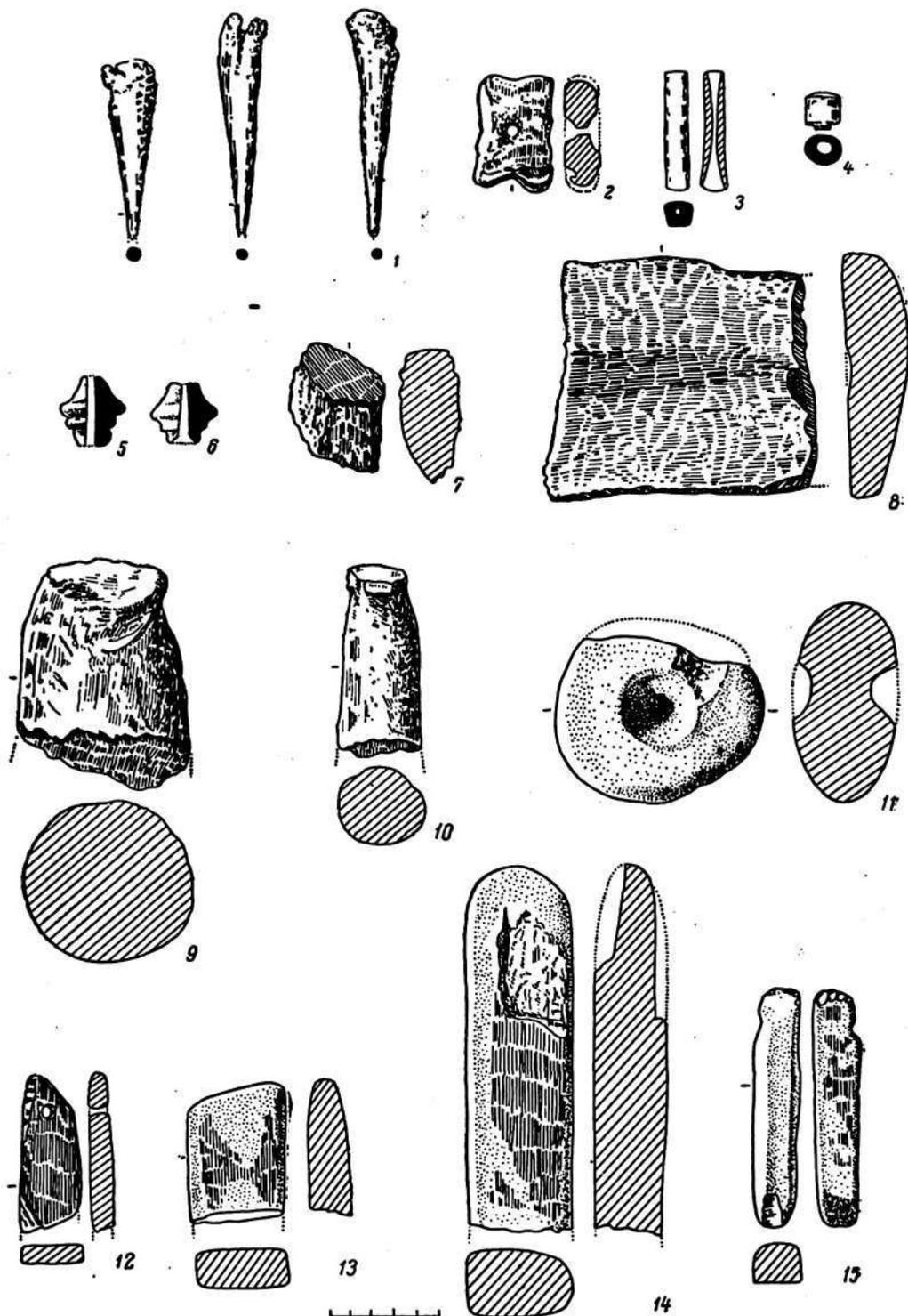

Табл. LXVII. Предметы из городища Днубулак.

1-4 — кость; 5, 6, 9, 10 — глина; 7, 8, 11-15 — камень.

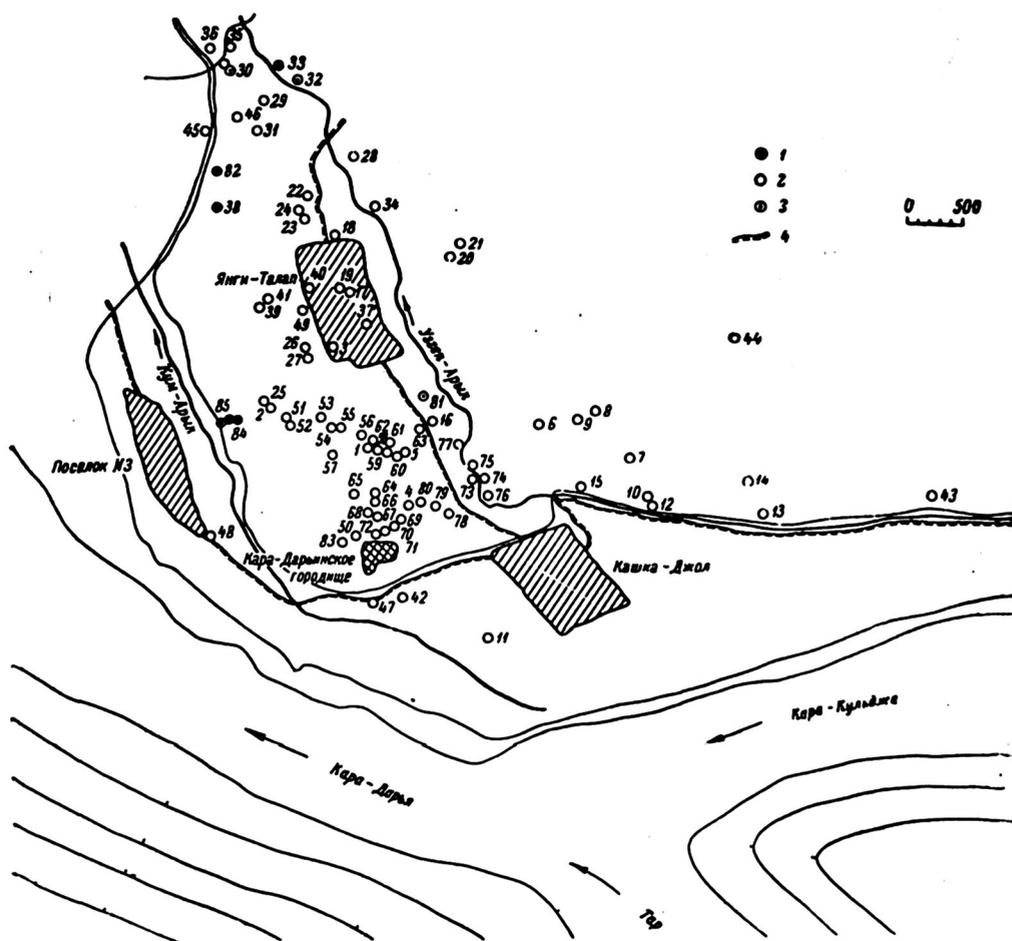

Табл. LXVIII. Схема памятников Кара-Дарьинского оазиса.

1 — памятники эпохи бронзы; 2 — памятники шурабашатского периода; 3 — памятники средневековые;
4 — дороги.

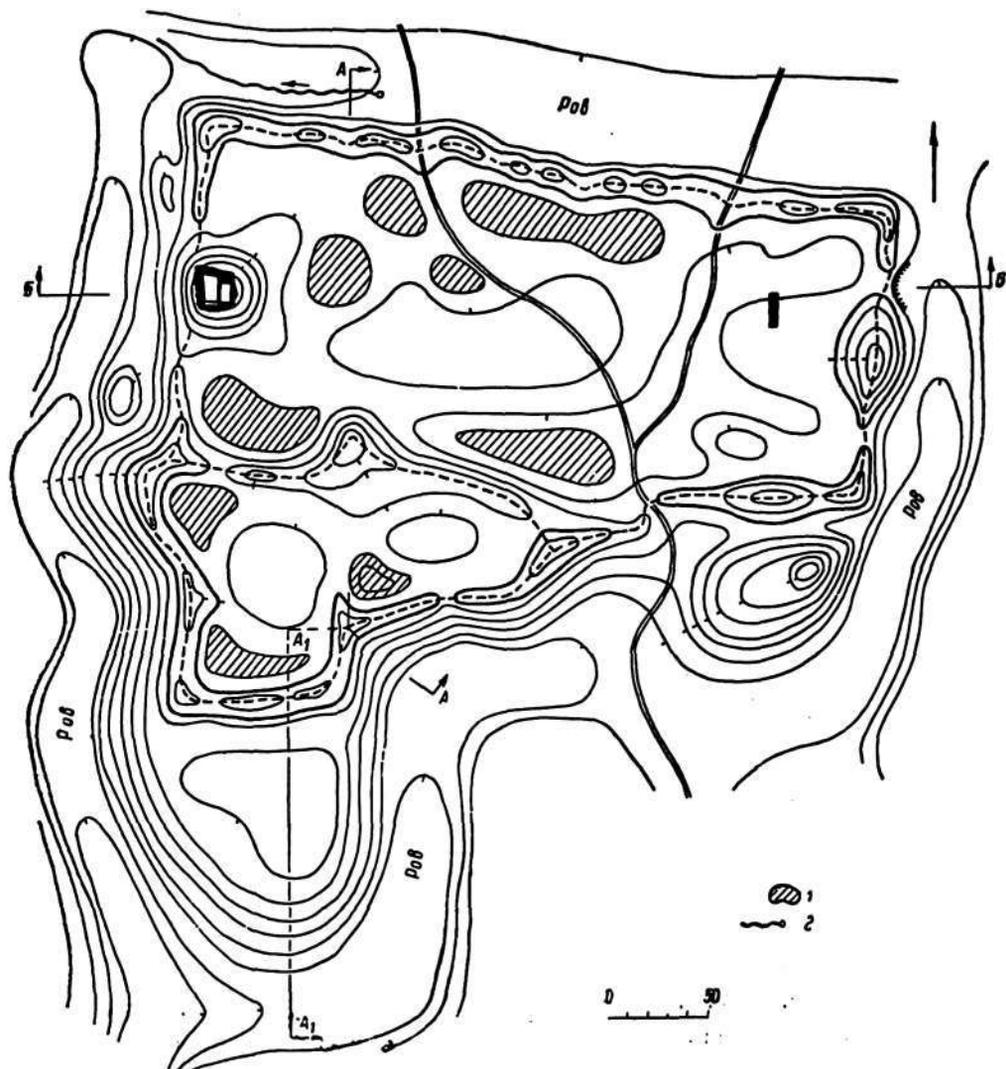

Табл. LXIX. План Кара-Дарьинского городища.

1 — впадины; 2 — родники.

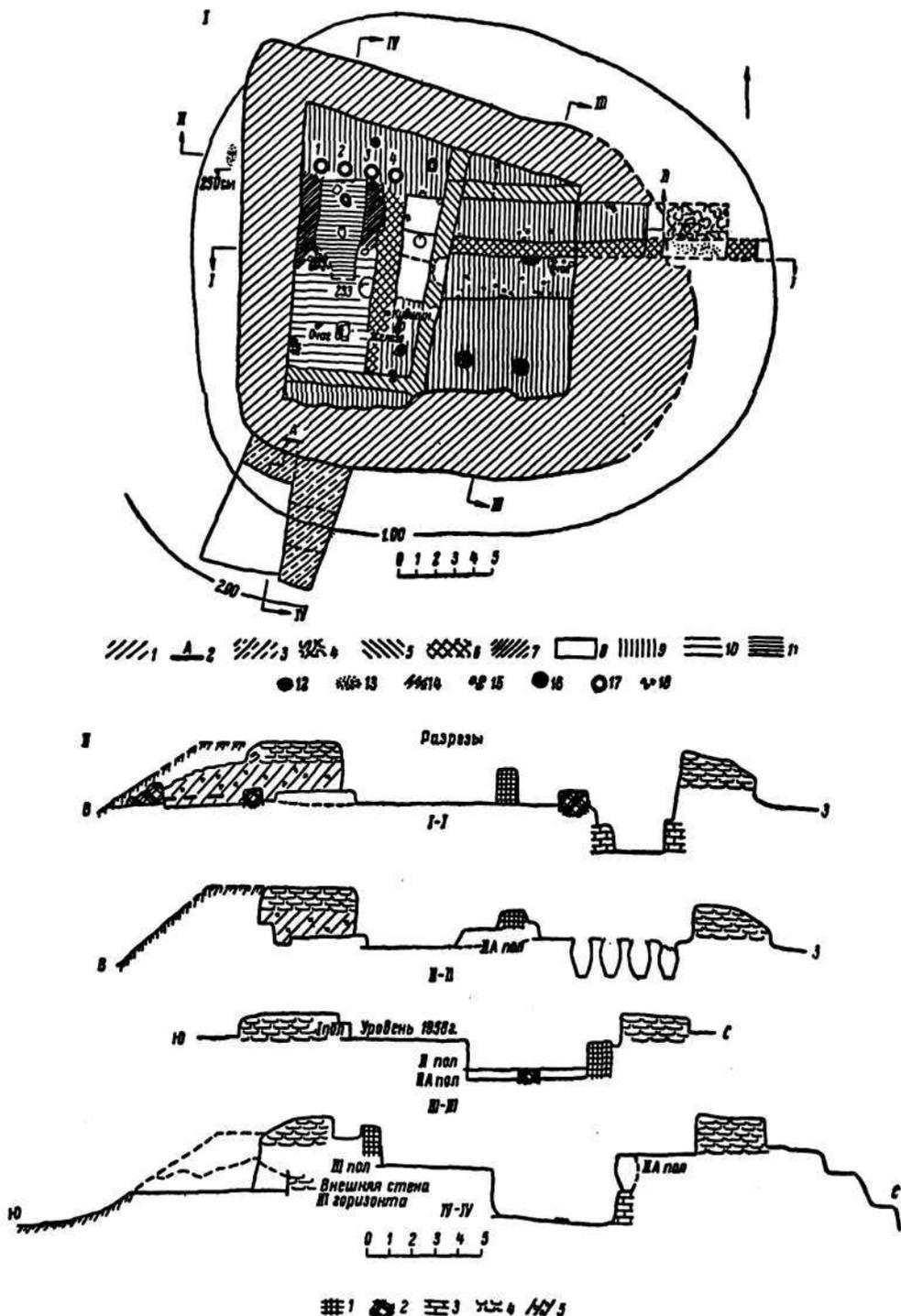

Табл. LXX. План (I) и разрезы (II) цитадели Кара-Дарьинского городища.

I. 1 - внешняя стена цитадели II горизонта; 2 - внешняя стена цитадели III горизонта; 3 - южная пристройка - пандус; 4 - развал внешней стены; 5 - стена II горизонта; 6 - стена III горизонта; 7 - стена IV горизонта; 8 - пол II горизонта; 9 - пол III горизонта; 10 - пол IV горизонта; 11 - пол V горизонта; 12 - очаг; 13 - вольное пятно; 14 - обожженный лёсс; 15 - камни; 16 - зернотерка; 17 - хум; 18 - обломки хумов.

II. I - стена II горизонта; 2 - стена III горизонта; 3 - стена IV горизонта; 4 - внешняя стена II горизонта; 5 - культурный слой.

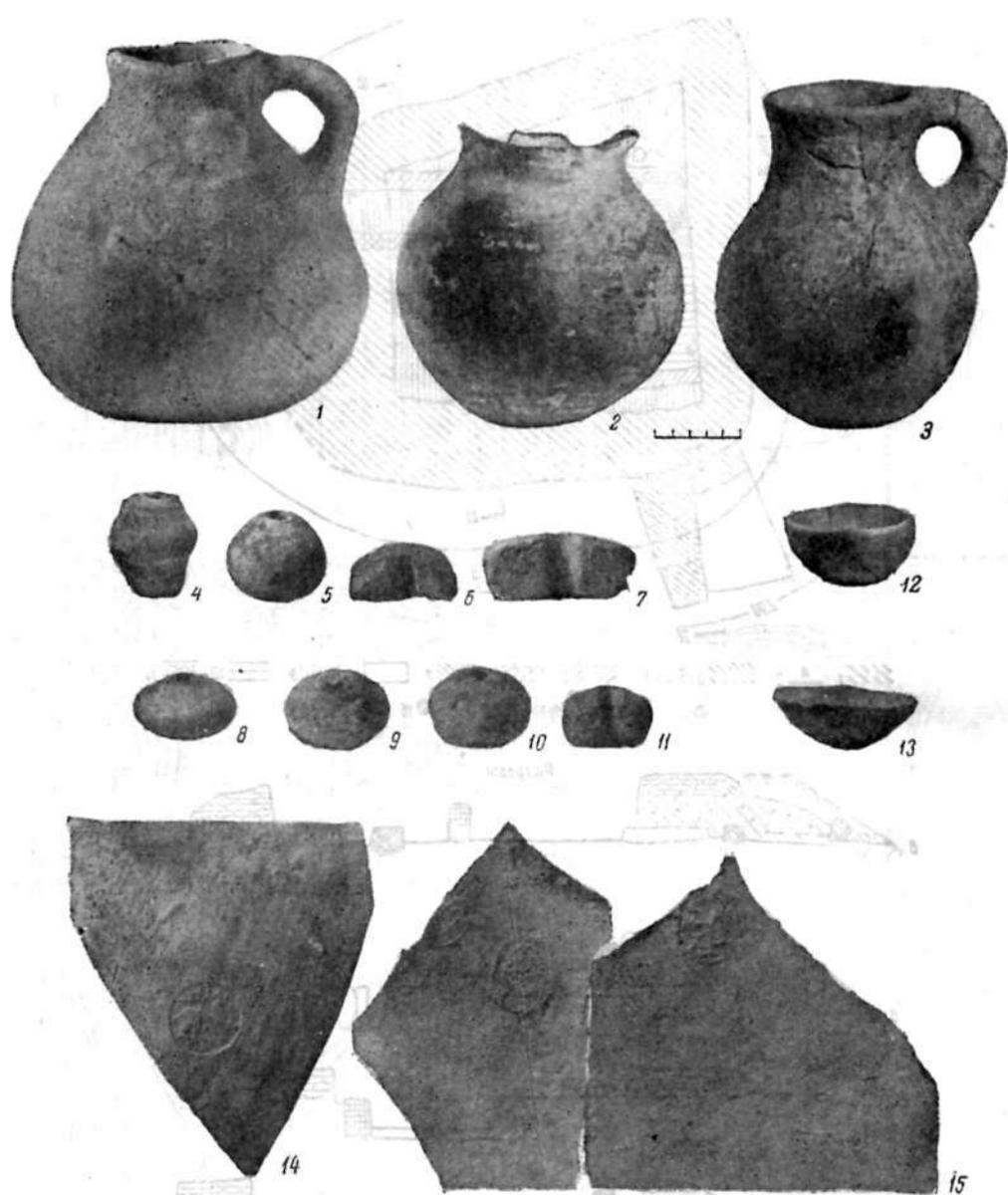

Табл. LXXI. Кара-Дарьинское городище.

1—3, 12, 13 — сосуды; 4—11 — прясли; 14—15 — фрагменты с оттисками штампов.

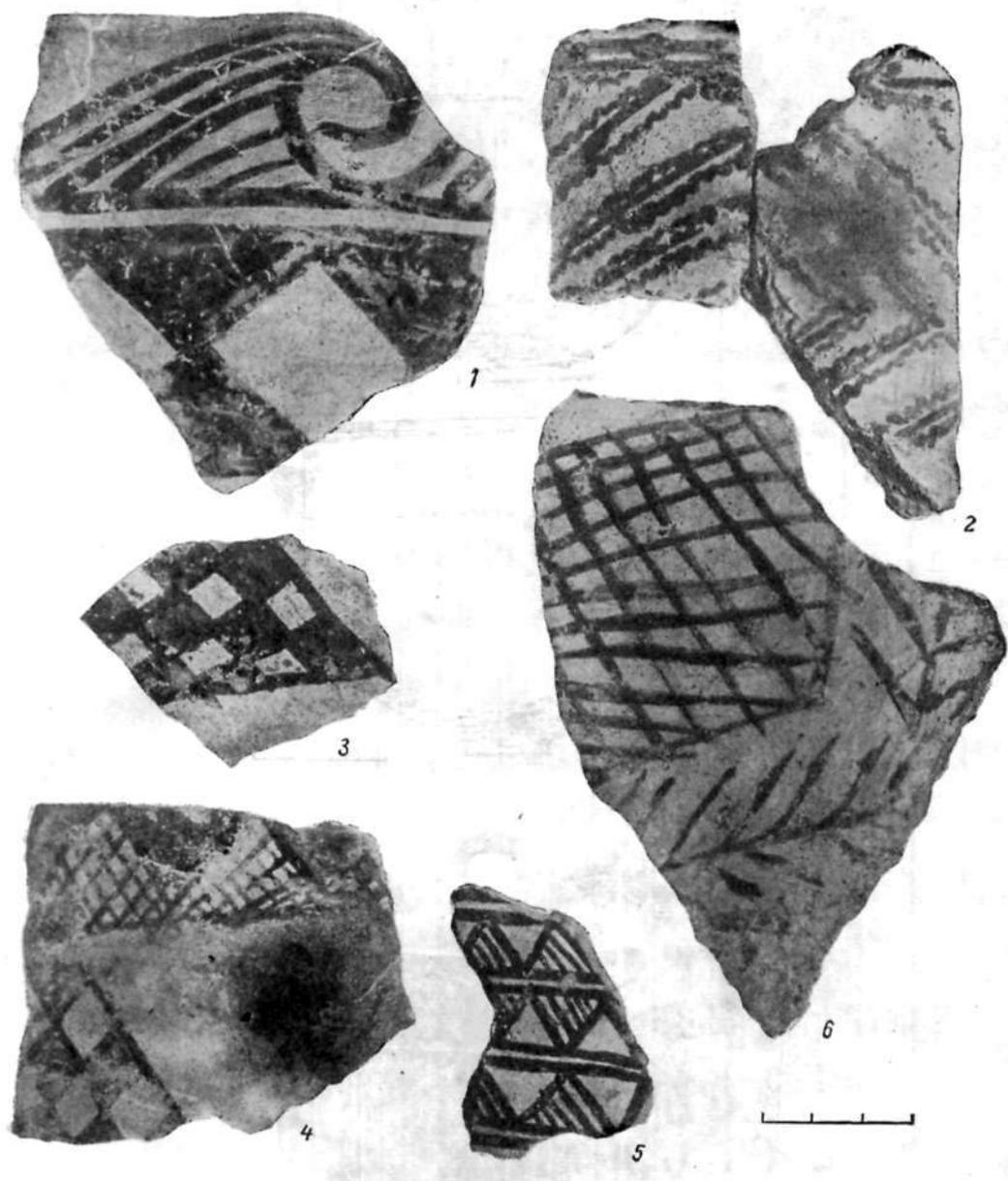

Табл. LXXII. Кара-Дарьинское городище. Расписная керамика.

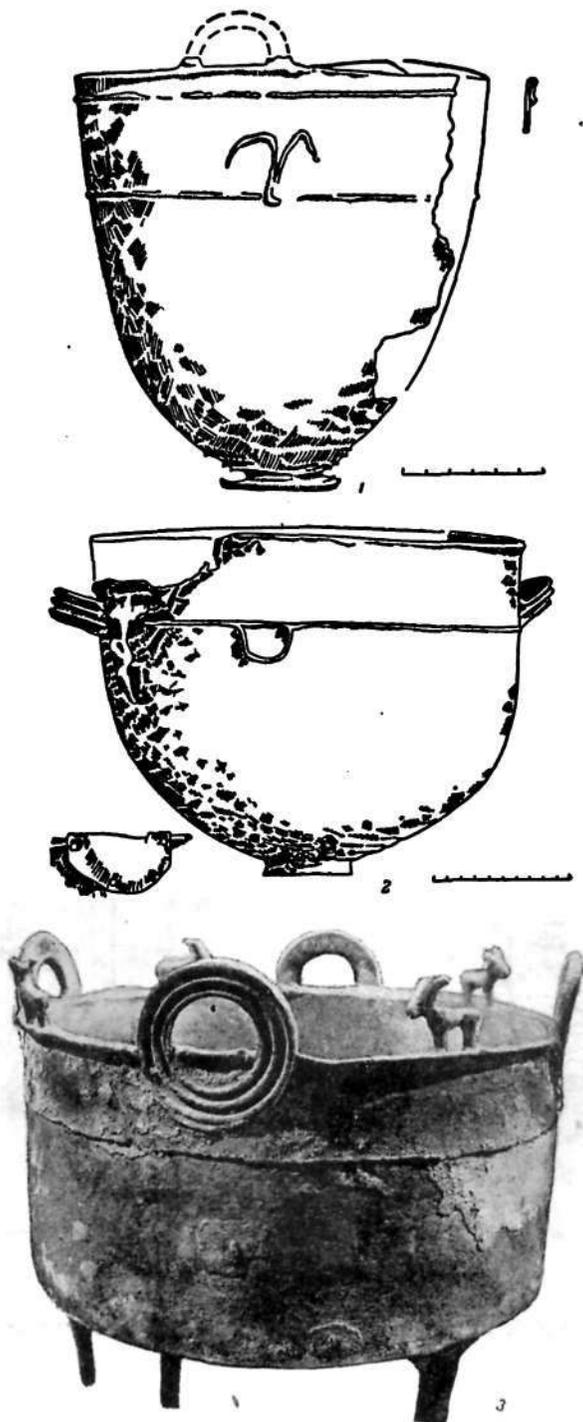

Табл. LXXIII. Металлические котлы из Ферганской долины.

1 — из района Шурабашата; 2 — из долины Кара-Кульджи; 3 — из района сел. Тюячи на БФК.

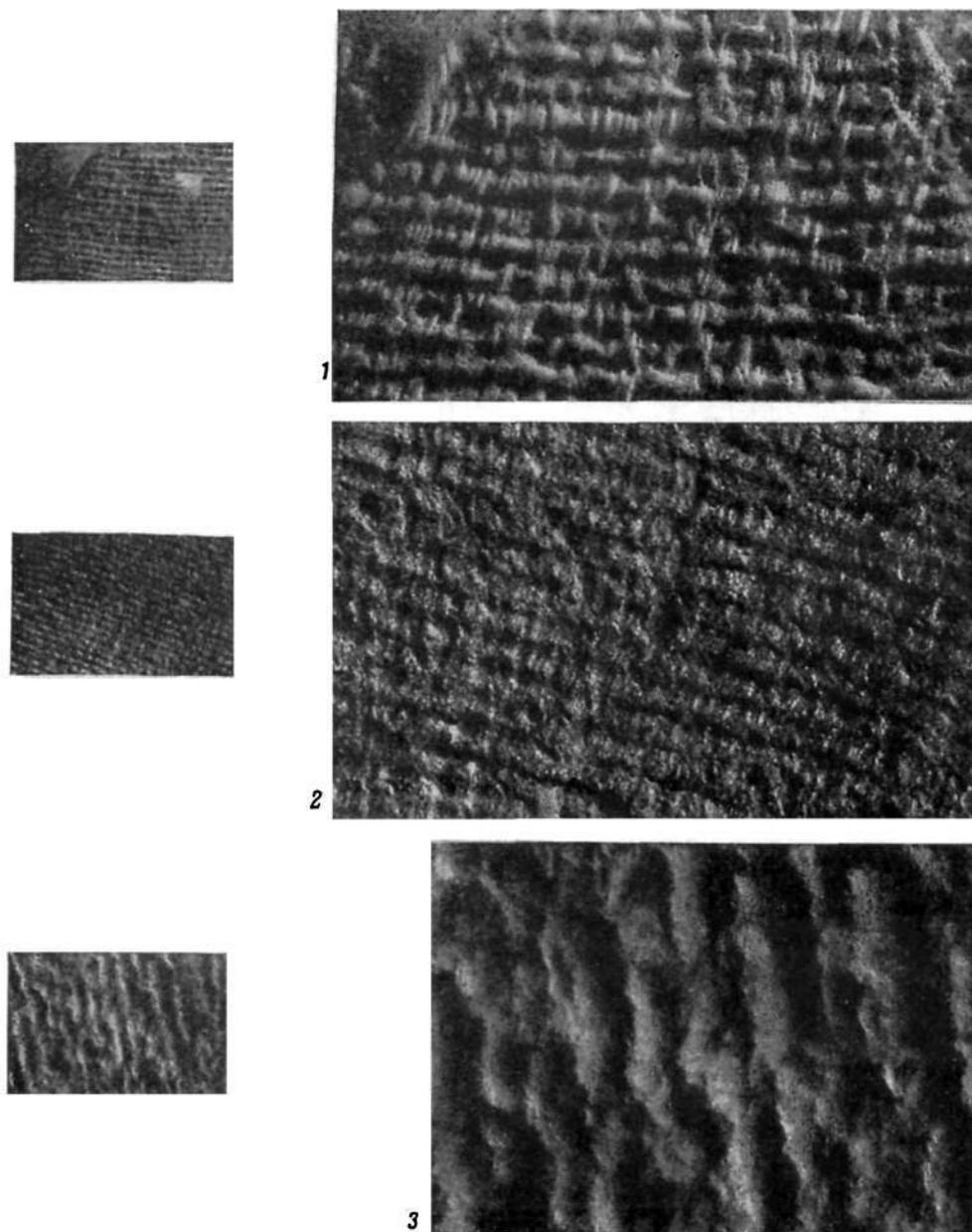

Табл. LXXIV. Отпечатки тканей на керамике с поселения Дальверзин.

1 — ткань полотняного переплетения: толщина нити основы 0.4—0.5 мм, утка — 0.3 мм, плотность по основе 10 нитей, по утку — 12; 2 — ткань репсового переплетения: толщина нити основы 0.5 мм, утка — 0.3 мм; плотность по основе 10 нитей, по утку — 20; 3 — ткань саржевого переплетения: толщина нити основы — 1.1 мм, утка — 0.6 мм; плотность по основе 5 нитей, по утку — не прослеживается. Рисунки слева даны в натур. величину, справа — увелич. в 4 раза (то же и для таблиц LXXV, LXXVI).

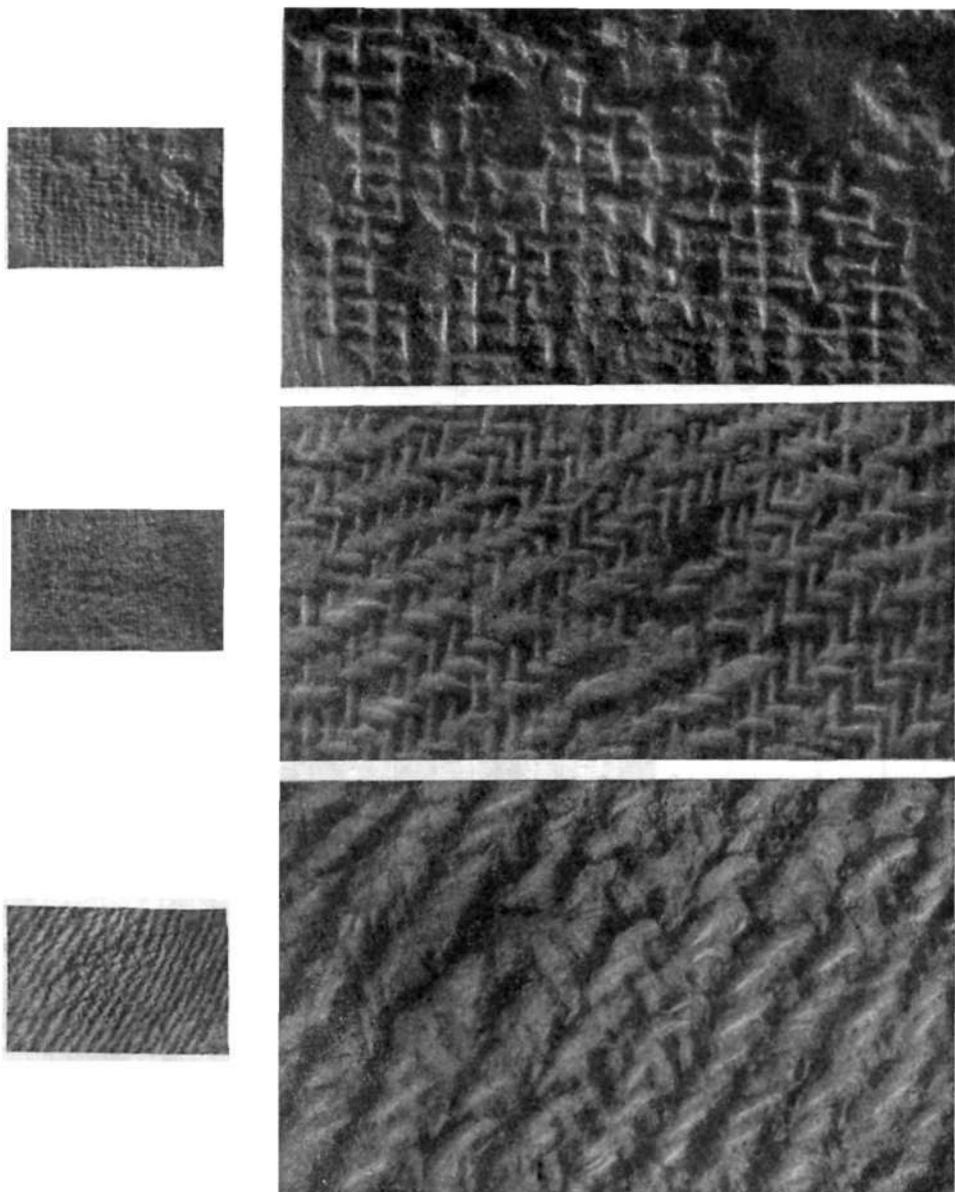

Табл. LXXV. Отпечатки тканей на керамике с городища Эйлатан.

1 — ткань полотняного переплетения: толщина нити основы — 0,5 мм, утка — 0,5 мм; плотность по основе — 8 нитей, по утку — 12; 2 — ткань саржевого переплетения: толщина нити основы — 0,3 мм, утка — 0,3 мм; плотность по основе — 14 нитей, по утку — 14; 3 — плотная саржа: толщина нити основы — 0,8 мм, утка — 0,5 мм; плотность по основе — 8 нитей, по утку — 10 нитей.

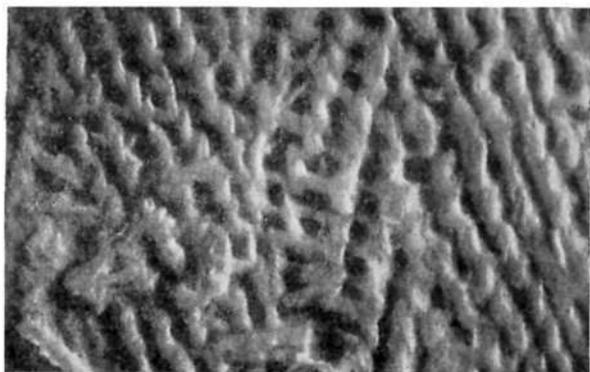
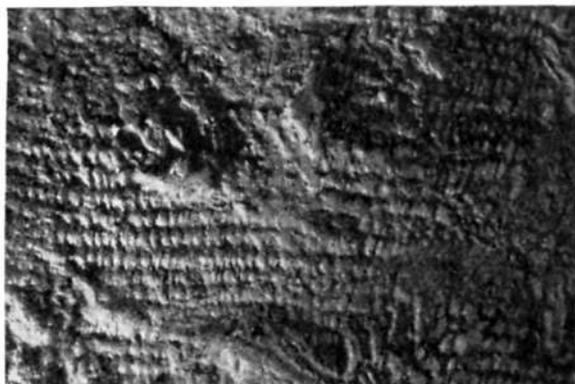
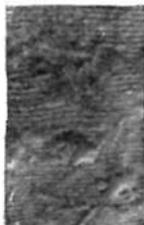
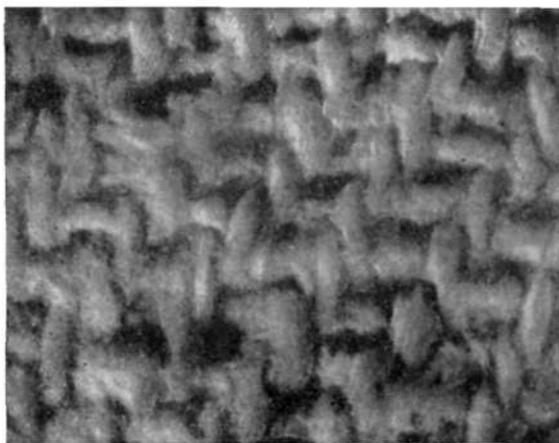
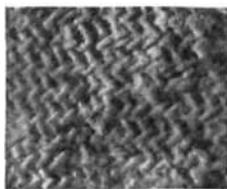

Табл. LXXVI. Отпечатки тканей на керамике с поселения Дараут-Курган.

1 — ткань саржевого переплетения: толщина нити основы — 1.1 мм, утка — 1.0 мм; плотность по основе — 6 нитей, по утку — 8; 2 — ткань репсового переплетения: толщина нити основы — 0.4 мм, утка — 0.2 мм; плотность по основе — 12 нитей, по утку — 28; 3 — ткань саржевого переплетения: толщина нити основы — 0.6 мм, утка — 0.6 мм; плотность по основе — 10 нитей, по утку — 10.

Табл. LXXVII. Расписная керамика Дальверзина.

Табл. LXXVIII. Расписная керамика Шурабашата.

SUMMARY

At the end of the second and at the beginning of the first millennium B. C. in the Ferghana valley the Choost farming culture reached a high stage of development characterised by painted ceramics. The greatest monument of the Choost culture — the Dalverzin settlement is situated on the bank of the river Kara-Darja in East Ferghana (pl. I, 8; fig. 1, 2). Excavations revealed the remains of dwellings and numerous storage pits (pl. II) as well as fortifications (pl. IX—XI; fig. 3). In the culture strata graves and separate human skulls were found (fig. 4). Choost culture is represented by a number of settlements and some findings of ceramics (pl. I).

Choost culture is characterised by a considerable development of copper and bronze metallurgy what is attested by the findings of foundry moulds (pl. XX), nozzle, crucible and various metal objects (pl. XXI, XXII). The skill of work on stone (pl. XXV—XXX) and bone (pl. XXIII—XXIV) reached a high stage of development. The most specific feature of the Choost culture is painted pottery with geometrical designs in black paint on a red background (pl. XVII, XVIII, XXXI).

The monuments of the Choost culture display great similarity with that of the period Anau IV A in Southern Turkmenia and cemetery B at Sialk in Central Iran. The Dalverzin settlement is dated by C¹⁴ 3050±120 and 2720±120 years A. D.

The main shapes of the pottery, colours and designs of the Ferghana valley show noticeable similarity with the sites of the Chalcolithic period in Central India (Nevasa, Navdatoli etc; fig. 19—21). A certain influence of Northern China — Sinkiang may be observed in the fact that crescent-shaped knives known in China in Yang-Shao period appeared in Ferghana (pl. XXVI).

The coexistence of farming culture with the culture of Andronovskay is a specific features of the history of the Ferghana valley (the settlements in Kairak-Kum and the cemeteries of Vuadil group).

The settlements of Iron age show the further development of farming culture (the second half

of the first millenium B. C.). The complex of pottery (pl. XXXVI—LX) different from that of the Choost culture was found in Ailatan site (pl. XXXIV) dated VII—IV cent. B. C. The cemeteries of Aktam group synchronous with Ailatan period contained a great number of iron objects and bronze arrowheads of the Scythian type as well as painted ceramics of original type.

Painted ware reached the highest level of development in the following Shurabashat period (III—I cent. B. C.). The Shurabashat site is the remaining part of well fortified ancient town with a separate citadel (pl. XLI). Ceramics are painted in plumred (pl. XLVII—LII). The most frequent designs are curvilinear and simple geometrical designs (pl. LIV—LX). Red slipped ware (pl. L) characteristic of the period II cent. B. C. — III—IV cent. A. D. can be found in the same settlements with the painted ceramics. To the Shurabashat period belongs Kara-Darja's site (pl. LXIX—LXXII), Dunbulak site (pl. LXVI—LXVII) etc. (pl. I). At the same time on the outskirts of the Ferghana valley the culture of stock-breeding tribes develops (fig. 37—40).

A considerable development of husbandry and general culture of the Ferghana valley in the Iron age may be accounted for the improvements in the ancient irrigation system and by a general rise of the society productive forces.

In the last centuries B. C. takes place the development of class relations and ancient state formation — Davan (Ta-yüan) Kingdom comes into being in Ferghana.

Ferghana played a specific role in the history of Ancient Middle Asia. In the period of Choost culture it was a kind of outlying district of South Turkmenian farming communities. In the later epochs Ferghana retained its independence and in all probability remained outside the borders of the Achaemenid empire it was neither captured by Alexander the Great nor incorporated in the Graeco-Bactrian kingdom.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия наук.	ЛГУ	— Ленинградский го- сударственный уни- верситет.
БФК	— Большой ферганский канал.	ЛОИА	— Ленинградское отде- ление Института ар- хеологии Академии наук СССР.
ВДИ	— Вестник древней исто- рии.	МИА	— Материалы и иссле- дования по археоло- гии СССР.
ВИ	— Вопросы истории.	МХЭ	— Материалы Хорезм- ской экспедиции.
ГАИМК	— Государственная Ака- демия истории матери- альной культуры.	ОАК	— Отчеты Археологи- ческой комиссии.
ДАН	— Доклады Академии наук.	ООН	— Отделение обществен- ных наук.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического об- щества.	ПТКЛА	— Протоколы Турке- станского кружка лю- бителей археологии.
ИАН	— Известия Академии наук.	СА	— Советская археоло- гия.
ИАН УзССР	— Известия Академии наук Узбекской ССР.	СAB	— Среднеазиатский ве- стник.
ИВГО	— Известия Всесоюзн- ного географического общества.	САГУ	— Среднеазиатский го- сударственный уни- верситет.
ИИМК	— Институт истории материальной куль- туры Академии наук СССР.	СОНАТ	— Социалистическая наука и техника.
ИКиргФАН СССР	— Известия Киргиз- ского филиала Ака- демии наук СССР.	СТаджФАН СССР	— Сообщения Таджик- ского филиала Ака- демии наук СССР.
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отде- ления общественных наук Академии наук Таджикской ССР.	СФК	— Северный Ферган- ский канал.
ИТОРГО	— Известия Туркестан- ского отделения Рус- ского географиче- ского общества.	СЭ	— Советская этнография.
ИУзФАН СССР	— Известия Узбекского филиала Академии наук СССР.	ТАН ТаджССР	— Труды Академии наук Таджикской ССР.
ИЭ	— Институт этнографии	ТАЭ	— Таджикская археоло- гическая экспедиция.
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.	ТГИМ	— Труды Государствен- ного исторического музея.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Укра- инской ССР.	ТИГ КиргФАН СССР	— Труды Института геоло- гии Киргизского филиала Академии наук СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной куль- туры Академии наук СССР.	ТИИ АН КиргССР	— Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этногра- фии Академии наук СССР.	ТИИ АН ТаджССР	— Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР.
		ТИИА АН УзССР	— Труды Института исто- рии и археологии Академии наук Уз- бекской ССР.

ТИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.	ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ТИИАЭ АН ТуркмССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.	ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР.
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР.	УзГУ	— Узбекский государственный университет.
ТИЯЛИ КиргФАН СССР	— Труды Института языка, литературы и истории Кыргызского филиала Академии наук СССР.	УЗАГПИ	— Ученые записки Алма-Атинского (с 1956 г. Казахский) государственного педагогического института
ТКАЭЭ	— Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции.	УЗ КазГПИ	— Ученые записки Казахского государственного педагогического института.
ТКиргГПИ	— Труды Кыргызского государственного педагогического института.	ЮФК	— Южный ферганский канал.
ТКИЧП	— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода.	ВМFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities.
ТМИУзССР	— Труды Музея истории Узбекской ССР.	MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan.
ТПЭ	— Таджикско-Памирская экспедиция.		
ТСАГУ	— Труды Среднеазиатского государственного университета.		

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

	Стр.		Page
От редактора	5	Editorial	5
Введение	7	Preface	7
Глава I. Памятники эпохи бронзы	11	Chapter I. The Monuments of Bronze Age	11
I. Чустская культура	11	I. Choost culture	11
II. Андроновская культура	49	II. Andronovskaya culture	49
III. Отдельные находки	52	III. Separate findings	52
IV. Датировка	64	IV. Chronology	64
Глава II. Фергана в период поздней бронзы	71	Chapter II. Ferghana in Late Bronze period	71
I. Хозяйство	72	I. Economics	72
II. Поселения	84	II. Settlements	84
III. Общественный строй	88	III. Social system	88
IV. Фергана и Средняя Азия	94	IV. Ferghana and Central Asia	94
Глава III. Памятники эпохи железа	108	Chapter III. The Monuments of Iron Age	108
I. Эйлатанский период	108	I. Ailatan period	108
II. Шурабашатский период	116	II. Shurabashat period	116
III. Могильники скотоводов предгорий	154	III. Cemeteries of the foothilles nomads	154
IV. Отдельные находки (котлы)	162	IV. Separate findings (Kettles)	162
V. Датировка	165	V. Chronology	165
Глава IV. Фергана во второй половине I тысячелетия до н. э.	171	Chapter IV. Ferghana in the second half of the First millenium B. C.	171
I. Сложение культуры земледельче- ских племен Ферганы эпохи железа	171	I. The formation of farming culture of Ferghana in Iron Age	171
II. Хозяйство	176	II. Economics	176
III. Общественный строй	187	III. Social system	187
IV. Фергана и Средняя Азия	191	IV. Ferghana and Central Asia	191
Заключение	200	Conclusion	200
Приложение		Appendix	
В. В. Гинзбург. К антропологии насе- ления Ферганской долины в эпоху бронзы	201	V. V. Ginzburg. On anthropology of the population of Ferghana valley in Bronze Age	201
И. В. Богданова-Березовская. Химиче- ский состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа	219	I. V. Bogdanova-Berezovskaya. Chemical compound of metal articles from Ferg- hana of Bronze and Iron Age	219
Г. Ф. Коробкова. Отпечатки тканей на керамике	231	G. F. Korobkova. Impress of tissue on pottery	231
Литература	235	Literature	235
Таблицы (I—LXXVIII)	249	Plates (I—XXVIII).	249
Резюме	325	Summary	325
Список сокращений	326	List of abbreviations	326

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Колонка</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
14	левая	9 св.	32 кв. м.	320 кв. м.
16	»	3 св.	(табл. VII, 2;	(табл. VII, 6;
16	правая	21 св.	табл. VII, 1).	(табл. VII, а).
26	левая	24 св.	XIII, 2;	XIII, 9;
28	правая	1 »	(табл. XIII, 3).	(табл. XIII, 17).
30	»	6 »	(табл. XX, 5, 6)	(табл. XX, 4, 5).
49	левая	23 св.	керамик	керамики
75	»	4 »	племен	племен,
208	таблица, графа 1	12 св.	JAW	JOW
209	» » 5	16 »	47.0	47.9
211	» » 11	3 »	2.2 (8)	2.6 (8)
215	» » 1	32 »	11. Бварикулярный	11. Биаурикулярный
240	левая	14 св.	Зазенкова.	Зезенкова.
328	правая	3 св.	XXVIII)	LXXVIII)

Ю. А. Заднепровский.

